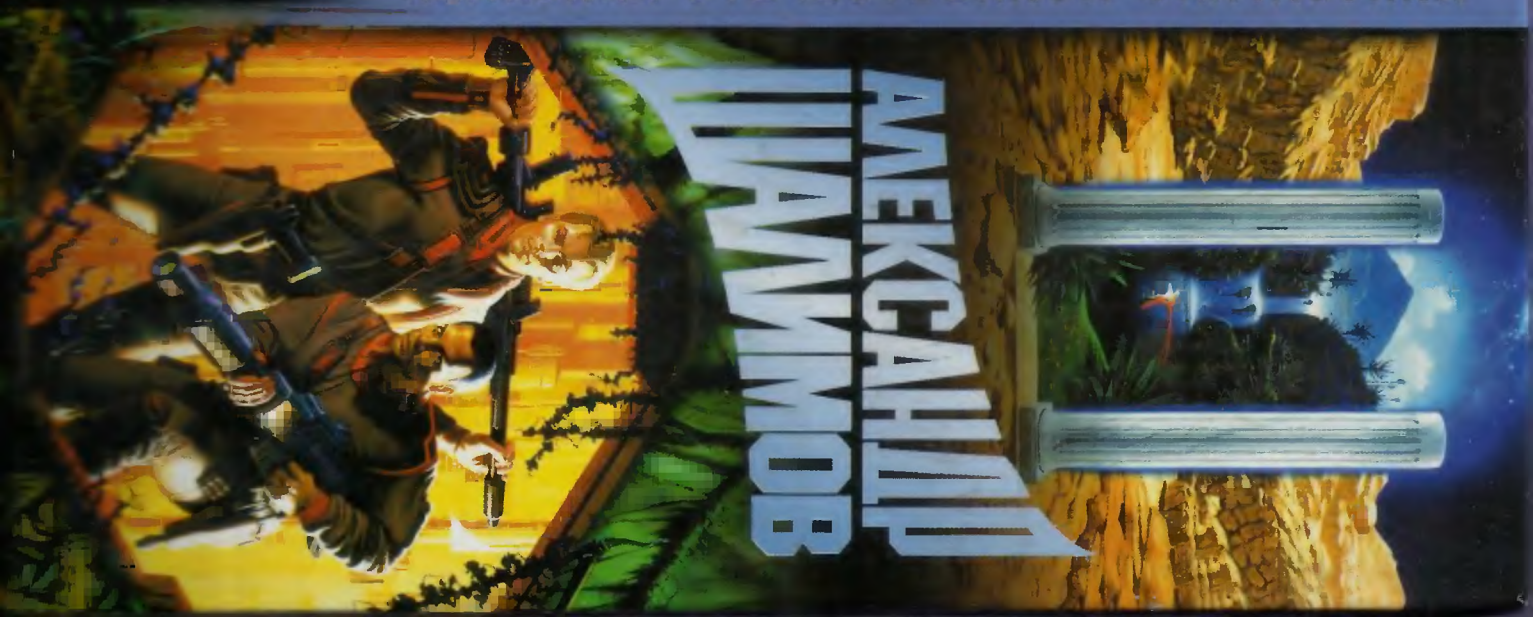
ОХОТНИКИ ЗА ДИНОЗАВРАМИ

АЛЕКСАНДР ШАЛИМОВ

ОХОТНИКИ ЗА ДИНОЗАВРАМИ

КЛАССИКА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФАНТАСТИКИ



АЛЕКСАНДР ШАЛИМОВ

КЛАССИКА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФАНТАСТИКИ

АЛЕКСАНДР ШАЛИМОВ

ОХОТНИКИ ЗА ДИНОЗАВРАМИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва
2002

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44
Ш18

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Подписано в печать 10.07.2002. Формат 84x108 1/32
Усл. печ. л. 38,64. Тираж 7 000 экз. Заказ № 2147

Оригинал-макет подготовлен издательством Terra Fantastica
(Санкт-Петербург)

Шалимов А.И.

Ш18 Охотники за динозаврами: Сб. / А.И. Шалимов. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. — 732, [4] с. — (Классика отечественной фантастики).

ISBN 5-17-015323-6

«Тайна атолла Муан», «Тайна Гремящей расщелины», «Тайна Тускарроры»... похоже, слово «тайна» вообще было любимым для Александра Шалимова (1917—1991) — геолога и географа, ученого — и, в первую очередь, известного российского писателя-фантаста. Писателя, подарившего нам «Пир Валтасара», «Охотников за динозаврами», «Тихоокеанский кратер» — и еще многие и многие произведения, ПРОНИКНУТЫЕ романтикой приключений. Книги, полные увлекательных загадок, решать которые предстоит читателю!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

© А.И. Шалимов, наследники, 2002
© ООО «Издательство АСТ», 2002

ПИР ВАЛТАСАРА

Часть первая

ЦЕЗАРЬ — НАСЛЕДНИК ЦЕЗАРЯ

Переговорный динамик на столе, молчавший со среды, неожиданно ожил. Послышалось знакомое покашливание.

— Стив?

— Я...

— Загляни-ка ко мне.

— Сейчас?

— Ну, если занят, можешь попозже... Но сегодня.

Стив бросил взгляд на часы. Четырнадцать десять. До конца работы еще два часа. «Хочет дать возможность собраться с мыслями... и с духом?.. Так сказать, проявляет гуманность... Проклятый лицемер! Тянет третий день... Хотя и так все ясно... С того момента, как шеф наложил вето на мой материал... Стадо подонков! Ни к чему тянуть эту канитель».

— Зайду сейчас?..

Получилось что-то среднее между вопросом и просьбой. Стив стиснул зубы. Не следовало торопиться... Старик расценит это как признак слабости. А он не должен казаться слабым, когда его собираются выгнать.

Из динамика послышался неясный шелест. В кабинете у Старика кто-то есть, кто-то, с кем он сейчас советуется. Может быть, сам шеф... Стив склонился к экрану. Ничего не разобрать — только шелест. Эта аппаратура, как и все в редакции «Калифорния таймс», абсолютно надежна. Обеспечивает прямую связь главного с его армией, но не подслушивание.

Динамик снова кашлянул:

— Жду через десять минут, Стив.

— О'кей!

Итак, через десять минут он — Стив Роулинг, отдавший десять лет жизни и труда «Калифорния таймс», — услышит, что его услуги владельцам газеты больше не нужны... И все только потому, что в критический момент его подвело профессиональное чутье. Азарт преследования! Хотелось проследить нить до конца. А она завела слишком далеко... На разоблачения тайн большого бизнеса хозяин «Калифорния таймс», конечно, не пойдет. Свобода печати, черт бы вас всех побрал!

Стив неторопливо поднялся. Отодвинул листки бумаги, на которых последние дни рисовал замысловатые лабиринты и голых девочек. Придав лицу возможно более безразличное выражение, вышел из своей застекленной клетки в узкий коридор. Из соседних стеклянных ячеек на него глядело множество глаз. Он физически ощущал эти взгляды. В них были любопытство, настороженность, безразличие, злорадство. Только Мэй выглядела встревоженной. Она испытующе посматривала на Стива и, когда он, проходя мимо, подмигнул ей, печально усмехнулась в ответ и подняла вверх большой палец, как всегда запачканный чернилами, — у Мэй постоянно подтекала авторучка.

Стив, насвистывая, выбрался из стеклянного лабиринта огромного зала, в котором под неусыпным оком главного корпели над очередными репортажами сотни сотрудников «Калифорния таймс». Пока Стив был одним из них. Он на мгновение задержался перед ступеньками, ведущими в кабинет Старика. Когда через несколько минут он спустится по этим ступенькам... Он печально усмехнулся. Каждый, кто сидит сейчас в огромном, разделенном на стеклянные клетки зале, рано или поздно должен будет пройти через то же самое, что предстоит ему. Он резко распахнул дверь.

Секретарша главного — мисс Перш — сверкнула из-за своего стола сиреневыми стеклами больших очков и, скривив ярко накрашенные губы подобием улыбки, молча кивнула в сторону двери, ведущей в кабинет Старика.

Через десять минут Стив вышел обратно. Он снова задержался на ступеньках, ведущих в зал. Теперь на Стива были устремлены сотни глаз из всех стеклянных клеток, расположенных внизу. Однако его худое, темное от загара лицо оста-

валось непроницаемым. Из-за его плеча поблескивали сиреневые очки мисс Перш. Секретарша что-то говорила, и Стив небрежно кивал, не оборачиваясь. Потом он неторопливо спустился в зал и, насвистывая, направился к своему месту. Проходя мимо клетки Мэй, он опять подмигнул девушке и в ответ на ее тревожный, вопросительный взгляд процедил сквозь зубы, но так, чтобы услышали в соседних ячейках:

— Завтра лечу в Акапулько. Ответственное задание...

И по притихшему залу пронеслось как вздох:

— Остается... Акапулько... Ответственное задание... Остается... Ответственное задание...

Вечером того же дня в маленьком кафе на Приморском бульваре Санта-Моники Стив говорил Мэй:

— Понимаешь, дорогая, даже не знаю, как все это расценить... Желание ли дать мне последний шанс, или расчет на то, что у меня ничего не получится, и уж после этого выгнать на законном основании. Может, шеф опасается скандала, если уволит меня сейчас?.. К сожалению, оригиналы документов остались у него. Теперь он их из рук не выпустит, если уже не уничтожил...

Мэй, дожевывая пирожное, несмело возразила:

— Едва ли он решится, Стив. Он должен предполагать, что у тебя есть копии...

— Копии почти ничего не значат, дорогая... Хотя... — Стив задумался. — Как бы не получилось, что эта поездка снова выведет на тропу ОТРАГа... Ты запомни это слово, Мэй, — ОТРАГ... Весьма странная западногерманская компания. На ее американских связях я и погорел... Обязательно сохрани копии... до моего возвращения.

— Разумеется, Стив. В воскресенье отвезу их на ранчо матери.

— Да, пожалуй, так будет лучше.

— Послушай, Стив... — Она снова принялась за пирожное. — Твое новое задание... Что он за человек — этот Цезарь Фигуранкайн?

— Загадочная личность...

Стив протянул Мэй сигареты, но она отрицательно тряхнула головой. Тогда он закурил сам, глубоко затянулся и устремил взгляд в открытое окно, возле которого они сидели. За окном угасал закат. Небо и полосы облаков у горизонта еще отливали красновато-оранжевой медью, но океан уже

потемнел и казался свинцовым. С берега доносился тяжелый гул наката...

— Цезарь Фигуранкайн — загадочная личность,— задумчиво повторил Стив.— Один из богатейших людей Америки. Может быть, самый богатый... Мультимиллионер, но никто не знает точно, сколько он стоит и даже как выглядит. Иногда снисходит до интервью, но дает их в слабоосвещенных помещениях, где его фигура и лицо почти неразличимы. Год назад Роберт Смит — из бостонской газеты — попытался во время интервью снять его в инфракрасном свете. Там оказались какие-то хитрые детекторы, и проделка Роберта обнаружилась. Он отделался сравнительно легко — сломанным ребром. Подал в суд на охранников Фигуранкайна, но, разумеется, впустую. Вдобавок сам заплатил штраф за попытку обмануть. После этого, насколько мне известно, Фигуранкайн не встречался с представителями прессы. Завтра он прилетает в Акапулько. Я должен любым способом повидать его и взять интервью... Вот так... Роберт говорил, что Фигуранкайн — вздорный старикашка, от которого воняет обезьяньей мочой, ревностный католик и ненавидит коммунистов...

Мэй медленно помешивала маленькой серебряной ложечкой кофе. Спросила совсем тихо:

— Сколько же времени он пробудет в Акапулько, Стив?

— Задай вопрос полегче, дорогая. Фигуранкайн никогда не афиширует своих намерений. Может прожить и месяц в одном из самых фешенебельных отелей Акапулько, а может исчезнуть завтра же.

Она печально улыбнулась:

— Ничего себе задачка. Но я понимаю нашего шефа. Никому, кроме тебя, такое не под силу.

— Спасибо, Мэй, но... прозвучало это почти как некролог.

Она испугалась:

— Ой, что ты говоришь! Какие вещи! Сейчас же постучи по дереву. Ну пожалуйста, постучи, Стив.

Он рассмеялся:

— Поблизости нет ничего деревянного. Металл и пластик...

— Есть! Вот.

Она схватила его руку и постучала ею о поручень кресла.

Он продолжал смеяться:

— Не уверен, что это настоящее дерево. А впрочем, какая разница. Важно верить... Не так ли?

— Конечно... Верить и не сомневаться...

Мэй отпустила его руку и сосредоточила внимание на пирожных. Покончив еще с одним, она отхлебнула кофе и взглянула на Стива:

— О чем же тебе предстоит спрашивать твоего мультимиллионера?

— Старик подкинул целый список вопросов. Обычная чепуха. Но в нее вкраплены две зацепки. Первая — намерения Фигуранкайна в связи с его последней покупкой. Он недавно приобрел у правительства Бразилии около ста тысяч квадратных километров амазонской сельвы близ границы с Венесуэлой. Совершенно нетронутые места, недоступные, неизученные и, по-видимому, почти безлюдные. Покупка загадочная, учитывая ее немалую стоимость. И вторая — какой-то не менее загадочный исследовательский центр или полигон в Африке. Работы там финансируются Фигуранкайном. Именно оттуда, по словам Старика, Фигуранкайн прибывает завтра в Акапулько.

— Конечно, тебе придется нелегко, милый, — сказала Мэй очень серьезно, — но я от всего сердца желаю тебе успеха.

— Спасибо...

Стив подозвал официанта и расплатился.

Они вышли в прохладный сумрак бульвара. Мэй поежилась, кутаясь в легкий плащик.

— В Акапулько сейчас приятнее, — сказала она жалобно.

Стив молча взял ее под руку и провел за угол к своей машине:

— Ко мне?

— Лучше отвези меня домой, Стив.

— О'кей.

Резко взяв с места, «форд» круто развернулся у перекрестка и вклинился в поток машин, медленно плывущих к центру по бульвару Санта-Моники.

Ехали молча. Стив напряженно думал о чем-то, покусывая губы. Мэй пыталась привести в порядок волосы, растрепанные ветром; из-под поднятого локтя поглядывала встревоженно на посуровевшее лицо Стива. Машин на бульваре становилось все больше.

— Ну-ну, драгоценный город, — пробормотал Стив, когда пришлось затормозить у очередного светофора. — Даже вечером ползешь, как муха в джеме.

— И все-таки он хорош, наш Лос-Андж, — шепнула Мэй, прижимаясь головой к плечу Стива, — люблю его, Стив. Очень... Даже его бестолковую планировку, пробки на автострадах, его смог и... неспокойную землю... Кажется, не могла бы жить в другом городе. А ты разве не любишь его? Ну, скажи...

— Отчасти, — проворчал Стив, трогаясь с места.

За Китайским театром они выбрались из потока машин и поехали быстрее. Потом Стив свернул с бульвара и углубился в плохо освещенные кварталы Лаурел-каньон, где жила Мэй. Улицы становились все круче; наконец, «фордик» Стива одолел последний подъем и на Юкка-авеню резко затормозил у одного из подъездов большого высотного дома. Здесь на двенадцатом этаже находилась маленькая квартирка Мэй.

— Я зайду?.. — полувопросительно бросил Стив, помогая Мэй выбраться из машины.

— Как хочешь, но... Сегодня табу, милый... И кроме того, тебе еще надо собраться...

— Ладно, — сказал он, приглаживая волосы. — Тогда до завтра, до утра. Я заеду за тобой в семь. А потом прямо из аэропорта ты отведешь машину в мастерскую папы Джулиано. Он обещал все сделать до моего возвращения.

— И я смогу потом воспользоваться ею?

— Конечно, как только он кончит ремонт.

— До завтра, Стив, — шепнула Мэй, приподнимаясь на носки, чтобы поцеловать его.

Он поднял ее, как ребенка, и крепко прижал к себе.

— Спокойной ночи, дорогая. И смотри не вздумай тут кокетничать с кем-нибудь, пока буду в Мексике.

— Стив! Какие вещи! Ты же знаешь...

— Шучу, конечно. Ну беги, — сказал он, опуская ее на землю. — Беги, — повторил, легонько шлепнув ее на прощание.

Дождавшись, когда окна в квартире Мэй осветились, Стив захлопнул дверцу машины и поехал вниз, к сверкающей россыпи огней центра.

Очутившись дома, Стив прежде всего решил соорудить хороший коктейль. Подумав немного, остановился на рецепте «бельмонте», но оказалось, что в баре нет гренадина. Заменять чем-нибудь гренадин было рискованно, и Стив ограничился тем, что смешал лимонный сок с шоколадным ликером, насы-

пал льда и долил рома. Добавив еще мятной настойки, он попробовал получившуюся смесь, кивнул одобрительно и снял телефонную трубку. Аппарат Бена в его мастерской на студии «Универсум фильм» не отвечал. Отсутствие Бена было неожиданным и нарушало все планы... Стив решил на всякий случай позвонить домой. На этот раз телефон отозвался хриплым голосом Бена:

— Слушаю, гм...

— Это Стив Роулинг, Бен. Срочно нужна твоя помощь.

— Привет! Ты знаешь, сколько сейчас времени?

— Еще не очень поздно, старина. Как мы договорились, я позвонил тебе в студию, но...

— Сегодня пришлось уехать раньше... Гм... Я, понимаешь, заболел.

— Понимаю. Температура?

— Катись ты к черту. Неужели непонятно?

— Конечно, понятно. В трубку чувствую, сколько ты сегодня выпил. Ну вот что, ты еще можешь вести машину?

— Не знаю...

— Значит, можешь. Поезжай сейчас же к себе на студию и добудь из вашей костюмерной полную экипировку кардинала — сутану, шляпу, распятие на цепочке — словом, все, что полагается. И привези мне домой.

В трубке стало очень тихо.

— Ты меня понял, Бен? — спросил Стив, отхлебывая коктейль.

— Ты... сегодня тоже напился? — осторожно поинтересовался Бен и тяжело вздохнул.

— Нет, я трезв и говорю вполне серьезно.

— А не издеваешься надо мной? — попробовал уточнить Бен.

— Нисколько...

— Тогда объясни, бога ради...

— Все объясню, когда приедешь.

— Это ужасно, Стив, голова раскалывается. А ты не мог бы...

— Нет, не мог бы. Мне еще надо собраться. В восемь утра у меня самолет.

— Это ужасно, — повторил Бен. — Черт бы тебя побрал с твоими затеями. Какой ты сейчас носишь размер костюма?

— Шестнадцатый.

— Рост я знаю,— простонал в трубку Бен.— Еще скажи вот что...

— Ну что?

— Нет... Ничего... Я... забыл... Ну неважно. Подгоним на месте.

— Значит, жду... И захвати где-нибудь по дороге гренадина. У меня кончился.

— Гренадина?

— Именно. Для коктейля. Угощу тебя таким «бельмонте»! До моего возвращения не забудешь.

— Ладно. Подожди-ка... Я все-таки запишу. Гре-на-дин. А сколько?

— Сколько достанешь. Конечно, не бочонок.

— Ладно! Пошел одеваться...

— Давай.

Стив положил трубку и взялся было за коктейль, но зазвонил телефон.

— Стив?

— Я.

— Забыл спросить. Тебе парадное облачение или обычное?

— Я не собираюсь служить мессу. Обычное.

— Понимаешь, Стив... Не принято, чтобы кардинал появлялся в одиночестве. С тобой обязательно кто-нибудь должен быть из твоей свиты. Я захвачу еще одну сутану — черную — на всякий случай. Найдешь там себе ассистента.

— Ладно, давай. Только поторапливайся.

Бен явился через полтора часа. Ввалившись в квартиру Стива, он швырнул на пол в передней большой старый чемодан и в изнеможении опустился на него.

— Стив!

— Ну?

Бен постучал указательным пальцем по крышке чемодана:

— Тут... Все в порядке.

— Я не сомневался, старина.

— Если бы ты знал, чего мне это стоило.

— Догадываюсь, поэтому моя благодарность превышает твою самоотверженность. И гренадин привез?

Бен подмигнул и снова постучал пальцем по чемодану.

— Давай.

— Облачение или... гренадин?

— Гренадин, конечно.

Бен сполз с чемодана и, присев на корточки, принялся открывать замки. Они не поддавались.

— Помочь? — спросил Стив, присаживаясь рядом,

— Нет, я сам, — прохрипел Бен и, поднатужившись, одолел сначала один замок, потом другой и откинул крышку чемодана.

Стив с любопытством заглянул внутрь. Сверху лежало что-то черное, похожее на халат.

— Это твоему помощнику, — сказал Бен, выбрасывая черный сверток прямо на пол. — Остальное — его преосвященству кардиналу... Роулингу? — он захохотал и, запустив руку в чемодан, перетряхнул красный шелк и накрахмаленные белые кружева. — Примерим, ваше преосвященство?

— Чуть позже, — возразил Стив. — Гренадин где?

Бен запустил руку на самое дно чемодана и, пошарив там, извлек плоскую стеклянную флягу. Осмотрев ее, он сокрушенно покачал головой:

— Пустила, сволочь. Не могли закрыть как следует...

— Ладно, давай, — сказал Стив. — И приходи в кабинет. Коктейль будет через три минуты. После поговорим.

— Мне домой надо, — жалобно сказал Бен. — Хотел еще поспать — завтра с утра работы невпроворот. Снимаем новый вестерн. Потрясающий шедевр, Стив...

— Можешь ночевать здесь. Надо поговорить... кое о чем.

— Невозможный ты человек, Стив, — простонал Бен, с трудом поднимаясь и отпихивая ногой раскрытый чемодан.

Стив удалился в кухню. Бен с сомнением оглядел руки. Одну облизнул, другую вытер о ковбойские джинсы, которые только начинали входить в моду. Сомнения, видимо, не покидали его. Бен снова присел на корточки и осторожно приподнял двумя пальцами кардинальское облачение. Глаза его расширились, потому что на дне чемодана оказалась большая лужа густой темно-красной жидкости. Бен торопливо извлек из чемодана все содержимое и, развесив на вешалке, прямо в прихожей принялся оттирать носовым платком темные пятна на красной шелковой ткани.

«Еще, чего доброго, вообразит, что кровь», — мелькнуло у него в голове. Он поспешно закрыл чемодан, отодвинул в угол и отправился в ванную — мыть руки.

Они устроились на ковре возле низкого журнального столика и проговорили до двух часов ночи. В план Стива Бен

внес несколько существенных исправлений, которые Стив вынужден был принять. Потом примерили кардинальское облачение, и Бен объявил, что Стиву оно очень к лицу.

— Тебе следовало идти в кардиналы, — добавил он, придирчиво оглядывая пурпурно-красное одеяние Стива. — Пальчики оближешь, что за кардинал получился. А ты журналистом стал! Несолидно... И деньги не те... Между прочим, готов устроить тебе протекцию: «Универсум фильм» пригласит тебя на роль кардинала, когда будем снимать что-нибудь божественное.

— Подумаю, — кивнул Стив, осматривая себя в зеркало. — Особенно, если выгонят из «Калифорния таймс».

— Тебя не выгонят, — возразил Бен. — Ты им нужен. И еще о-го-го как...

— Посмотрим, какой из тебя пророк.

— А это не пророчество, это прогноз. Прогнозы теперь входят в моду, Стив. Как мои ковбойские штаны. Вот увидишь, через год-другой все человечество их натянет. И тогда Бен Джонс станет миллионером, потому что именно он придумал их для ковбоев «Универсум фильм».

— Искренне желаю тебе, Бен, поскорее стать миллионером, хотя бы с помощью штанов, — очень серьезно сказал Стив. — Ну что, можно разоблачаться?

— Подожди минуту. Еще закреплю складки на накидке. Вот так... Молодые мексиканки будут за тобой толпами бегать, — добавил он, поворачивая Стива так, чтобы тот не заметил в зеркале темных пятен на полах сутаны. Затем Бен собственноручно свернул кардинальское облачение и аккуратно уложил на самое дно в чемодане Стива. Они уточнили последние детали плана, и Стив отправился в кухню приготовить еще один коктейль. Когда он возвратился, Бен уже крепко спал, уткнувшись в угол дивана.

Стив решил не тревожить его. Накрыл пледом и, погасив в кабинете свет, вышел на балкон. Ущербная луна висела на востоке над далекими возвышенностями. Город еще не спал. С ярко освещенных магистралей центра доносился шорох автомобильных шин. Вспыхивали и пригасали разноцветные неоновые огни. Из ресторана на крыше отеля «Билтмор» донесились звуки джаза. Где-то пролаяла полицейская сирена и стихла в отдалении.

Стив отхлебнул коктейль и задумался... Мэй сказала, что любит этот город... Стив его сейчас почти ненавидел. Но чтобы вырваться и обрести настоящую свободу, нужны были деньги... Много денег... А у них с Мэй денег не было.

Поднявшись по трапу самолета, Стив оглянулся. Тоненькая фигурка Мэй маячила у выхода. Стив помахал ей и, наклонив голову, прошел в салон. Место было у окна, и, уже устроившись в кресле, он все еще видел светлый плащ Мэй у невысокого барьера, преграждавшего выход на летное поле. Потом самолет вырулил на старт, и через несколько минут дымное марево Лос-Анджелеса, вместе с островами небоскребов, пальмами, «Калифорния таймс», Мэй, Беном и тревогами последних дней, растаяло где-то позади. Справа поблескивал в лучах низкого утреннего солнца серовато-синий простор Тихого океана. Слева в разрывах облаков проплывали желтоватые нагорья Калифорнии, исчерченные нитями дорог. Впереди была Мексика, где Стиву предстояло решать нелегкую задачу...

Решить ее он должен так, чтобы и шеф, и Старик поняли раз и навсегда, какого человека они могли потерять. А уж после этого можно будет выдвинуть свои требования. И тогда посмотрим...

Но прежде всего следовало выспаться. Посадка в Мехико через три часа. Времени у него достаточно. В Акапулько он должен прилететь со свежей головой. Наклонив спинку кресла, Стив откинулся на сиденье и почти мгновенно заснул. Когда он проснулся, самолет шел на посадку над самым центром огромного города. Приглядевшись, Стив различил зеленую длинную ленту Пасео де ла Реформа, пересекавшую по диагонали весь город, монумент Независимости, беломраморный Дворец искусств, громаду кафедрального собора у широкой прямоугольной площади Соколо, где, по преданию, некогда находился дворец Монтесумы... Мозаика крыш мелькала все ближе. Через несколько минут самолет приземлился в аэропорту Мехико. Теперь оставался всего час полета до Акапулько.

Ступив на залитый ярким солнцем бетон в аэропорту мексиканской столицы, Стив даже и не подозревал», что, пока он спал в самолете, в мире произошли события, последствия которых никто не рискнул бы теперь прогнозировать. События, водоворот которых властно увлечет и его — Стива Роулинга.

События, которые заставят разорвать привычные связи, разделят его с Мэй, с друзьями, поставят перед необходимостью сделать не один решающий выбор. В те самые утренние часы, когда Стив так сладко спал в самолете, в городе Далласе прозвучали роковые выстрелы, и Америка потеряла своего очередного президента. Радиоволны уже разносили ошеломляющее известие по планете; захлебываясь, стучали телетайпы, но в аэропорту Мехико еще никто не знал об этом. Здесь все были взволнованы иным происшествием...

Присев в тени под ярким полосатым тентом, Стив потягивал сквозь соломинку ледяную кока-колу и ждал посадки в Акапулько. Посадку почему-то не объявляли. Вскоре по нервным репликам служащих аэропорта Стив догадался: что-то случилось... И по-видимому, что-то серьезное...

Стив попытался спросить одного, другого... Служащие аэропорта отмалчивались; однако Стив умел разговорить кого угодно. Через несколько минут молодой мексиканский летчик объяснил Стиву, что на трассе Мехико — Акапулько только что потерпел аварию частный самолет, стартовавший отсюда полчаса назад.

— В такую погоду? — изумился Стив. — Чего ради?

— Да пока непонятно, — развел руками летчик, глядя на Стива широко раскрытыми выпуклыми глазами. — Но скоро все выяснится. Туда уже вылетели вертолеты спасательной службы.

— А уцелел кто-нибудь?

Летчик печально усмехнулся:

— Маловероятно, сеньор. Там горы. Посадка невозможна.

— Почему все-таки такой переполох? Небольшой частный самолет. Что особенного? Жертв немного.

— Не совсем, сеньор. Это «боинг» — новейшей конструкции.

— Частный «боинг»?

— Бывает и такое, сеньор. Но, простите, я должен идти.

«Чепуха какая-то, — подумал Стив. — Что-то он путает. Надо бы уточнить...»

По радио объявили, что будет передано экстренное сообщение. Стив начал прислушиваться, но из динамиков доносилось только бульканье.

Появилась молоденькая стюардесса с испуганными глазами. Заикаясь, она пригласила пассажиров, следующих до Акапулько, в самолет.

Стив выбрался из-под тента и вместе с группой пассажиров неторопливо направился к самолету, который стоял возле здания аэровокзала.

Ступив на трап, Стив услышал, как динамики заговорили все сразу. Но к зданию аэровокзала уже приближался еще один самолет с работающими двигателями, и ничего нельзя было разобрать. Чуть позже в окно самолета стало видно, как к динамикам со всех сторон бежали люди и собирались большими группами.

«Пожалуй, только в Мексике возможно подобное», — с раздражением подумал Стив. Однако профессиональное любопытство заставило его спросить у стюардессы, что происходит в аэропорту.

— О, сеньор, — ответила девушка дрожащим от волнения голосом. — Только что передали по радио страшную новость. Убит президент Кеннеди.

— Быть не может, — вырвалось у Стива.

— Вот, все так говорят, — кивнула стюардесса, — но, кажется, это правда...

— Можно попросить командира корабля?

— Как только самолет наберет высоту, сеньор.

Спустя несколько минут командир лайнера — широкоплечий плотный мексиканец с темно-коричневым лицом и проседью в курчавых волосах — подтвердил слова стюардессы:

— Радиостанции уже несколько минут на все лады твердят об этом. Машину президента обстреляли в Далласе какие-то снайперы. Все, кто ехал в машине, убиты.

— Кто именно, кроме президента?

— Все. А кто точно, не знаю... Вы американец?

— Да.

— Примите мое соболезнование, сеньор.

— Но может, это сообщение — глупая выходка какого-нибудь шутника, — сомневался ошеломленный Стив. — У нас в стране все возможно. Создали же однажды дикую панику, сообщив о высадке марсиан...

— Сегодня не первое апреля, сеньор, — неодобрительно покачал головой командир и удалился, явно задетый недоверием пассажира.

«Нет, быть не может, — билась мысль в голове Стива. — Невозможно такое... А впрочем, почему невозможно? Ведь

Кеннеди не первый, кого ухлопали на этом посту. Случалось раньше, почему не могло произойти сегодня? Оружие продают кому угодно. Покупай, стреляй. Мало ли на свете безумцев? А с другой стороны, куда смотрела охрана, полиция, власти Далласа? Правда, это юг, где Кеннеди недолюбливали... Нет, все равно, не умещается в голове...»

Когда самолет приземлился в Акапулько, у Стива создалось впечатление, что в аэропорту все заняты только обсуждением сенсационного убийства. Служащих на месте не было. Багажа пришлось дожидаться бесконечно долго.

Стив рассеянно бродил по полупустому залу, потом присел возле закрытого киоска с сувенирами. Рядом лысый круглоголовый толстяк в костюме из дорогого серого твида пытался дозвониться по телефону в Нью-Йорк. Он нервничал, бранился в трубку, снова и снова требовал соединить его с мистером Пэнки. Ничего не добившись, толстяк в изнеможении присел рядом со Стивом и, поставив на пол желтый кожаный портфель, принялся вытирать шею и побагровевшее лицо клетчатым носовым платком.

Глянув подозрительно на Стива, он что-то спросил у него. Стив не расслышал вопроса и отрицательно покачал головой. Толстяк повторил вопрос по-немецки. Оказывается, его интересовало, где в этом проклятом аэропорту есть какой-нибудь порядочный телефон, с которого можно нормально дозвониться до Нью-Йорка. Стив понятия не имел, где искать такой телефон, а вдаваться в разговор со словоохотливым собеседником ему сейчас совсем не хотелось, поэтому он ножал плечами и, буркнув по-испански: «Не понимаю», отвернулся.

Толстяк окинул его презрительным взглядом, пробормотал что-то про «мексиканских ослов» и снова устремился к телефону, не забыв прихватить с собой портфель.

Набрав длинную серию цифр, толстяк опять принялся вызывать мистера Пэнки. Стив прикрыл глаза ладонью, стараясь не слушать назойливый монолог круглоголового. Багажа все не было, и пассажиры, прилетевшие вместе со Стивом, потеряв терпение, разбрелись по кафе и барам. Зал совсем опустел. В нем оставались лишь толстяк в сером костюме, не отступавший от телефона, и Стив на скамейке у киоска. Наконец, после многих попыток, толстяку удалось соединиться с мистером Пэнки. Удостоверившись, что на конце провода находится имен-

но тот, кто был ему нужен, толстяк окинул тревожным взглядом опустевший зал и, снизив немного голос, снова перешел на немецкий язык. Этот переход удивил Стива, и он невольно начал прислушиваться к разговору.

— Да-да, это я — Крукс,— твердил круглоголовый.— Феликс Крукс. Я должен был встретить его здесь... Вы поняли, мистер Пэнки? Да, Крукс, говорю я, черт побери... Из Акапулько, откуда же еще... Нет, конечно, не встретил... Так вы еще ничего не знаете, Пэнки!.. О боже!.. Я совсем не об этом... Ну при чем тут Кеннеди!.. Пэнки, поймите вы, черт побери, произошла вещь еще более серьезная... Нет... Не прилетел и никогда больше никуда не прилетит... Разбился полтора часа назад... Все погибли, все... О боже! Я говорю не о Кеннеди... Фигуранкайн разбился... Цезарь Фигуранкайн, вы меня поняли наконец? То, что от него осталось, привезут в Акапулько... или в Мехико... Сегодня вечером, вероятно... Или завтра... Что такое?.. Не сообщать никому?.. Через несколько часов и так все станет известно... Хорошо... Буду ждать... Звоню из аэропорта... Нет... Никого нет. Один какой-то олух сидит в зале... Ничего не понимает, ни по-английски, ни по-немецки... Да, убежден... Пытался разговаривать с ним... Хорошо... Вечером буду ждать вас... Апартаменты для него были резервированы в «Континентале». Хорошо, буду держать их до вашего приезда. До вечера, Пэнки.

Толстяк бросил трубку, тяжело вздохнул и, осмотревшись по сторонам, вновь возвратился к скамье, на которой продолжал сидеть Стив. Присев на край скамьи, он бросил подозрительный взгляд на Стива, потом извлек из бокового кармана пиджака записную книжечку, оправленную в кожу, и принялся что-то записывать массивной авторучкой с золотым пером.

«"Паркер",— отметил про себя Стив,— последняя модель. Стоит не меньше ста долларов».

Толстяк кончил записывать и снова глянул на Стива. Что-то его, видимо, тревожило. Он ерзал на скамейке, тяжело вздыхал, но не уходил. «Хочет заговорить»,— решил Стив и сделал движение, чтобы подняться.

— Вы местный? — быстро спросил по-испански толстяк.

— Не совсем,— растягивая слова, лениво протянул Стив.— Я с Юкатана. А что угодно сеньору?

— Нет-нет, благодарю. Я думал, вы местный. Вы этого знать не можете... Вы только что прилетели?

— Недавно прилетел. А теперь жду родственника. Он уже должен был быть здесь, но самолет задержался.

— В Штатах?

— Нет, по пути из Бразилии.

— А, вот что! Он, значит, живет в Бразилии.

— О нет. Он был там по делам. Он — духовное лицо. А постоянно живет в Ватикане.

— В Ватикане? — поднял брови круглоголовый. — Вот как! А можно узнать, с кем имею честь?

— Меня зовут Хорхе де Эспиноза, — сказал Стив. — У моей тетки ранчо в Центральном Юкатане. Я немного помогаю ей вести хозяйство. А сегодня я встречаю тут своего родного брата, кардинала Карлоса де Эспинозу.

Толстяк онемел от удивления. Рот его раскрылся, и глаза стали совсем масляными.

— Так вы, значит... родной брат... его преосвященства, сеньор Эспиноза, — произнес он наконец, запинаясь, — очень, очень приятно. Меня зовут Феликс Крукс, адвокат Феликс Крукс из Нью-Йорка — вот моя карточка, пожалуйста. Если будете в Нью-Йорке, прошу. Наша адвокатская контора достаточно известна.

— Благодарю, — сказал Стив, небрежно сунув в карман визитку Крукса. — К сожалению, у меня нет при себе визитных карточек, но я...

— Не тревожьтесь, сеньор Эспиноза. Я не забуду ни вашего имени, ни имени его преосвященства.

— А вам приходилось когда-нибудь встречаться с моим братом?

— К сожалению, нет, сеньор Эспиноза. У нашей конторы нет прямых связей с Ватиканом. Мы занимаемся несколько иными делами... Но если бы вдруг представилась оказия, был бы безмерно счастлив, если бы вы смогли представить меня его преосвященству. Вся наша семья — ревностные католики, сеньор Эспиноза... даже мои дети...

— Поздравляю вас, сеньор Крукс, — вежливо сказал Стив. — Такое сейчас встречается не часто, не правда ли? Нынешняя молодежь...

— Да-да, — подхватил Крукс, — это ужасно. Нравственность катится в бездну... Только церковь еще могла бы остановить это падение...

— А еще сила... Жестокая сила, способная обуздать нынешнее развращенное общество, — добавил Стив и заговорщически подмигнул Круксу.

Адвокат вперил в Стива проницательный взгляд:

— Вы, конечно, дворянин, сеньор Эспиноза?

— Мы — потомки древнейшего испанского рода. Одна из побочных линий герцогов Эспиноза. К несчастью, прямых потомков герцога уже не осталось, а боковые линии измельчали и обеднели. Как мы, например.

— Но теперь ваш брат...

— Ошибаетесь, сударь. Он фанатик идеи и совсем не делец. Римским папой он еще сможет стать, а вот приумножить богатства своего древнего рода... едва ли. Мы все — семейство Эспиноза — слишком честны и горды для этого.

— Понимаю, — скептически произнес Крукс. — А его преосвященство прибывает в Мексику с официальным визитом или приватно?

— Совершенно приватно, сударь. Дело в том, что наша тетка тяжело больна и мой брат хотел бы... повидать ее в последний раз и, быть может, подготовить... Я собираюсь сразу же увезти его в Мериду.

— Но день-два вы здесь все-таки задержитесь? — забеспокоился Крукс.

— Не знаю, это будет зависеть от его преосвященства.

— Уговорите его. Акапулько заслуживает того, чтобы побыть тут хотя бы немного. Здесь превосходные отели. Настоятельно рекомендую «Континенталь». Только что отстроен. Комфорт высшего ранга.

— Я скажу брату...

— А тетка может и подождать. Не так ли? Надеюсь, мы с вами еще встретимся в «Континентале», сеньор Эспиноза.

— Не обещаю наверняка, но был бы рад, сеньор Крукс.

— К сожалению, меня ждут дела, сеньор Эспиноза. Поэтому вынужден откланяться. Рад был познакомиться. Если сочтете возможным рассказать обо мне вашему брату, добавьте, что преданный слуга католической церкви Феликс Крукс был бы безмерно счастлив получить благословение его преосвященства.

— Не сомневайтесь, сеньор. И позвольте на прощание выразить вам мое глубочайшее соболезнование. Ваш уважаемый президент...

— Да-да, это ужасно. Невообразимо ужасно,— вскричал Крукс.— Как католик и истинный американец, я... я совершенно раздавлен этой трагедией... я... О ради бога, простите меня, сеньор Эспиноза... У меня нет слов...

Он прикрыл глаза клетчатым платком, подхватил кожаный портфель и, не отнимая платка от глаз, вышел из зала с высоко поднятой головой.

Багажа все еще не было видно, и Стив решил, что настало время действовать. Он подошел к телефону и набрал код Лос-Анджелеса, а затем номер телефона Старика в редакции «Калифорния таймс». Соединиться удалось, но ответила мисс Перш:

— Главный редактор занят, позвоните через час.

— Немедленно дайте ему трубку,— зарычал Стив.— Вы поняли, кто звонит? Сообщение чрезвычайной важности.

— Мы уже всё знаем, Стив,— упиралась мисс Перш.— У шефа важное совещание... Позвоните...

— Слушайте, у Старика будет удар, если мое сообщение опоздает. Немедленно его к телефону.

— Ну, я не знаю,— обиженно сказала мисс Перш.— Подождите немного...

В трубке послышался шорох, потом знакомое покашливание.

— Это ты, Стив?

— Я... Звоню из аэропорта Акапулько.

— Ну и что?

— Наш с вами подопечный погиб в авиакатастрофе час сорок минут назад. По пути сюда, в горах недалеко от Акапулько...

В трубке стало очень тихо.

— Вы поняли, шеф?

— Кажется, да... Но ты уверен, что ты в своем уме?

— Вполне... Подробности вечером.

— Значит, надежно?

— Сто процентов надежности. Пока это пытаются сохранить в тайне, тем более что пресса занята другим. Думаю, к вечеру местные газетчики пронюхают.

— Стив, я дам информацию в вечернем выпуске. Но ты, конечно, понимаешь?..

— Понимаю. Премию переведете завтра в Акапулько, отель «Континенталь».

— Ладно. Посмотрим... Буду ждать твоих вечерних сообщений. Действуй.

Стив положил трубку и подумал, что стоило бы позвонить и Мэй, но в этот момент зашелестела лента багажного транспортера и первым на ней появился чемодан Стива.

Подхватив чемодан, Стив вышел на залитую горячим полуденным солнцем площадь. Тотчас подкатило старинное такси-кэб. Стив сунул чемодан шоферу-мулату и велел везти себя в «Континенталь». Теперь можно было и оглядеться...

Путь в город занял почти час. На узком и извилистом прибрежном шоссе, которое круто петляло по гранитным скалам высоко над океаном, движение было оживленным, и шофер ехал медленно. Перед спуском в город попали в «джем». Длинная вереница автомашин спускалась по серпантинам шоссе со скоростью не более пятнадцати миль. Зато город был виден отсюда превосходно. Он живописно раскинулся у подножия крутых розоватых склонов, на которых среди зелени вековых сосен темнели уступы гранитных скал. Внизу у побережья все тонуло в яркой тропической зелени; сквозь нее просвечивали разноцветные крыши домов и пунктиры улиц. У самого берега, окаймляя причудливые фиолетово-голубые бухты, теснились многоэтажные белые башни отелей с бассейнами на плоских крышах. Зеркально спокойную воду бухт разрезали яхты с косыми разноцветными парусами.

Горячий влажный воздух, упруго текущий из-под приподнятого ветрового стекла машины, нес запахи хвои, камфоры, жареного мяса, пьянящий аромат каких-то трав. Наконец втиснулись в город — в душную тень лаурелий, бугенвиллий, эвкалиптов, пальм. Вдоль улиц под сенью густых крон простирались пестрые ковры цветников, среди которых расплескивали струи небольшие фонтаны. Улицы в этот знойный полуденный час были почти пустынны, зато пляжи по берегам голубых бухт роились шумными скоплениями загорелых, полуобнаженных тел.

Прохладный низкий холл «Континенталя» подавлял своим монументальным великолепием. Мраморные пол и стены, огромные зеркала в позолоченных рамах, бронза, дорогие ковры, сафьяновые диваны, пуфы и кресла, низкие столики, инкрустированные разноцветными камнями и слоновой костью.

В глубине — большой бар, призывно сверкающий хрусталем и кофейными автоматами.

Стив потребовал апартаменты-люкс (пускай-ка шеф раскошелится!) где-нибудь повыше, с видом на море и город. Предупредил, что с часу на час к нему должны прилететь друзья — сеньор Хорхе де Эспиноза с братом — его преосвященством кардиналом Карлосом де Эспинозой; пусть их тотчас же проведут к нему, даже и в его отсутствие. Если Хорхе де Эспинозу будет разыскивать нью-йоркский адвокат господин Феликс Крукс — доверенное лицо мистера Цезаря Фигуранкайна (портье почтительно склонил седую голову), пусть позвонит после девяти вечера. Сам Стив представился под своим настоящим именем, как австралийский скотопромышленник Роулинг.

Гватемальский паспорт на имя Хорхе де Эспинозы — покойного брата его покойной матери — Стив решил пока оставить в резерве. В сопровождении огромного черного боя, который завладел чемоданом и портфелем Стива, австралийский скотопромышленник Роулинг прошествовал в лифт. Через несколько секунд лифт вознес его на двадцать шестой этаж «Континенталя». Отпустив посыльного, Стив наконец остался наедине с самим собой в просторных, обставленных с кричащей роскошью апартаментах. Окна гостиной смотрели на запад к океану, кабинет был обращен на север в сторону одной из внутренних бухт Акапулько, спальня — к горам, заслонявшим город с востока. А еще в распоряжении Стива была прихожая, побольше, чем вся его собственная квартира в Лос-Анджелесе, две туалетные комнаты с ваннами и душевыми устройствами и кухня с электрической плитой и холодильником, набитым всякой всячиной. В гостиной стояли большой телевизор и холодильник-бар с набором бутылок, рюмок, фужеров и длинным прейскурантом. Стив мельком глянул на врученную ему карточку. Пребывание в этом сказочном царстве стоило семьдесят пять долларов в сутки, не считая стоимости алкогольных напитков. Еще ни одна из служебных поездок Стива не вводила «Калифорнию тайме» в подобные расходы! Впрочем, уже на одном его сегодняшнем сообщении владельцы газеты загребут десятки тысяч. Если, конечно, Старик не струсит. Но, в конце концов, это уж его личное дело.

Стив сбросил пиджак и погрузился в ласкающе мягкую глубину одного из диванов. Теперь следовало спокойно обдумать дальнейшие шаги.

Вечером того же дня, 22 ноября 1963 года, тремя этажами выше апартаментов Стива Роулинга, в еще более шикарной гостиной, за круглым мраморным столом, инкрустированным золотой нитью, разговаривали двое. Один из собеседников был круглоголовый толстяк адвокат Феликс Крукс. Он сидел сгорбившись, подперев ладонью округлый розовый подбородок, и внимательно слушал, что говорил расположившийся напротив него высокий худощавый человек в строгом черном костюме, с бледным, аскетического типа лицом, седыми, коротко подстриженными волосами и глубоко запавшими бесцветными глазами. Собеседнику Крукса было, по-видимому, уже за шестьдесят, но держался он прямо, выглядел бодро, а его движения производили впечатление пластичных и легких. Спокойным, хорошо поставленным голосом он говорил:

— Не сомневаюсь, Крукс, что Цезаря убрали... Самолет новый... Перед каждым полетом его проверяли до последнего винтика. Цезарь сам следил за этим. Пилоты абсолютно надежные. Погода превосходная. Возможно, недоглядела охрана... Взрывчатку могли подложить в Лас-Пальмасе или в Мехико.

— Расследование покажет...— начал Крукс,

— Расследование, скорее всего, ничего не покажет, потому что его начали мексиканцы. Связь с самолетом прервалась резко и совершенно неожиданно, вероятно, в момент взрыва. Сработано вполне профессионально, Крукс. Главное — такое дьявольское совпадение! Оно может повлечь разные спекуляции...

— Опасные для фирмы,— подсказал Крукс.

— Ну, может, и не очень опасные, но во всяком случае, нежелательные и, главное, несвоевременные...

— Что вы предлагаете предпринять, мистер Пэнки?

— Об этом я и хотел с вами посоветоваться. Его последнее завещание, конечно, у вас.

— Последнее? Гм... Завещание у меня.

— Мне известно, что вначале он все завещал этому бездельнику, своему сыну. Но потом...

— Видите ли, Пэнки, до открытия завещания я... затрудняюсь...

— Знаю, знаю... Реноме вашей фирмы не должно вызывать сомнений... И тем не менее, я желал бы кое-что уточнить.

Глазки толстяка хитро блеснули.

— Что... э-э... смогу, с удовольствием, дорогой мистер Пэнки.

— Ваша адвокатская контора, насколько мне известно, ведет его дела с очень давнего времени.

— Начинал еще мой покойный отец. Тогда состояние Цезаря оценивалось всего в несколько десятков тысяч. Теперь же, насколько мне известно, — Крукс выделял слово «мне», — оно оценивается несколько большей суммой.

Пэнки энергично кивнул, не разжимая тонких бледных губ.

— Так вот, — продолжал Крукс, — кое-что мне, конечно, известно, хотя бы со слов самого Цезаря, но я не совсем ясно представляю сегодняшнее состояние дел, учитывая... э... э... многообразие интересов моего глубокоуважаемого, но уже покойного клиента и друга. Его последние... операции, которыми не случайно заинтересовалась пресса и правительства некоторых стран...

— Эти операции вас, Крукс, совершенно не касаются; кроме того, в них использовались не только капиталы Цезаря, — с раздражением заметил Пэнки.

— Догадываюсь: например, кое-что из того, что успели депонировать в швейцарских банках некоторые организации немецкого рейха перед концом второй мировой войны?

— А вот об этом вам вообще не следовало бы догадываться, милейший Крукс, — холодно возразил Пэнки. — Совершенно бесполезные догадки, к тому же опасные... Даже для фирмы с таким реноме, как у вас.

— Я ведь говорю об этом только вам — президенту-исполнителю банка CFS, который является собственностью Цезаря. Банк, казалось бы, не из первых, но утверждают, будто именно там финансовый мозг всей «империи» Фигуранкайнов. Кстати, я даже не знаю точно, что означает эта странная аббревиатура — Си-Эф-Эс. Вам, конечно, известно, какие шуточки циркулируют по ее поводу?

— Нет, не слышал...

— Так вот, одни утверждают, что CFS — сокращение от латинского «сифилис», которым Цезарь страдал в молодости,

а другие — что сокращение от «Цезарь Фигуранкайн и сын». Я не склонен верить ни тому, ни другому, но...

— Он придумал это давно, а потом не захотел менять, — с оттенком смущения пояснил мистер Пэнки. — Как вы знаете, он был дьявольски упрям и, откровенно говоря, не очень образован.

— Он всегда считал, что образование портит людей, — кивнул Крукс, — лишает настоящей деловой хватки, которая, несомненно, была у него самого.

— Кажется, в отношении собственного сына он не ошибался, — заметил Пэнки. — Насколько мне известно, Цезарь Фигуранкайн-младший — порядочный шалопай, хотя и ухитрился закончить два или три университета.

Крукс предпочел деликатно промолчать.

— Вы хорошо знаете его? — спросил Пэнки после короткого молчания.

— Знаю...

— И не согласны со мной?

— Согласен, мм...только отчасти. Цезарь очень неглупый малый, хотя и совсем не похож на отца.

— Где он может быть сейчас?

— Понятия не имею.

— Тем не менее, надо его известить.

— Узнает, когда газеты раструбят.

— Необходимо сделать все возможное, Крукс, чтобы на страницы прессы сообщение о... смерти попало возможно позднее. И чтобы прошло без... комментариев. Вы, конечно, понимаете, что я имею в виду. Это роковое совпадение может сильно повредить... Если бы удалось сохранить катастрофу его самолета в тайне хотя бы три-четыре дня...

— Совершенно невозможно, Пэнки. В аэропорту Мехико все стало известно спустя полчаса. Целый день в горах на месте катастрофы работают спасатели. Завтра все попадет в мексиканские газеты. Послезавтра станет известно в Штатах.

— Надо сделать так, чтобы это не попало в мексиканские газеты ни завтра, ни послезавтра... Вы поняли? Мы хорошо заплатим, если понадобится. Здешним газетчикам найдется о чем писать. Пусть смакуют Даллас. У вас тут есть к кому обратиться?

— Думаю, уже поздно, Пэнки.

— Еще не поздно, если, конечно, вы сами что-нибудь не напортили, Крукс. Ваш телефонный звонок из аэропорта был непростительной глупостью. Следовало связаться со мной иначе — через один из наших здешних филиалов.

— На это уже не оставалось времени.

— Ну, узнал бы на час позже... Хотя теперь, конечно, говорить не о чем. Что сделано, то сделано.

Негромко зазвонил один из телефонов на мраморном столике у декоративного камина. Собеседники переглянулись.

— Скорее всего, меня, — сказал Пэнки. — Я предупредил секретаря, чтобы звонили прямо сюда, в «Континенталь».

Он встал, легким пружинистым шагом подошел к камину и взял трубку.

— Слушаю... Да, это я... Что такое? — Глаза его округлились, и он бросил яростный взгляд на Крукса, который безмятежно разглядывал свои ногти. — По калифорнийскому радио? Со ссылкой на «Калифорния таймс»?.. Та-ак... Так... Та-ак... Самой газеты вы еще не видели?.. Ну хорошо... Держите меня в курсе...

Он медленно положил трубку и, не спуская яростного, сверлящего взгляда с остолбеневшего Крукса, шагнул к столу. Крукс попятился вместе с креслом.

— Не бойтесь, — презрительно сказал Пэнки, — я не собираюсь сейчас убивать вас и даже не ударю... .Но зарубите себе на носу, господин адвокат: вольно или невольно вы сегодня оказали нам всем очень дурную услугу. Очень дурную, Крукс. На вашем месте... — Он умолк и покачал головой.

— Пожалуйста, не пугайте меня, — взвизгнул Крукс, срываясь с кресла. — И запомните, что ко всей этой истории я не имею абсолютно никакого отношения. Мало ли кто мог тут крутиться. Если Фигуранкайн действительно жертва диверсии, сообщить газетчикам могли те самые люди, которые его уничтожили.

— Посмотрим, — процедил сквозь зубы Пэнки, снова садясь к столу. — Посмотрим, Крукс... Можете не сомневаться, — продолжал он после короткого молчания, — что люди, с которыми Фигуранкайн был связан все эти годы, смогут провести необходимое расследование помимо ФБР и полиции и примут соответствующие меры... — Он пожевал тонкими губами и добавил совсем тихо: — Теперь ваша задача заклю-

чается лишь в том, чтобы возможно скорее разыскать и представить нам — в первую очередь мне, как президенту-исполнителю банка CFS, и совету директоров — наследников Цезаря.

— Наследников? — повторил Крукс, садясь поодаль на диван.

— Или наследника — наследного принца «империи» Фигуранкайнов. Я сильно опасаюсь, что «принц» может оказаться не один. Не исключено даже, что найдутся и «принцессы».

— Цезарь Фигуранкайн состоял в законном браке всего один раз, — мрачно возразил Крукс. — От того брака остался сын Цезарь. Жена Фигуранкайна умерла двадцать лет назад.

— Хоть вы его давний поверенный в делах, мне кажется, вы заблуждаетесь. Цезарь никогда не обходил своим вниманием женщин... Нет никакой гарантии, что одной из многочисленных любовниц не удалось окрутить его... Он и в последние годы, несмотря на возраст, отнюдь не стал монахом. У него еще может оказаться несколько завещаний...

— Юридическую силу имеет последнее, составленное с соблюдением всех формальностей, — растерянно пробормотал Крукс. — Но... я его единственное доверенное лицо и...

— Знаю, — резко прервал Пэнки. — Именно поэтому я здесь... Или вы полагаете, я прилетел затем, чтобы полюбоваться, что осталось от Цезаря? Кстати, зачем он вас вызывал в Акапулько?

Крукс побагровел.

— Простите, Пэнки, но смерть клиента отнюдь не освобождает адвоката от обязанностей по отношению к нему, — дрожащим голосом начал он. — При всем моем уважении к вам, как к человеку, близкому Цезарю Фигуранкайну, я не считаю себя вправе отвечать на некоторые ваши вопросы.

— Ну, как знаете, — пожал плечами Пэнки. — Когда вы сможете огласить хранящееся у вас завещание?

— После официального подтверждения смерти надо соблюсти целый ряд формальностей. Завещание должно быть вскрыто в присутствии всех заинтересованных лиц. Думаю, это может произойти не раньше чем через месяц-полтора... И могу добавить: смею надеяться, что завещание Фигуранкайна, которое будет вскрыто в моей конторе в Нью-Йорке, окажется единственным законным завещанием Цезаря.

— Посмотрим,— холодно сказал Пэнки.— Мне бы хотелось, чтобы хоть эта ваша версия, Крукс, оправдалась. Но посмотрим... А теперь извините, мне необходимо остаться одному. Скажите, чтобы вас устроили где-нибудь... в другом номере.

Стив возвратился в «Континенталь» около девяти вечера и сразу поднялся в свои апартаменты. Оттуда он позвонил портье и поинтересовался, не спрашивали ли его. Старый портье уже сменился, новому ничего не было известно, и он обещал выяснить и позвонить Стиву чуть позднее. Он действительно позвонил спустя несколько минут и объяснил, что Стива никто не спрашивал, а вот сеньором Хорхе де Эспиноза интересовался один американец по имени Феликс Крукс. Но, насколько портье известно, ни Хорхе де Эспиноза, ни его преосвященство в отеле еще не появлялись...

— О нет, вы заблуждаетесь,— перебил Стив.— Оба они давно у меня, и его преосвященство отдыхает.

Портье всполошился, начал спрашивать, не потребуется ли что-нибудь Стиву для его высоких гостей. Стив поблагодарил и повесил трубку.

После этого он торопливо разделся, влез в облачение кардинала, надел парик и темные очки, разложил на столе в гостиной распятие и раскрытую Библию.

Дверь из гостиной в кабинет он оставил приотворенной. В кабинете стоял наготове портативный магнитофон с кассетой, где был записан диалог сэра Тоби и сэра Эндрью из «Двенадцатой ночи» Шекспира. Второй магнитофон, совсем миниатюрный, приготовленный для записи, Стив прикрепил под крышкой стола в гостиной. «Кардинал» мог без труда включать и выключать оба магнитофона, не сходя со своего места.

Стив внимательно оглядел себя в зеркало, проверил работу магнитофонов. Все выглядело надежно. Итак, сети были расставлены; теперь оставалось ждать. «Кардинал» сел в кресло у стола и погрузился в чтение Библии.

Расчет оказался точным. Через несколько минут в дверь осторожно постучали.

— Войдите,— бархатным голосом сказал «кардинал».

Дверь приотворилась, и в переднюю проскользнула молоденькая горничная. Увидев в гостиной его преосвященство, девушка охнула, всплеснула руками, шлепнулась на колени и

на коленях пошла по полу к столу, за которым сидел «кардинал». Стив видел однажды, что так поступают богомольцы, приходящие в храм Санта Гваделупа на окраине Мехико. От ворот ограды до ступеней портала храма они бредут на коленях через огромный, замощенный каменными плитами двор. Горничная, будучи мексиканкой, очевидно, не нашла иного способа выразить свой экстаз при виде кардинала.

— Встаньте, встаньте, дитя мое,— мягко сказал «кардинал»,— я скромный слуга Бога и не заслужил ничего подобного.

— О ваше преосвященство,— воскликнула девушка со слезами на глазах,— простите меня, но я еще никогда в жизни не видела так близко настоящего кардинала. Благословите меня, святой отец, прошу вас.

Тут она схватила его руку и попыталась поцеловать.

Он осторожно высвободил руку из ее пальцев, встал и заставил подняться ее.

— Бог благословит тебя, дочь моя,— сказал он по-испански. Затем перекрестил и протянул руку для поцелуя.

Почувствовав, что рука стала мокрой от ее слез, Стив смутился. Ему стало жаль глупенькую девушку. Чтобы порадовать ее, он сказал:

— Пусть Бог пошлет тебе хорошего жениха, девочка.

— У меня есть жених,— шепнула она,— но... Сделайте так, святой отец, чтобы он... стал хороший.

— Чем же он плох? — поинтересовался Стив.

— Он ветреный парень. Его интересуют только футбол, вино и коррида.

— Так оставь его.

— А где я возьму другого, святой отец?

— Действительно... Пожалуй, ты права. Тогда я помолюсь, чтобы он исправился.

— О, благодарю вас, святой отец.

— А теперь ступай.

— Может быть, вам что-нибудь нужно, святой отец?

— Нет, ничего. А впрочем, принеси мне стакан воды, холодной чистой воды... Нет-нет,— поспешно продолжал он, заметив, что она сделала движение в сторону дверей кабинета.— Там мой брат и его друг. Они заняты каким-то важным разговором. Не будем им мешать. Принеси мне воды снизу из бара.

— Сию минуту, святой отец.

Вода действительно появилась через минуту; ее торжественно внес в хрустальном кувшине метрдотель, напоминающий обликом и манерами премьер-министра небольшого государства. За метрдотелем шествовали трое официантов. Один держал хрустальный бокал, другой — хрустальный поднос, третий — накрахмаленную салфетку. Все четверо с церемонными поклонами приблизились к столу, за которым сидел «кардинал». Последовал ритуал наполнения водой хрустального бокала. Затем бокал на хрустальном подносе был поставлен перед Стивом.

Стив поблагодарил кивком головы, но так как они продолжали стоять полукругом, вытаращив на него глаза, он благословил их, а метрдотелю разрешил поцеловать руку. После этого они пятясь удалились, не переставая кланяться.

Метрдотель, отступая последним, поинтересовался, не надо ли его преосвященству еще чего-нибудь.

— Я хочу, чтобы меня больше не тревожили,— сказал Стив.— Мне надо помолиться.

— Поставлю у дверей боя, чтобы никого не пропускал к вашему преосвященству,— поклонился метрдотель.

— Полагаю, это не обязательно,— заметил Стив,— но, в общем, как хотите.

Через несколько минут, услышав шелест в коридоре, Стив заглянул в глазок выходной двери и убедился, что охрана, в лице здоровенного мулата в красной фирменной ливрее «Континенталя», у его дверей поставлена.

Теперь не хватало только главного действующего лица, ради которого происходил весь этот маскарад. Но мистер Феликс Крукс больше не давал о себе знать. Прошло около часа.

Стив решил позвонить еще раз портье, как вдруг задребезжал один из телефонов в кабинете.

«Кардинал» сорвался со своего места и в три прыжка очутился у телефона.

— Хорхе де Эспиноза слушает.

— О, сеньор Эспиноза, рад бесконечно, что застал вас. Как вы устроились? Узнали, конечно? Это Феликс Крукс, с которым вы сегодня познакомились в аэропорту.

— Да, да, припоминаю,— медленно сказал Стив.— А-а, сеньор Крукс, как же, как же! Я даже рассказал о нашей встрече брату.

— Значит, его преосвященство тоже здесь?

— Здесь. Кажется, он уже отдыхает. Завтра рано утром мы улетаем в Мериду.

— Ах, какая жалость, какая жалость... Дело в том, что завтра рано утром я... А я так мечтал быть представленным его преосвященству. Что же теперь делать, сеньор Хорхе?

— Представитесь в другой раз. Будете в Ватикане и представитесь... Вам ведь это не к спеху... Знаете что, спускайтесь лучше в ночной ресторан. Мы сейчас тоже идем туда с моим приятелем Стивом Роулингом. Он прилетел из Австралии, у него карманы набиты долларами. Не правда ли, Стив? Вот он подтверждает, сеньор Крукс. Повеселимся, как подобает уважающим себя джентльменам, до утра, а утром прямо по самолетам. Что вы на это, сеньор Крукс?

В трубке послышался тяжелый вздох.

— Так идете с нами?

— К сожалению, я не могу принять вашего любезного приглашения, сеньор Эспиноза, — снова вздохнула трубка. — Очень, очень жаль. А может быть, его преосвященство еще не спит...

«Сейчас проснется», — подумал Стив, насмешливо улыбаясь. Адвокат хорошо заглотил наживку. Теперь следовало подсечь... Стив сбросил со стола пепельницу, и она с грохотом покатилась по полу.

— О боже! — закричал в трубку Стив. — Что ты наделал? Брата разбудишь... Ну конечно, так и есть, вот и он сам. Тысяча извинений — Стив совершенно нечаянно... А, вы еще не ложились... С кем я говорил? Это как раз тот самый сеньор, о котором я вам рассказывал... Извините ради бога, сеньор Крукс, одну минуту... Мы со Стивом тут зашумели и потревожили моего брата. Он зашел к нам в комнату... Одну минуту...

Стив зажал ладонью микрофон, продолжая прислушиваться к тому, что кричал в трубку Крукс.

А Крукс кричал следующее:

— Сеньор Эспиноза, ах боже мой, сеньор Эспиноза, если его преосвященство еще не спит, может быть, он смог бы принять меня на несколько минут? Это крайне важно для меня, крайне важно... Помогите мне, сеньор Эспиноза, я останусь вашим должником до конца дней.

«Интересно, — подумал Стив. — Это может оказаться еще интереснее, чем я предполагал».

Он подождал немного, уже не слушая, что кричит в трубку Крукс, потом снял ладонь с микрофона и сказал:

— Тысяча извинений, сеньор, у нас маленькое происшествие. Я вас слушаю.

Крукс слово в слово повторил то, что Стив уже слышал.

— Право, не знаю, — как бы колеблясь, произнес Стив. — Уже поздно, скоро одиннадцать. Брат, правда, еще не ложился, но... Впрочем, если для вас это столь важно...

— Важно, чрезвычайно важно, дорогой сеньор Эспиноза, — горячо заверил Крукс.

— Ну хорошо, я попрошу его.

Стив положил трубку и, намеренно громко ступая, прошел к двери. У двери он громко сказал:

— Слушай, Стив, ты спускайся в ресторан. Я приду следом, а может, захвачу с собой и этого американца, если брат откажется его сейчас принять. — Потом он хлопнул дверью, постоял немного, вернулся к телефону и взял трубку: — Вы слушаете, сеньор Крукс?

— Да-да, конечно...

— Брат согласен уделить вам несколько минут, но спускайтесь тотчас же. Вы где живете?

— Тремя этажами выше вас.

— Вот и превосходно, спускайтесь.

— Буду через две минуты.

— А после, сеньор Крукс, приходите к нам в ресторан.

— Благодарю, но не обещаю... Благодарю вас, сеньор Хорхе, — торопливо говорил Крукс, видимо спеша закончить разговор.

— Желаю вам полезной беседы с его преосвященством. Проходите прямо в гостиную. Брат будет ждать вас.

— Тысяча благодарностей, дорогой сеньор Эспиноза.

Послышался щелчок. Крукс повесил трубку.

Стив усмехнулся, поправил парик и прошел в гостиную.

Как он и ожидал, через две минуты за дверью в коридоре послышались шум и возмущенный голос Крукса. Подождав немного, Стив подошел к двери и распахнул ее.

Феликс Крукс, взволнованный и раскрасневшийся, препирался с боем, который охранял вход в апартаменты Стива.

На шорох отворенной двери бой обернулся и, увидев «кардинала», склонился в почтительном поклоне.

— Что здесь происходит, друзья мои? — удивленно осведомился «кардинал».

— Он,— чуть не плача начал Крукс, указывая на боя,— ради бога, простите меня, ваше преосвященство, что потревожил... Я тот самый Феликс Крукс...— И он торопливо вытащил из кармана уже знакомую Стиву визитную карточку с золотым обрезом.

— Ах вот что,— сказал по-английски Стив, растягивая слова, как это часто делают иностранцы.— Тогда проходите, пожалуйста.— А вы, молодой человек,— обратился он по-испански к бою,— совсем не нужны здесь. Меня не надо охранять. Скажите тому, кто вас здесь поставил, что я отослал вас. Проходите же, сударь,— продолжал он, снова обращаясь к Круксу, застывшему без движения перед заветной дверью.

— Только после вас, ваше преосвященство,— прошептал Крукс, с трудом переводя дыхание.

«Кардинал» шевельнул бровью, но, как человек, всюду привыкший быть первым, прошел вперед, оставив входную дверь на попечении Крукса. От внимания «кардинала» не ускользнуло, что адвокат не только запер дверь на задвижку, но и наложил цепочку. Это насторожило Стива, и он невольно пожалел, что оставил пистолет вместе с пиджаком в кабинете.

Пригласив Крукса занять место в кресле у стола, «кардинал» сел напротив, захлопнул раскрытую Библию и кивком головы дал понять своему гостю, что готов выслушать его. Одновременно он нажал кнопку, включившую магнитофон под столом.

Совершенно неожиданно для Стива, толстяк-адвокат всхлипнул. Пытаясь справиться с волнением, он вытащил из кармана пиджака батистовый носовой платок, громко высморкался и принялся вытирать платком глаза и потное лицо, бормоча:

— Простите меня, ради бога, простите, ваше преосвященство, это сейчас пройдет, но я... вы поймете, я в ужасном положении... Простите...

— Успокойтесь,— мягко сказал «кардинал»,— вот выпейте воды, соберитесь с мыслями и... расскажите мне, что вас заставило... искать встречи со мной.— Он пододвинул гостю хрустальный бокал, до краев наполненный водой и как бы невзначай взглянул на большие часы в углу гостиной.

— Сейчас,— пробормотал Крукс, взяв дрожащей рукой бокал. Он поднес его к губам, и Стив услышал, как зубы толстяка застучали о край бокала.— Благодарю,— сказал он, сделав несколько глотков и осторожно ставя бокал на стол,— благодарю вас, ваше преосвященство.

«Кардинал» молчал. Выражения его глаз за темными очками Крукс, как ни старался, не мог разглядеть.

— Сегодня утром, когда я имел удовольствие познакомиться с достойным братом вашего преосвященства,— начал Крукс,— я мечтал лишь о минутной аудиенции, чтобы выразить вашему преосвященству свое глубочайшее уважение и смиренно просить о благословении.

Стив, не отрывая взгляда от взволнованного лица толстяка, мысленно усмехнулся.

— Я католик и глубоко верующий человек,— продолжал Крукс,— и в своей профессиональной деятельности я всегда старался быть честным. Это подтвердят все, кто знает меня. Но ныне веры и честности недостаточно, сэр... простите... ваше преосвященство. Я... я прошу вас отпустить мои грехи... Я догадываюсь, что *они* осудили меня, как и *его*, возможно... И если я должен умереть, я хотел бы предстать там,— Крукс поднял глаза к потолку,— очищенным от грехов, ваше преосвященство...

— Ничего не понимаю, сударь,— медленно сказал «кардинал».— Кто *они*? Кто смеет ныне осудить человека, помимо Всевышнего и судьи, действующего по закону? Вы просите меня об отпущении грехов, но по канонам нашей церкви это происходит при таинстве исповеди, и вам проще было бы обратиться к вашему приходскому исповеднику, который вас знает.

— Я не мог бы сказать ему всего, ваше преосвященство. Вы, очевидно, не представляете, что такое наша современная американская церковь. Мой исповедник, о нет... И кроме того, я даже не уверен, дадут ли мне возможность возвратиться в Нью-Йорк.

— Вы богохульствуете, сударь,— сурово сказал «кардинал».— В моем присутствии вы позволяете себе хулить церковь. Мне кажется, сударь...

— О, не гоните меня, ваше преосвященство,— вскричал Крукс,— не отталкивайте человека, который очутился на краю бездны. Ведь эта ночь может оказаться моей последней ночью.

— Ну что вы такое говорите, — с оттенком раздражения сказал «кардинал». — Мы с вами находимся в цивилизованной католической стране. Если вам угрожают, если вас кто-то шантажирует, обратитесь в полицию.

— Ах, ваше преосвященство, полиция бессильна перед ними. Ну что может сделать, например, ваша итальянская полиция с вашей мафией?

— Вот вы о чем, — кивнул «кардинал». — Вы хотите сказать, что вас преследует ваша американская мафия?

— Те, кого я опасаюсь, — зашептал Крукс, тревожно оглядываясь, — похуже любой мафии. Но позвольте мне, ваше преосвященство, объяснить, в чем дело, и тогда вы, быть может, согласитесь снять тяжкое бремя с моей души.

— Хорошо, говорите.

— Я — глава адвокатской фирмы, очень солидной адвокатской фирмы, монсеньор. Одним из моих клиентов был человек, которого я давно знаю, с которым мы были почти друзьями. Могу добавить, что он разбогател на моих глазах, причем не всегда он... делал деньги в соответствии с правом. Ему везло, и он стал одним из богатейших людей мира. Впрочем, он никогда не афишировал своего богатства и своих возможностей. Он предпочитал оставаться в тени, хотя мог многое. Очень многое, монсеньор... После рождения сына он составил завещание, по которому сын являлся его единственным наследником. Я вел многие его дела, и, естественно, завещание он доверил мне. Но около года назад он решил изменить завещание. Он вызвал меня в Сан-Паулу, где тогда находился, и продиктовал новое завещание. Признаюсь, оно меня удивило, но... я был только его поверенным в делах. По новому завещанию сыну он почти ничего не оставлял, а все остальное... в общем, это уже неважно...

— Нет, сударь, говорите все до конца, если вы решили довериться мне и ждете моей поддержки, — холодно сказал «кардинал». — Или вообще ничего не говорите.

— О монсеньор, — пробормотал адвокат, вытирая платком крупные капли пота, выступившие на лице, — о монсеньор, — повторил он шепотом, — если бы вы только знали...

— Не бойтесь, здесь никого нет. Мой брат и его друг ушли еще до вашего прихода.

— Он завещал все одному международному сообществу, которое... разрабатывает какое-то новое оружие. Оно находится в

ФРГ, называется ОТРАГ.. В завещании был ряд ограничений, которые давали моему клиенту определенные гарантии, что его... не ликвидируют раньше времени, дабы воспользоваться его деньгами. Но это уже технические детали.

— Сын знал о том, что завещание изменено? — спросил «кардинал».

— Нет... По-видимому, нет, — поправился адвокат. — Дело в том, что он поручил мне известить об этом сына после того, как вернусь в Нью-Йорк и уничтожу первое завещание.

— Значит, оно не было уничтожено, когда он подписывал второе?

— Нет... Я не привез его в Сан-Паулу. Я не знал, зачем он меня вызывает. Но я обещал ему уничтожить первое завещание тотчас же, как возвращусь в Нью-Йорк.

Адвокат умолк и тяжело вздохнул.

— Вы, конечно, выполнили свое обещание, сударь?

— В том-то и дело, что нет, ваше преосвященство... Но без всякого злого умысла. Первое завещание уже потеряло юридическую силу... Я ждал, что его сын появится у меня или подаст о себе весть. Время от времени я... снабжал его деньгами, с согласия отца, конечно. Но в этот последний год он не появлялся, а я... все откладывал... Само по себе уничтожение первого завещания — акт пустяковый... Даже трудно объяснить, зачем я продолжал хранить его. Может, главная причина — в моем отношении к мальчику... Я хорошо знал его и... решение старика считал очередным жестоким чудачеством и несправедливостью... Они ведь не ладили. Сын пошел не в отца... Ну, а старик не мог примириться с этим.

На днях он позвонил мне снова. Его первым вопросом было, уничтожил ли я то, первое завещание. Я сказал, что уничтожил. Я солгал ему, но... Я мог исправить ложь тотчас же, как закончится телефонный разговор. Его дальнейшие слова удивили меня. Он сказал: «Поклянись, Феликс, что ты действительно уничтожил первое завещание». Что было делать? Я сказал: «Клянусь». Если бы я только мог предполагать... После этого он велел мне уничтожить и второе завещание, сейчас же, до окончания нашего разговора. Я понял, что он очень возбужден, и не стал возражать. Я открыл сейф — такие завещания хранятся в особом сейфе, рядом с моим кабинетом, — взломал печати, порвал завещание на мелкие клочки и сжег его в спе-

циальной электрической печи, стоящей у меня в кабинете. И он снова велел мне поклясться, что я действительно сжег второе завещание. Ему хорошо известно, что я честный человек и ревностный католик... Я поклялся и почувствовал по его тону, что ему сразу стало легче. Мы поговорили еще немного, он даже шутил, а потом вдруг сказал мне, что хочет встретиться со мной, чтобы составить новое завещание. И предложил приехать в Акапулько. И вот я здесь, монсеньор, на мне тяжкий грех клятвопреступления и... самое ужасное, что *они*... вероятно, уже догадываются, что с завещанием дело обстоит не так, как *им* хотелось бы. Если я не ошибаюсь, я обречен — ничто не спасет меня. Мне остается молить вас, ваше преосвященство, облегчить мои последние часы — снять с меня бремя тяжкого греха.

— Сударь,— сказал «кардинал», наклонив голову и испытующе глядя на Крукса поверх темных очков,— не проще ли вам признаться во всем вашему клиенту и, насколько я понял, другу, попросить у него прощения? Оно снимет с вас грех клятвопреступления.

— Увы, ваше преосвященство,— прошептал Крукс, низко опуская голову,— я лишен возможности последовать вашему доброму совету. Сегодня утром Цезарь погиб в авиакатастрофе.

— Цезарь? — поднял брови «кардинал».

— Его так звали,— тяжко вздохнул Крукс.— Мы не виделись с ним больше после того телефонного разговора.

— Значит, этот достойный человек, уйдя из жизни, не оставил завещания?

— Осталось его первое завещание,— прошептал Крукс, не поднимая головы.— Я так и не уничтожил его.

В комнате воцарилась тишина. Стив пытался сообразить, что ему дают полученные сведения. Уточнять сейчас подробности было бы рискованно... Кое-кто из журналистов пытался связывать африканские владения Фигуранкайна именно с ОТРАГом, но надежных данных ни у кого не было. Слова Крукса кое-что проясняли, но не до конца. Во всяком случае, нить снова ухвачена; она настолько осязаема, что может завести далеко. Неужели Старик сознательно дал ему эту возможность? Ведь если ОТРАГ — это капиталы Фигуранкайна... Такое может стать сенсацией года. Вопрос в том — захотят ли рисковать владельцы газеты?

Феликс Крукс продолжал сидеть, низко опустив розовую лысую голову. Стиву стало почти жаль его... Правда, грозящую опасность адвокат, конечно, преувеличивает. Сейчас ему едва ли что-либо угрожает, но после того, как будет открыто единственное сохранившееся завещание Фигуранкайна... «Ну, до тех пор он опомнится и найдет средства обезопасить себя», — решил Стив. Надо было кончать затянувшийся разговор, и «кардинал» сказал:

— Мне искренне жаль вас, сударь. По собственной неосторожности вы попали в трудное и двусмысленное положение, Я не думаю, чтобы кто-нибудь мог быть опасным для вас сейчас, тем более тут, в Мексике. Надеюсь, все, что я сейчас услышал, это правда...

— Чистая правда, ваше преосвященство, чистейшая, как вода в этом графине.

— Хорошо. Я принимаю вашу исповедь и готов отпустить вам грехи, но... наложу на вас... наказание. Вы переведете, скажем, двадцать тысяч долларов в фонд помощи бедным детям Латинской Америки. Вас не обеднит такая сумма?

— Нет, конечно. Я сейчас же подпишу чек.

— Нет. Вы переведете деньги непосредственно благотворительному обществу сразу, как возвратитесь в Нью-Йорк. Адрес вам известен?

— Разумеется.

— Значит, сразу по прибытии. Не забудьте!

— Ваше преосвященство, клянусь вам...

— Не надо... А теперь властью, дарованной мне церковью, снимаю с вас грех лживой клятвы и отпускаю прочие менее серьезные прегрешения. Идите с миром, и да хранит вас Бог.

Адвокат склонился в низком поклоне. Стив коснулся ладонью его мокрой от пота лысины и потом протянул ему руку, которую адвокат осторожно поцеловал.

Затем «кардинал» проводил гостя до дверей своих апартаментов и, когда тот выходил, убедился, что в коридоре никого не было.

Возвратившись в гостиную, Стив прежде всего выключил магнитофон под столом и вынул кассету. Подбросив ее на ладони, Стив невольно подумал, что ее цена намного превышает сумму, которую Крукс переведет бедным детям Латинской Америки. Не снимая облачения, Стив прошел в кабинет и при-

сел к письменному столу. Теперь оставалось «вылепить» из тех сведений, которыми он уже располагал, несколько сенсационных «конфеток» для читателей «Калифорния таймс», передать их по ночному телетайпу из пресс-центра Акапулько Старику в Лос-Анджелес и позвонить Мэй.

Позвонить Мэй Стив все-таки не успел. Когда около трех часов ночи он возвратился из пресс-центра в «Континенталь», в холле отеля он неожиданно столкнулся с Феликсом Круксом. Адвокат, видимо, собрался уезжать. Он был в плаще, с желтым кожаным портфелем в руках, за ним следовал бой с чемоданом и сумкой.

Увидев Стива, адвокат обрадовался:

— Сеньор Эспиноза, какая удача! Мне пришлось ускорить отъезд, но я не решился тревожить вас ночью...

— А я уже не лягу сегодня,— объявил Стив, пошатнувшись, и ухватился за руку адвоката, который поспешил его поддержать.— Мы с приятелем были в одном месте... Ну, знаете, скажу я вам, такие женщины — увидеть и умереть. Да...— Стив захохотал.— Приятеля пришлось оставить там, а я вот вернулся... А то брат будет сердиться. Он у меня строгий, сеньор Крукс, да... Вы много потеряли, что отказались пойти с нами...

— Дорогой сеньор Эспиноза,— перебил Крукс со страдальческим выражением лица,— я тороплюсь в аэропорт, самолет через час с небольшим. Я бесконечно благодарен вам, я теперь ваш должник, и когда будете в Нью-Йорке...

— Значит, надо выпить на дорогу! — закричал Стив.— Я не отпущу вас так. Хочу выпить за ваше здоровье, сеньор Крукс.

И Стив подхватил адвоката под руку и, пошатываясь, потащил к бару.

— Ну хорошо,— вздохнул Крукс, когда Стив усадил его на круглый табурет у блистающей никелем мраморной стойки.— Только плачу я.

— Пожалуйста,— великодушно согласился Стив и добавил: — Для меня двойную кровавую б-б...

— «Беатриче»? — подсказал бармен.

— Вот именно... С икрой и лимоном,

— И немного коньяка,— добавил Крукс, неодобрительно поглядывая на Стива.

Они выпили, и Стив с аппетитом закусил ярко-красную жидкость черной икрой и кусочком лимона.

— Ну, мне пора,— решительно заявил Крукс, расплачиваясь.

— Знаете что, дорогой сеньор Крукс,— воскликнул Стив, ударив себя по голове.— Я поеду с вами. Позвольте мне проводить вас до самолета.

— Стоит ли? — нерешительно возразил Крукс.— Что скажет его преосвященство? Ведь вы тогда явитесь в «Континенталь» к рассвету.

— Вот и прекрасно. Я разбужу его, и мы опять поедем в аэропорт. Наш самолет в восемь утра.

— Ну хорошо,— согласился Крукс.— Вы очень любезны, сеньор Эспиноза, и мне, конечно, будет приятно совершить эту ночную поездку в вашем обществе.

«Еще бы,— подумал Стив,— по крайней мере, не будешь так трусить».

Они сели рядом в комфортабельную машину, и мгновение спустя навстречу им стремительно замелькали пустые улицы, скверы и бульвары спящего Акапулько, а затем крутые виражи горной дороги.

Стив откинулся на сиденье и, прикрыв глаза, внимательно наблюдал за соседом. Адвокат беспокойно крутился на своем месте, пугливо вглядывался в темноту. Когда миновали высокий каменный крест на скале над городом, словно парящий во тьме в ореоле подсветки, Крукс торопливо перекрестился.

Голова Стива мотнулась и уперлась в плечо Крукса. Адвокат отодвинулся. Стив приоткрыл глаза и выпрямился на сиденье.

— Ну и мрак,— пробормотал он, зевая.— И надо было вам ехать в такую пору, сеньор Крукс. Разве не могли подождать до утра?

— Пришлось ускорить вылет,— тихо ответил Крукс.— Позвонили из Мехико. Ночью привезут останки жертв авиакатастрофы. Я должен опознать одного человека. Это необходимо сделать срочно.

— Разве была катастрофа?

— Вчера... В ней погиб... мой друг.

— Это ужасно. Примите мое искреннее соболезнование, сеньор Крукс. И много людей погибло?

— Человек тридцать.

— Ого... Значит, вам предстоит узнать среди тридцати изуродованных трупов тело вашего друга?

— По-видимому, — сказал Крукс, и лицо его страдальчески скривилось.

— У вашего друга, конечно, остались родственники. Наверное, и они прибудут?

— Не знаю... У него есть сын, но...

— Они не ладили, да?

Крукс долго молчал. Потом пробормотал чуть слышно:

— Они никогда не жили вместе. Понятия не имею, где сейчас может находиться Цезарь. Он не оставался подолгу на одном месте. Около года назад жил на Цейлоне, потом в Маниле... Он увлекся буддизмом...

— Его звали Цезарем? — уточнил Стив.

— Кого? — встрепенулся Крукс, словно пробуждаясь.

— Ну, сына, конечно.

— Ах сына... А откуда вам это известно?

— Вы сами только что сказали... И что он живет в Маниле.

— Разве? Это бессонная ночь, сеньор. Вероятно, я задремал. Выбросьте все это из головы.

— Как вам будет угодно, — обиженно сказал Стив, отодвигаясь в угол кабины.

Некоторое время они ехали молча. Потом Крукс тяжело вздохнул. Стив счел это добрым знаком и снова стал клониться в сторону адвоката.

Когда Крукс его легонько отодвинул, Стив встрепенулся, открыл глаза и попросил разрешения закурить.

— Пожалуйста, — сказал Крукс, указывая на пепельницу. Стив закурил сигарету, затянулся несколько раз и, наклонившись к самому уху адвоката, сказал:

— Такова жизнь, сеньор. Никто не знает своего часа... Он был богатым человеком?

— Кто? — вздрогнув, спросил Крукс.

— Ваш друг.

— Да...

— Теперь все достанется сыну?

— Не знаю... Быть может...

— Везет же людям, — заметил Стив, зевая. Крукс бросил на него быстрый взгляд, но не ответил и только отодвинулся немного.

— А как звали вашего друга? — продолжал Стив, сделав вид, что не замечает неудовольствия адвоката.

— Его звали... — медленно начал Крукс. — Его звали... Ну, вот мы и приехали, — вдруг оживился он, когда машина, резко повернув, вырвалась из темной аллеи на ярко освещенную площадь перед приземистым зданием аэропорта. — Благодарю вас, сеньор Эспиноза, что взяли на себя труд проводить меня в столь неудобное время. Нет-нет... Не трудитесь выходить. Мой самолет через несколько минут. Я прямо пройду на посадку. А он, — Крукс указал на шофера, — сейчас отвезет вас обратно в «Континенталь». Я скажу ему... Прощайте, сеньор Эспиноза. Рад был познакомиться с вами.

Адвокат торопливо выбрался из машины и, сопровождаемый мрачным темнолицым шофером, исчез за стеклянной дверью аэровокзала.

«Чем-то я насторожил его, — обеспокоенно подумал Стив. — Не нужно было столько вопросов. В этой игре нельзя ошибаться. Теперь придется рисковать... Другого выхода у меня сейчас нет. Но если этот его шофер с кулаками боксера тяжеловеса и мордой бывалого каторжника благополучно доставит меня в "Континенталь", мои опасения преждевременны».

Стив переложил пистолет из кобуры на левом боку в правый карман пиджака. Засунув руки в карманы, он устроился поудобнее на широком сиденье и сделал вид, что дремлет. Через сорок минут молчаливый шофер Крукса без всяких приключений доставил его в «Континенталь».

Очутившись в своих апартаментах, Стив облегченно вздохнул. Пока его авантюра развивалась успешно. Он бросил взгляд на часы. Пять утра. Значит, в Лос-Анджелесе четыре. Звонить сейчас Мэй было бы жестоко. Стив быстро разделся, нырнул в постель и через мгновение спал крепким сном.

Проснувшись около полудня, Стив прежде всего позвонил и попросил принести завтрак и утренние газеты. За кофе он быстро проглядел заголовки. Подробности трагедии в Далласе отодвинули на дальний план все прочие новости. О катастрофе самолета под Мехико сообщалось очень скупо. Имя Фигуранкайна было упомянуто лишь в одной заметке со ссылкой на «Калифорния таймс». О том, что самолет принадлежал Цезарю Фигуранкайну, ни одна из мексиканских газет вообще не упоминала.

«Старик будет доволен,— подумал Стив, откладывая газеты.— А завтра они тут перепечатают мои подробные репортажи из "Калифорния таймс"».

Теперь надо было побыстрее связаться со Стариком, выложить ему еще пару «конфеток» и известить о своих намерениях. А заодно отправить ненужное больше кардинальское облачение Бену. В отеле за Стивом уже могло быть установлено наблюдение; не исключено, что в его отсутствие кто-нибудь заглянет в чемодан. В этом случае кардинальская мантия могла сослужить дурную службу. Стив быстро сложил все предметы своего кардинальского облачения, завернул их в черную сутану, которая так и не понадобилась, вложил сверток в пластикатовый пакет и запихнул пакет в репортерскую сумку. В белом костюме и в белых туфлях, с сумкой через плечо, он спустился в холл «Континенталя» и вышел на набережную. Солнце пряталось за облаками, но неподвижный воздух был горяч и влажен. Рубашка на спине сразу взмокла от пота. Отойдя от «Континенталя» на несколько кварталов, Стив свернул с набережной в город, на маленькой площади с треугольным сквером взял первое попавшееся на глаза такси и приказал везти себя наверх, в район, который назывался Виста Алегре.

Это была восточная окраина Акапулько, населенная главным образом служащими, которые работали в шикарных отелях, расположенных у океана.

Заметив по пути небольшое почтовое отделение, Стив велел остановиться, расплатился и отпустил водителя, явно разочарованного, что рейс оказался коротким. Когда такси уехало, Стив зашел на почту и попросил девушку, которая скучала за стеклянной перегородкой, принять посылку в ЛосАнджелес. Не говоря ни слова, девушка запаковала врученный ей Стивом пластикатовый пакет, Стив вписал в формуляр адрес Бена, девушка — вес и цену пересылки, и через несколько минут Стив уже шагал по крутой улице вниз к морю, помахивая опустевшей сумкой.

На приморском бульваре он отыскал междугородный телефон-автомат, зашел в стеклянную будочку, набрал код Лос-Анджелеса и номер телефона Старика и стал ждать. В будке было ужасно душно — Стив распахнул настежь дверь, чтобы хоть немного освежиться. Довольно долго его не соединяли, но наконец в трубке щелкнуло и послышался знакомый голос мисс

Перш. По быстроте, с какой мисс Перш связала его с Главным, Стив понял, насколько выросли за последние сутки его акции.

— Привет, Стив,— захрипела трубка.— Есть что-нибудь новое?

— Да. Мне надо лететь в Юго-Восточную Азию. Немедленно.

— Ты... не ошибаешься?

— Нет. Но, вероятно, на этом дело не кончится.

В трубке послышался кашель.

— А что еще нового?

— Утром некий Феликс Крукс — нью-йоркский адвокат — должен был опознать в Мехико останки нашего друга.

— Ну и как?

— Сообщите, что опознал с большим трудом.

— Гм... Гм... Но точно ты не знаешь?

— Не знаю... Крукс вылетел отсюда в Мехико минувшей ночью. Я провожал его до аэропорта.

— Надеюсь, не как...

— Конечно... Как свой дядя.

— Ладно. А что пишут мексиканские газеты?

— Ничего нового. Есть ссылки на нас.

— Превосходно. Что еще?

— Подбросьте читателям намек, что последнее время дела нашего друга шли не очень важно, что он несколько раз менял завещание, что одному из вероятных наследников грозит опасность не дожить до получения наследства. Вы меня поняли, шеф?

— Понял... Но этот фарш надо подавать аккуратно, сынок.

— Разумеется. Самое лучшее, если котлету сделаете вы сами, шеф.

— Гм... Думаешь, у меня только это сейчас в голове?

— Думаю, что да... Остальное — мелочь по сравнению с тем, что еще можно раскопать. И последнее, шеф: имеет смысл намекнуть нашим читателям, что два вчерашних события могут быть связаны. Вы меня поняли?

На этот раз трубка замолчала надолго. Не слышно было даже кашля. Стив терпеливо ждал.

— Ну, ты вот что,— послышалось наконец в трубке,— ты давай, лети с богом, куда задумал. Деньги нужны?

— Конечно.
— Куда перевести?
— В Манилу. Я там буду завтра.
— Ладно. Звони мне в любое время.
— О'кей.

Стив вышел из телефонной будки. Поблизости никого не было видно. Зеленоватые волны чуть плескали в каменные плиты низкой набережной. Яхты с разноцветными парусами лениво разрезали фиолетово-бирюзовую гладь бухты. Подошла старая индианка. За ее подол держалась маленькая, оборванная, черноволосая девочка с голубыми глазами. Старуха протянула руку, прося милостыню. Стив дал ей пятидолларовую бумажку. Старуха схватила деньги, поднесла к глазам, со страхом взглянув на Стива, очевидно не веря, что это ей.

— Бери, бери,— сказал Стив по-испански.— Купишь ей платье.— Он указал на девочку.

Малышка спряталась за подол старухи. Выглянув из-за своего укрытия, она пролепетала что-то и улыбнулась Стиву.

— Что ты сказала? — спросил он, наклоняясь. Девочка снова спряталась.

— Она благодарит сеньора,— прохрипела старуха.— Мы с ней вдвоем остались. Ее родные умерли от эпидемии. Все в наших деревнях умерли...

— А когда случилась эпидемия?
— Летом, сеньор.
— Вы оттуда, с гор? — Стив указал на восток.
— Мы не здешние. Из Гватемалы.
— Что же вы думаете делать?

Старуха безучастно потрясла головой:

— Не знаю, сеньор. Никто не хочет брать меня на работу.
— Сколько тебе лет?
— Тридцать, сеньор. А ей четыре.

Стив стиснул зубы, озадаченно потер лоб. Надо было что-то предпринять... Но что? Времени у него почти не оставалось... Он сунул женщине еще несколько зеленых бумажек. Она молча глядела на деньги непонимающим взглядом.

— Посиди тут в тени под этим деревом,— сказал Стив.— Купи что-нибудь поесть ей и себе и подожди меня здесь. Я скоро вернусь...

Папа Джулиано дал ему телефон одного парня в Акапулько по имени Гаэтано. Кто-то из их «семейки»... Во всяком

случае, надо попробовать. Ну а если она сбежит, пока он будет звонить по телефону, значит, наврала... Тогда можно выбросить все это из головы.

Стив вернулся к телефонной будке, нашел нужный номер. Принялся звонить. Телефон ответил сразу, но Гаэтано на месте не оказалось. Стив уже собрался повесить трубку, но тут его осенило, и он сослался на папу Джулиано. Это сработало как пароль. Немедленно отыскался Гаэтано, которому Стив объяснил, в чем дело. Гаэтано, не раздумывая долго, согласился тотчас приехать и забрать женщину с девочкой.

— Дело для нее найдется, — заверил он Стива.

Стив объяснил, где его искать, и вернулся на набережную. Женщину он нашел на том самом месте, где оставил ее. Девочка спала у нее на коленях. Видимо, женщина так никуда и не уходила. Деньги, которые дал ей Стив, она продолжала держать в руке.

— Ну что же ты, — сказал Стив, — так ничего и не купила ей?

Женщина молча протянула ему деньги. Он отрицательно покачал головой:

— Нет-нет. Это тебе и ей.

Она тяжело вздохнула и отвела глаза. Осторожно отогнала муху от лица спящей девочки.

— Кто она тебе? — спросил Стив.

— Никто. Она из другой деревни... Мои умерли...

— Ты куришь?

— Нет, сеньор.

Стив присел на чугунную тумбу, к которой крепили яхты. Закурил.

— Как же вы добрались сюда?

— Пешком через горы, сеньор...

Невдалеке на бульваре остановился потертый старенький «виллис». Из него выпрыгнул худой рыжий парень в черных бархатных штанах с серебряной бахромой и полосатой матросской рубахе. Оглядевшись, он направился прямо к Стиву.

— Гаэтано, — коротко представился он и протянул Стиву крепкую жилистую руку.

— Стив Роулинг.

— Рад познакомиться. Друзья папы Джулиано — наши друзья.

— А это они, — Стив указал на женщину с девочкой. — Ты ведь хочешь работать, не так ли? — обратился он к женщине.

— Да, сеньор, — ответила она чуть слышно.

— Поезжай с ним. Будет работа... Все будет хорошо.

— Спасибо... Да хранят вас боги, сеньор.

Женщина встала и со спящей девочкой на руках направилась к машине.

— Как тебя зовут? — крикнул ей вслед Стив.

Она обернулась:

— Мариана... А ее — Мариэля.

— Спасибо, Гаэтано, — сказал Стив. — Вы сильно выручили меня. Не обижайте девочку.

Парень тряхнул рыжей головой:

— Зачем обижать? Мы бедных людей не обижаем. Где вы нашли их?

— Здесь, на набережной.

— А-а, — протянул он. — Ну понятно... Чао, сеньор! Если что понадобится, звоните...

Он помог женщине залезть в машину, сел сам, дверца захлопнулась, и через мгновение «виллис» исчез за стеной цветущих олеандров.

Стив окинул взглядом искрящуюся солнечными бликами бухту с косыми парусами яхт, ряды небоскребов на противоположном берегу, разноцветные киоски, выстроившиеся вдоль бульвара и набитые всякой всячиной, и, повернувшись на каблуках, зашагал к «Континенталю». По дороге его внимание несколько раз привлекли оборванные дети, тянувшие к нему худые грязные ладони. Стив раздал им всю мелочь, которую нашел в карманах.

Когда он подходил к отелю, он уже не сомневался, что совершил вчера вечером грубую ошибку: следовало наказать Феликса Крукса не двадцатью, а по меньшей мере двумястами тысячами долларов в пользу бездомных детей Латинской Америки.

У подъезда «Континенталя», перед центральным входом, Стив увидел знакомую машину — тот самый шикарный лимузин, на котором минувшей ночью провожал Феликса Крукса в аэропорт Акапулько. Не означало ли это, что адвокат

возвратился из Мехико? Встреча с Круксом сейчас не устраивала Стива. Однако миновать «Континенталь» было невозможно.

Стив шагнул в кондиционированный сумрак холла. Просторное помещение на этот раз было почти пусто. Возле стойки высокий худощавый старик в строгом черном костюме разговаривал с портье, а у лифтов, видимо, поджидая кого-то, стоял вчерашний шофер с лицом бывалого каторжника. Без сомнения, он узнал Стива, но не подал вида.

Стив направился к стойке. Старик в черном окинул его равнодушным взглядом и, отвернувшись, приказал шоферу:

— Поезжайте наверх, Полшер. Возьмите мой чемодан. Мы сейчас выезжаем.

Шофер исчез в лифте.

— Куда прикажете переслать счет, сеньор Пэнки? — спросил портье.

— Все оплатит мистер Крукс, когда вернется, — ворчливо ответил старик. — Номер остается за ним. Разве он не предупредил?

— Мне неизвестно об этом, сеньор.

— Он должен вернуться сегодня вечером или завтра.

— Хорошо, сеньор.

— А это вам, возьмите, — старик протянул портье зеленую купюру.

— Покорно благодарю, сеньор.

Старик отошел от стойки.

Стив взял у портье расписание тихоокеанских авиарейсов, пробежал его глазами и попросил заказать билет на вечерний рейс в Манилу.

— Сеньор уже покидает нас? — удивился портье.

— Срочные дела...

— Просим не забывать нас в следующий приезд.

При входе в лифт Стив снова столкнулся с водителем лимузина. Тот вышел из лифта навстречу Стиву с небольшим чемоданом в руке. Приглядевшись, Стив понял, почему красно-коричневое лицо этого человека производило отталкивающее впечатление. Щеки, лоб и подбородок покрывали рубцы и шрамы; один из шрамов, самый отчетливый, начинался на правой щеке, пересекал наискось нос и кончался на виске под левой бровью. Стиву показалось, что по лицу шофера скользнула усмешка.

«Пэнки... Пэнки...— думал Стив, поднимаясь в лифте.— Интересно, что у него общего с Круксом? Тоже кто-то из людей Фигуранкайна?.. Жаль, что болтун адвокат не упомянул вчера о нем...» Однако времени на выяснение уже не оставалось. Надо было спешить. Иначе он может опоздать, и тогда вся авантюра, начавшаяся так успешно, сгорала на корню. В лучшем случае это означало бы, что все надо начинать сначала. В худшем же... Но о втором варианте Стив предпочитал сейчас не думать.

Поиск в Маниле оказался безуспешным... Несколько лет назад Стиву довелось провести в филиппинской столице почти год в качестве корреспондента «Калифорния таймс». От того времени у него остались знакомые и среди манильских бизнесменов, и в китайских кварталах, населенных мелкими лавочниками, рыбаками, контрабандистами и прочим сбродом. Однако о Фигуранкайне-младшем никто из знакомых Стива не слышал. А сеньор Сутрос — хозяин отеля в портовой части города, в котором Стив жил некоторое время в прошлый приезд и остановился сейчас,— высказал предположение, что если молодой Фигуранкайн и был в Маниле, то очень непродолжительное время.

— Богатый американец с такой фамилией не остался бы незамеченным,— с улыбкой говорил маленький толстяк сеньор Сутрос, хитро щуря темные глазки.— Кто-нибудь обязательно помнил бы его, если бы он прожил тут длительное время.

— Не знаю, насколько он богат...— задумчиво заметил Стив.

— О, сеньор Роулинг,— всплеснул пухлыми ручками Сутрос,— американцы, которые приезжают к нам в Манилу, или богачи, или военные.

— Я, например, ни то, ни другое.

— Вы — кое-что иное, сеньор Роулинг: вы — исключение, если угодно. Вы — журналист, человек особых интересов. Многие здесь считают вас своим другом, потому что вы никогда не писали плохо ни о нашей стране, ни о наших людях. Вы всегда говорили правильные слова и писали то, что говорили... И если кто-нибудь, даже и через двадцать лет, приедет в Манилу и станет расспрашивать о вас, многие скажут, что знали вас, расскажут, что вы делали, какой вы человек... А ведь

тот, кого вы разыскиваете, жил тут менее года назад... Можно, конечно, навести справки в вашем посольстве...

— Едва ли он зарегистрировал свое пребывание здесь,— возразил Стив,— но, в конце концов, попробовать можно. Вы не могли бы оказать мне и эту услугу?

— А вы сами? — хитро прищурился сеньор Сутрос.

— Лучше сделать это неофициально. Мне не хотелось бы привлекать внимание наших чиновников к тому обстоятельству, что я разыскиваю Фигуранкайна-младшего. В посольстве меня многие знают как журналиста. А вы могли бы, например, сказать, что он жил у вас и не оплатил какой-нибудь счет.

— Уж вы не учите меня, сеньор Роулинг,— замахал руками маленький толстяк.— Найду, что сказать. Буэно* ... Узнаю, раз это важно для вас... А тот сеньор, которого вы разыскиваете,— добавил он, испытующе поглядывая на Стива,— не родственник ли он банкира Фигуранкайна?

— Значит, фамилия вам все-таки знакома, сеньор Сутрос? — усмехнулся Стив.

— Ну, эта фамилия достаточно известна в деловых кругах, сеньор,— очень серьезно ответил толстяк.

— А с ним самим вам не приходилось встречаться?

— Ну что вы! Я слишком маленький человек... Кроме того, я слышал, что этот господин избегает людей, даже своих родственников. Видеться с ним имеют возможность очень немногие.

— Имели возможность...

— Что вы говорите!.. Значит, он?..

— Да... Несколько дней назад.

— В Маниле еще ничего не известно. Это очень важная новость, сеньор Роулинг, очень. Не скрою, вы оказываете мне большую услугу, сообщая об этом. Очень большую. Мне и кое-кому еще... Простите меня, я вынужден расстаться с вами. Вечером я извещу, что удалось выяснить в посольстве.

— Я еще не ответил на ваш вопрос, сеньор Сутрос,— сказал Стив.— Человек, которого я разыскиваю,— родной сын покойного банкира Цезаря Фигуранкайна. Может быть, даже единственный сын. Судя по всему, ему угрожает серьезная опасность. Поэтому я хотел бы разыскать его.

---

* *Буэно* — хорошо (*исп.*).— *Здесь и далее примечания автора.*

— Хорошо, что вы мне это сказали, — кивнул толстяк. — Я... Словом, сделаю все, что в моих силах, сеньор Роулинг.

Как и предполагал Стив, вечером Сутрос не смог сообщить ничего нового. Фигуранкайн-младший, если даже он и появлялся в Маниле, в посольство США не заходил.

— И знаете, сеньор Роулинг, — взволнованно говорил маленький толстяк, наклоняясь к самому уху Стива и испытующе поглядывая на него исподлобья круглыми темными глазками, — у меня создалось впечатление, что в посольстве ничего не известно о кончине Фигуранкайна-старшего, хотя в деловом мире это была бы новость номер один... Надежны ли ваши сведения?

— Абсолютно, — кивнул Стив.

Они сидели, поджав под себя ноги, на циновках, которыми был устлан пол в небольшом, по-японски устроенном кабинете в нижнем ресторане отеля Сутроса, куда толстяк хозяин пригласил Стива. Кабинет этот, как было известно Стиву, предназначался для встреч особенно важных и почетных гостей.

— У меня там работает родственница, — объяснил Сутрос. — Она... в близких отношениях с одним из секретарей посольства и, естественно, в курсе дел... Американцы даже между собой не упоминали о смерти Фигуранкайна. По сведениям работников посольства, он сейчас должен находиться в Мексике.

— Вполне вероятно, что он еще там, — сказал Стив, раскуривая сигару, — но... в морге. Он погиб при авиационной катастрофе.

— Когда это случилось?

— В тот же день, когда был убит президент Кеннеди.

— Ого! — воскликнул Сутрос.

— Мои сведения абсолютно надежны, — повторил Стив. — И, если вы связываете с кончиной Фигуранкайна какие-либо деловые... интересы, вы можете действовать совершенно спокойно.

— Я уже начал было, — кивнул Сутрос, — но после разговора с родственницей, признаюсь, испугался,

— А вы не бойтесь.

— Если все обстоит так, как... мы с вами считаем, сеньор Роулинг, вы... дали мне возможность заработать довольно крупную сумму.

— Что ж, я рад,— сказал Стив, затягиваясь и выпуская клубы ароматного дыма.

— Разумеется, я в долгу не останусь,— поклонился Сутрос.

— Мне важно разыскать Фигуранкайна-младшего как можно скорее,— объявил Стив, подчеркнув слово «скорее».— Иначе будет поздно.

— Я предпринял еще кое-какие шаги,— начал Сутрос, наполняя маленькие серебряные стаканчики подогретой рисовой водкой,— но потребуется время. Придется чуть-чуть подождать. За успех ваших дел, сеньор Роулинг!

— И ваших, сеньор Сутрос! Однако долго ждать я не могу,— предупредил Стив, закусывая водку икрой морского ежа.

— Подождем пока до завтра,— улыбнулся толстяк хозяин и подал знак нести горячие блюда.

Стив знал, что правила этикета в странах Юго-Восточной Азии не позволяют вести деловые разговоры во время еды. Поэтому он занялся смакованием изысканных экзотических блюд. Их местные названия сами по себе ничего Стиву не говорили, и Сутрос время от времени пояснял:

— Это из плавников акулы.— Речь шла о супе.— Это печень морской черепахи... Трепанги в винном соусе... А это, сеньор Роулинг, это — деликатес особый,— толстяк даже причмокнул от удовольствия,— филе молодого удава, откормленного кроликами...

Только за десертом Стив счел возможным снова направить разговор по интересующему его руслу.

— А что, собственно, вам известно о Фигуранкайне-старшем? — спросил он у Сутроса, когда они вновь остались вдвоем.

— Как о бизнесмене или... как о человеке?

— Ну, допустим, и то, и другое.

Маленький толстяк надолго задумался.

— Я буду с вами откровенным,— начал он наконец, разрезая на дольки ломтик ананаса.— И хотя о покойниках не принято говорить плохо, скажу, что мне известно. Он был человеком необыкновенно удачливым, обладал железной хваткой и ничем не брезговал... Здесь, на Филиппинах, ему принадлежат большие каучуковые плантации, плантации сахарного тростника, ананасов, несколько рудников... Знаю, что на

Яве у него есть чайные плантации и огромный современный отель в Джакарте. Конечно, с казино и всем остальным. Но ему этого было мало. Его люди, с его ведома, разумеется, в массовых количествах скупали тут наркотики, в Индонезии — тоже наркотики и произведения древнего искусства, занимались вербовкой красивых молодых девушек. Это было большим бизнесом. Он снабжал живым товаром не только свои собственные дома развлечений, разбросанные по всему свету, но и иные подобные заведения. Мне известно, что его агенты не один раз попадались тут с поличным, но всегда кто-то помогал им выйти сухими из воды. Думаю, у его людей есть связи даже со здешними пиратами... Вам, конечно, хорошо известно, что в последние годы морские пираты стали истинным бичом в наших водах. От них почти в равной степени страдаем и мы, и японцы, и европейские суда, и даже американцы. А вот суда Фигуранкайна пираты не трогают... Здесь, на Востоке, плавает немало его судов — и грузовых, и товаро-пассажирских, даже танкеры... А ведь это только часть его морского флота. И все то, чем он тут владеет или к чему присосался, это, конечно, лишь небольшая доля его «хозяйства». Сфера его влияния, по-видимому, захватывает все континенты. Для него нет ничего невозможного...

— Не было ничего невозможного, — поправил Стив.

— Да, конечно, если... — Сутрос вздохнул. — Без него эта чудовищная пирамида, которую он строил всю жизнь, быстро развалится.

— Он же не один командовал, — возразил Стив, — были у него доверенные люди, какой-то штаб, видимо, специалисты своего дела. Они продолжат — машина будет крутиться.

— Не знаю, не знаю, — покачал головой Сутрос. — На вершине такой огромной пирамиды людей, ценностей, предприятий всегда должен находиться очень сильный человек. Он это мог... Другого такого найти трудно.

— Наверное, он позаботился о преемнике?

— Не знаю, не знаю... Если судить по тому, что вы сейчас разыскиваете его сына и сын может не знать о его кончине, все обстоит иначе.

— У него могли быть другие близкие люди.

— Я слышал, что он был очень жестоким человеком. Твердым, жестоким, способным на все. Мне приходилось встречаться с некоторыми из его людей. Его боялись, но не любили,

хотя он не скупился на плату, если был заинтересован в человеке. Но мне известно также, — Сутрос понизил голос, — как без следа исчезали те, кто хоть в малой степени не оправдал его доверия.

— Вы истинный клад, сеньор Сутрос, — заметил Стив. — Я даже не предполагал, что вам известно так много.

— Об этой фирме и ее делах здесь известно многим... Только никто не стал бы вам рассказывать все это...

— Вероятно, и вы как-то связаны с пирамидой, воздвигнутой Фигуранкайном? Впрочем, если мой вопрос покажется вам не очень тактичным, не отвечайте.

— Нет, почему же, — медленно сказал Сутрос, — вам могу ответить. Обстоятельства впутали меня в дела этой фирмы больше, чем мне хотелось бы... Но теперь, благодаря вам, сеньор Роулинг, я надеюсь выпутаться и, как уже имел удовольствие сообщить вам, смогу даже на этом заработать. Этот отель — не единственное, что принадлежит мне... Думаю, моему примеру последует и еще кое-кто. Но в таком деле всегда важно оказаться первым.

— Не означает ли это уже появление трещин на пирамиде Фигуранкайна? — поинтересовался Стив.

— Нет, конечно, — пренебрежительно махнул рукой Сутрос. — Мы здесь, в Юго-Восточной Азии, слишком мелки. Знаете, как рыбки-прилипалы у китовой акулы. Трещины — совсем другое...

Прошло несколько дней. Каждое утро Стив наведывался в кабинет хозяина отеля, расположенный в цокольном этаже здания. Сеньор Сутрос встречал его радушно, угощал крепким, необыкновенно ароматным кофе, говорил о погоде, о биржевых новостях, а в заключение, когда они оставались вдвоем, отрицательно качал головой и лаконично пояснял:

— Пока ничего... Надо еще подождать...

В одну из таких встреч, уже прощаясь, Сутрос вдруг поинтересовался, владеет ли Стив приемами каратэ.

— Немного, — ответил удивленный Стив. — А что, может понадобиться?

— В вашем положении не исключено, — улыбнулся толстяк. — Впрочем, это больше будет зависеть от вас...

— Я давно перестал тренироваться регулярно, — пожал плечами Стив.

— И напрасно. Каратэ — эликсир здоровья.

— Проблема времени, сеньор Сутрос.

— Но сейчас время у вас есть. Могу порекомендовать неплохого тренера.

— Кто такой?

— Тео Ионг Хаук, сингапурец. Один из немногих, кто еще владеет приемами санчин-до — древнекитайского воинского искусства. Когда-то его создали и усовершенствовали буддийские монахи, добиваясь свержения власти маньчжуров. Потом оно стало своего рода школой самосовершенствования: человек с помощью этого искусства познает неведомые ему возможности своего организма, своих мышц, например, нервной системы.

— И что может ваш Тео?

— Многое, — усмехнулся Сутрос. — Может, например, стоя на двух коробках яиц, разрубить ударом руки стебель сахарного тростника, подвешенный на двух бумажных полосках. Разумеется, и бумажные подвески, и яйца в коробках останутся в полной сохранности.

— Чудеса какие-то.

— Только тренировка. Он говорит, что научился балансировать, стоя босыми ногами на яйцах, после года тренировок.

— К сожалению, не располагаю годом.

— Овладение многими приемами санчин-до требует меньшего времени.

— Сколько же он берет за сеанс?

— Мои друзья — друзья Тео, — расплылся в улыбке Сутрос. — С друзей он не требует ничего, кроме благодарности.

— И если мне предстоит пробыть тут еще с неделю... — начал Стив.

— Смею смиренно просить вас воспользоваться уроками Тео, — докончил Сутрос.

— Как разыскать его?

— Он разыщет вас сам сегодня после полудня.

— О'кей.

— Кстати, сеньор Роулинг, — сказал Сутрос, пожимая на прощание руку Стива, — у нас лишь сегодня утром стало официально известно о смерти Фигуранкайна-старшего. Кое для кого на Филиппинах последствия, вероятно, окажутся более серьезными, чем я вначале предполагал.

— Но вы-то успели принять необходимые меры?

Сутрос низко поклонился по-японски:

— Только благодаря вам, дорогой сеньор Роулинг.

Тео Ионг Хаук действительно разыскал Стива в тот же день. После обеда Стив сидел в баре за рюмкой коньяка, когда к нему подошел невысокий молодой китаец с очень правильными чертами смуглого удлиненного лица. Ни белый европейский костюм, ни хрупкая, совсем не спортивная, как показалось Стиву, фигура не выдавали в нем мага древнекитайского воинского искусства.

Они поговорили немного, и Тео тотчас же пригласил Стива на первую тренировку.

— Как, сразу после обеда? — изумился Стив.

— Это не помешает, — улыбнулся Тео, — но вам на некоторое время придется воздержаться от девочек, сигар и вот от этого. — Он указал на рюмку с недопитым коньяком.

— О'кей, — согласился Стив, поднимаясь из-за стола.

Пребывание в Маниле затягивалось, и теперь Стив немалую часть своего свободного времени посвящал искусству санчин-до. Тео оказался не только феноменальным мастером каратэ, но и великолепным инструктором, и хотя у Стива после первых тренировок болели все мускулы натруженного тела, он вскоре оценил, какой удивительный подарок преподнес ему Сутрос.

Уроки проходили в небольшом спортивном зале, в цокольном этаже отеля, по соседству с открытым бассейном. После каждой тренировки Стив имел возможность «расслабиться» в теплой морской воде, заполнявшей бассейн. Каждое занятие начинали с «повторения пройденного», потом Тео показывал новый прием, отрабатывали его по элементам и целиком, потом следовали упражнения для разных групп мышц, которые Тео называл гаммами, и в заключение — несколько минут боевых схваток. Эти минуты были самыми интересными и самыми трудными, потому что тут Тео демонстрировал все грани своего необыкновенного искусства и подчас не щадил Стива.

Одна из тренировок закончилась тем, что Стив потерял сознание. Удар Тео, который Стив не успел отразить, не показался ему слишком сильным, тем не менее, все вокруг стремительно закружилось и утонуло в красноватой мгле. Когда Стив пришел в себя, оказалось, что он лежит на топча-

не в дальнем углу зала, а Тео деликатно массирует ему виски, шею и грудь.

— Тысячу раз прошу извинить меня,— сказал Тео, помогая Стиву подняться,— но вы допустили большую оплошность. Я предупреждал: эту часть шеи нельзя открывать. Удар может быть смертельным. Завтра мы пройдем это по элементам.

— Сколько лет вы занимаетесь этим, Тео? — спросил Стив, зажмуриваясь и тряся головой, чтобы избавиться от головокружения.

— Всю жизнь.

— А сколько вам лет?

— Еще не очень много. Пятьдесят три.

— Сколько? — переспросил Стив, широко раскрывая глаза.

Тео повторил.

— Невероятно... Я не дал бы вам и половины.

— Это санчин-до,— скромно ответил Тео.— Если будете регулярно тренироваться, до восьмидесяти лет останетесь таким, как сейчас, Стив.

— То есть законсервируюсь на тридцати трех? — уточнил Стив, снова зажмуриваясь, потому что зал вместе с Тео упорно не хотел приостановить вращение.

— Около тридцати,— кивнул Тео.— Но тренировки должны быть регулярными. Дважды в день. Утром и вечером.

— Сеньор Сутрос говорил мне,— сказал Стив, потирая шею,— что вы можете ребром ладони перерубить стебель сахарного тростника.

— Даже стебель зеленого бамбука.

— Какой толщины?

— Полтора-два дюйма.

— Невероятно...

— Хотите покажу?

— Хотел бы посмотреть.

Тео вышел и возвратился через несколько минут с двухметровым шестом зеленого бамбука, двумя стаканами и бутылкой кока-колы.

— Достал только этот,— сказал он расстроенно,— толщина поменьше двух дюймов. Но мы изменим условия.

Он принес с площадки бассейна два небольших столика, установил их в метре один от другого, а на края столиков

поставил стаканы. Затем он наполнил стаканы кока-колой и протянул бамбук Стиву:

— Попробуйте сломать.

Стив попробовал, но шест только пружинил. Тео кивнул, осторожно положил шест на кромки стаканов, резко выдохнул воздух и с оглушительным криком разрубил бамбук ребром ладони на два равных куска. Стаканы даже не сдвинулись с места, и их содержимое не выплеснулось.

— Вот и все,— спокойно объявил Тео, протягивая один стакан Стиву, а другой поднося к губам.

— У меня даже головокружение прошло,— сказал Стив, залпом выпивая кока-колу.

— А еще было?

— До того момента, как вы разрубили бамбук.

— Пустяки... Стебель тонкий.

Они измерили его. Толщина оказалась три с половиной сантиметра.

Стив покачал головой.

— Вы тоже так сможете,— уверил Тео,— через некоторое время.

— Руку, наверно, тоже отрубите? — поинтересовался Стив.

— Нет. Но кость будет раздроблена.

— А зачем этот крик при нападении и ударе?

— Традиция,— пожал плечами Тео.— Суть — предупредить противника. В санчин-до все должно быть честно. При самообороне крик может испугать непосвященных нападающих.

— А вам приходилось использовать приемы санчин-до всерьез?

— Приходилось,— лаконично ответил Тео.

Стив посвятил Тео и санчин-до небольшую корреспонденцию для «Калифорния таймс». Он сам передал ее телетайпом из пресс-центра Манилы, а на следующее утро получил телеграмму от Старика: «Жду дела тчк Экзотические байки больше не нужны тчк». И подпись.

Это было напоминание, которого Стив ждал. Прошло уже десять дней, как он последний раз разговаривал со Стариком по телефону из Акапулько. В «Калифорния таймс» ждали подтверждения версии о наследнике «империи» Фигуранкайнов. А след потерялся... Или тогда ночью по дороге в аэропорт Феликс Крукс разыграл его? Не похоже, но и не исключено...

С какой целью он мог это сделать? Стив не сомневался, что Крукс действительно симпатизировал молодому Фигуранкайну. Скорее всего, он проговорился случайно, в полусне, следовательно, не мог солгать... Тогда он и сам пытается теперь разыскивать «наследника престола». Значит, его люди тоже должны рыскать где-то в этих краях. Надо будет предупредить Сутроса.

Однако Сутрос опередил его... В тот же день он позвонил Стиву и пригласил на обед. Стив понял, что дела сдвинулось с мертвой точки, и с трудом дождался назначенного часа.

Они обедали в верхнем ресторане на крыше отеля. Зал в эти часы был почти пуст, и официанты, заставив стол закусками и фарфоровыми мисками с электрическим подогревом, бесшумно удалились. Стараясь не выдать своего нетерпения, Стив глотал экзотические блюда, почти не ощущая их вкуса, и ждал, когда наконец Сутрос заговорит о деле.

А маленький толстяк непринужденно болтал о разных пустяках, хвалил китайскую кухню, шутил, распространялся о планах перестройки отеля.

Только за десертом он вдруг сразу стал серьезным, замолчал ненадолго и потом, не глядя на Стива, тихо сказал:

— А ведь вашего подопечного и еще кое-кто разыскивает.

— Кто? — встрепенулся Стив.

— Пока точно не знаю. Мои люди зачеркнули одного. Он оказался контрабандистом с острова Себу.

— Зачеркнули? — переспросил Стив.

— Так получилось, — развел руками Сутрос. — Вы не опасайтесь. Все нормально. Драка в портовом баре. Буэно... Здесь это случается постоянно. Но их было несколько.

— Филиппинцы?

— Нет, китайцы.

— Разыскивают Цезаря?

— Его.

— Значит, он должен быть где-то тут.

— А вы не знаете, кто еще может интересоваться вашим подопечным?

— Я как раз хотел вам сказать... В Нью-Йорке есть адвокатская контора «Феликс Крукс и сын». Это поверенные в делах Фигуранкайнов. Завещание хранится у них. Они, наверное, попытаются разыскать наследника.

Сеньор Сутрос с сомнением покачал головой:

— Адвокатская контора сделала бы это вполне официально. В посольстве США ничего не известно. Я уже наводил справки.

Стив тяжело вздохнул:

— Тогда остается предположить, что это противная сторона... Разыскивают Цезаря, чтобы избавиться от него.

— Кто это может быть, по-вашему, сеньор Роулинг?

— Кто-нибудь из «штаба» Фигуранкайна, заинтересованный, чтобы сын не занял место отца?

— Ну, во всяком случае, они в поле зрения моих людей, — жестко сказал маленький толстяк. — Мои от них уже не отступятся. Хуже, если таких групп есть несколько...

— А о самом Цезаре по-прежнему ничего?

Сеньор Сутрос облизнул пухлые губы:

— Он действительно появлялся тут весной. Жил в одном очень старом буддийском монастыре на острове Миндоро. Это недалеко от Манилы. Водился с монахами, даже носил монашескую одежду. С ним была женщина — молодая и очень красивая. Как будто, малайка с острова Бали. Потом они оба исчезли. По слухам, вернулись на Бали... Но там их сейчас нет. Это точно.

— Однако кое-что вам удалось выяснить! И немало! — воскликнул Стив.

Сутрос пожал плечами:

— Подтвердить ваши сведения? Больше ничего... Их след затерялся в начале июня, сейчас декабрь. Но... Подождем еще... Новый день — новые вести.

Слова Сутроса оказались пророческими. Следующий день принес долгожданные вести... Стив только начал просыпаться и еще лежал в полудремоте, не открывая глаз, когда в дверь негромко постучали.

— Войдите, — пробормотал Стив, с трудом приподнимая веки.

Картина, которая представилась его взгляду, мгновенно прогнала остатки сна и заставила вскочить.

Сам сеньор Сутрос в белом фартуке вкатил в номер столик-тележку с утренним кофе.

— Лежите, лежите, — сказал толстяк, закрывая дверь, и помахал Стиву пухлой маленькой ручкой. — А то еще упадете

спросонья. С добрым утром и с добрыми новостями, сеньор Роулинг.

— Вы? — пробормотал Стив, все еще не веря глазам.— Но почему вы? — Он кивнул на столик с кофе.

— А почему бы не я? — удивился Сутрос.— Мой отец, например, всегда сам приносил завтрак своим постоянным, уважаемым гостям. Вы не возражаете? — Он присел на край широкого ложа, которое занимал Стив.— Выпьем кофе и побеседуем. Буэно?

— Что-нибудь случилось?

— Он нашелся...

— Где?

— В Сингапуре.

— Цезарь Фигуранкайн-младший? — на всякий случай уточнил Стив.

— Но ведь он вам и был нужен.

— Значит, мне надо немедленно лететь в Сингапур.

Сеньор Сутрос протянул Стиву маленькую, матово просвечивающую чашечку с кофе:

— Не торопитесь. Он вынужден скрываться. Может быть, догадывается, что за ним охотятся. Но теперь мои люди будут поблизости и примут меры в случае опасности. Он вас знает?

— Нет.

— Это сильно осложняет задачу. Он может не поверить. Не захочет разговаривать с вами.

Стив пожал плечами:

— У меня нет выхода... Я должен встретиться с ним, и как можно скорее. Иначе будет поздно.

Маленький толстяк задумчиво потер подбородок:

— Надо придумать что-то такое, чтобы он понял, что вы его друг...

— Зачем? Я просто объясню ему ситуацию,— возразил Стив.

— Люди в его положении обычно становятся недоверчивыми. Что вам о нем известно? Как о человеке?

— Очень мало,— признался Стив.

— Ну вот видите.

— И все-таки надо действовать.

— Разумеется,— согласился Сутрос.— Но только наверняка. А это значит...

Сутрос умолк и задумался.

— Это значит, что мне сегодня же надо быть в Сингапуре, — заключил Стив.

— Предприятие более опасно, чем вы, очевидно, предполагаете, — тихо сказал Сутрос после довольно долгой паузы. — Там крутится еще кто-то, заинтересованный во встрече. Это и помогло моим людям разыскать след. И еще одно... Похоже, что он стал... или его сделали наркоманом...

— В конце концов, можно прибегнуть к помощи полиции, — заметил Стив.

Сутрос сокрушенно покачал головой:

— Сингапурская полиция! Сеньор Роулинг, что вы говорите!

— Я имел в виду Интерпол...

— А какая разница? Обратиться к полиции — значит заранее обречь все на провал. Это вам не Европа и даже не Штаты. Нет, тут надо рассчитывать только на собственные силы и возможности.

— Что же вы предлагаете?

— Прежде всего не торопиться, дорогой сеньор.

— Вот это меня и не устраивает.

— Терпение!.. Существуют две возможности. Первая — похитить его, а уж потом убеждать... Вторая — навести на него тех, кто его ищет, помочь отбиться, ну а дальше — что получится.

— А что-нибудь попроще?

— Пока не приходит в голову.

— Скажите, где его искать, и не откажите мне в любезности сейчас же заказать билет на ближайший самолет в Сингапур.

— Ах, сеньор Роулинг, сеньор Роулинг, билет не проблема. Три часа полета — и вы в Сингапуре. Но ведь там возле вас не будет Сутроса.

— Там есть ваши люди?

— Есть, и они помогут вам. Но, мне кажется, вы забываете, что находитесь в Юго-Восточной Азии. А Сингапур — экстракт Юго-Востока со всеми его черными и чернейшими сторонами. Вам приходилось бывать там?

— Только проездом.

— Ну вот видите, — тяжело вздохнул Сутрос.

— И тем не менее, я должен возможно быстрее оказаться там. Вы помогли мне разыскать Цезаря. Это уже бесконечно много, и я никогда не забуду вашей доброты...

Сутрос протестующе поднял руку:

— Не говорите о доброте, сеньор Роулинг. Дело совсем не в ней. И я вовсе не добрый человек. Но я вас уважаю, и вы оказали мне большую услугу. У нас на Востоке за добро платят добром, и наоборот... Я считаю своим долгом помочь вам в осуществлении задуманного. И не отступлю до конца. Это мой долг... Кроме того, может быть, и вам когда-нибудь еще представится возможность оказать услугу старому Сутросу. Пути Аллаха неисповедимы...

— Вы мусульманин?

— Как и мои предки.

— Если бы я верил, что смерть не конец всего, — задумчиво сказал Стив, — я, наверное, принял бы учение Корана...

— Никогда не поздно сделать это, сеньор мой... В сущности, Аллах ничего не требует от людей, кроме того, чтобы они были достойны мира, который он для них создал...

— Это и немного, и одновременно очень много, сеньор Сутрос. Не люблю обязательств, которые связывают руки... Кроме того, я не верю... не верю, что за всем этим, — Стив запахнул пижаму на груди и широко взмахнул свободной правой рукой, — что-то есть... Что-то, ради чего следовало бы дополнительно трудиться... Поэтому закажите мне билет на ближайший самолет.

— Хорошо, — сказал Сутрос, вставая, — тогда не откажите мне в последней просьбе — пусть вас сопровождает Тео.

— Тео? А разве он...

— Сейчас у него не найдется задачи более важной. Кроме того, он из Сингапура и давно собирался побывать в родном городе. У него там родственники.

— Ну что же, — усмехнулся Стив, — Тео приятный компаньон. Может быть, мы даже продолжим тренировки...

— Конечно, конечно, — закивал Сутрос. — Значит, решено. Он полетит с вами.

«Что же это? — думал Стив, одеваясь. — Только ли желание ответить услугой за услугу? Или за этим скрывается иное?.. Ведь я, в сущности, не знаю даже, почему Сутросу было так важно узнать первым в Маниле о гибели Фигуранкайна.

И почему об этом не знали в американском посольстве? Почему официальные известия дошли сюда с таким опозданием? Кто-то сумел пригасить пламя сенсации? А мои собственные корреспонденции в "Калифорния таймс"? Нет, там, конечно, все в порядке... Материалы прошли, и Старик ждет новых... Значит, тем более важно сегодня же быть в Сингапуре... Интересно, знает ли Цезарь о гибели отца? Впрочем, если он стал или его сделали наркоманом... Нет, надо выяснить все самому...»

В два часа после полудня самолет японской авиакомпании «Japan Line», следующий по маршруту Токио — Манила — Сингапур — Коломбо — Карачи, приземлился в аэропорту Сингапура, и Стив в сопровождении Тео вышел на мокрый после недавнего дождя бетон летного поля. Было душно и влажно. Парной, неподвижный воздух казался осязаемо плотным. Солнце чуть просвечивало сквозь желтовато-перламутровый туман. Силуэты пальм над приземистыми зданиями авиавокзала были совершенно неподвижны.

— Ну и духотища! — вырвалось у Стива.

Тео усмехнулся, но ничего не ответил.

Пока прошли несколько десятков метров от трапа самолета до входа в здание авиавокзала, Стив почувствовал, как все его тело стало липким от пота. Он нырнул в кондиционированный воздух внутренних помещений, как в освежающую прохладу бассейна. Сразу стало легче дышать. Стив искоса глянул на своего спутника. Лицо и матовый лоб Тео были сухи и чисты. Ни капельки пота.

«Санчин-до? — думал Стив, отирая платком мокрый лоб и шею. — Или просто привычка к этой проклятой влажности тропиков?»

Дожидаясь багажа, он с наслаждением впитывал окружающую прохладу и старался не думать, что ожидает при выходе наружу. Багаж появился отвратительно скоро. Стив со вздохом взял свой чемодан и направился вслед за Тео.

У выхода их уже ожидал маленький черноволосый малаец с большой серебряной серьгой в левом ухе. По знаку Тео он подхватил чемодан Стива и повел их в глубь лабиринта всевозможнейших автомашин, занимавшего обширную площадь перед зданиями авиавокзала.

В духоте старенькой тесной «тойоты» Стив снова почувствовал, что истекает потом. Не помогали открытые окна и поднятое лобовое стекло. Встречный воздух был плотен, влажен и горяч. Он не только не освежал, но наоборот, казалось, выдавливал из перегретого тела все новые и новые струйки пота. Стив покосился на своего спутника. Даже лоб Тео теперь стал блестящим и влажным.

— Ужасная духота! — повторил Стив сквозь зубы.

— Да, сегодня душновато, — согласился Тео, — но в июне здесь жарче.

«Мне и этого вполне достаточно, — подумал Стив, с трудом переводя дыхание, — кажется, начинаю понимать, что такое тепловой удар от перегрева».

Пальмовые рощи и банановые плантации по сторонам шоссе вскоре сменились какими-то складами с крышами из гофрированного железа. Стив попробовал представить, какова сейчас температура в этих длинных железных коробках без окон и, конечно, без вентиляции. Ему стало не по себе.

— Это холодильники, — сказал вдруг Тео, словно поняв его мысли.

— Холодильники? — переспросил Стив и подумал, что само это слово иногда способно приносить облегчение.

— Да. Холодильники для фруктов. Работают на солнечном тепле. Японцы построили.

— Интересно, — пробормотал Стив, пытаясь осознать услышанное. Ну да, конечно, солнечное тепло — как испаритель, а там, внутри, охлаждение, и солнце вместо электричества. В Штатах он что-то слышал о таких проектах, а японцы их уже осуществили в Сингапуре. Такова нынешняя Юго-Восточная Азия.

За холодильниками потянулись корпуса заводов. Это была уже Европа или Штаты; знакомые названия французских, английских, итальянских концернов над крышами, рекламные щиты американских фирм вдоль шоссе.

Стив взглянул на Тео.

— «Made in USA», — процедил тот сквозь зубы и презрительно усмехнулся.

— Но это работа для местных, — попытался возразить Стив.

— Это хороший бизнес для хозяев за океаном, — сказал Тео.

— Безработный много, очень много, — вмешался вдруг водитель, повернув к Стиву ухо, украшенное серебряной серьгой. — Разница очень мало. Есть работа, нет работа — очень трудно. Кушать — дорого, вода — дорого. Все дорого. Деньги простой человек совсем мало.

— А что с водой? — не понял Стив. — Разве за воду здесь платят?

— Конечно, — снова усмехнулся Тео. — Вода тут дороже пива на Филиппинах...

— Вода Сингапур совсем плохо, — сказал водитель, не оборачиваясь. — Надо дождик собирать. Дождик совсем мало. Другой вода покупать надо.

— Воду привозят судами из Малайзии, — пояснил Тео. — Своей воды на острове почти нет. Строят большой водопровод через пролив. Но когда еще построят... И все равно за воду придется платить.

— Цена идет туда, — сказал водитель, показав пальцем, куда идут цены. — Вниз — нет.

Мимо уже мелькали трущобы предместий — скученная теснота маленьких домиков, сложенных из чего попало — досок, фанеры, жести, кусков гофрированного железа, старых ящиков, пальмовых листьев, стеблей тростника... Пестрая мозаика крыш из кусков разноцветного пластика, просмоленной парусины, рисовой соломы, осколков стекла, сложенных наподобие черепицы. Ни зелени, ни тени... Оборванные, худые дети, некоторые — совершенно голые, безучастно смотрели на проезжающие мимо машины. Ошеломляющая панорама безысходной, пронзительной нищеты и человеческой ненужности...

Стив вспомнил старуху индианку с девочкой на бульваре Акапулько. Там еще можно было что-то сделать. А тут?.. У него сжалось сердце. Большинство этих маленьких черноглазых человечков обречены — или умрут, не успев вырасти, или станут преступниками. И рядом миллиарды в руках подонков, которые думают лишь о дальнейшем обогащении, либо — еще хуже — об истреблении себе подобных... Что за чудовищный мир! Где в нем осталось место для того аллаха, о котором говорил сегодня утром Сутрос? Может, и прав Цезарь Фигуранкайн-младший, который предпочел блеску и нищете XX века бегство в древнюю премудрость буддизма? Может быть, не стоит пытаться возвращать его в безумный мир сегодняшнего дня?.. Может, авантюра Стива тоже род безумия?

Он усмехнулся: сколько их уже было, таких попыток! Последняя чуть не повлекла за собой изгнание из «Калифорния таймс». В сущности, его спас Старик... Уговорил хозяев дать Стиву последний шанс... Последний? Именно — последний! Неизвестно, конечно, чем все может кончиться, но этот шанс надо разыграть до конца... Дело даже не в деньгах... Существует кое-что поважнее...

— Сингапур — не только фавелы и трущобы,— послышался тихий голос Тео.— Вот начинается другой Сингапур — виллы богачей вокруг кварталов центра. А дальше — небоскребы акционерных обществ, банков. Там, в центре, есть хорошие дорогие отели с бассейнами и кондиционированным воздухом, но лучше будет, если остановимся в одном из маленьких старых отелей у порта. Он,— Тео кивнул на водителя,— знает один такой отель и отвезет нас туда. Это недалеко... от того места, которое нам нужно.

— О'кей,— кивнул Стив.

Если бы не одуряющая духота, ряды аккуратных домиков за окном «тойоты», утопающих в цветах и зелени, с ажурными оградами, зеркальными стеклами огромных окон, посыпанными гравием дорожками, гаражами, открытыми бассейнами, фонтанами, шикарными лимузинами у ворот,— все это можно было бы принять за кварталы Лос-Анджелеса или Майами...

«Можно,— думал Стив,— но зачем? Чтобы успокоиться немного и выбросить из головы воспоминание о кругах невыдуманного ада, через который мы только что проехали? Такое скоро не забудешь... Такое может стать кошмаром бессонных ночей на многие годы. Цезарь Фигуранкайн-младший не мог не видеть всего этого и еще более страшной яви в других городах Юго-Восточной Азии. Если он не окончательно погрузился в наркотическую нирвану полного отупения и отказа от любой реальности — тогда не все потеряно... Но если его специально сделали наркоманом,— а здесь это умеют,— то Сутрос окажется прав, и я проиграл... Конечно, я привезу Старику еще пару сенсационных репортажей и ту кассету, но это и все... Большое приключение не состоится, и раковая опухоль в Центральной Африке будет продолжать разрастаться за счет миллиардов Фигуранкайна-старшего. А если я снова стану писать о подонках из ОТРАГа, основываясь на одних подозрениях, меня просто-напросто вышвырнут из

"Калифорния таймс", и Старик будет прав, что отступится от меня».

Стеклянные коробки небоскребов возникали все ближе, прохожих и машин становилось все больше, улица превратилась в яркий коридор лавок, кафе и маленьких магазинчиков, набитых всякой всячиной, начиная от ковров, расстеленных прямо на тротуарах, до фарфора, оружия, магнитофонов и цветных открыток. Среди прохожих преобладали китайцы и малайцы, но попадались и индусы, европейцы, негры. Стройные женщины с полузакрытыми лицами, в длинных, до земли, развевающихся одеждах несли на головах, не придерживая, большие глиняные кувшины. На перекрестках что-то пекли, варили и жарили. Струйки синеватого дыма поднимались к белесому небу. Гортанно кричали зазывалы. Запах подгоревшего масла, перца, дыма и каких-то пряностей щекотал ноздри.

«Экстракт Юга-Востока», — вспомнил Стив слова Сутроса.

Водитель не стал углубляться в кварталы центра. «Тойота» резко свернула вправо и вдоль нескончающегося, как показалось Стиву, пестрого и шумного базара, обогнула остров небоскребов. Миновали большую белую мечеть с четырьмя высокими минаретами, потом желтый буддийский храм с бронзовой фигурой сидящего перед входом Будды, вереницу массивных административных зданий, и вдруг Стив почувствовал на лице освежающее дуновение ветра, а сквозь пряные ароматы восточного базара отчетливо донесся соленый запах водорослей и близкого моря.

— Малаккский пролив, — сказал Тео, указывая куда-то вперед.

Пролива Стив так и не разглядел. Мелькнула белесая гладь воды, кусок низкого песчаного берега, и машина свернула в лабиринт узких, кривых уличек портовой части города. Снова сделалось жарко и душно. Аромат пряностей, розового масла и перца смешивался тут с запахами плесени и гнили и вонью нечистот. Прохожих стало меньше, женщины совсем исчезли. Группки молодых парней у баров в цветастых безрукавках и широченных белых штанах провожали «тойоту» настороженными взглядами.

— Старый Сингапур, — усмехнулся Тео.

Они завернули в узкий, круто изгибающийся переулок и остановились у небольшого, довольно опрятного, белого дома. Дом был двухэтажный, с плоской крышей, над которой пестрел яркий тент и возвышалась белая башенка, напоминающая минарет.

— «Отель под минаретом», — сказал Тео. — Его здесь все знают. Легко найти.

— Хорошо будет, — добавил водитель, вытаскивая из машины чемодан Стива, и подмигнул заговорщически.

В маленьком номере, куда хозяйка — симпатичная пожилая индуска в коричневом сари — провела Стива, тоже оказалось очень душно. Окна без стекол с металлическими жалюзи закрывала густая проволочная сетка, очевидно, от москитов. Стив приоткрыл жалюзи, но воздух оставался горячим и неподвижным. Стив с содроганием подумал о ночах, которые предстояло тут провести, и вздохнул при воспоминании о японских кондиционерах в отеле Сутроса в Маниле.

Появился Тео, и следом за ним — водитель «тойоты» с чемоданом Стива и большим четырехлопастным вентилятором на высокой подставке.

— Хорошо будет, — сказал водитель, устанавливая вентилятор в углу и включая штепсельную вилку. Вентилятор тихо заурчал, лопасти его закрутились все быстрее, и струя воздуха принесла наконец минимальное ощущение прохлады.

Водитель вышел, а Стив и Тео присели в плетеные кресла напротив вентилятора.

— С чего начнем? — спросил Стив, подставляя лицо под струю ветра, которую гнал вентилятор.

— Надо подождать одного человека, — помолчав, ответил Тео. — Джайя сказала, скоро придет.

— Джайя — хозяйка отеля?

— Нет, управляющая. «Отель под минаретом» принадлежит господину Сутросу.

— А кто знает место, где скрывается Цезарь?

— Может быть, тот, кто придет, — равнодушно сказал Тео.

— А вы?

Тео усмехнулся:

— Только приблизительно.

— Это в самом Сингапуре?

— Сингапур — целый остров,— пожал плечами Тео. Наступило долгое молчание.

— Может, немного санчин-до? — предложил вдруг Тео, не глядя на Стива,

— Жарко...

— Тогда оставим на вечер.

— А где? — спросил Стив, окинув взглядом тесный номер.

— Есть место. В подвале — хороший зал.

— Можно пойти и сейчас,— нерешительно протянул Стив.

Тео бросил на него испытующий взгляд:

— Лучше вечером. Я пойду. А вы пока отдохните,— Тео кивнул на постель.

— Нет. Скажите внизу, чтобы мне принесли свежие газеты.

Через несколько минут курчавый черноглазый мальчуган принес Стиву пачку газет. Стив протянул ему серебряную монету, но мальчишка усмехнулся и отрицательно покачал головой.

— Ты здешний бой? — спросил удивленный Стив. Мальчуган снова отрицательно покачал головой.

— Так кто же ты?

— Я Санджа — сын Джайи.

— О-о. Значит, ты самый главный в отеле.

— После матери,— серьезно объяснил Санджа.

— А кто твой отец?

Мальчик опустил глаза.

— Его нет. Убили.

— Ах вот что! Прости, Санджа, я не знал, извини...

— Ничего. В Сингапуре это случается.

Он разговаривал на очень правильном английском языке, почти без акцента.

— Ты учишься?

— Да, конечно. В британской школе на Альберт-роад.

В приоткрытую дверь снизу донесся голос Джайи. Она звала сына.

— Сейчас, мама,— крикнул Санджа.— Извините, сэр,— поклонился он Стиву,— спешу. Дела.

Когда дверь за Санджей закрылась, Стив принялся за газеты. Подробности событий в Далласе уже перекочевали на третью, четвертую полосу. Об авиакатастрофе под Мехико, Фигуранкайне, ОТРАГе ни строчки.

Стив внимательно просмотрел объявления адвокатских контор по делам наследства. Здесь тоже ничего. Хотя, казалось бы, именно тут, в Сингапуре, где перекрещивались невидимые нити, связывающие крупнейшие банки Запада, Востока и США, какая-то информация о наследстве Фигуранкайна должна была быть.

Возвратился Тео с небольшим свертком.

— Придется торопиться, — сказал он. — Вот одежда матроса. Надо переодеться. Под рубаху наденьте это. — Он извлек из свертка что-то гибкое и блестящее. — Пуля пробьет, нож нет. Тут предпочитают ножи...

— Что-нибудь изменилось? — спросил Стив, разворачивая сверток.

— Да... Их хотят сегодня ночью увезти куда-то.

— Кто?

Тео пожал плечами:

— Монахи... Они скрываются у монахов... Но там крутятся какие-то парни... Ночью была драка с большой кровью. Шейкуна сказал, что женщину ранили.

— Шейкуна?

— Человек Сутроса. Надежный. Пойдет с нами.

— Индус?

— Африканец из Мозамбика. Надежный человек.

— Когда идем?

— Сразу как стемнеет. Через полтора часа.

Стив бросил взгляд на часы. Половина пятого. Итак, через несколько часов все решится.

— В крайнем случае уведем его силой. — Стив вопросительно глянул на Тео.

— Нежелательно. Можем навлечь полицию... Но в крайнем случае попробуем.

— Не резервировать ли билеты на ночной самолет?

— Нет, придется уходить морем, выждав немного.

— Почему?

— В аэропорту будут ждать. Или полиция, или те, кто охотится за ними.

— А удалось выяснить, что это за люди?

— Шейкуна знает... Он скажет.

— Где он сейчас?

— Пошел узнать о катере. Перед закатом будет здесь.

В дверь постучали. Заглянула Джайя и поинтересовалась, будут ли они обедать.

Стив отрицательно покачал головой. Джайя взглянула на Тео.

— Надо подкрепиться, — решительно объявил Тео. — Сейчас сойдем вниз.

Шейкуна появился в конце обеда. Он протиснулся в крохотный кабинет, в котором сидели за столом Стив и Тео, и там сразу стало тесно. Это был высокий сутулый негр с очень узкими плечами и длинными руками, у него было плоское, почти безбровое лицо с покатым лбом и широким приплюснутым носом. Глубоко посаженные глаза глядели настороженно и сурово. При первом же взгляде на него Стив подумал, что Шейкуна, несмотря на свою тощую сутулую фигуру, должен быть необыкновенно ловок и силен. Чем-то он напоминал вставшего на задние лапы тигра, может быть, тем, что у него почти не было плеч. Как и большинство обитателей портовой части Сингапура, Шейкуна был одет в светлую трикотажную безрукавку с выцветшими портретами каких-то красоток и широкие парусиновые штаны.

Он приветствовал Стива поклоном, скрестив на груди длинные руки. Стив пригласил его присесть к столу, и Тео, бросив на Стива быстрый взгляд, придвинул Шейкуне стакан. Шейкуна протянул руку, выудил на противоположном конце стола графинчик с рисовой водкой, выплеснул его содержимое в стакан, проглотил одним махом и, отерев губы ладонью, уставился на Стива.

— Съешь что-нибудь? — спросил Тео.

Шейкуна молча покачал головой.

— Что с катером?

— Будет, когда понадобится.

Голос у него был глухой и хриплый, с обычным для южноафриканцев акцентом.

— У меня есть несколько вопросов, — сказал Стив.

Шейкуна кивнул, не сводя со Стива настороженного взгляда.

— Человек, к которому мы идем, тот, кого я ищу?

Шейкуна снова кивнул.

— Как его зовут?

— Он называет себя брат Дуонг, но его настоящее имя — Цезарь Фигуранкайн. Он американец.

— Что он делает у монахов?

— Читал старые рукописи... Теперь, говорят, курит опиум...

— А почему монахи прячут его?

Шейкуна заколебался:

— Может, просил помочь... Может, говорил, хочет принять учение Будды. Я не знаю...

— Но монахи ничего не станут делать бесплатно. А у него ведь нет денег.

Шейкуна закивал согласно:

— Нет, совсем нет...

— Так в чем же дело?

— Я не знаю...

— А эта женщина с ним? Кто она?

Шейкуна многозначительно надул губы:

— О-о, красивая женщина, очень красивая, очень смелая и мудрая. Люди говорят — дочь брамина с Бали. Она тоже скрывается.

— Они давно вместе?

— Давно. Встретились в Англии. Она там училась.

— А как ты думаешь, отпустят их монахи, если я уговорю его уйти?

По широкому лицу Шейкуны впервые скользнуло подобие улыбки.

— Почему не отпустят? Отпустят, — сказал он, рассматривая свои огромные руки. — Должны будут отпустить...

Он сжал кулаки и, легонько постукивая ими по столу, в упор взглянул на Стива.

— Хорошо, — кивнул Стив. — Как мы все это осуществим?

— Сейчас пойдем туда, — сказал Шейкуна, продолжая постукивать по столу. — Один монах проведет тебя к нему. Тебя одного и... без оружия. Но сначала надо уговорить женщину. Она никого не допускает к нему... Потом мы будем помогать...

— Сколько вас?

Шейкуна поднял руку:

— Сколько надо.

— А сколько я должен буду заплатить?

— Заплатят... Это не твоя забота.

— Ну ладно... Посмотрим потом... Если все удастся, я тоже кое-что приплачу, не сомневайся.

— Это излишне, — вмешался Тео. — Все улажено... Идите переодевайтесь. Через десять минут мы должны выйти.

Они вышли с черного хода. Через полутемные вонючие дворы и какие-то закоулки выбрались на плохо освещенную кривую уличку, такую узкую, что можно было коснуться противоположных стен, если расставить руки. Духота не стала меньше, но гибкая чешуя кольчуги холодила спину и грудь сквозь тонкую майку. Прохожих попадалось мало, и шли быстро. Шейкуна впереди, за ним Стив, сзади Тео. Одеты они были примерно одинаково и со стороны, вероятно, напоминали моряков, которые направляются искать ночных развлечений. Шейкуна уверенно шагал вперед. Стив вскоре совершенно потерял ориентировку в душном ночном лабиринте плохо освещенных кривых улиц и переулков, бесконечных лавчонок, баров, пивных со стриптизами, дешевых публичных домов, курилен и притонов. Несколько раз они миновали небольшие храмы — индуистские, буддийские, синтоистские и еще бог знает какие — с багровеющими внутри отсветами алтарей.

Стив снова, уже в который раз, подумал о том, что без помощи Сутроса и его многочисленной «семейки» вся эта авантюрная затея давно была бы обречена на провал. Несмотря на то, что он не раз бывал в Юго-Восточной Азии, даже работал здесь, он не представлял себе, да и сейчас почти не представляет, всей сложности традиции, обычаев, связей, людских взаимоотношений в этом огромном человеческом муравейнике нищеты, страданий, жажды наживы, пота, похоти и крови, где все решали деньги, хитрость и сила. Они шли без приключений уже около часу. Только однажды на более оживленной улице полураздетая молодая женщина, похожая на японку, выскочив из-за желтой занавеси, заслоняющей вход в какое-то увеселительное заведение, попыталась броситься Стиву на шею. Шейкуна резко оттолкнул ее, и она, вскрикнув от боли, мгновенно исчезла за желтой тканью.

Стив чувствовал, как ручейки пота снова струятся у него между лопаток и по груди. Кольчуга давно перестала холодить перегретое тело. А они все шли и шли...

— Далеко еще? — шепотом спросил он Шейкуну.

Послышалось лаконичное «нет», и Шейкуна ускорил шаги.

Теперь они почти бежали по темной пыльной улице. Лавки и бары попадались все реже. Их сменили длинные глухие заборы. Город был огромен, и даже эта его припортовая часть раскинулась на много километров. Наконец, Шейкуна замедлил шаги. Они вышли на небольшую темную площадь. Единственный тусклый фонарь в дальнем углу едва освещал асфальтовые заплаты между стволами пальм, кроны которых только угадывались на фоне темного беззвездного неба. За пальмами громоздилось какое-то обширное строение со ступенчатой крышей, напоминающее пагоду.

— Это здесь,— тихо сказал Шейкуна.— Подождите меня.— И он исчез, словно растворился во мраке.

Они молча ждали несколько минут. Поблизости никого не было видно, хотя вечер едва начался. Стив бросил взгляд на часы. Всего лишь половина восьмого.

— Что там такое? — спросил он, кивнув на темное строение по другую сторону площади.

— Буддийская святыня и монастырь. Очень старый монастырь. Говорят, существует с десятого века. Тогда еще не было города.

— Какая это часть Сингапура?

— Северо-запад. Отсюда тоже недалеко до моря.

— А где центр?

— Сити? Там.— Тео ткнул пальцем в темноту.

— Почему же не видно зарева огней?

— Далеко. Туман... Звезд тоже не видно.

Рядом из темноты бесшумно вынырнула сутулая фигура Шейкуны. Он внимательно огляделся по сторонам, прислушался. Стив затаил дыхание. Звон цикад, далекие гудки автомашин, где-то в глубине квартала плакал ребенок...

— Пошли,— тихо сказал Шейкуна.

Массивная металлическая калитка бесшумно приотворилась при их приближении. В узкую щель протиснулись по одному, и сразу же за спиной негромко звякнули засовы. Во дворе под густыми кронами деревьев царил полный мрак. Пахло воском, сандаловым дымом, еще чем-то сладковатым и одновременно горьким.

Шейкуна заговорил... Язык был Стиву неизвестен. Тотчас узкий луч карманного фонарика скользнул по лицу и груди Стива. Потом осветил Тео. Тот отрывисто сказал что-то, и

фонарик погас. Некоторое время Шейкуна переговаривался с кем-то невидимым, и Стиву показалось, что они препираются, но Тео вдруг сказал по-английски:

— Идите за ним. Мы подождем вас тут.

Стив уже хотел спросить — за кем, но кто-то вдруг взял его за руку и потянул за собой. Несколько десятков шагов прошли в полной темноте. Под подошвами скрипел гравий. Лицо задевали влажные листья. В темном парном воздухе приторно пахло какими-то цветами.

— Осторожно, здесь ступени,— сказал по-английски провожатый.

Снова возник тонкий луч фонаря, осветил каменные ступени, круто уходящие вниз, и подол желтого одеяния проводника.

— Пригнитесь немного, когда станете спускаться,— продолжал проводник,— я пойду первым, вы за мной.

Он начал медленно спускаться, освещая ступени позади себя. Стив наклонился и последовал за ним, стараясь наступать на пятна света, отбрасываемые фонарем. Лестница оказалась винтовой, очень крутой и узкой. Стив осторожно поднял руку и нащупал каменный свод совсем близко над головой. Здесь, в этой тесной каменной спирали, сноп света от фонаря рассеивался, и Стив теперь смог различить фигуру провожатого. Это был невысокий плотный человек с круглой бритой головой в традиционной одежде буддийского монаха; длинный желтый балахон оставлял открытыми шею, правое плечо и руку.

Спускались довольно долго. Стив насчитал более шестидесяти ступеней. Духота постепенно сменилась приятной прохладой. Здесь действовала какая-то особая вентиляция. Ток свежего воздуха снизу ощущался очень отчетливо. Наконец лестница кончилась, скрипнула дверь, и Стив очутился в обширном каменном коридоре, освещенном тусклыми электрическими лампами. Постепенно понижаясь, коридор тянулся очень далеко. В стенах с обеих сторон темнели ответвления и массивные старинные двери, закрывающие входы в какие-то помещения.

«Подземный лабиринт,— мелькнуло в голове Стива,— похоже на подземную тюрьму... Из такого каменного мешка и не выбраться». Ему стало не по себе, и он осторожно нащупал пистолет под мышкой.

Провожатый что-то сказал. Из ближайшего ответвления коридора появились еще двое бритоголовых монахов в желтых балахонах с обнаженными руками и правым плечом. Все трое были молодые крепкие ребята; их настороженные взгляды не выражали симпатии к Стиву. Некоторое время они молча рассматривали его. Стив напрягся и ждал, что последует дальше.

Один из монахов, по виду самый младший, сделал шаг вперед.

— Как ваше имя? — спросил он неожиданно приятным, мягким, с бархатным оттенком голосом. Стив сказал.

— Вы англичанин?

— Нет, американец.

— Журналист?

— Да.

— А кто вам помог проникнуть сюда?

Вопрос поставил Стива в тупик. Кого этот человек имеет в виду — Шейкуну или, может быть, Тео? Тео тоже сингапурец.

— У меня здесь много друзей, — уклончиво ответил Стив. — Помогли многие.

— Похвально, когда у человека много друзей, — с оттенком иронии заметил монах. — Особенно если друзья — достойные люди. Но все-таки мы хотим услышать более точный ответ.

— Больше всего я обязан сеньору Сутросу, — сказал Стив, — но он... из Манилы.

Монахи негромко заговорили между собой. Стив разобрал только имя Сутроса, повторенное несколько раз. Вероятно, ответ Стива удовлетворил их, потому что второй монах — по-видимому, главный среди них — объявил на ломаном английском:

— Хорошо, мы разрешим вам беседовать с нашими гостями, но мы вынуждены обыскать вас.

— Обыскать? — повторил пораженный Стив, не зная, как реагировать на это неожиданное условие.

— Да... И если вы имеете при себе оружие, дайте его сначала нам.

Стив колебался всего несколько мгновений.

«Я уже столько раз рисковал, начав эту сногсшибательную игру, и зашел так далеко, — подумал он, — что выход теперь только один...»

Он осторожно извлек пистолет и, держа его за ствол, протянул собеседнику. Тот сделал знак рукой, и пистолет взял провожатый, который привел Стива в подземелье.

— Больше нет? — спросил монах.

— Нет.

— Теперь разрешите обыскать.

Стив презрительно усмехнулся. Поднял вверх руки. Пальцы провожатого быстро пробежали сверху вниз по его одежде. Они, конечно, нащупали и кольчугу под рубашкой, но это обстоятельство, по-видимому, не удивило монаха. Он выпрямился, кивнул бритой головой и спокойно отступил в сторону.

— Пойдемте, — сказал самый молодой монах.

«Ну, теперь надежда только на Тео и Шейкуну, — подумал Стив, следуя за новым проводником. — Я обезоружен, и все искусство санчин-до вместе с этой дурацкой кольчугой едва ли мне поможет».

Идти пришлось долго. Много раз они поворачивали, проходили через обширные, тускло освещенные залы, где ряды колонн поддерживали низкие каменные своды, а возле изваяний сидящих или лежащих будд курились благовония. В одном из подземных залов монахи, сидя на каменном полу, молились или были погружены в размышления.

Последний коридор, в который они свернули, упирался в дверь. За дверью оказалась еще одна винтовая каменная лестница. По ней пришлось подниматься. Очевидно, подземный лабиринт был многоэтажным. Стив насчитал сорок семь ступеней, прежде чем провожатый, не дойдя до конца лестницы, свернул в очень низкий боковой проход. Здесь было более душно, но Стив почувствовал облегчение. Все-таки, теперь он был ближе к поверхности. Узкий проход вывел в круглый зал с колоннами, из которого по радиусам расходились несколько коридоров разной ширины. Провожатый пересек зал и направился по самому широкому. Стены его были украшены причудливым каменным орнаментом, а на равных интервалах слева и справа темнели массивные двери, покрытые резьбой по дереву.

— Библиотека, — сказал вдруг монах, — хранилище буддийских рукописей. Одно из самых больших в Малайзии.

Они прошли библиотечный коридор до конца, свернули направо, и провожатый остановился напротив боковой каменной ниши. В глубине ниши Стив разглядел три двери.

— Это здесь. — Монах постучал в среднюю дверь.

За дверью послышались быстрые шаги, и женский голос спросил что-то. Монах ответил своим спокойным мягким баритоном. Дверь отворилась. На пороге стояла женщина в светлом сари.

Черты ее лица были неразличимы в полумраке. Стив видел только ореол пышных волос и силуэт стройной фигуры на фоне освещенного изнутри дверного проема.

Она что-то взволнованно сказала монаху, и Стив успел заметить, как блеснули в темноте белки больших глаз. Монах спокойно выслушал, кивнул и, обращаясь к Стиву, сказал:

— Это госпожа Райя — близкий друг человека, который вас интересует. Сам он сейчас не совсем здоров... и вы не сможете говорить с ним. Госпожа Райя объяснит вам все.

— Но я... — начал Стив.

— Ничего другого не могу предложить, — холодно прервал монах.

Сомнения снова охватили Стива. Неужели мистификация? Неужели Сутрос дурачил его?.. С какой целью?

— Послушайте, — Стив стиснул зубы, — мне нужен тот человек, которого ищу. Только он, и никто другой. Ни одна восточная богиня не в состоянии заменить его...

— Благодарю за неожиданный комплимент, — сказала вдруг женщина на безукоризненном английском, каким говорят в колледжах Оксфорда и Кембриджа, — но брат Хионг прав... Если вы сумели проникнуть сюда, вероятно, самое благоприятное для вас ограничиться беседой со мной и после этого... После этого оставить нас в покое. Невежливо, конечно, с моей стороны, но вынуждена напомнить: инициаторами встречи были отнюдь не мы...

Стив в глубине души не мог не признать, что она права. Кроме того, до этого момента он представлял подругу Цезаря Фигуранкайна-младшего несколько иной... Если, конечно, Цезарь имеет к этой женщине хоть какое-то отношение... В сущности, у Стива остался только один способ выяснить, мистифицируют его или нет...

— Итак, что вы решили? — спросил монах.

— Согласен, — кивнул Стив, — поговорю с леди.

— Я к вашим услугам, — холодно сказала женщина, пропуская его вперед.

Стив оглянулся на монаха. Но брат Хионг, видимо, не намеревался присутствовать при беседе. Он молча поклонился Райе и притворил за Стивом дверь.

Переступив порог, Стив остановился пораженный. Обширное помещение было обставлено с истинно восточной роскошью — ковры на стенах и на полу, диваны и кресла, обтянутые темно-красным сафьяном, парчовые подушки и накидки, старинные бронзовые светильники в форме драконов. В глубине комнаты широкая золотистая драпировка закрывала альков или арку, ведущую в другое помещение. У стены справа находился небольшой мраморный алтарь с фигурой сидящего Будды. Перед алтарем курились благовония; тонкий аромат заполнял помещение. Воздух был свеж и прохладен. Стив перевел взгляд на женщину, и у него мелькнула мысль, что все это сон... Такой красавицы он еще не встречал; пожалуй, он даже не предполагал, что подобное совершенство возможно. Лицо, шея, плечи, линии прекрасных рук — с ума можно сойти! А глаза! Широко расставленные, огромные, блестящие, под черными дугами сросшихся на переносице бровей, в обрамлении длинных темных ресниц — недаром блеск этих глаз поразил его даже в темноте. Вот только яркие губы были, быть может, чуть-чуть великоваты, но Стив попытался представить себе поцелуй этих губ, и по его спине пробежал озноб. Повезло же дурню Фигуранкайну, если, конечно, он валяется где-то по соседству, очумевший от наркотиков... Стив даже тряхнул головой, чтобы вернуть способность трезво мыслить. Женщина, вероятно, догадалась, какое впечатление произвела на него. Она опустила глаза и жестом предложила Стиву сесть. Он выбрал одно из глубоких кресел возле низкого японского столика, инкрустированного перламутром.

Райя присела с другой стороны стола на сафьяновом пуфе. Теперь лицо ее оказалось в тени, но Стив продолжал любоваться ею.

Она сидела очень прямо, приподняв голову и чуть отвернувшись от него, грудь вздымалась часто и тревожно. Руки она сложила на коленях. Только теперь Стив заметил на левой руке, повыше локтя, марлевую повязку.

— Вы ранены? — невольно вырвалось у него.

— Пустяки, — она гордо повернула прекрасную голову, — царапина.

— Вы, конечно, догадываетесь, зачем я здесь? — спросил он, не сводя с нее взгляда.

Она чуть шевельнула бровью:

— *Хотите получить интервью.*

— Нет!

Она стремительно повернулась, и он прочел в ее глазах изумление и испуг.

— Тогда... тогда зачем же?

— Хотел предложить несколько миллиардов...

— Несколько миллиардов? — Она вдруг рассмеялась. — Ах вот что. Ему? — Она кивнула в сторону золотистой драпировки. — Ему не нужно. Он не возьмет ничего.

— Послушайте, — сказал Стив. — Не торопитесь... Игра пока идет втемную, по крайней мере, для меня. А игра слишком серьезна, леди. Дело даже не в миллиардах, или, вернее, не только в них...

— А в чем же?

— Мне кажется, вы умная женщина. И если я не ошибаюсь, природа в вашем лице сотворила совершенство редчайшее из редчайших...

Она усмехнулась.

— Я всего-навсего скромный журналист провинциальной американской газеты, — продолжал Стив. — Случайно мне повезло. В погоне за очередной сенсацией я узнал одну тайну — тайну, которая, если ею правильно воспользоваться, могла бы принести немалую пользу...

— Тайну, — повторила она. — Эта тайна, конечно, не ваша.

— То есть теперь она немного и моя тоже, но в целом, конечно, нет.

Она снова усмехнулась, но теперь улыбка была совсем иной.

— Другими словами, вы хотели бы заняться шантажом?

Он протестующе поднял руки.

— Меньше всего на свете. Повторяю, не торопитесь.

— Так чего же вы хотите?

— Прежде чем скажу, я должен точно знать, кто находится за этим занавесом.

Она удивленно пожала плечами:

— Вы же знаете, иначе не явились бы сюда.

— Все-таки хочу убедиться.

— До чего вы, американцы, ограниченны. Ограниченны, тупы и упрямы... Смотрите.

Она встала, подошла к золотистому занавесу, отодвинула его. Стив увидел мужчину, который лежал под балдахином на широком ложе в глубине алькова.

Стив поднялся, и Райя бросила на него быстрый тревожный взгляд, но он лишь сделал несколько шагов в сторону алькова, чтобы получше рассмотреть лежащего.

Это был молодой человек с очень бледным худощавым лицом, окаймленным рыжеватой бородкой. Вьющиеся светлые волосы, высокий лоб, тонкий, с горбинкой нос. Разлет темных бровей и острый выступающий подбородок свидетельствовали, скорее, о сильном характере... Тем более странно выглядели здесь шприцы, лежащие на столе у изголовья, и приборы для курения опиума с длинными трубками и костяными мундштуками. Глаза лежащего были закрыты, дыхание чуть заметно. Из-под длинного красного бархатного халата торчали голые волосатые ноги.

— Давно он?.. — спросил Стив.

Райя отвернулась и не ответила.

— Странно, — продолжал Стив, не отрывая внимательного взгляда от лица спящего, — очень странно...

Он заметил, что ресницы на бледном лице нервно дрогнули.

— О чем вы? — спросила Райя, задвигая занавес.

— Обо всем этом маскараде, — жестко сказал Стив, снова садясь в кресло.

— Маскараде? — Она почему-то смутилась.

— Конечно. У вас его паспорт?

— Какой паспорт?

— Его американский паспорт.

— Зачем он вам?

— Никогда не поздно спросить себя — делом ли ты занимаешься. Верно? И никогда не рано... Ну, к чему эта игра в куклы? Молчите... Нет, вы все-таки глупее, чем я вначале подумал.

— Как вы смеете!

— Не сердитесь. Дайте мне взглянуть на его паспорт, и я докажу, — сказал он, внимательно следя за занавесом, который явно шевельнулся.

Гневно сверкнув глазами, она взяла с дивана кожаную дорожную сумку, открыла ее, достала паспорта — их было два, — вынула из одного паспорта что-то и швырнула паспорт на столик, за которым сидел Стив. Паспорт скользнул по лакированной крышке стола и упал на ковер к ногам Стива. Стив

наклонился, поднял его, раскрыл. С фотографии глянул тот, кто лежал сейчас за занавесом, только без бороды. Рядом значилось: Цезарь Чарлз Честер Фигуранкайн, год рождения — 1937... Стив быстро перелистал страницы — десятки виз: Англия, Франция, Швейцария, Египет, Родезия, Иордания, Индия, Конго, Бирма, Филиппины, Индонезия, снова Индия, Цейлон, Таиланд и так далее.

Он покачал головой и положил паспорт на стол.

— Ну, я жду, — сказала Райя, сдвинув брови.

Стив негромко рассмеялся:

— Билеты на сегодняшний ночной рейс? Не так ли?

— Какие еще билеты?

— Билеты, которые вы вынули из его паспорта.

— А вот это вас совершенно не касается.

— Представьте себе, касается. Я не хочу, чтобы с такой красивой женщиной что-нибудь приключилось, что-нибудь плохое...

— О чем вы?

— Вот это как раз доказательство, что я прав. А вы оба... — Стив махнул рукой. — Неужели вы воображаете, что вас выпустят из Сингапура живыми?

— Кто... выпустит?

— Те, кто вчера вас ранил.

Она усмехнулась:

— Они...

— Допустим. Но у них остались сообщники. Неужели вы думаете, что тот, кто подослал этих подонков, ограничился вчерашней бандой?

— Вам что-нибудь известно о них? — спросила она, понижая голос и наклоняясь к нему; Стив прочитал в ее огромных глазах сомнение и страх.

— Не очень много. Но у меня есть надежные друзья, которые могли бы вам помочь.

Она покачала головой:

— Цезарь не согласится. Он не доверяет никому, кроме здешних монахов. Мы, конечно, могли бы остаться тут еще, но...

Стив решительно поднялся и громко объявил:

— Ну, довольно. Пора кончать этот спектакль. Мистер Фигуранкайн, вылезайте из вашей прекрасной шкатулки и подсаживайтесь к нам. Ситуация выглядит иначе, чем вы, очевидно, предполагаете. Давайте, давайте... У нас не много времени.

Не обращая внимания на Райю, которая устремила на него взгляд, полный ужаса, Стив неторопливо встал, подошел к алькову и отдернул занавес. Цезарь Фигуранкайн-младший сидел теперь посреди своего ложа, скрестив голые ноги, и выглядел несколько растерянным.

— Как вы догадались? — пробормотал он, запахивая халат.

— Это я потом объясню,— пообещал Стив.— Сейчас мы должны уточнить кое-что другое. Вам известно о гибели вашего отца?

— Да. Недавно узнал из газет...

— А о том, что разыскивают наследника?

— Нет... И ко мне это не относится. Он лишил меня наследства.

— Откуда вам это известно?

— Сам сообщил...

— Когда же вы с ним виделись?

Цезарь вопросительно взглянул на Райю:

— Когда?.. Последний раз около года назад. Да-да... Вскоре после того, как этот мерзавец Пэнки...— Он вдруг закусил губы и умолк, глянул исподлобья на Стива.— А почему, собственно, вы спрашиваете меня и я вам все это рассказываю? Я вас первый раз вижу. Кто вы, собственно, такой? Нам сказали, что вы хотите взять интервью...

— Вот и беру его,— усмехнулся Стив.— Значит, «этот мерзавец Пэнки...» Подождите-ка, я где-то слышал эту фамилию!.. Такой длинный худой старик с оттопыренными ушами, похожий на анемичного вампира?

— Гм,— хмыкнул Цезарь, видимо, склонный одобрить сравнение.

— Год назад,— продолжал Стив.— Но за год кое-что могло измениться и изменилось. Готов утверждать под присягой, что в завещании, которое хранится в Нью-Йорке, вы значитесь единственным наследником.

— А откуда вам это известно? — спросил Цезарь, опуская на пол длинные худые ноги.

— От некоего Феликса Крукса.

— Нет, я не верю вам,— медленно произнес Фигуранкайн-младший, почесывая одной ногой другую.— Это ловушка, Райя... Вокруг моего покойного отца крутилось слишком много разного сброда. Они, конечно, помогали ему делать деньги,

но они же и не допустят, чтобы я мог воспользоваться этими деньгами. Слишком хорошо знают мое отношение к тому, чем они занимаются... Конечно, я сам виноват, но... Между прочим, неизвестный благодетель, если вы действительно журналист, а не подонок из их своры, вот где вас ждут истинные сокровищницы сенсаций... Попробуйте расковырять весь этот гнойник... Если, конечно, не боитесь. Я даже мог бы чуть-чуть помочь вам, когда мы с ней,— он кивнул на Райю,— сами окажемся в более безопасном месте. Здесь нам, как вы, конечно, догадываетесь, больше нельзя оставаться. Боже, какая ирония судьбы! Мне же ничего не надо. Оставьте меня в покое, наедине с моей работой, с моими рукописями, с ней, наконец. Правда, Райя? Нам же ничего не надо... Никаких миллиардов... Тем более, что я их все равно не получу...

— Ну, ты кончил этот трогательный монолог? — поинтересовался Стив, с любопытством глядя на Цезаря.

— Нет. Отец пытался привить мне вкус к большому бизнесу... Я работал в его банке в Рангуне... Кстати, именно в Рангуне я и нашел свое истинное призвание... Но ему донесли, что я занялся не тем. Он вызвал меня... Он тогда был в Лондоне. Попытался «продуть мне мозги» — это было его любимое выражение — и послал в свое «княжество» в Центральную Африку. Вот тут-то я и понял все... И прозрел окончательно... Сказал этим свиньям, что о них думаю, оставил одному на память сломанный нос и сбежал на украденном самолете. Как они меня не догнали и не сбили — не знаю. Вероятно, мне просто повезло... С отцом я потом тоже поговорил откровенно, и он объявил, что знать меня больше не хочет. На том мы и расстались... Вот теперь все.

— Значит, ты мне не веришь?

— Конечно, нет... Только не обижайся. Может, ты и не такое дерьмо, как я думаю, но теперь я никому не верю.

— О'кей. Видишь вот это? — Стив вытащил из бокового кармана маленький черный параллелепипед.

— Вижу. Кассета?

— Есть у тебя магнитофон?

— Где-то был. Райя, дай ему.

Молодая женщина, улыбнувшись уголками губ, вынула из-под стола, за которым сидел Стив, портативный диктофон.

— Что, записали наш разговор? — восхитился Стив.— Молодцы! Этого я от вас не ожидал...

Он весело рассмеялся.

Райя, опустив глаза, извлекла из диктофона кассету и протянула аппарат Стиву.

— Ну, а теперь слушай внимательно, — сказал Стив, вставляя свою кассету в аппарат и щелкая переключателями. — Голос, надеюсь, ты узнаешь.

В наступившей тишине послышался шелест, а затем взволнованный голос Крукса: «Я католик и глубоко верующий человек, и в своей профессиональной деятельности я всегда старался быть честным...»

Стив окинул испытующим взглядом слушателей. Райя все еще выглядела смущенной и слушала без особого интереса, но Цезарь явно был поражен. Стив уже не сомневался, что он узнал голос адвоката. Услышав обращение Крукса «ваше преосвященство», Цезарь вопросительно взглянул на Стива, а потом вскочил, босиком перебежал пространство, отделяющее его ложе от столика, на котором лежал диктофон, и присел на ковре у ног Райи.

Как только прозвучали слова Крукса: «...осталось его первое завещание... Я так и не уничтожил его», Стив выключил аппарат.

Наступила тишина. Цезарь продолжал сидеть на полу, покусывая пальцы левой руки. Райя, как зачарованная, смотрела на умолкнувший магнитофон.

— Что же все это означает? — произнес наконец Фигуранкайн-младший, поднимаясь с пола и глядя озадаченно на Стива. — Откуда эта кассета и с кем разговаривал Феликс? Неужели и это липа?

— Липа в этом действительно присутствует, — сказал Стив, — но она не затрагивает главного. Липовый здесь только «его преосвященство», но Крукс, конечно, не подозревал об этом и говорил правду.

Цезарь задумчиво покачал головой:

— Непостижимо... Как мог Феликс Крукс — этот стреляный воробей, которого я хорошо знаю, попасться на такой мякине? Непостижимо... Липовый кардинал! Ничего себе фокус. Неужели это ты?

— Я, — скромно признался Стив.

— А я узнала ваш голос, — сказала вдруг Райя. — Звучание некоторых слов совпадало.

— Она занимается лингвистикой,— пояснил Цезарь,— фонетическими особенностями ряда языков, в частности, английского.

— Ну, что ты теперь скажешь? — поинтересовался Стив.

Цезарь, покачивая головой, долго молчал.

— Не знаю,— сказал он наконец с глубоким вздохом,— право, не знаю... Даже если такое завещание действительно существует и Крукс сможет доказать его подлинность, даже если эта вонючая свора допустит, что я получу наследство... Пойми, как тебя?..

— Стив.

— Пойми, Стив, мне это ни к чему. Я с этим покончил. Меня интересует совсем другое.

— Буддизм?

— В частности, буддизм и еще кое-что... Я написал диссертацию... Уверяю тебя, здесь, на Востоке, есть множество любопытных вещей, которым не жалко посвятить жизнь.

— По-моему, это легче сделать, имея в кармане несколько миллиардов?

— Ты знаешь даже, во сколько оценивается состояние моего покойного отца?

— Понятия не имею, но думаю, счет там шел на миллиарды.

— Понимаешь, Стив, а я вот не знаю... Там, конечно, много недвижимости — земли, рудники, отели, но отец часто шел на весьма рискованные комбинации, или его на это толкали... А в последнее время он связался с таким... предприятием, которое не обещало прибыли в ближайшие годы.

— Ты имеешь в виду ОТРАГ?

— Гм... Тебе, значит, и это известно...

— Крукс же упоминал о нем в «исповеди».

— Да, действительно. Но тогда тебе должно быть тем более понятно, почему не хочу ввязываться в эту игру.

— Можно изменить условия.

— Какие условия?

— Условия игры.

— Это невозможно, Стив. Я ведь хорошо представляю всю машину изнутри. Пробыл там почти год. Это целое государство, со своими тоталитарными законами, с железной дисциплиной. Всем командуют немцы — немцы, которым терять уже

нечего. Такие, что им даже в ФРГ рискованно появляться. Все они числятся в списках военных преступников. Один Герберт Люц чего стоит.

— Кто это?

— Значит, кое-что тебе все-таки неизвестно... Люц официально числится административным директором африканского полигона ОТРАГа. Фактически он там полновластный диктатор. Полигон же — это более ста тысяч квадратных километров на востоке Бельгийского Конго. Кем Люц был в прошлом, не знаю, в будущем он себя мнит новым фюрером, по крайней мере, континентального размаха.

— Каковы главные цели ОТРАГа?

— Реванш. Официально ОТРАГ — это аббревиатура немецкого «Орбиталь транспорт унд ракетен акциенгезелышафт»; существует и другая расшифровка, более откровенная... Дело не в названии. Это исследовательский полигон, лаборатории, заводы, где создаются не только новые типы ракет, но и принципиально новые летательные аппараты, каких ни в одном государстве пока не существует.

— Летающие блюдца?

— Возможно. Хотя даже меня — сына главного босса — в эти тайны никто не посвящал. Эта часть деятельности ОТРАГа засекречена абсолютно. Журналисты там никогда не появлялись.

— Но твой отец знал, конечно?

— Знал, хотя допускаю, что тоже не все. Капиталы ОТРАГа смешанные. Отец вложил туда огромные средства, но он был не единственным акционером.

— А контрольный пакет акций?

— Вероятно, находился у отца. Доподлинно об этом известно только Алоизу Пэнки — президенту-исполнителю банка CFS.

— Тоже немец?

— Да. И Пэнки не настоящая его фамилия.

— А настоящая?

— Мне она неизвестна. По-видимому, с настоящей он испытывал бы некоторые неудобства.

— Любопытные дела, — пробормотал Стив.

— Все это только пена. А из глубины можно выудить еще такое... Впрочем, для начала и этого достаточно. Думаю, что тебе, Стив, еще не приходилось брать подобного интервью. Это будет сенсация экстра-класса, если твои хозяева решатся опуб-

ликовать твои корреспонденции... Только после этого я не дал бы за твою голову и цента.

— Так же, как и я за твою сейчас.

— Преувеличиваешь.

— Нисколько. Пойми, тактика страуса тебе не поможет. Все равно, рано или поздно, они разыщут тебя и ликвидируют. Уже хотя бы потому, что тебе кое-что известно. А если ты еще и потенциальный наследник... — Стив махнул рукой.

— Я могу отказаться вполне официально, — неуверенно произнес Цезарь.

— Ты сам понимаешь, что это не поможет. Люц и Пэнки не оставят тебя в покое.

— Там есть еще и другие...

— Тем более.

— Интересно, Стив, а что бы ты сделал на моем месте?

Стив усмехнулся:

— Понимаешь, мне как-то трудно представить себя на твоем месте, ну, уж во всяком случае, я не стал бы изображать страуса.

— Не понимаю... С одной стороны, ты утверждаешь, что у меня нет выхода, а с другой...

— Я вовсе не утверждаю, что у тебя нет выхода. Выход есть... И, по-моему, превосходный выход. Немедленно возвращаться в Нью-Йорк и добиваться получения наследства.

— Меня уберут еще по дороге.

— Риск существует, но можно принять кое-какие меры предосторожности. В этом я, вероятно, смог бы тебе помочь.

— Допустим. Но, во-первых, что ты за это захочешь, а во-вторых, что будет дальше?

— После того, как ты станешь во главе «империи» Фигуранкайнов?

— Гм... Ненавижу империи, даже в прошлом.

— Превосходно. Это как раз то, что требуется.

Цезарь внимательно посмотрел на Стива:

— Объясни.

— А по-моему, мы уже поняли друг друга.

Цезарь задумался, по привычке покусывая пальцы.

— Интересно все-таки, что ты оставляешь в этом случае для себя, — заметил он наконец, снова взглянув на Стива.

— Гораздо меньше, чем ты, очевидно, предполагаешь: роль столь необходимого тебе ангела-хранителя, а иногда —

советника в тех делах, в которых немного разбираюсь, и, разумеется, приличное жалованье, которое позволило бы мне бросить журналистику.

— И все?

— Пока все.

— А потом?

— Стоит ли сейчас говорить о «потом»?

— И ты думаешь, я мог бы?..

— Думаю, что да... Не сразу, конечно, постепенно... Шаг за шагом.

— Гм... Никогда не приходило в голову.

— Напрасно.

— Да я и сейчас не представляю, что бы я мог сделать.

— Тогда послушай. Я, конечно, стану импровизировать.

— Давай.

— Первое: поначалу все работы ОТРАГа продолжать, даже потребовать ускорения некоторых из них; засекретить все еще сильнее и полностью исключить обмен информацией между подразделениями «фирмы». Мотивировка — предотвратить дальнейшую утечку информации, что, с твоей точки зрения, стало причиной гибели твоего отца.

— Логично,— одобрил Цезарь,— ну а дальше?

— Второе: постепенно менять тематику разработок в отдельных звеньях этой ядовитой цепи, исключив или нейтрализовав вначале направления наиболее людоедские. Для этого привлечь соответствующих специалистов, которые могли бы стать твоими единомышленниками...

— Нашими,— поправил Цезарь.

— Ну, допустим, нашими.

— А найдем таких?

— Знаешь, Цезарь, будучи журналистом, я изрядно помотался по планете. Иногда мне все-таки попадались порядочные люди. Дельные и порядочные. Даже и среди нынешних ученых...

— А вот мне пока как-то нет,— пробормотал Фигуранкайн-младший,— даже и среди тех, у кого мне пришлось учиться.

— Бывает,— согласился Стив.— Я совсем не утверждаю, что людей, которые понадобятся, найти легко. Легко только сидеть сложа руки. Третье: перессорить руководящих боссов из самой верхушки и постепенно убрать одного за другим.

— Это мне кажется самым простым, — заметил Цезарь. — Они и без того готовы перегрызть друг другу глотки.

— Четвертое, — продолжал Стив, — переключить работу ОТРАГа и всех связанных с ним звеньев «империи» твоего покойного папаши на дела и поиски, более достойные людей второй половины двадцатого века.

— Иными словами, — резюмировал Цезарь, — нажать на тормоза, дать кое-кому под зад коленкой и повести поезд по новому пути.

— Построив предварительно новую насыпь и положив на нее шпалы и новые рельсы.

— Скажи, Стив, ты любишь читать научную фантастику?

— Нет, я ее ненавижу.

— А тебе не кажется, что все это научная фантастика?

— Что именно?

— Все четыре пункта твоей программы.

— Нашей программы.

— Пусть нашей, — скривился Фигуранкайн-младший, — от этого она не станет более реальной.

— Отвечаю — не кажется. Конечно, все это будет чертовски трудно. Трудно, опасно, мерзко, долго... Но история не знает, Цезарь, великих дел без великих препятствий. Даже и твой знаменитый тезка две тысячи лет назад...

— Оставь его в покое, — резко прервал Фигуранкайн. — Я по специальности историк, но ни древняя, ни новая история не знает примеров хоть сколько-нибудь подобных тому, что ты предлагаешь. И во всяком случае, чтобы замахнуться на подобное, одного желания недостаточно.

— Ты прав. Нужны еще смелость, граничащая с наглостью, и деньги. Много денег. Денег, в которых не очень заинтересован тот, кому они принадлежат. Денег, которые будут рождать не новые деньги, а кое-что другое...

— Что, например?

— Ну, например, родят еще не существующие лекарства от проказы, рака, преждевременной старости; например, помогут вырасти детям, которые сейчас тысячами умирают с голода, от болезней; например, помогут найти Атлантиду, Пацифиду, гробницу Александра Македонского, черт знает что еще; например, создадут такое горючее, которое не будет отравлять людей в городах; например, найдут средство отрезвить полоумных политиков и генералов и заставят их раз и навсегда

забыть о войне. Эх, да мало ли куда еще можно с пользой для людей израсходовать миллиарды твоего покойного папочки.

— Умопомрачительные перспективы... Если бы он мог предполагать что-либо подобное!

— Думаешь, не стал бы создавать свою империю?

— Нет. Задушил бы меня в младенческом возрасте.

— Значит, ты согласен?

— Не то чтобы согласен... Но мне это кажется занятным. И уж если действительно не остается иного выхода...

Вдалеке послышался грохот. Он нарастал и быстро приближался. Дрогнули стены, пол. Лампы начали меркнуть. С потолка посыпалась пыль, его деревянная обшивка угрожающе заскрипела.

Райя вскрикнула испуганно. Стив и Цезарь вскочили на ноги.

У Стива мелькнула мысль о землетрясении, но грохот был иным. Нарастая, он превратился в невыносимый лязг, от которого, казалось, лопнут барабанные перепонки, — словно лавина жести обрушивалась с небес на землю. Лампы не погасли совсем. Но они потускнели и часто мигали.

— Что это? — вырвалось у Стива.

— Если не проделка твоих сообщников, — крикнул Цезарь, — значит, наступает конец света.

В руках у него откуда-то появился пистолет, дуло которого глядело на Стива.

— Руки!

— Это последняя глупость, которую ты совершаешь, — предупредил Стив возможно спокойнее.

— Руки!

— Дурак, — процедил Стив сквозь зубы, поднимая вверх руки.

Грохот начал утихать, откатываясь вдаль. Лампы мигали все реже, однако свет их оставался тусклым.

— Наружная дверь! — крикнул вдруг Цезарь. — Райя, ты заперла ее?

— Н-не знаю...

— Застрели его, если шевельнется, — Цезарь поморщился, передавая Райе пистолет, — я проверю засовы.

Запахнув халат, он направился к двери. Грохот почти утих, но в коридоре вдруг послышался топот многих ног. Почти тотчас в дверь забарабанили.

— Ложитесь, все ложитесь! — крикнул Стив.— И прочь от двери!

Так как Райя глядела на него непонимающим взглядом, все еще держа наготове пистолет, Стив решился. Сделав молниеносное движение в сторону, он прыгнул к ней, вырвал пистолет и, оттолкнув ее к стене, заставил лечь. И упал рядом сам. И в этот же момент дверь прошили десятки пуль.

Стив глянул туда, где только что стоял Цезарь. Его там не было.

В дверь снова забарабанили. Потом стало тихо и кто-то крикнул:

— Эй там, мистер Цезарь, если живы! Вам все равно не уйти. Обещаем жизнь, если сдадитесь. И вашу цацу не тронем. А иначе плохо будет и ей, и вам.

Райя шевельнулась и хотела что-то сказать, но Стив прижал палец к губам.

— Отвечайте же! — послышалось за дверью.

— Отвечаем,— шепнул Стив и выстрелил.

За дверью прозвучал сдавленный крик, потом упало что-то тяжелое. Серия ответных пуль, пробив снаружи дверь, сыпанула, как горсть ос, по мебели и стенам. Теперь Стив разглядел Цезаря. Он сидел на корточках в углу слева от двери. Место было вполне безопасное, пока дверь выдерживает.

— Отсюда есть какой-нибудь запасной выход? — шепотом спросил Стив, мельком взглянув на Райю.

— Есть потайной ход, но из алькова. Альков находился как раз напротив двери.

— А наружная дверь прочная?

— Она прочная, но...

Оставалась еще надежда на Тео и Шейкуну, если, конечно, они целы и если нападающих не очень много.

Пули снова прошили дверь. Одна ударила в светильник, и в комнате стало еще темнее.

Стив выжидал, не стрелял, полагая не без оснований, что нападающие не станут торчать напротив двери. Их голоса слышались в некотором отдалении.

«Долго это продолжаться не может,— думал Стив.— Банда, по-видимому, устроила взрыв, чтобы проникнуть на территорию монастыря. Взрыв, конечно, слышали в городе. Полиция

должна явиться с минуты на минуту. Да и уцелевшие монахи не будут сидеть сложа руки».

— Эй там,— снова послышалось за дверью.

Стив выстрелил, не дожидаясь окончания фразы. Болезненный вскрик подтвердил, что и на этот раз пуля кого-то настигла. И снова трескотня ответных выстрелов. Несколько пуль ударили совсем близко.

— Ползите ближе к двери в самый угол,— шепнул Стив Райе.— Здесь опасно. Они поняли, откуда стреляю.

— Я лучше останусь с вами.

— Ползите, говорю вам.

Она повиновалась, с тревогой взглянув на него. Цезарь шевельнулся в своем углу и, распластавшись, пополз вдоль диванов к алькову. Стив подумал, что он пробирается к тайному выходу, но он только подобрался к сумке, лежавшей на одном из диванов, и стянул ее на пол.

Стив приподнялся немного и указал на альков, но Цезарь отрицательно тряхнул головой и бесшумно возвратился на свое место.

За дверью послышалась возня, Стив выстрелил, но, видимо, неудачно. В ответ раздались смех и несколько одиночных выстрелов. Пули щелкнули по диванам, вдоль которых только что прополз Цезарь.

На мгновение стало тихо, и вдруг Стив явственно услышал шорох в алькове. В полумраке трудно было разглядеть, что там происходит, но ему показалось, что роскошное ложе вместе с балдахином изменило положение. За дверью снова послышалась возня, и по каменным плитам пола проволокли что-то тяжелое.

— А ну давай,— громко крикнул кто-то. Последовал сильный удар в дверь. Она затрещала, но не поддалась.

— Снизу поддавай!

Стив выстрелил несколько раз подряд. Раздались проклятия, но ответных выстрелов не последовало.

— Идите сюда, быстро,— послышалось сзади. Стив оглянулся. Ложа с балдахином на месте не было, и снизу в альков проникал слабый свет.

Райя, как тень, скользнула вдоль стены и исчезла в алькове, словно провалилась сквозь землю.

— Цезарь, Стив, быстрей!

Голос ее донесся уже откуда-то снизу.

Цезарь, пригнувшись и волоча за собой сумку, в несколько прыжков пересек комнату. Его красный халат мелькнул в полосе света, идущего снизу, и тоже исчез.

— Стив!

Стив приподнялся, прислушался. За дверью возились и сопели.

Итак, Цезарь все-таки поверил и не хочет оставлять его здесь. Первый раунд, кажется, выигран... Пятясь и не спуская взгляда с двери, Стив отступил к алькову. На месте ложа в полу светлело прямоугольное отверстие.

— Быстрей, Стив!

Это голос Райи. Они ждут и не уходят. Стив шагнул к отверстию. Ступени круто спускались в темноту. У самого выхода к стене прижималась темная фигура с бритой головой и обнаженным плечом — монах. Протискиваясь возле него, Стив бросил последний взгляд на дверь. Снизу под нее подсовывали что-то. Дверь опять затрещала, и сквозь появившиеся в ней щели из коридора пробились полоски света.

Стив поднял пистолет, намереваясь выстрелить еще раз, но монах потянул его руку вниз:

— Не надо, сэр. Быстрей спускайтесь!

Стив повиновался. Монах поднял над головой круглую плетеную корзину, которую держал в руках, и, размахнувшись, швырнул в сторону двери. Затем пригнулся и принялся вращать небольшое колесо в углублении стены. Над головой Стива послышался знакомый уже шорох, отверстие закрылось, и сверху над ним проехало что-то тяжелое. Очевидно, ложе с балдахином встало на свое место в алькове. И тотчас же грохот и торжествующие крики, донесшиеся сверху, известили, что дверь выломана. Стив начал было спускаться, но его внимание привлек монах, который прижался ухом к крышке люка и внимательно прислушивался к тому, что происходило наверху. А наверху происходило что-то странное: шум и топот нарастали, крики усиливались, но это уже были крики ужаса и боли. Раздалось несколько выстрелов, чей-то пронзительный вопль, удаляющийся топот ног, и наступила тишина.

— Кобры, — пояснил монах в ответ на вопросительный взгляд Стива. — Кобры не любят плохих людей...

Узким, извилистым подземным ходом пробирались около часу. Впереди монах с фонарем. За ним — Райя, Цезарь в своем

бархатном халате, с сумкой, перекинутой через плечо. Шествие замыкал Стив с пистолетом в руке. Шли молча. Дыхания Райи почти не было слышно. Цезарь тяжело отдувался и часто вздыхал. Наконец в лицо пахнула парная духота экваториальной ночи. Монах погасил фонарь. Стив глянул вверх и увидел редкие звезды, просвечивающие сквозь полосы тумана.

Они находились в заброшенном карьере. Еще несколько десятков шагов по щебнистой почве, и впереди матово блеснула спокойная гладь воды. Скальные склоны остались за спиной. Ущербный серп луны, висящей совсем низко над горизонтом, озарял оранжевым светом небольшую полукруглую бухту, обрамленную темными берегами, узкую кайму пляжа, цепочку рифов, откуда доносился негромкий гул прибоя.

— Лодки нет,— сказал монах,— надо подождать.

Они присели на песок, еще сохраняющий дневное тепло. Стив протянул пистолет Цезарю:

— Возьми.

— Карманов нет,— буркнул тот,— оставь у себя.

Стив сунул пистолет в кобуру под мышкой и лег на спину, подложив под голову руки.

— Кассета осталась там? — спросил вдруг Цезарь.

— Моя или ваша?

— Твоя.

Стив похлопал себя по карману:

— Здесь. Вместе с твоим диктофоном.

Цезарь тяжело вздохнул, и снова воцарилось молчание.

Стив пытался сообразить, что, собственно, произошло... Скорее всего, вчерашнее нападение на Райю и ночная драка около монастыря были лишь разведкой. Главная операция планировалась сегодня. Кто-то в монастыре связан с бандой. Поэтому местонахождение Цезаря бандитам стало известно. И может быть, его хотели только похитить... Чтобы запугать и добиться отказа от наследства... Интересно, кто инициатор? Этот анемичный вампир Пэнки или Люц, о котором упоминал Цезарь? Впрочем, если это попытка похищения, то инициатива могла исходить и от «глубоко верующего католика» Феликса Крукса. Круксу, вероятно, известно, что по собственной воле Цезарь не появился бы в Нью-Йорке. Стив еще и сейчас не был уверен в Фигуранкайне-младшем и в благополучном исходе задуманной авантюры... Он мельком глянул на Цезаря. Тот сидел согнувшись, положив подборо-

док на острые колени. Что у него в действительности на уме? Неужели, кроме истории Востока и древней буддийской премудрости, его ничего не интересует? А что нашла в нем Райя? Или тут лишь женская хитрость, расчеты на возможное богатство?.. Странно, что она без сопротивления отдала пистолет...

— Лодка,— произнес монах, вставая.

Невдалеке по гладкой, как зеркало, поверхности воды бесшумно скользила небольшая яхта с выключенным мотором. Спустя несколько минут ее нос с шорохом зарылся в прибрежный песок.

— Куда она пойдет? — спросил Стив, поднимаясь на ноги.

— Теперь это зависит от вас, сэр,— почтительно ответил монах.

— От меня? — Стиву показалось, что он ослышался.

— Конечно. Там ваши люди.

С носа яхты на песок спрыгнул Тео.

— Прошу садиться,— сказал он вежливо.

Стив обрадовано похлопал его по плечу:

— Помоги даме, Тео.

— Делается.

Через минуту все, кроме монаха, были на яхте.

— Прощайте, брат Хионг,— тихо сказала Райя.

Она скрестила руки на груди и низко поклонилась монаху.

Цезарь подошел к самому борту и тоже поклонился:

— Спасибо, доктор Хионг; надеюсь, мы еще увидимся и продолжим наши беседы. Пусть хранит вас премудрый Будда.

— Пусть хранит вас обоих премудрый Будда,— как эхо, откликнулся монах.

Мотор заработал, и яхта стала быстро отходить от берега.

— Спасибо! — крикнул Стив.

Монах, видимо, не расслышал. Отвернувшись, он уже шагал в сторону карьера. Подошел Тео:

— Пусть леди и господин спустятся в салон: за рифами волна...

— Мы пленники? — спросил Цезарь, не глядя на Стива.

— Не дури,— отрезал Стив.— И вообще, ты мне надоел... Можешь завтра делать все, что придет в твою дурную ученую голову.

— Прости, Стив, — неожиданно сказал Цезарь. — Пойми, меня слишком часто обманывали, в том числе и те, кому я вначале доверял. Прости...

— Спускайтесь вниз. Выяснять отношения будем утром. А пока постарайтесь отдохнуть.

— Куда идем? — спросил Стив, когда Цезарь и Райя ушли в каюту.

— В Бандар-Махарани, на юго-западном берегу Малакки. Отсюда сто пятьдесят миль. К полудню будем. Оттуда можно проехать в Куала-Лумпур автобусом. Вы тоже идите отдыхать. Мы сейчас поставим парус. Двигатель и парус. Ветер попутный. Долетим, как на крыльях... Ваш чемодан внизу в салоне, Стив... Шейкуна забрал его из отеля.

— Спасибо. А где Шейкуна?

— Там. — Тео махнул в сторону удаляющегося берега.

— Пойду сниму эту штуку, — Стив похлопал себя по груди. — Знаете, она мне все-таки не понадобилась.

— Там были американские парни, — усмехнулся Тео. — Они предпочитают стрелять.

— Чья работа?

— Made in USA. Шейкуна знает...

— Кажется, я подстрелил двоих.

Тео снова усмехнулся:

— Оттуда ни один не уйдет... Взорвали буддийский храм. Буддисты уже режутся с мусульманами. Этих парней никто живыми не выпустит.

Чуть слышно гудели турбины. Стив отложил газету и лениво глянул в иллюминатор. Синева кругом. Казалось, самолет висит неподвижно внутри огромного сине-голубого шара. Только позади, в стороне Японии, которую они недавно покинули, еще просматривалась бледная полоска облаков на границе голубой глади вод. Впереди был полет над океаном, Аляска, снежные просторы Канады, зимний Нью-Йорк... Они должны прилететь туда завтра вечером. Надо сразу же позвонить Мэй... Впрочем, по календарю это будет «вчерашний» вечер, который они с Цезарем провели в Куала-Лумпуре, где осталась Райя. Все-таки удалось уговорить этого ученого упрямца оставить Райю под опекой Тео. Если Цезаря продолжают разыскивать, красота Райи послужила бы еще одним «поисковым признаком»... Договорились, что Тео привезет Райю

в Нью-Йорк сразу же, как завершится «операция Х» — так они окрестили первую часть своего плана. Конец операции — вступление Цезаря в права наследника «империи» Фигуранкайнов.

Вчера Стив передал Старику по телетайпу очередную порцию сенсаций. Хороши будут мины Пэнки и Крукса, когда они развернут сегодняшние утренние газеты. Неплохой соус к тому, что писали в Куала-Лумпуре и что, конечно, уже попало в нью-йоркскую прессу. Стив еще раз пробежал глазами жирные заголовки, которыми пестрела лежащая у него на коленях газета. «Кровопролитные столкновения религиозных общин в Сингапуре», «Подробности ночной резни», «Сотни убитых и раненых», «Разрушена святыня буддистов», «Губернатор ввел чрезвычайное положение», «Британский министр по делам колоний летит в Сингапур», «Невинные жертвы религиозного фанатизма». Последняя заметка в нижнем правом углу полосы — конечно, информация для того, кто заварил всю эту кашу. Особенно последние строки: «В числе невинных жертв резни, устроенной религиозными фанатиками, оказался Цезарь Фигуранкайн-младший — вероятный наследник мультимиллиардера Фигуранкайна, недавно погибшего в авиакатастрофе».

Вот так — вероятный наследник...

Стив постучал ладонью по газете:

— Читал, конечно?

— Отвяжись.

Стив посмотрел на своего соседа. Цезарь сидел нахохлившись, втянув голову в плечи, и глядел прямо перед собой широко раскрытыми, немигающими глазами. Он даже не расстегнул стартовые ремни. Теперь, без бороды, он казался старше своих лет, а запавшие бледные щеки придавали лицу нездоровый, изможденный вид.

— Напрасно переживаешь, — шепнул Стив. — А это, — он снова постучал по газете, — работает на нас.

Цезарь ничего не ответил, продолжая глядеть в одну точку.

— Ну не сиди ты, черт побери, как сова, страдающая запором, — не выдержал Стив. — Пойми, ты привлекаешь к себе излишнее внимание. Ничего с ней не случится. С Тео она в гораздо большей безопасности, чем была с тобой...

Цезарь молча покачал головой и принялся медленно расстегивать привязные ремни.

— Выпьешь что-нибудь?

— Нет.

— Выпьешь! Тебе это сейчас необходимо. — Стив нажал кнопку вызова.

Миловидная, совсем молоденькая японочка-стюардесса возникла тотчас же.

— Два коньяка и пачку сигарет.

— Благодарю вас. Сейчас.

Коньяк и сигареты появились через мгновение.

— Выпей... За успех предприятия!

Цезарь нерешительно взглянул на коньяк и молча покачал головой.

— Ну ладно, черт с тобой! Не хочешь за успех, выпьем за удивительную женщину, которая неизвестно что нашла в тебе.

Цезарь чуть заметно усмехнулся и взял рюмку тонкими бледными пальцами.

— Если бы не она... — Он вздохнул.

— Догадываюсь...

— Я познакомился с ней несколько лет назад в Оксфорде и сразу потерял голову. Вокруг Райи крутилось тогда множество таких, как я, но она никому не отдавала предпочтения... Потом она уехала в Индонезию. Я поехал за ней... Это было уже после окончательного разрыва с отцом... Я был без средств, без планов на будущее, даже без надежд, но мне светила одна звезда — Райя... Я отыскал ее на Бали... И произошло чудо... Сам не понимаю. — Он покачал головой. — Те месяцы в Индонезии — самые важные и счастливые в моей жизни... Я вдруг осознал, что достоинство и ценность человека определяются не цветом его кожи и не счетом в банке... Райя стала спутницей моей жизни... Я нашел там настоящих, преданных друзей, встретился с братом Хионгом, который открыл мне глаза на многое и указал цель поиска... А теперь — зачем я ввязался?..

— Это обсудим позже, — сказал Стив. — Сейчас Райя... Пьем за нее. — Он выпил коньяк. — Ну же, Цезарь. Вот так... А теперь крепкого кофе.

— Я хотел бы подремать.

— Успеешь. Впереди десять часов полета и ночь над Полярной Канадой. Мисс, два хороших кофе.

— Благодарю вас. Сейчас.

Стив окинул взглядом просторный салон первого класса. Кроме них с Цезарем, в заднем ряду сидели только пожилой

японец, похожий на солидного бизнесмена, и японка неопределенного возраста — вероятно, супружеская пара. Мужчина дремал, женщина что-то вязала. В Токио на посадке было много пассажиров. Большинство, по-видимому, летели туристским классом.

— В Нью-Йорке ты прежде всего позвонишь Круксу,— Стив отхлебнул кофе,— и условишься о встрече. Надо кое-что обговорить с ним до дня оглашения завещания.

— Если Крукс жив...

— Жив, можешь не сомневаться. После моих корреспонденций в «Калифорния таймс» дело приобрело такую огласку, что тронуть Крукса сейчас было бы непростительной глупостью. Да он и сам за это время успел принять меры предосторожности.

— А если его заставили уничтожить завещание?

— Он на это никогда не решится. Кроме того, не забывай о кассете.

— Но он-то о ней не знает.

— Зато хорошо знает о своей исповеди его преосвященству кардиналу Карлосу де Эспинозе.

— Которого не существует.

— Почему не существует? Существует. Только настоящий кардинал понятия не имеет о Феликсе Круксе.

— Так ты не выдумал его?

— Кардинала? Нет. Он даже мой дальний родственник, хотя, скорее всего, давно забыл о моем существовании. Он такой же фанатик веры, как ты — науки.

Цезарь скривился:

— Быть родственником настоящего кардинала и заниматься журналистикой!

— А по-твоему, мне следовало пойти в монахи? Другой протекции он не оказал бы...

— Слушай, Стив,— Цезарь поставил на столик пустую чашку из-под кофе,— а этот Тео... Ты давно знаешь его?

— Не очень. Но уверен в его надежности и порядочности.

— Я не о том... В противном случае не оставил бы с ним Райю... Если все уладится, не захотел бы он вообще перейти ко мне, к нам. Понимаешь?

— Не знаю... До сих пор он работал в основном на одного филиппинского бизнесмена — моего друга. Захочет ли тот лишиться его?

— Вероятно, это вопрос вознаграждения. Можно пообещать ему больше, чем он имеет от твоего друга.

— Надо хорошо подумать, Цезарь... В Юго-Восточной Азии, как и повсюду, деньги значат очень много, но, в отличие, например, от Штатов, далеко не все... Тут существуют связи, которые не в состоянии разорвать даже деньги.

Цезарь вздохнул:

— А такой человек мог бы очень пригодиться.

— Еще бы.

— И уж если начать создавать надежный клан...

Стив внимательно взглянул на своего спутника:

— Среди предков Фигуранкайнов были шотландцы?

— Не уверен, но моя бабка со стороны матери — ирландка.

— Ты ее знал?

— Она жива. Бывал у нее не раз. У нее молочная ферма на юге Ирландии. Масло, сыры, сметана...

— Неплохое занятие. Кстати, теперь я понимаю, почему ты так упрям.

— Ирландская кровь? Это может быть и отцовское. Он тоже был упрям. Упрям и упорен. Поставив перед собой цель, он словно надевал шоры и не останавливался, пока не добивался своего.

— Ну, второе качество ты унаследовал не полностью.

— Как знать. Пока меня интересовало другое.

— Ладно, посмотрим. Будущее покажет. Кстати, Цезарь, я все хотел тебя спросить, — Стив свернул газеты и сунул их в карман на спинке впереди стоящего кресла, — тебе что-нибудь известно о намерении боссов ОТРАГа создать второй полигон, подобный африканскому?

Цезарь задумался.

— Определенного ничего, — он принялся по привычке покусывать пальцы, — но разговоры были. Люц однажды упоминал в этой связи о Южной Америке...

— Так вот, незадолго до смерти твой отец откупил у бразильского правительства «кусочек» сельвы — где-то у границы с Венесуэлой. Если мне память не изменяет, около ста тысяч квадратных километров.

— Столько же, как и в Конго, — кивнул Цезарь. — Может быть, тоже ОТРАГ?

— Ничего иного нельзя вообразить... Это совершенно необжитая и неисследованная территория. Непроходимая сель-

ва. Добраться туда можно только по воздуху. А вот где там можно сесть, не знаю. Я однажды был на юге Венесуэлы. Так называемая «цивилизация» не выходит там за пределы редких совсем маленьких поселков. Связь только самолетом. А вокруг море сельвы, где время остановилось в каменом веке. Местные индейцы когда-то отступили из прибрежных районов. Под напором испанских завоевателей они ушли в сельву и остались там такими же, какими были в пятнадцатом столетии.

— Неплохое местечко для секретов ОТРАГа.

— Как и в Конго.

— Наверно, еще лучше. А как удобно! Запускать аппараты можно из Конго, а сажать в Бразилии. Или наоборот.

— Они их уже запускают,— Стив извлек из пачки сигарету, принялся крутить в пальцах.— Все эти сообщения о «летающих тарелках»...

— Я полагаю, это пока выдумки,— задумчиво сказал Цезарь.— Я читал в газетах... Похоже на фантастику. Но, знаешь, психологически это можно понять. Человечество вышло в космос. Интерес к «братьям по разуму» разгорается на новой основе. Как вообразить себе космос необитаемым, если мы уже делаем в нем первые шаги? Противоестественно! Отсюда всякие спекуляции...

— Нет, дыма без огня не бывает,— решительно возразил Стив, раскуривая сигарету,— поверь моему чутью журналиста. Мне, правда, самому приходилось проверять информации о «тарелках». Чаще все оказывалось обыкновенной липой... Но я допускаю, что кто-то действительно мог видеть что-нибудь вроде «летающих тарелок». А это могли быть «тарелочки» ОТРАГа.

— В «братьев по разуму» ты совсем не веришь, Стив?

— В инопланетных — нет. Тут, на Земле, у нас с тобой могут оказаться «братья по разуму». Кстати, установить с ними контакт — это тоже возможная статья расходов. Да еще такая, которая в будущем принесет немалую прибыль.

— Ты уже начинаешь думать не просто о расходовании миллиардов моего отца, но и о прибыли. Ты прогрессируешь...

— То, о чем мы говорили, вовсе не означало выбрасывания денег псу под хвост,— отпарировал Стив.

— Но о прибыли ты упомянул впервые.

— Не цепляйся. Прибыль бывает разная.

— Пожалуй, мы рано заговорили об этом. Надо еще войти в права наследства...

Стив не ответил, и разговор прервался. Когда спустя некоторое время Стив снова глянул в иллюминатор, внизу простирались белые разводы облаков. Среди них местами еще проглядывала поверхность океана, но уже не голубая, как час назад, а сероватая, с холодным стальным отливом, в мелких морщинах волн. По разводам облаков медленно скользила далекая тень самолета. «Боинг» продолжал свой путь на северо-восток из сегодняшнего во вчерашний день.

Они благополучно приземлились в нью-йоркском международном аэропорту почти на сутки раньше, чем вылетели из Куала-Лумпура. Вечерело. Подходил к концу сумрачный декабрьский день.

Пока добрались на такси до отеля «Рузвельт» на Мэдисон-авеню, стемнело совсем. Повалил мокрый снег. Стив выбрал «Рузвельт» потому, что никогда раньше не останавливался в этом отеле и рассчитывал, что его тут никто не знает. Кроме того, «Рузвельт» находился в самом сердце Манхэттена, между 45-й и 46-й улицами, невдалеке от офиса Крукса, который помещался на Пятой авеню — в стоэтажной башне «Эмпайр стейт билдинг».

Стив снова воспользовался паспортом на имя Хорхе де Эспинозы и попросил трехкомнатные апартаменты для себя и своего брата. Через несколько минут они с Цезарем уже осматривали свое нью-йоркское пристанище на десятом этаже «Рузвельта». Апартаменты оказались намного скромнее тех, которые Стив занимал в Акапулько, но, главное, тут было тепло и относительно безопасно. На всякий случай Стив проверил все углы и выступы — нет ли подслушивающей аппаратуры,— но не обнаружил ничего подозрительного.

— Для страховки давай говорить о делах только при включенном радио и шепотом,— предложил Цезарь.

— О'кей. И может быть, по-испански?

— Можно, дорогой брат Хорхе,— кивнул Цезарь, переходя на испанский.

— Ого, да у тебя и испанский — как английский.

— Я довольно свободно владею двенадцатью языками,— скромно признался Цезарь.

— Когда-нибудь ты перечислишь их мне... Я, увы, могу говорить только на пяти.

— Включая родной?

— Ну естественно.

— Я его исключаю, когда говорю о языках.

— Значит, тринадцать... Знаешь, ты мне начинаешь все больше нравиться, Цезарь.

— Не крути... Я-то ведь догадываюсь, что в душе ты считаешь меня инфантильным недотепой.

— Ну не совсем так, хотя от инфантильности ты полностью не избавился.

— Постараюсь исправиться в кратчайшие сроки, если, конечно, мы с тобой уцелеем.

— Все еще боишься?

— Здесь даже больше, чем в Сингапуре.

Однако и оживление, и вид Цезаря свидетельствовали, что он преувеличивает. Он явно воспрянул духом, очутившись в Нью-Йорке.

Стив не преминул сказать ему об этом.

Фигуранкайн-младший пожал плечами, но ничего не ответил.

Они условились, что, разобрав вещи и переодевшись, спустятся в город и по уличному автомату позвонят: Цезарь — Круксу, а Стив — в Лос-Анджелес.

Спустя полчаса на пустом перекрестке Мэдисон-авеню и 46-й улицы Цезарь уже набирал номер телефона Крукса в его офисе.

— Скорее всего, он уже дома,— предположил Стив,— а домой звонить опасно, его домашний телефон может прослушиваться.

— А офис нет?

— Офис едва ли... Все-таки «Эмпайр стейт билдинг»!

Цезарь кончил набирать номер, и трубка почти сразу ответила голосом Феликса Крукса.

Цезарь быстро взглянул на Стива, и Стив приблизил ухо к самой трубке, которую Цезарь немного отвернул в его сторону.

— ...Крукс слушает,— отчетливо услышал Стив.

— Добрый вечер, Феликс,— сказал Цезарь.— Вы меня не узнаете?

— Извините... Нет.

— Это Цезарь.

Трубка поперхнулась.

— Какой... Цезарь? — донеслось спустя некоторое время до Стива в промежутки между приступами кашля.

— Цезарь... Ну разве вы меня не узнали, Феликс? В последний раз вы переслали мне чек на пять тысяч долларов, и они очень выручили меня.

Трубка молчала.

— Феликс, мне необходимо срочно повидаться с вами.

Трубка продолжала молчать.

— Я для этого специально приехал в Нью-Йорк.

— Значит, ты звонишь из Нью-Йорка? — чуть слышно простонала трубка.

— Да, причем из центра. Это недалеко от вас. —Трубка снова умолкла. — Лучше нам повидаться сразу. Я только что прилетел.

— Как же тебе удалось?.. Нет-нет, не отвечай ничего. Потом... Я все еще не могу поверить.

— Тем не менее это я, Феликс. Живой и невредимый.

— Ты один... прилетел?

Цезарь быстро взглянул на Стива.

Стив торопливо закивал.

— Один...

— Ну хорошо... Приходи... Но сейчас же... Из холла Эмпайра поднимешься на тридцать восьмой этаж. Постарайся войти в лифт один... Сейчас это нетрудно. Я тебя встречу... И смотри... будь осторожен...

— Понимаю. Спасибо. Иду.

Цезарь повесил трубку и посмотрел на Стива.

— Поехали, — решил Стив. — Не стоит терять время. Я позвоню позже.

На соседнем перекрестке они поймали такси и через несколько минут были уже у подножия расцвеченной неонами стоэтажной башни Эмпайра. Впрочем, вершина небоскреба не была видна. Она терялась в снежной мгле.

В облицованный красноватым мрамором обширный холл Эмпайра они вошли через разные двери: Цезарь направился к лифтам, а Стив, покрутившись по холлу, где людей было сравнительно немного, подошел к телефонным будкам. У междугородных автоматов никого не было. Наблюдая издали за Цезарем, Стив набрал код Лос-Анджелеса и номер Мэй. Теле-

фон не отвечал. Видимо, Мэй дома еще не было. Стив ждал довольно долго, но телефон так и не откликнулся. За это время Цезарь успел исчезнуть в лифте. Из холла он уехал один. Стив набрал номер Старика в редакции «Калифорния таймс». Тоже неудача... Рабочий день в Лос-Анджелесе, видимо, уже кончился. Мисс Перш на посту не было, и Старика в его кабинете тоже. «Позвоню попозже», — решил Стив и отправился в бар, расположенный в самом верхнем подземном этаже Эмпайра, над гаражами.

В баре за стойкой Стив встретил знакомого фотокорреспондента из бостонской вечерней газеты. Звали его Джон, а фамилию Стив забыл. Джон был уже «тепленький». Он попытался расцеловать Стива мокрыми губами и «по секрету» сообщил некоторые пикантные подробности гибели Фигуранкайна-старшего, которые, по-видимому, еще смаковали провинциальные газеты. Стив без труда узнал в этих «подробностях» свои материалы. Он мысленно благословил Старика, что тот держит в тайне имя собственного корреспондента «Калифорния таймс». Еще Стив узнал от Джона, что завещание Фигуранкайна-старшего будет открыто в четверг на следующей неделе.

— Только никого из журналистов не пустят... Это определенно, — объявил Джон и в подтверждение громко икнул в лицо Стиву.

Стив заказал ему новую порцию виски, допил свое, расплатился и поднялся в холл Эмпайра. Цезаря еще не было видно.

Стив вышел наружу и обошел, не торопясь, прямоугольник Эмпайра. Он шагал, засунув руки в карманы легкого плаща, с наслаждением вдыхал сырой холодный воздух, пропитанный запахами бензина, дыма, сернистого газа, и думал о том, как, в сущности, хорошо очутиться в самом центре Нью-Йорка, вдали от тропической духоты, подземелий с кобрами, ночей больших ножей, после почти трехнедельного балансирования на краю пропасти. Конечно, и Нью-Йорк не самое безопасное место на Земле, но тут, по крайней мере, известна цена риска, тут все знакомо и привычно, и, если у тебя под мышкой надежный пистолет, ты можешь чувствовать себя в относительной безопасности, как обычный средний американец. На углу 34-й улицы и Пятой авеню Стив увидел полицейский патруль — двух здоровенных парней, белого и мулата, и обрадовался им, как хорошим знакомым.

— Честь,— сказал Стив, проходя мимо них и небрежно касаясь шляпы.

Они молча салютовали ему, с достоинством и тоже небрежно.

Цезарь выходил из лифта в тот самый момент, когда Стив снова завернул в холл. Они обменялись многозначительными взглядами, вышли в разные двери и сошлись на Пятой авеню, в двух кварталах от Эмпайра.

— Ну как? — поинтересовался Стив.

— В порядке. Но он трусит еще больше меня...

— Еще бы,— кивнул Стив.— Но, в основном, зря... Что еще?

— Завещание... оно... действительно существует, Стив. И похоже, если они не уберут меня до следующего четверга, я окажусь... у пульта управления всей этой чертовщины.

— Так ты что, только теперь поверил?

Цезарь вздохнул:

— Понимаешь, если совсем честно, только теперь.

— Ну и дурак,— беззлобно сказал Стив.— Я все-таки считал тебя немного умнее, мудрец.

— Но уж теперь наши пути сошлись до конца,— взволнованно шепнул Цезарь, беря Стива под руку.— До самой визы в рай.

— Думаешь, нам дадут ее?

— Если мы осуществим задуманное? Получим наверняка. Можешь не сомневаться.

— Ты, конечно, имеешь в виду рай буддийский? — уточнил Стив.

— У нас будет право выбора.

— О'кей.— Стив поднял руку, заметив свободное такси.— Но не будем торопиться.

— Тогда зачем такси? Пошли пешком.

— Я имел в виду рай, мудрец, а не «Рузвельт».

— В рай, конечно, не будем... Сначала надо выхлопотать визы в ад — Люцу и еще кое-кому.

— Словом, дел много,— резюмировал Стив, садясь в машину.— Не до рая теперь.

Шофер подмигнул понимающе:

— А может, отвезу, ребята? Тут есть один поблизости — на Сорок второй улице. Если вы из провинции, всю жизнь вспоминать будете.

— Спасибо, — сказал Стив. — Когда-нибудь в другой раз. А пока поезжай в «Рузвельт».

По прибытии в «Рузвельт» Цезарь объявил, что голоден.

— Крукс не накормил тебя? — удивился Стив.

— И в мыслях не имел.

Они прошли в лифт.

— О чем же все-таки вы говорили? — спросил Стив, нажимая кнопку. — Ты пробыл там больше часа.

— Он рассказывал сказки, как пытался разыскать меня.

— Может, и не совсем сказки, Цезарь.

— Ну ты, например, нашел меня, и эти подонки, подосланные Люцем, или Пэнки, или еще не знаю кем, тоже...

Стив вспомнил, каким путем он разыскал Цезаря, и усмехнулся:

— Крукс мог не располагать моими «возможностями». — Он подчеркнул последнее слово.

— Нет, я не верю ему, — решительно объявил Цезарь, — Крукс совсем не заинтересован в моем появлении. Между прочим, у него на столе лежала газета с сообщением, что меня прикончили в Сингапуре.

— Опять «не верю». — Стив безнадежно махнул рукой. — Однако в существование завещания ты поверил.

— Он подтвердил то, что я уже знал от тебя...

Лифт остановился.

— Наш этаж, — предупредил Стив. — Выходим или поехали наверх в ресторан?

— Лучше выйдем. Поужинаем у нас.

— О'кей.

Ужинали в комнате Цезаря. Когда официант удалился, Стив запер дверь в коридор, заложил цепочку и включил на полную мощность какую-то музыкальную программу. Потом вернулся к столу и открыл бутылку с шампанским.

— Пьем за доверие, — предложил Цезарь. — За наше взаимное доверие во всем. Согласен?

— И за успех начатого.

Они сдвинули бокалы.

— О чем же еще был разговор? — Стив вернулся к интересовавшей его теме.

— Переходим на испанский?

— Как хочешь. Эта штука так гремит, что при ней никакая электроника не сработает. Музыка, называется...

— Крукс рассказал немного о процедуре в четверг. Будет совет директоров CFS, представители родственных банков, кто-то от Рокфеллера, из Швейцарии, еще несколько человек. Он называл фамилии, но я их не знаю. В основном, самые белые акулы.

— Самые белые? Что это значит?

— Ну самые-самые... Из большого бизнеса. Штаб «империи» и главные вассалы.

— А Люц?

— Ну что ты! Эти останутся в тени. Но тотчас все будут знать.

— А Пэнки?

— Должен быть, но Крукс говорит, что он сейчас болен.

— Вероятно, получил подробные известия из Сингапура.

— Не знаю. Еще Крукс предупредил, что могут быть все, кто предъявит права на наследство. Но пока никто не обращался.

— Кроме тебя.

— Меня он просил раньше времени не объявляться и прибыть в его офис точно в назначенное время — к четырнадцати ноль-ноль в четверг. Сказал, чтобы я позаботился о надежной охране — нанял трех-четырех частных детективов. Дал даже телефон одного такого бюро.

— А деньги дал?

— Дал. Пока две тысячи.

— Немного.

— До четверга должно хватить.

— А если нанимать детективов?

— Знаешь, Стив, я не хотел бы связываться с людьми, которых мы не знаем.

— Верно. Попробуем организовать это иначе.

— Как?

— Если захочешь, тебя будут охранять мои приятели — журналисты из «Калифорния таймс».

— Крукс сказал, что журналистов на церемонию открытия завещания не допустят. Так решил совет директоров. Потом Крукс проведет пресс-конференцию для журналистов.

— Чего-то боятся,— заметил Стив.— Тем более нужны надежные парни. Жаль, что Тео остался в Куала-Лумпуре. Ладно, посоветуюсь завтра со Стариком.

— Кто это?

— Главный редактор «Калифорния таймс».

— Но, Стив, Феликс сказал, журналистов...

— Вздор. Скажешь, что это твоя охрана. Никто не станет проверять их документы. Ты забываешь, мудрец, кем ты собираешься быть. Каждое твое желание станет законом.

— А пока Крукс предложил мне не появляться больше у него и звонить лишь в самом крайнем случае.

— Все это понятно. Пока ты только куколка и должен затаиться. Бабочка выпорхнет из кокона в четверг после полудня.

— Еще почти целая неделя, Стив.

— Ничего, у нас будет чем заняться.

— Знаешь, Стив,— Цезарь медленно цедил сквозь зубы шампанское,— у Феликса там тоже телохранители — целых трое. Здоровенные, как слоны, и свирепые, как бульдоги. Все в одинаковых серых костюмах, с бычьими шеями, квадратными подбородками, не отступают от него ни на шаг и не вынимают рук из карманов.

— А когда ты с ним разговаривал?

— Сидели в комнате секретаря, но дверь была приоткрыта.

— Он правильно делает,— усмехнулся Стив.— Тоже не хочет получать преждевременную визу в рай. Ну, еще по глотку шампанского и расходимся?

— Как же с твоими телефонами, Стив? — Цезарь отодвинул пустой бокал.

— Мэй позвоню сейчас отсюда, а Старику завтра утром. Время еще терпит.

Однако телефон Мэй снова не ответил.

На следующий день по уличному автомату возле одной из закусочных «Мак-Дональдс» Стиву удалось связаться со Стариком.

Кажется, Старик даже обрадовался.

— Стив? Ладненько... Ты откуда?

— Из Нью-Йорка. Звоню с Бродвея.

— Какие новости?

— Все в порядке. Привез его с собой.

— Его?.. М-м...— Наступила короткая пауза.— Но...

— Я читал... Пока дайте опровержение, а подробности — к вечеру телетайпом.

— Дальнейшие прогнозы?

— Вполне благоприятные. Церемония в четверг.

— Смотри, будь осторожен. Сейчас особенно.

— Понимаю... А вы там раскручивайте колесо.

Трубка хрюкнула:

— Думаешь, мы тут глупее тебя.

— Две просьбы, шеф.

— Деньги получишь у нашего нью-йоркского представителя. Кстати, на твоем личном счету тоже кое-что прибыло.

— Спасибо, но я не о том. Мне срочно нужны в Нью-Йорке трое наших надежных парней, например, Честер Ронн и еще пара того же покроя.

— Гм... Надолго?

— До конца будущей недели.

— А кто платит?

— Пока никто. На добровольных началах... Но в перспективе — первополосный материал, а возможно, и еще кое-что.

— Надо подумать...

— Но недолго... Они должны быть тут не позже завтрашнего утра.

— Где им тебя искать?

— Отель «Рузвельт». Встречу в холле.

— Что еще?

— Еще... — Стив замялся. — Еще Мэй Уилкинс, шеф. Вы давно обещали ей командировку...

— Уже выполнил обещание. Она четвертый день в Москве — нашим представителем.

— От нее были сообщения?

— Все в порядке. Жду твоих материалов...

— А как с Честером и остальными?

— Позвонишь мне домой вечером.

Щелчок. В Лос-Анджелесе Старик положил трубку, Стив посмотрел вокруг. Вблизи по-прежнему не было ничего подозрительного.

Прохожие торопливо бежали мимо, подняв воротники. Никто не обращал на Стива внимания. Над входом к «Мак-Дональдсу» очаровательная блондинка, на которой, кажется, не было ничего, кроме кружевного фартучка, призывно улыбаясь, протягивала тарелку с жареным цыплен-

ком. Стив осторожно повесил телефонную трубку на крючок и направился к «Мак-Дональдсу» съесть ленч.

Честер Ронн появился утром в воскресенье. Стив встретил его в холле «Рузвельта» и сразу потащил наверх к Цезарю. По пути Честер объяснил, что еще двое — Бен Килл и Фред Робертсон — прилетят вечерним самолетом.

Цезарю Честер понравился. Румяный, рыжий, широкоплечий, с открытым круглым лицом и выпуклыми голубыми глазами, он, казалось, только что сошел с одного из рекламных щитов, с которых такие же вот молодые, пышущие здоровьем парни предлагают таблетки от бессонницы или шампунь, предупреждающий облысение.

Стив кратко ввел Честера в курс дела, и тот охотно согласился сыграть предложенную роль, добавив, что в юности мечтал стать киноактером, даже снимался статистом в нескольких голливудских фильмах.

Бена Килла и Фреда Стив тоже хорошо знал и заверил Цезаря, что они будут достойными партнерами Честера. Цезаря, правда, немного смущало, что Честер не похож на слоноподобных бульдогов Крукса, но Стив считал, что это и к лучшему. Совсем необязательно, чтобы телохранителя можно было отличить за милю. Договорившись обо всем, они оживленно болтали до полудня. Честер рассказывал о калифорнийских новостях, об очередной охоте на «ведьм» в Голливуде, Стив — о своих филиппинских впечатлениях. Цезарь, которого Стив отрекомендовал Честеру в качестве знаменитого востоковеда,— о пещерных буддийских храмах на Яве и Суматре.

Когда Цезарь ненадолго вышел из комнаты, Стив шепотом предупредил Честера, что его роль сопряжена с некоторым риском, ибо Цезарь прибыл в Нью-Йорк инкогнито за получением наследства и, кроме того, его преследует некая восточная мафия за разглашение семейных тайн одного из султанов острова Бали.

Честер объявил, что благодаря всему этому его роль становится еще более занятной, и поинтересовался, какой именно первополосный материал имел в виду Старик, когда направлял его к Стиву.

— И наследство, и мафия,— пообещал Стив,— в четверг ты этот материал получишь.

Стив в свою очередь поинтересовался, захватил ли Честер какое-нибудь оружие.

Честер развеселился, хлопнул Стива по плечу и выложил на стол два автоматических пистолета, пружинный нож и кастет.

Возвратившийся в этот момент Цезарь удивленно оглядел арсенал на столе и попросил один из пистолетов «во временное пользование».

Честер отдал ему пистолет вместе с кобурой, которую отстегнул из-под пиджака.

После этого Честер объявил, что приступает к исполнению своих обязанностей, и Стив оставил их с Цезарем в ожидании ленча, а сам отправился в город — в бюро нью-йоркского представителя «Калифорния таймс».

Однако связаться с Мэй из нью-йоркского представительства тоже не удалось. Корпункт в Москве не отвечал, а из гостиницы «Москва», где остановилась Мэй, сообщили, что госпожа Уилкинс вышла утром и еще не вернулась.

Стив глянул на часы. Два часа дня — значит, в Москве девять вечера. Мэй могла быть в театре или на каком-нибудь приеме.

Прощаясь с Антони Роадсом — нью-йоркским корреспондентом «Калифорния таймс», Стив объявил, что зайдет завтра или во вторник.

Роадс удивленно поднял брови:

— А деньги? Разве они тебе не нужны?

— Давай, что у тебя для меня.

Роадс протянул чек:

— Прислали сегодня авиапочтой.

Стив не глядя сунул чек в карман.

Уже у входа в метро в поисках мелочи Стив извлек из кармана чек, развернул его и раскрыл рот от удивления.

Четыре тысячи долларов! В два раза больше, чем этот скряга Крукс счел возможным выделить позавчера Цезарю. Ну и ну! Акции Стива в «Калифорния таймс» стремительно шли в гору.

Понедельник, вторник и среда прошли спокойно. Цезарь не покидал апартаментов в «Рузвельте». Он теперь ни на минуту не оставался один. В воскресенье вечером прибыли Бен и Фред — молодые, здоровые парни, под стать Честеру, и тот-

час включились в игру. Все трое устроились в «Рузвельте» и по очереди дежурили у Цезаря. Стив помог Цезарю написать «тронную речь», которую Цезарь должен был произнести перед «белыми акулами» штаба «империи» Фигуранкайнов после оглашения завещания. Она была составлена в духе первого пункта их сингапурской программы, резка, лаконична, содержала угрозы в адрес «либералов», ответственных за гибель Фигуранкайна-старшего, сдержанные похвалы Феликсу Круксу и торжественное обещание укреплять священные традиции фирмы, заложенные ее основателем. В заключение Цезарь должен был сказать об ответственности каждого, кто хочет продолжать сотрудничество с ним, о строжайшей секретности всех начинаний, действий и планов, о недопустимости утечки информации, о категорическом запрете обращений в прессу через его голову и об отмене пресс-конференции, анонсированной Феликсом Круксом.

Цезарь выучил текст «тронной речи» наизусть, отрепетировал выступление шепотом в ванной комнате, где они закрылись вдвоем со Стивом, предварительно пустив воду из всех кранов и душевых устройств. После генеральной репетиции текст «тронной речи» был порван на мелкие клочки и спущен в унитаз.

Казалось, все было в порядке, кроме только одного... Стив так и не смог дозвониться в Москву к Мэй. По-видимому, она была в эти дни очень занята, и он не мог поймать ее ни в корпункте, ни в гостинице. А оставить ей свой телефон в Нью-Йорке он не решался, пока главная операция не завершилась.

Наконец, наступил четверг. Без пяти минут два Цезарь Фигуранкайн-младший в сопровождении своих «телохранителей» и Стива подъехал на такси к башне Эмпайра. Вокруг стояло множество машин, а в мраморном холле не протолкнуться было от журналистов. Возле стен над головами торчали блестящие шары юпитеров и возвышались камеры телевизионщиков. Проход к лифтам преграждала цепочка полицейских. Они проверяли документы и пропускали не каждого. Для представителей прессы допуск к лифтам был, очевидно, закрыт. Цезарь в сопровождении своих «телохранителей» протиснулся к цепочке полицейских и протянул паспорт сержанту. Сержант небрежно раскрыл паспорт, замер и вытаращил на Цезаря глаза. Цезарь кивнул на провожатых, сержант вытянулся, с величайшим почтением вернул Цезарю паспорт

и лично проводил Цезаря и его «охрану» до лифта. Стив, оставшийся за полицейским кордоном, заметил, что кое-кто из журналистов насторожился. Вслед удаляющемуся Цезарю защелкали фотоаппараты, зажужжало несколько кинокамер.

Стив потолкался среди журналистов, прислушиваясь к разговорам, ловил обрывки фраз.

— Вздор, ничего интересного не произойдет...

— Тогда зачем столько предосторожностей?

— Именно поэтому. Там, наверху, все давно решено и известно...

— И мы ничего не узнаем.

— Скорее всего...

— А я говорю, он все завещал военным...

— Будет создан специальный фонд Фигуранкайна: премия за новую военную технику. Фигуранкайновская всемирная премия войны, наподобие Нобелевской премии мира... Ха-ха-ха!..

— Если известие о гибели его сына подтвердится...

— Парня, конечно, убрали, как и его папочку...

— Самое пикантное во всей этой истории, господа, как обкакалась «Калифорния таймс»! Три дня назад они опровергли сообщение о смерти молодого Фигуранкайна.

— Обкакались-не обкакались, а миллионы на этом деле загребли.

— Больше не загребут. Придется сокращать тиражи.

Кто-то потянул Стива за рукав. Стив быстро обернулся. Это был Джон — фотокорреспондент «Бостонских вечерних новостей».

— Привет, Стив. Не знаешь, кто это тут прошел недавно? Такой высокий, моложавый, и за ним трое в штатском.

— Успел снять?

— Успел, но не очень удачно. Вполоборота. Кто это?

— Никому не скажешь?

Джон прижал указательный палец к губам.

— Цезарь Фигуранкайн-младший со своей охраной, — шепнул Стив.

— Что-о! — завопил Джон таким голосом, что вокруг начали оглядываться.

— Ты не расслышал?

— Честно?

— Абсолютно.

— Ах черт побери,— пробормотал Джон и растворился в толпе, ожесточенно работая локтями.

Прошло около часа. Стало душновато. Народу все прибывало. Холл глухо гудел. Вдруг в толпе возникло движение. Вспыхнули юпитеры. Стив глянул поверх окружавших его голов. Цепочки полицейских уже не было видно, и корреспонденты теснились возле лифтов.

Внезапно послышался чей-то крик, и толпа шарахнулась к выходам. Стив прижался к стене, чтобы не быть увлеченным общим потоком. Мимо него с трудом протиснулся кто-то из телевизионщиков с треногой в руках, возмущенно бормоча:

— Ну чего приклеился! Они уже разъезжаются. Спустились прямо к подземной стоянке.

Через минуту холл почти опустел. Стив поправил на себе плащ. Обнаружил, что не хватает одной пуговицы. Осмотрелся и увидел ее в нескольких шагах на мраморном полу. Подняв пуговицу, он хотел пройти к лифтам, но из центрального лифта выскочил Бен Килл и, увидев Стива, бегом направился к нему. Лицо Бена сияло так, словно наследство получил он сам.

— Ну что там? — спросил Стив.

— Ох, колоссально,— Бен с трудом перевел дыхание,— ну и надрал же он нас всех, Стив. Если бы мы только знали...

— Порядок?

— Полный. Все ему. И знаешь, он их сразу всех в горсть. Кто бы мог подумать! Железная хватка. А ты — «востоковед, ученый»... И знаешь, я даже поверил. Он мне сначала и показался каким-то малахольным. Там, в этом синклите, был один длинный старик с оттопыренными ушами, вот так,— Бен приложил ладони к своим собственным ушам, чтобы изобразить уши старика...

— Мистер Пэнки?

— Он самый... Так он сначала глядел на Цезаря, как удав на кролика, а под конец прослезился, расцеловал его и сказал, что новый глава концерна может рассчитывать на него, как на самого себя. А в конце заседания крикнул: «Цезарь умер, да здравствует Цезарь!» И все стали аплодировать.

— Так и должно быть,— сказал Стив, с трудом пытаясь скрыть охватившее его волнение.— Ты, Бен, сейчас, конечно, к телетайпу?

— Само собой... Цезарь отпустил меня до вечера. Да, Стив, он велел передать тебе, чтобы ты сейчас же ехал в отель

«Амбассадор». Там будет прием для самых избранных. Цезарь ждет тебя... Чао!

Бен исчез. Стив неторопливо направился к выходу. Прием в «Амбассадоре»... Этот отель — святая святых американского большого бизнеса. Будут, конечно, и Феликс Крукс, и Пэнки. Что Цезарь задумал? Следует ли так сразу раскрывать себя? Феликс Крукс, без сомнения, его хорошо помнит... Где-то в подсознании таилась мысль, что сейчас появляться на сцене еще рано. Черт бы побрал этого Цезаря. Не успел выплыть на поверхность и уже торопится. Этот вариант с приемом они не предусмотрели... Непростительная ошибка. Что Цезарь мог ляпнуть о нем Феликсу Круксу?

Стив не спеша шагал вверх по Пятой авеню в сторону «Рузвельта». Из-за облаков проглянуло низкое уже солнце, осветило верхние этажи по правой стороне улицы. Там, высоко наверху, оконные стекла превратились в чистое золото... Золото... Стив подумал, что теперь Цезарь, если захочет, сможет выстроить себе дом с настоящими золотыми окнами. Интересно, хватит ли у него отваги и... сил?.. Стив усмехнулся: «Ведь самое простое — ограничиться первым пунктом их программы... Просто, безопасно и, главное, никаких хлопот... Машина отрегулирована. Действительно ли безопасно? Ну, если этот Пэнки говорил искренне, скорее всего, так и есть».

Стив вдруг почувствовал томящую усталость... Не окажется ли он в роли доброго и глупого волшебника, который подарил маленькому злому мальчишке волшебную палочку, исполняющую все желания? Ну, в этом случае палочка должна сработать прежде всего против самого волшебника... Что ж, будущее вскоре покажет... А Райя, что ждет теперь ее? Впрочем, почему Райя? Мэй...

А если плюнуть на все? Пока еще не поздно, выйти из этой игры?.. Сейчас у него есть кое-какие деньги. Поначалу им с Мэй хватило бы. Можно попытаться написать книгу. Материала предостаточно... Или потом он всю жизнь будет жалеть, что не использовал единственный представившийся ему настоящий шанс? Улица снова стала сумрачной. Окна наверху погасли. Солнце ушло за облака. «Что же делать?.. Если и сегодня не дозвонюсь, надо будет послать Мэй телеграмму. А сейчас, пожалуй, самое правильное — зайти в "Рузвельт" и позвонить оттуда Цезарю в "Амбассадор"». Стив решительно свернул на 45-ю улицу, в сторону Мэдисон-авеню.

Холл «Рузвельта» был почти пуст. Стив направился прямо к лифтам, но навстречу ему из кресел, стоящих в холле, поднялись двое в штатском.

— Стив Роулинг?

Стив замер на месте. Он же зарегистрирован в этом отеле как Хорхе де Эспиноза. Впрочем, в кармане его настоящий паспорт. Стив инстинктивно протянул руку к карману, чтобы убедиться.

В спину уткнулось что-то твердое.

— Не шевелиться. Уголовная полиция. Вот ордер на арест.

Тот, что оказался впереди, протянул Стиву какую-то бумагу. Стив машинально взял ее, хотел развернуть, и на запястьях у него с легким треском защелкнулись наручники.

— В первый раз попадается, — усмехнулся второй, выступая вперед и пряча пистолет. — Бывалые на такую приманку не берут, Билл. — Он запустил руку под пиджак Стива и ловко извлек пистолет и бумажник.

— Все в порядке. Этот самый, — добавил он, листая паспорт. — Пошли.

— В чем дело, ребята? — поинтересовался Стив, продолжая держать в скованных руках свернутую вчетверо бумагу.

— Там написано, — сказал тот, которого назвали Биллом. — Давай, идем.

— Все-таки объясните сначала, — настаивал Стив. — Не хотел бы вас расстраивать, но вы больше похожи на гангстеров, чем на полицейских. Я еще могу поднять шум.

Билл грязно выругался, но второй взял бумагу из рук Стива, развернул и поднес ему к глазам.

— Вот, читай: ордер прокурора на арест. Тут твоя фамилия и прочее... прочитал? И вот дальше: арестовать по подозрению в убийстве Карлоса де Эспинозы — кардинала римско-католической церкви.

— Неплохо сработано, — сказал Стив. — Интересно, когда его успели убить?

— Тебе лучше знать, — отрезал Билл. — Пошли.

«Что же это такое, — думал Стив, направляясь со своими провожатыми к выходу, — недоразумение, провокация, или... или это уже сработала волшебная палочка в руках злого мальчишки? Но если так, еще не поздно...»

Не напрасно же Тео обучал его приемам санчин-до... Билл уже открывал наружную дверь. Если руки заняты,

можно использовать такой прием... Два молниеносных удара ногами вправо и влево. Билл и его товарищ, сложившись пополам, молча ткнулись мордами в мраморный пол. Стив оглянулся. В холле был только портье, застывший за своей стойкой.

— Тихо,— предупредил Стив.— Не торопиться.

Теперь наручники. «Санчин-до рекомендует поступать так... Вот, кстати, подходящая ручка двери... Зацепим и повернем». Раздался треск... Руки освободились; сами браслеты — чепуха. Стив наклонился, извлек из кармана полицейского свой паспорт и пистолет.

— Через пять минут позвонишь в полицию,— сказал он портье,— но ни минутой раньше. Иначе...

Он показал портье пистолет, спрятал его, стряхнул пылинку с рукава пиджака и вышел из холла на Мэдисон-авеню.

Часть вторая

ПРОЕКТ «ШИВА»

— Не знаю, Стив, — тихо сказала Мэй. — Нет, право, не знаю... — задумчиво повторила она, рисуя остроносой туфелькой знак вопроса на красноватом гравии площадки.

Они сидели в тени расцветающих акаций на широкой каменной скамье, теплой от полуденного зноя. Внизу, у самого берега, темнели треугольные входы в гробницы финикийского Карфагена, торчали похожие на колья небольшие каменные стелы со знаком луны — символом богини смерти. Бледное зеркало Тунисского залива тускло блестело — неподвижное в безветрии весеннего полудня.

— Сирокко идет, — Стив скривил худое, коричневое от загара лицо, — ветра совсем нет и зной, и горизонт почти не различим... К вечеру задует...

— Тем более, мне надо лететь, дорогой, — печально усмехнулась Мэй. — Аэропорт может закрыться, а меня ждут в Варшаве.

— Глупо все получается, — пробормотал Стив, раскуривая сигарету.

— Ну почему же?.. Мы провели райские дни в Сиди-Бу-Саид... Бесконечно благодарна тебе за них.

— Можно остаться тут еще... И потом — вместе в Лондон... Знаешь, я подумываю, не купить ли этот домик.

— В Сиди-Бу-Саид? Зачем? Сколько дней в году ты сможешь проводить тут?

— Это зависело бы от тебя, Мэй.

— Нет... Не обманывай себя... Ты ни за что на свете не расстанешься с Цезарем. Сколько лет это продолжается?.. Восемь... Девять. Ваш «проект» затянул тебя и уже не отпустит...

— Ну, я не убежден.

— Зато я убеждена. Кроме того, моя работа, Стив. Тоже не хочу оставлять ее. Мне иногда кажется, что и я делаю что-то полезное.

— Без сомнения. Ты во многом преуспела, дорогая. Твои последние репортажи просто хороши... Однако едва ли газетчикам дано изменить мир.

— Изменить? Нет, конечно. — Мэй снова усмехнулась печально и задумчиво, откинула назад волосы. — Попытаться сохранить его?

— Фантастика... Людей не перевоспитаешь газетными статьями. Даже и такими честными и искренними, как твои, Мэй. Только страх — лекарство от безумия.

— Поэтому вы с Цезарем и решили припугнуть... кое-кого?..

— Самое правильное — припугнуть всех, дорогая.

— Боже мой, Стив, мне не хотелось бы перед новой разлукой начинать старый спор, но неужели вы — новоиспеченные магометы, или будды, или черт вас там знает, кем себя вообразили — не чувствуете, что сами балансируете на лезвии ножа?

— Но ведь ты не хочешь, чтобы я сошел оттуда?

— Ох, не знаю, Стив, — Мэй зябко поежилась, — ты, наверное, никогда не простил бы, если бы тебе пришлось выйти из игры ради меня, но... Каждый раз просто леденею от отчаяния при мысли, что наша встреча может оказаться последней...

— Даже и в такую жару, дорогая?

— Ох, не надо этим шутить, Стив. — Мэй прижалась головой к его груди, и Стив почувствовал, что она действительно дрожит.

— Ну-ну, успокойся, кузнечик, — мягко сказал он, обнимая ее худенькие плечи, — я везучий. Ты же знаешь, как мне везло... до сих пор...

Мэй выскользнула из его рук и, вскочив с каменной скамьи, постучала костяшками пальцев в ствол ближайшей акации.

— Стив, я ведь просила, не надо об этом.

— Не буду, не буду. И все-таки вспомни: что может быть хуже, если тебя в самый неподходящий момент пытаются арестовать по подозрению в убийстве собственного дяди, к тому же кардинала, да еще после того, как ты сам ухитрился взвалить на себя кучу подозрений.

— О, это было ужасно, Стив. Просто не знала тогда, что и подумать.

— Надеюсь все-таки, ты не подозревала меня?

— Нет, конечно, нет. Но западня была кошмарная...

— Да-а,— подтвердил Стив, покусывая губы,— многое довелось передумать... Почти год прятался, пока был под подозрением. Впрочем, и тот год не прошел впустую. Подзанялся языками. Цезаря, конечно, не догнал, но время провел не без пользы.

— Загадка убийства так и не прояснилась?

Стив задумчиво покачал головой:

— Пока нет... Хотя не теряю надежды... Если, конечно, было убийство... Понимаешь, не исключено, что он жив, но... нити оборвались... Я сначала подозревал Пэнки, даже Крукса, но...

— Крукс в конце концов и помог тебе выпутаться.

— Не столько он, сколько деньги Цезаря... Но теперь-то я убежден, что ни Крукс, ни Пэнки к «расстановке капкана» отношения не имели. Тем не менее, кто-то ухитрился тогда выследить меня и воспользовался моими промахами. Может быть, те же, кто убрал Цезаря-старшего...

— Кто-нибудь из ОТРАГа?

— Скорее, кто-то, стоящий над ОТРАГом.

— Боже мой, Стив... Но тогда, значит...— Мэй умолкла, испуганно глядя на него.

— Вот именно, дорогая... Даже тут, в пустоте развалин старого Карфагена, не стоит продолжать...

— Значит, все еще ужаснее, чем я думала.

— Отнюдь, кузнечик... Если эта злая сила находится вне ОТРАГа, даже ОТРАГ — пока защита для нас с Цезарем. Тут очень сложное переплетение обстоятельств и... интересов... ОТРАГ им сейчас нужен, очень нужен...

— Как все запутанно и страшно, Стив.

— Не более, чем человеческие отношения в любую из предыдущих эпох. Особенно на государственном уровне... А ОТРАГ — тоже государство, предпочитающее быть незаметным, но претендующее на многое...

— Значит, ты продолжаешь верить, Стив?.. Да?

— Продолжаю,— очень серьезно подтвердил он, снова привлекая ее к себе,— продолжаю верить, мой кузнечик. Именно поэтому не выхожу из игры. Хотя временами хотелось бы,— он вздохнул,— как, например, сейчас... А когда моя вера угаснет...

— Тогда может быть поздно,— шепнула Мэй.

— Может быть поздно,— согласился Стив.— Однако пока время работало на нас... с Цезарем. Мы ведь не сидим сложа руки. Я не рассказывал тебе многого, но... у нас уже есть кое-какая опора — даже внутри ОТРАГа. С каждым месяцем наши собственные акции растут.

— Все стараешься успокоить меня, да?

— Я действительно думаю так, мой дорогой кузнечик.

— Перестань, наконец, называть меня кузнечиком,— возмутилась Мэй, пытаясь освободиться из его рук.— Пусти меня... И вообще, я давно перестала быть похожей на кузнечика.

— Но ведь была.

— И не была. Это ты придумал, чтобы злить меня. Пусти же...

— Не пущу. Тем более, что через несколько часов ты все равно упрыгаешь.

— Стив!

— Ну, упорхнешь — в Варшаву, потом в свою Москву, которая, кажется, стала тебе милее Лос-Анджелеса.

— Это чудесный город, Стив. И с каждым годом Москва становится мне ближе. А еще — Ленинград... Я действительно полюбила их. Ты должен обязательно приехать туда и все увидеть сам. Может быть, там ты поймешь... Если мир на земле удастся сохранить, это будет заслуга русских, их политики, здравого смысла, их силы. О, они не хотят войны, Стив! Бред собачий, что о них пишут некоторые наши газеты. Я теперь это хорошо поняла. И еще — твои истинные союзники, Стив, в Москве.

— Понимаешь, Москва — одна из немногих столиц нашей милой планетки, лежащая за пределами нитей ОТРАГа...— Он помолчал.— Посмотри, что за очаровательные японочки! Какие гейши могли бы из них получиться. Или экспонаты для музея восковых фигурок.

— Интересно, как часто ты изменяешь мне, Стив? — Мэй улыбнулась, но улыбка получилась печальной.

— А ты, кузнечик?

— Стив, какие вещи!.. Разве я...

— Не я первый начал... Кроме того, никаких претензий, дорогая. Ты знаешь мое отношение... Ты свободна... Мы оба свободны... Пока... Так что, если попадется какой-нибудь голубоглазый русский...

— Стив!

— Только не советую связываться с журналистами, особенно с нашими.

— Стив, перестань, или по-настоящему рассержусь.

— Потому что среди наших много подонков... Насчет советских не знаю...

— Стив, я рассердилась!

— Нет... Сейчас мы сфотографируемся с тобой возле этой громадной капители, которая наверняка венчала мраморную колонну, упавшую две тысячи лет назад. Что тут было на этом месте?

— Кажется, храм Зевса Олимпийского.

— Превосходно. Иди к этому кусочку мрамора и попробуй взобраться на него, а я пристрою аппарат на скамейке и прибегу к тебе.

Пока Мэй безуспешно пыталась забраться на огромную мраморную глыбу, лежащую посреди усыпанной красноватым гравием площадки, Стив успел сделать несколько снимков.

— Стив, снова подвох.— Мэй издали погрозила пальцем,— Не смей меня фотографировать в таком виде... И... я не могу влезть. Тут высоко, мрамор скользкий...

— Сейчас помогу.— Стив попробовал приладить фотоаппарат на краю скамейки.

Молоденькая японочка в белом кимоно с ярким поясом, мило улыбаясь, жестами предложила сделать снимки. Стив отдал ей фотоаппарат и указал на мраморную плиту, возле которой стояла Мэй.

Японочка сфотографировала их с Мэй несколько раз и с низким поклоном возвратила Стиву аппарат. Но они не отпустили ее, заставив фотографироваться с ними по очереди возле мраморной капители, на фоне Тунисского залива и развалин.

— Куда прислать снимки? — поинтересовался Стив, когда они прощались.

Перемежая английские и французские слова и смущенно улыбаясь, японочка объяснила, что она из Киото, работает

воспитательницей в детском саду и впервые оказалась в такой далекой туристской поездке. Мэй записала ее адрес и протянула свою визитную карточку.

Бросив взгляд на карточку Мэй, их новая знакомая засмущалась еще больше и в промежутки между поклонами с любопытством и даже с каким-то испугом взглядывала на Мэй. Ее, видимо, поразило, что эта худенькая молодая женщина, так скромно одетая, оказалась корреспонденткой известной американской газеты и вдобавок работает в самой Москве...

— Я тоже хотеть поехать Москва,— пояснила японочка на прощание.— Но очень дорого... Когда-нибудь потом... когда буду вырастать...

И она, продолжая кланяться Мэй и Стиву, торопливо удалилась к своей группе.

— Пошли и мы? — предложил Стив.

— Тут остался еще один кадр,— заметила Мэй, бросив взгляд на аппарат, перед тем как спрятать его в корреспондентскую сумку.— Давай сфотографирую тебя одного, Стив... То будет последнее остановленное мгновение нашей встречи.

— Снимай,— согласился он.— Только надо придумать какой-нибудь сюжетик. Хочешь, я буду поднимать эту мраморную громадину?

— Предпочла бы иметь нормальный снимок с твоей обычной, чуть иронической усмешкой,— возразила Мэй,— но можно и у глыбы...

— О'кей, буду иронически улыбаться, приподнимая ее,— обещал Стив.

Он подставил плечо под один из выступов капители, сделал вид, что напрягся, и скорчил устрашающую гримасу.

— Нет,— запротестовала Мэй, глядя в видоискатель.— Нужен самоуглубленный взгляд атланта, а не оскал гангстера. Смени маску. Нет, тоже не подойдет...

Лицо Стива стало вдруг серьезным. Он закусил губы и сильно напрягся. Мэй показалось, что он действительно хочет сдвинуть огромную глыбу.

— Не надо, Стив! — крикнула она, быстро щелкнув затвором аппарата.— Что ты придумал? Надорвешься!

Он медленно выпрямился и, тяжело вздохнув, вытер платком выступившие на лице капли пота.

— Не получилось: слишком тяжела...

— С ума сошел!

— Нет... Просто загадал что-то...
— Ну и?..
— Не получится.
— О чем ты?
— А, ерунда... Пойдем.

Мэй тревожно взглянула на него. Его лицо, еще несколько мгновений назад такое оживленное, стало вдруг мрачным, взгляд ушел куда-то внутрь.

Она осторожно взяла его под руку.

— Не думай об этом, Стив. Конечно, это ерунда — так загадывать. Она весит несколько тонн... И потом... До сих пор все было хорошо, все тебе удавалось...

— Поняла, значит.— Он обнял ее плечи и усмехнулся.

— Кажется, иногда я понимаю тебя лучше, чем ты сам,— шепнула Мэй.

Он снова усмехнулся, но ничего не сказал, и они медленно пошли по залитой солнцем красноватой гравийной дорожке. Справа и слева за бледно-зеленой листвой акаций лежали тысячелетние руины Карфагена — города, дважды пережившего свое величие и смерть... Мэй думала об этом, пока они выбирались к стоянке, где Стив оставил машину. А еще Мэй подумала, что ей, наверное, не следовало бы торопиться улетать... Ей вдруг так захотелось снова вернуться в маленький белый домик с голубыми жалюзи и голубыми решетками на окнах — домик, вознесенный над синим простором Средиземного моря в самом конце узкой извилистой улички на окраине Сиди-Бу-Саид — поселка избранных, как называл его Стив.

«Это были очень хорошие дни,— с нежностью и печалью подумала она.— Кто знает, повторятся ли они когда-нибудь».

Перед спуском к площадке паркинга, сплошь заставленной автомашинами, Мэй в последний раз оглянулась. Внизу в обрамлении тусклой зелени лежал бело-пепельный лабиринт развалин, над которым поднимались в мутное небо строгие колоннады древних храмов. На красноватой площадке у самого залива виднелась мраморная капитель, которую хотел сдвинуть Стив. Отсюда она выглядела совсем крошечной.

«Зачем только я предложила сделать этот последний снимок?» — подумала Мэй, и ей вдруг захотелось заплакать.

Когда «боинг» Мэй, круто уходя в небо, исчез в пыльном мареве надвигающегося сирокко, Стив почувствовал страшную

усталость и пустоту внутри и вокруг. Он присел на балюстраду террасы, откуда наблюдал за взлетом, и долго сидел неподвижно, словно прислушиваясь к тому непривычному и удивительному, что происходило в нем. Неужели Мэй так много значила для него? Когда, собственно, это случилось?.. Все дни, проведенные в Сиди-Бу-Саид, он старательно гнал от себя мысль, что Мэй должна вскоре возвратиться в Москву, а его самого ждет Цезарь. Позавчера, после последнего телефонного разговора с Цезарем, он мысленно уже переключился на дела, которыми предстояло заниматься в ближайшие недели: сначала поездка в Лондон, встреча с этим «гениальным психом» — профессором Шарком, которого где-то выкопал Цезарь, потом полет в Бразилию, потом...

Он даже не мог сейчас припомнить, что должно было последовать за полетом на их бразильский полигон, потому что ему вдруг все стало безразлично и в мыслях была только Мэй...

Все-таки не следовало отпускать ее. Уж во всяком случае, в Лондон они могли бы поехать вместе... Вместе?.. Стив попытался вспомнить, возникали ли у него подобные мысли в прошлом, когда он вот так же расставался с Мэй после очередной короткой встречи в Лос-Анджелесе или где-нибудь еще, где случайно перекрещивались их пути — пути не знающих покоя газетных корреспондентов... Нет, похоже, такое с ним произошло впервые...

«Значит, действительно, старею, — мелькнула мысль, — старею, и тем больше оснований выходить из игры...» Кое-что все-таки удалось сделать за эти годы... Во всяком случае, его собственное будущее теперь обеспечено, да и дьявольская машина ОТРАГа незаметно начала сворачивать с дороги, для которой первоначально предназначалась. Ставка на Цезаря оказалась правильной... Вопрос заключается в том, удержит ли Цезарь один руль управления, если Стив решится уйти. Черт побери, ведь главные партии еще далеко не разыграны... ОТРАГ — не только деньги «империи» Фигуранкайнов. Еще живы многие, кто его создавал и кто продолжает видеть в ОТРАГе решающий шанс реванша и даже — главное орудие возмездия за поражение в той войне.

Достаточно ничтожного просчета, и Цезарь разделит судьбу своего отца, а ОТРАГ вернется на старые рельсы. Впрочем, все это вполне возможно и в том случае, если Стив останется.

Тогда их просто уберут вместе с Цезарем. Мэй, конечно, права — они балансируют на лезвии ножа. Но именно это обстоятельство и сделает уход Стива похожим на бегство. Независимо от мотивов ухода. Значит...

Стив тяжело вздохнул и поднялся с балюстрады. «Значит, надо лететь в Лондон, потом в Рио, потом на их чертов полигон на севере Бразилии, а потом дальше — в очередной круг этой миленькой преисподней, придуманной людьми двадцатого века».

Нет, это даже хорошо, что он полетит один, что Мэй будет в Москве. Там другой мир. Мир, не очень понятный Стиву, но, во всяком случае, не столь жестокий, как его собственный. Зная, что Мэй в безопасности, он сможет сохранить свободу действий и... выбора. Если бы Мэй осталась с ним, «выход из игры» стал бы неизбежным. А любая неизбежность была Стиву ненавистна еще с того далекого времени, когда он работал в «Калифорния таймс».

Все снова становилось на привычные места.

«Значит, — он усмехнулся, — подтянем носки и двинемся дальше, как говорят у нас в Калифорнии».

Прежде чем покинуть террасу на крыше аэровокзала, Стив бросил взгляд вокруг. С бетона взлетной полосы уходил в мутное желтоватое небо очередной лайнер. Небоскребы центра тунисской столицы уже почти не просматривались в пыльной мгле, наплывавшей с юга из Сахары. На востоке чуть голубела кромка Тунисского залива. Там, на берегу, остались развалины Карфагена, среди которых они с Мэй провели сегодняшнее утро. И это их последнее утро, подобно неделе в Сиди-Бу-Саид, было уже в прошлом...

Стив решительно направился к спуску в билетный зал: надо было еще зарезервировать место на вечерний лондонский рейс. Спускаясь по неподвижной ленте эскалатора, Стив ощутил первые горячие вздохи приближающегося сирокко.

Ночь пришлось провести в баре тунисского аэропорта Картаж. Лондонский рейс несколько раз откладывался. Порывы горячего ветра сотрясали стеклянную коробку аэровокзала. Кондиционеры почти вышли из строя. В залах, переполненных застрявшими пассажирами, было душно, в воздухе висела тонкая песчаная пыль. Она скрипела на зубах, от нее першило в горле, слезились глаза. Она, конечно, была и в

коктейле, который Стив потягивал через синтетическую соломинку почти с отвращением.

Самое правильное было бы отказаться от рейса и поехать в город в гостиницу или даже возвратиться в Сиди-Бу-Саид и переждать там сирокко. Однако любая из тунисских гостиниц сейчас набита песчаной пылью, как и холлы аэровокзала, а в Сиди-Бу-Саид все будет слишком напоминать о Мэй... К тому же, аэропорт не был закрыт совсем. Время от времени самолеты прибывали и отправлялись, но со значительным опозданием.

Наконец по радио объявили о прибытии лондонского самолета и о том, что он отправится обратно в шесть утра по среднеевропейскому времени. Стив бросил взгляд на часы. Стрелки показывали половину четвертого. В лучшем случае, ждать оставалось два с половиной часа. Если самолет вылетит в шесть, можно еще успеть на встречу с «сумасшедшим гением» — Шарком. Профессор Шарк обещал ждать Стива до двух часов дня. Потом он собирался уехать в Шотландию. Если поездка — не уловка с целью набить себе цену, в случае опоздания предстояло либо недельное ожидание в Лондоне, либо поиск профессора где-то между Эдинбургом и Абердином. Как первое, так и второе Стиву отнюдь не улыбалось.

У дверей бара возникло какое-то движение, и почти тотчас там появились тунисские полицейские в полосатых шлемах с автоматами. Один из них, со звездочками на погонах, — по-видимому, офицер — окинул взглядом притихший бар и объявил по-французски:

— Проверка документов. Прошу всех оставаться на местах, приготовить паспорта и посадочные жетоны.

— Варвары, — проворчал сосед Стива, краснолицый седой толстяк с золотыми зубами, — совсем обнаглели, став независимыми.

— Ловят кого-то, — пожал плечами Стив.

— А мы с вами тут при чем? В цивилизованных странах это делается иначе...

— У нас, например, это происходит примерно так же.

— Вы англичанин? — поднял брови толстяк.

— Нет, американец.

— А-а, — толстяк ухмыльнулся, — ну, Штаты я не имел в виду...

— А вы откуда? — поинтересовался Стив.

— Итальянец.

— Ваши паспорта, господа.— Полицейский офицер уже оказался за плечами Стива и его соседа.

Толстяк молча сунул полицейскому коричневую, с тиснением книжку. Офицер полистал паспорт, внимательно глянул в лицо толстяка и вернул паспорт обратно:

— Посадочный жетон?

— Это еще зачем?

Офицер молча протянул руку.

Толстяк порылся в карманах и швырнул жетон на стойку бара. Офицер взял картонную карточку, посмотрел номер рейса и сделал фломастером какой-то знак в самом углу. Потом осторожно положил жетон на край стойки, взял паспорт и жетон Стива.

— Месье — дипломат? — спросил он, раскрывая паспорт и с интересом глядя на Стива.

— Бизнесмен.

— О-о,— сказал офицер, с поклоном возвращая паспорт.

— Террористов ловите? — тихо поинтересовался Стив, подмигивая полицейскому.

Тот отрицательно потряс головой:

— Античные драгоценности. У макаронников,— офицер кивнул в сторону соседа Стива,— какой-то музей в Риме опять ɔбобрали. Успели сбежать сюда. А нам дополнительные хлоɔоты, будто своих не хватает... Учтите, лондонский рейс будет особо проверяться... Вот я делаю вам отметку в посадочном жетоне... Покажете офицеру полиции при посадке. Это вас избавит, месье, еще от одной проверки.

— Благодарю,— сказал Стив, принимая документы и незаметно сунув офицеру десятидолларовую бумажку.

— Счастливого полета, месье,— вытянулся офицер, салютуя.

— Что он говорил? — Краснолицый толстяк подозрительно поглядывал исподлобья на Стива.

— Контрабандистов ловят. Какие-то античные драгоценности.

— Здесь, в Тунисе, у них перевалочная база. И оружие, и наркотики, и редкости. Что угодно.

— Я слышал это про Роттердам,— осторожно возразил Стив.

— Там тоже... А в общем, мафии действуют почти открыто во всех крупных аэропортах и портах Европы, Африки, обеих Америк и Юго-Восточной Азии.

— Словом, по всей планете.

— Исключая Восточную Европу и Советский Союз.

— Железный занавес? — усмехнулся Стив.

— Отнюдь. Совсем другой мир. Там это ни к чему. И полиция не продажная, как здесь.

— Бывали там?

— Приходилось.

После окончания проверки бар заметно опустел. Объявили посадку на самолет, улетающий в Рим, и сосед Стива поспешил распрощаться.

В дальнем углу бара освободился столик, Стив перебрался туда вместе с бокалом недопитого коктейля. Постепенно бар начал заполняться снова. Ночное время тянулось медленно, и Стив задремал в своем углу. Очнулся он от легкого прикосновения чьей-то руки. Напротив за столиком сидел человек в светлой замшевой куртке. Лицо было в тени, но темные курчавые волосы и большие черные глаза с синеватыми белками выдавали араба. Глаза беззастенчиво и даже нагловато разглядывали Стива. Бросив взгляд на часы, Стив убедился, что дремал всего несколько минут.

— До самолета еще больше часа, — сказал вдруг незнакомец на хорошем английском языке и усмехнулся, показав ровные белые зубы.

Стив вопросительно посмотрел на него.

— Я имею в виду лондонский рейс, — пояснил незнакомец и снова усмехнулся.

— Ах вот что, — кивнул Стив, — значит, мы летим вместе?

— Не совсем. Но ты летишь в Лондон, не так ли?

— Допустим...

— Два двойных мартини, — крикнул незнакомец бармену, — предлагаю выпить за удачный полет, — снова обратился он к Стиву. — Тем более, что лед в твоем коктейле давно растаял, а здесь ужасно душно.

— А если я люблю тепловатый коктейль? — спросил Стив, в упор глядя на незнакомца и стараясь припомнить, не встречались ли ему где-нибудь эти нагловатые глаза и курчавая шевелюра.

— Дело вкуса,— кивнул незнакомец и придвинул Стиву один из бокалов.— Пей, не бойся,— добавил он, заметив, что Стив очень внимательно разглядывает содержимое бокала.— Это лучший мартини, какой можно достать в Тунисе. Если хочешь, выпьем за наше знакомство. Меня зовут Бен... А тебя, кажется, Стив?

— Послушай, что тебе надо, гагá?* — лениво спросил Стив.— Если ты действительно знаешь меня, тебе должно быть известно, что я не терплю глупых шуток, а еще меньше тех, кто воображает себя шутником.

— Не спеши, Стив,— торопливо заговорил незнакомец, перейдя вдруг на французский.— Не спеши и выслушай... Тебе нечего бояться...— Стив усмехнулся.— Знаю тебя не больше, чем ты меня, но... ты показался нам дельным парнем. Помоги нам и... не пожалеешь.

— Кому... вам?..

— Не спеши... Лишние вопросы ни к чему. Я ведь скажу тебе ровно столько, сколько надо и... сколько могу. Понял?

— Нет.

— Слушай дальше... Ты летишь в Лондон. Тебя уже проверяли.— Он указал пальцем на боковой карман пиджака Стива, откуда торчал посадочный жетон.— Ты чист, как слеза Фатьмы... для здешних ищеек. Понял?.. Помоги нам. Захвати в Лондон... небольшой сверток.

— Наркотики?

Бен презрительно хмыкнул:

— Не занимаемся таким дерьмом.

— Напрасно... С ними меньше хлопот, чем с краденными античными драгоценностями.

— Ого! — сказал Бен.

Он отодвинулся, и его нагловатый взгляд сразу стал настороженным и острым.

— Ну, чего испугался? — поинтересовался Стив, поднося к губам бокал с мартини.— Так выпьем за наше знакомство.

— Это меняет дело,— пробормотал Бен, не отрывая взгляда от лица Стива.

— Хочешь сбежать?

— Ты из Интерпола?

---

* Гагá — пижон (*итал.*).

— Мы же договорились не уточнять, кто откуда. Ну, допивай свой мартини и мотай отсюда.

— Так ты не полицейский?

— Слушай, беби, если бы я был полицейским, те, кто тебя послал ко мне, давно гнили бы за решеткой.

Взгляд Бена все еще выражал нерешительность.

— Так ты согласился бы взять сверток?

— Сколько этого?

— Около килограмма. Но сверток маленький. Можно положить в карман пиджака.

— А кому отдать в Лондоне?

— Дяде Хоакину. Он найдет тебя.

— А если я потеряюсь по дороге?

— Наша забота.

— А если меня все-таки проверят?

— Риск минимальный. Скажешь — кто-то сунул тебе в карман. Если конфискуют, к тебе претензий не будет, но выкручивайся сам.

— Понятно. А что буду иметь я?

— Четвертую часть в натуре на выбор. Или четверть общей стоимости по оценке специалиста в Лондоне.

— Здорово вас тут поприжали, — заметил Стив.

— Так получилось. — Парень вздохнул. — Кое-кто из наших уже в раю пророка. Поэтому идем на крайние средства. Ладно, посоветуюсь с хозяином. Если решит, сверток тебе незаметно опустят в карман перед посадкой. Значит, дядя Хоакин — запомнил? Ты у него спросишь, как здоровье. Если скажет, что «поправился», отдашь сверток. Только если скажет «поправился». Понял?

— А если не скажет «поправился»?

— Сверток останется у тебя.

— Совсем?

— Может, и совсем.

— Неважно работаете, — усмехнулся Стив. — Как бы в убытке не остались.

— Это не мое дело, — мотнул головой Бен. — Я человек маленький. Пока маленький, — добавил он; взгляд его черных глаз снова обрел уверенность и стал нагловатым.

— Маленький, но заметный, — прищурился Стив.

— Нет, не очень... Ну ладно, допиваем. Твое здоровье. — Он подхватил двумя пальцами свой бокал, выпил

одним глотком и поднялся.— Чао, Стив. Может, еще и встретимся.

— Постарайся... Если понравишься, продолжим разговор... о старых драгоценностях.

Бен поспешно отошел, не оглядываясь. Проходя мимо бармена, бросил на стойку несколько монет и что-то сказал по-арабски. Бармен ответил молчаливым кивком.

Стив посмотрел на часы. Стрелка приблизилась к пяти утра. За беседой с Беном время прошло незаметно.

«Интересно, что это было,— размышлял Стив,— мистификация, дурацкая шутка Цезаря или... мне опять повезло на приключение? В последнем случае — кто навел на меня Бена? Бармен или, быть может, тот полицейский офицер? Полиция часто работает заодно с мафией. Ну, если все это всерьез и они действительно решатся переправить сверток, посмотрим, как сработает моя собственная охрана, о существовании которой я почти позабыл за последнюю неделю».

В половине шестого утра объявили посадку на лондонский рейс. В возникшей сутолоке Стив не заметил ничего подозрительного. Перед выходом к самолету был выстроен целый кордон полицейских. Они заглядывали в портфели и сумки пассажиров, кого-то увели для личного досмотра. Стива, в числе немногих, полицейские беспрепятственно пропустили на трап. Вероятно, сработал магический знак, оставленный патрульным офицером на посадочном жетоне. Стив поднимался по трапу с чувством легкого разочарования: или все, о чем наплел Бен, было блефом, или они раздумали. Однако, усаживаясь на своем месте в салоне первого класса во втором ряду у иллюминатора, Стив вдруг почувствовал, что левый карман пиджака оттянут. Он сунул в карман руку и замер от неожиданности. Там оказался увесистый сверток, завернутый в целлофан и плотно перевязанный розовой лентой. Сверток был небольшим, но весил не менее килограмма. Значит, не блеф, и в Лондоне теперь предстоит знакомство с «дядей Хоакином».

Стив неторопливо снял пиджак, повесил на крючок в спинке впереди стоящего кресла рядом с иллюминатором. Карман со свертком оказался со стороны стенки салона. Расчет Бена и его друзей был точным: в лондонском аэропорту

Хитроу личный досмотр прибывающего пассажира-американца практически исключался. Если, конечно, все это не хорошо организованная провокация...

Стив решил, что в полете он ознакомится с содержимым свертка, а пока, после бессонной ночи в духоте аэропорта Картаж, больше всего ему хотелось спать. Он застегнул привязные ремни и, откинувшись на спинку кресла, заснул раньше, чем самолет успел вырулить на взлетную полосу.

Лондон встретил приятной свежестью весеннего утра и яркой зеленью подстриженных газонов.

Еще перед посадкой в Хитроу Стив прошел в туалет и рассмотрел содержимое свертка. В нем были какие-то массивные золотые цепи с головами фантастических животных тонкой работы, несколько золотых перстней с крупными изумрудами, две оправленные в золото камеи и изящные золотые серьги с рубиновыми подвесками в форме капель крови. Все выглядело старинным и, безусловно, представляло огромную художественную и историческую ценность. Стив решил, что расстанется со свертком не раньше, чем точно установит, откуда эти драгоценности, кому принадлежат и для чего предназначаются. Не исключено, что мафия захочет от них быстрее избавиться, — тогда, может быть, удастся уговорить Цезаря приобрести их. Подобные серьги и перстни, вероятно, не отказалась бы носить и Райя. Впрочем, достаточно было беглого осмотра, чтобы предположить, что цена, скорее всего, окажется астрономической.

Хуже, конечно, если «дядя Хоакин» встретит прямо в аэропорту и потребует сверток немедленно. Но даже и в этом случае существовала возможность затянуть переговоры...

Однако в аэропорту Хитроу Стива никто не встретил. Подхватив с ленты транспортера свой чемодан, Стив вышел на площадь, взял первое подвернувшееся такси и велел везти себя на Кэннон-стрит в Сити, где помещался британский филиал одного из банков Фигуранкайна. Такси-кэб не спеша катил по людным улицам центра британской столицы. Солнце просвечивало сквозь перламутровую дымку утреннего тумана. Воздух был свеж и казался особенно чистым после ночной пыльной бури в тунисском аэропорту Картаж. Выехали к Гайд-парку и обогнули его по Бейзуотер-роад и Парк-Лайн. У ограды Гайд-парка возле картин и акварелей уже дремали

на солнышке художники. Клерки в котелках с зонтиками под мышкой шли и ехали на велосипедах в сторону Сити. Блестели хрусталем, металлом и кожей зеркальные витрины магазинов.

На Трафальгарской площади радуги вспыхивали в струях фонтанов, и в арках радуг проплыло массивное здание Национальной галереи. Между колоннами главного входа пестрели первые группы туристов, ожидавших впуска. С вершины пятидесятиметровой колонны бронзовый Нельсон бесстрастно взирал на арку Адмиралтейства и на широкую перспективу пустынного еще Уайтхолла. Голуби деловито сновали по каменным плитам площади, взлетали на огромные фигуры львов, отлитые из французских пушек, захваченных при Ватерлоо.

Перед въездом на Странд пришлось задержаться у светофора. Путь пересекла вереница двухэтажных автобусов, следовавших от набережной Виктории в сторону Черинг-Кросс-роад. Когда миновали Колонну дракона на Флит-стрит, Стив переложил сверток с драгоценностями из кармана пиджака в портфель и на всякий случай оглянулся. Машин позади не было. Не исключено, что его след уже затерялся в огромном городе. Впрочем, Стив не слишком обольщался на этот счет и хотел освободиться от хлопотной посылки возможно быстрее.

Обогнув громаду собора Святого Павла, такси свернуло на Кэннон-стрит и вскоре остановилось у подъезда мрачноватого четырехэтажного здания, облицованного серым гранитом. Окна нижних этажей были забраны массивными металлическими решетками. Возле высоких дубовых дверей висела большая бронзовая доска с надписью, на которой выделялись крупные буквы фамилии Фигуранкайна. Стиву уже приходилось бывать в этом британском штабе «империи» Фигуранкайнов; он знал директора-распорядителя банка Хэла Венуса, а директору была хорошо известна роль, которую играл Стив при Цезаре Фигуранкайне-втором, как служащие «империи» называли между собой нового босса.

Расплатившись с водителем, Стив, с портфелем в руках, поднялся по гранитным ступеням, распахнул массивную дверь, которая открылась неожиданно легко, и вступил в обширный холл, облицованный красноватым мрамором. Следом водитель внес чемодан, поставил на мраморный пол, поклонился

и исчез. К Стиву тотчас подошел один из служащих банка и, узнав его, повел прямо к директору.

Через четверть часа все было устроено. Сверток помещен в сейф, один ключ от которого директор-распорядитель вручил Стиву. Чемодан отправлен с клерком в гостиницу «Савой». Она находилась поблизости на Странде — в ней обычно останавливались босс и его приближенные. А Стив, уточнив по телефону время встречи с профессором Шарком и выпив чашку кофе в кабинете директора, уже катил в директорском «кадиллаке» к северной окраине Лондона, где на Кентиш-Таун-роад, невдалеке от кладбища Хайгейт, жил профессор Шарк.

Путь до Кентиш-Таун-роад, по запруженным машинами улицам центра и района Эстон, занял около сорока минут. Ровно в полдень перед Стивом распахнулась дверь приземистого одноэтажного каменного домика, который стоял в глубине запущенного сада и тоже выглядел довольно запущенным.

Дверь открыла женщина неопределенного возраста в розовом свитере и клетчатом переднике — вероятно, экономка профессора. У нее было длинное, лошадиное лицо, утиный нос и испуганные глаза. Рыжеватые волосы были стянуты в тугой узел на затылке — от этого лицо ее казалось еще длиннее.

— Мистер Роулинг? — осведомилась она, окинув Стива недоверчивым взглядом. — Профессор ждет вас. Пройдите!

Полутемным коридором, заставленным книжными шкафами, она провела Стива в обширный мрачноватый кабинет, стены которого занимали стеллажи с книгами, а по углам стояли длинные рулоны карт. Из-за массивного письменного стола, заваленного книгами, картами и рукописями, навстречу Стиву поднялся высокий худощавый человек в темно-малиновом бархатном халате. Внешность этого человека в точности соответствовала описанию Цезаря. Смуглое, прокаленное ветрами и солнцем лицо с большим горбатым носом, напоминающим клюв хищной птицы; острый, выступающий вперед подбородок; плотно сжатые тонкие губы, которые, казалось, навсегда застыли в презрительной усмешке над всем окружающим; большой, шишковатый, совершенно лысый череп и глубоко посаженные глаза, полуприкрытые тяжелыми веками.

— Прошу садиться, мистер Роулинг, — сказал человек за столом, не протягивая Стиву руки. — Я профессор Шарк. Времени у нас с вами не более часа.

— Превосходно, — отозвался Стив. — Час — более чем достаточно. Я вас слушаю.

— Нет, это я должен выслушать вас, — резко возразил Шарк, запахивая на груди халат. — Мое предложение господину Фигуранкайну досконально известно. Добавлять мне нечего. Слово за вами. Слово и договор.

— Я не уполномочен заключать договор, — спокойно сказал Стив. — Мы сможем только обговорить условия. Решать будет совет директоров, но...

— Полагал, что ваш босс пришлет ответственного представителя фирмы, — презрительно прервал Шарк.

— И не ошиблись, — кивнул Стив, — но фирма хочет иметь определенные гарантии. Ведь денег на ваши исследования потребуется немало.

— Я называл Фигуранкайну ориентировочную сумму на ближайшие три-четыре года.

— Двести миллионов? Без какой-либо отдачи за эти годы? По-вашему, это так просто?

— Я не привык считать деньги, когда речь идет о подобном открытии.

— О возможности открытия, — уточнил Стив. — А если... ничего не найдем?

— Молодой человек, вы имеете хоть какое-нибудь представление о геологическом строении дна океанов?

— В объеме популярных пересказов, которые иногда вижу в иллюстрированных журналах. Кроме того, читал некоторые ваши статьи...

— Ага, — поднял палец Шарк.

— И критические возражения ваших оппонентов, — спокойно докончил Стив.

— Этого дурня Джексона? Или Вернуэла? — Шарк ударил рукой по столу. — Что они понимают?

— Не только. Еще Мадея и Осборна...

— Болтуны... Ни один из них не занимался серьезно проблемой океанических кимберлитов.

Он явно был слишком вспыльчив для гения. Поэтому Стив предпочел промолчать.

— Хотите посмотреть их? — спросил Шарк после короткой паузы.

— Кого?

— Не кого, а что. Кимберлиты, разумеется. Тихоокеанские кимберлиты, молодой человек.

— Цезарь Фигуранкайн видел их?

— Нет, конечно. Их никто не видел. Кроме меня.

— Давайте посмотрю.

Стиву показалось, что Шарк вдруг заколебался. Он встал из-за стола, сделал несколько шагов и остановился. Потом, словно решившись, подошел к книжным полкам и начал там копаться. Один из стеллажей бесшумно повернулся вместе с книгами, открыв вмурованный в стену сейф. Шарк мельком взглянул на Стива и принялся крутить диск на дверце сейфа, набирая шифр. Потом повернул металлическую рукоятку, и сейф открылся. Стиву с его места не было видно содержимое сейфа. Шарк шарил в глубине довольно долго, прежде чем извлек несколько картонных коробок. Прикрыв сейф, он возвратился к столу и поставил коробки перед Стивом. В коробках лежали невзрачные на вид камни — темно-серые и черные, некоторые с зеленоватым отливом.

— Это они, — сказал Шарк почти с благоговением.

— Кимберлиты?

Он поднял палец:

— Со дна Тихого океана.

— А алмазы?

— Только микроскопические. Мельчайшие осколки. Их можно увидеть в микроскоп. Но их много. Гораздо больше, чем в африканских кимберлитах.

— А крупные?

— Тоже должны быть, но в этих образцах не попались.

— В статьях вы не упоминали об алмазах.

— Еще бы! Важно было сформулировать теорию. Застолбить мой приоритет. Идиоты, которые стали возражать, помогли мне. Я один отстаиваю эту идею. Остальные возражают или предпочитают пока помалкивать. А доказательства — вот они. — Он коснулся одного из камней. — И само открытие будет моим, и только моим.

— Откуда они? — спросил Стив, взяв в руки тяжелый, жирновато поблескивающий камень.

Шарк насмешливо фыркнул:

— Не воображайте, что скажу вам сейчас. Если договоримся, снарядите корабль с соответствующим оборудованием, и я поведу его сам. Найдем алмазоносные трубки — тогда узнаете. Тогда все узнают.

— Я полагаю,— сказал Стив,— что фирма не будет заинтересована в огласке открытия, если оно состоится. Во всяком случае, в течение какого-то времени, может быть, даже длительного...

— Это меня не интересует,— прервал Шарк.— Но имейте в виду, что сохранить такое открытие в тайне долго не удастся. Кимберлитовых трубок на дне океанов множество — гораздо больше, чем на континентах,— вероятно, все содержат алмазы...

— А вы не предлагали организовать подводный поиск кимберлитов алмазному синдикату?

— Предлагал, но они сейчас меньше всего заинтересованы в расширении добычи. Им важно сохранить цены на мировом рынке. Приток большого количества новых камней с океанических месторождений может обесценить алмазы. Алмазную корпорацию это совсем не устраивает.

— Алмаз уже основательно упал в цене после того, как его начали синтезировать.

— Вы так полагаете? — насмешливо скривился Шарк.— Синтезируют пока главным образом технические алмазы, а цены на природные ювелирные не только не упали, но идут вверх.

— Вы думаете найти на дне много ювелирных алмазов?

— Я найду то, что там есть,— резко сказал Шарк.— До сих пор никто не держал в руках океанических алмазов. Вы говорите, что знакомы с моей теорией. Вот перед вами ее первые реальные доказательства. А дальше надо искать... Найти крупное месторождение под пятикилометровой толщей воды в вечном мраке океанических глубин будет нелегко. И еще труднее — организовать промышленную добычу. Но ни минуты не сомневаюсь, что деньги, настойчивость и время гарантируют успех предприятия. Деньги — ваши, настойчивость — моя, а что касается потребного времени, то оно будет зависеть как от первого, так и от второго... Вполне вероятно, что сумма, которую вы называли в начале разговора, окажется недостаточной.

— Двести миллионов?

— Да. Одна скважина глубоководного бурения, которое ведет «Гломар Челленджер»*, обходится около миллиона долларов. А они не ищут кимберлитов. Они просто сверлят дырки в породах дна.

— Как вы предполагаете организовать поиск?

— А уж это, извините, моя забота. Для начала потребуется специально оборудованное судно, водоизмещением десять — пятнадцать тысяч тонн. Можно купить обычный океанский лайнер и переоборудовать. Понадобятся особые автономные батискафы или что-нибудь в этом роде. Кстати, ваш босс упоминал о каких-то «блюдцах», способных погружаться на четыре-пять километров...

— Блюдцах? — невольно вырвалось у Стива.

— Да... А что вас так удивило? Или они еще в проекте?

— В проекте?.. — Стив стиснул зубы. — Конечно... проект...

«Значит, Цезарь все-таки разболтал кое-что этому типу». Мысль настолько поразила Стива, что он перестал понимать, о чем говорит Шарк. Понадобилось несколько секунд, чтобы сосредоточиться и снова ухватить нить.

Шарк говорил теперь о постройке глубоководных баз под особыми защитными колпаками, о создании глубоководных скафандров, подобных космическим, о термоядерной электростанции на дне, о секретных подводных рудниках, которые начнут разработку кимберлитовых трубок, залегающих в породах океанического дна.

— Что еще там может оказаться, кроме алмазов? — спросил Стив, когда профессор наконец умолк.

— Еще? — Шарк прикрыл глаза. — Все, что угодно, начиная от нефти и кончая золотом и редкими металлами. Вы когда-нибудь задумывались, насколько изучена наша планета к последней четверти двадцатого века? Наверное, не задумывались. Тогда слушайте. Для наглядности я воспользуюсь аналогией. Возьмем большой арбуз. Мы не знаем, созрел он или нет, и только догадываемся, что под плотной зеленой коркой он таит кое-что интересное и ценное для нас. Но мы еще никогда не видели и не пробовали на вкус его сочной сладкой

---

* «Гломар Челленджер» — научно-исследовательское судно США для исследований океанического дна с помощью бурения. На его борту неоднократно работали советские ученые.

мякоти. И мы решили обследовать арбуз. Для начала стали давить его в ладонях. Услышали какой-то скрип. Мы догадались, что внутри под зеленой коркой есть нечто иное, отличное по свойствам. И мы принялись подгонять математические модели, чтобы объяснить скрип. Это нынешняя геофизика, которая уже придумала немало разных гипотез по поводу того, что должно находиться в недрах планеты. Потом мы начали покалывать наш арбуз иголочкой, чуть-чуть втыкая острие в зеленую кожуру. Мы основательно искололи одну треть его поверхности и гораздо хуже две остальные трети. Но все эти уколы в доли миллиметра глубиной не открыли нам, ничего, кроме плотной зеленой корки. Это результаты бурения. Средняя глубина скважин — несколько километров; самые глубокие приближаются к десяти километрам. Их единицы. А радиус нашего арбуза — планеты — превышает шесть тысяч триста километров. Все, что мы до сих пор открыли и добыли, — дары самого верхнего слоя зеленой корки нашего арбуза. Мы еще понятия не имеем о сладкой красной мякоти, которая заключена внутри, о черных зернах, в которых секрет вечного возрождения нашего арбуза. Одним словом, мы перед великим неведомым — недра планеты, как и тысячелетия назад, остаются для человека terra incognita*.

— Но изучение метеоритов... — попытался возразить Стив.

Шарк пренебрежительно махнул рукой:

— Метеориты — область недоказанных гипотез. Кстати, по одной из них они — пепел погибших планет. Пепел — понимаете, а не исходный строительный материал. Но главное в том, что метеориты — это слепки минералов, образовавшиеся очень давно и миллиарды лет сохраняющие свою застывшую неизменность, а в недрах Земли — там, на глубине, — Шарк топнул ногой, — кипит непрекращающаяся работа... Там в условиях невообразимых давлений и температур кристаллизуются новые минералы, возникают неведомые горные породы, оттуда идут лавы вулканов, пары и газы, доносятся удары землетрясений, доходят волны всевозможных излучений, гигантский поток тепла. В самых наружных слоях литосферы все это, вместе взятое, явилось причиной образования тех месторождений полезных ископаемых, до которых человек сумел добраться и богатства которых дали человечеству все, чем

* Неведомая земля (*лат.*).

оно сейчас владеет. Глубже — за порогом нынешнего знания — начинается великое неведомое. Перед ним даже писатели-фантасты бессильны... Там, на глубине, возможно все — от космического холода до звездных температур, от плотно упакованных атомов металлизированных газов с деформированными электронными оболочками до природного термоядерного котла, запрограммированного и отрегулированного на миллиарды лет самой природой или каким-то высшим разумом...

Стив почувствовал легкое головокружение и счел необходимым уточнить:

— Хотите сказать, профессор, что мы с вами живем на природной термоядерной бомбе замедленного действия?

— Я не исключаю подобной возможности, — холодно заключил Шарк, — хотя прямых доказательств у меня пока нет. Может быть, через несколько лет появятся и они.

— Значит, косвенные все-таки существуют?

— Пожалуй... В Тихом океане... Но это особый разговор, а мы с вами уклонились от темы. К тому же время, которым я сегодня располагаю, почти исчерпано.

— Итак, ваш единственный реальный аргумент, профессор, эти камни? — Стив указал на картонные коробки с кимберлитами.

— Неужели вам мало?!

— Я доложу о результатах нашей встречи главе фирмы и совету директоров, — сказал Стив, поднимаясь. — Не даю сейчас никаких конкретных обещаний, но предполагаю, что фирма или один из ее филиалов заинтересуются вашим предложением. Ответ вы получите в течение месяца.

— Каким способом? Я категорически возражаю против корреспонденции открытым текстом, а развлекаться шифрованием у меня нет времени.

— Ответом явится чек на часть требуемой вами суммы. Затем вам придется приехать для оформления договора.

— Куда? — нахмурился Шарк.

— Пока не знаю. Может быть, в Нью-Йорк или... на один из атоллов в Тихом океане... Или куда-нибудь еще. Это решит Цезарь Фигуранкайн.

Шарк нахмурился еще сильнее, но ничего не сказал.

Стив поклонился, и Шарк ответил ему молчаливым поклоном. Они расстались, так и не подав друг другу руки.

Экономка в розовом свитере и клетчатом переднике молча проводила Стива до калитки сада. В ее взгляде по-прежнему таился испуг. Садясь в шикарный директорский «кадиллак», Стив успел заметить, что женщина не ушла и наблюдает за ним в приоткрытую калитку.

Только вернувшись вечером к себе в «Савой» после несколько затянувшейся встречи с директором-распорядителем лондонского банка — сначала в его кабинете, потом в ресторане отеля «Амбассадор», — Стив вспомнил про сверток, оставленный в сейфе банка, странный ночной разговор в тунисском аэропорту и «дядю Хоакина», который должен был разыскать его в Лондоне. Пока «дядя Хоакин» не отзывался. Стив на всякий случай позвонил вниз портье. Нет, никакой корреспонденции для него не было, и никто его не спрашивал. Это было странно...

Стив не допускал мысли, чтобы мафия, избравшая его своим посредником, могла потерять след... Может, кому-то пришло в голову подарить ему драгоценности? Стив опять подумал о Цезаре... Впрочем, и это казалось почти невероятным. Что же теперь предпринять?.. Дела в Лондоне закончены. Дальнейшая задержка не входила в план.

Можно, конечно, бросив в очередной раз вызов судьбе, побродить в эти вечерние часы по извилистым уличкам Сохо, где притоны развлечений служили излюбленным местом встреч для всякого сброда.

Стив покосился на уже приготовленную кровать, манившую белизной накрахмаленных простынь. За последние двое суток спал он всего несколько часов в самолете. Нет, определенно, ночная прогулка по Сохо сейчас не для него. Испытывая некую долю вины перед неведомым «дядей Хоакином», Стив решил все отложить до завтра. Он быстро разделся, нырнул в постель и через минуту уже спал крепким сном хорошо потрудившегося человека с чистой душой и спокойной совестью.

Утро не принесло ничего нового. Позавтракав у себя в номере, Стив позвонил в лондонское агентство «Панам». Приятный женский голос сообщил ему, что ближайший рейс на Рио вечером. Самолет «Панам» летит через Рабат и прибудет в Рио-де-Жанейро завтра в восемь утра по местному времени.

«Если господину это неудобно, "Панам" может предложить...»

Нет, Стива это вполне устраивало. Он заказал билет на вечерний рейс. День предстоял свободный, и Стив решил провести время до ленча в Национальной галерее — не столько ради поклонения шедеврам живописи и скульптуры, хранящимся там, сколько для того, чтобы поразмышлять в тишине на досуге.

Путь от «Савоя» до Трафальгарской площади Стив прошел пешком с тайной мыслью о «дяде Хоакине», который, может быть, ищет его. Однако ни на Странде, ни возле Национальной галереи никто его не зацепил.

Прежде чем пройти внутрь, Стив постоял немного на ступеньках у главного входа. Весеннее солнце приятно пригревало, просвечивая сквозь дымку утреннего тумана, дети резвились на площади у фонтанов, лазали по бронзовым львам, стерегущим колонну Нельсона. Тоненькая девушка в джинсах — этот пройдоха Бен Джонс не ошибся, его новоковбойские штаны сделали бешеную карьеру — продавала фиалки. Стив купил маленький букетик фиалок и вложил в верхний карман пиджака. От фиалок исходили едва ощутимый тонкий аромат и какая-то удивительная свежесть, напомнившие Стиву Мэй и их утренние часы в Сиди-Бу-Саид. Мэй очень любила фиалки и по утрам в Сиди-Бу-Саид прикалывала букетик фиалок к волосам, еще влажным после морского купания. Сегодня она уже должна быть в Москве...

Стив вдруг ощутил на себе чей-то взгляд и обернулся. Длинноволосый молодой парень с бледным угреватым лицом покуривал возле одной из колонн, наблюдая за ним. Взгляды их встретились, и парень подмигнул Стиву. Может быть, весть от «дяди Хоакина»? Но оказалось, что парень всего-навсего торгует наркотиками. Услышав отказ Стива, он потерял к нему всякий интерес и удалился.

Стив неторопливо прошел под высокие своды Национальной галереи. В торжественной тишине просторных залов посетителей было еще мало. Он медленно направился через анфиладу западного крыла, иногда задерживаясь перед знакомыми полотнами. У него не было никакого определенного плана. Заложив руки за спину, он просто двигался вперед, куда указывали стрелки, отдавшись течению своих мыслей. Даже встречи с хорошо известными ему картинами не прерывали хода размышлений. Он останавливался, глядел на знакомое полотно великого мастера, снова впитывая и как бы закрепляя зри-

тельной памятью краски и образы, и... продолжал думать. Он словно плыл в двух параллельных измерениях. В одном были Тинторетто, Рафаэль, Тициан, Гойя, Эль Греко, Тернер, в другом — Мэй, Цезарь, замыслы ОТРАГа, профессор Шарк с его кимберлитами, «дядя Хоакин», верный Тео, который решился, наконец, связать свою судьбу с судьбой Стива и сейчас дожидается его в Рио-де-Жанейро...

Рембрандтовский «Пир Валтасара» заставил Стива задержаться дольше. Здесь оба измерения как бы сомкнулись. Глядя на эту картину-предостережение, Стив вспомнил, как они с Цезарем впервые появились в «змеиной норе» — на африканском полигоне ОТРАГа. Это было лет пять тому назад. Позиция Цезаря в качестве нового главы «империи» уже была тогда достаточно упрочена. Тем не менее, оба они сходили с самолета на базе «Z» — в святая святых «змеиной норы» — не без внутреннего трепета. Встретил их новый административный директор полигона немец Фридрих Вайст — высокий, спортивного вида мужчина, с красивым надменным лицом и холодными голубыми глазами. На вид ему было лет пятьдесят, но, вероятно, он был значительно старше. Отличная выправка выдавала кадрового военного. Кандидатура Вайста на весьма ответственный пост административного директора была предложена Пэнки, который усиленно добивался ее утверждения. Вайст работал на африканском полигоне ОТРАГа с момента его возникновения сначала инженером, потом начальником конструкторского отдела. По словам Пэнки, он был крупным специалистом в области ракетостроения. Фридрих Вайст встретил Цезаря очень вежливо, с соблюдением ритуала, полагающегося верховному боссу и главе «империи», но без подобострастия, которое отличало немцев, работающих на полигоне.

Несколько недель они втроем объезжали африканские владения ОТРАГа. Это было действительно целое государство — более ста тысяч километров саванны и джунглей. Границы охранялись специальными военизированными подразделениями. Большинство аборигенов было выселено. Оставлены лишь те, кто мог работать на заводах или в сфере обслуживания. Всюду царили образцовый порядок и железная дисциплина. Европейцы — среди них преобладали немцы — жили в коттеджах, сгруппированных в небольшие поселки. Африканцы — отдельно, в барачных городках-общежитиях, входы и выходы из которых контролировались. Бетонные

дороги и целая сеть небольших аэродромов обеспечивали надежную связь между «секциями» и «отделами» полигона.

Они побывали и на ракетодроме, где производились испытания и запуски ракет-носителей для «метеорологических исследований». Стиву тогда вначале показалось, что сообщения о размахе работ ОТРАГа, которые время от времени появлялись в американской и европейской прессе, сильно преувеличены. Ни о какой подготовке и тем более об испытаниях крупных баллистических и «крылатых» ракет речь пока не шла. Вайст упомянул о трех ближайших задачах, поставленных Генеральным наблюдательным советом ОТРАГа еще тогда, когда Цезарь Фигуранкайн-старший являлся его председателем.

Первая — добиться оформления аренды всей территории полигона государственным договором между ОТРАГом и Республикой Конго. Заключение этого договора сроком на двадцать пять — пятьдесят лет по ряду причин пока откладывалось.

Вторая задача — резко повысить доходы ОТРАГа за счет продажи лицензий на изобретения, главным образом в области военной техники и технологии, а также за счет продажи современного вооружения. Несколько опытных заводов уже выпускали усовершенствованное стрелковое оружие, пулеметы, реактивные минометы, скорострельные пушки малого калибра и ракеты класса «земля — воздух». Заканчивался монтаж оборудования на крупном, полностью автоматизированном заводе для производства многих видов оружия и боеприпасов.

Большую часть необходимого сырья поставляли Конго, Северная Родезия и ЮАР, и они же фигурировали в числе главных партнеров по сбыту готовой продукции.

Третья задача заключалась в том, чтобы к концу семидесятых годов создать в глубине африканского континента мощный военно-технический центр, способный нейтрализовать волны национально-освободительного движения в Экваториальной и Южной Африке и контролировать источники стратегического сырья всего этого региона.

— Успешное решение поставленных перед нами задач, — заключил тогда с холодной усмешкой Вайст, — разумеется, несовместимо с какой-либо оглаской. Поэтому мы предпочитаем конспирацию и не допускаем на свою территорию журна-

листов. Ну а те, кто... сочувствует нам и поддерживает нас, например, в вашей стране, глубокоуважаемый босс, и в некоторых других странах цивилизованного мира, знают о нас все... или почти все.

«Все... или почти все» — эти слова Вайста прочно осели в памяти Стива. Все или *почти* все показал им тогда Вайст? Ответить на этот вопрос было нелегко, тем более что Вайст без колебаний выполнял все пожелания Цезаря и Стива и, казалось, откровенно отвечал на их вопросы.

Поездка завершилась превосходно организованным сафари. Цезарь тогда убил своего первого в жизни льва, а Вайст — огромного носорога. Стив не убил ничего, будучи озабочен лишь тем, чтобы самому с Цезарем не превратиться в «дичь». К счастью, все обошлось благополучно, и после сафари, нагруженные охотничьими трофеями, они возвратились на базу «Z».

Перед их отлетом на Цейлон, который Цезарь избрал себе постоянным местом пребывания, Вайст устроил большой прощальный банкет. На него была приглашена вся верхушка ОТРАГа вместе с женами. Более двухсот человек разместились за накрытыми столами, поставленными разомкнутой трапецией. Почетные места у вершины трапеции были отведены для Цезаря, Вайста с женой и Стива. Справа и слева строго по рангам разместились директора, вице-директора, главные инженеры и инженеры отделов, секций и служб и их супруги, сверкающие бриллиантами и жемчугами. У Стива зарябило в глазах. Еще никогда в жизни ему не приходилось видеть одновременно такого количества золота и драгоценных камней. Однако, присмотревшись, он разглядел не только драгоценности. Смокинги мужчин были украшены рядами орденских планок, у многих в петлицах поблескивали ордена. Это были преимущественно высшие награды бывшего фашистского рейха.

После первых официальных тостов жена Вайста торжественно вручила Цезарю в качестве памятного сувенира от преданных ему сотрудников полигона платиновый перстень с большим алмазом. Стив получил золотой перстень с алмазом поменьше. Цезарь произнес прочувствованную речь, упомянул о высокой миссии всех присутствующих и закончил тостом за здоровье прекрасных дам, которые не убоялись трудностей и героически последовали за мужьями в глубь черного континента. Потом было много аплодисментов, новые тосты, приветственные возгласы на английском, французском и немецком

языках. Дамы помоложе подходили с бокалами к Цезарю и целовались с ним. Какая-то брюнетка средних лет чокнулась со Стивом и, обняв его за шею, шепнула, что ее муж, вице-директор, — фамилию Стив не расслышал — сегодня вечером улетает в Европу. На что Стив меланхолически ответил, что и он, к сожалению, улетает тоже. Брюнетка рассмеялась, показав красивые зубы, и отошла, покачивая бедрами.

Пробки шампанского выстреливали все чаще, голоса звучали громче... В зале, несмотря на кондиционеры, стало душно. Многие мужчины распустили галстуки и даже расстегнули вороты рубашек. Вокруг слышалась преимущественно немецкая речь, тосты стали грубовато-откровенными. Стив заметил, что Вайст обеспокоенно завертел головой. Однако общество уже становилось неуправляемым... Кто-то, несмотря на протесты соседей, распахнул окна. Стало еще жарче. Влажная духота и выпитое вино быстро довершили дело. Перед Стивом словно приподнимался занавес, который до этого мгновения еще скрывал истинные дела, чаяния и цели служителей ОТРАГа. Теперь все вокруг говорили только по-немецки, и главным образом, о реванше и мести. О мести за проигранную войну, за «поруганную великую Германию», о мести за возлюбленного «фюрера». О мести всем — и русским, и полякам, и французам, и итальянцам, и чехам... О мести и коммунистам, и либералам. Это повторяли и мужчины, и женщины. Повторяли с животной злобой в глазах.

— Дайте срок, создадим тут такое оружие, перед которым водородная бомба американцев покажется детской игрушкой, — захлебываясь собственными словами, твердил седой краснолицый немец за столом справа.

— Тут, в африканских тропиках, мы сами себе хозяева, как некогда в нашем рейхе, — вторили ему слева.

— За реванш, господа! — кричал кто-то в дальнем конце стола и тянул руку с бокалом. — За очищение планеты огнем и кровью от всякой скверны и нечисти. Ну же!

— Господа, господа, — повысил голос Вайст. — Успокойтесь! Успокойтесь, коллега Шварц. Вы, кажется, пьяны.

— Тост за реванш! Ну же! — надрывался в ответ Шварц.

— Выведите его, — приказал Вайст официантам. — Господа, тише, я прошу вас...

Он попытался стучать вилкой по хрустальному графину, но его уже никто не слушал.

Десятки рук тянулись вверх с бокалами и десятки пьяных глоток орали: «За реванш!»

Фридрих Вайст сидел бледный, сжав тонкие губы. Стив глянул на Цезаря. Тот поймал взгляд и, наклонившись, бросил сквозь зубы:

— Пир Валтасара! Мерзавцы!

Стив тряхнул головой, пытаясь отогнать нахлынувшие воспоминания. Теперь он стоял перед рембрандтовским «Валтасаром»... Некоторое время он напряженно вглядывался в мрачную оргию на полотне. Огненные слова предостережения... Цезарь, видимо, хорошо знал эту картину. Он тоже решился тогда предостеречь... То был отчаянный риск. Но риск оправдал себя. Иначе они с Цезарем едва ли вышли бы оттуда живыми...

Пьяная оргия достигла апогея, когда кто-то вдруг затянул «Deutschland, Deutschland über alles...» Слова тотчас подхватили. Мгновение спустя все вокруг — и мужчины, и женщины — стоя исступленно выкрикивали их.

Вайст тоже поднялся. Он стоял, опираясь ладонями о край стола, но не разжимал губ. Глаза его были устремлены куда-то поверх беснующихся собутыльников.

И тут Шварц, которого официанты так и не смогли вывести, начал продираться к центральному столу, вопя:

— Прочь с американцами! Да здравствует фюрер Вайст!

Стив нащупал под мышкой рукоятку пистолета, прикидывая, скольких он успеет уложить, прежде чем ему самому разнесут череп.

Пение начало сменяться зловещим рыком, но в этот момент Цезарь встал и, подняв хрустальный графин с соком манго, трахнул им о крышку стола. Брызнули осколки хрусталя и желтые струи манго. Те, кто был поблизости, отпрянули. Испуганно взвизгнули женщины.

Не давая никому опомниться, Цезарь громко и очень грубо выругался по-немецки.

В зале наступила пронзительная тишина. Все взгляды были устремлены на Цезаря. Но выражение их быстро менялось: ярость, заносчивость, злоба, презрение уступали место испугу, смущению, униженному подобострастию.

— Прошу прощения у дам за все, что тут произошло, — холодно сказал Цезарь после короткого молчания. — Виноваты, конечно, африканская жара и... забывчивость некоторых

присутствующих. Забывчивость, повторяю... Они забыли, что находятся на службе у Соединенных Штатов Америки, то есть конкретно у меня. А забывать этого не следует, даже в молитвах ваших... Даже перепившись как свиньи. Ибо, — он предостерегающе поднял руку, — над каждым есть Высший Судия. Шварц, вы, кажется, числились тут инженером?

— Инженером, — испуганно подтвердил сразу протрезвевший Шварц.

— Понижаю вас в должности до техника. Прощайте, господа. Надеюсь, этот маленький инцидент не помешает вам выполнять свои обязанности так же честно, прилежно и ретиво, как и раньше. Проводите нас, Вайст!

В сопровождении Вайста они направились к выходу. Нестройный шорох голосов: «Извините, босс», «Счастливого пути, босс» — не рассеял подозрений Стива... Он позволил себе расслабиться только в самолете.

Прощаясь с Цезарем у трапа, Вайст с высоко поднятой головой объявил, что готов тотчас же подать рапорт об отставке.

— Чепуха, — сказал Цезарь, похлопав его по плечу. — Чепуха, Фридрих! Только держите крепче в руках весь этот... — он сделал продолжительную паузу, — словом, ваших коллег. Кстати, что с Люцем? Где он сейчас?

— Мне... неизвестно... — ответил Вайст, опуская глаза.

— Что ж, удачи вам! — заключил Цезарь, входя на трап. — Прощайте, Фридрих, и помните, что все дальнейшее зависит только от вас.

— А ты заставил его призадуматься, — заметил Стив, когда их самолет оторвался от земли. — Смотри, он все еще стоит там, где мы его оставили.

Цезарь бросил взгляд в окно салона. На освещенной прожекторами бетонной площадке неподвижно застыла знакомая фигура в черном.

— В решающий момент он будет с нами, — сказал Цезарь, откидываясь в кресле.

Стив с сомнением покачал головой.

Потом они с Цезарем не один раз вспоминали свой первый визит в «змеиную нору» и перипетии прощального банкета. Цезарь утверждал, что вспышка носила случайный характер и никем не управлялась. Стив не разделял его убежденности. Впрочем, они без труда сошлись на том, что в дальнейшем подобные визиты следует осуществлять лишь в сопровождении надежного эскорта...

Бросив прощальный взгляд на «Пир Валтасара», Стив направился дальше. Посетителей в залах музея заметно прибавилось. В некоторых помещениях уже расположились группы учащихся, которые пришли вместе со своими педагогами. Возле большого аллегорического полотна Рубенса «Минерва помогает Миру остановить Марса» стояла такая масса экскурсантов, что Стив не стал задерживаться и прошел в следующий зал. Там людей было поменьше. У окна совсем молоденькая девушка, почти девочка, в белой блузке и замшевой мини-юбке, присев с этюдником на подоконник, быстро набрасывала что-то. Стив подумал, что она копирует один из пейзажей фламандской школы, которые висели на стенах зала. Однако, глянув ей через плечо, увидел слегка шаржированные зарисовки посетителей. Более того, в одной из зарисовок он без труда узнал себя. Художница, видимо, подглядела его и успела нарисовать, когда он стоял перед «Пиром Валтасара».

Заметив, что Стив рассматривает ее рисунки, девушка нахмурилась и захлопнула этюдник.

— Между прочим, подглядывать некрасиво,— вызывающе объявила она и встала.

— Конечно,— согласился Стив,— так же, как и рисовать шаржи на незнакомых людей.

— И совсем не шаржи,— возразила она живо.— Я ищу типажи для своих кукол.

— Для кукол?

— Да. Мне дали задание оформить кукольный спектакль. Я стажируюсь на телевидении.

— А для какого типажа пригожусь я?

Она удивленно взглянула на него и вдруг густо покраснела.

— О-о, извините. Я не сразу узнала. Это вы так ужасно долго торчали перед «Пиром Валтасара»... Я не удержалась и нарисовала.

— Можно посмотреть?

— Конечно... Но это беглый набросок. Извините...

Она раскрыла этюдник.

— По-моему, тут слишком большие уши и нос длинноват,— заметил Стив, внимательно разглядывая рисунок.— И эта ужасная лысина. Неужели она так заметна? — Он с сомнением потрогал свой затылок.— Кажется, там еще есть волосы. И неужели я так сутулюсь?

— Сейчас нет,— объявила она, окидывая его оценивающим взглядом.— Но там у картины вы показались мне старше. Вообще-то вы выглядите ничего, но я рисовала вас с мыслью о дяде Хоакине.

— О ком, о ком? — Стиву показалось, что он ослышался.

— Дядя Хоакин... Помните «Los Pueblos»* Асорина? Мы это инсценируем. Дядя Хоакин должен быть высокий, как вы, худощавый, сутулый, с худым, аскетическим лицом. Потом, у него будут немного оттопыренные уши и длинный, тонкий, хрящеватый нос. Брови, нос и лоб я, пожалуй, возьму от вас. И ваши немного запавшие щеки. Можно даже взять и подбородок. Мне, в общем-то, нравится ваше лицо. Вы производите впечатление довольно смелого и решительного человека. Дядя Хоакин тоже был таким, когда был помоложе...

Она вдруг замолчала, быстро переводя взгляд со Стива на свой рисунок и снова на Стива.

Он тоже молчал, испытующе разглядывая ее. У нее были очень светлые, коротко остриженные волосы, свежее овальное личико с чуть вздернутым носом и яркие пухлые губы.

Вдруг она рассмеялась и захлопнула этюдник:

— Так, значит, вам не нравится рисунок?

— Нет, почему же, в общем, неплохо...— он все еще продолжал сомневаться,— но...

— А хотите нарисую вас сейчас таким, какой вы есть... То есть каким вижу вас...— поправилась она.

— Нарисуйте.

Некоторое время она серьезно и очень внимательно разглядывала его.

Стив отметил про себя, что ее большие, зеленовато-серые, необыкновенной ясности глаза удивительно красивы.

— Нет, так ничего не получится,— сказала она, покачав головой,— идите к какой-нибудь картине и смотрите. И думайте обязательно о ней, как перед «Пиром Валтасара».

— А там я думал о картине?

— Может быть, и нет... Но о чем-то очень важном и своем... Понимаете — своем, сокровенном. Когда человек об этом думает, он становится самим собой.

— Сейчас я, значит, думал не о том? — попытался уточнить Стив.

---

* «Селяне» — книга очерков испанского писателя Асорина (настоящее имя — Хосе Мартинес Руис, 1874—1967).

Она весело рассмеялась:

— Сейчас, конечно, нет.

— А что здесь заслуживает внимания?

Она закусила губы и на мгновение задумалась.

— Мне, например, очень нравится «Зимний пейзаж» в углу, неизвестного автора. Это семнадцатый век. Вот там.

Она указала небольшую картину в массивной золоченой раме.

Стив подошел к пейзажу. Картина действительно была хороша. Художник изобразил снегопад при низком вечернем солнце. Крупные хлопья снега, казалось, медленно опадали в неподвижном воздухе, а за ними проглядывал веселый фламандский городок с разноцветными домиками и вереницы конькобежцев на голубоватом льду замерзшего канала.

Стиву вдруг вспомнилось детство, проведенное в маленьком городке Спокан в штате Вашингтон. Когда-то и он вот так же носился по льду возле старой водяной мельницы. Потом один из местных дельцов переоборудовал мельницу в кафе-бар... А теперь в Спокане собираются устроить очередную всемирную выставку, посвященную охране окружающей среды...

— Спасибо,— крикнула молоденькая художница,— вы можете очень хорошо позировать. Вот вы такой, по-моему.

Она протянула ему этюдник.

Стив внимательно разглядывал рисунок, сделанный в очень лаконичной манере — всего несколькими резкими штрихами фломастера.

— Кажется, теперь вы переоценили меня,— заметил он с оттенком сомнения.

Она засмеялась и покачала светлой головкой:

— Не знаю... Я разглядела вас таким. Кстати, кто вы в действительности?

Стив назвал себя.

— Вы англичанин?

— Нет, американец.

Это ее, видимо, удивило. Прищурившись, она принялась снова разглядывать его.

— Между прочим, вы не очень похожи на американца,— объявила она наконец.— Больше на англичанина или скандинава.

— Спасибо.

— Не за что! А ваша профессия?

— Бизнесмен.

— Ну знаете! — Она обиженно надула пухлые губки. — Некрасиво так врать. Знала — не стала бы вас рисовать.

— Послушайте, — возмутился Стив. — Это же безобразие. Устраиваете мне форменный допрос и не хотите ничему верить.

Продолжая сурово глядеть на нее, он поднял вверх два пальца:

— Клянусь, что говорил правду, одну правду, чистую правду.

— Но другую руку при этом надо класть на Библию, — назидательно сказала она.

Оба рассмеялись.

— Ладно уж, так и быть, поверю. Мне, в общем-то, все равно, но вы действительно не похожи на американского бизнесмена.

— Почему же?

— Они не ходят в Национальную галерею.

— Я бизнесмен особый, — сказал Стив, стараясь придать лицу таинственное выражение.

— Какой же?

— Спекуляция краденными драгоценностями и предметами искусства: полотна старых мастеров, античные статуи, старинные иконы.

Она без колебаний приняла игру — поднялась на носки и шепотом спросила:

— Значит, здесь на разведке?

Стив кивнул.

— И чего завтра недосчитаются?

— Пока не решил.

— Может быть, «Пир Валтасара»?

— Ну нет... Скорее уж, этот пейзаж неизвестного художника.

Она захлопала в ладоши:

— Я тоже выбрала бы его. Бьюсь об заклад — глядя на этот пейзаж, вы вспомнили свое детство.

Стива удивила ее проницательность.

— Вы англичанка?

— А вот и не угадали. Я из Дании. Конечно, не угадали потому, что упомянула про заклад. Этому я научилась от подруг в колледже.

— Как вас зовут?

— Инге... Инге Рюйе. Мой отец был немцем, мать — датчанка. Еще что-нибудь вас интересует?

— Представьте, что да, — кивнул Стив. — Но сейчас время ленча. Предлагаю съесть его вместе где-нибудь поблизости. А заодно продолжим наш разговор.

Кажется, она заколебалась.

— Идемте, — настаивал Стив. — Тем более, что через несколько часов я улетаю далеко и надолго.

— Это куда же?

— В Бразилию.

— Тогда пошли.

За ленчем он уже знал о ней почти все. Она окончила школу искусств в одном из колледжей Оксфорда. Мечтала о работе художника в каком-нибудь детском издательстве. А пока занималась куклами на телевидении. Ей девятнадцать лет, и ее друг — оператор телевидения — сейчас в командировке в Австралии.

— Они снимают фильм об аборигенах где-то на краю пустыни, — рассказывала она, доедая мороженое с клубничным джемом. — Майкл даже не может позвонить оттуда. Только шлет телеграммы.

— Ты собираешься выйти за него замуж, Инге?

— Еще не решила. Парень он неплохой, но... — По ее оживленному лицу вдруг пробежала тень, и она замолчала.

— Ну а как же все-таки с дядей Хоакином? — спросил Стив, испытующе поглядывая на нее.

— При чем тут дядя Хоакин? — искренне удивилась Инге.

— Он меня весьма интересует.

— Почему бы?

— Это довольно сложная история...

— Расскажи.

— А он поправился? Как его здоровье?

Инге весело расхохоталась.

— Да он и не болел совсем. Ты что, забыл? Он слепой.

— Как слепой?

— Так слепой. Таким его придумал Асорин. И у нас он будет слепым.

— Нельзя ли все-таки мне с ним повидаться?

— Пожалуйста. Останься в Лондоне еще на месяц и увидишь его... по телевидению.

— Иначе нельзя?

— А ты чудак, — заметила Инге, очень серьезно глядя на Стива широко раскрытыми глазами. — Дался тебе этот дядя Хоакин. Зачем он тебе нужен?

— У нас с ним деловые отношения.

— Понимаю. — Она кивнула. — Краденые драгоценности?

— Послушай, — возмутился Стив. — Сколько времени ты собираешься меня дурачить?

— И не думаю. Ты меня разыгрываешь.

— Я — тебя?

— Конечно. И это становится скучным.

— Отлично! Оставим дядю Хоакина в покое.

— И краденые драгоценности тоже?

— Их тоже. Что мы будем делать теперь?

— Мне надо ехать на телевидение.

— Уже сейчас? — разочарованно протянул Стив.

— Я и так опаздываю.

— И не увижу тебя больше?

— Наверно, нет, хотя, — она на мгновение задумалась, — хочешь, провожу тебя?

— Конечно, — кивнул Стив, чувствуя, что его сомнения снова возвращаются.

— Когда твой рейс?

Стив сказал.

— Значит, приеду к десяти вечера. Буду ждать в регистрационном зале «Пан Ам». Чао!

— Подожди. Оставь хотя бы твой телефон.

— Потом, — крикнула она, убегая. — Я приду обязательно. Чао!

Мысль о подозрительном дяде Хоакине из Лондонского телевидения не покидала Стива всю вторую половину дня. Неужели только совпадение? Или вечерняя встреча с Инге Рюйе в аэропорту Хитроу обернется новым приключением?.. Может быть, все-таки следовало изъять сверток из банковского сейфа и захватить с собой? В обоих случаях риск был велик, и Стив решил оставить драгоценности в сейфе. В конце концов, должно же быть у него какое-то обеспечение... Или его невидимая охрана потеряла его след? Ни в Тунисе, ни в Лондоне он не улавливал признаков ее существования. Раньше они чем-то себя выдавали. Не могли же они превратиться в настоящих невидимок.

Продолжая сомневаться, Стив покинул вечером «Савой» и, взяв такси, направился в Хитроу. Световое табло над входом показывало двадцать один час сорок минут, когда Стив вхо-

дил в зал регистрации пассажиров панамериканских трансконтинентальных авиалиний. Инге нигде не было видно. У Стива мелькнула мысль, что вместо нее может появиться «дядя Хоакин». В напряженном ожидании он присел у стойки бара. Время шло, но никто не появлялся. Стив начал сожалеть, что не записал днем телефона Инге. Эта девушка, несмотря на краткость их знакомства, оставила ощутимый след в его памяти.

Неужели она так и не появится? «Дядя Хоакин» снова отошел на второй план, и Стив желал теперь только одного — чтобы Инге выполнила свое обещание. И она все-таки пришла, когда до посадки оставались уже считанные минуты.

— Искала тебе прощальный сувенир, Стив, поэтому задержалась, — объявила она, подбегая. — Вот держи. — Она протянула ему прямоугольный сверток в целлофане.

— Что это?

— Не бойся. Не краденые драгоценности. Это книга.

— Книга?

— Да. Последнее итальянское издание каталога с описанием произведений искусства, похищенных из национальных музеев, частных собраний и галерей Италии. Том четвертый.

— Гм... Спасибо... Даже не предполагал, что такие каталоги существуют...

— Не выдумывай. Бизнес на краденых редкостях — и подобная неосведомленность!

Стив развел руками:

— Всю жизнь учусь... Кстати, а мой портрет ты мне оставишь?

— Нет. Останется у меня на память... о нашей встрече.

— Тогда пришли мне свой... автопортрет.

— Куда?

— Можно в Мексику. Город Гвадалахара.

— Но ты говорил, что летишь в Бразилию.

— Сейчас да, потом к себе — в Гвадалахару.

— Ты там постоянно живешь?

— Пока там. Вот возьми адрес.

Стив протянул ей визитную карточку.

— Ого, — воскликнула Инге, — с золотым обрезом! И действительно бизнесмен, и даже, ой-ой, вице-президент какой-то компании. И член наблюдательного совета, и еще кто-то там... Подумать только!.. А как же со спекуляцией краденными драгоценностями?

Стив подмигнул с таинственным видом:

— Ну, это в подтексте...

Служащая авиакомпании пригласила пассажиров бразильского рейса пройти в самолет. В зале началось движение.

— Увы, мне пора, — сказал Стив.

— Запишешь мой адрес и телефон? — Инге испытующе взглянула на него.

— Разумеется. Вот моя записная книжка — впиши сама.

— Она же совсем пустая, — заметила Инге, отыскивая страницу с буквой «Р».

— Там все записи сделаны невидимыми чернилами, — заверил Стив.

— Но я буду писать обычным фломастером?

— Конечно. И запиши лучше на «И». Предпочитаю помнить своих знакомых по именам.

— Ну вот и все, — сказала Инге, отдавая ему записную книжку. — И не забудь мой сувенир.

— Не забуду. Мой пришлю тебе из Бразилии.

— Пришли мне маленькую пушистую обезьянку.

— Думаю, это будет довольно сложно. Лучше я подарю ее тебе, когда приедешь в Мексику.

— А я приеду туда?

— Если захочешь...

— Я уже хочу, — шепнула она. — Иди же! Ты остался последним.

— До свидания, Инге. Спасибо за сувенир. Можно поцеловать тебя?

— Конечно.

Стив думал, что Инге подставит щеку, но она потянулась к нему губами. Легкое прикосновение ее нежных губ Стив увез с собой как самое светлое воспоминание о двух днях, проведенных в британской столице.

Мерно гудят мощные турбины. Чуть вибрирует пол, застланный пушистым ковром. В салоне первого класса полумрак. Большинство пассажиров дремлют в своих креслах. За окном чернота ночного неба и густая россыпь звезд. Если взглянуть назад, виден массивный край скошенного крыла и зеленый мигающий глаз над ним. Уже час, как стартовали из Рабата. Начался девятичасовой прыжок через Экваториальную Атлантику.

Стиву не спится. Предыдущие три часа полета, пока «боинг» пожирал пространство от Лондона до Рабата и внизу проплывали огни французских и испанских городов, Стив листал книгу, подаренную Инге. Каталог оказался занятным. Он заключал кучу сведений о множестве украденных, похищенных, исчезнувших картин, статуй, старинных книг, украшений, камей, драгоценностей, церковной утвари. Не один новый музей можно было бы создать, если собрать воедино все, что перечислялось в каталоге. Среди нескольких тысяч произведений искусства всех эпох, ставших добычей гангстеров за последние пять лет, были полотна Веласкеса, Перуджино, Гирландайо, Пикассо, Ренуара, античные скульптуры, старинные камеи, изделия из серебра, золота, драгоценных камней — дело рук знаменитых ювелиров эпохи Возрождения. Большинство их не были найдены и числились «утраченными». Внимательно изучив раздел, посвященный ювелирным изделиям, Стив не обнаружил там предметов из свертка, который лежал теперь в сейфе лондонского банка. «Значит, попадут в следующий том», — решил Стив, захлопывая книгу, когда «боинг» пошел на снижение над африканской землей.

Аэропорт Рабата встретил духотой и сыростью. Блестел мокрый после недавнего дождя бетон; пряно пахли цветущие магнолии. Воздух был неподвижен, лишь изредка со стороны близкого океана доносились слабые вздохи влажного ночного ветра.

Побродив по небольшому аэровокзалу и купив свежие газеты, Стив заказал в баре бутылку кока-колы. Присев за свободным столиком, он медленно потягивал ледяной напиток через соломинку. На первой полосе одной из французских газет его внимание привлекла странная фотография: чешуя городских крыш, острые шпили соборов, и над ними в небе два темных линзовидных тела, перепоясанных рядами светящихся точек. Надпись над фотографией, набранная крупным шрифтом, гласила: «"Летающие блюдца" над Бордо! Паника в городе! Космические братья или советские ракеты?» Текст внизу, как и всегда в подобных случаях, не содержал ничего конкретного. В нем было множество восклицательных и вопросительных знаков, ссылки на очевидцев, преимущественно пенсионеров, крайне расплывчатый комментарий директора местной обсерватории.

Стив усмехнулся: «Эпидемия "летающих блюдец" достигла берегов Франции. Удивительно кстати!.. Интересно, что скажет по этому поводу Цезарь?»

Перечитав сообщение еще раз, Стив подумал, что в качестве информации для отдела происшествий все можно было бы выразить одной фразой: «Вчера перед закатом некоторые жители Бордо наблюдали в небе два загадочных пятна, которые затем исчезли».

Снова фантомы? Но если это действительно лишь фантомы, почему люди так упорно верят в них? Что поддерживает веру? Начиная с первых послевоенных лет, газеты разных стран время от времени публиковали сенсационные сообщения о летающих дисках, «блюдцах», «тарелках» и прочей летающей кухонной утвари. Встречей с таинственными объектами пытались даже объяснить гибель и аварии самолетов. Потом хлынул поток популярных статей и книг, в которых немногие факты перемешивались со множеством слухов и домыслов, и все это, обильно сдобренное бесстыдным враньем, преподносилось читателям, алчущим «необычайного», в качестве последних откровений с порога неведомого.

В годы работы журналистом в Лос-Анджелесе Стив хорошо усвоил несложную технологию изготовления подобных «сенсаций». Старик разрешал иногда угощать читателей воскресных выпусков «Калифорния таймс» этой щекочущей нервы стряпней. По заданию Старика Стиву пришлось несколько раз уточнять «сообщения очевидцев» из разных мест. При тщательной проверке все сведения о загадочных летающих объектах становились, мягко говоря, сомнительными.

Даже и после того, как специальная комиссия, созданная при президенте Эйзенхауэре, сделала официальное заявление, в котором немногие подтвердившиеся наблюдения объяснялись как атмосферные явления, поток сообщений о полетах «летающих тарелок» и «блюдец» не прекратился. Особенно много их стало с конца пятидесятых годов.

Цезарь видел единственное разумное объяснение этого феномена в том, что человечество, ступив в октябре 1957 года на порог Космоса, больше не могло примириться с мыслью о своем одиночестве в бесконечных пространствах Вселенной. Подсознательное устремление навстречу воображаемым «братьям по разуму» воплотилось в фантом «летающих блюдец». Сам Цезарь, впрочем, склонен верить в существование таких «братьев»...

В шестидесятых годах «блюдца» стали всеобщей манией в большинстве развитых стран, да и не только в развитых... Поэтому мысль Цезаря воспользоваться этой манией была гениальна и в то же время проста, как все по-настоящему гениальное. Однако для ее реализации потребовалось несколько лет. Только теперь в девственных пущах Амазонии на самом севере Бразилии — на их бразильском полигоне — все было готово для первых экспериментов. Именно поэтому сегодняшние сенсационные сообщения из Бордо придутся очень кстати. Они подогреют энтузиазм сторонников внеземного происхождения «блюдец», хотя Стив ни минуты не сомневался, что сообщения эти появились именно теперь неспроста и нацелены совсем на другое...

Министры стран Атлантического пакта вскоре должны собраться на очередной раунд по поводу увеличения военных расходов. Поскольку «блюдца» над Бордо — явление загадочное, они в равной степени могут оказаться и планетолетами космических братьев, и новыми советскими аппаратами... Второе предположение свидетельствовало бы, что Запад сильно отстал от русских. Увесистый аргумент для всех, кому не очень улыбается дальнейший рост отчислений на военные нужды!

Объявили посадку на бразильский рейс. Стив сунул газеты в карман куртки и вышел в душную марокканскую ночь. В сотне метрах от аэровокзала поблескивало длинное тело «боинга», ярко освещенное прожекторами. Издали корпус самолета напоминал красивую хищную рыбу, готовую к броску. Поднимаясь по трапу, Стив оглянулся. За приземистыми зданиями аэровокзала на фоне зарева огней Рабата неподвижно застыли силуэты пальм. Стиву показалось, что ночной аромат магнолий стал еще приторней.

Теперь в самолете, стремительно пожирающем пространство на высоте одиннадцати километров над Экваториальной Атлантикой, Стив снова обратился мыслями в прошлое. Собственно, идея обыграть эпидемию «блюдец» возникла у Цезаря еще задолго до их первой совместной поездки на африканский полигон...

Было это на Цейлоне, в Канди, где Цезарь приобрел обветшалый дворец одного из местных аристократов и занялся его перестройкой. Художественный вкус и фантазия Райи вместе с деньгами Цезаря должны были создать тут нечто небывалое — уголок земного рая на уровне кондиций и комфорта двадцать первого века. Будущее чудо называлось «Парадиз XXI».

В обрамлении сказочно прекрасных окрестностей Канди — этой жемчужины Серендипа — острова чудес, как называли в древности Цейлон, «Парадиз XXI» должен был стать чудом в квадрате. Правда, чудо было еще в проектах; Цезарь и Райя, вместе с немногочисленной службой, ютились в одном из боковых флигелей, где отвели комнату и Стиву, только что прилетевшему из Мехико.

Как-то вечером, рассматривая эскизы оформления комнат дворца, Цезарь сказал Райе:

— Традиционные башни-пагоды по углам южного фасада мне решительно не нравятся. Почему бы не заменить их чем-нибудь современным? «Летающими блюдцами», например...

Райя рассмеялась, откинув назад красивую голову:

— Как ты думаешь совместить «инопланетные» мотивы со староиндийской архитектурой северного фасада?

— А никак. Пусть фасады будут совершенно разные. Там одиннадцатый век, а тут — двадцать первый.

— Надо посоветоваться с архитектором, — сказала Райя не очень уверенно. — Изобрази, как ты это видишь.

Цезарь изобразил.

Стив подошел поближе и заглянул ему через плечо.

На рисунке Цезаря южный фасад здания выглядел как триада фантастических межпланетных кораблей, которые Стив не раз видел на обложках романов космической серии. В центре — большой корабль тарельчатой формы с тремя рядами крупных окон-иллюминаторов и ажурной лестницей, спускающейся в сад и напоминающей трап галактического лайнера. Справа и слева — два «блюдца», сопряженных с большим кораблем стеклянными галереями.

— Центр облицуем светлым мрамором, — прикидывал Цезарь. — Рамы окон титановые. Боковые «блюдца»: внизу мрамор, верх — титановый каркас и стекло. Для защиты от солнца — система наружных металлических жалюзи — под старинную бронзу или что-нибудь в этом роде. Западное «блюдце» — зимний сад, как ты и хотела; в восточном будет мой кабинет. Ну как?

— Оригинально и, пожалуй, по-своему красиво, — задумчиво сказала Райя, — но какие переделки... Весь южный фасад придется ломать.

— Во всех случаях его надо ломать, — возразил Цезарь, — кладка сильно выветрилась. И кстати, мы ведь уже думали с тобой о беседках в саду в виде «летающих блюдец».

— А если мода на «блюдца» быстро минет? — заметил Стив.

— Не минет. Знаешь, как изображают Шиву на юге Индии, в окрестностях Махабалипурама?

— Не знаю.

— Танцующим в большом колесе, на внешнем ободе которого множество коротких труб с вырывающимися из них языками пламени. Что это такое, как не реактивный космический корабль типа «летающего блюдца» или «тарелки»? Между прочим, жители деревень к югу от храмового комплекса Махабалипурама до сих пор верят, что их предки прилетели на Землю с далекой звезды на огромном круглом корабле, извергающем пламя. И ждут, что Шива когда-нибудь вернется за ними и заберет их обратно. Так что «мода» на «летающие тарелки» существует по крайней мере с шестого века, если не раньше.

— Значит, теперь наступил ее ренессанс?

— Пожалуй. — Цезарь глядел куда-то поверх головы Стива. — Этот ренессанс можно было бы использовать...

— О чем ты говоришь?

— А вот о чем: одна из задач ОТРАГа — создание новых типов ракет...

Стив молча кивнул.

— Нам с тобой пока неизвестно, до какой ступени конструкторы ОТРАГа уже поднялись по этой лестнице... Пэнки, по-видимому, знает все досконально, но молчит, собака... Они идут по традиционному пути, создавая типы ракет, близкие к тем, которые имеют наши в Штатах и русские. А если поставить задачу создать принципиально новые модели, взяв за основу «колесо Шивы» или, если угодно, «летающие блюдца»?

— Поставить такую задачу, конечно, можно, — усмехнулся Стив, — но что получится?

— Может, и ничего не получится, но на эксперименты уйдет пропасть времени и денег... Разве это не то, что нам надо?

— Холостые обороты? Они быстро поймут, в чем дело.

— Ну, как сказать. Теоретически такая модель возможна и обладает кучей неоспоримых преимуществ.

— Кто возьмется за разработку? Для этого надо нестандартно мыслить. Нужен по меньшей мере гений. Сомневаюсь, чтобы среди зубров ОТРАГа были кандидаты в гении.

— Значит, надо искать такого инженера. Заразить его этой идеей, отдать ему под начало лучших конструкторов ОТРАГа. Что ты скажешь?

— В принципе, неплохо,— согласился Стив.— И думаю, что такие работы надо развертывать на новом полигоне в Бразилии, тем более, что совет директоров «империи» высказался за ускоренное освоение земли, приобретенной твоим отцом.

Тогда они на том и порешили...

Несколько месяцев спустя Цезарь позвонил Стиву в Гвадалахару и сообщил, что нашел кандидата для проекта «Шива» — так они закодировали разработку нового типа реактивных кораблей.

Прошло еще некоторое время, и совет директоров на сверхсекретном заседании в Нью-Йорке, под председательством самого Цезаря, утвердил проект «Шива». На осуществление его «империя» Фигуранкайнов и ее сателлиты выделили два с половиной миллиарда долларов. Горячим сторонником реализации этого проекта неожиданно стал Алоиз Пэнки, особенно после того, как проект получил неофициальное одобрение самого Вернера фон Брауна. Цезарь потом рассказал Стиву, что значительная часть средств на осуществление проекта «Шива» была предоставлена из особого фонда, хранящегося в швейцарских банках. В числе распорядителей этого фонда был Пэнки.

— Вероятно, денежки бывших эсэсовцев,— предположил Стив,— упрятанные в Швейцарии в конце войны?

— Во всякой случае, это не деньги отца. Банки нашей корпорации к контролю над ними прямого отношения не имеют. Думаю, из этих же средств финансировалось и создание ОТРАГа. Отец тоже вложил туда кучу денег, но теперь знаю, что его деньги составили лишь часть капиталов, которые поглотил ОТРАГ.

— Может, его и убрали потому, что они чего-то не поделили при расчетах,— заметил Стив, испытующе глядя на Цезаря.

— Нет... Все гораздо сложнее... Но теперь этот клубок не распутать... Вероятно, отец был как-то связан с убийством президента...

Стив и сам подозревал это, еще с того дня, когда в аэропорту Мехико случайно стал свидетелем телефонного разговора адвоката Феликса Крукса с находившимся в Нью-Йорке Алоизом Пэнки. В своих репортажах Стив пытался тогда намекать на существование такой связи, но Старик испугался, и на страницы «Калифорния таймс» ничего из этого не попало. А доказательств не было...

Стив бросил взгляд в окно. Тьма и звезды.

Интересно, что за новый корабль удалось создать на бразильском полигоне? Стиву уже приходилось бывать там по разным делам, но проект «Шива» был окружен такой тайной, что в закрытую зону, где шла его реализация, не имел доступа никто из посторонних. Особо отобранные инженеры и техники, которые занимались разработкой проекта и собирали первые модели, в соответствии с контрактом не имели права покидать зону до полного завершения работ. В специальном статуте, утвержденном на нью-йоркском заседании совета директоров, исключение было оговорено только для Цезаря. Однако и он за эти годы посетил зону лишь дважды. Стиву через гвадалахарский штаб «империи» Фигуранкайнвов пришлось заниматься размещением на крупнейших заводах компаний «Макдоннел-Дуглас», «Локхид», «Юнайтед технолоджиз» и других секретных заказов на изготовление частей и деталей будущих УЛАКов — универсальных летающих автономных кораблей. Все это переправлялось воздушным путем на бразильский полигон, где в закрытой зоне кипела работа над завершением проекта «Шива». Стив знал от Цезаря, что после многочисленных экспериментов и стендовых испытаний из десятков моделей отобраны две, которые предстояло испытывать в полетах. Одна предназначалась для атмосферы и имела потолок не выше пятидесяти километров. Вторая, более дорогая и совершенная, была полностью универсальной. Главный конструктор считал, что она способна летать в атмосфере и ближнем космосе и перемещаться в толще океанических вод на глубинах до четырех-пяти километров.

Главного конструктора не знал никто, кроме Цезаря. На совете директоров в Нью-Йорке, когда утверждался проект, он выступал в маске и перчатках. Звали его Тибб Линстер. За его плечами были два университета в Европе и Штатах, стажировка у Вернера фон Брауна и работа в одной из лабораторий в Пасадене.

Два с половиной миллиарда, первоначально отпущенные на проект «Шива», давно были израсходованы, но, по требованию Цезаря, банк CFS продолжал финансирование работ, а Алоизу Пэнки пришлось еще несколько раз испрашивать крупные суммы из «особого фонда», хранящегося в швейцарских банках. Ассигнования для Африканского полигона пришлось основательно сократить, что явилось причиной бурных

дискуссий на заседаниях совета директоров «империи». Однако Цезарь не уступал, и президент-исполнитель банка CFS продолжал его поддерживать... Стив предполагал, что реализация проекта «Шива» уже обошлась «империи» и «особому фонду» швейцарских банков в десять-одиннадцать миллиардов долларов. Интересно, что же родила такая гора денег?..

Самолет резко качнуло. Стив глянул в окно и заметил, что созвездия смещаются. «Боинг» совершал какой-то маневр. Было похоже на крутой поворот. У Стива мелькнула мысль, что капитан лайнера решил вернуться в Рабат. Стив бросил взгляд на часы. Если неисправность, до африканского берега полтора часа полета...

...Распахнулась дверь, ведущая в кабину экипажа. На пороге выросла одна из стюардесс. Лица ее Стив не мог разглядеть, но по движениям понял, что девушка взволнована. Почти тотчас салон осветился. В динамике послышался голос капитана, который обращался к пассажирам с просьбой пристегнуть привязные ремни.

— Ну что там такое? — недовольно спросил сосед Стива, ворочаясь в своем кресле.

— Сильный ветер, — с трудом выговорила побелевшими губами стюардесса, — пристегивайтесь, пожалуйста.

Нащупав ремни, Стив приблизил лицо к стеклу иллюминатора. Яркий свет в салоне мешал разглядеть что-либо снаружи.

Лайнер вдруг дрогнул и заметно наклонился вперед. Стив почувствовал, как его вдавливает в кресло. Увеличивая скорость, «боинг» устремился вниз. «Неужели конец?» — подумал Стив, пытаясь преодолеть тяжесть перегрузки и взглянуть, что происходит снаружи.

Они прилетели в Рио с трехчасовым опозданием, после того как совершили не предусмотренную расписанием посадку в Лас-Пальмасе. За несколько минут до приземления капитан обратился к пассажирам с сообщением, что посадку совершают по метеорологическим условиям.

— Что там было? — спросил Стив у стюардессы, выходя последним на трап в аэропорту Лас-Пальмаса.

— Сильная гроза на трассе, — с улыбкой ответила девушка.

— А если серьезно?

— Вполне серьезно. Можете спросить у капитана.

— Но я сам видел.

— Что видели?

— Гм... Какую-то чертовщину... Что-то вроде космического корабля или «летающего блюдца».

— Может быть, шаровая молния?

— С которой мы чуть не столкнулись?

— Нет... Нам передали приказ вернуться и сесть в Лас-Пальмасе.

— А раньше вам не приходилось видеть «летающие блюдца»?

— Нет... Это впервые.

— А-а... Ну спасибо... А то мне начало казаться, что схожу с ума.

Пребывание в Лас-Пальмасе затянулось. Видимо, лайнер тщательно проверяли.

Восток уже начал светлеть, когда «боинг» панамериканских линий снова поднялся в воздух и лег на прежний курс. Несколько кресел первого салона опустело. После ночного приключения часть пассажиров первого класса предпочли остаться в Лас-Пальмасе, чтобы продолжить путь на теплоходе. Однако вторая часть полета завершилась благополучно, и в полдень Стив уже ждал проверки в обширном таможенном павильоне аэропорта Рио.

Бразильские таможенники не торопились — со вкусом перерывали чемоданы, сумки и портфели прибывших из Европы пассажиров.

Наконец очередь дошла до Стива. Он уже приготовился открыть чемодан, но таможенник, взглянув на американский паспорт, который держал Стив, махнул рукой и шлепнул штемпель на крышку чемодана. Путь на бразильскую землю был открыт. Минуту спустя Стив очутился в дружеских объятиях Тео.

— Почему так опоздал? — было его первым вопросом.

Стив усмехнулся и похлопал Тео по плечу:

— Фантастика. Чуть не столкнулись с «летающей сковородой». Видимо, Цезарь распорядился начать.

— Он здесь. Ждет тебя...

— Как? Цезарь в Рио?

— В «Хилтоне». Сейчас едем к нему.

Стив обескураженно пожал плечами.

По пути в «Хилтон» — один из самых блистательных отелей Рио — Стив преимущественно молчал, раздумывая об

услышанном. Цезарь — здесь... Испытания не начинались... Что же за чертовщина приключилась ночью?.. Он собственными глазами видел светящийся диск, с которым чуть не столкнулся «боинг». Потом длительная стоянка в Лас-Пальмасе... Странное поведение экипажа. Если это был один из УЛАКов Линстера, откуда такие размеры? Стив представлял себе первые модели гораздо более миниатюрными...

Обычно немногословный, Тео тоже недоумевал. Что со Стивом? Почему сидит молча, не расспрашивает о том, как жил Тео последние годы? Они не виделись лет пять, если не больше. Тео было бы о чем рассказать. «Наверно, Стив с годами изменился... Он теперь большой босс. Удобно ли обращаться к нему на "ты"? Восемь лет назад в Маниле и Сингапуре он был другим... Плохо, если он изменился... Тео принял предложение Цезаря Фигуранкайна не столько ради денег, сколько для того, чтобы снова быть рядом со Стивом. Он специально оговорил это условие. А вот теперь, впервые за пять лет, Стив сидит рядом и... молчит. Словно ему нечего спросить у Тео...»

Съехав с автострады в город и попав в поток машин, медленно текущий по запруженным улицам Рио, Тео время от времени взглядывал на сидящего рядом Стива.

«Постарел, однако, седины много и морщины стали глубже. Тренируется ли в санчин-до? Это омолаживает...»

Стив встрепенулся, повернул голову, взглянул на Тео:

— Ты спросил о чем-то?

— Нет, только подумал.

— О чем?

— О тебе... Тренируешься?

— Последнее время нет. Подзапустил.

— Надо.

— Конечно. Теперь продолжим.

Тео резко повернул, обходя идущую впереди машину. Может, Стив и не изменился сильно? Может, решение Тео окажется правильным? Хорошо бы...

— Как поживает сеньор Сутрос? — поинтересовался Стив.

— Его душа уже странствует в поисках иной достойной оболочки, — склонив голову в знак уважения к покойному, ответил Тео.

— Когда это случилось?

— Два месяца назад.

— И что с его отелем?

— Все наследовала дочь.

— А Джайя, что с ней?

— Санджа вырос. Год назад сеньор Сутрос послал его учиться в Англию, Джайя вернулась в Манилу. Открыла лавку. Продает сувениры из рисовой соломы.

— Жаль Сутроса,— сказал Стив.— Хороший был человек. И нестарый. Отчего умер?

— Наверно, время пришло. Нет, он старый... Ночью умер, в постели.

— А ты как жил, Тео?

— Хорошо. После расскажу... Приехали...

Встреча с Цезарем ничего не прояснила. Цезарь утверждал, что Тибб Линстер не мог начать испытательные полеты без его ведома.

— Скорее всего, это и была шаровая молния,— заметил он в заключение.— Над Экваториальной Атлантикой лето — время сильных гроз.

События в Бордо тоже не слишком его заинтересовали.

— Этих сообщений столько,— Цезарь пренебрежительно махнул рукой,— они уже перестают вызывать интерес. Обыватели к ним привыкли. Самое время вступать в игру... Убежден, что затея наша будет иметь колоссальный успех.

— А планы и амбиции ОТРАГа, Цезарь? Если к новым моделям прорвется кто-нибудь из тех... Ты ведь не забыл банкет в «змеиной норе»?

— Исключено. Тибб Линстер — наш человек. В самом крайнем случае УЛАКи можно уничтожить вместе с зоной. Имей в виду,— он перешел на шепот,— это тоже предусмотрено.

— Боишься, нас тут могут подслушать?

— Нет, просто по инерции. Слишком большой секрет. Ты третий и последний, кто знает...

— А второй?

— Тибб Линстер, конечно.

— Так ему веришь?

— Как себе самому, Стив.

— Гм... Интересно будет с ним познакомиться...

— Потерпи немного. Завтра летим в Манаус, оттуда прямо на полигон.

— Кого еще ты пригласил на испытания?

— Только Пэнки. Он потом передаст остальным в совете, что сочтет нужным.

— Но он ведь полагает, что... — Стив усмехнулся.

— Еще бы. Пусть посмотрит, убедится... Дальше — надо будет усовершенствовать первые модели, дорабатывать, создавать соответствующую начинку. Пока это летающие бонбоньерки — новое транспортное средство, не более. Работы предстоит много, она потребует массу времени... Очень много времени... Понимаешь? А мы пока начнем исследования, которые предлагает Шарк. Как он тебе показался?

— Не знаю, гений он или безумец, но фанатик бесспорно.

— По-моему, тоже гений, как и Линстер... Деньги ему надо дать. Понимаешь, тут прямая связь. Линстеру для его аппаратуры нужны алмазы. Множество алмазов. Причем натуральные. Пришлось закупить массу алмазов у этих акул из «Де Бирс». Цены на алмазы пошли вверх... Чтобы окончательно не обанкротиться, мы должны располагать собственными алмазными копями. Поэтому Шарку дадим зеленую улицу.

— В «империи» возникли финансовые трудности? — с удивлением спросил Стив.

— Нет, пока нет, — Цезарь поморщился, — но возникнут, когда осуществим еще некоторые из наших проектов...

— Знаешь, ты становишься полноценным бизнесменом, — похвалил Стив. — А как твоя наука?

— Все в свое время. Невозможно заниматься тремя делами сразу. Пришлось отложить древние рукописи. Закончим испытания, обсудим дальнейшее, и вернусь к ним снова...

— А что Райя?

— Занята «Парадизом XXI».

— Много еще осталось?

Цезарь махнул рукой:

— До конца жизни хватит.

— Чьей жизни?

— Нашей с ней.

— Мне кажется, — сказал Стив очень серьезно, — что вам следует думать не о конце жизни, а о наследнике «империи».

— Его не будет, — жестко отрезал Цезарь. — Выкинь из головы и никогда не напоминай мне об этом. Глупо!

— Почему?

— Считал тебя догадливее, Стив.

— Все равно не понимаю...

Цезарь усмехнулся и похлопал Стива по плечу:

— Это ведь была твоя блестящая идея, старина, а теперь ты вспомнил о наследнике.

— Идея чего?

— Взорвать изнутри адскую машину. Разве мы не решили? «Империя» Фигуранкайнов должна исчезнуть вместе с нами — со мной, с Райей и... с тобой... Поэтому — никаких наследников. Им нечего будет наследовать.

— Зачем выплескивать ребенка вместе с грязной водой? — пожал плечами Стив. — Что общего между нашей сверхзадачей и вашей любовью? Вы оба еще молоды, полны сил, ты не глуп, Райя — красавица... У таких родителей...

— Замолчи! И пойми, наконец: не хочу, чтобы в этот безумный мир, пропитанный ненавистью, интригами и кровью, мир, прикованный к чудовищной бомбе со взрывателем замедленного действия, вступил бы кто-то, кому я дал жизнь. Райя согласна со мной. Мы давно так решили, Стив. Это решение неизменно.

— Жаль, — сказал Стив расстроенно. — Я ведь считал ваш «Парадиз XXI» гнездом. Гнездом для будущих птенцов.

— «Парадиз» — призрак, — шепнул Цезарь, отворачиваясь. — Он тоже исчезнет... вместе с нами... Помнишь прощальные слова ассирийского владыки Сарданапала? Он произносит их, всходя вместе со своей возлюбленной на погребальный костер.

...Прощай, Ассирия, любил я сильно
Тебя, страну отцов моих, и даже
Любил тебя сильней я как отчизну,
Чем как свое владенье. Прощай же...
Мир дать тебе хотел, все блага жизни...
И вот моя награда... но за это
Тебе на память ничего, ни даже
Могилы по себе я не оставлю.

— Не терплю Байрона, — поморщился Стив. — Убежден, что в действительности твой Сарданапал был подонком, вроде Гитлера и его прихвостней, включая Пэнки.

— Искренне желаю тебе, Стив, пережить всех нас и посмотреть, что получится. — Цезарь поднялся и взял с дивана куртку из белого китайского шелка. — Убежден, — продолжал он, надевая куртку, — что и нас с тобой будущие историки назовут подонками, независимо от того, чем закончится наш

«эксперимент»... Если, конечно, история будет существовать, — добавил он после небольшой паузы. — Ну, хватит дискуссий. Пора обедать. Спускаемся в ресторан.

«Я готов понять все, — думал Стив, следуя за Цезарем Фигуранкайном-младшим. — Даже его сегодняшнее настроение, учитывая предстоящие испытания... Но не могу понять, что я видел вчера ночью».

Под крыльями самолета расстилался зеленый океан бразильской сельвы, прикрытый синим куполом безоблачного неба. Ни дорог, ни поселков, только зеленый полог сомкнувшихся крон, по которому скользила на запад крестообразная тень самолета. Из Манауса вылетели час назад. Миновали несколько небольших поселков, прилепившихся к Амазонке, прямоугольники джутовых плантаций на северном берегу, а потом сразу началась сельва.

Манаус с его высотными зданиями банков, компаний, отелей, с его знаменитым оперным театром, в котором некогда пел Карузо, даже и в начале семидесятых годов продолжал оставаться последним оплотом цивилизации на берегу океана сельвы.

Расположенный в центре Амазонии, занимающей половину площади страны, Манаус, став в 1967 году «беспошлинным городом» и центром туризма, сохранил вуаль таинственной экзотики... Сюда поднимались по Амазонке океанские лайнеры и прилетали самолеты из Европы, а где-то не очень далеко от здешних небоскребов в сумраке сельвы пролегала граница двадцатого и каменного веков... На улицах, в фешенебельных отелях и в торговых центрах Манауса звучала разноязычная речь, но никто из туристов — американцев, немцев, французов — не задерживался тут долго. Поколесив на автобусах по городу и ближайшим окрестностям, туристы торопились в Перу, к развалинам древней столицы инков. Через каменный век они предпочитали перепрыгнуть на современных самолетах. Автострады, гидростанции, рудники, плантации пока создавались восточнее и юго-восточнее Манауса. На севере и на западе была только сельва.

Полигон находился вблизи стыка границ Бразилии, Венесуэлы и Колумбии. И стык, и сами границы были понятием условным. Никто не знал, где они точно проходят, никто не пытался обозначать их на местности в сыроватом сумраке сель-

вы, где кочевали немногочисленные индейские племена, некогда отступившие с побережья под натиском завоевателей-испанцев. Племена эти так и не приняли цивилизации, сохраняли свой уклад, обычаи и богов. И продолжали жить в каменном веке. Никому не было известно, сколько их, где находятся их стойбища, где проложены охотничьи тропы и пути кочевий. Они занимались собирательством и охотой, ловили рыбу и черепах по притокам Рио-Негру и, опустошив участок сельвы, прилегающий к стойбищу, переходили на другое место.

Стив впервые летел на полигон через Бразилию. Была другая трасса, более короткая, из Венесуэлы. По ней доставлялись грузы и персонал. Если на африканском полигоне недостатка в местных рабочих не было, то на бразильский пришлось завозить воздушным путем даже лесорубов и грузчиков. Аборигены не годились для самых простых работ. Кроме того, их было слишком мало. На колоссальной территории, приобретенной Фигуранкайном-старшим у бразильского правительства, первые отряды лесорубов, подготавливающие посадочные площадки для самолетов и вертолетов, встретили только две небольшие группы индейцев, которые, побросав стойбища, ушли в глубь сельвы.

По венесуэльской стороне границы было несколько небольших поселков с католическими миссиями. Связь с ними из Каракаса поддерживалась самолетами, прилетавшими раз или два в месяц. Весь северо-запад бразильской Амазонии представлял собой девственную сельву; полигон стал первым вторжением цивилизации в каменный век немногочисленных обитателей экваториальной пущи.

Из Рио летели личным самолетом Цезаря. Это был «боинг», переоборудованный по особому проекту на одном из заводов «империи». По внешнему виду он почти не отличался от серийных самолетов этого типа, но корпус имел бронированный и, кроме того, был вооружен пулеметами, укрытыми в крыльях и в хвостовой части. Помимо личных помещений Цезаря — спального, рабочего и ванны — в самолете были бар и обычный пассажирский салон, а также вместительный грузовой отсек. Экипаж, включая двух стюардов, состоял из восьми человек — индонезийцев с Бали — низкорослых, коренастых, невозмутимых. Стиву не приходилось слышать, чтобы кто-либо из них произносил более трех слов подряд. Между собой они объяснялись на одном из наречий Западного

Бали. Самолетом этим Цезарь летал второй год, и Стив догадывался, что экипаж был подобран не без участия Райи. Самолет мог вместить человек шестьдесят, но на этот раз кроме Цезаря, Стива и Тео летели только шестеро сумрачного вида сингалезцев из личной охраны Цезаря и мистер Цвикк.

Мистер Мигуэль Цвикк был доверенным лицом Цезаря в Бразилии. Он числился одним из вице-директоров бразильского филиала банка CFS и, по словам Цезаря, в свое время приложил немало стараний для того, чтобы кусок амазонской сельвы стал собственностью «империи» Фигуранкайнов. На бразильском полигоне он исполнял обязанности заместителя административного директора и единственный из всего персонала поддерживал непосредственный контакт с Тиббом Линстером. Цезарь знал его давно и очень доверял ему. На этот раз именно Цвикк сумел так все организовать, что о появлении Цезаря Фигуранкайна в Рио не пронюхал никто из местных журналистов.

Цвикк был флегматичный, начинающий полнеть здоровяк, роста чуть выше среднего, с широкими плечами и очень короткой шеей. Он немного сутулился, и казалось, что его голова покоится прямо на плечах совсем без шеи. У него было широкое розовое лицо почти без бровей и маленькие, глубоко посаженные, очень внимательные глазки. В коротко подстриженных светлых волосах поблескивала седина. На вид ему было лет пятьдесят. Сейчас они все трое — Цвикк, Цезарь и Стив — сидели в салоне-кабинете Цезаря: Стив в кресле у окна, Цезарь за рабочим столом, а Цвикк на диване под рядами книжных полок.

Потягивая ледяное пиво, принесенное одним из стюардов, Цвикк говорил:

— Только с высоко летящего самолета Амазония кажется необитаемой. Раньше — да, человек проникал в эти непроходимые джунгли вдоль рек. Но в двадцатом веке Амазония пережила несколько бумов, начиная с каучукового... Сейчас, помимо нашего полигона, тут десятки миллионов гектаров принадлежат американцам... В прошлом году бразильская газета «Трибуна де импренса» опубликовала сенсационный материал: из бразильской Амазонии за границу тайно вывозится огромное количество золота и драгоценных камней... После этого власти обследовали небольшой район бассейна Амазонки, считавшийся необитаемым, и обнаружили там бо-

лее шести десятков тайных аэродромов. Все использовались для нелегального вывоза золота, драгоценных камней и редких металлов.

— А вокруг нашей территории? — поинтересовался Цезарь.

— Тоже не исключено,— кивнул Цвикк, глотнув пива и вытирая рот ладонью,— хотя точных сведений у меня нет. «Трибуна де импренса» полагает, что в бразильской сельве устроено несколько сот секретных аэродромов.

— Включая наши,— заметил Стив.

— Ну, разумеется,— благодушно согласился Цвикк, снова отхлебывая пиво.

— А как с золотом и драгоценными камнями на полигоне? — Стив пододвинулся с креслом поближе к столу.

— Должны быть...

— Прислать бы сюда Шарка и проверить его гениальность на золоте,— предложил Стив, обращаясь к Цезарю.

— Нет. Он будет заниматься кимберлитами океанов,— твердо заявил Цезарь.— Завтра поговорим с Пэнки — пусть по возвращении оформляет с ним контракт.

— Придется вызвать Шарка в Нью-Йорк? — Стив вопросительно взглянул на Цезаря.

— Пусть Пэнки отправится к нему в Лондон.

— Он не согласится.

— Надо сделать так, чтобы согласился. И ты должен помочь мне в этом. Ты ведь видел его кимберлиты.

— Видел, но...

— Придется без «но», Стив. Это надо!

«А у него все чаще появляются диктаторские нотки — у этого бывшего ученого-востоковеда и историка буддизма»,— отметил про себя Стив, снова отъезжая с креслом к окну.

За окном была та же синь неба и зеленый полог внизу, по которому плыла тень их самолета.

— Пройду к пилотам,— сказал Цезарь, поднимаясь.

Цвикк бросил взгляд на часы:

— Лететь еще около сорока минут, патрон.

Цезарь молча кивнул, вышел из салона.

— Неужели действительно развернули такое наступление на эти места? — обратился Стив к Цвикку.— Может, «Трибуна де импренса» преувеличивает? Сверху край кажется совершенно нетронутым. Мы пролетели больше тысячи километров — и ни одного выруба.

— Во-первых, тайные аэродромы легко замаскировать, — пожал массивными плечами Цвикк. — Что обычно и делается... И что, кстати, сделали мы на полигоне. Ведь пока сведения о нем, просочившиеся в печать, ничтожны и далеки от действительности... Да-а... Во-вторых, северная Амазония — вот эти места, — Цвикк указал в окно, — они действительно мало тронуты, зато в других вырубка сельвы идет открыто и в широчайших масштабах. Вот, например, есть такой «тихий» миллиардер Дэниел Кейт. Он ваш соотечественник, мистер Роулинг, но в Штатах о нем мало кто слышал. Так вот, он еще лет шесть или семь назад приобрел у бразильского правительства за три миллиона долларов солидный кусок амазонской сельвы в центре страны и стал вырубать лес, а освободившиеся участки продавать под разные плантации. За шесть лет им вырублено более шести миллионов гектаров сельвы, и к концу семидесятых годов он собирается вырубить еще десять миллионов. Ходят слухи, что за шесть лет его состояние удвоилось, и не исключено, что за последующие десять учетверится... Лес, который он вырубает, конечно, не пропадает даром. Он экспортирует древесину ценных пород, построил мебельные и бумажные фабрики, но... амазонские леса стремительно отступают перед его напором, а ведь они — это теперь известно каждому школьнику — легкие нашей планеты... Да-а... По последним данным ООН, на Земле ежедневно вырубается около тридцати тысяч гектаров тропических лесов. Вообразите эту цифру, мистер Роулинг! А сколько еще дэниелов кейтов мечтают урвать свои куски, например, отсюда. — Цвикк снова указал в окно трубкой, которую начал набивать.

— Вы разве не американец, Цвикк? — поинтересовался Стив.

— Нет, помилуй бог... Я бразильский подданный, а родился в Эквадоре.

— Но на службе у Фигуранкайнов вы, кажется, очень давно?

— Всю жизнь, — проворчал Цвикк, раскуривая трубку. — Начинал с его отцом, а Цезаря знаю с младенчества... Да-а...

Он умолк и, глубоко затянувшись, окутался облаком душистого дыма.

— Значит, по крови вы испанец?

— Мать была испанкой, отец наполовину поляк, наполовину индеец. Я сложный гибрид, мистер Роулинг.

В кабинет возвратился Цезарь. За ним следовал стюард с подносом, уставленным бутылками и бокалами. Стюард поставил поднос на стол, молча раздал бокалы с коктейлем и с поклоном удалился.

— Твой любимый,— сказал Цезарь Стиву.

Стив сделал глоток, прикрыл глаза, смакуя, и покачал головой:

— Нет. Слишком много гренадина и мяты. Надо разбавить...

Он принялся манипулировать с бутылками.

— Мистер Роулинг, не откажите в любезности налить мне чистого мартеля,— попросил Цвикк, ставя нетронутый бокал на стол.— Не обижайтесь, патрон, не люблю этой современной алхимии.

— Я тоже не любил,— заметил Цезарь,— но меня Стив приучил. Только ему никто не может угодить...

— Потому что составить настоящий коктейль — великое искусство, которого никогда не постигнут твои балийские дикари,— отпарировал Стив, передавая Цвикку коньяк.— Дай мне твой бокал, Цезарь, и ты поймешь разницу между истинным коктейлем и пойлом, которое намешал этот мрачный язычник...

Самолет слегка качнуло, и в динамике послышался голос капитана. Он попросил приготовиться к посадке.

Стив поспешно глянул в окно. Внизу по-прежнему расстилался до самого горизонта однообразный зеленый ковер сельвы.

Стив не был на бразильском полигоне больше года и не мог не признать, что теперь тут многое переменилось. Аэродром, на котором они приземлились, ангары и службы, а также близлежащий поселок с мастерскими и лабораториями — все было закрыто сверху полупрозрачной масксетью, растянутой на металлических опорах на высоте около тридцати метров над землей. Маскировочная сеть зеленых оттенков пропускала только рассеянный солнечный свет. Под ней царила относительная прохлада, как и в тени соседних деревьев, а будучи растянута на той же высоте, что и вершины их, она надежно укрывала аэродром и поселок от всевидящих глаз искусственных спутников и от возможного воздушного разведчика.

— В других местах сейчас то же самое,— сказал Цвикк, попыхивая трубкой.— Кстати, мы пролетали над некоторыми из наших объектов. Заметили вы что-нибудь?

— Нет,— признался Стив.

— А вообще-то мы стараемся по возможности сохранять крупные деревья, убираем только подлесок, кусты и, конечно, лианы. Ну а там, где требуется большое открытое пространство, сразу ставим такие прикрытия.— Он указал на масксети, заслоняющие взлетную полосу.

— Я даже не заметил, где мы нырнули под них,— сказал Стив.— Мне показалось, самолет садится прямо на вершины деревьев.

— Здесь посадка по приборам, как при отсутствии видимости.— Цвикк продолжал попыхивать трубкой.— Самолет ныряет в открывшиеся ворота, и они тотчас снова затягиваются сетью. Нежданные гости не сядут. Нет...

Вечером состоялось знакомство с Тиббом Линстером. К удивлению Стива, он оказался негром. Тибб был высокий худощавый человек с очень тонкими чертами подвижного лица и внимательным взглядом темно-коричневых глаз. У него был очень высокий лоб, черные, коротко подстриженные, курчавые волосы, тронутые на висках сединой, и длинные нервные пальцы, похожие на пальцы пианиста. Он прилетел один на небольшом вертолете, который вел сам. Вертолет опустился прямо на зеленую лужайку рядом с коттеджем, где разместились Цезарь, Стив и Цвикк. Над лужайкой защитная сеть отсутствовала, но свободного пространства было так мало, что Стив, наблюдая, как вертолет снижается вертикально, почти касаясь лопастями крон ближайших деревьев, подивился мастерству и отваге пилота.

Через минуту оказалось, что высокий чернолицый человек в белом полетном комбинезоне, легко выпрыгнувший из прозрачной кабины вертолета, это и есть сам Тибб. Он пожал руки Цезарю и Цвикку и вежливо поздоровался со Стивом.

Под огромными макарангами и лаурелиями, окружающими большой двухэтажный коттедж, уже сгущался сумрак. Лучи низкого вечернего солнца едва пробивались сквозь густые кроны, окрашивая в красноватые тона могучие стволы деревьев.

Возле вертолета появились двое сингалезцев из личной охраны Цезаря, а Стив, Цезарь и Тибб Линстер прошли в

коттедж. Цвикк уехал на аэродром встречать самолет Пэнки, который уже вылетел из Каракаса.

Ужинали втроем на веранде коттеджа, затянутой густой противомоскитной сеткой. Было очень душно, несмотря на то, что четыре больших вентилятора, установленные по углам веранды, бесшумно гнали к столу струи теплого влажного воздуха. За ужином разговор шел главным образом о международных делах: нарастающей волне терроризма, о войне в Индокитае, в которой завязли американцы, о поездке президента Никсона в Китай, о президентских выборах, которые должны вскоре состояться, о новых советских предложениях в ООН в защиту мира. Говорили Цезарь и Тибб: Стив ограничивался краткими репликами, внимательно наблюдая за Тиббом. Чернокожий конструктор все больше нравился ему и своей интеллигентностью, и каким-то особым умением ненавязчиво убедить собеседника в собственной правоте, не отвергая контраргументов. Его взгляды на действительность далеко выходили за пределы общепринятых норм и критериев. О войне в Индокитае он отозвался как о величайшем преступлении из всех совершенных американцами за последнюю сотню лет. Никсона назвал политическим гангстером, прорвавшимся в Белый дом, и утверждал, что его президентура останется позорнейшей страницей истории страны. События в Китае, по его словам, являли пример трагического тупика, в котором может оказаться великий народ по вине авантюристов и шизофреников.

Цезарь пытался с ним спорить, твердил, что вся история человечества — плод хронического безумия владык, цитировал буддийские тексты, приводил многочисленные примеры из древности и средневековья.

— То же самое происходит и сейчас,— говорил он, беря ломтик ананаса и погружая его в бокал с шампанским.— Безумный грызущийся мир, разделенный на сотни государств, больших и малых, с разными уровнями богатства и развития, с разными социальными и нравственными идеалами, с разными способами и средствами достижения этих идеалов. Мир электричества, атомной энергии и электроники, в котором почти треть населения неграмотна, четверть недоедает, а четыреста — пятьсот миллионов находятся на грани голодной смерти, когда еды могло бы хватить всем. Мир, в котором по каждому поводу и без повода хватаются за ножи и уничтожают себе

подобных. Мир, в котором чудовищные запасы самого разрушительного в истории оружия не применяются лишь потому, что ни у кого нет уверенности, что почти уничтоженный противник не ответит еще более сокрушительным ударом. Все это уже было, и не один раз, при ином уровне знаний, технологии и страха... В атомно-электронный век, когда наука и технология сотворили все то, что стало нашей гордостью, слабостью и кошмаром, уровень страха, способного обуздать амбиции безумцев, должен быть соответствующим. В одной из книг Будды...

— Простите, мистер Цезарь, — сказал Тибб, — но меня не убеждают ни исторические аналогии, ни речения мудрецов минувших эпох. Вы правы в том, что клубок противоречий нынешнего мира необыкновенно сложен, запутан и таит множество угроз, среди которых важнейшая — самоуничтожение цивилизации... Но именно это и отличает данную эпоху от всех предыдущих. Отличие тут отнюдь не просто количественное, а качественное. Новое качество создано именно современной наукой и ее производным — нынешней технологией. Наука — дитя разума. Вы видите панацею от всех бед человечества и в прошлом, и в настоящем в нагнетании страха. Я — в воспитании разума. Разум создал нынешнюю цивилизацию, и разум должен спасти ее. Как? Это уже другой вопрос...

— А все-таки, как? — не удержался Стив.

Тибб быстро взглянул на него и неожиданно улыбнулся.

— К сожалению, я не в силах дать сейчас исчерпывающего рецепта, хотя... — он задумался ненадолго, — кое-что, вероятно, мог бы предложить. Прежде всего — отказ от применения термоядерного оружия и обуздание угрозы всеобщей войны. Отказ от войны вообще, как средства решения споров. Тем более, что мир давно поделен и делить больше нечего. Постепенное разоружение высвободит фантастические ценности. Можно накормить голодных, дать чистую питьевую воду там, где люди умирают в электронный век от отсутствия чистой воды. Обучить неграмотных. Переориентировать биологов, биохимиков и химиков с поиска наиболее действенных смертоносных бактерий, ядов и отравляющих веществ на поиск радикальных средств борьбы с еще не покоренными болезнями — раком, сердечно-сосудистыми заболеваниями, холерой, проказой... Развернув совместное мирное наступление на океаны, глубокие недра Земли и ближний космос, создать мил-

лионы новых рабочих мест и ликвидировать безработицу. Наконец, без болтовни и митингования всерьез взяться за очистку биосферы от того мусора, хлама и грязи, которые люди сами нагромоздили за последние полвека. Это тоже необходимо сделать, иначе мусор и грязь уничтожат жизнь даже в условиях всеобщего мира. Можно было бы добавить и еще кое-что, но, вероятно, и сказанного достаточно, тем более что подобная программа отнюдь не нова. Москва, например, предлагает ее вам и всему так называемому западному миру не первый год...

— Ну, куда загнули, — разочарованно протянул Стив, — Москва!.. Кто им поверит! Пропагандистская болтовня!

— Да, так вы, многие, к сожалению, считаете, — кивнул Тибб. — Это ваша беда и, вероятно, вина тоже.

Стив неожиданно обозлился:

— Не понимаю... Если вы сами верите в то, о чем только что толковали, как вы могли взяться за конструирование УЛАКов? Вам, как конструктору, конечно, ясно, для чего они могут быть использованы. И разумеется, вы не можете не догадываться об истинных целях ОТРАГа... Эти цели...

— Прекрати, Стив, — прервал Цезарь. — Тиббу известно все, абсолютно все...

— Да, мне все известно, — заверил Тибб, глядя прямо в глаза Стиву. — Мы трое — союзники, преследующие одну цель, хотя... в ее теоретических обоснованиях мы... несколько расходимся. Мне известно также, что инициатором плана являетесь вы, мистер Стив, и я пользуюсь сейчас случаем выразить вам мое глубочайшее уважение и восхищение.

— Не преувеличивайте, — Стив махнул рукой, — моя роль минимальна. Слова и благие намерения... Деньги — вот главное! Его деньги. — Стив указал на Цезаря

— Терпеть не могу, когда начинаешь паясничать, — резко перебил Цезарь. — Хочешь, чтобы напомнил, что деньги я получил благодаря тебе, заодно с жизнью моей и Райи? Что ж, еще раз благодарю тебя за это в присутствии Тибба. Это во-первых... Во-вторых, не считал и не считаю эти деньги своими. Мне, да и вам обоим тоже, хорошо известно, откуда они появились.

— Откуда бы ни появились, решаешь теперь ты — не я и не он. — Стив кивнул на Тибба.

Тибб счел необходимым вмешаться.

— Знаете, мистер Стив,— сказал он, поднимая бокал с шампанским,— когда наш уважаемый патрон, как любит выражаться мистер Цвикк, рассказал мне о вашем плане, я мысленно представил себе реализацию как исполнение небывалой симфонии огромным оркестром. Вы — дирижер оркестра, да-да, именно дирижер; мы с ним,— Тибб указал бокалом на Цезаря,— солисты. Он — первая скрипка, я — самый большой барабан. Только мы с ним знаем партитуру и играем свои партии по нотам. Все остальные импровизируют, подчиняясь вашей дирижерской палочке, но не имея представления ни о замысле композитора, ни о содержании частей, ни о финале. Вы дирижируете, он ведет свою партию, я время от времени должен бить в барабан. Завтра ударю впервые... Слушателями этой симфонии вскоре станет весь мир. Выпьем же за то, чтобы наша симфония прозвучала гимном радости, а не похоронным маршем.

Они сдвинули бокалы.

— Кстати,— заметил Стив, сделав глоток шампанского и внимательно глядя на Тибба,— не рассеете ли мои сомнения, уважаемый солист на барабане?

— Буду счастлив,— поклонился Тибб.

— Вы ведь уже начали... сольную партию?

— Нет.

— Разве вы не ударяли в ваш большой барабан три дня назад, точнее — ночью с пятнадцатого на шестнадцатое?

— Нет,— возразил явно удивленный Тибб.— А позвольте спросить, почему у вас возникла такая мысль?

— Ерунда,— махнул рукой Цезарь,— Стив начитался газетных репортажей о «летающих тарелках» и вообразил, что видел нечто такое, когда летел в Рио.

— Вот как? — заметил Тибб очень серьезно.— Это интересно!.. И что же вы видели?

— Вероятно, шаровую молнию,— усмехнулся Стив, отхлебывая шампанское.— Во всяком случае, так утверждает Цезарь, и я вынужден принять эту версию, если ваша сольная партия еще не начата...

— Нет, не начата,— повторил Тибб.— Завтра первый вылет за пределы зоны... Ваше здоровье, мистер Стив.

— Твое тоже, солист на барабане... И называй меня просто Стивом, Тибб.

— А меня — Цезарем,— добавил Фигуранкайн,— кстати, уже не один раз просил тебя об этом.

— Спасибо... Только не завтра во время испытаний, — улыбнулся главный конструктор, поднося бокал к губам. — Хватит мистеру Пэнки и того, что я окажусь черномазым.

С Пэнки Стив встретился на следующее утро за завтраком. Стив не без злорадства отметил про себя, что старый джентльмен заметно одряхлел, хотя и старался держаться бодро. Стива он приветствовал молчаливым поклоном, руки не протянул. Когда он переходил из кресла под вентилятором к столу, Стив увидел, что он опирается на палку с массивным набалдашником из слоновой кости. Усевшись за столом, Пэнки демонстративно отвернулся от Стива и принялся вполголоса беседовать с Цвикком.

Цезарь спустился к завтраку последним. Он был мрачен и хмуро кивнул издали собравшимся. По репликам Пэнки Стив понял, что Цезарь уже разговаривал с президентом-исполнителем главного банка «империи» вчера поздно вечером и что встреча отнюдь не была визитом вежливости.

— Что слышно у Линстера? — спросил Цезарь Цвикка, когда завтрак подходил к концу.

— Корабль перелетит на Центральный космодром к полудню. В четырнадцать ноль-ноль — после наземного осмотра — можно начать испытания. Если, конечно, не случится ничего непредвиденного. Вот так!..

— Ничего непредвиденного не может случиться, — холодно возразил Пэнки, вытирая губы батистовой салфеткой. — Удовольствие слишком дорогое, милостивые государи. — Он сверкнул очками в сторону Стива.

— Мы знали, на что идем, — возразил Цезарь.

— Нет, не знали. Я, например, не знал, и совет директоров — тоже. Тринадцать миллиардов, извините, неизвестно на что...

— Мы вчера говорили об этом, — сказал Цезарь. — Не стоит возвращаться.

— Возвратиться придется неукоснительно, потому что... — Пэнки пожевал бескровными тонкими губами и вдруг умолк. Извлек из кармана коробочку с каким-то лекарством, вытряхнул на ладонь зеленую таблетку, отправил в рот и прикрыл глаза.

«Что надо этому призраку, — думал Стив, — одной ногой он уже там... А еще пытается ломать ход истории. Какой абсурд!»

— Как нас доставят на Центральный космодром? — Цезарь обращался к Цвикку, но глядел на Пэнки, который продолжал сидеть с закрытыми глазами, медленно разжевывая таблетку.

— Вертолетом — с площадки отсюда. Лететь около часа.

— Не хочу,— пробормотал Пэнки, не открывая глаз.— Не хочу рисковать сломать тут шею и трястись целый час в кабине вертолета. Извольте отправить самолетом. Можно взять мой.

— Хорошо,— решил Цезарь.— Летим все вашим самолетом. Вылет в одиннадцать. Мы с ним,— Цезарь кивнул на Стива,— прибудем на аэродром вертолетом. А вы как?

— Поеду машиной с ним.— Пэнки ткнул палкой в сторону Цвикка и кряхтя поднялся из-за стола.

К полудню все собрались на Центральном космодроме. Бетонные поля в форме большой восьмилучевой звезды были еще пустынны. Масксети, сдвинутые к краям обширного вырубa, почти не различались на фоне крон огромных деревьев, стеной окружающих космодром. Солнце висело в зените и жгло немилосердно. Лучи его, попадая на открытую кожу лица и рук, причиняли боль. Стив ушел в тень ближайших лаурелий и с облегчением сдернул с головы тропический шлем. Под деревьями тоже было душно, но, по крайней мере, прямые солнечные лучи сюда не проникали.

Для Цезаря и Пэнки принесли плетеные кресла. Их поставили в густой тени, поодаль от Стива. Пэнки устроился в кресле, Цезарь остался стоять. Судя по доносившимся репликам, они продолжали препираться, причем Пэнки нападал, а Цезарь лениво парировал, помахивая тропическим шлемом, как веером.

Откуда-то вынырнул Тео с шезлонгами. Он расставил их рядком в тени одной из лаурелий, один предложил Стиву, в соседнем расположился сам.

— Главный босс вызывал меня ночью,— сообщил Тео, бросив быстрый взгляд по сторонам и убедившись, что вблизи никого нет.

— Это зачем же?

— Велел не спускать с тебя глаз.

— Вот как? Говорил что-нибудь?

— Сказал — дурное предчувствие...

— А еще что?

— Ничего. Глаза были тревожные.

— У меня тоже дурные предчувствия,— заметил Стив,— но, вероятно, по другому поводу. Было бы хорошо, Тео, если бы ты мог присмотреть и за этим.— Стив незаметно указал на Пэнки.

— Знаю,— кивнул Тео,— Может быть, дурной человек?.. Похож на зомби.

— Зомби?

— Да. Зомби — мертвецы, которые приходят с того света вредить живым людям.

— Неплохо придумал,— похвалил Стив.

— Не я. Африканцы. Они их боятся.

Подъехал «виллис», из него кряхтя выбрался мистер Цвикк. Подобно всем присутствующим, он был в белом костюме и тропическом шлеме. Спина его куртки уже потемнела от пота, а широкое розовое лицо лоснилось и блестело, усеянное капельками влаги.

— Вылетели,— объявил он, вытирая лицо и шею клетчатым носовым платком.— Ну и жарища! — Он тяжело вздохнул.— Через несколько минут будут здесь.

— Сколько отсюда до зоны? — спросил Пэнки.

— Километров двести...

— Так когда они вылетели?

— Только что,— Цвикк посмотрел на часы: — Минут пять назад.

— Вы хотите сказать...— начал Пэнки и не кончил.

Из-за дальней стены леса у южной окраины космодрома в воздухе появилось нечто темное... Прежде чем Стив смог разглядеть его на фоне яркой синевы неба, темный предмет, стремительно вырастая в размерах, оказался над центром космодрома и вдруг, резко замедлив лёт, опал вертикально вниз. На мгновение между ним и бетонной поверхностью возникло облачко пыли, в стороны рванулись песчаные вихри. Стиву показалось, что окутанный дрожащей дымкой диск парит над землей, но почти тотчас из него выдвинулись блестящие металлические опоры, которые с шелестом коснулись бетона. Этот шелест был единственным звуком, нарушившим сонную тишину полудня. Все предшествующее совершилось беззвучно.

— Фантастика! — пробормотал Стив, поднимаясь из шезлонга.

Лицо его ощутило волну горячего ветра, рожденную стремительным торможением и остановкой прилетевшего чуда. Стив зажмурился, но тотчас снова открыл глаза.

Центр космодрома там, где сбегались широкие лучи бетонных полос и где еще минуту назад ничего не было, занимал теперь дисковидный аппарат, который вполне мог прилететь со страниц научно-фантастического романа, но который в то же время был знаком Стиву... Тускло мерцающее в ярких лучах экваториального солнца серовато-синее дисковидное тело с двумя рядами светлых прямоугольников вдоль массивного корпуса, которое покоилось сейчас на ажурных ногах-опорах в центре бразильского космодрома, было поражающе похоже на загадочный объект, с которым три дня назад чуть не столкнулся над Атлантикой лайнер панамериканских воздушных линий, совершавший рейс из Лондона в Рио.

Центр космодрома был удален не менее чем на триста метров от места, где они сейчас находились; Стив глянул на «виллис», отогнанный под деревья, но дисковидный корабль уже катился на своих ногах-опорах вдоль бетонной полосы прямо к ним. Он остановился в полусотне метров, и теперь можно было хорошо рассмотреть его. На массивном, плавно закругляющемся, синевато-голубом, без единого выступа корпусе не было заметно ни отверстий, ни швов. Ряды светлых прямоугольников, отчетливо различимые издали, вблизи словно пригасли и почти не просматривались. Во всяком случае, это были не окна, как решил первоначально Стив. Шесть размещенных по кругу ажурных ног-опор, высотой не менее пяти метров, заканчивались внизу уплощенными «лапами», обутыми в миниатюрные металлические гусеницы. Ноги, казалось, вырастали прямо из синеватого брюха корабля. Гладкий дисковидный корпус имел в диаметре около тридцати метров, а максимальная толщина его в средней части не превышала шести и плавно уменьшалась к краям.

Стив посмотрел на Цезаря и Пэнки. Они молча сидели в своих креслах. Цезарь выглядел невозмутимым, у Пэнки отвалилась нижняя челюсть, и он не отрывал широко раскрытых глаз от корабля.

Снова послышался негромкий шелест. Между ногами-опорами спустился легкий светлый трап, по которому быстро сбежал на бетон чернолицый Тибб Линстер. Он был в том же белом полетном комбинезоне, что и вчера. Шлем с защитными дымчатыми очками он держал в руках.

Подойдя к креслам, в которых сидели Цезарь и Алоиз Пэнки, Тибб коротко поклонился и сказал:

— УЛАК — модель два перед вами. Если желаете, можно осмотреть ее внутри.

— Вы капитан? — спросил мистер Пэнки, с недоумением глядя на него.

— В данном случае — да, — кивнул Тибб.

— Что значит «в данном случае»? — раздраженно прокаркал Пэнки, с трудом поднимаясь на ноги.

— Это инженер Тибб Линстер — главный конструктор проекта «Шива», — сказал Цезарь, тоже вставая, — помните, он выступал на совете.

— Ах вот, значит, что, — пробормотал Пэнки, не отрывая испытующего взгляда от лица Тибба. — Приветствую вас... мистер Линстер. Вы что же, и сегодня изволите быть в маске?

— Нет. Просто я чернокожий, — ответил Тибб и слегка усмехнулся.

— Так-так, — покачал головой Пэнки, продолжая разглядывать Тибба как нечто совершенно диковинное. — Впрочем, это не имеет особого значения, — продолжал он после довольно долгой паузы. — Значит, ваше колесо на ножках обошлось фирме в тринадцать миллиардов?

— Нет, — спокойно возразил Тибб. — Данная модель стоит всего около четырех.

— Всего около четырех, — повторил мистер Пэнки и оглянулся на Цезаря: — Недорого, правда?

— Вероятно, не очень дорого, — согласился Цезарь, — особенно если учитывать ее возможности...

— Ну, о возможностях мы побеседуем немного позже, — скривился Пэнки. — Какая у нее команда?

— Сегодня три человека. Кроме меня, еще два инженера, — ответил Тибб. — Они на борту у приборов.

— А поднять она скольких может?

— Это зависит от назначения рейса. В атмосферном полете — до двадцати человек. В космосе, конечно, меньше.

— Она может летать и в космосе?

— Эта еще нет. Второй аппарат — УЛАК — модель пять — может.

— Что означает ваша нумерация?

— Моделей было несколько. Пока отобраны и построены две.

— А где вторая? Ваш пятый номер?

— В зоне. Приведу его позднее, после того как закончатся испытания этого.

— Разве вы один на них летаете? — нахмурился Пэнки.

— Пока да. Ведь это испытания. А я — главный конструктор, следовательно, отвечаю за все.

— А если вы, мистер Линстер, извините, отправитесь во время испытания к вашим... предкам, что будет тогда?

— Для меня, по-видимому, уже все, — спокойно ответил Тибб.

— Острить изволите? — вспылил Пэнки. — Что это значит? Где это видано, чтобы конструктор лично участвовал во всех испытаниях?

— Между прочим, это было его условие, и оно оговорено в статуте проекта, — тихо сказал Цезарь. — Вы просто забыли, Пэнки.

— Дурацкое условие, если так! Очень жалею, что не заметил...

— Не волнуйтесь, мистер Пэнки, — очень вежливо обратился к нему Тибб Линстер. — Ничего пока не случилось. И вероятность катастрофы при испытаниях ничтожно мала, хотя, конечно, полностью исключить ее нельзя. Но аварии случаются и с самыми совершенными самолетами. Вам это должно быть хорошо известно... Предлагаю осмотреть аппарат внутри.

— Здесь, на посадочной площадке? — уточнил Пэнки.

— Да, пока на стоянке.

— Я думаю, достаточно будет, если внутрь поднимемся мы с вами, Цезарь, — заметил Пэнки. — Остальным это ни к чему. Летать им все равно не придется.

— Согласен, — кивнул Цезарь.

Втроем они направились к кораблю. Тибб Линстер впереди, за ним Цезарь, последним — Пэнки, тяжело опирающийся на свою трость. В том же порядке они поднялись по трапу и исчезли в чреве корабля.

Цвикк, за все время не проронивший ни слова, присел в свободное кресло и принялся раскуривать трубку. Стив подошел к нему поближе.

— Проклятая жаровня! — пробормотал Цвикк, вытирая платком мокрое лицо.

— Тибб Линстер, конечно, уже опробовал эту сковородку в полете, и, вероятно, не один раз, — предположил Стив, внимательно глядя на Цвикка.

Тот покачал головой:

— Едва ли... То есть в зоне, может, и поднимал ее в воздух, — Цвикк принялся вытирать платком шею, — а за пределы зоны вышел впервые... Тут ведь кругом радары. Насколько мне известно, они ничего не фиксировали.

— При таких скоростях могли и не засечь.

— Это-то верно, — пробормотал Цвикк, затягиваясь. — А вы спросите у него.

— Не скажет...

— Может и не сказать.

— Интересно, какие же возможности у этой летающей посудины? — задумчиво произнес Стив, словно разговаривая сам с собой.

— Возможности? — переспросил Цвикк, попыхивая трубкой. — А-а... Ну, скорость и маневренность мы видели... Вместимость тоже приличная... Остальное — посмотрим.

— А какой механизм движения?

— Понятия не имею, — пожал массивными плечами Цвикк.

— А вооружение?

Цвикк извлек трубку изо рта и испытующе поглядел на Стива.

— Никакого, скорее всего. Да оно тут ни к чему...

— Едва ли это устроит мистера Пэнки... — заметил Стив.

Цвикк предпочел промолчать; сунув трубку в рот, снова принялся вытирать платком лоб и шею.

Цезарь, Пэнки и Тибб пробыли внутри корабля около часа. Когда они вышли обратно, Пэнки выглядел еще более мрачным. Прихрамывая, он доковылял до ближайшего кресла, опустился в него и занялся своими таблетками. Цезарь и Тибб задержались возле трапа. Некоторое время они о чем-то тихо беседовали, потом Тибб возвратился в корабль, а Цезарь подошел к Стиву.

— Сейчас Тибб покажет, что может «колесо Шивы», — сказал Цезарь и усмехнулся.

— Едва ли мы много увидим отсюда, — скептически скривился Стив. — Тебя самого не увлекает возможность полетать с ними?

— Нет.

— А если я?

— Не надо.

Стив пожал плечами и отвернулся к кораблю. Трап уже был поднят. Мгновение спустя дисковидное тело легко и бесшумно тронулось с места и покатилось на своих ногах-опорах вдоль бетонной полосы к центру космодрома. Еще не достигнув его, корабль вдруг повис в воздухе — ноги куда-то исчезли,— окутался туманной дымкой и стремительно взмыл вверх. Через несколько секунд он исчез в синеве неба.

— Ну и скорости,— не удержался от реплики Стив.— Воображаю, какие перегрузки приходится испытывать экипажу!

— А никаких.— Цезарь продолжал глядеть вверх.— Там есть такое устройство и особый экран... Вот они уже возвращаются...

Размытая тень скользнула на фоне неба над космодромом и снова исчезла.

— Как можно управлять при таких скоростях? — недоумевал Стив.

— Все автоматизировано.

— Тем не менее, ему ничего не стоило врезаться сейчас в бетон. И почему при таких скоростях отсутствует шум, свист, не слышно работы двигателей?

— Такие двигатели.

— А какие они?

Цезарь не ответил. Тень промелькнула над посадочными полосами снова и почти тотчас в обратном направлении.

— Фантастика! — пробормотал Стив.— Как ему удается при такой скорости менять направление?

Диск появился снова. Теперь он падал вертикально и завис неподвижно в сотне метров над землей.

— Ну, что скажете? — обратился Цезарь к мистеру Пэнки.

Тот пожевал бледными тонкими губами и кивнул, прикрыв глаза:

— Почти то, что надо.

— Почему «почти»?

— Вооружение. Нужно соответствующее вооружение. Пока это пугало для воробьев, не больше. Пусть проектирует...

— Но вы слышали, что он говорил о защитном магнитном экране? Благодаря экрану, УЛАК неуязвим для любого нынешнего оружия, включая ракеты. Но экран не позволяет пользоваться и средствами нападения, если их установить на корабле. А если убрать экран, УЛАК может быть сбит даже истребителем.

— Пусть что-нибудь придумает. Голова у этого негра — дай боже!

— Потребуются дополнительные средства, и немалые... Кроме того, проблема «горючего» для реактора. Пока количество «горючего» у нас ограничено и не позволяет приступить к серийному производству подобных кораблей.

— Деньги на продолжение работ будут.— Пэнки сплел сухие тонкие пальцы и оперся о них острым подбородком.— Это беру на себя. С «горючим» хуже... Неужели природный алмаз ничем нельзя заменить? Пусть думает, экспериментирует. Пусть, наконец, попробует использовать искусственные. Можно построить специальный завод...

— Ну вы же слышали! — прервал Цезарь.

— Он много о себе воображает, этот чернокожий,— вспылил Пэнки.— Где мы возьмем такое количество алмазов? Уже и так наши оптовые закупки взвинтили цены на мировом рынке... Насколько я понял, эти алмазы утрачиваются безвозвратно?

— Да, превращаются в нечто иное, отдавая необходимую УЛАКу энергию.

— Это все сильно осложняет дело...

— Тибб Линстер и его помощники продолжат в лабораториях зоны поиск иных видов «горючего» для реакторов. Но пока природные алмазы ничто не может заменить. Поэтому приходится ставить на Шарка.

— Опять громадные капиталовложения без отдачи в обозримом будущем.

— Тут совсем другое дело,— воскликнул Цезарь.— В перспективе — алмазоносные рудники на дне океанов! Наш друг Роулинг по моей просьбе был недавно у Шарка и видел образцы его кимберлитов.

— Ну и что? — резко спросил Пэнки, подняв глаза на Стива.

— Алмазов в них — как дырок в швейцарском сыре,— заверил Стив.

— В чем тогда дело? Пусть закладывает рудник. На это мы деньги найдем.

— Его образцы имеют только минералогическое значение,— объяснил Стив.— Месторождение надо еще найти. Для этого потребуются длительные и весьма дорогие работы по исследованию океанического дна.

— В этом суть,— мрачно заключил Пэнки.

Послышался шелест. Все обернулись. Громадный синевато-голубой диск уже стоял на прежнем месте, в ста метрах от них, и Тибб Линстер спускался по трапу,

— Прямо «Летучий голландец»,— восхищенно сказал Цезарь.

— Может, так и назовем его? — предложил Стив.

— Ты слышал, Тибб? — крикнул Цезарь приближающемуся Линстеру.— Мы решили окрестить УЛАК-два «Летучим голландцем».

— Неплохо,— согласился Тибб.— Отныне я капитан «Летучего голландца». Как он с земли, когда летает?

— Хорош,— сказал Стив.— А изнутри?

— Еще лучше...

— Мистер Линстер,— торжественно начал Пэнки,— будем считать, что первые испытания УЛАКа-два прошли успешно. Поздравляю вас.

Тибб молча поклонился.

— Но теперь,— продолжал Пэнки,— перед вами стоят две важнейшие задачи: вооружить его и... удешевить, да-да, именно удешевить эксплуатацию. Сжигать алмазы — чудовищно...

— Извините, мистер Пэнки, алмазы никто не сжигает,— возможно вежливее начал Тибб Линстер,— принцип получения энергии совершенно иной...

— Неважно,— махнул рукой Пэнки.— Алмазы в ваших реакторах перестают быть алмазами, то есть уничтожаются. Попробуйте что-нибудь другое...

— Уже пробовали...

— Продолжайте эксперименты. Просите все, что вам надо. Даже природные алмазы, но... в количествах... не противоречащих здравому смыслу. И конечно, оружие! Самое совершенное. УЛАК — не просто призрак угрозы, он должен стать реально грозным. Если возникнет необходимость предъявить ультиматум, УЛАК должен быть способен привести угрозу в исполнение. Вы поняли меня?

— По-видимому, да, мистер Пэнки,— медленно произнес Тибб,— хотя, извините, не вижу, кому бы фирма Фигуранкайнов могла предъявить ультиматум... Извините...

— Неважно,— начал Пэнки и вдруг, прикрыв глаза, стал растирать ладонью свою впалую грудь.

— Вам нехорошо? — обеспокоенно спросил Цвикк, наклоняясь к нему.— Может быть, врача? Он тут, рядом, в бункере управления. Две минуты...

— Не надо,— прошептал Пэнки,— сейчас пройдет. Это жара. Мне следует быстрее вернуться в помещение с кондиционером.

Он снова извлек из кармана пузырек с зелеными таблетками и сунул одну в рот.

— Будем приступать к испытаниям другого аппарата? — спросил Тибб у Цезаря.

Цезарь взглянул на Пэнки. Тот покачал головой:

— Я думаю, все ясно. Насколько я осведомлен, второй аппарат — уменьшенная копия этого...

— Да,— подтвердил Тибб,— его размеры значительно меньше — поперечник, например, всего шесть метров. Но реактор и двигательная система такие же, как у этой модели. Поэтому скорость и маневренность у него еще выше, и он способен выходить в ближний космос.

— Что вы называете ближним космосом? — тихо спросил Пэнки, не открывая глаз и продолжая держаться за грудь.

— УЛАК-пять может выполнять функции спутника, менять орбиты, даже совершать и более дальние полеты.

— До Луны долетит?

— Это вопрос «горючего». Пока мы не располагаем таким запасом.

— Луна нам пока и не нужна,— вздохнул Пэнки.— А спутниковые полеты — это хорошо, очень хорошо... Надо сделать так, чтобы он был способен уничтожать другие спутники. Вы поняли меня, Линстер?

— Да.

— Ну и прекрасно. Тогда отменим вторые испытания. Вы не возражаете, Цезарь?

— Не возражаю.

— И еще одно, мистер Линстер,— Пэнки уставился на Тибба неподвижным взглядом своих бесцветных глаз.— Мне, то есть нам с Фигуранкайном, не нравится, что вы присвоили себе единоличное право пилота. Мы понимаем — испытания новых моделей. Но дальше, не забывайте, ваше место в лаборатории, в ангарах, где будут собирать другие корабли, в крайнем случае — вблизи испытательного стенда. Подготовьте в кратчайшие сроки надежных пилотов. Хотя бы по два на каждый корабль из ваших инженеров, кому вы особо доверяете... Вы поняли? Секрет этих кораблей мы обязаны сохранить как можно дольше. На многие годы. И никакой, вы поняли, ни малейшей утечки информации... Пусть возникнет и утвердится легенда...

Общественное мнение уже готово ее принять. Эта дурацкая болтовня о «летающих тарелках» нам поможет. Через некоторое время мы начнем понемногу показывать наши корабли. Пусть кое-кто в мире призадумается. А потом... потом посмотрим... Вы поняли?

— Да.

— Превосходно. Даем вам три месяца на подготовку пилотов. Возможно даже, что несколько кандидатов подошлю я. Через него.— Пэнки указал на Цвикка.

— Я понял,— поклонился Тибб.

— Ну и хорошо. И последнее: в ваших дальнейших экспериментальных работах принцип двигательной системы кораблей вы думаете пока сохранить или будете искать еще что-то новое?

— Принцип и так совершенно новый,— с оттенком удивления ответил Тибб.— Насколько я знаю, он еще не применялся на Земле. Я, конечно, сохраню его, хотя в деталях многое, вероятно, придется менять.

— Я имел в виду главным образом ваше «горючее»,— нахмурился Пэнки.

— Если даже мы когда-нибудь сможем заменить его чем-то другим, самого принципа это не изменит,— решительно заявил Тибб.

— А все-таки, в чем заключается сам принцип? — вмешался Стив.— Я, например, все видел и ничего не понял. Маневры «Летучего голландца» для меня абсолютная бессмыслица.

— Ну, мы уже говорили об этом.— Пэнки постучал тростью о бетон и приготовился встать.

— Принцип предельно прост,— улыбнулся Тибб, не обращая внимания на откровенное недовольство Пэнки.— Это принцип, положенный в основу действия любого компаса. Китайцы знали его еще две тысячи лет назад. А вот теория, ее математическое обоснование и возможные пути практического использования для кораблей подобного типа довольно сложны. Пожалуй, даже очень сложны... Откровенно говоря, при решении этой задачи мне помог счастливый случай. Было это в Пасадене, где я работал в лаборатории... Впрочем, все это сейчас неважно. Если коротко, суть дела в следующем. Земля обладает магнитным полем. Именно это поле и заставляет магнитную стрелку компаса поворачиваться в определенном направлении. Можно создать искусственное магнитное поле,

которое, взаимодействуя с магнитным полем Земли, способно не только поворачивать предмет — в данном случае этот корабль, — Тибб указал на «Летучего голландца», — но и перемещать его в пространстве в любых направлениях с довольно большой скоростью. Что вы и видели. Остальное — детали, техника... Сердце кораблей этого типа — особый атомный реактор, но не урановый, а на алмазных стержнях. Углерод алмазов в этих стержнях постепенно превращается в иной элемент — в природе его не существует, — при этом вырабатывается энергия, необходимая для создания того искусственного магнитного поля, о котором я упоминал. По периферии диска расположены особые, очень сильные магниты, они и...

— Мистер Линстер, — резко перебил Пэнки, поднимаясь, — технические подробности никого из нас не интересуют. Я уже говорил вам об этом в корабле. Все! Испытания закончены. Вы свободны. Возвращайтесь к себе в зону. Прощайте! А вы, мистер... Роулинг, признаюсь, меня все больше удивляете, — продолжал Пэнки, устремив свой неподвижный взгляд на Стива, — откуда у вас такой интерес к технике? Если не ошибаюсь, образование у вас гуманитарное...

Не дожидаясь ответа Стива, Пэнки повернулся и прихрамывая направился к своей машине.

Стив вопросительно взглянул на Цезаря. Тот пожал плечами и сел в машину вслед за Пэнки. Стиву не оставалось ничего иного, как забраться в «виллис» Цвикка. Когда «виллис» тронулся с места, Стив оглянулся. Космодром был пуст, Тибб Линстер уже улетел.

Вечером того же дня, после отъезда с полигона мистера Алоиза Пэнки, у Стива состоялся с Цезарем долгий и малоприятный для обоих разговор:

— Почему ты начал заискивать перед этим коброглазым вампиром? — прямо спросил Стив, едва Цезарь возвратился с аэродрома, где провожал Пэнки.

— Вовсе нет... С чего ты взял?..

— Сегодня ты уговаривал и упрашивал его, вместо того чтобы приказывать. А он всем распоряжался.

— Приходится пока с ним считаться, Стив. У него связи, которыми никто из нас не располагает. Не забывай, что значительную часть средств на реализацию проекта «Шива» организовал он. Это его деньги.

— Ну, положим, не его... бывших немецких фашистов.

— Он имеет к ним доступ, а мы с тобой — нет. Моих денег... то есть денег отца,— поправился Цезарь,— просто не хватило бы...

— Когда возникли финансовые затруднения? Кажется, капиталы «империи» Фигуранкайнов...

— Они вложены во множество предприятий,— с раздражением перебил Цезарь,— мы не раз говорили с тобой об этом. Свободных средств мало. Мы могли использовать прибыль, дивиденды. Этого недостаточно.

— Продать часть акций?

— Могла возникнуть паника на бирже. Пэнки возражал.

— Опять Пэнки!..

— Повторяю, приходится с ним считаться. Он финансовый мозг всей «империи».

— Среди твоих служащих немало способных людей, Цезарь. И в конце концов, ты же видишь, как он выглядит. Он долго не протянет.

— Тем более, надо его использовать, пока возможно. За ним опыт и связи. Повторяю, пока он полезен для дела. Для нашего дела...

Стив с сомнением покачал головой:

— Боюсь, ты заблуждаешься. Он хочет все удержать в руках. Он, может быть, смирился с тем, что ты «царствуешь», но рули управления остаются у него, и он их держит цепко... Даже капитанов на «летающих сковородках» Линстера хочет иметь своих. Ты же слышал, что он собирается «подослать» кандидатов.

— До этого не дойдет. Тибб не допустит.

— Как сказать!

— Зона — особое «государство», даже внутри «империи». Ты это прекрасно знаешь, Стив.

— Знаю, но распоряжается он, вы с Тиббом только поддакиваете.

— А что ты мог бы предложить?

— Не уходить на второй план. Ты глава «империи» Фигуранкайнов, ты и должен командовать. А он — выполнять. В крайнем случае, он может посоветовать тебе что-то... Но решать должен ты. Только ты. Думаю, твой отец поступал именно так. И наверняка Пэнки считался с ним больше, чем с тобой. Твой отец не поехал бы провожать его на аэродром.

— Ну, уж это, извини, мелочь, Стив... Кроме того, нам надо было еще кое о чем с ним поговорить.

— Могли поговорить тут.

— Не успели. Он торопился...

— Он торопился, — насмешливо повторил Стив. — Опять он. Все он... Он не мог, он не хотел, он торопился... А ты что?

— Не преувеличивай. Ему действительно следовало уехать отсюда как можно быстрее. Ты видел, каково ему было днем на космодроме.

— Мог вообще не приезжать сюда.

— Ну вот он такой... Хотел сам убедиться, на что потрачены деньги... Для нас даже лучше, что он приехал. Теперь он сам расскажет и на совете директоров, и где-то, где это необходимо, по поводу реализации проекта «Шива». Мне пришлось бы труднее... Он скажет ровно столько, сколько нужно, и ни у кого не возникнет сомнений.

— Я вижу, тебя не переубедить. Пусть так... Что решили с Шарком?

— Это одна из причин, почему я поехал провожать его. Договорились, что он вызовет Шарка в Нью-Йорк и после согласования деталей Шарк представит свой проект на заседании совета.

— Ты будешь на этом заседании?

— Да.

— А мне быть?

Цезарь помедлил с ответом:

— Подумаем... Может быть, и не стоит...

Стив решил, что пришла пора поставить точки над i:

— Может быть, нам следует поговорить начистоту, Цезарь? Последнее время кое-что мне перестает нравиться... И ты, конечно, понимаешь, что именно.

— Догадываюсь, старина. Но дело обстоит совсем не так, как ты, по-видимому, вообразил. В начатой нами игре у меня нет никого ближе тебя. Именно поэтому, а еще потому, что мы с тобой не только единомышленники, но и друзья, я вынужден заботиться о твоей безопасности не меньше, чем о своей и Райи...

— О моей безопасности?

— Именно, Стив. Обстоятельства складываются так, что тебя необходимо вывести из-под возможного удара. Поэтому, во-первых, при тебе теперь безотлучно будет находиться

Тео, а во-вторых, тебе лучше будет на некоторое время уйти в тень... Исчезнуть временно с горизонтов ОТРАГа, Пэнки и еще кое-кого.

— Объясни, что произошло.

— Я собирался это сделать сегодня, даже если бы ты сам не заговорил. Видишь ли, кое у кого зародилось подозрение, что ты не тот, за кого себя выдаешь, вернее — за кого мы с тобой решили тебя выдавать.

— А кто я тогда?

— Версии мне уже преподносились разные, вплоть до того, что ты советский агент.

— Ого!

— Не удивляйся, ты сам дал повод. Твоя дама, с которой ты встретился в Тунисе и провел целую неделю в Сиди-Бу-Саид, откуда приезжала?

— Черт побери, разве я не сказал тебе об этом, когда попросил несколько свободных дней?

— Так разве дело во мне! За тобой последовали не только мои люди, чтобы охранять тебя и твою даму, но и еще кое-кто...

— Твоих людей я в глаза не видел, если только... — Стив вспомнил о свертке, полученном в аэропорту «Картаж», и замолчал.

— Если только что? — спросил Цезарь, внимательно глядя на него.

— Нет, ничего. Ерунда! Просто не видел никого.

— Превосходно. Ты и не должен был их видеть. Но они все время были близко от тебя. И вот они выследили твой второй «хвост» и даже... уполовинили его, что, по-видимому, явилось ошибкой.

— Штучки Пэнки?

— Инициатором был Крукс, но он согласовал все с Пэнки. И Пэнки дал своих людей...

— Что понадобилось этому прохиндею-святоше?

— Крукс давно подозревает, что ты не тот, за кого себя выдаешь... Он несколько раз пытался убеждать меня. Раньше мне удавалось нейтрализовать его доводы... Или он делал вид, что верит мне. Месяц назад, когда я последний раз был в Нью-Йорке, он снова вернулся к этой теме. Сначала взял с меня торжественную клятву на Библии, что разговор

останется между нами. Я поклялся ему на этой кожаной книжке тем охотнее, что, как ты знаешь, не верю ни в бога, ни в черта. А если бы во что-то и верил, то выбрал бы Будду. Но дело не в этом... Он рассказал мне, что некоторое время назад нанял частного детектива и тот сумел установить, что ты в действительности не Хорхе де Эспиноза, воспользовавшийся документами погибшего Стива Роулинга, а самый что ни на есть настоящий Стив Роулинг. Он собрал кучу доказательств, включая отчет сингапурской полиции с персоналиями жертв ночной резни в буддийском храме... Словом, много доводов, что ты Стив Роулинг. Смешно, не правда ли? Я, конечно, поднял все эти доводы на смех, еще раз заверил Крукса, что сам видел убитого в ту ночь журналиста Стива Роулинга, сам взял его документы, чтобы воспользоваться ими, а потом отдал их... тебе... ну и так далее, как мы в свое время условились, но... подозрений Крукса в этот последний раз я, видимо, не рассеял... Более того, Крукс теперь тоже склоняется к мысли, что ты агент Москвы. Твоя поездка в Тунис для встречи с дамой, которая оказалась американской корреспонденткой, аккредитованной в Москве, подозрения Пэнки и Крукса только упрочила...

— Черт побери,— вырвалось у Стива,— так они все время шпионили за нами с Мэй! Ничего себе сэндвич!

— Во всяком случае, выяснили, что Круксу требовалось.

— И что же теперь?

— Пэнки предложил «убрать» тебя...

— А ты, конечно, согласился.

— Не остри... Хорхе де Эспиноза!

— Ну а все-таки, интересно, что ты ему ответил?

— Прежде всего, что я ничему этому не верю и что готов поручиться за тебя, как... за самого себя. Потом развернул ему ту же версию, что и Круксу, но с подробностями — что мы с тобой вместе учились в Оксфорде, что ты из старой дворянской семьи и с юности ненавидел либералов, что мы снова встретились в Юго-Восточной Азии, что ты спас мне жизнь и все прочее.

— Пэнки это не убедило?

— Нет... Потом я сказал, что если уж действительно возникли подозрения относительно твоих связей с Москвой, это настолько серьезно, что необходимо все тщательно проверить.

Ведь у тебя могут оказаться помощники. Необходимо выяснить твои связи и уж потом решать.

— Этот крючок он заглотил?

— Кажется... Договорились, что возле тебя будет безотлучно находиться один из самых надежных наших агентов.

— Это кто же?

— Тео. Еще договорились, что под каким-либо предлогом я отстраню тебя от ответственных функций, в частности от всего, что связано с полигонами, от участия в секретных заседаниях совета директоров. Тебе придется уехать... куда-нибудь...

— Неплохо придумано. Что еще?

— Пока, пожалуй, все... За тобой будут следить — Пэнки, конечно, пошлет кого-то еще. Сейчас твоя главная задача — не навлекать на себя новых подозрений. Говорю затем, что ты мастер по этой части. Вот и сегодня — понадобилось тебе выяснять технические подробности у Линстера.

— Но ведь я спрашивал сущий вздор.

— Неважно, Вопросы касались сверхсекретного объекта. Знаешь, с чего начал Пэнки, лишь только появился здесь?

— Ну?

— Устроил мне разнос по поводу твоего присутствия.

— И ты позволил?

— Стив, ты отдаешь себе отчет в серьезности положения?..

— Но ведь пока еще ты глава «империи»... В конце концов, Пэнки один из твоих служащих, а Крукс вообще неведомо кто... Его «роман» с Хорхе де Эспинозой в Акапулько девять лет назад не имеет никакого отношения к сегодняшним дням твоей фирмы.

— Крукс остался моим поверенным в делах, кроме того, он консультант фирмы и один из наших акционеров. С его мнением считается и Пэнки.

— Ты в плену собственных предосторожностей, Цезарь. Больших ставок так не выигрывают.

— Одна из ставок — наши с тобой жизни. Игра достигла стадии, когда лишняя предосторожность не помешает. Сейчас любой неточный шаг может навлечь на меня те же подозрения, что навлек на себя ты.

— Тогда самое безопасное для тебя последовать совету Пэнки.— Стив презрительно усмехнулся.

— Слушай,— начал Цезарь, покусывая губы,— хотя нет,

все это вздор... Нас просто околдовали злые духи амазонской пущи. Зачем ты издеваешься надо мной? — По лицу Цезаря пробежала судорога, и он отвернулся.

— Ладно, извини,— сказал Стив, глядя на него исподлобья,— эта влажная духота действительно не дает собраться с мыслями... Я не понимаю, как в возникшей ситуации смогу быть полезным... Ведь если ты предложишь мне укрыться где-нибудь в Новой Зеландии...

Цезарь протестующе поднял руку:

— Об этом не может быть и речи. Ты продолжишь работу, но... твое, амплуа временно изменится. Могу предложить тебе на выбор три направления: Шарк и его работы в океанах, индустрия развлечений и,— Цезарь замялся,— не знаю даже, как выразить это точнее и в то же время не слишком шокировать тебя, Стив... Третье направление больше других входит в коллизию с международным правом... Понимаешь, у Пэнки возникла мысль заняться в широких масштабах бизнесом на краденых предметах искусства, древностях и тому подобном. Сейчас, в связи с инфляцией, цены на этот «товар» стремительно растут и...

— Любопытно,— пробормотал Стив.

— Но это еще не все... Пэнки считает, что пришло также время взять в свои руки торговлю наркотиками и живым товаром. Это просто необходимо, если мы думаем зарабатывать на индустрии развлечений. И вот, я предлагаю тебе выбор: алмазы Шарка, организация индустрии развлечений и бизнес... на мафиях? Что тебе больше нравится?

— Гм,— Стив потер подбородок, внимательно глядя на Цезаря,— действительно стоит подумать... Если, конечно, это не блеф.

— Нисколько,— заверил Цезарь.

— А с Пэнки согласовано?

— Я же говорил: второе и третье — его идеи. «Империи» нужны деньги. Пэнки полагает, что, если развертывать значительные работы на дне океанов, фирме потребуются мощные долларовые инъекции. Кое-что придется добывать именно таким путем.

— То есть братанием с гангстерами?

— Разве мы не занимаемся политическим гангстеризмом? Что такое ОТРАГ?

— Фи, Цезарь, то, что предлагает Пэнки, это уже чистая уголовщина. Контрабандная торговля наркотиками, девочками, краденными картинами и драгоценностями... Кстати, объясни мне...

— Не спеши, Стив,— перебил Цезарь.— Разве мы не поставили перед собой цель уничтожить политический гангстеризм ОТРАГа изнутри? Почему не согласиться с предложением Пэнки и не попробовать также изнутри взорвать мафии торговцев наркотиками и живым товаром? Да еще и заработать на этом. А краденые предметы искусства... Мы их вернем человечеству, создав музей краденых шедевров... Он станет богатейшим музеем планеты. Ты не представляешь, какие ценности находятся в тайных хранилищах мошенников и незаконно приобретаются любителями краденого для так называемых частных собраний.

— Кое-что представляю,— заверил Стив, вспомнив каталог, подаренный Инге.

— Тем более... Если умело организовать дело, можно не только прибрать к рукам крупнейшие мафии, но и, столкнув их в дальнейшем лбами, обескровить их же собственными методами.

— О подобном едва ли мечтает и Интерпол.

— Просто это никому не приходило в голову, Стив. И еще одно: силу и опыт мафий можно попытаться использовать даже против боссов ОТРАГа.

— Забавно,— усмехнулся Стив.— Замысел, достойный самого Макиавелли! Подонки против подонков.

— Логичное развитие твоей системы, дорогой,— отпарировал Цезарь.— Я всего лишь твой ученик.

— Забавно,— повторил Стив и вздохнул.— Твой оптимизм достоин высшей похвалы, но... Но даже если с ОТРАГом у нас в конце концов что-то и выгорит, во втором случае все кажется мне абсолютно безнадежным. Контрабанда и спекуляции запретными плодами были, есть и будут... Нет силы, способной приостановить их. Тут не только мы с тобой, но и Всевышний, даже если он заключит союз с Магометом, Буддой, Шивой и Интерполом, бессилен. Мафия навсегда вросла в поры нашего общества. Это те раковые клетки, которые можно уничтожить лишь вместе с породившим их организмом.

— Не узнаю тебя, Стив. Где твой оптимизм?

— Со мной, но в разумных границах. Наша главная задача безумно сложна... И мы уже осложнили ее, породив «духов», которых сегодня продемонстрировал Тибб. Признаюсь, я испугался, увидев его «летающую сковородку». Испугался, представив ее возможности в мире нынешней техники, подозрительности и вражды. Пытаясь нейтрализовать одну опасность, мы преподносим людям другую. А ты еще возмечтал о власти над мафиями...

— Я говорил лишь о том, чтобы использовать их реальные возможности сейчас, а потом...

— Потом процесс станет неуправляемым... Попытка координировать силы всех подонков планеты, скорее всего, приведет к непредсказуемо фатальным последствиям. Уж лучше отказаться от начатого, чем замахиваться на такое, Цезарь.

— Значит, отказываешься?

— Пытаюсь предостеречь... Я знаю возможности мафий в нашей собственной стране... Счастье для американцев, что мафии еще не пытаются объединиться. Впрочем, они наверняка догадаются сделать это в будущем, и вот тогда никто не позавидует нашим потомкам.

Наступило долгое молчание.

— Вероятно, ты прав, — сказал наконец Цезарь. — Истинной опасности мафий люди еще не разглядели... В сущности и те, кто стоит за ОТРАГом, тоже мафия...

— Конечно, — кивнул Стив. — И фашизм уже продемонстрировал миру, чем чревато объединение мафиози и приход их к «легальной» государственной власти. Между государственным, политическим и уголовным терроризмом нет принципиальной разницы. Жертвами любого становятся люди.

— Но разве наш вызов не этому?

— Мы не можем замахиваться на весь мир, Цезарь. Донкихоты были смешны даже в эпоху Сервантеса. Лишь сосредоточив все силы и средства и всю нашу энергию на искоренении одного зла, мы еще, может быть, чего-то добьемся. В противном случае поток захлестнет нас. Поток зла. Вероятно, создание бразильского полигона и линстеровской зоны — наша первая громадная ошибка. Остается лишь надеяться, что она не станет роковой...

— Нет и тысячу раз нет, Стив. Задумав так ловко начало, ты теперь напрасно пугаешься перспективы. Именно бразильский полигон и зона Тибба Линстера помогут нам справиться

с африканской «змеиной норой»... Может быть, идея Пэнки о контроле над нелегальным бизнесом тоже не так уж бесперспективна, как тебе сейчас кажется. Но оставим ее пока. Продумаем все более тщательно... Что, если поручить это Цвикку? А ты займешься проблемой Шарка.

— Дай подумать немного,— произнес Стив устало.— И не тут, в Амазонии. Вероятно, мне следует вернуться сейчас в Гвадалахару, чтобы закончить дела, связанные с бразильским полигоном. А потом уже переключаться на что-то другое. Перед отъездом отсюда надо бы мне еще раз встретиться с Тиббом...

— Увы, Стив, я вынужден возразить,— объявил Цезарь,— и против твоей встречи с Тиббом, и против поездки в Мексику... Все, что сочтешь необходимым, передашь завтра Цвикку. Он остается здесь главным представителем «империи» — это тоже согласовано с Пэнки.— Цезарь смущенно усмехнулся.— А мы с тобой улетим отсюда вместе. И не отпущу тебя, пока не решишь, чем будешь заниматься.

— А куда направляешься ты?

— Сначала в Коломбо через Ресифи, Дакар, Найроби. Потом в Суракарту на Яве. Там, в одном из старейших хранилищ древних рукописей, сейчас работает мой старый друг доктор Хионг. Он недавно обнаружил любопытнейшие манускрипты на древнеяванском языке... Кажется, именно то, что давно ищу... Минувшей ночью я говорил с Райей. Она сказала, что доктор Хионг ждет меня.

— А что Райя? — поинтересовался Стив.

Цезарь усмехнулся:

— Она тоже ждет.

— О'кей! Перспектива такого путешествия, пожалуй, заставит меня повременить с решением,— заметил Стив.— Даже если пребывание в Канди окажется арестом...

— Можешь сопровождать меня и на Яву,— возразил Цезарь.— Но твое решение я должен знать не позже, чем через две недели,— до заседания совета в Нью-Йорке.

— Понятно... А почему не хочешь пустить меня в Гвадалахару?

— Не догадываешься?.. Не верю Пэнки. Гвадалахара сейчас не самое безопасное место для тебя.

— Со мной теперь Тео.

— У Пэнки много возможностей. Даже Тео может не справиться.

— А на себя ты не боишься навлечь дополнительных подозрений? — съехидничал Стив.

Цезарь молча погрозил ему кулаком, и они расстались, не слишком довольные друг другом.

Над океаном, через несколько часов после вылета из Ресифи, Цезарь приказал изменить курс и лететь через Касабланку.

— В Дакаре нам подготовлена «встреча», — кратко пояснил он Стиву.

— Вероятно, из-за меня?

Цезарь молча пожал плечами.

— Пэнки?

— Пока не знаю...

— Они могут ждать нас и в других аэропортах Западной Африки.

— Везде не успеют, а я никогда не летал через Касабланку. Мои обычные трассы им, конечно, известны.

— Забавно... — пробормотал Стив. — Значит, война?

— Еще нет, пожалуй... Может быть, просто хотят припугнуть.

— Пэнки? — снова попытался уточнить Стив.

— Возможно, не без его участия. — Цезарь вздохнул. — Хотя... Нити тянутся куда-то дальше... За мной следят постоянно... За каждым шагом...

— Кто?

— Если бы я знал точно!

— Надо взять кого-нибудь и попытаться разговорить...

— Это насторожит их еще больше. Пусть лучше думают, что ничего не замечаю.

— А среди команды «боинга» и твоей охраны их нет?

— Исключено.

— Может быть, следовало бы нанести опережающий удар?

— Рано.

— Потом можно не успеть.

— Думаю, моя поездка на Яву отвлечет внимание и успокоит кое-кого.

— Тебе все-таки следовало отпустить меня. Мы с Тео хорошо отвлекли бы их...

— Нет.

Стюард принес коктейли, и разговор прервался. Стив задумчиво потягивал через соломинку зеленоватую ледяную жидкость.

— На этот раз ты даже не бранишь рецепт,— заметил Цезарь после долгого молчания.

— Я думаю,— последовал лаконичный ответ.

— О чем?

— О ситуации, о нашем вчерашнем разговоре, о Пэнки и его возможностях, о... всего не перечислишь.

— Ну и что решил?

— Пока ничего. У меня ведь две недели, не правда ли?.. Кроме того, хочу снова увидеть Канди, Райю, «Парадиз XXI», побывать в хранилище древних рукописей на Яве...

Цезарь не ответил. Отставив бокал с коктейлем, он загляделся в иллюминатор на темнеющую поверхность океана.

В Касабланке сели глубокой ночью. «Боингу» Цезаря отвели стоянку в стороне от здания международного аэропорта, возле ангаров королевских ВВС.

— Поедем в город, устроимся в каком-нибудь небольшом отеле,— решил Цезарь.— И постараемся быть незаметными несколько дней. Кстати, займемся и делами. Недавно мы открыли тут филиал банка. Директор-распорядитель мой человек... Кроме того, Пэнки упоминал о возможности покупки одного из здешних больших отелей.

— По статье бизнеса развлечений? — уточнил Стив.

— И международного туризма. У местной компании дела не ладятся. Построили несколько отелей и сейчас на мели. Один хотят продать. Пэнки уверял, что если выждать немного, можно приобрести отель почти за бесценок.

— Порядка нескольких миллионов?

— Что-то в этом роде.

— При хорошем хозяине отель в Касабланке — золотая жила и... неплохой бастион «черного бизнеса».

Цезарь внимательно взглянул на Стива:

— Думаешь, значит?

— Думаю...

По трапу они спустились на бетон. Эта часть летного поля была слабо освещена. Несколько истребителей с зачехленными турбинами отбрасывали длинные косые тени. Неподвижно застыли силуэты часовых.

— Хорошее место, — заметил Цезарь капитану, и тот молча кивнул.

Из темноты вынырнул джип со знаком королевских ВВС Марокко на кабине, затормозил возле трапа.

— С базы ВВС, шеф, — сказал капитан по-английски. — Они отвезут вас в отель.

— Поедем вчетвером, — предложил Цезарь Стиву, — ты, я, Тео и Суонг.

Суонгом звали маленького индонезийца, который в поездке Цезаря выполнял функции секретаря, врача и начальника охраны.

Стив с сомнением разглядывал джип — там сидело несколько военных.

— Может, возьмем еще кого-нибудь из охраны?

Цезарь на мгновение задумался, потом заговорил с капитаном на одном из наречий Западной Явы. Стив понял только слово «безопасность», повторенное несколько раз и Цезарем, и капитаном.

— Все в порядке, — сказал Цезарь, поворачиваясь к Стиву, — поедем вчетвером.

Потом он снова перешел на яванский. Капитан молча выслушал, козырнул в быстро поднялся по трапу в «боинг». Через минуту оттуда спустились Тео и Суонг. Следом за ними стюард вынес чемоданы Цезаря и Стива.

Военные в джипе молча потеснились. Стив и Цезарь устроились в глубине кабины, Тео и Суонг сели по бокам. Чемоданы поставили рядом с водителем, и джип быстро покатил по бетону летного поля. Они выехали на шоссе через ворота базы ВВС. Часовые в воротах, подняв шлагбаум, молча козырнули темному джипу.

Мгновение спустя навстречу фарам джипа бежал асфальт пустынного шоссе, а по сторонам стремительно мелькали пепельно-серебристые стволы акаций.

От первоначального плана — пробыть три дня в Касабланке — пришлось отказаться. Уже к вечеру первого дня их пребывание в отеле «Нуайо» было обнаружено. Хозяйку «Нуайо» — мадам Лежан — Стив знал еще с тех времен, когда работал корреспондентом «Калифорния таймс». Поэтому он и предложил остановиться в «Нуайо»: на гостеприимство и лояльность мадам Лежан вполне можно было положиться. Тем

не менее, уже к вечеру стало ясно, что за ними следят. Первой об этом сообщила Стиву сама мадам Лежан. Некий почтенный джентльмен, прилетевший утром из Дакара и занявший в «Нуайо» номер двадцать три, расположенный над апартаментами Цезаря, расспрашивал портье о Стиве и его спутниках, даже поинтересовался, нет ли среди них банкира Цезаря Фигуранкайна. Получив, по словам мадам Лежан, ответ отрицательный, этот джентльмен расспрашивал о том же горничную на своем этаже и гарсона в кафе. Суонг, сопровождавший Цезаря утром следующего дня в банк и обратно, подтвердил, что за ними следили. «Хвост» сопровождал их до отеля.

— Кто? — лаконично поинтересовался Тео.

— Молодой марокканец на мотоцикле. Марка — итальянский «спрокко», довольно старый, заднее седло с зеленой бахромой — она закрывала номер. На стекле передней фары трещина слева сверху. На никелировке руля — глубокие царапины.

— Водитель?

— Высокий, худой, курчавые короткие волосы, небольшие усы, черные очки, потертые джинсы, белая грязноватая рубаха. На левой руке электронные часы «сейко». Большой палец правой руки заклеен лейкопластырем.

— Я пошел, — объявил Тео.

— Его уже сменили, — предположил Стив.

— Или еще нет, — Тео усмехнулся, осторожно прикрывая дверь, которую Суонг тотчас же закрыл на задвижку и на цепочку.

— Что предпринимаем? — спросил Цезарь, внимательно глядя на Стива.

— Вероятно, надо лететь.

— Я хотел еще посмотреть отель. Переговоры о покупке подходят к финалу. Тут директор Ренке из нью-йоркского банка. У него полномочия от Пэнки. Я видел его сегодня и говорил с ним.

— Тоже немец?

— Да, но из семьи антифашистов. Родился в Штатах.

— Может, он и подослал «хвост»?

— Не думаю... Он был удивлен и даже испуган нашей встречей. Решил, что его проверяют, и пытался оправдываться. Он понятия не имел, что я могу находиться в Африке.

— Прошу прощения, но за нами следили со вчерашнего дня, — вставил Суонг.

— А что за отель? — спросил Стив.

— «Звезда Марокко» — на Приморском бульваре, недалеко от Океанариума.

— Место неплохое.

— У отеля свой участок пляжа и причал для катеров и яхт.

— Великолепно. Почему же отель продают?

— Финансовые трудности... Они строят что-то еще, а туристов мало. Здесь неспокойно после попытки переворота.

Послышался условный стук в дверь, и Суонг, заглянув в глазок, впустил Тео.

— Сидит в кафе, напротив двери, — объявил Тео.

— Парень с мотоциклом? — уточнил Стив.

— Да. Мотоцикл на стоянке слева от входа. С балкона должно быть видно.

Суонг вышел на балкон и тотчас вернулся.

— Этот... Значит, увидим, когда они сменятся.

— Он задержится, — возразил Тео.

— Почему?

— Будет ждать второго, который пошел наверх.

— А тот что?

— Не придет.

— Понятно, — кивнул Стив. — Что ты сделал со вторым?

— Лежит в твоем номере.

— Жив?

— Да. Связан.

— Что он делал?

— Пытался незаметно войти в твой номер.

— Вошел?

— Да. Но я следом.

— Пойдем поговорим?

— Он сможет отвечать минут через двадцать.

Через четверть часа все вчетвером перешли в номер Стива. Тут никого не оказалось, но Тео направился в ванную комнату и вытянул оттуда за ноги молодого, узколицего, смуглого парня, туго спеленутого капроновым шнуром.

— Оперативно, Тео, — похвалил Цезарь.

— Санчин-до, — усмехнулся тот в ответ.

Связанный парень шевельнулся и застонал.

— Часы «сейко». Такие же, как у того. — Суонг указал на руку пленника.

— Дай-ка их мне, — попросил Стив.

Суонг повернул парня на бок и, освободив кисть руки от шнура, снял часы и протянул Стиву. Парень застонал громче.

— Тихо, — предупредил Стив, разглядывая часы, — разговаривать будешь шепотом.

— Не понимаю, — пробормотал пленник по-арабски. — Я ни в чем не виноват. Отпустите...

— Можно и по-арабски, — сказал Стив. — Выкладывай все начистоту. Быстро. Кто тебя подослал и зачем?

— Ничего не знаю. Я не виноват. Отпустите.

— У него был пружинный нож и плетеная корзинка, — вставил Тео.

— Превосходно, — кивнул Стив. — Про папу Луку ты слыхал?

— Нет... Я ни в чем не виноват.

— Разумеется. Сюда ты, конечно, забрался по ошибке.

— Да, господин, я ошибся. Я...

— Зато мы не ошиблись. Даю тебе минуту на размышление. Если не заговоришь, сначала отрежем тебе уши, потом нос, потом... Ну, потом все остальное... Твоим ножом. Минута началась.

Через три минуты все стало ясно.

— Развяжи его, Тео, — сказал Стив, после того как парень, заикаясь от страха и волнения и мешая французские слова с арабскими, закончил исповедь. — Где твой нож?

Парень указал на Тео, который освобождал его от уз.

— А корзина с коброй?

— В комнате ночных горничных за лифтом. Дверь открыта.

— Кто из горничных тебе помогал?

— Никто. Клянусь Пророком. Про дверь сказал Биппо.

— Допустим. Принеси, пожалуйста, сюда кобру, Тео, — попросил Стив, — и дай мне этот ножик. А ты пока посиди отдохни, гага.

Тео толкнул парня в свободное кресло, вынул из кармана складной пружинный нож с рукояткой из зеленого рога и протянул Стиву.

— Хорош,— сказал Стив, резким движением открывая нож.— Так какой тут яд?

Парень, постукивая зубами, повторил. Его бледное лицо блестело от пота, хотя в комнате работал кондиционер и было прохладно.

— Этот яд хорошо известен в Африке и на Востоке,— тихо заметил Цезарь.— Даже при небольшой ране смерть наступает через несколько минут от паралича сердца, и установить присутствие яда в крови чрезвычайно трудно.

— Стойкий он? — спросил Стив, внимательно разглядывая ирризирующее на свету лезвие.

— Довольно стойкий, хотя разлагается спиртом. Нанесенный на холодное оружие, сохраняет силу несколько месяцев, пока не сотрется.

— Видишь, на какое нехорошее дело тебя послал твой патрон? — назидательно заметил парню Стив, осторожно складывая нож и пряча его в карман.— Тебя послали убрать «неверного», а «неверный» — твой единоверец. Ты мог совершить большую ошибку, и Аллах никогда не простил бы ее тебе.

У парня задрожал подбородок.

Возвратился Тео с небольшой плетеной корзиной.

— Есть кобра? — поинтересовался Стив.

— Есть.

— Теперь в наказание следует попросить тебя сунуть в эту корзину руку,— сказал Стив, глядя в упор на пленника.

Парень весь сжался в своем кресле.

— Но мы не сделаем этого,— продолжал Стив.— Пока не сделаем... Но запомни, гага: папа Лука всесилен. Твой бывший патрон — поганый боров рядом с ним. Даже хуже... Если ты когда-нибудь изменишь нам, как только что изменил своему бывшему патрону, тебе обязательно придется сунуть руку в эту корзину... Понял?

Парень кивнул, покусывая губы.

— Сколько они обещали тебе?

— С-сто динаров.

— А сколько уже заплатили?

— Н-н... п-пятьдесят.

— Хорошо, что не соврал. Вот тебе сто долларов. Понял?..

Парень открыл рот, но не решался взять протянутую ему банкноту.

— Бери, бери.

— А что я... должен... сделать?

— Сейчас ты поговоришь со своим приятелем внизу. — Стив сделал паузу, перехватив удивленный взгляд Цезаря. — Отсюда поговоришь, — добавил Стив, указывая на часы «сейко», лежащие на столе, — Ты скажешь ему, что тебе велю, а затем незаметно смоешься отсюда и тотчас уедешь к себе в Марракеш. Ты ведь из Марракеша, не так ли?

Парень торопливо кивнул.

— Уедешь сегодня же в Марракеш, — продолжал Стив, — и будешь сидеть тихо, пока тебя не позову. В Марракеш пришлю тебе еще двести долларов. За тобой будут следить. Это испытательный срок. Выдержишь испытание — возьму на работу, и станешь обеспеченным человеком. Не выдержишь — здесь твой конец. — Стив указал на плетеную корзину с коброй. — Вспоминай ее каждый раз, когда придет искушение.

— Что я должен делать? — спросил парень, постукивая зубами.

— Сидеть тихо в Марракеше, молиться Аллаху, быть честным и ждать, когда позовет... папа Лука. Понял?

— П-понял... А сколько ждать?

— Сколько будет нужно. А теперь давай вызывай своего приятеля. — Стив протянул парню часы «сейко». — Скажешь, как у вас условлено, что ловушка сработала и все о'кей, чтобы он был готов, и что ты сейчас спустишься вниз... Будешь говорить по-арабски?

— Да... — Парень со вздохом взял часы.

— Подожди-ка, Стив, — вмешался Цезарь, — я не совсем понял...

— Сейчас поймешь. Ты умеешь обходиться с кобрами, Тео?

— Конечно.

— Вынь ее и дай ей что-нибудь, чтобы выпустила яд.

Парень побелел и попытался встать с кресла, но Суонг одним движением руки вернул его на прежнее место. Парень заскулил.

— Тихо, — приказал Стив. — Это пока не для тебя. Подойди-ка к окну. — Стив чуть-чуть отодвинул штору. — Смотри сюда, как будет удирать твой сообщник. Конечно, не дожидаясь тебя. Они заранее решили принести тебя в жертву. Смотри же...

Парень устремил остановившийся взгляд на мотоцикл под балконом.

— Отдала кобра яд? — спросил Стив.

— Да, — ответил Тео, держа в одной руке извивающуюся черную ленту, а в другой блюдце, на котором поблескивали две капли зеленоватой жидкости.

— По моему знаку выбросишь ее в коридор и постараешься снова поймать на лестнице, ведущей в холл. Кричи при этом громче: «Кобра, ловите кобру».

Тео осторожно поставил блюдце на стол и со змеей в руках подошел к двери.

— Ну, давай связывайся со своим приятелем, — приказал парню Стив, — и смотри в оба.

Парень трясущимися пальцами повернул наружный диск часов и приподнял его. Под ним в нижней половине корпуса оказалось миниатюрное переговорное устройство.

— Биппо, Биппо, — быстро заговорил парень, приблизив губы к раскрытым часам. — Биппо, это я — Хасан. Слышишь?

— Слышу, — прошелестело в часах.

— Дело сделано. Пророк с нами. Спускаюсь...

— Понял, — снова прошелестело в часах. — Не торопись...

— Зато он поторопится, — заметил Стив. — Видишь? Уже выходит к мотоциклу...

— Аллах, — пробормотал парень, — не ждет меня... Аллах...

Внизу молодой араб в темных очках на мгновение задержался у дверей гостиницы, словно прислушиваясь, потом решительно направился в сторону мотоцикла. Очевидно, расслышав стук открытой и резко захлопнутой двери, он прыгнул на мотоцикл, дал газ и исчез.

— Вот так, — сказал Стив, — понял, Хасан?

— Аллах, о Аллах, — бормотал Хасан, закрыв глаза и раскачиваясь из стороны в сторону. — Поганец, распоганец, подавись свиной костью.

— Аминь, — заключил Стив, забирая у Хасана часы-передатчик, — перед тем как исчезнешь отсюда, объясни, что значит «пророк с нами».

— Он, — заикнулся Хасан, — он... это значит... тот человек умер...

— Я, то есть? — уточнил Стив.

— О Аллах... прости меня.

— Ты понял, что тебе делать?

— Понял... Только сначала...

— Что сначала?

— Найду этого поганца Биппо... Я...

— Значит, не понял! Ты сейчас выйдешь отсюда, и через десять минут тебя не будет в Касабланке. Понял? Повтори.

— Через десять минут не будет в Касабланке.

— Тебя не будет!

— Меня...

— Вот так... А твой Биппо от своей судьбы не уйдет. Понял?

— Да...

— Где тебя искать в Марракеше?

— Площадь Эль-Фла... Мастерская чеканщика Надира... Спросить Хасана ибн Хамида.

— О'кей! А теперь, Хасан ибн Хамид, катись отсюда, и побыстрее. Если через десять минут ты еще окажешься в городе, не дам за твою голову и цента.

— Прощайте, господин, и да хранит вас Аллах.

— Тебя тоже... Где кобра, Тео? — поинтересовался Стив, когда дверь за Хасаном закрылась.

— В корзине.

— Прекрасно... Попробуй проследить, куда он направился.

— Но возвращайся не позже чем через час,— добавил Цезарь,— мы сегодня же улетаем отсюда.

Тео молча кивнул и вышел.

— Зачем ты отпустил этого парня? — спросил Цезарь, не глядя на Стива.

— А что, по-твоему, следовало с ним сделать?

— Ну, например, сдать в полицию.

— И раскрыть наши карты? Через пару часов все подробности стали бы известны его сообщникам. Заодно мы доставили бы немало хлопот мадам Лежан. Пока ее гостиница на хорошем счету... А так...

— А так его дружки все будут знать через несколько минут. Он наверняка направился прямо к своему патрону.

Стив усмехнулся:

— Готов держать любое пари, что нет... Здесь почти Европа, и все так же продается и покупается, как в Париже или в Мадриде. Кроме того, он убедился, что его предали, заработал сто долларов и, если получит еще двести...

— Выброшенные деньги.

— Допустим... И тем не менее, этим ходом мы на какое-то время мистифицируем противников. Не сомневайся, Хасан скроется и будет сидеть тихо. Он ни за что не рискнет признаться, что побывал в наших руках. Для него это верная смерть. Биппо уже сообщил кому-то, что операция удалась. Это сообщение пойдет «наверх» и, вероятно, вскоре доставит несколько приятных мгновений мистеру Алоизу Пэнки и кому-нибудь еще... Ну а потом, спустя некоторое время, когда, допустим, выяснится, что я жив и здоров, начнут разыскивать Хасана, но, надеюсь, он уже будет тогда в безопасности. Зато Пэнки и кто-то там еще разуверятся в своих людях и в их возможностях. Думаю, Цезарь, что благодаря Тео и этому маленькому приключению мы выиграли неплохую ставку — она еще принесет нам хорошие плоды в будущем. Надо только умело воспользоваться сегодняшним выигрышем...

— Что ты имеешь в виду?

— Во-первых, надо заставить их поверить, что меня действительно вывели из игры. Поэтому я должен попасть в аэропорт бездыханным, на носилках в санитарной машине, но без участия здешних врачей. Во-вторых, надо оставить тут слушок, что Хасана ты прихватил с собой. Если этот слух дойдет до Пэнки, а дойти должен, старик будет сильно встревожен. Вообразит, что ты собираешь против него улики, станет осмотрительнее и, может быть, сговорчивее.

— Или наоборот,— возразил Цезарь.

— Во всяком случае, сильно призадумается, прежде чем предпринять что-нибудь еще. А когда узнает, что я жив и здоров...— Стив сделал многозначительную паузу.

— Его, по-твоему, хватит паралич,— хмуро докончил Цезарь.

— На столь благоприятный вариант не рассчитываю,— отпарировал Стив,— но полетят головы тех, кому он поручил эту операцию.

— Если он поручил.

— Неужели сомневаешься?

— Но ведь все это только предположения, Стив.

— Нет, я убежден, что не ошибаюсь. Нити потянутся к нему. Слишком ловко задумано и оперативно проведено. Почерк специалиста...

Цезарь вздохнул, но промолчал.

Возвратился Тео и лаконично доложил: Хасан покинул гостиницу через черный выход у кухни, добрался до базара оливок в трех кварталах отсюда, переговорил с пожилым марокканцем — шофером небольшого автофургона, загруженного пустыми бочками из-под оливок. Шофер, видимо, согласился довезти его, но посадил не рядом с собой, а в фургон, который запер снаружи на висячий замок. После этого сразу отъехал. Тео последовал за ним на такси и убедился, что фургон выехал за город и свернул на шоссе, ведущее на юг, в сторону Марракеша.

— Ну вот, пока я прав, — резюмировал Стив, — и выиграл бы пари, если бы ты решился принять его.

— И пошлешь ему в Марракеш обещанные двести долларов? — поинтересовался Цезарь.

— Разумеется. А ты оплатишь эти расходы.

— Но зачем?

— Считай, что я начал подбирать помощников для реализации нашей новой программы.

Цезарь внимательно посмотрел на Стива, усмехнулся, но ничего не сказал.

Вечером они были уже в Тегеране...

В аэропорт Касабланки Стива доставили в военном санитарном фургоне. Появление возле «Нуайо» ослепительно-белой санитарной машины с эмблемой королевских ВВС Марокко стало сенсацией квартала и сразу собрало группу зевак. А когда Стива, прикрытого белой простыней, выносили из отеля на носилках, узкая уличка была уже запружена толпой любопытных. Тео с плетеной корзинкой в руке, замыкавший кортеж, слышал, как в толпе говорили о кобре, укусившей американца в саду отеля, и о молодом парне — заклинателе змей, который упустил кобру и сбежал.

В самолет Стива тоже погрузили на носилках, а неподвижность простыни, прикрывавшей его длинную фигуру, и мрачные лица сопровождавших должны были убедить тех, кто мог наблюдать за отлетом, что из Касабланки увозят труп. Перед стартом четверо солдат с базы ВВС принесли к самолету большую плетеную корзину. Там находилось два десятка бутылок шампанского, но корзина была такого размера, что в ней мог бы уместиться и человек. Суонг руководил погрузкой корзины в самолет и обставил дело так, что погрузка превра-

тилась в маленький спектакль и привлекла внимание многих, кто находился в это время невдалеке от «боинга».

Стив поднялся с носилок после взлета, когда «боинг» уже набрал высоту. С интересом выслушав сообщения Тео и Суонга, он объявил, что мадам Лежан просто душка и что операция «Укус кобры» прошла успешно.

Когда они остались вдвоем с Цезарем в его салоне-кабинете, Стив сказал:

— Если не возражаешь, я попробую теперь нарисовать прогноз на ближайшие дни.

— Попробуй,— довольно равнодушно отозвался Цезарь.

— Сенсацией завтрашних утренних газет в Касабланке и Рабате станут сообщения о смерти богатого американца, укушенного коброй, и об исчезновении «заклинателя змей», которого начнет разыскивать полиция...

Стив сделал многозначительную паузу.

— Ну и что дальше? — поинтересовался Цезарь, не глядя на него.

— Дальше возможно следующее... Кто-нибудь из местных журналистов наверняка наблюдал наш отлет и видел, как грузили корзину с шампанским. Он подольет масла в огонь, раструбив, что «заклинателя змей» американцы захватили с собой в большой плетеной корзине. Полицейские обратятся на базу ВВС. Военные поднимут их на смех и заявят, что в корзине было шампанское, подаренное комендантом базы капитану «боинга». В полиции, разумеется, не поверят. Шум в местных газетах будет продолжаться с неделю, пока не появится какая-нибудь новая сенсация... Как ты это находишь?..— Стив замолчал и вопросительно посмотрел на Цезаря.

— Ты хочешь сказать,— лениво протянул тот,— что газетная болтовня окончательно убедит наших оппонентов, что их замысел удался.

— Хочу сказать,— жестко отчеканил Стив,— что Пэнки поверит на какое-то время, что ему удалось избавиться от меня или, если угодно, избавить тебя от меня...

— Пэнки, Пэнки,— вздохнул Цезарь,— дался он тебе... Повторяю, я не убежден, что инициатором операции «Кобра» был он.

— Тогда кто?

— Не знаю...

— Плохо, что мы не успели проверить этого типа из отеля, который справлялся о тебе, Цезарь.

— Суонг успел кое-что разузнать: он выехал из отеля утром, когда я был в банке, то есть еще до появления Хасана с его приятелем.

— А как его звали?

— Рунге — коммерсант из Роттердама.

— Тоже немец?

— Вероятно.

— Может, кто-нибудь из твоей «империи»?

— Не знаю... Фамилия мне неизвестна...

— Кто-нибудь из агентов Пэнки?

Цезарь презрительно усмехнулся:

— Осторожнее, Стив... По-моему, у тебя начинается мания преследования.

Снова недовольные друг другом, они на том прервали разговор...

Только в Тегеране, в огромном холле отеля «Хилтон», перед тем как разойтись по номерам, Цезарь вдруг взял Стива под руку и, покусывая губы, тихо сказал:

— Извини, дружище. Вероятно, ты все-таки прав... Прямых улик мы, конечно, не имеем, но твои подозрения о причастности Пэнки небезосновательны...

— Возникло что-нибудь новое? — поинтересовался Стив.

— Нет... Пока нет... Просто во время полета я мысленно еще раз восстановил весь наш с ним последний разговор. Я, вероятно, недооценил кое-что из сказанного им. А была и прямая угроза... Если не уступлю...

— Угроза мне... или тебе?

— Мне, но... через тебя.

— Ты помнишь его слова?

— Да, в общем, да... — Цезарь вздохнул.

— И можешь повторить их мне?

— Ну разумеется... Это было перед самым его отлетом. Он уже ступил на трап. Мы говорили о Линстере, о возможностях УЛАКов... Он вдруг сказал: «Линстер — бесценный капитал, в отличие от твоего Роулинга-Эспинозы, хоть он и спас тебе жизнь... Но что такое жизнь каждого из нас — твоя, моя, я уже не говорю о Роулинге — в той машине, которая создана нами. Мы все — лишь винтики. Теперь машина будет продолжать

раскручиваться сама, если любой из нас или даже все мы уйдем... Выбыл из дела твой отец, а что изменилось? Так же будет и дальше. А с Роулингом совсем просто. Гораздо проще, чем ты воображаешь. Поэтому не тяни, Цезарь. Это может стать очень опасным...» И, вдруг резко изменив тему, он снова вернулся к Линстеру, УЛАКам, подготовке пилотов и еще каким-то делам бразильского полигона...

— Он уже обращается к тебе на «ты»,— заметил Стив после долгого молчания.

— Он всегда называет меня на «ты», когда мы остаемся вдвоем. Еще с моего детства. Когда мне исполнилось тринадцать лет, отец впервые привез меня в Нью-Йорк и привел в здание нашего нью-йоркского банка. Тогда Алоиз Пэнки уже был, как и сейчас, президентом-исполнителем.

— Забавно,— процедил Стив.

— По-моему, ты думаешь сейчас не о том,— холодно сказал Цезарь, освобождая его руку.

— А о чем мне следовало бы сейчас думать?

Цезарь взглянул ему прямо в глаза:

— Должен ли я говорить?.. Завтра мы улетим отсюда и, надеюсь, через день-два будем в Канди. Там все решим, Стив. Считай, что двух недель, о которых мы говорили перед отлетом из Бразилии, уже нет. Надо начинать новую операцию...

— «Антикобра»?

— Нет, назовем иначе. А пока думай.

— Уже думаю с огромным удовольствием, что скоро снова увижу Райю и ваш «Парадиз XXI».

— Тогда до завтра, Стив.

— До завтра! — Стив бросил взгляд на часы.— А впрочем, «завтра» уже наступило...

Ночь в тегеранском «Хилтоне» прошла спокойно. Стив встал рано и еще до завтрака обошел в сопровождении Тео ближайшие кварталы центра иранской столицы.

Солнце только что поднялось из-за гор. Косые, еще нежаркие лучи пробивались сквозь свежую листву тополей и цветущих акаций, вспыхивали радужными искрами в витринах ювелирных магазинов, переливаясь светлыми пятнами на темном, чисто отмытом асфальте. Прохладный утренний ветер шелестел листвой, нес сладковатый, приторный запах цветущих акаций, розового масла, пряностей, жареного мяса.

Прохожих в этот ранний час было мало. Лавки и магазины только открывались. Служащие в белых халатах поднимали жалюзи, протирали зеркальные витрины. На маленьких переносных жаровнях, поставленных у края широких тротуаров, уличные продавцы поджаривали мясо и небольшие желтые лепешки. Бесшумно проплывали по влажному асфальту редкие машины.

Стив зашел в один из ювелирных магазинов. Выбрал изящную золотую цепочку с тремя бирюзовыми подвесками и золотое колечко с бирюзой. Мысленно прикинул, подойдет ли кольцо для тонких пальцев Инге. Попросил уложить все в сафьяновый футляр. Расплатившись, Стив вышел на бульвар, где его ожидал Тео. Они отыскали ближайшую почту, и Стив отправил сафьяновый футляр Инге в Лондон. Потом они купили утренние газеты и возвратились в «Хилтон».

Завтракали втроем в апартаментах Цезаря. Суонга Цезарь еще до завтрака отправил в аэропорт с распоряжением для капитана «боинга». За кофе Стив быстро проглядел утренние тегеранские газеты.

— Снова «летающие блюдца»,— заметил он, протягивая одну из газет Цезарю.— Теперь над Майами. Может быть, Линстер?

Цезарь молча взял газету, прочитал заметку и усмехнулся:

— Теперь все фокусы такого рода будешь приписывать Линстеру?

— Почему бы и нет?

— Обыкновенная газетная «утка». Сам рассказывал мне, как это делается. Кстати, ссылка именно на воскресную газету... Что там еще интересного?

— Для нас с тобой, кажется, ничего... Продолжается идиотская война в Индокитае... Наши опять увязли в какой-то дыре. Новый транспорт «постояльцев» для арлингтонского кладбища... Террористы захватили в ФРГ самолет с заложниками. Контрабанда наркотиков из Юго-Восточной Азии. Его величество здешний шах изволил устроить прием для иранских бизнесменов... Ну и, конечно, нефть, нефть, нефть... В ближайшие двадцать лет ее тут собираются добыть семь миллиардов тонн. Они задохнутся от потока долларов, Цезарь... Подготавливается новое соглашение между иранской национальной нефтяной компанией и международным нефтяным консорциумом. Шах круто взялся за нефть. Может зайти да-

леко, если не споткнется на вооружениях... Да, вот еще... Размусоливания, кто будет у нас новым президентом и как это может отразиться на отношениях Ирана с Соединенными Штатами... Продолжать?

— Из Касабланки ничего?

— Нет... О твоей «империи» и ее филиалах тоже... Даже и о здешнем филиале ни слова.

— Здешний филиал замаскирован под смешанное ирано-американское акционерное общество.

— Не хочешь навестить их?

— Зачем? Чтобы указать кому-нибудь наш след?

— Но ведь Пэнки знает, что ты отправился к себе в Канди.

— Знает, что лечу на Яву и буду работать в Суракарте до заседания совета директоров. Знает также, что я собирался задержаться в Африке. Дакар в разговоре с ним не упоминался, но обычно я летаю именно через Дакар и останавливаюсь там в нашем отеле, который куплен еще отцом.

— В Дакаре у тебя есть надежные люди?

— Новый управляющий нашим отелем мой человек.

— Тогда понятно... Значит, «Звезда Марокко» в Касабланке станет второй африканской точкой опоры «империи».

— Третьей, не считая, конечно, африканского полигона и филиалов банков.

— Ну полигон-то действительно не в счет,— скривился Стив.— Где филиалы, я примерно представляю, а вот что такое «вторая точка», если «Звезду Марокко» ты называешь третьей?

— Тоже «Звезда». Отель «Звезда экватора» в Киншасе. Мы приобрели его недавно.

— Никогда не был в Киншасе,— с оттенком сожаления заметил Стив.

— Еще побываешь,— пообещал Цезарь.

На пути из Тегерана в Карачи, где «боинг» сделал короткую остановку для заправки горючим, и затем во время трехчасового полета из Карачи в Коломбо Стив преимущественно размышлял, устроившись в одном из кресел пассажирского салона. Летели вдоль юго-западных берегов Индии. День был безоблачный, и далекая линия берега, сначала буровато-желтая, расплывающаяся в пустынном мареве, потом зеленая от

растительности, окаймленная белой нитью океанского прибоя, медленно смещалась в иллюминаторе, куда время от времени поглядывал Стив. Миновали дымное пятно Бомбея, и синева на востоке начала густеть. Низкое красноватое солнце заглянуло в правые окна салона; в своем окне Стив видел теперь резкие контуры плосковерхих зеленовато-бурых гор. С них обрывались к океану серебристые нити рек. Небо на востоке за зелеными плоскогорьями быстро темнело. Оттуда уже накатывалась ночь.

Стив снова подумал о Мэй, которой так и не написал ни строчки и не пытался ни разу позвонить после того, как они расстались в тунисском аэропорту Картаж. Потом мысли его переключились на Инге... Если то, что она рассказывала, было правдой, она уже заканчивает оформление своего первого в жизни телевизионного спектакля с «дядей Хоакином» в главной роли. В сущности, Стив и верил, и не верил ей... Был ли простым совпадением странный разговор в Национальной галерее и ее прощальный подарок в аэропорту Хитроу? Или юная художница всего лишь связная какой-то ловкой шайки мошенников? Что Инге талантливая художница, Стив не сомневался. А вот ее россказни о телевизионном «дяде Хоакине»... Если Инге связная, случай свел Стива со специалистами высокого класса... Интересно, что за люди? Впрочем, незаконным бизнесом на старинных драгоценностях могут заниматься лишь знатоки. Допустим, Инге действительно имеет отношение к какой-то банде... Почему тогда она не привела с собой в аэропорт Хитроу «дядю Хоакина»? Может быть, ее сообщники предпочитают обождать?.. Но как тогда они рассчитывают получить обратно сверток, который доверили Стиву? И как следует поступить ему, если «дядя Хоакин» объявится и заявит о своих правах?

Стив все еще не удосужился рассказать Цезарю о свертке, который вот уже неделю хранится в одном из сейфов лондонского отделения банка Фигуранкайнов. Теперь над океаном, на пути в Коломбо, Стив вдруг начал сомневаться: а стоит ли вообще говорить Цезарю о старинных драгоценностях, так странно попавших в его руки? Не разойдутся ли их пути совсем после того, как они поговорят окончательно в Канди?..

Цезарь сильно изменился за последние месяцы. Ученый, увлеченный старинными рукописями, все больше отходит на

второй план. На первом теперь отчетливо проглядывает делец — твердый и властный, способный поставить на своем, уверенный в своих возможностях и силе. Вероятно, именно этим он сумел завоевать доверие, а может быть, и симпатию Пэнки... Он, конечно, еще не утратил полностью иллюзии и, может быть, не отказался от их первоначальных замыслов, но сейчас уже трудно догадаться, кто ему по-настоящему ближе — Пэнки ли, этот финансовый мозг «империи», или Стив с его безумными идеями...

Правда, с этим вторым — новым для Стива — ликом Цезаря пока не вяжутся его слова о Сарданапале, о погребальном костре «империи» на месте «Парадиза XXI». Стив тут же подумал, что слова часто остаются словами и далеко расходятся с делом... Кто знает, может быть, в реминисценциях легенды о Сарданапале находят выход последние флюиды той авантюрно-романтической увлеченности, которую Стив угадал в Цезаре девять лет назад, когда впервые раскрыл перед ним свой проект. Может быть, Цезарь и остался бы таким, каким был, не помоги ему Стив взойти на трон «империи» Фигуранкайнов? Неужели это все-таки было ошибкой, а минувшие девять лет — бесплодная погоня за призраками? Даже хуже того — помогая Цезарю, Стив, помимо своего желания, укрепил и ОТРАГ... Ведь что бы там ни твердили Цезарь и Тибб Линстер, «летающие сковородки» Тибба — вода на мельницу ОТРАГа. Недаром за Линстера так ухватился Пэнки. Он-то хорошо понимает, что к чему...

Стив взглянул в окно. Почти стемнело. На востоке поблескивали первые звезды. Внизу, отражая краски заката, расплавленной медью расплывались воды пролива, отделяющего прекрасный остров Шри-Ланка от Индостана. «Боинг» начал снижение. Слева впереди, на границе темнеющего океана, россыпью огней уже светил Коломбо.

В Сиди-Бу-Саид Стив пытался убедить Мэй, что его собственные акции достаточно устойчивы и что выход из игры зависит только от его желания. Прошло совсем немного времени, и выход из игры стал реальностью помимо его воли. Разве то, что предлагает Цезарь, не удаление Стива из игры? Из большой игры, которую они начали девять лет назад...

Стив снова бросил взгляд в окно. Темные султаны пальм мелькали совсем близко. Желтые фонари вдоль шоссе отражались в темной воде прибрежных лагун.

Нет, если он не хочет отказаться от пути, на который вступил вместе с Цезарем девять лет назад, надо попробовать разыграть свою собственную карту... Это чертовски трудно... Трудно потому, что предстоит бороться одному... Но, вероятно, это единственный способ сохранить влияние на Цезаря и попытаться спасти их проект. Более того, в возникшей ситуации это, по-видимому, единственный шанс выжить...

«Боинг» чуть дрогнул, коснувшись бетона. Они сели в аэропорту Коломбо. Навстречу самолету, замедляя движение, уже бежали неяркие огни аэровокзала.

Ужинали втроем на обширной веранде, затянутой кремовой противомоскитной сеткой. Ночь была теплая, тихая, насыщенная густым пряным ароматом неведомых цветов. Над садом, который спускался к зеркально спокойному озеру, светила яркая, почти полная луна.

Ужин был сервирован на половине Райи. Цезарь не преувеличивал, говоря, что строительство «Парадиза XXI» далеко от завершения. Об этом свидетельствовали и штабели строительных материалов на площадке перед северным фасадом, куда они подъехали, и сеть бамбуковых лесов, опутывающая большую часть здания и башни восточной половины. На ступенях, ведущих к северному порталу, еще только начали укладку мраморных плит. Отделка холла, облицованного розоватым мрамором и светлыми деревянными панелями, была почти завершена. Бамбуковые леса заслоняли лишь часть потолка. Там, видимо, продолжались лепные работы.

На веранде, где был сервирован поздний ужин, кроме огромного стола, за которым свободно уместилось бы человек двадцать, и трех кресел, мебели не было. Сойдя к ужину из отведенной ему на втором этаже комнаты, Стив догадался, что Тео и Суонга на ужин не пригласили. Это его неприятно поразило, независимо от того, что инициатива, скорее всего, исходила от Райи. Некоторое время Стив прохаживался по веранде в одиночестве. Двое молодых служителей в белых накрахмаленных рубашках с черными галстуками и в белых до пят саронгах — вероятно, индонезийцы с Бали — заканчивали сервировку стола, исподтишка бросая на Стива быстрые любопытные взгляды. Он попытался заговорить с ними, но они отвечали лишь молчаливыми поклонами и смущенными улыбками.

Наконец на веранде появились Райя и Цезарь. Райя была в скромном белом сари. На ее смуглой шее и прекрасных ру-

ках Стив не заметил ни одного украшения. Овальное лицо в пышном ореоле темных волос сияло радостью, огромные глаза ярко блестели.

— Если бы вы знали, как я счастлива, что мы снова все вместе, — сказала она Стиву, приглашая его к столу.

Цезарь, в противоположность Райе, выглядел недовольным и хмурым.

— Сегодня утром звонил Пэнки, — сообщил он Стиву, едва они разместились за столом, — справлялся о нас с тобой. Представляешь?

— Значит, получил известия из Касабланки, — пожал плечами Стив. — Интересно, какие?

— Справлялся обо мне и о тебе. — Цезарь подчеркнул последнее слово.

— Хотел уточнить детали... Ты должен приготовиться к подробному допросу...

Цезарь сделал быстрое движение, видимо собираясь сказать что-то резкое, но Райя опередила его:

— Едва ли он станет звонить в ближайшие дни. — Она улыбнулась. — Я заверила, что мне ничего неизвестно ни о планах Цезаря, ни о его скором приезде. Даже спросила, когда он вас видел в последний раз.

— А он что? — поинтересовался Стив.

— Посоветовал побранить Цезаря за невнимательность, посочувствовал, что я одна, и распрощался.

— Что он все-таки сказал о нас: когда он нас видел? — настаивал Стив.

— Сказал, что недавно — в конце прошлой недели. Сказал, что все было хорошо и чтобы я не тревожилась.

— Прохиндей, — покачал головой Стив.

— Нет, банши!* — Цезарь швырнул на стол нож и вилку.

Райя испуганно взглянула на него:

— Почему банши? Что ты говоришь!

Стив попытался обратить все в шутку:

— У Цезаря бывает склонность к синистрозу**, Райя. Не стоит обращать внимания. Вернется к своим древним рукописям, и это пройдет.

---

* Банши — вестница смерти в ирландском фольклоре.

** Синистроз — ощущение неотвратимости бедствий, катастроф в ближайшем будущем.

— Нет-нет,— Райя энергично тряхнула головой,— у вас что-то случилось... Я сразу поняла. Что именно, Стив?

— Ничего серьезного,

— Неправда.

— Даю слово.

— Но тогда в чем дело? Ты упомянул о Касабланке... Вы там были? Что произошло?

Цезарь чуть заметно покачал головой. Стив печально усмехнулся:

— Хорошо, я скажу, чтобы ты не выдумывала никаких ужасов. Возникли недоразумения между мной и мистером Пэнки; мы с Цезарем еще не пришли к единому мнению, как их урегулировать.

— Пэнки догадался о чем-нибудь?

— Отчасти...

— Это плохо.— Прекрасное лицо Райи словно окаменело, глаза посуровели.— Это очень плохо, Стив. И он что-то уже пытался предпринять? В Касабланке, да?

— Королева «Парадиза XXI» не отступит, пока не будет знать все,— со вздохом сказал Стив, обращаясь к Цезарю.— Рассказывать? Или ты сам расскажешь потом?

Цезарь мельком взглянул на молчаливых официантов, сменявших тарелки.

— Можете говорить что угодно,— тихо сказала Райя.— Они оба глухонемые от рождения.

— Пэнки предложил Цезарю «убрать» меня,— криво улыбаясь, пояснил Стив,— а потом в отеле в Касабланке мне пытались подбросить в номер кобру.

— Ужас! — Райя закрыла лицо руками.

— Пустяки,— заверил Стив,— «змеелов» уже наш, а кобру мы захватили с собой.

— Как же тебе удалось?

— Это Тео,— сказал Стив очень серьезно.— Жаль, что его сейчас нет с нами.

— Пришлось сразу отправить Тео и Суонга с важными поручениями,— объяснил Цезарь.— Я не успел предупредить тебя. Тео возвратится сегодня ночью. Не беспокойся.

— Здесь ты должен чувствовать себя в полной безопасности, Стив,— заверила Райя.— На Земле нет более безопасного места, чем этот уголок...

— Этот райский уголок, — уточнил Стив.

— Да... Когда-нибудь он станет таким... Но придется еще подождать. — Райя вздохнула.

— Завтра мы все решим, Стив. — Цезарь поднялся из-за стола. — Спи спокойно. Райя не преувеличивает. На Земле нет более безопасного места, чем «Парадиз XXI». Идем, Райя.

— Завтра предложу одну идею, — задумчиво сказал Стив вслед удаляющимся Цезарю и Райе, — еще одну безумную, а может быть, гениальную идею...

— Обсудим и ее, — кивнул Цезарь.

«И если она придется тебе не по вкусу, — подумал Стив, раскуривая сигару, — я все равно попытаюсь осуществить ее. Клянусь в том памятью его преосвященства моего покойного дяди Карлоса де Эспинозы, если только он действительно покойник...»

На следующий день после бурного двухчасового объяснения, приправленного колкостями и взаимными упреками, они так и не пришли к согласию.

— Не понимаю, чего ты хочешь, — мрачно объявил Цезарь, не глядя на Стива. — Ситуация действительно сложная, со множеством неизвестных, но любой из предлагаемых мною вариантов в какой-то мере является выходом для тебя, хотя бы временным...

— Нет, и ты сам не веришь в то, что говоришь. Пэнки не успокоится, пока не убедится, что осуществил задуманное... Мы, и в частности я, наделали множество ошибок. Приходится еще удивляться, что Пэнки и Круксу гораздо раньше не пришло в голову, что я настоящий Стив Роулинг.

— Последней ошибкой была встреча с твоей дамой в Тунисе, — зло бросил Цезарь.

— Но, по твоим словам, меня взяли под подозрение гораздо раньше.

— Тунисское свидание их окончательно убедило.

— Значит, я прав, и мне действительно пора исчезнуть с горизонта, — упрямо повторил Стив.

Цезарь ударил кулаком по крышке письменного стола:

— Замечательно! А что посоветуешь сделать мне? Заварил кашу и теперь пытаешься умыть руки... Уйти в какой-нибудь тихий уголок... Первая настоящая трудность...

— Побойся бога, Цезарь! Хотя бы своего Будды! О каком тихом уголке может идти речь? И о какой первой трудности?.. Вспомни, через *что* мы уже прошли.

— Вот именно... И все впустую? Что я буду делать без тебя?

— Ах вот как! Значит, я тебе действительно нужен?

— Только круглый идиот мог бы сомневаться.

— Спасибо! Тогда слушай. Стиву Роулингу действительно надо исчезнуть со сцены. Вместе с Хорхе де Эспинозой.

Цезарь дернулся, но Стив не позволил перебить себя.

— Повторяю! Стив и Хорхе должны исчезнуть. Предлагаю устроить им пышные похороны здесь, в «Парадизе XXI». Можешь даже поставить на их общей могиле красивый памятник и послать его фотографию мистеру Алоизу Пэнки. Разве мы зря разыграли спектакль с трупом на носилках при отлете из Касабланки? Сам Пэнки подсказал этот выход.

— А ты? — произнес Цезарь чуть слышно.

— Надо ли объяснять, если я тебе действительно нужен...

— Ты хочешь затаиться на некоторое время, изменить внешность и затем...

— Отнюдь. Сразу после моих похорон ты перебросишь меня в зону к Тиббу. Он сам может заявиться сюда на «Летучем голландце» и забрать меня.

— Но... а дальше что? — неуверенно пробормотал Цезарь. — Зона действительно безопасное для тебя место, но... И ты мог бы переждать там некоторое время, но... Ты будешь лишен возможности активно действовать.

— Отнюдь. Предоставь это нам с Тиббом. Именно оттуда, не без помощи «летающих сковородок» Тибба, я займусь... как это ты назвал, бизнесом на... мафиях. Это одно из твоих предложений, не так ли, но с моей поправкой.

— Значит... снимаешь возражения, которые так красноречиво излагал на бразильском полигоне?

— Понимаешь, я думал об этом последние дни, — начал Стив очень серьезно. — Давай попытаемся выкорчевывать зло при помощи зла... Но имей в виду, я вовсе не ставлю цели уничтожить саму организованную преступность как таковую, Я по-прежнему считаю, что в современном обществе это невозможно. Создавая «мафию мафий», попробуем раздавить лишь самые гнусные гнезда организованной преступности, обескровить отдельные звенья... И выиграть главную битву — с

ОТРАГом. Я попытаюсь собрать армию слепо преданных мне людей. Всем, кто уцелеет, гарантирую обеспеченную старость. Мы станем выполнять программу, предложенную Пэнки, но... конечный результат будет совсем не тот, которого он ждет. Для осуществления этих безумных намерений мне необходима помощь Тибба и его УЛАКов. Если бы их не существовало, подобный замысел был бы чистым безумием. С их помощью можно рассчитывать на какой-то успех. Это все — в самых общих чертах.

Цезарь долго молчал, по привычке покусывая пальцы. Откинувшись в кресле, Стив терпеливо ждал, что он скажет.

— Даже хорошо зная тебя, не мог ожидать ничего подобного,— сказал наконец Цезарь.— Ты словно вдохнул жизнь в проект, который мне самому казался... почти безнадежным. Думаю, что Тибб не откажется принять участие в этой игре... Так или иначе, мы вскоре начали бы «пугающие» полеты. Разумеется, их можно совместить с выполнением отдельных конкретных операций — я имею в виду то, о чем ты только что говорил... Но подумал ли ты, что тебе придется стать совсем *другим человеком, полностью отказаться от своего прошлого,* не только от имени? Изменить внешность, привычки, по существу, все начать сначала.

— Не преувеличивай, Цезарь. Я ничего не собираюсь менять — ни привычек, ни, тем более, внешности. Людей с такой внешностью, как у меня, даже в Штатах великое множество. Перестав называться своим именем и появляться там, где появлялся до сих пор, я растворюсь в безликой массе средних обитателей нашей прекрасной планеты... Разумеется, мне понадобится новый надежный паспорт, но это отнюдь не проблема здесь, на Востоке; понадобится также солидный счет на новое имя в каком-нибудь надежном банке...

— Например, в Швейцарии?

— Нет, лучше тут, на Востоке, или в Южной Америке. Это мы еще решим... Мое новое имя будет известно только тебе... и Райе. А связь будем поддерживать через Тибба, во всяком случае — первое время, пока буду создавать нашу невидимую «армию».

— Остается еще «Парадиз XXI», Стив. Здесь ты можешь появляться когда угодно и без малейшего опасения, что тайна раскроется.

— Ты говоришь так, словно мы тотчас же расстанемся. Проект потребует многих уточнений и длительной детализации.

— Но, в принципе, мы договорились, Стив?

— В принципе, вероятно, да. Однако необходимо согласие Тибба.

— Предложу ему первый более далекий перелет совершить сюда, в Канди,— решил Цезарь.

По лицу Стива пробежала легкая усмешка, но Цезарь ее не заметил.

Утром за первым завтраком Цезарь с таинственным видом сказал Стиву:

— К ленчу жди сюрприза.

— Пэнки появится?

— А он тебе очень нужен? — рассмеялась Райя.

— Нет... Но сюрпризы у меня ассоциируются прежде всего с ним...

Прошло уже три дня после разговора, который положил начало их новой операции. Стив и Цезарь окрестили ее операцией «Шанс». «Шанс» — потому, что они располагали единственным шансом достичь успеха. Этим шансом были УЛА-Ки Тибба.

Минувшие дни Стив не сидел без дела. С помощью верного Тео, у которого имелись давние друзья в Коломбо и Канди, Стив попытался установить контакт с патриархами местных «семейств», контролирующих «черный» бизнес... Тео уверял, что «отцы» здешних «семейств» связаны с тайными обществами, давно обосновавшимися в Малайзии. Обществ этих там три или четыре, и все они являются филиалами гигантского объединения Ангбинхоай, делами которого заправляют богатые хуацяо*. Ангбинхоай — могущественное и глубоко законспирированное «братство», все члены которого состоят в «кровном родстве». Существует особый, сохраняемый десятилетиями ритуал посвящения в «братство». Полиции в Сингапуре, Малайзии и на Цейлоне не раз приходилось иметь дело с людьми и «триадами», которые подозревались в связях с Ангбинхоаем, но арестованные всегда хранят гробовое молчание, опасаясь мести за нарушение клятвы. Поэтому полицей-

* Хуацяо — лица китайской национальности, постоянно живущие в странах Юго-Восточной Азии.

ским никогда не удавалось размотать клубок до конца. Тео предполагал, и, по-видимому, не без оснований, что некоторые чины местной полиции сами состоят в «братстве».

— Совсем как у нас в Штатах и в Западной Европе, — заметил Стив.

— Но здешние ловчее и сильнее, — усмехнулся Тео. — Кроме того, у наших «наверху» неплохие связи с вашими... Тут — полный порядок, — заключил Тео.

Первые попытки нащупать контакт успеха не принесли. Тео предложил продолжить поиск, и Стив, не без колебаний, отпустил его в Тринкомали — порт на северо-восточном берегу острова, где у Тео были родственники.

Оказавшись без «телохранителя», Стив обрек себя на «домашний арест» в «Парадизе XXI», потому что Цезарь категорически воспротивился каким-либо его поездкам в одиночку. Тео уехал еще вчера утром. Стив ждал его к сегодняшнему завтраку, но Тео пока не было.

— С некоторых пор я разлюбил сюрпризы, — очень серьезно объявил Стив, когда завтрак подходил к концу. — Вероятно, это знак близкой старости. Сейчас, например, я опасаюсь и еще какого-нибудь «сюрприза» в связи с затянувшимся отсутствием Тео... Поэтому лучше не томи, Цезарь, и скажи, что за сюрприз ожидает меня в полдень.

— Тибб Линстер.

— Прилетит?.. Сегодня?

— Уже прилетел на рассвете. Сейчас отдыхает.

— Ничего себе подарочек! Надо было сразу известить меня. — В голосе Стива послышалась обида.

— У вас будет достаточно времени обо всем поговорить, — сказал Цезарь. — Путь сюда оказался нелегким — Тиббу надо дать отдохнуть.

— Но ты объяснил ему, в чем дело?

— В общих чертах.

— И он... согласился?

— В принципе, да.

— Значит, все в порядке!

— Да, прорезается реальная возможность реализовать наш с тобой единственный шанс.

— С Тиббом мы выиграем его, — убежденно заявил Стив.

— Да поможет вам всемогущий Шива, — вздохнула Райя, молитвенно сложив ладони.

— И богиня Лакшми* — предпочитаю ее заступничество, — добавил Стив. — Кстати, как Тибб сюда добрался?

— Конечно, не рейсовым самолетом.

— А где «Летучий голландец»?

— В абсолютно безопасном месте, — уклончиво ответил Цезарь.

— Взглянуть бы!

— Потерпи немного.

Встреча состоялась еще до ленча возле открытого бассейна, где коротал время Стив. Лежа под тентом в шезлонге, Стив просматривал свежие газеты, когда к бассейну вышел Тибб. На этот раз он был в ярком купальном халате и в легких шлепанцах на босу ногу. Коротко подстриженные курчавые волосы прикрывала круглая белая шапочка. Черная с фиолетовым оттенком кожа лица, полуоткрытой груди и ног матово блестела в лучах полуденного солнца. Стив поднялся с топчана, и они крепко пожали друг другу руки.

— Очень рад, что мы снова встретились, — сказал Стив.

— Я тоже, — лаконично отозвался Тибб. Они присели рядом на топчан.

— Как прошел перелет?

— Отлично. Это был УЛАК-пять.

— Сколько же ты летел сюда?

Тибб усмехнулся:

— Час сорок. Можно было и быстрее. Мы лишь немного вышли за пределы атмосферы.

— Фантастика!

— Можно перемещаться значительно быстрее, но это... первый вылет моего УЛАКа в космос.

— Цезарь утром упомянул о каких-то трудностях.

— С ориентировкой. Это компьютер. Но... все обошлось. Вернемся — отрегулируем.

— Ты один прилетел?

— С помощником. Его зовут Густавино. Он остался на корабле.

— А корабль?

Тибб снова усмехнулся:

— Недалеко отсюда.

---

* Лакшми — по индуистской мифологии, жена бога Вишну, богиня любви, красоты, благосостояния.

— Цезарь объяснил, в чем дело? Что мы задумали?

— Да. Утром и сейчас. Признаюсь, Стив, я ждал чего-нибудь подобного.

— Ну и что скажешь?

— Вероятно, это будет... неплохая проверка тактических свойств УЛАКов.

— А не боишься?

Тибб взглянул прямо в глаза Стиву и покачал головой:

— Нет. Потому что надеюсь — это борьба в защиту справедливости. И здравого смысла... Но мы должны быть очень осторожны, Стив. Как ты, вероятно, уже понял, возможности УЛАКов на Земле почти неограниченны.

— Именно поэтому...

— Не продолжай...

— Значит, мы можем начать тотчас же?

Тибб бросил взгляд на солнце, находящееся почти в зените.

— Тут полдень. В зоне скоро наступит полночь. Мы должны возвратиться туда до рассвета. Вылетим отсюда через четыре часа.

— Хотелось бы совершить по дороге посадку в Марракеше.

— Надолго?

— На час-полтора. Надо прихватить одного человека.

— Значит, вылетим через два часа.

— Договорились.

— Тогда в бассейн, Стив. Поплаваем немного перед... ленчем.

Тибб сбросил халат и нырнул в зеркальную гладь бассейна. Стив последовал его примеру.

УЛАК-пять оказался значительно меньше того аппарата, который Стив видел на бразильском полигоне. Уплощенная серебристо-матовая полусфера диаметром около шести метров казалась совсем небольшой на зеленой площадке для гольфа, разбитой в дальнем северо-восточном углу владений Цезаря и Райи.

— Его хорошо видно сверху,— заметил Стив, когда они вчетвером — вместе с Тиббом, Цезарем и Райей — вышли на освещенную солнцем зеленую лужайку.

— Мы построим здесь пару беседок с такими же вот полусферическими крышами,— сказал Цезарь,— сверху будет

не отличить... Сейчас облаков становится все больше. Через четверть часа, как всегда в эти месяцы, начнется дождь.

— Кроме того, он был накрыт масксетью, — добавил Тибб. — Густавино только что убрал ее.

— Теперь ты понял, Стив, зачем на «Парадизе XXI» понадобились башни в виде летающих блюдец? — спросил Цезарь.

— Начинаю понимать...

— Не спускай с него глаз, Тибб, — продолжал Цезарь, обращаясь к Линстеру. — Трюки, на которые он подчас решается, бывают опасны. Пусть он как можно дольше спокойно посидит в зоне. При необходимости вылетов первое время по возможности сопровождай его.

— Первое, и довольно длительное, время водить УЛАКи буду только я.

— Тем лучше.

— Не забудь про Тео, Цезарь, — напомнил Стив.

— Отправлю его на бразильский полигон, как только возвратится. Оттуда при первой возможности перебросите его в зону.

— Да... Но если у него «клюнет» в Тринкомали, пусть задержится сколько необходимо.

— Разумеется.

— И еще одно. — Стив наклонился к самому уху Цезаря. — Пусть и Суонг продолжит поиск нужных нам контактов, пока ты будешь находиться здесь.

— Это совсем недолго, Стив. Сразу же после торжественных похорон Хорхе де Эспинозы я улечу в Суракарту.

— Можно попробовать и там.

— Хорошо, он займется этим.

— А Тео по пути в Бразилию пусть сделает остановку в Марокко и разузнает об отголосках операции «Кобра».

— Не сомневайся, Стив. Я ничего не забуду.

— Ну, тогда до новых счастливых встреч, как любят говорить англичане.

— Удачи, Стив. — Райя протянула ему руки, и Стив, задержав их на мгновение, поднес к губам и поцеловал.

Последние рукопожатия. Тибб, уже стоя на трапе, предупреждающе машет, чтобы Цезарь и Райя отошли к краю площадки.

Темнеет, начинают падать первые крупные капли дождя. Цезарь хватает Райю за руку, и они бегут под защиту деревьев.

— Дождь перед отлетом — к счастью, Стив! — кричит Райя, на мгновение оборачиваясь.

— Не забудьте про красивый памятник на моей могилке! — вторит ей Стив, сложив руки рупором и стараясь перекричать шум дождя, который все усиливается.

— Быстрее, Стив.— Тибб тянет его за мокрый рукав куртки.— Пора.

Бросив последний взгляд на зеленую лужайку, перечеркнутую дождевыми струями, и на чуть различимые вдали фигуры Цезаря и Райи, которые уже укрылись под деревьями, Стив быстро вбегает по трапу вслед за Тиббом. Люк входа тотчас задвигается.

— Вот полетный комбинезон.— Тибб протягивает Стиву белый сверток.— Быстрее переодевайся и поднимайся наверх.

Стив с любопытством озирается. Низкое круглое светлое помещение с дверцами шкафов по стенам. Узкая ажурная лестница ведет наверх к круглому отверстию в потолке. Рядом быстро переодевается Тибб. Он уже успел натянуть белый полетный комбинезон. Стив торопливо следует его примеру, путаясь в застежках-молниях. Кое-как справившись с ними, Стив вслед за Тиббом поднимается наверх. Здесь тоже круглое помещение без окон, но значительно большего радиуса. Стены — сплошной пульт управления, занятый экранами, указателями, всевозможной аппаратурой. На узком столе, опоясывающем круглую кабину по периметру,— ряды разноцветных кнопок, включателей, светящиеся циферблаты и карты. Перед пультом — шесть кресел с высокими спинками и подлокотниками; кресла установлены по окружности, спинками к центру кабины. В самом центре, немного возвышаясь над полом, что-то похожее на двухместный прозрачный саркофаг, разделенный на два отсека прозрачной же перегородкой.

— Мне куда? — спрашивает Стив, с сомнением поглядывая на двухместный саркофаг в центре.

Тибб молча указывает на одно из кресел и протягивает розовую таблетку в прозрачной упаковке.

— Пристегнись ремнями и проглоти это.— Он сует в руки Стива таблетку.

— Зачем?

— Надо. Ты ведь никогда не летал так. В первых полетах лучше спать.

— Но я хочу...

— Глотай быстрее!

Стив мрачно усаживается в кресло, срывает прозрачную упаковку и осторожно кладет таблетку в рот. Она не имеет ни вкуса, ни запаха.

— Проглотил?

— Угу,— ворчит Стив, соображая, что делать с концами ремней.

В кабине появляется еще кто-то с копной черных волос и в белом комбинезоне.

— Это Густавино,— говорит Тибб.— Помоги ему пристегнуться, Густавино.

Густавино наклоняется над Стивом. У него узкое смуглое лицо под шапкой густых курчавых волос, темные брови, тонкие, плотно сжатые губы, пронзительные черные глаза. На вид ему лет двадцать пять.

— Привет,— бормочет Стив, пытаясь справиться с ремнями.

Густавино молча кивает, пальцы его мгновенно распределяют концы эластичных ремней по местам, и через несколько секунд Стив уже составляет одно целое со своим креслом.

Из-за спины Стива доносится голос Тибба, и Густавино быстро усаживается в соседнее кресло. Пальцы его ложатся на кнопки пульта. Стив в напряжении ждет, что произойдет. Но ничего не происходит. УЛАК остается неподвижным.

— Слушай, Тибб, когда мы полетим? — спрашивает наконец Стив. Собственный голос кажется ему глухим и очень далеким.

— Мы уже летим,— доносится откуда-то издалека голос Тибба.— Почему ты не спишь? Ты проглотил таблетку?

Стив хочет сказать, что проглотил, но вдруг проваливается в мягкую темноту.

Он затруднился бы сказать, сколько времени проспал. Из небытия его извлек голос Тибба:

— Мы над Марракешем, Стив... Ты слышишь меня? Под нами Марракеш.

— Марракеш? Где? — Стив с трудом раскрывает глаза.

Вокруг та же белая кабина с пультом управления, из которой он только что провалился в темноту. Рядом Густавино, внимательно глядящий на приборы.

— Смотри на экран, Стив.

На экране пестрая мешанина красно-бурого и зеленого цветов. В центре — темный прямоугольник неправильных очертаний.

— Это Марракеш с высоты двадцати восьми километров. А вот так — если изображение увеличим.

Изображение мгновенно меняется. Теперь на экране четкий рисунок обрамленных зеленью улиц, красноватые плоские крыши домов, косые длинные тени от минаретов, пальм, старинных красноватых стен. Улицы почти пустынны.

— Здесь раннее утро, Стив. Солнце только что встало, и люди еще не проснулись. Что будем делать?

— Нам надо попасть на площадь Эль-Фла возле главного базара, — бормочет Стив. — Там есть... Там мастерская чеканщика Надира.

— Мы сядем на пустыре за городом, вот у той пальмовой рощи, — раздается сзади голос Тибба. — Место незастроенное и совершенно безлюдное. От него близко до главного базара. Приготовь пока халаты, сапоги и фески, Густавино. Шкаф шесть.

Густавино исчезает. Изображение на экране, не теряя резкости, начинает быстро укрупняться. У Стива вдруг появляется неприятное ощущение, что экран валится на него. Он поспешно закрывает глаза и вдруг слышит над собой голос Тибба:

— Мы на месте, надо быстрее выходить.

Через несколько минут в просторных марокканских халатах, надетых прямо на полетные комбинезоны, красных фесках с золотыми кисточками и в зеленых сафьяновых сапогах с загнутыми вверх носками Стив и Тибб выбрались из придорожных кустов на пустынное асфальтовое шоссе, обсаженное агавами. Солнце только что поднялось над цепью невысоких гор на востоке, и красноватая каменистая равнина с рощицами чахлых пальм еще дышала утренней свежестью. В километре, освещенные косыми солнечными лучами, виднелись красно-бурые стены старого Марракеша. Вдалеке за ними громоздились и поблескивали стеклами кубы красноватых зданий новой европейской части города.

— Я когда-то был в Марракеше, — сказал Стив. — Площадь Эль-Фла недалеко — почти сразу за этими стенами, правее ворот, к которым ведет шоссе.

— Так получается и по карте, — кивнул Тибб. — Минут двадцать хода.

— Пригодилась бы машина.

— Если повезет.

Первое такси они увидели, когда миновали городские стены. Машина стояла у тротуара на совершенно пустой узкой

улице. Водитель сладко спал, откинувшись на спинку сиденья.

— Проспишь рай вместе с гуриями,— сказал Стив, тряхнув водителя за плечо.

Шофер встрепенулся и открыл глаза.

— Поехали,— объявил Стив, открывая дверцу машины.

— Я должен везти святейшего имама в главную мечеть на утреннее богослужение,— заскулил водитель.— Имам скоро выйдет. Здесь его дом.

— Имам еще не проснулся,— возразил Стив, пропуская вперед Тибба и садясь в машину.— Ты отвезешь нас и успеешь к имаму. Разве ты не хочешь заработать лишние пять долларов?

— Пять долларов, господин?

— Даже десять, если поторопишься.

— Куда ехать?

— Площадь Эль-Фла. Мастерская чеканщика Надира.

— Это же совсем близко, господин.

— Тем лучше. Ты отвезешь нас и подождешь там десять минут.

— Но я опоздаю к имаму.

— Зато заработаешь пятнадцать долларов.

— Пятнадцать долларов? А не обманешь?

— Аллах свидетель.

— Поехали.

Такси затряслось по выбоинам мостовой и, дважды повернув, выехало на обширную, еще пустую площадь, где и остановилось возле длинного коричневого одноэтажного дома. Над плотно закрытой дверью на массивной медной цепи висел знак цеха чеканщиков — большое медное блюдо, покрытое сложным геометрическим орнаментом.

— Мастерская чеканщика Надира? — уточнил Стив.

— Здесь, господин.

— Вот тебе пока пять долларов. Подождешь десять минут и потом получишь еще десять.

— А куда ехать, господин?

— Недалеко. Обернешься за десять минут.

— Буду ждать, господин.

Выйдя из машины, Стив принялся барабанить в плотно закрытую дверь. Тибб молча стоял рядом. Наконец за дверью послышались неторопливые шаркающие шаги. Глухой голос спросил по-арабски:

— Кого Аллах послал?

— Мне нужен чеканщик Надир.

— Ступайте с богом, сегодня пятница, хозяин отдыхает.

— Тогда позови Хасана ибн Хамида.

За дверью стало тихо. Похоже, что там совещались. Потом тот же глухой голос раздельно произнес:

— Не знаю, кто это.

— Знаешь. Разбуди его, если спит, и скажи, что принесли деньги.

За дверью снова стало тихо. Потом явственно донесся шепот, и уже другой голос, запинаясь, спросил:

— Кто прислал и сколько?

— Это я скажу Хасану, — отрезал Стив.

— А ты его знаешь?

— Знаю.

— А сам ты кто?

— Отвори — увидишь.

Послышалась возня, лязг нескольких засовов, и тяжелая дверь немного приоткрылась.

Выглянул старик в засаленной феске и в потертом халате, накинутом прямо на исподнее. За ним в полумраке лавки белела испуганная физиономия Хасана.

— Ну что же ты, — сказал Стив, рывком распахивая дверь, — не узнал?

— Я думал, полиция, — пробормотал Хасан, отступая в глубь лавки, — простите, господин.

— Его ищут, — пояснил старик, глядя исподлобья на Стива слезящимися красными глазами, — дважды приходили.

— Когда?

— Вчера и третьего дня.

— А он? — Стив кивнул на Хасана.

— Прятался у родственников. Ночью пришел.

— Вы его отец?

Старик покачал головой:

— Дед.

— Ну, Хасан ибн Хамид, что будем делать?

— Не знаю. Деньги дадите — за горы убегу, в пустыню.

— Там тоже могут поймать.

— Могут, — вздохнув, согласился Хасан.

— Вы в дом входите, — пригласил старик. — Не годится на пороге о делах говорить.

Стив и Тибб вошли в полутемную лавку, заставленную медными и бронзовыми светильниками, кувшинами, блюдами, чашами и всякой прочей утварью.

Старик задвинул засовы и пригласил гостей присесть.

— И вы оба садитесь,— сказал Стив,— времени мало. Надо быстро решать.

— Я кофе сварю,— предложил старик.

— Спасибо. В другой раз. Вот двести долларов, Хасан.— Стив протянул парню деньги.— Бери их и можешь действовать по своему усмотрению. Но думается мне, что тебя в покое не оставят и либо полиция, либо твои бывшие дружки рано или поздно доберутся до тебя.

— Доберутся,— мрачно согласился Хасан.

— Я не скажу, чтобы ты мне очень нравился,— продолжал Стив,— но, возможно, из тебя еще выйдет толк, в хороших руках, конечно. Я могу взять тебя к себе на службу, но ты должен тут, сейчас, в присутствии своего деда поклясться, что будешь служить мне верно и беспрекословно.

— Поклянись, Хасан,— сказал старик,— и благословлю тебя. А тут тебе не жить, ты знаешь это.

— Клянусь служить тебе, господин, и слушаться, как отца своего,— дрожащим голосом сказал Хасан и низко поклонился Стиву.

— И пусть,— закончил старик,— Аллах хранит тебя, пока сохраняешь верность клятве.

— Все,— сказал Стив, поднимаясь,— поедешь сейчас с нами.

— Но... мне надо собраться,— растерянно произнес Хасан.

— Через час может быть поздно.

— Дай ему несколько минут,— тихо сказал Тибб.— У нас еще есть время.

— Хорошо,— согласился Стив,— десять минут тебе на сборы. А вы, отец, запакуйте мне вот то серебряное блюдо и кувшин хорошей чеканки. Хасан захватит их, вы потом скажете родным, что он понес покупки и не вернулся.

— Блюдо дорогое,— покачал головой старик.— Делали для королевского дворца в Марракеше. Брат короля заказал, а взять отказался.

— Вы, значит, королевский поставщик? — усмехнулся Стив.

— Привилегию имею,— ответил без улыбки старый чеканщик,— вон под стеклом в рамке.— Он указал на стену.— Да от этого не легче. Едва концы с концами сводим. Плохо идет торговля. Туристов мало. Боятся к нам ездить.— Он сокрушенно покачал головой.

— Так сколько за блюдо и кувшин?

— Возьму с вас столько же, за сколько делал для брата короля. Платить будете долларами?

— Да.

— Значит,— он прикинул в уме, прикрыв глаза,— значит, блюдо — сто сорок долларов. А кувшин еще тридцать. Возьмете? Видит Пророк, я почти ничего не заработаю на этом.

— Вот сто семьдесят пять долларов,— сказал Стив, кладя деньги на низкий, инкрустированный перламутром столик.

Когда старик кончил запаковывать серебряное блюдо и кувшин, появился Хасан в потертом джинсовом костюме, с туго набитой кожаной сумкой через плечо.

— Бери пакет и прощайся с дедом,— сказал Стив.

Хасан низко поклонился старику, и тот обнял его, бормоча слова молитвы.

Через минуту они вышли на площадь. Такси ждало на прежнем месте. На площади уже появились первые прохожие, направлявшиеся в сторону базара. На Стива и его спутников никто не обратил внимания.

Когда такси отъезжало, Стив оглянулся. Старик, стоя в дверях лавки, поднял руку с четками, видимо, благословляя их отъезд.

— К восточным воротам и прямо по шоссе,— приказал Стив.

— О Пророк, не успею вернуться за имамом,— опять заныл шофер.

— Успеешь, если поторопишься.

Такси покатило немного быстрее.

Когда они поравнялись с пальмовой рощей, за которой приземлился УЛАК-пять, Стив схватился за голову и приказал шоферу остановиться.

— Совсем забыл,— воскликнул он, обращаясь к своим спутникам.— Мы же не купили пепси-колу.

— О аллах,— застонал шофер,— что вы за люди такие? Знал бы, ни за что не поехал с вами. Не буду возвращаться за пепси-колой.

— Дорогой, вернись, пожалуйста, — уговаривал Стив. — Если хочешь, мы вылезем и подождем тебя на шоссе. Пустой ты быстрее обернешься. Очень нужна пепси-кола.

— А куда потом ехать? — подозрительно осведомился шофер.

— Совсем недалеко, еще с пять километров.

— Ладно, — согласился шофер, и глазки его хитро сверкнули. — Вылезайте, я съезжу за пепси-колой и вернусь сюда. Только десять долларов плати сейчас, а то вы еще сбежите.

— Вот тебе десять долларов, — сказал Стив, вылезая из машины. — Ну, подумай, разве мы похожи на жуликов? Вот еще два доллара — купишь десять бутылок пепси-колы. А за оставшуюся часть пути заплачу дополнительно, когда довезешь.

— Ладно, ждите, — ухмыльнулся шофер и уехал.

— Он же обманет, господин, — расстроенно сказал Хасан, опуская сверток с блюдом на обочину шоссе. — Он ни за что не вернется.

— Конечно, не вернется, — кивнул Стив. — А он нам больше и не нужен. Здесь недалеко. Пошли.

Когда они подошли к УЛАКу, у Хасана округлились глаза и отвалилась нижняя челюсть, а когда Тибб и Стив сбросили халаты и Хасан увидел их полетные комбинезоны, он упал на колени и стал умолять пощадить его.

— А ну-ка вставай и полезай внутрь, — сурово сказал Стив, — никто не собирается съесть тебя живьем. А у меня на службе ты еще и не такое увидишь. Это всего лишь самолет, и сейчас мы полетим в нем к твоему новому месту службы.

— Таких самолетов не бывает, — всхлипывал Хасан, вытирая нос рукавом, — я понял, вы с другой планеты. Пощадите меня.

— Даже если мы и с другой планеты, тебе от этого хуже не будет. А ну, говорят тебе, полезай внутрь вместе со своим багажом. Тоже мне, гангстер!

Не переставая причитать, Хасан полез внутрь УЛАКа. Стив и Тибб поднялись следом. Люк задвинулся.

Водителя такси разбирало любопытство — как поведут себя обманутые им простофили. Интересно, сколько времени они будут ждать на шоссе на самом солнцепеке? Поэтому, отвезя имама в мечеть и получив вместо платы благословение,

он торопливо возвратился к восточным воротам и, миновав их, свернул на старую грунтовую дорогу, тянущуюся среди полузасохших колючих кустарников параллельно шоссе. Проехав по ней около километра, он выключил мотор, вылез из машины и, воровато озираясь, пробрался сквозь кустарник к шоссе. К его удивлению, на шоссе никого не оказалось. Кто-то, видимо, успел забрать его пассажиров попутной машиной. Несколько разочаровавшись, он поплелся обратно, но вдруг уловил краем глаза странный отблеск. Он поспешно оглянулся и остолбенел. Из-за ближайшей группы пальм беззвучно и очень быстро поднимался вверх, в яркую синеву неба, большой блестящий диск, похожий на перевернутый ковш для воды, но без ручки. Водитель сначала подумал, что ему привиделось. Он начал протирать глаза, однако таинственный предмет не исчезал, только уходил все быстрее в небо. А потом превратился в черную точку и исчез. Вспомнив, что о чем-то подобном он однажды читал в газете, водитель ахнул и сломя голову побежал к своей машине.

Часть третья

ОПЕРАЦИЯ «ШАНС»

После заседания совета директоров, на котором утверждался проект Шарка, Алоиз Пэнки попросил Феликса Крукса задержаться. Толстяк адвокат скорчил страдальческую гримасу:

— Меня ждут. Важная встреча... Клиент прибыл издалека.

— Подождет. У меня серьезный разговор. Пойдемте ко мне в кабинет.

Крукс недовольно засопел, но промолчал.

Из конференц-зала они выходили последними. Окинув внимательным взглядом опустевшее помещение, Пэнки сам погасил свет и запер дверь собственным ключом. Потом они прошли по длинному коридору, застланному мягким пушистым ковром, к специальному лифту, которым пользовались только доверенные сотрудники банка CFS. Лифт стремительно и бесшумно поднял их на двадцать седьмой этаж, где находился кабинет президента-исполнителя главного банка «империи».

— Никого не принимаю. Буду занят, — бросил Пэнки секретарю, проходя через приемную.

Секретарь — крупный мужчина средних лет, с массивным подбородком и удлиненным, яйцевидным черепом, чуть прикрытым гладко прилизанными светлыми волосами, — почтительно склонил голову.

Пропустив Крукса вперед, Пэнки вошел следом и плотно закрыл обитую коричневой кожей дверь.

Крукс с любопытством огляделся.

— Обновили кабинетик, — заметил он, устраиваясь в глубоком кожаном кресле, на которое указал Пэнки.

— Пришлось, — коротко ответил тот, садясь за свой огромный стол, заставленный телефонными аппаратами и дисплеями.

Просторный кабинет был отделан в коричневых тонах. Коричневые деревянные панели вдоль стен, коричневая полированная мебель, коричневатые занавеси на окнах, оранжево-коричневые тона росписи потолка — там была изображена батальная сцена из германской мифологии. Пол покрывал большой персидский ковер сизовато-коричневой расцветки.

«Однако раскошелился старик, — не без зависти подумал Крукс, — один такой ковер стоит уйму денег. Крутит Цезарем как хочет».

— Я хотел поговорить с вами о Цезаре, — начал Пэнки, не глядя на Крукса. — Как вы нашли его сегодня?

Адвокат пожал плечами и вздохнул:

— Конечно, он подавлен случившимся, но, по-моему, держался... достойно, как подобает главе такой фирмы.

— Он рассказывал какие-нибудь подробности?

— Никаких... Сказал только, что... этого типа... похоронили на Цейлоне, в парке «Парадиз».

— Вам известно точно, что произошло?

Крукс взглянул на собеседника с удивлением:

— Нет, конечно... Только газеты... Но... полагаю, вам-то известно?

— Оставьте! В Касабланке были ваши люди.

— Э-э, вот вы куда гнете, Пэнки, — медленно произнес Крукс, и его круглые, навыкате глаза сердито засверкали, — вот чего вам захотелось... Не выйдет... Мои люди действительно там были, но... Вам хорошо известно, что я противник крайних мер. Только бог вправе распоряжаться судьбами людей... Да-да, это мое святое убеждение, сэр. Я только добиваюсь правды во всем и справедливости.

— Прекратите, — поморщился Пэнки. — Не терплю кликушеств. Знаю, ваши люди неотрывно следовали за... вашим бывшим другом...

— Я сам говорил вам об этом. Но моей единственной целью было установить правду.

— Установили?

Крукс тяжело вздохнул:

— Сейчас, когда его уже нет, я не хотел бы ничего утверждать. Кое-какие подозрения остались, но...

— А в Касабланке?

— Цезарь всегда летал через Дакар. В Касабланку мои люди опоздали. Прибыли, когда самолет Цезаря уже улетел. И вы это знаете...

— Нет, не знаю. Мой человек прибыл в Касабланку... еще позже.

По розовому лицу адвоката скользнула чуть заметная усмешка.

— Значит, нам нечего сказать друг другу...

— Нет, есть,— повысил голос Пэнки, в первый раз подняв на Крукса бесцветные немигающие глаза.— Если это действительно не ваших рук дело, тогда кто?..

Адвокат завозился в кресле, извлек из кармана батистовый носовой платок и принялся вытирать лысину.

— Ну, что вы молчите?

— А о чем говорить? — сердито пробормотал Крукс.— Не понимаю, зачем вы разыгрываете передо мной эту комедию.

— Послушайте, Крукс...— Пэнки ударил высохшей старческой ладонью по столу.

— И не кричите на меня,— взвизгнул адвокат.— Не имею чести быть вашим служащим. Возмутительно!

— Ну хорошо,— сказал, помолчав, Пэнки, видимо стараясь успокоиться.— Хорошо...— Он достал из ящика письменного стола коричневый пузырек с таблетками, вытряхнул одну на ладонь и осторожно положил в рот.— Хорошо,— в третий раз повторил он, прижав ладонь к впалой груди.— Порассуждаем спокойно: если не вы и не я,— а я действительно не имею к этой темной истории никакого отношения,— тогда кто, почему?

— Я готов поклясться на Библии, Пэнки, мои люди не причастны к устранению этого человека.

— Плохо, Крукс. Признаться, надеялся, что это вы...

Адвокат подскочил в кресле.

— Успокойтесь,— махнул рукой Пэнки.— Но история сильно запутывается. Это плохо...

— Не понимаю, о чем вы.— Крукс снова принялся вытирать лысину.— Главное случилось. Человека, который казался опасным, больше нет.

Пэнки снова устремил на Крукса холодный взгляд неподвижных бесцветных глаз:

— Вы можете поручиться? Я — нет... Ваш бывший друг и клиент Эспиноза-Роулинг доставил нам массу хлопот. Уже не говорю, что он оказывал самое отрицательное влияние на Цезаря. Утечки информации — его работа... А вероятные связи с Москвой...

— Но теперь...— попытался возразить адвокат.

— Не будьте наивным, Крукс. Ваша доверчивость уже обошлась всем нам достаточно дорого... Что, если опять мистификация?

— С его смертью? Э-э, куда хватили,— с видимым облегчением вздохнул Крукс, откидываясь в кресле.— Если дело только в этом, могу вас успокоить. Цезарь увез из Касабланки труп. Это подтвердили десятки очевидцев.

— Врача в отель не вызывали. Местной полиции ничего точно не известно.

Крукс усмехнулся:

— Что вы хотите от марокканской полиции? А врач был: Суонг — одно из самых доверенных лиц Цезаря.

— Он подписал свидетельство о смерти?

— Конечно. Оно у меня. Цезарь отдал его мне.

— Зачем? У этого проходимца есть родственники?

Крукс беспокойно заерзал в кресле:

— Не люблю, когда меня начинают допрашивать...

— Я не допрашиваю, Крукс. Но необходимо уточнить детали... Не разделяю вашей безмятежной убежденности. Роулинг, или Эспиноза, или кто он там в действительности, был очень опасным типом.

— Был, но...

— Нужна стопроцентная уверенность. Так что известно о родственниках?

— Практически ничего... Я не знаю, кто вел его дела. Цезарь поручил мне разыскать его адвоката... А что касается родственников... Фамилия Роулинг достаточно распространена в

Штатах... Журналист Стив Роулинг, который работал в «Калифорния таймс», родился на северо-западе, в Спокане. Его родственников там не осталось, никто его не помнит. Кое-что удалось узнать в «Калифорния таймс», но и там сейчас мало людей, которые знали Стива Роулинга. Кроме того, журналисты «неразговорчивы», если речь заходит о ком-то из их бывших коллег... Главный редактор, который хорошо знал Роулинга, умер... В Лос-Анджелесе живет некая Перш, она работала секретарем в «Калифорния таймс». Кое-что удалось выудить у нее, у соседей — в доме, где жил Роулинг. Он действительно был очень похож на Эспинозу. Но Роулинг, работавший в Лос-Анджелесе, исчез с горизонта давно. Лет десять назад... Тут все совпадает — все, как мы считали...

— Вы считали, Крукс.

— Вы — тоже... Могу напомнить: первым усомнился я...

— Поздно усомнились. Могли пораньше... Вы ведь его выручали, когда его чуть не засадили за убийство.

— По подозрению в убийстве. Я занялся этим по просьбе Цезаря. Кроме того, я был кое в чем обязан ему самому...

— Кому, Крукс? Эспинозе или Роулингу?

— Эспинозе, конечно... Хотя теперь — не знаю. Нет, не знаю... А тогда моя задача заключалась лишь в том, чтобы доказать его непричастность к убийству. Это я сумел сделать.

— Напрасно. Еще одна ваша ошибка. Вы опытный адвокат, но слишком часто ошибались...

Крукс молча пожал плечами.

— А можно узнать,— снова начал Пэнки после непродолжительного молчания,— чем это вы лично были обязаны... ну, скажем, господину де Эспинозе?

— Нет,— резко возразил Крукс.— Это касалось исключительно нас с ним. Это глубоко личное дело. Только мое теперь...

— Жаль, что не хотите поделиться.— По лицу Пэнки пробежала судорога, и он снова прижал ладонь к груди.

— Вам нехорошо? — встрепенулся Крукс.

— Сейчас пройдет... Так вот, Феликс, ваши заверения не рассеяли моих сомнений. Но это тоже мое личное дело... Жаль, что так мало знаете или хотите сказать. Осталась единственная нить, за которую можно ухватиться...

— Надо ли, Пэнки?.. Насколько мне известно, вы не стали прослеживать всех нитей, которые потянулись от авиакатастрофы под Мехико...

Пэнки снова устремил холодный, немигающий взгляд на адвоката:

— Не стоит касаться той темы, Феликс. Она давно похоронена и... за пределами... ваших интересов.

— Ну почему же? Старик Цезарь был моим клиентом и другом.

— Был... И копание «в деталях» его не воскресило бы... Вашими молитвами и не без помощи вашего бывшего друга Роулинга-Эспинозы фирма приобрела молодого, энергичного и пока обещающего наследника...

Крукс насторожился, подозрительно взглянул на Пэнки:

— При чем тут мои молитвы? Они вас не касаются... И оставьте, в конце концов, в покое того человека. Кем бы он ни был в действительности, он мертв. Мир праху его...

— Допустим... Извините... Я уважаю ваши религиозные чувства, Крукс, хотя сам и не верю ни во что... Когда мои глаза закроются навсегда, мир перестанет существовать... Для меня, во всяком случае...

— Это ваша беда, Алоиз,— убежденно заявил Крукс.— Вера приносит огромное облегчение. И никогда не поздно...

Пэнки раздраженно дернулся:

— Не нужно душеспасительных разговоров... Я хочу спросить вас еще об одном: вы утверждаете, что в свое время доказали непричастность Роулинга-Эспинозы к... тому, что произошло с кардиналом Карлосом де Эспинозой. Что с ним в действительности произошло? Или вам удалось тогда доказать только алиби вашего подопечного?

— Только алиби. Ничего больше. Да ничего больше тогда и не требовалось... А по поводу самого преступления — насколько мне известно, оно осталось нераскрытым. Ватикан, как всегда в подобных случаях, предпочитает хранить молчание.

— Разумеется. Но полиция подозревала вашего подопечного не без оснований? Не так ли?

— Во-первых, крайне неблагоприятное стечение обстоятельств. Он был в числе... очень немногих, кто встречался с кардиналом незадолго до... его исчезновения. Во-вторых, кто-то,

чтобы запутать полицию, отправил из Акапулько кардинальское облачение, запятнанное кровью. Впоследствии, правда, установили, что пятна на облачении совсем не кровь. Главное заключалось в другом... Мне удалось доказать, причем совершенно неопровержимо, что латиноамериканская поездка кардинала оборвалась не в Акапулько, куда он прилетел... — Крукс прищурился, вспоминая, — двадцать второго ноября тысяча девятьсот шестьдесят третьего года, а почти месяц спустя в Колумбии. Последнее и явилось алиби для моего подопечного, который находился тогда в Малайзии.

— Так-так, — заметил Пэнки, постукивая костяшками пальцев по краю стола. — Я от кого-то слышал, что юрист при желании может доказать, будто слон, поскользнувшийся у обрыва, удержался потому, что зацепился хвостом за незабудку. Я, пожалуй, мог бы сообщить вам, Феликс, и еще кое-что интересное... Так вот: первое — кардинала Карлоса де Эспиносу не убивали и не похищали. Девять лет назад он сложил с себя сан и спокойно живет в Перу, где занимается какими-то исследованиями и читает лекции в университете. Второе — экс-кардинал Карлос де Эспиноза никогда не бывал в Акапулько.

Сообщение Пэнки Крукс выслушал с вытаращенными глазами и открытым ртом, но последние слова заставили его усмехнуться.

— Действительно, интересно, — согласился он, иронически поглядывая на Пэнки, — но и ваши сведения не слишком точны.

— Почему?

— Да потому, что я лично видел кардинала в Акапулько, даже разговаривал с ним. Это случилось вечером того дня, когда погиб старик Цезарь и в Далласе застрелили Кеннеди.

— Вздор.

— А вот и не вздор. Кстати, это тоже одна из причин, которые заставили меня согласиться на просьбу Цезаря и заняться делом... — Крукс замялся, — ну, этим делом второго Эспиносы.

Пэнки покачал головой:

— У меня нет оснований не верить вам, Феликс, но... мои сведения достаточно надежны. Может быть, вам следовало бы возобновить знакомство с экс-кардиналом.

— Был бы рад.

— Не исключено, что когда-нибудь доставлю вам это удовольствие. И теперь последнее, Феликс: думаю, что спустя некоторое время вам следует нанести визит Цезарю в его резиденции. Вы бывали там?

— Нет, никогда.

— Ну вот, найдите хороший предлог и поезжайте. Посмотрите, как там и что... Вы его поверенный в делах. Кстати, сможете помолиться на могиле вашего бывшего друга.

Лицо Крукса побагровело.

— Знаете, Алоиз... — начал он, поднимаясь с кресла.

— Знаю, знаю, — торопливо прервал Пэнки. — Расходы, связанные с поездкой, наш банк оплатит... Вы неплохо отдохнете на Цейлоне... И сможете кое-что уточнить...

Фридрих Вайст ожидал вызова к боссу. Тем не менее, телеграмма из Нью-Йорка застала его врасплох. Трудно было выбрать момент, более не подходящий для поездки с докладом... Дела на полигоне шли день ото дня хуже... Договор, закрепляющий правовое положение ОТРАГа, еще не был подписан, хотя в стране, которая теперь именовалась Республикой Заир, политическое положение несколько стабилизировалось: после смены десятка правительств к власти пришли люди, ориентирующиеся на Америку. Однако и они не торопились подписывать договор, после того как в газеты разных стран снова просочились сведения об ОТРАГе, о производстве на полигоне оружия, об испытаниях ракет... Перевороты и революционное брожение в соседних государствах Экваториальной и Южной Африки несколько отвлекали мировое общественное мнение от разоблачений ОТРАГа; все же в ООН представители африканских стран потребовали создания специальной комиссии и проведения международного расследования. Правда, власти Заира официально опровергли появившиеся в печати сообщения и до создания комиссии дело не дошло, тем более, что внимание мировой прессы переключилось на события в Гвинее-Бисау, а затем — в Анголе и Мозамбике, где все яростнее разгоралась борьба за освобождение.

Вайст прекрасно понимал, что обстановка накаляется, что сохранять в тайне деятельность такой организации, как ОТРАГ, становится все труднее, что у противников собрано немало компрометирующей информации, включая и космические

фотоснимки. Разоблачений, способных потрясти мировое общественное мнение, можно было ждать со дня на день.

Контроль на границах владений ОТРАГа предельно усилили. Погранзона круглосуточно охранялась специальными отрядами, просматривалась и прослушивалась с помощью электронной аппаратуры. Были, однако, случаи исчезновения местных рабочих; Вайст допускал, что части беглецов удалось обмануть бдительность охраны и контрольной аппаратуры.

Кроме того, недавно произошла история, крайне неприятная и трагическая. В центре «Б» — биологических исследований, где завершались многолетние опыты выращивания устойчивой культуры чумных бактерий, произошла утечка очень опасного штамма. Жертвами почти мгновенно стали несколько сотрудников центра. Руководитель работ — известный ученый-биолог профессор Хорнфункель,— по-видимому, растерялся. Опасаясь стремительной вспышки страшной эпидемии, он привел в действие секретную аварийную аппаратуру. Центр биологических исследований вместе со всем оборудованием, холодильными камерами, где хранились выращенные штаммы, и большинством персонала был уничтожен взрывом. Здание, где помещался кабинет Хорнфункеля, уцелело, но сам профессор сошел с ума и теперь находился в изоляторе медицинской секции полигона. К счастью, эпидемия не успела распространиться — это было единственным утешением. Пришлось объявить запретной зоной обширную территорию вокруг бывшего биологического центра, а немногих уцелевших сотрудников изолировать в длительном карантине. Босс, по-видимому, еще не знал о катастрофе, и теперь предстояло докладывать о ней лично.

Вайст полетел в Нью-Йорк, взяв с собой главного специалиста по ракетам профессора Рицке и Шварца. Этого последнего Вайст спустя некоторое время после скандальной истории на банкете приблизил к себе в качестве личного секретаря и адъютанта. Все трое прилетели на небольшом самолете в Киншасу и оттуда — рейсом американской авиакомпании TWA — в Нью-Йорк.

Вайст ожидал, что его ждет встреча с главой «империи», но в Нью-Йорке, на двадцать седьмом этаже старинного небоскреба, расположенного вблизи Центрального парка, его принял президент-исполнитель банка CFS мистер Алоиз Пэнки.

Принял одного, объявив через секретаря, что с профессором Рицке будет говорить позже.

Вайст до этого не встречался с Пэнки, хотя слышал о нем немало. Не без внутреннего трепета входил он в просторный, роскошно отделанный кабинет второго (а поговаривали, что и первого!) вершителя судеб в могущественной транснациональной «империи», детищем которой считался ОТРАГ.

Деловой, лаконичный, подкрепленный цифрами доклад Пэнки выслушал бесстрастно, ни разу не взглянув на говорившего, но, когда Вайст перешел к событиям в Центре «Б», Пэнки отрицающе шевельнул бледной, высохшей рукой.

— Я в курсе этого прискорбного случая,— заметил он совсем тихо.— «Проверку» нового штамма надо было осуществить в ином месте и более рационально...

Пэнки сделал долгую паузу.

— Не могло быть и речи о проверке...— начал Вайст.

— Почему же,— холодно возразил Пэнки,— могло... Если не пришло в голову Хорнфункеля, мог додуматься кто-нибудь еще...

— Профессор Хорнфункель не считал эксперименты законченными. Полученный штамм...

— Подобные эксперименты не имеют конца,— бесстрастно продолжал Пэнки.— Лучшее всегда враг хорошего, не так ли? Хорнфункель дурак. Вы не разглядели этого, господин генеральный директор. Я, впрочем, тоже... Но глупел он на ваших глазах?

На бледном лице Вайста выступили пунцовые пятна.

— Готов...— начал он.

— Помолчите! Первое, что надлежит вам сделать, когда вернетесь,— восстановить центр «Б». Временным руководителем назначьте кого-нибудь из уцелевших по своему усмотрению. О Хорнфункеле и остальных никогда больше ни слова. Их *просто не было* у вас...

— Но профессор Хорнфункель...— снова попытался начать Вайст.

— Вы никогда не слышали о нем,— монотонно продолжал Пэнки, чуть шевельнув худыми плечами.— Никогда... Ни о нем, ни о других... Вы все начинаете сначала. Только гораздо быстрее. Поняли?

— Да...

— Испытания штаммов — дело руководителя центра и ваше.— Пэнки подчеркнул последнее слово.— Где и на ком — обстоятельства подскажут. На Земле места много. Не так ли?

— Да.

— Рад, что вы согласны со мной, господин генеральный директор. Но имейте в виду — ошибиться можно лишь раз...

— Я готов...— начал снова Вайст и умолк, остановленный немигающим взглядом Пэнки.

— У вас превосходная анкета,— продолжал после короткого молчания Пэнки, не отрывая взгляда от лица Вайста.— До сих пор, за очень малыми исключениями, вы неплохо справлялись с вашими обязанностями. Они не принадлежат к числу легких. Но именно такие обязанности возложила на нас... сама история. Вас ценят и тут, и...— Пэнки пожевал тонкими губами,— в «Валгалле». Вам понятно?

— Да. Благодарю.

— Прекрасно.. А теперь главное, ради чего вас вызвали. Насколько я понял, уран вы получаете исправно?

— Да...

— В ближайшие пять лет вам надлежит наладить производство обогащенного урана. С профессором Рицке отправится наш доверенный человек — специалист-атомщик. Он возглавит эти работы. Понятно?

— Нет. Оборудование для обогащения...

— Вскоре получите через... одно западноевропейское государство. И первые партии обогащенного урана тоже. Но дальше будете производить его сами. К концу десятилетия у вас должна быть построена атомная электростанция... для нужд полигона. Вы поняли?

— Да...

— И восемь шахт для межконтинентальных ракет.

— Да.

— Они именно то, для чего создавался полигон.

— Да.

— Все должно быть готово для нанесения удара к середине следующего десятилетия. Понятно?

— Но...

— Теперь уже не может быть никаких «но», господин генеральный директор. Это историческая миссия. Она доверена... нам с вами.— Пэнки вздохнул.— Я могу не дожить до дня «Х», но вы... «Валгалла» выбрала именно вас. Вы поняли?

Вайст молча поклонился.

— Это величайшее доверие, которое накладывает на вас и величайшую ответственность, Фридрих. Вам суждено стать... апостолом очищения. Новым Парсифалем. Отныне полигон — новый Монсальват; вам доверена новая чаша Грааля. Чаша возмездия и очищения. Вы все поняли?

Вайст резко тряхнул головой:

— Нет, не все...

— Остальное поймете позже.

Пэнки снова вздохнул, взял из полуоткрытого ящика стола коричневую баночку, осторожно вытряхнул на ладонь таблетку.

— Подготовительный период кончился, Фридрих, — продолжал он, отправив таблетку в рот. — Сделано немало, но главное впереди. Операция, к которой приступаем, получила название «Шанс». Это криптоним, смысл которого вам станет ясным позднее. Считайте, что речь идет о «шансе» реванша. Криптоним и смысл операции известны лишь немногим из тех, кто входит в «Валгаллу». Отныне вы один из избранных. Мне поручено вручить вам знак избрания. Вот он...

Пэнки нагнулся, звякнул ключами, открывая дверцу сейфа в правой колонке своего стола. Из глубины сейфа извлек маленькую коробочку-кубик, а из нее перстень с большим черным камнем.

— Это алмаз, — продолжал он, — особый черный алмаз. Камень большой редкости. И особая огранка. Смотрите, вот такой же перстень у меня.

Пэнки протянул левую руку. Вайст увидел на его высохшем безымянном пальце перстень с черным алмазом.

— Они неотличимы, — продолжал Пэнки, сблизив оба перстня. — Это опознавательный знак. Об операции «Шанс» вы имеете право говорить лишь с тем, кто носит такой перстень. Все остальные, включая ваших ближайших помощников, не должны знать ничего, кроме деталей, относящихся непосредственно к выполняемым обязанностям. Полная тайна для всех и полная откровенность с теми, кто носит подобный перстень. Вам понятно?

— Да, конечно. Но могут быть похожие. — Вайст указал на перстень.

— Разумеется. Внешнее сходство лишь первый признак. Второй — вот. — Пэнки повернул камень на своем перстне и,

приподняв на тонких стержнях, показал Вайсту обратную сторону камня. Она оказалась плоской, на ней была выгравирована шестиугольная звезда.

— Масонский знак? — произнес Вайст с оттенком легкого разочарования.

— Вторая ступень,— кивнул Пэнки.— А вот третья, и последняя.— Повернув еще раз приподнятый над оправой камень, он раскрыл его, и Вайст увидел в глубине на черном фоне букву V.— Это и есть знак полного распознания.— Пэнки закрыл камень и опустил его в оправу.— Символ рыцарей Валгаллы, или, если угодно, новых богов... немецкого народа. Возьмите и никогда не расставайтесь с ним.— Пэнки протянул перстень Вайсту.— Утрата невосполнима и равнозначна смерти, Фридрих.

Вайст молча взял перстень и, приоткрыв камень, убедился, что внутри есть такой же знак V, как и в перстне Пэнки.

— Я обязан поблагодарить за огромное доверие,— сказал Вайст, надев перстень на безымянный палец левой руки и поднимаясь с кресла.— Как офицер...— Он вытянулся.

— Нет-нет, садитесь,— недовольно прервал Пэнки.— За *это* не благодарят. Кроме того, если мне не изменяет память, вы ведь не просто офицер, а генерал, Вайст. Кажется, вы были самым молодым генералом рейха.

— Я даже не успел примерить генеральскую форму,— бледно усмехнулся Вайст.

— Не важно,— возразил Пэнки.— Приказ был подписан. Да...— Он замолчал и снова взялся за пузырек с таблетками.

Вайст ждал, не сводя взгляда с пергаментного лица собеседника.

— С главным покончено,— сказал Пэнки, убирая лекарство в ящик стола.— Остаются мелочи... На бразильском полигоне построен наконец летательный аппарат типа «блюдца». Почти такой же, какой «придумали» газетчики лет тридцать назад. Аппарат занятный, многое может, но у них там заминка с вооружением. Вам придется помочь. Для начала отберите человек десять абсолютно надежных людей — помоложе, инженеров и желательно летчиков — для подготовки пилотов «блюдец». Вскоре у вас появится Герберт Люц. Его вы, конечно, знаете...— Пэнки бросил на Вайста испытующий взгляд.— Он выберет кандидатов из числа тех, кого вы рекомендуете.

— Не лучше ли один такой аппарат передать нам? — осторожно предложил Вайст. — Мы организовали бы подготовку пилотов на месте.

— Пока нет. У вас другие, более важные задачи. Выделите только надежных людей. И еще... Если вас навестит глава фирмы Цезарь Фигуранкайн... имейте в виду... у него нет такого перстня, как у вас. Пока нет... Он тоже ничего не должен знать о... Вы поняли?

— Он не знает и об экспериментах в центре «Б», — холодно заметил Вайст.

— Разумеется... Но о самом центре ему известно?

— В общем виде. Он даже собирался поставить центру какие-то задачи.

— Надо быть готовым к соответствующему объяснению.

— Для печати тоже?

— Для печати — только опровержения. И еще, Фридрих, Хорнфункель работал над вирусами, действующими избирательно — только на цветных...

— Ему удалось получить вирус, весьма опасный для африканцев и почти безвредный для белых, но...

— Это тоже продолжать и форсировать. Первая стадия — смертельно для черных и желтых, безвредно для... белых.

— Первая?

— Да, первая... Последующая — избирательное действие, в зависимости от политических убеждений.

Вайст внимательно взглянул на Пэнки. Нет, президент-исполнитель не шутил...

Во время обратного перелета через океан Вайст преимущественно молчал. Возвращались они вдвоем со Шварцем. По распоряжению Пэнки, профессор Рицке остался в Нью-Йорке.

Шварц, как и подобает дисциплинированному адъютанту, ни о чем не расспрашивал, но Вайст отлично понимал, что его снедает любопытство.

Впрочем, один вопрос Шварц все-таки себе позволил.

— Подарок? — спросил он, указывая на перстень Вайста, во время ленча над океаном.

— Купил на Бродвее, — спокойно ответил Вайст, продолжая разрезать бифштекс.

— Кажется, черный бриллиант?

— Надеюсь.

— А цена?

— Баснословная.

— Я бы ни за что не купил. Даже если бы были деньги. Не исключена липа.

— Конечно,— согласился Вайст.— Но я все-таки рискнул...

«Интересно, что ему известно и какие он получил инструкции в Нью-Йорке,— думал Вайст, откинувшись в кресле и поглядывая из-под опущенных век на своего секретаря и адъютанта.— Он был человеком Люца, а теперь... Насколько могу доверять ему?.. Безумная игра... шахты, ракеты, реванш... Ракеты, конечно, против русских... Мир сошел с ума. Все мы — ничтожные пешки в чьих-то руках. В чьих именно?.. Как бы хотелось знать...»

Эпидемия необыкновенно смелых и, как правило, успешных ограблений частных банков началась в Юго-Восточной Азии, но вскоре распространилась на весь Восток, перекинулась в Южную Африку, в Латинскую Америку и достигла берегов Европы.

В расследование включился Интерпол, но и самые опытные из его агентов оказались бессильными перед изобретательностью и ловкостью неведомых грабителей, которые либо вообще не оставляли следов, либо оставляли следы, рассчитанные на то, чтобы ввести в заблуждение преследователей. Приемы ограблений были настолько разнообразны, что каждый раз ошеломляли полицию своей неожиданностью. Банкиры не на шутку всполошились. Не помогали ни патентованные замки, ни бронированные двери, ни круглосуточная охрана, ни совершеннейшая электронная сигнализация, ни специально тренированные псы, ни ловушки, ни даже ядовитые змеи, запускаемые в хранилища.

Характерным было и то, что наряду с ценностями — золотыми слитками, бриллиантами, валютой, ценными бумагами — исчезали документы; чаще — документы, свидетельствовавшие об операциях не совсем законных или совсем незаконных. Некоторые были впоследствии подброшены или переданы в редакции газет. Их опубликование привело к сенсационным уголовным процессам и к не менее сенсационным «самоубийствам» нескольких воротил финансового мира.

Многие газеты выступили с предположением, что эпидемия ограблений и ее последствия — результат организованного наступления крупных семейств международной мафии, которые договорились и действуют совместно. Отдельные журналисты пошли даже так далеко, что прозрачно намекали, какие это «семейства» и кто возглавляет их. Немало появилось и статей, авторы которых выбрали в качестве сатирических мишеней Интерпол, его руководителей и уголовную полицию в целом. Беспомощность полицейских вскоре навлекла подозрения, что сама полиция как-то причастна к расширению «эпидемии».

Генеральный директор Интерпола запретил сотрудникам давать интервью о ходе расследования, пока не появятся конкретные данные. Именно их-то у Интерпола не было, хотя «эпидемия» ограблений не утихала.

Впрочем, в Интерполе вскоре поняли, что атака на банки не является делом рук одной организации. Помимо «классических» дневных ограблений с участниками в масках, стрельбой и трупами банковских служащих, ограблений, добычей которых, как правило, становились ценности не слишком крупные, имели место ночные операции гораздо большего размаха. Эти ночные тоже были двух типов, с двумя совершенно разными «почерками». В одних случаях по крайней мере часть замков и сигнализации оказывалась поврежденной, а охрана обезоруженной, связанной или выведенной из строя с помощью химических средств и даже оружия, в других — все запоры и электронные устройства оставались в исправности, охрана — по ее утверждению — бодрствовала и совершала положенные обходы, тем не менее, хранилища и сейфы были опустошены. Не вызывало также сомнений, что значительная часть ночных ограблений совершалась через верхние этажи и через крышу, очевидно, с помощью вертолетов с приглушенными моторами.

Однако никому не довелось видеть эти вертолеты, и, кроме того, главной загадкой оставалось — откуда грабители знали шифры замков, хранилищ и сейфов, откуда у них были ключи или приспособления, позволявшие им без видимых усилий и следов открывать и закрывать все запоры. Было над чем поломать голову сотрудникам Интерпола.

Наконец, удалось ухватить первую нить... При очередном ограблении банка в Гонконге охраной был застрелен один из

нападавших. Им оказался молодой японец. Находившиеся в это время в Гонконге агенты Интерпола ввязались в дело раньше, чем местная полиция успела окончательно запутать его. В результате личность убитого удалось установить — им оказался член гангстерского клана Якудза — японского подобия сицилийской мафии, — насчитывающего, по данным Интерпола, не менее ста тысяч человек. Внимание Интерпола сосредоточилось на клане Якудза. Ряд видных деятелей клана был арестован японской полицией. Однако сразу же вслед за этим произошло совершенно сенсационное ночное ограбление одного из крупнейших банков в Осаке. Добычей грабителей, проникших в помещение банка через крышу, стало свыше трех тонн золота в слитках, около сорока миллионов долларов в валюте и ценных бумагах и все документы из личного сейфа президента банка. Сигнализация оказалась в полном порядке, но в момент ограбления не сработала, а вся охрана, включая и трех собак, была обнаружена в одном из подвальных помещений в состоянии глубокого сна. Разбудить людей и животных удалось с большим трудом. Разумеется, никто из охранников ничего не помнил.

Президент банка, узнав об ограблении, совершил харакири, а по стране прокатилась волна банкротств. Сенсация еще не улеглась, как на смену ей пришла вторая... Осака, Нагоя, Гонконг, Тайбей, Сингапур, Манила, Куала-Лумпур стали аренами кровопролитнейших столкновений двух могущественных гангстерских кланов — японского Якудза и китайского Ангбинхоай. Взрывы бомб, погони на мотоциклах и автомашинах, многочасовые перестрелки совершенно нарушили нормальное течение жизни в этих городах и стали причиной значительного числа жертв. Местная полиция выжидала, стараясь, по возможности, не вмешиваться в междумафийные распри, ибо справедливо полагала, что взаимные кровопускания двух гангстерских спрутов — вода на ее собственную мельницу. Ясно было, что сводятся какие-то старые счеты, а может быть, и не очень старые. Это могла быть и война за будущие сферы влияния, в которой один спрут пытался сожрать другого. Это могла быть война за раздел добычи... Последнее предполагали сотрудники Интерпола, обосновавшиеся в городах, охваченных столкновениями. Они тоже выжидали, рассчитывая, что неосторожность одной из воюющих сторон может навести на след золота и ценностей, похищенных в осакском

банке. Однако следы похищенного золота так и не отыскались, а столкновения гангстерских кланов вдруг прекратились столь же неожиданно, как и начались. Убитых похоронили, и на улицы Осаки, Гонконга, Тайбея и других городов Юго-Восточной Азии снова возвратилась видимость спокойствия и правопорядка.

Пока в Интерполе анализировались и обсуждались немногие собранные факты, составлялись отчеты и рекомендации, выстраивались предположения, история, поразительно похожая на недавние события в Юго-Восточной Азии, разгорелась на американском континенте. Правда, соображения о подобии и даже об аналогии того, что случилось на антиподах планеты, возникли много позднее, когда следы снова были утеряны, но все-таки «лучше поздно, чем никогда», как любят повторять англичане.

Темной дождливой ночью, накануне дня, когда американцы собирались в очередной раз выбрать президента своей страны, был ограблен один из частных банков в столице штата Колорадо Денвере. Банк не из крупных; известно было, что он финансировал строительные подряды, какие-то изыскания в Гранд-Джанкшене, у подножия Скалистых гор. Факт ограбления не сразу привлек внимание и стал достоянием широкой гласности. Может быть, кому-то показалось неудобным превращать в сенсацию ограбление не очень большого банка в канун президентских выборов. Тем не менее, ограбление относилось к разряду сенсационных... Грабители проникли в помещение банка с крыши. Отключив каким-то образом сигнализацию, они очистили сейфы на верхних этажах, а потом спустились по главной лестнице вниз, очевидно рассчитывая попасть в подвалы. Тут их увидел один из охранников. В возникшей перестрелке этот охранник и один из грабителей были убиты. Как ни странно, остальные охранники — а их было еще четверо — ничего не слышали за игрой в покер. Трупы своего товарища и одного из гангстеров они обнаружили на главной лестнице уже под утро, после чего подняли тревогу. Грабителей, по-видимому, забрал с крыши вертолет, хотя ночью шума моторов никто в окружающих банк домах не слышал. Опустошенные сейфы в кабинетах директора банка и двух вице-директоров были оставлены открытыми. Замки их были в полной исправности, и каким образом их удалось открыть, а также как были открыты бронированные двери, ведущие в

кабинеты, осталось загадкой. Никаких следов грабителей, кроме трупа одного из них, не было обнаружено. Личность убитого полиция установила без труда. Это был гаитянин Марио Лукас по прозвищу «Беби», человек Иеремии Гебста – одного из «отцов» чикагской мафии. Разумеется, Гебст все начисто отрицал, уверяя, что уже несколько месяцев ничего не слышал о Лукасе. Тем не менее, Гебста арестовали, после чего был ограблен один из частных банков Чикаго, по слухам, принадлежавший Гебсту, а вслед за этим в Чикаго, Нью-Йорке и еще в десятке городов северо-восточных штатов началась форменная война чикагской и нью-йоркской мафий, которая продолжалась несколько недель и стоила немалых жертв одной и другой стороне. И в этом случае американская полиция предпочла радикально не вмешиваться, ограничившись арестом нескольких главарей обеих сторон, которые, впрочем, были выпущены под залог вскоре после окончания «боевых действий». Виновники же денверского и чикагского ограблений, как и в подавляющем большинстве всех предшествующих случаев, обнаружены не были.

Несмотря на то, что денверский банк не огласил похищенной у него суммы, его дирекция вскоре объявила о банкротстве, а бывший владелец банка, директор и один из вице-директоров скрылись. Второй вице-директор за несколько дней до этого погиб в автокатастрофе.

В Штатах вся эта история не привлекла особого внимания лишь потому, что совпала по времени с перевыборами хозяина Белого дома, – газеты главное внимание уделяли финалу предвыборной баталии и событиям, которые происходили в штабах претендентов на избрание.

Интерпол вначале тоже не заинтересовался ею. Банков в мире великое множество, и, в конце концов, их ограбления никогда не были чем-то из ряда вон выходящим. А волна ограблений, которой последние несколько месяцев весьма напряженно и безуспешно занимались многие сотрудники Интерпола, берегов Северной Америки еще не коснулась.

Однако, когда Сэмюэл Бриджмен, только что возвратившийся из Осаки, обратил внимание своего начальника на определенные аналогии в развитии событий в Юго-Восточной Азии и в Северной Америке, руководство Интерпола приняло решение срочно командировать его в Денвер и Чикаго для консультаций с американскими коллегами.

Спустя две недели Сэмюэл Бриджмен возвратился обратно и привез с собой вполне созревшую и совершенно сенсационную гипотезу: виновники ограблений — инопланетяне.

Стив узнал об этом из сообщений бразильского радио.

— Бриджмен не так уж далек от истины,— заметил он Тиббу, вместе с которым они сидели за утренним кофе.

— Вот именно,— кивнул Тибб.— И если ему доверят руководство расследованием, кое-кого он сумеет найти.

— Он не продвинется слишком далеко... Гангстеры всего мира всполошились, сообразив, наконец, что кто-то ворошит палкой в их муравейниках. Они удвоят осторожность. В этой ситуации у Интерпола нет шансов добиться чего-либо. А нам следует усилить активность. Еще парочка хороших ударов ниже пояса, и «крестные отцы» созреют окончательно.

— Смотри, чтобы Бриджмен не испортил погоды.

— Что-нибудь всегда можно придумать.

— Игра вступает в такую стадию, когда на импровизацию больше нельзя полагаться.

— Разве все, чем я до сих пор занимался, не было чистейшей импровизацией, в зависимости от обстоятельств?

— Нет. Насколько мне известно, Стив, с самого начала у тебя существовал четкий план. Импровизировал ты в рамках плана. Именно поэтому тебе сопутствовал успех.

— Короче, что ты предлагаешь?

— Сейчас надо выждать. Посмотрим, что предпримут «отцы» кланов и Бриджмен.

— Снова он!

— Смирись, Стив. С ним, видимо, придется считаться. И еще...— Тибб умолк и отпил глоток кофе.

— Что еще, старина?

— Еще не забывай Пэнки... Он дьявольски хитер. И тоже хочет разыграть свою партию. События последних месяцев едва ли прошли мимо него. Идеи Бриджмена могут и его заинтересовать... Ты меня понял?

— Да.

— Он настойчиво добивается доступа для своих людей к кораблям. Ночью звонил Цвикк. Завтра по распоряжению Пэнки он встречает в Манаусе новую группу кандидатов в пилоты.

— Опять во главе с Люцем?

— Вероятно.

— Отфутболишь и этих.

Тибб очень серьезно покачал головой:

— Нельзя повторять дважды один прием. Прошлый раз я подробно изложил Люцу свои требования. Не сомневаюсь, он сделал все возможное, чтобы на этот раз кандидаты не были забракованы.

— Что ты думаешь предпринять?

— Я уже сказал Цвикку, чтобы в воскресенье он перебросил их на полигон.

— В воскресенье — это через три дня.— Стив задумался.

— А что предложил бы ты? — поинтересовался Тибб, выждав немного.

— Устроить им «встречу» в Манаусе.

— Можем навлечь подозрения... Люц — опытный ас. Он постарается избежать провокации.

— Так не ждать же их сложа руки!

— Предложи что-нибудь дельное, Стив.

— О'кей! Предлагаю втравить в это Цезаря.

— Каким образом? И главное, зачем?

— У него давние счеты с Люцем. Он даже разыскивал Люца, когда мы впервые были на африканском полигоне. Тогда этот подонок где-то укрывался. Пэнки снова ввел его в игру недавно.

— Идея недурна,— кивнул Тибб.— Пэнки допустил оплошность. Надо все продумать и обсудить... Вечером позвонит Цвикк...

— Только не слишком раскрывайся,— предостерег Стив.

— С ним можно. Он... надежный товарищ. Кстати,— Тибб усмехнулся, блеснув двумя рядами отличных зубов,— он и о тебе все знает. Знает даже, что скрываешься в зоне.

В четверг вечером, после разговора с Цвикком, план действий был окончательно согласован.

— Итак,— резюмировал Стив,— завтра с заходом солнца вылетаем на Яву через Лондон. В Лондоне обстановка отличная: густой туман, изморось; бастуют работники аэропортов. После небольшой операции на Кэннон-стрит ты летишь дальше, в Суракарту на Яве, а я остаюсь в Лондоне...

Тибб забарабанил пальцами по столу.

— Остаюсь с Тео,— поспешил добавить Стив.

— С Тео и с Шейкуной,— поправил Тибб.

— Излишество, но пусть будет так... Взяв Цезаря, вы на следующую ночь возвращаетесь за нами в Англию. Встреча в полночь у северных ворот кладбища Хайгейт. С севера к кладбищу примыкает открытая холмистая местность с кустарниками — площадки для игры в гольф; в это время там не будет ни одного живого человека.

— Понял.

— И в ту же ночь мы снова вернемся сюда.

— Да... Чтобы встретить Люца и его людей в Манаусе.

Стив на мгновение задумался.

— Это было бы самое лучшее, но решать будет Цезарь. Не исключено, что он захочет встретиться с Люцем на полигоне.

— Будет достаточно времени, чтобы решить,— сказал Тибб.— Все ясно, и ты можешь отправляться спать.

— А ты?

— Пойду в ангары. Надо проверить кое-что на УЛАКе. Полет нешуточный. Лондон нашпигован радарными установками и всевозможными станциями наблюдения. Когда будем снижаться, нас засекут, вне всякого сомнения. Важно только, чтобы нашлось достаточно места на крыше этого здания на Кэннон-стрит. Там мы окажемся в мертвой зоне.

— Место найдется,— успокоил Стив,— но я сейчас подумал о второй ночи. Если они о чем-то догадаются, то наверняка будут наготове... Может, место встречи выбрать подальше от Лондона?

Тибб отрицательно покачал головой:

— Не надо. Возле Хайгейта место отличное, я его хорошо знаю. Зайду с севера на бреющем полете. Важно, чтобы вы там оказались вовремя.

— Будем!

«Целый день в Лондоне,— думал Стив, пробираясь по затянутой противомоскитной сеткой, полутемной веранде к себе в комнату,— последний раз я был там весной минувшего года, и неизвестно, когда смогу очутиться снова. Значит... Значит, надо использовать этот шанс возможно полнее. Но там ли сейчас Инге?..»

Сутки спустя УЛАК-пять, стремительно перелетев Атлантический океан, шел на снижение над центром Лондона. На высоте семи километров вошли в облака.

— Облачность до самой земли, — коротко доложил навигатор.

— Хорошо, — отозвался Тибб. — Пункт посадки?

— Есть — на главном экране.

Стив, не поворачивая головы, скосил глаза на большой экран над пультом управления. Центр города просматривался необыкновенно четко, словно с низко летящего вертолета в яркий солнечный день. Знакомый лабиринт улиц Сити, купола собора Святого Павла, Кэннон-стрит. На крыше одного из домов по восточной стороне вспыхивала и пригасала зеленая точка. Стив вспомнил, как полтора года назад перед ним в последний раз распахнулись тяжелые двери этого дома. Вспомнил ярко начищенную медную табличку у входа. Мысленно усмехнулся: если бы он мог предполагать тогда, что следующий визит состоится подобным образом.

— Причаливание, — доложил второй пилот.

— Давай, — послышался голос Тибба, — нет, третью опору под каменную трубу слева. Хорошо. Приготовиться к высадке. Вы двое останетесь на корабле. Остальные выходят.

«Распоряжения второму пилоту и навигатору, — сообразил Стив. — Остальные — он сам, Тибб, Тео, Шейкуна и еще эти двое, как их, Паоло и Санчо — "крестные сыновья" почтенного папы Джулиано, который и по сей день командует в Голливуде небольшой мастерской, где ремонтируются автомашины. Правда, кроме того, у него есть еще вилла на Сицилии и пара отелей в Риме, но там, по словам Джулиано, давно заправляют его дочь и зять».

Стив выбрался из кресла. Мысли тянулись, как клейкая лента. Кружилась голова. Он все еще не может привыкнуть к полетам на УЛАКах. Дьявольски удобно, конечно, — быстро и никаких ожиданий в аэропортах, — но вот головокружение, черт бы его побрал...

Стив глянул исподлобья на своих товарищей. «Нет, эти ничего — держатся, особенно Тибб... Его ничто не берет. Сейчас мы выйдем наружу, и промозглая лондонская сырость и холод все поставят на свои места».

Так и случилось. Уже на трапе головокружение исчезло. Стив с наслаждением вдохнул влажный, с запахом бензина и прелых листьев воздух. Шепнул чуть слышно: «Ну, здравствуй, Лондон...»

Дальше все пошло как обычно. Тео шествовал впереди с «электронной отмычкой», как Стив окрестил сложнейший маг-

нитно-электронный аппарат ИМЭМ — гордость Тибба,— соединяющий в себе электронный индикатор с мощным магнитным манипулятором и миниатюрным счетно-решающим устройством — электронным мозгом высокого класса. «Электронное чудо» умещалось в небольшом черном футляре, висящем на груди у Тео. От футляра отходил вниз гибкий металлический щуп полутораметровой длины, который можно было в случае необходимости ввести в любую замочную скважину, а под верхней крышкой находилась компактная панель управления с несколькими верньерами и небольшим флюоресцирующим экраном. Тео подходил к закрытой двери, дотрагивался концом щупа до корпуса замка, вращал один из верньеров, и замок открывался сам мягко и бесшумно, при этом автоматически отключалась вся электрическая и электронная сигнализация в радиусе двадцати — двадцати пяти метров от ИМЭМа.

Освещение в верхних этажах было выключено. Слабо светили лишь голубоватые ночные лампы на лестничных площадках да предупреждающие надписи вдоль коридоров: «Внимание, сигнализация включена». Надписи продолжали предупреждать, хотя в действительности вся система сигнализации была полностью нейтрализована ИМЭМом. В некоторых помещениях было довольно светло,— туда проникал желтый свет уличных фонарей с Кэннон-стрит.

На четвертом этаже Стив указал кабинет директора банка. С замком двери, ведущей из приемной в кабинет, пришлось немного повозиться. Замок оказался с шифром, который ИМЭМ раскусил не сразу.

— Что-то новое,— заметил Стив, пока Тео манипулировал с прибором.— Насколько помню, тут стоял обычный солидный английский замок, который открывался обычным ключом с фигурным вырезом на бородке.

— Что-то новое будет внутри тоже,— немного нараспев сказал Тео, продолжая манипулировать щупом и верньером. Наконец дверь бесшумно отворилась.

— Новый сейф,— объявил Стив, первым входя в кабинет.— Вот этот — самый массивный. Раньше его тут не было. Интересно, как его доставили сюда?

— Стена ломал? — мрачно предположил Шейкуна.— Наверно, вот этот стена. Будем открывать?

— Разумеется. Сначала его, потом остальные.— Стив с интересом разглядывал кабинет.— Знаешь, Тибб, тут все как-то

изменилось. Мне даже кажется, что кабинет стал поменьше. Может, это от деревянной обшивки, — раньше ее не было.

— Под деревом сплошной металл. — Тео не отрывал взгляда от прибора, проводя щупом вдоль стен. — Металл — толщина четыре-пять дюймов. Кабинет бронирован.

— И окна могут закрываться броневыми плитами, — добавил Паоло, обследовавший подоконник, — вот паз от них.

— Ничего себе. — Стив покачал головой. — Зачем все это?

— Похоже, ты не напрасно настаивал на операции, — заметил Тибб.

— Интуиция...

С большим сейфом провозились с четверть часа. Механизм оказался очень сложным, с тройным обеспечением. Наконец послышался последний щелчок, и Шейкуна, повернув массивную рукоятку, медленно приоткрыл дверь. Сейф был почти пуст, только в верхнем отделении лежали две небольшие кожаные папки — желтая и коричневая. Шейкуна передал их Стиву. Стив раскрыл желтую, полистал.

— Не то... Интимная переписка господина директора Венуса. Стоило ради нее затаскивать сюда этого мастодонта. Положи на место, Шейкуна.

— Быстрее, — торопил Тибб. — Если туман поднимется, УЛАК могут разглядеть из окон высотных зданий.

Пока открывали второй сейф, Стив углубился в изучение документов коричневой папки. Вдруг у него вырвался возглас изумления:

— Ого, тут кое-что интересное: расписки господина Герберта Люца. Так-так... Копия письма швейцарскому банку... Ну и ну... Счета ОТРАГа... Это захватим с собой. В мешок ее, Шейкуна!

— Быстрее, быстрее, — торопил Тибб.

— Во втором только деньги, — сказал Санчо. — Пачки денег в крупных купюрах. Доллары, фунты, марки. Очень много денег. Ужасно много.

— Тоже в мешки, — решил Стив, — существует правило: нельзя отказываться от денег, сваливающихся как снег на голову, если не хочешь прослыть сумасшедшим... Пусть думают, что было обычное ограбление. Интересно, зачем он держал такую уйму денег тут, а не в хранилище?

— Здесь внизу ящик с какими-то ключами, — объявил Паоло, выгребая на ковер новые пачки купюр.

Стив подошел, заглянул.

— Ключи от частных сейфов в подвалах банка. Это нам тоже понадобится. — Стив достал из кармана ключ, передал Паоло: — Найди на доске такой же.

— Стив, невозможно: у нас не остается времени на подвалы, — запротестовал Тибб.

— Совершенно необходимо, дорогой.

— Ты ставишь под угрозу операцию.

— Не дергайся. Все будет о'кей.

— Вот второй ключ, шеф.

— Прекрасно, Паоло, возьми его и еще несколько ключей с близкими номерами.

— Есть.

— В большом сейфе тайник, — послышался голос Тео. — Открываю.

— Что там? — Стив рассовывал по карманам ключи, которые ему передал Паоло.

— Маленькие коробочки. В них перстни. Все одинаковые — с черными камнями.

— Много там этого?

— Десятка полтора.

— Вероятно, фирменные сувениры... Больше ничего?

— Нет.

— Возьми один на память.

— Стив, ты ведешь себя крайне легкомысленно. — Тибб подошел совсем близко, и, хотя говорил очень тихо, Стив почувствовал, что Линстер весь напряжен и с трудом сдерживается.

— Извини меня, — Стив хотел взять его за руку, но Тибб резко отдернул руку, — извини, это, вероятно, потому, что я вдруг почувствовал себя почти в домашней обстановке... Прошу у тебя еще четверть часа, если откажешь — кончаем все тотчас и возвращаемся.

Тибб бросил быстрый взгляд на часы и прерывисто вздохнул:

— Хорошо. Четверть часа, и ни минуты больше. Командуй.

— О'кей. Мы идем вниз вдвоем с Тео. Вы приводите тут все в порядок, кроме сейфа с ключами, и возвращаетесь на корабль. Через четверть часа мы с Тео присоединяемся к вам.

— Одна поправка, Стив. Ждем тебя здесь.

— Согласен. Пошли, Тео!

— Постарайтесь избежать соприкосновения с охраной.

— Ясно...

Тибб проводил их до выхода в коридор. Через несколько секунд их фигуры растворились в сумраке главной лестницы. Тибб сосредоточенно прислушивался. Абсолютная тишина везде. Оглянувшись, Тибб увидел Шейкуну, застывшего как изваяние в проеме двери, ведущей в кабинет. Он поманил африканца пальцем.

— За ними в обеспечение, но не дальше вестибюля внизу.

Шейкуна кивнул и исчез, словно провалился сквозь землю.

Тибб возвратился в директорский кабинет.

Паоло и Санчо кончали упаковку мешков.

Тибб прошелся по кабинету, продолжая прислушиваться. Тишина. Он бросил взгляд на часы. Прошло уже три минуты.

Пасло бесшумно шагнул к нему, кивнул на открытые сейфы:

— Закрываем?

— Кроме левого.

— Не изменить ли шифры? — В черных глазах Паоло притаилась усмешка. — Пусть директор в понедельник поломает голову.

— Почему в понедельник?

— Завтра суббота, едва ли он появится тут...

— Действительно, суббота, только она уже началась. — Тибб снова посмотрел на часы, отметил про себя: «Четыре минуты прошло». — Сейчас тридцать две минуты первого, — кивнул он, — меняйте шифры.

Тяжелые двери беззвучно закрылись одна за другой. Паоло и Санчо как тени скользили по кабинету, восстанавливая прежний порядок. Тибб вышел в приемную, снова выглянул в коридор. Прислушался. Тишина. Глянул на часы: тридцать шесть минут первого. Минуло уже восемь минут из пятнадцати. Паоло и Санчо вынесли мешки в приемную.

Санчо предложил:

— Перетащим их на крышу.

Тибб отрицательно качнул головой:

— Нет, пойдем все вместе.

— Там норма, — Санчо указал в сторону кабинета, — осталось закрыть последний сейф. Никто ни о чем не догадается...

— Пока не откроют сейфы, — усмехнулся Паоло, — но повозиться придется. У них ведь нет Тео с его дьявольской коробкой.

— Вырежут замки, — предположил Санчо.

— Нет... Откроют, но не сразу.

— Тихо. — Тибб предостерегающе поднял руку.

Все затаили дыхание, прислушиваясь. Тишина. Потом донесся едва различимый гудок теплохода с низовьев Темзы. И опять тишина. Тибб бросил взгляд на часы: оставалось три минуты.

— Здесь хорошая звукоизоляция, — шепнул Паоло, — даже машин с улицы не слышно.

— А они сейчас не ездят, — отозвался Санчо, — ночь.

— Ездят. Только не слышно. Видел стекла в окнах? Полсантиметра толщиной. И двойные к тому же.

— Может, тоже бронированные.

— Тихо, — повторил Тибб.

В проеме двери бесшумно выросла высокая фигура Шейкуны:

— Возвращаются.

— Удалось?

— Да.

Через полминуты появились Тео и Стив с большой кожаной сумкой в руке.

Стив испытующе глянул на Тибба:

— Уложились в отведенное время?

— Сэкономили полминуты. Все в порядке?

— А ты сомневался?

— Что охрана?

— Это же истинные англичане... Что они могут делать ночью? Спят, конечно. Двое в пижамах — на диване и раскладной кровати. Третий в полном облачении, сидя у стола.

— Пробуждение принесет неожиданности.

— А мы не оставили никаких следов, — скривился Стив, — и здесь, надеюсь, не оставим. Эти внизу сменятся утром. До понедельника никто ни о чем не догадается. Работаем все совершеннее, Тибб.

Спустя несколько минут, тщательно закрыв за собой все замки и двери, они выбрались на крышу. Дождь моросил по-прежнему, туман стал еще гуще. Теперь с крыши едва различались ветви голых деревьев во дворе банка и желтые пятна

фонарей на Кэннон-стрит. Было очень тихо; с Темзы изредка доносились гудки судов, прошелестела внизу машина.

Шейкуна, Паоло и Санчо уже заканчивали погрузку мешков с деньгами.

— Хорошее местечко, — мечтательно произнес Стив, наклоняясь над парапетом и силясь разглядеть что-нибудь внизу сквозь туман. — Знаешь, мне даже жаль покидать его.

— Где вас высадить? — Тибб не склонен был разделять его благодушно-созерцательного настроения.

Стив оторвался от парапета и подошел к трапу:

— Там же, где завтра возьмете.

— Быстрее внутрь, переодевайтесь и готовьтесь к высадке.

Через десять минут они расстались на раскисшей от дождя лужайке невдалеке от каменной ограды кладбища Хайгейт. Стив, Тео и Шейкуна, подняв воротники плащей, пошагали в слабо освещенный фонарями просвет ближайшей улицы, а темный диск УЛАКа бесшумно оторвался от земли и сразу же исчез в тумане.

Около двух часов ночи они добрались на такси до вокзала Эстон и тут, смешавшись с толпой пассажиров только что прибывшего поезда, разделились. Стив направился в расположенный рядом с вокзалом «Кеннеди-отель». Через десять минут он уже спокойно засыпал в отведенном ему номере, убежденный, что точно так же поступил бы на его месте любой честно потрудившийся человек после нелегкого рабочего дня.

Утром, когда Стив завтракал в кафе «Кеннеди-отеля», состоялась условленная встреча с Тео. С пачкой свежих газет Тео устроился за соседним столиком и заказал кофе и два яйца всмятку, что означало: «Все в порядке, мы с Шейкуной на своих местах».

Стив, покончив с завтраком, попросил официанта-филиппинца принести вторую чашку кофе без сахара, что означало: «У меня тоже все в порядке, действуем по согласованному вчера плану».

План Стива предусматривал посещение Национальной галереи, телефонный разговор с Москвой по одному из уличных автоматов, потом обед в маленьком ресторанчике «Три пирата», расположенном вблизи порта, где должна была состояться встреча с Тео и одним из его лондонских друзей.

После обеда предстоял поиск Инге, если утреннее посещение Национальной галереи окажется безрезультатным.

К величайшему разочарованию Стива, оно таким и оказалось. В это серое, пасмурное утро потемневшие от дождя улицы выглядели уныло и мрачно. Прохожих было мало. Нельсон, нахохлившись, торчал на своей колонне, время от времени исчезая в клубах желтоватого тумана. Мокрые бронзовые львы словно сжались, утратив под дождем свое напускное величие. Мокрая площадь казалась пустой. Пусто было и под высокими сводами Национальной галереи.

Стив неторопливо обошел знакомые залы. Инге нигде не было видно. Он снова постоял перед рембрандтовским «Пиром Валтасара», размышляя о том, на чьей стороне оказался теперь... Прошел в следующий зал. Задержался у «Зимнего пейзажа». Здесь его рисовала Инге... Может, она послала потом свой автопортрет в Гвадалахару? Его дом в Гвадалахаре, в котором хозяйничали Мариана и Мариэля, конечно, находился под наблюдением и продолжал быть недоступным для него. Может, Инге даже и писала туда? А может, давно вышла замуж и перестала о нем вспоминать.

«Зимний пейзаж» неизвестного художника теперь тоже источал уныние... Стив чертыхнулся сквозь зубы. Чего ради он рвался в Лондон? Ведь не для того же, чтобы нанести ночной визит в лондонский филиал «империи» Фигуранкайнов. Конечно, визит приоткроет кое-что Цезарю, но, говоря откровенно, у Стива была единственная мысль — налить сала за воротник этой мертвоглазой мумии Пэнки; продемонстрировать наглядно, что существует некая сила, способная замахиваться и на бастионы «империи». Неизвестно, конечно, как на вчерашнюю эскападу посмотрит сам Цезарь... Это будет зависеть от их «улова»... Цезарь не ограничивал Стива в выборе объектов операций, а при их последней встрече Стив специально оговорил возможность «избирательного просвечивания» некоторых родственных фирм. Цезарь тогда не возражал ..

Правда, лондонский филиал банка CFS не являлся «родственной фирмой». Он был частью главного, центрального мозга «империи» — плотью от плоти того, что помещалось в старинном небоскребе в центре Нью-Йорка. Вот куда бы нанести неожиданный визит... Ведь, по существу, никто, кроме Алоиза Пэнки, не знает, какие тайны хранят подвалы и сейфы святая святых «империи». А может, самое главное и не там... Может,

оно в швейцарском филиале или в одном из сорока тысяч швейцарских банков. А может?..

Зачем, собственно, понадобилось бронировать директорский кабинет в лондонском филиале? Из опасения перед ядерным ударом русских? Но, во-первых, от ядерного удара такая броня не защитит, а во-вторых, русские не собираются первыми бросать термоядерные бомбы. Мэй решительно убеждена в их миролюбии — уж кому-кому, а ей можно верить. Она торчит в Москве почти десять лет.

Да, эта броня — странный орешек... Жаль, что вчера не удалось подробнее познакомиться с «уловом». Ну ничего, подождем до завтра.

Стив еще раз прошелся по залам нижнего этажа. Нет, никого, похожего на Инге, не видно. Смешно, конечно: чего ради он вообразил, что Инге обязательно придет сегодня в Национальную галерею?

Стив все-таки подошел к одному из дежурных. Объяснил, что ищет девушку, кратко описал внешность Инге. Дежурный вежливо выслушал, поинтересовался, как зовут знакомую Стива. Сожалеюще развел руками: увы, это имя ничего не говорило ему, и такой особы он не припоминает. Может, спросить у коллеги? Спросили. Коллега, вроде бы, помнил Инге... Приходила с этюдником, что-то рисовала. Но это было давно — много месяцев назад, а может, и год... Стив поблагодарил, спустился в гардероб, взял плащ и вышел наружу. Город по-прежнему тонул в тумане — туман источал мельчайшие капли влаги. Стало еще сумрачнее. Даже Нельсона нельзя было разглядеть на его колонне.

Стив свернул на Черинг-Кросс-роад и возле Оперы увидел телефонный автомат. Поблизости никого не было. Стив глянул на часы: «Час дня; в Москве — три... Может, Мэй отдыхает дома после обеда? Чем черт не шутит! Ведь не обязательно же мне будет сплошь не везти сегодня». Он опустил монету, набрал индекс Москвы и номер телефона московской квартиры Мэй. В аппарате щелкнуло, и вдруг прозвучал голос Мэй. Это было так неожиданно, что у Стива перехватило дыхание.

— Алло,— повторила Мэй,— слушаю...— И что-то добавила по-русски.

— Это я, Мэй.— Он тяжело вздохнул.— Я, ты поняла? Звоню из Лондона.

В трубке послышался сдавленный возглас, и наступила тишина.

— Это я, Мэй, ты узнала меня?

— Невозможно... Неужели ты, Стив?.. Жив?..

— Я, но лучше не называй по имени.

— Ты жив. Боже! Ты был ранен?

— Все о'кей, дорогая. Целехонек и здоровехонек.

— Как же ты?

— В порядке, но...

— Что случилось?

— Ничего особенного, сменил амплуа... Снимаю другой фильм.

Она поняла.

— Продолжение предыдущего?

— Представь, да, но... настоящий вестерн.

— Боже, тебя ничто не исправит...

— И не надо. А тебе что-то сообщили?

— Да... из Нью-Йорка...

— Кто?

— Я его не знаю. Назвался твоим бывшим другом. Какой-то Честер... Честер. Фамилию я забыла.

— А моя телеграмма? Разве ты ничего не получила?

— Понимаешь... Верила и не верила... Звонила в Гвадалахару.

— Напрасно.

— Ответила какая-то женщина.

— Экономка?

— Сказала, что ее зовут Мариэля.

— Ну и что?

— Сказала, что им ничего не известно.

— Что еще?

— Весной была в отпуске в Лос-Андже... Узнала, что кто-то выпытывал о тебе всякие подробности.

— Когда?

— Перед моим приездом.

— В «Калифорния таймс» тоже?

— Тоже. Ребята послали его подальше.

— Значит, все о'кей, дорогая. Расскажи же о себе.

— У меня пока все более или менее в порядке. Много езжу по стране. Русским овладела прилично. Пишу о них книгу. Согласилась остаться еще на два года. У меня теперь тут

много друзей. Задумала телевизионный сериал — о людях, о стране, их характерах, почему они такие, чего добиваются. Хотела бы дать изнутри, но не знаю, как на это посмотрят наши. А вообще, Стив, они тут очень похожи на нас. Очень... Только у них преобладают наши хорошие черты...

— А у нас они разве есть?

— Стив!

— Не надо... Я хотел сказать: разве еще остались?

— Ты совсем не изменился...

— Это хорошо?

— Не знаю... Может быть.

— Слушай... Если бы я выбрался в Москву?

— Просто не могу поверить...

— Попытаюсь устроить.

— Сейчас совсем нетрудно.

— Ну, не сейчас... Немного позже, дорогая. Сейчас множество дел...

— А когда? — Ее голос стал глуше, словно расстояние между ними увеличилось.

— Может быть, весной или летом...

— Буду ждать...

Ему показалось, что он услышал вздох.

— Слушай, Мэй, на твоем счету в Швейцарии недавно появилась довольно крупная сумма... Пусть тебя это не удивляет.

— Зачем?

— Так лучше, принимая во внимание мой новый фильм.

В трубке стало тихо.

— Мэй, ты слушаешь? Почему замолчала?

Стив с трудом разобрал ответ, донесшийся из безмерной дали:

— Я, кажется, теряю веру в себя, в нас... Мы так беспомощны перед обстоятельствами. Не гоняемся ли мы всю жизнь за призраками?

Он попытался обратить это в шутку:

— Они ведь довольно материальны, дорогая.

— Ох, не знаю, — снова послышался тяжелый вздох, — меня все чаще охватывают сомнения и страх, когда думаю об этом, о тебе, о нас с тобой...

— Все должно быть хорошо. Держись! И не теряй оптимизма. Я продолжаю верить...

— Оптимизма мне хватает только на работу.

— Верь и ты, Мэй. Иначе... Нет, все будет прекрасно. Только не теряй веры, Мэй.

— Попробую...

Кажется, она всхлипнула.

— Мэй, у меня на исходе монеты. Значит, ты все поняла? Верь... Верь телеграммам, которые иногда будешь получать. И не верь бывшим друзьям. И вообще запомни: со мной ничего не может случиться. Я заколдован... Запомни, Мэй.

— Постараюсь...

— Обнимаю тебя, Мэй.

— Я — тоже.

— Не плачь... Мы скоро увидимся... Обязательно.

— Ты сможешь... звонить иногда?

— Пока лучше не буду... Но ты верь...

— Да... Я буду ждать!

В трубке щелкнуло. Время, дарованное последней монетой, кончилось.

Стив повесил трубку. Вышел из-под пластмассового козырька автомата. Дождь продолжал сочиться из тумана. Вокруг по-прежнему никого не было.

Нет, день не был таким невезучим, как ему показалось утром... Стив двинулся дальше по Черинг-Кросс-роад, высмотрел свободное такси и попросил отвезти себя на Кейбл-стрит, к «Трем пиратам».

По пути, пока такси-кэб не спеша катил узкими улицами на восток, вдоль Темзы, Стив, перебирая в памяти довольно сумбурный разговор с Мэй, пытался понять, верит ли он сам в то, в чем только что хотел убедить Мэй. Мысли перепрыгивали от событий последних месяцев ко вчерашнему рейду на Кэннон-стрит, возвращались в зону, которая служила ему пристанищем уже больше года. Он попробовал сопоставить то, что уже сделано, с тем, что маячило впереди, мысленно оценивал прочность установленных связей... Число неизвестных все еще значительно превышало количество уравнений, которые предстояло решать. Когда-то Мэй сказала, что истинные союзники Стива — в Москве... От правильного решения зависело многое — не только их жизни, но, может быть, и судьбы мира, частицами которого они были. Правда, если только она существовала, скорее всего, была за Мэй... Это означало бы, что он, Стив, продолжает «валять донкихота»... Такси-кэб притормозил и остановился.

— Мы у «Трех пиратов», сэр, — вежливо сказал шофер.

Стив молча сунул плату в прорезь для денег и выбрался из машины.

В мрачноватом полуподвальном зале «Трех пиратов» было людно и шумно. Пахло пивом, жареным мясом, тмином. Стив не сразу заметил Тео в компании с плечистым рыжим типом. Они сидели за угловым столиком в глубине зала. Обходя занятые столы, Стив не без труда пробрался в дальний угол к Тео.

— Это Бибби, — лаконично представил Тео.

Краснолицый, рыжий Бибби кивнул и крепко пожал протянутую Стивом руку.

Выпили по рюмке тминной, запили элем.

Бибби выжидал, оценивающе поглядывая на Стива. Стив тоже не торопился. Поинтересовался, как дела у Тео.

— В порядке, — последовал короткий ответ.

— Было что-нибудь в утренних газетах?

— Ничего.

— По поводу ограбления банка? — насторожился Бибби.

Стив не моргнул и глазом:

— В Лондоне ограбили банк?

— Даже два — вчера и позавчера.

— Успешно?

Бибби ухмыльнулся:

— Пока, вроде, да.

— И много взяли?

— Говорят, позавчера — два миллиона, а вчера — миллион с четвертью.

— Местные?

Бибби снова ухмыльнулся:

— Откуда мне знать.

Стив потрепал его по плечу:

— А в газетах?

— Глухо... Здесь с этим не торопятся. Это у вас, в Америке, — ограбление не кончилось, а его уже показывают по телевидению.

— У нас бывает и наоборот, — Стив налил всем еще тминной.

— Это как же?

— По телевидению показывают, а ничего не было.

Бибби негромко заржал:

— У нас это называется блеф.

— У нас тоже,— кивнул Стив.— Ты ирландец, Бибби?

Бибби сразу стал серьезным, отрицательно тряхнул рыжей головой:

— Австралиец. Из Квинсленда. У отца была ферма.

— Почему была, а теперь что?

— Была да сплыла... Засуха, скот подох. Пришлось землю продать.

— И ты подался сюда?

Бибби помрачнел:

— Я тут учился. В Манчестере. Пришлось бросить.

— И чем потом занимался?

— Разным...

— Он специалист по сырым алмазам,— пояснил Тео.— Работал стюардом на авиалинии Лондон — Кейптаун.

— Через Монровию,— вставил Бибби.

— Ясно,— кивнул Стив.— Сколько дали?

— Шесть лет,— потупился Бибби,— но... выпустили раньше.

— За хорошее поведение?

— Не знаю... Наверно, понадобился... там.— Бибби сделал рукой неопределенный жест.— Но я не хочу больше. К дьяволу! Надоело.

— А чего хочешь?

Бибби молча пожал мощными плечами.

— Они ведь от тебя не отцепятся.

— Знаю...

— Он хочет незаметно исчезнуть,— тихо сказал Тео.— Он сильный и смелый и знает каратэ.

— Ты мог бы поручиться за него, Тео?

— Да.

— Что ж, твоей рекомендации достаточно, А ты хотел бы, Бибби, работать у меня?

— Хотел бы.

— А чем придется заниматься, знаешь?

— Понятия не имею.

— Так как же ты?

Бибби почесал за ухом.

— А я тоже — верю Тео... Он сказал — лучше быть не может.

— Но опасно. Может быть, даже очень.

— Я не трус.

— И минимум на несколько лет.

— Подойдет.

— Тогда будем обедать, — решил Стив.

За десертом Стив продолжил разговор:

— Ты можешь уехать из Лондона в ближайшие дни, Бибби?

— Могу, но...

— Тебе, вероятно, не следует появляться на вокзалах и в аэропортах.

— Так аэропорты закрыты. Забастовка.

— Но железные дороги работают.

— Работают, но...

— Понимаю... В какой операции ты участвовал — вчерашней или позавчерашней?

Бибби потупился:

— Во вчерашней...

— Значит, если все обойдется, у тебя будет много денег?

— Черта с два!.. Меня заставили помогать каким-то террористам. — Бибби вздохнул. — Деньги для них. Если обойдется, мне достанется, конечно, кое-что, но немного и попозже. А вчера шеф дал мне двадцать фунтов. Вот так.

— Не жирно. — Стив допил кофе. — Так берем его, Тео?

— Да.

— Тогда до вечера оставляю его на твое попечение.

— Да.

— И дальше все по плану.

— Да.

Стив подозвал официанта, одетого в костюм карибского пирата, расплатился. Пират вежливо протянул сдачу. Стив махнул рукой:

— Не надо. Оставьте себе.

Пират приложил ладонь к полосатому пиратскому колпаку и замер по стойке «смирно».

Из порта Стив снова отправился через весь Лондон в северную часть города, где вблизи Эстон-роад находилось новое здание телецентра. Быстро темнело. Туман по-прежнему застилал все вокруг, и желтое уличное освещение казалось расплывчатым и тусклым. Дождь то затихал, то вдруг усиливался, и тогда водяная пленка затягивала лобовое стекло машины.

В телецентре ничего узнать не удалось. Инге Рюйе действительно работала здесь около полутора лет назад. Но кон-

тракта с ней не заключили, и где она теперь, никто Стиву сказать не мог. Оставались еще телефон и адрес, которые она дала ему в аэропорту Хитроу. Стив попытался позвонить из холла телецентра. Телефон не ответил.

Стив решил все-таки съездить по тому адресу, который она оставила. Мало ли, почему не отвечает телефон. А вдруг она все еще живет там? К счастью, это оказалось не очень далеко от телецентра. Стив позвонил. Дверь отворила чопорная седая дама в очках и розовой шерстяной кофте.

Она подозрительно оглядела Стива. Нет, Инге Рюйе давно нет здесь. Они выехали вместе с подругой. Почему? Вероятно, нечем было платить. Хотя какие-то ухажеры посылали им драгоценности чуть ли не из Индии. Впрочем, драгоценности получала только Инге. Другой ничего не присылали. Другая все болела...

Стив слушал этот монолог, стоя под дождем. Дама в розовой кофте не догадалась пригласить его войти. Когда она наконец умолкла, чтобы перевести дыхание, Стив поинтересовался, не знает ли она нового адреса Инге.

Нет, адреса она, конечно, не знает. И откуда ей знать? Эта дерзкая девчонка ничего ей не рассказывала, хотя всякие карикатуры на порядочных людей рисовала. Даже на нее. Одно время она что-то делала на телевидении. Каких-то кукол. Но передача не имела успеха. Можно сказать, что она провалилась. Хотя кому-то из соседей что-то даже понравилось, она не знает, что именно. Она принципиально не смотрела эту передачу. Стив поблагодарил и откланялся. Но она не закрывала дверь, все стояла и смотрела ему вслед.

Стив шел под дождем и размышлял. Похоже, что он окончательно потерял след Инге. Это было неудачей, размер которой он не мог сразу оценить... Вероятно, это была серьезная неудача. Пожалуй, самая серьезная за последние годы... И скверно было от мысли, что передача у Инге не получилась, что у нее неприятности, что как раз сейчас ей, может быть, плохо...

Стив прошел не останавливаясь несколько кварталов. Такси не попадалось, да и куда теперь ехать? Он просто шел, по привычке закусив губы и размышляя, что еще можно предпринять, чтобы разыскать Инге. Не исключено, что ее уже нет в Англии. Она рассказывала, что ее родители с континента: мать, кажется, датчанка, отец — немец. Может, из таких, как

Вайст... И эта подруга?.. Инге не упоминала о ней. А старуха сказала, что подруга Инге болела...

Стив попытался отдать себе отчет, почему причиняет такую боль мысль о потере Инге. Он провел с ней всего несколько часов, она вполне могла бы быть его дочерью... Ну да, конечно, он же и думал о ней все это время почти как о дочери... У него никогда не было дочери — Инге вполне могла бы заменить ее. Те бирюзовые безделушки он посылал ей из Тегерана именно как дочери... Стив остановился: «Опять "валяешь донкихота", самозваный спаситель мира!» Кажется, он произнес это вслух. На всякий случай, оглянулся. Вблизи никого не было видно.

Дождь шел не переставая. На противоположной стороне улицы неярко светил неон: «Кафе "Случайная встреча"». Зайти переждать дождь?.. Название какое-то дурацкое! Стив хотел идти дальше, но что-то словно остановило его. Он решительно пересек улицу и распахнул дверь. Кафе было почти пусто. В центре зала за маленьким столиком спиной к двери сидела, низко опустив голову, светловолосая женщина в темном плаще. Что-то в ее фигуре показалось Стиву странно знакомым... Он замер на лестнице, ведущей вниз, в зал. Еще боялся поверить. А она медленно повернулась на стук отворившейся двери, и Стив узнал Инге.

— Стив!

— Инге!

Кажется, они крикнули это одновременно. В следующее мгновение Стив уже крепко прижимал ее к своему мокрому плащу, а она, закинув руки ему на шею, твердила:

— Ты? Приехал все-таки! О мадонна! Приехал!

И вся дрожала от едва сдерживаемых рыданий.

Узнав о том, что произошло минувшей ночью в Лондоне, Цезарь пришел в ярость.

— Вы оба обезумели! — кричал он.— Как вы могли? Не посоветовавшись со мной!

Разговор происходил в кабине УЛАКа, куда Тибб чуть не силой привел Цезаря из библиотеки буддийского монастыря.

— Ну, он авантюрист, не отдающий себе отчета, что творит,— продолжал кричать Цезарь,— но ты, ты о чем думал? Испортили мне всю обедню... Ты обещал не выпускать его из зоны.

— *Без крайней необходимости,* — спокойно вставил Тибб.

— Не вижу никакой необходимости.

— Если останешься при этом мнении, — начал Тибб, — после того как посмотришь...

— Не хочу ничего смотреть. Меня сейчас не интересуют дела лондонского банка. Пусть ими занимается Пэнки. Он за это получает деньги, и немалые. Я теперь занят совершенно другим и не хочу, чтобы мне мешали.

— Если ты останешься при своем мнении, — настойчиво повторил Тибб, — после того как заглянешь в документы, обнаруженные вчера Стивом...

— Не стану ничего смотреть. Понятно? Где этот проходимец?

— Стив в Лондоне.

— Еще не легче! Один?

— С Тео.

— Сейчас же отправляйся за ним и привези его сюда.

Тибб взглянул на часы:

— Мы вылетим отсюда вместе, Цезарь, через три часа после захода солнца.

— Вздор! Я сказал, что никуда сейчас не полечу.

— Полетишь. Даже против своего желания. Не выпущу тебя из УЛАКа до старта, если не согласишься лететь добровольно...

— Ах вот как! Да ты отдаешь себе отчет, ты...

— Успокойся, Цезарь! Дело гораздо серьезнее, чем может показаться. Только поэтому я заговорил так. А еще позволил себе заговорить так потому, что мы единомышленники, поставившие перед собой одну цель. Разве не так, Цезарь? — Тибб устремил пристальный взгляд на Фигуранкайна: — Разве не так? Скажи!

Цезарь *попытался отвести глаза и не смог.*

Он откинулся в кресле, сжал руками виски. Лоб его покрылся испариной.

— Скажи же! — настаивал Тибб.

— Да, конечно, — пробормотал Цезарь совсем другим тоном. — Я немного погорячился... Извини... Все так неожиданно.

— Разве Цвикк не объяснил, в чем дело?

— Я, видимо, не понял. Разговор был кратким... Впрочем, я предупредил Цвикка, что очень занят...

— Знаю. Без крайней необходимости мы не стали бы тревожить тебя. Но сейчас ты нужен. Твое вмешательство необходимо.

— Объясни...

— Во-первых, снова объявился Люц. Он в Манаусе с новой группой кандидатов в пилоты.

— Герберт Люц?

— Да. Завтра Цвикк переправит их на полигон.

— А может, уж сразу прямо в зону? — снова вспылил Цезарь.

— На полигон, — спокойно повторил Тибб. — Там ты сможешь встретиться с ним и побеседовать... с глазу на глаз. Люц уже был на полигоне полгода назад с первой группой кандидатов. Я тогда их забраковал. Второй раз так сделать нельзя.

— Почему я ничего не знал?

— Не хотели отвлекать тебя. Как видишь, мы не забываем, что ты занят важными делами. Тогда мы обошлись без твоей помощи. Теперь она необходима.

Цезарь задумался, по привычке покусывая пальцы. Тибб ждал, не сводя с него внимательного взгляда.

— Выплыл все-таки, — пробормотал наконец Цезарь, и гримаса отвращения промелькнула по его лицу. — Это, конечно, меняет дело, и напрасно вы с Цвикком не известили меня, когда он возник в первый раз. Значит, Пэнки... — Цезарь не кончил и покачал головой.

— Теперь второе, — продолжал Тибб. — Вчерашняя лондонская операция, которая так взволновала тебя, была задумана Стивом как попутная, с единственной целью испортить рождественские праздники мистеру Пэнки. Не скрою, Цезарь, я сначала тоже был против... Но потом подумал: интересно, а рискнут ли признаться они — я имею в виду лондонскую дирекцию, — что в сейфы одного из главных банков «империи» заглядывал кто-то посторонний? Все резко изменилось, как только Стив обнаружил в одном из сейфов папку с документами... Убежден, ты понятия не имеешь, что за операции осуществляет твой лондонский банк.

— Где эта папка?

— Вот она.

Из ящика под пультом управления Тибб извлек коричневую папку. Цезарь схватил ее, раскрыл, принялся торопливо листать документы. Вдруг у него вырвался возглас изумления.

— Убедился? — спросил Тибб.

— Невероятно... Что за мерзавцы... А этот Люц!

— Возможно, Стив подозревал что-либо подобное. — Тибб покачал головой. — Поэтому и настаивал на визите в Лондон. А если папка досталась нам случайно, в итоге очередной «импровизации» Стива, эта импровизация сверхгениальна.

— Чудовищно... чудовищно, — повторял Цезарь, продолжая листать документы.

— Не исключено, что в сейфах твоего банка в Нью-Йорке хранятся секреты поважнее этих. Итак, твое решение, Цезарь?

— Летим. Сначала в Лондон, потом на полигон, потом...

Он снова принялся покусывать пальцы.

— На полигоне, после встречи с Люцем, придется тщательно обсудить дальнейшие шаги, — сказал Тибб. — Вариантов может быть несколько...

— Да-да, ты прав... На полигоне все решим. Сколько человек я могу взять с собой в УЛАК?

— Не более двух. Не забывай, в Лондоне нас ожидают еще пассажиры. Где твой самолет?

— Близко. В Джокьякарте. Вместе с охраной.

— Не перебросить ли его в Бразилию?

— Пожалуй... Они вылетят сегодня же и будут ждать в Манаусе. Сейчас распоряжусь.

— И не забудь, стартуем через три часа после захода солнца.

Ровно в полночь с субботы на воскресенье УЛАК беззвучно опустился в том самом месте, где сутки назад высадил Стива и его спутников. Туман по-прежнему окутывал все вокруг. Невдалеке размытым желтоватым пунктиром чуть просвечивала цепочка фонарей, ведущих к воротам кладбища Хайгейт. Тибб и Цезарь в полетных комбинезонах сошли на раскисшую от дождя землю, покрытую коротко подстриженной жесткой травой. Прислушались. Вокруг царила полная тишина.

— Гм... Где же они? — недовольно пробормотал Цезарь.

— Не знаю. Не видел их и на экранах перед посадкой.

— Может быть, место не совсем то?

— Место то, — возразил Тибб. — Только их почему-то нет. Подождем немного.

— Как немного?

— Максимум четверть часа. Нас могли засечь радарные станции при подлете.

— А если не придут?

— Полетим без них. Стив знает, что контрольный срок всего десять минут. Задержаться мы не можем.

— Так что же делать?

— Тихо...

Тибб отошел на несколько шагов в сторону. Вынул из кармана комбинезона плоскую коробку размером с портсигар, раскрыл и принялся разглядывать что-то внутри, медленно поворачиваясь вокруг.

— Что там? — спросил Цезарь.

— Ничего. К сожалению, ничего. В радиусе полукилометра индикатор не показывает присутствия людей.

— Что-нибудь случилось?

Тибб не ответил, продолжая всматриваться в экран прибора. Прошло несколько минут.

— Непонятно.— Тибб покачал головой.

— Или наоборот — «понятно»,— зло бросил Цезарь.— Он ввязался в какую-нибудь новую авантюру. Зачем только ты его тут оставил?! Что ему было нужно?

Тибб не ответил.

В сыром тумане и в непроглядном мраке они ждали четверть часа. Никто не появился.

— С ним определенно что-то случилось,— расстроенно шепнул Цезарь.— Эх, Стив, Стив...

Тибб молча указал на трап. Низко опустив голову, Цезарь поднялся в корабль. Когда люк задвигался, Цезарь представил вдруг крышку гроба — на этот раз, настоящего гроба, в котором они оставляли Стива...

Той же ночью они приземлились на бразильском полигоне. Тибб посадил УЛАК прямо в Центральном поселке на маленькой вертолетной площадке, возле коттеджа отеля.

— Я отведу УЛАК в зону и утром возвращусь,— сказал он на прощание.— Идите прямо в коттедж, разбудите стюарда — он приготовит поесть.

— Кажется, там не спят: в окнах свет,— заметил Цезарь, распахивая легкую куртку, которую надел перед высадкой.— Ужасная духота... Когда здесь бывает прохладнее?

— Теперь здесь лето, босс, — счел необходимым объяснить Суонг.

— Вот спасибо, а я и не знал...

Втроем они направились к коттеджу, а Тибб снова поднял УЛАК в ночное небо.

Когда Цезарь и его спутники подошли к веранде коттеджа, дверь отворилась и на пороге выросла массивная фигура Цвикка.

— Приветствую вас, патрон, — сказал он с легким поклоном. — Рад благополучному прибытию, хотя, признаться, начал немного тревожиться...

— Мы опоздали? — спросил Цезарь, протягивая Цвикку руку.

— Есть чуть-чуть, принимая во внимание обычную точность мистера Тибба Линстера. Да-а...

— Действительно, пришлось... задержаться, — сказал Цезарь и вздохнул.

На веранде бесшумно вращались лопасти больших вентиляторов и было немного прохладнее.

— Идемте наверх, покажу ваши комнаты. — Цвикк, морщась, принялся вытирать затылок и шею клетчатым платком. — Ужинать будете у себя?

— Ужинать?

— Разумеется. Еще нет и одиннадцати.

— Снова попали во вчерашний день, — заметил Цезарь, поднимаясь по скрипучей деревянной лестнице на второй этаж.

— Будет больше времени для размышлений, патрон.

В апартаментах, отведенных Цезарю, царила приятная прохлада. Цвикк, войдя, плотно прикрыл дверь и, отдуваясь, присел на низкой кушетке у затянутого противомоскитной сеткой окна.

Цезарь сбросил куртку, опустился в кресло-качалку возле одного из кондиционеров.

— Тут еще можно дышать, — заметил он, раскачиваясь, — а снаружи — ужас, парная баня...

— Смотрите не простудитесь, патрон, — предупредил Цвикк, — кондиционер включен на полную мощность.

— Так рассказывайте, — Цезарь откинулся в кресле, — они тут?

— Пока нет. Сидят в Манаусе. И признаюсь, поведение мистера... Полшера кажется мне несколько странным... Да-а...

— Полшера? Разве с ними не Герберт Люц?

Цвикк развел руками:

— Франц Полшер — Герберт Люц — Ганс Рюйе — в разных амплуа он называет себя по-разному. Для мистера Пэнки он — Полшер и Люц, а несколько месяцев назад, во время крайне прискорбных событий в Чили, он назывался Ганс Рюйе. И, так как он там перестарался, даже его превосходительство генерал Пиночет вынужден был временно отказаться от его услуг. Да-а... После этого Ганс Рюйе снова возвратился под крыло мистера Пэнки как Полшер-вель-Люц.

— Вот, значит, почему он полгода не появлялся.

— Разумеется, патрон... Трудился в других местах... Но пилоты для УЛАКов — операция настолько тонкая и щекотливая, что мистер Пэнки не пожелал поручить ее кому попало. Полагаю, что и миссия Полшера-Люца в Чили была согласована с мистером Пэнки. Да-а... Кстати, известно ли вам, патрон, куда направились первые кандидаты в пилоты после того, как мистер Тибб Линстер забраковал их?

— Понятия не имею.

— В Чили, во главе с самим Полшером. Большинство и сейчас, по-видимому, там. Насколько мне известно, на африканский полигон никто не вернулся.

— И теперь этот тип явился сюда с новой партией сотрудников африканского полигона? Этак он скоро оставит добрячка Вайста без помощников.

Цвикк хитро усмехнулся:

— В том-то и дело, патрон, что, по моим довольно надежным сведениям, люди, которые сейчас сидят с Полшером в Манаусе, не с африканского полигона.

— Вот это новость! Откуда же они?

— Этого я, к сожалению, еще не знаю. Хотел бы узнать, но пока,— Цвикк развел руками,— неприятная неизвестность. Да-а...

Наступила тишина. Цезарь пытался осмыслить услышанное и снова, уже в который раз, остро пожалел, что рядом нет Стива.

— Не готовит ли Люц какую-нибудь авантюру по собственной инициативе? — пробормотал он, вопросительно глядя на Цвикка.

— У него собственноручное письмо мистера Пэнки, написанное неделю назад в Нью-Йорке.

— Кому адресовано? И что в этом письме?

— Мне адресовано, патрон. Полшер показывал его мне, но... оставил у себя. А в письме распоряжение — обеспечить Полшеру выполнение его задачи.

— И все?

— Нет... Мистер Пэнки всегда исчерпывающе точен. Там перечислено по пунктам, что я должен сделать и что будет делать Полшер.

— Что же именно?

— Многое,— Цвикк тяжело вздохнул,— например, я должен допустить Полшера в зону к мистеру Тиббу Линстеру, дать возможность ознакомиться со всеми типами УЛАКов, ввести в курс того, как продвинулись работы по вооружению УЛАКов. Кроме того, Полшер должен присутствовать при всех испытаниях будущих пилотов и... что-то там еще.

— Следовательно, Полшер прибывает сюда... в качестве полномочного представителя мистера Алоиза Пэнки?

— Вашего, патрон, вашего... В письме так и сказано... В качестве доверенного лица генеральной дирекции и вашего лично.

— Что за вздор! Никакого разговора об этом ни со мной, ни на совете директоров не было! — вскричал Цезарь.

— А я и не сомневался, патрон.

— Может быть, письмо фальшивое?

Цвикк с сомнением покачал головой:

— Едва ли... Легко проверить. Достаточно позвонить в Нью-Йорк...

— Вот этого ни в коем случае не следует сейчас делать,— быстро сказал Цезарь.— Нет-нет, мы должны сами все решить...

Цвикк усмехнулся:

— Поэтому, патрон, мы и побеспокоили вас. Собственно, идея принадлежала мистеру... Смиту...— Цвикк вдруг замолчал и тревожно оглянулся.— Жалко, однако, что вы не взяли его с собой.

— Да, ему пришлось... задержаться,— сказал Цезарь, покусывая пальцы.— Что же вы ответили этому Люцу?

— Он требовал, чтобы его и его людей как можно быстрее перебросили сюда на полигон. Я обещал сделать это завтра в полдень. Но пилот нашего самолета в Манаусе, который их доставит сюда, вылетит только после моего подтверждения.

Сам же я, как видите, прибыл на полигон раньше, в расчете на то, что успею посоветоваться с вами.

— Сколько людей с Люцем?

— Он сказал, что двенадцать.

— А в письме их количество оговорено?

— Нет, патрон.

— Вы предполагаете провокацию... или даже возможность диверсии, Мигуэль?

— Вплоть до попытки угона УЛАКа... Мне не очень нравятся люди Полшера — те, кого я видел. Они больше похожи на кандидатов в «зеленые береты», чем в космолетчики. Полгода назад первая группа тоже не внушала особого доверия, но то были люди Вайста, я знал это точно. Кроме того, здесь находились тогда ребята... мистера Смита — каждый из них стоит десятерых...

— А сейчас?

— Сейчас, насколько мне известно, их тут нет. Впрочем, у мистера Смита свой монастырь... Я не в курсе его дел. Возможно, Тибб Линстер знает больше.

— Есть тут сейчас надежные люди?

— На случай потасовки-то? Кое-кто, конечно, найдется, но у нас ведь нет охраны, как на африканском полигоне. Нас пока охраняет сельва... Здешний персонал, как вы знаете, в основном инженеры, техники. Кроме того, наши поселки рассредоточены...

— Где сейчас находится административный директор полигона? — прервал Цезарь.

— Мистер Бишор? — Цвикк почесал за ухом.— Видите ли, патрон, две недели назад мистер Пэнки вызвал его в Нью-Йорк... Речь шла о каких-то заказах, задержанных фирмой Ханта... Мистер Бишор еще не вернулся из Штатов. Да-а...

— Плохо,— констатировал Цезарь,— дело складывается не лучшим образом...— И он опять подумал о Стиве: «Надо же так случиться... Все было бы совсем иначе, если бы Стив и его люди находились сейчас здесь».

— Можно задержать прибытие Полшера, патрон,— очень серьезно предложил Цвикк,— дождаться возвращения мистера... Смита и его людей. Потом рискнуть...

— Задержка вызовет подозрения Люца и еще больше осложнит ситуацию.

— Так-то оно так,— согласился Цвикк,— а с другой стороны...— Он развел руками и замолчал.

«Черт бы побрал Стива,— думал Цезарь,— втравил меня в такую кашу и сам исчез... Что, если он сделал это умышленно?»

Мысль настолько поразила Цезаря, что он произнес вслух:

— Да-а... Похоже на провокацию...

— Повременим с окончательным решением, патрон,— предложил Цвикк,— до завтрашнего утра, до возвращения мистера Тибба Линстера. Я прикину, кого успеем собрать из наших... По утрам человек умнее, как говаривал мой покойный отец. Утром решим.

— Ну, пусть так...— согласился Цезарь, покусывая пальцы.— До утра... Я тоже подумаю...

— Вы лучше отдохните, патрон,— посоветовал Цвикк.— Завтрашний день не будет легким. Этот Люц-Полшер — сверх плута на три фута...

— Знаю... Еще по африканскому полигону... При нашей последней встрече я, кажется, сломал ему переносицу...

— О-о,— широкая розовая физиономия Цвикка расплылась в добродушнейшей улыбке, и внимательные маленькие глазки совсем исчезли за мясистыми складками век,— снимаю шляпу, патрон! Признаюсь, не знал... А ведь это существенный штрих в биографии нашего завтрашнего клиента. Существеннейший...— Цвикк тяжело поднялся с кушетки.— Позволю себе пожелать вам доброй ночи, патрон, и скажу, чтобы вам подали ужин.

Цезарь отрицательно покачал головой:

— Ничего не надо... Или нет — стакан холодного сока.

— И что-нибудь к соку, патрон,— Цвикк подмигнул,— что-нибудь очень легкое...

Когда он вышел, Цезарь обхватил руками голову и, раскачивая кресло, прошептал:

— Стив, ну как же ты мог? И главное, где ты теперь?..

На следующее утро, после короткого совещания, они решили перебросить Люца и его группу на полигон в полдень, как было согласовано раньше.

— Ну, пойду свяжусь с нашим пилотом в Манаусе,— сказал Цвикк, поднимаясь.— Если они вылетят ровно в полдень, тут их надо ждать около двух по местному времени.

— В самую жару,— добавил Цезарь.— Кстати, Мигуэль, сегодня в Манаусе должен появиться мой «боинг». Пусть сразу летит сюда.

— Есть, патрон. А ваших людей там много?

— Побольше, чем у Люца.

— Неплохая подмога,— усмехнулся Цвикк, выходя.

— Значит, так и поступим,— сказал Цезарь, обращаясь к Тиббу.— Если Люц после прилета станет настаивать на немедленной встрече с тобой, ты примешь его одного. Я буду в соседней комнате и появлюсь в нужный момент... Суонг будет присутствовать при вашем разговоре. Он не должен вызвать подозрений. Люц его никогда не видел. Суонг не будет спускать с Люца глаз и в случае необходимости сразу обезвредит его. Ну а если удастся оттянуть твою встречу с Люцем до завтра, ночью появятся мои люди. Тогда условия станем диктовать мы.

— В обоих вариантах мы исходим из представлений, что у Люца агрессивные намерения,— заметил Тибб.— Пока это предположение. А если он действительно сопровождает новую группу кандидатов?

— Но ты же слышал о письме...

— Письмо тоже не доказательство. Мистер Пэнки хочет получить через Люца информацию о здешних делах.

— А ссылка на то, что все согласовано со мной?

— Разве мистер Пэнки не управляет всем от твоего имени?

Цезарь вздрогнул, внимательно взглянул на Тибба. Ему показалось, что тонкие губы чернокожего конструктора искривлены легкой усмешкой, однако выражение глаз оставалось серьезным и даже суровым.

— Ну вот, и ты тоже,— расстроенно сказал Цезарь и отвернулся.

— Так разве неправда?

— В любом случае, Люц и его люди должны остаться здесь,— упрямо повторил Цезарь.— Этого требует успех нашей главной операции. Люц не только опасный противник, он — чудовище... Вспомни ту папку...

— Я отнюдь не собираюсь выступать в роли его защитника,— Тибб пожал плечами,— но...

Распахнулась дверь, и со скоростью, несоответствующей его массивной фигуре, в комнату влетел Цвикк. Лицо его, покрытое мелкими капельками пота, утратило обычный розо-

вый цвет — оно было багровым, а в широко раскрытых глазах застыло выражение обиды и крайнего изумления.

— Невероятно! — объявил Цвикк, останавливаясь посреди комнаты и с трудом переводя дыхание.— Случилось невероятное... Самолет с Полшером и его людьми уже вылетел. Через час будет тут.

— Как же так? — растерянно произнес Цезарь.— Вчера вы говорили...

— Сам ничего не понимаю,— твердил Цвикк, присаживаясь к столу и принимаясь отирать лицо носовым платком,— ничего не понимаю... Как он мог?

— С пилотом вы уже говорили? — спросил Тибб.

— Еще нет... Велел связаться дежурному Центрального аэродрома. Сейчас он должен позвонить...

— Вероятно, Люц уговорил пилота вылететь раньше,— предположил Цезарь, вопросительно глядя на Цвикка.

— Хорошо, если уговорил,— проворчал тот, принимаясь вытирать платком шею.— Я тогда с пилота штаны через голову сниму. Извините за грубость, патрон...

— А вы предполагаете угон самолета? — спросил Тибб.

— Ничего я не предполагаю...— начал Цвикк и схватил трубку, так как звякнул телефон, стоящий на столе.— Да, это я... ну и что? Почему?.. Так свяжите меня с ним... Почему? — Цвикк вздохнул и потряс головой: — Нет... Тысяча дьяволов, то есть я хотел сказать — святая мадонна... Нет... Подождите...— Он прикрыл ладонью трубку и взглянул на Цезаря: — Дежурный говорит, что самолет плохо слышно. У них что-то со связью и отказала одна турбина. Пилот просит разрешения сесть на ближайший аэродром. Боится не дотянуть до Центрального.

— А где для них ближайший?

— В десяти километрах восточнее этого поселка. Совсем близко отсюда. Но там очень мало наших...

— Не разрешайте,— быстро сказал Цезарь,— вообще не разрешайте посадку. Нигде...

Цвикк недоуменно уставился на него.

— Разве вы не поняли? — продолжал Цезарь.— Люц захватил самолет и вынудил пилота вылететь. Это явное нападение...

— Но там наш пилот, Цезарь,— резко возразил Тибб.— Возможно, и еще кто-нибудь из наших. Они разобьются...

— А ты хочешь, чтобы они перебили всех нас здесь?

— У нас нет уверенности, что самолет угнан. Мы обязаны им помочь. Там наши товарищи.

— Могут они сесть где-нибудь, если масксети не будут убраны? — спросил Цезарь.

— Нет,— Цвикк покачал головой,— это невозможно.

— Пусть летят обратно.

— На одной турбине не дотянут. Для них это конец.

— Ну и пусть! Люц вылетел без разрешения...

— И все-таки мы обязаны им помочь,— решительно объявил Тибб.— Даже если они пытались обмануть или угнали самолет. Пусть они садятся, Мигуэль! Ты должен понять, Цезарь!.. Ты не имеешь права осуждать их всех...

— Ну хорошо.— Цезарь скрипнул зубами.— Пусть садятся, но на Центральном аэродроме, только там... А там их сразу блокировать... Но мы совершаем сейчас большую ошибку. Огромную. Само провидение готово было помочь нам...

— Командуйте, Мигуэль,— Тибб заставил Цвикка снова прижать трубку к уху,— быстрее.

Цвикк нерешительно облизнул толстые губы.

— Дежурный?.. Да, это я... Пусть садятся на Центральный... Да, только там... Скажите им что-нибудь... Пусть тянут... Да-а... Дальше все, как условились. Понятно? Конец...

Он швырнул трубку на аппарат и низко опустил голову.

Наступила напряженная тишина. Тибб сидел выпрямившись. Глаза его были полуприкрыты, словно бы он не хотел видеть никого вокруг. Цезарь скорчился в кресле и, устремив взгляд в одну точку, кусал нальцы. Цвикк снова принялся отирать платком лицо и шею... Все ждали... Наконец звякнул телефон. Цвикк медленно протянул руку, словно колеблясь, потом взял трубку и так же медленно поднес ее к уху:

— Да-а...

Он выслушал, не прерывая, и повернулся к Цезарю:

— Сели на Центральном... Сейчас подруливают к диспетчерской. Но связи с пилотом нет...

— Поезжайте туда и привезите Люца,— хрипло сказал Цезарь,— только его одного... В крайнем случае — с одним-двумя сопровождающими. Остальных...— он попытался откашляться,— остальных пусть разместят в поселке аэропорта. И не спускают с них глаз. Обо мне пока ни слова... Возьмите несколько человек — из тех, кого выделили в обеспечение.

— Мне охрана ни к чему.— Цвикк пожал плечами.— Пусть лучше остаются на местах. Поеду один с шофером. А вы приготовьтесь. Через час-полтора будем тут.

— Мы готовы,— кивнул Тибб.— А вы, Мигуэль, будьте осторожны. Предельно осторожны.

— Не надо меня учить,— огрызнулся Цвикк.— Я не из тех, кто торопится к предкам. А свою пулю все равно не услышишь...

Едва Цвикк отъехал, как Цезарь спохватился:

— Черт, забыл спросить, предупредил ли он Манаус о моем самолете.

— Можно связаться с аэропортом Манауса еще раз,— спокойно сказал Тибб.— Это легко сделать через наш Центральный аэродром.

— Свяжи меня.

Тибб взял трубку и нажал одну из кнопок на панели коммутатора. Ответа не последовало. Тибб вызвал центр связи и попросил соединить с диспетчером Центрального аэродрома.

— С Центральным связи нет,— услышал он в трубке.— У них там что-то случилось...

— Что именно?

— Пытаемся выяснить. Позвоню, как будет связь.

Тибб отложил трубку, соображая, стоит ли говорить Цезарю об исчезновении связи с аэродромом.

— Ну, что там? — нетерпеливо спросил Цезарь.

Тибб не успел ответить. Послышался нарастающий гул моторов, и на площадку перед коттеджем очень быстро и почти одновременно опустились два вертолета. Из них высыпали группы вооруженных людей, которые тотчас исчезли среди декоративных кустарников и цветников, окружающих коттедж.

— Что это значит, Тибб? — крикнул Цезарь.— Это еще кто?

— Видимо, люди Люца.— Тибб провел узкой коричневой ладонью по своему темному лицу, словно стряхивая сомнения, и уже совсем другим голосом — резким и отрывистым — распорядился: — Беги, Цезарь, быстро! Суонг, выведите босса через кухню и пристройки с задней стороны дома. Там в ста метрах гараж. В нем «лендровер».

— Я никуда не пойду.

— Не спорь, Цезарь. Тебе необходимо исчезнуть. Суонг, проедете пять километров по шоссе на север. Там одна из групп обеспечения. Оттуда действуйте по своему усмотрению.

— А ты?

— Я встречу и задержу их. Мне ничто не грозит.

— Мы вернемся с подмогой и ликвидируем этих мерзавцев! — крикнул Цезарь, увлекаемый Суонгом.

— Быстрей. Они подходят к коттеджу!

Убедившись, что Цезарь и Суонг благополучно миновали коридор, ведущий к хозяйственным пристройкам, Тибб неторопливо спустился по винтовой лестнице в первый этаж и вышел на веранду. В тот же момент наружные двери распахнулись. На веранду ворвались четверо вооруженных людей в пятнистых зеленых комбинезонах с автоматами наизготове. В одном из них Тибб узнал Люца-Полшера. Полшер, видимо, тоже сразу узнал Тибба. Кивком головы он задержал своих спутников у двери. Они остановились и, переступая с ноги на ногу, опустили к полу дула автоматов. Сам Полшер сделал несколько шагов навстречу Тиббу и сказал с явным удовольствием:

— Ну-у, нам сегодня везет, ребята! Вот и тот, кто нам так нужен. Я был почти уверен, что поджидаете нас. Рад снова увидеть вас, мистер... Линстер.

— Не могу сказать того же о себе, — отпарировал Тибб. — Потрудитесь объяснить, господин Люц, что все это означает.

— А ну не скромничайте! — хрипло хохотнул Полшер. — Будто не понимаете... Вы же неглупый парень. — Он подошел ближе, хотел шутливо подтолкнуть Тибба, но тот, сделав почти неуловимое движение, посторонился. — Если быть кратким, — продолжал Полшер, снова став серьезным, — мне, как вы уже догадались, нужны «летающие блюдца». — Он сделал короткую паузу. — Лучше два, но если их у вас по-прежнему всего пара, я согласен и на одно — которое побольше.

— Что вы собираетесь с ними делать? — спокойно спросил Тибб.

— А уж это не ваша забота, — жестко отрезал Полшер.

— Нет, почему же? Я конструктор и ясно представляю, что для украшения они мало подходят.

— Вот вы о чем... Разговор наш, видно, немного затянется. Может, пригласите присесть? Меня одного, конечно... Они, — он мотнул головой в сторону двери, — там постоят.

— Садитесь. — Тибб указал на плетеное кресло у стола.

— И вы тоже, — подмигнул Полшер. — Пошли к столу вместе.

Тибб пожал плечами, прошел к столу и сел в одно из кресел. Полшер устроился напротив, положив автомат на пол у ног.

— И вы уж простите мою назойливость, — по изуродованной шрамами коричнево-красной физиономии Полшера скользнула гримаса, — я выпил бы чего-нибудь. Тут жарковато...

— В Чили было прохладнее?

Лицо Полшера окаменело. Потом он усмехнулся:

— А вы, Линстер, оказывается, шутник, как и я... Могу ответить: там бывало и жарче, но кровопускание охлаждает... Если крови выпускать много, можно и в жару заработать озноб. Но не стоит пугаться крови, Линстер. Только вонючие интеллигентики и ожиревшие буржуа трясутся при виде крови. Большинство людей дьявольски жестоки... Я лично считаю, что одно убийство — лучшая пропаганда, чем сотни газетных статей. Так как у нас с питьем? Предложите что-нибудь?

— Мне придется пойти приготовить самому, — сказал Тибб, поднимаясь из-за стола. — Ваше неожиданное появление всполошило службу. Едва ли в доме остался кто-нибудь, кроме меня.

— Ну уж вы сидите, бога ради, — возразил Полшер, снова усмехаясь, — я лучше потерплю... А впрочем, попробуйте позвонить. Может, не все у вас зайцы, может, кто и остался. И к слову сказать, нас ведь бояться абсолютно не нужно. Мы ненадолго и исключительно по своему делу. Ничего нас не интересует, кроме «блюдец», мистер Тибб. Так позвоните, ради Христа, может, кто откликнется.

Тибб молча взял со стола колокольчик и позвонил.

Мгновение спустя дверь, ведущая с веранды в холл, тихо отворилась, и выглянул Суонг. Не обращая внимания на поднявшиеся автоматы, он вежливо осведомился, что угодно сеньорам.

— Принесите чего-нибудь выпить, — сказал Тибб, соображая, почему Суонг не последовал за Цезарем. — Несите все, что найдете в холодильнике, — кока-колу, ананасный сок, воду со льдом.

— И пива, — добавил Полшер, делая знак своим людям, чтобы опустили автоматы.

— Ну вот видите, я был прав,— продолжал он, обращаясь к Тиббу, после того как Суонг с поклоном исчез.— Оказывается, не все сбежали. Может, и еще кто остался, а?

Дверь из холла снова отворилась. Появился Суонг с подносом в руках. Поднос был уставлен бутылками, графинами и фужерами.

Суонг направился к столу, но резкий возглас Полшера заставил его остановиться на половине пути.

— А ну-ка, Карлос, возьми поднос у этой коричневой обезьяны,— приказал Полшер одному из своих парней — смуглолицему красивому мулату с круглой шапкой курчавых волос.— Остальные — проверьте, что там у него... за душой.

Пока Карлос осторожно, чтобы не расплескать, нес на вытянутых руках поднос к столу, двое других быстро и грубо обыскали Суонга.

— Чисто, шеф. Ничего,— объявил один, отталкивая Суонга к стене.

— Тогда вышвырните его наружу, и пусть побыстрее убирается подальше,— сказал Полшер, внимательно разглядывая содержимое бутылок и графинов.

Приказание было выполнено точно. Через мгновение Суонг растянулся на гравии в нескольких метрах от веранды. Быстро вскочив, он отряхнулся и трусцой завернул за угол дома.

— Не терплю этих ублюдков из Юго-Восточной Азии,— скривился Полшер.— Никогда не догадаешься, что у них на уме. Другое дело, если бы все это подала смазливенькая официанточка... Ну что, мистер Линстер, продолжим разговор. Но сначала не откажите в любезности налить вон того темного пива мне и себе, конечно. Вот так, благодарю... Ваше здоровье. Да вы уж отпейте, пожалуйста.

— Итак, господин Люц,— сказал Тибб, сделав глоток из своего фужера,— перейдем к делу. Ваши полномочия на то, что вы тут творите? Ведь вы, конечно, не рискнули бы предпринять все это только по собственной инициативе.

— Ну, вы меня плохо знаете,— благодушно отозвался Полшер, потягивая пиво.— Даже слышать такое обидно.И что они обо мне могут подумать,— он кивнул в сторону Карлоса и остальных,— нет, мистер Линстер, я человек большого риска. Смею вас уверить — очень большого. Я многое могу... А сознание своей силы — абсолютная ценность.—

Он допил пиво и вытер рот тыльной стороной ладони. — Но в данном случае вы не совсем ошиблись. Инициатива действительно исходила не от меня, и кое-какие полномочия у меня имеются. Вот они...

Он достал из бокового кармана комбинезона сложенный вчетверо лист бумаги, развернул его и протянул через стол Тиббу:

— Читайте, там все написано черным по белому. Да вы, конечно, слышали об этой бумажке. Мистер Цвикк наверняка вам рассказывал...

Тибб быстро пробежал глазами письмо Пэнки:

— Здесь говорится о другом, господин Люц...

— Значит, невнимательно читали. Прочитайте еще раз вслух последние две строчки.

— В постскриптуме приписано, что в случае возникновения непредвиденных обстоятельств вы можете действовать по своему усмотрению.

— Ну вот я и действую.

— А непредвиденные обстоятельства?

— Они давно возникли, мистер Линстер. Они в вашем нежелании допустить кого-либо к УЛАКам. Мне это стало ясно еще прошлый раз. Вы ведь не станете отрицать...

— Люди, которых вы привезли прошлый раз, не подходили по физическим данным. Вы видели, на что они становились похожими после пробных испытаний.

Полшер хрипло рассмеялся и налил себе еще пива.

— Думаете, я глупее вас, Линстер! Да будет вам известно, мои парни — вот эти, например, что стоят тут, или те, что остались снаружи, — прошли через такое при подготовке в специальных лагерях, что вам и не снилось. Ваши крутилки и качели — чушь собачья по сравнению с тем... Они падали замертво, а их обливали водой, заставляли вставать и начинать сначала. Теперь они кое-что могут... Так и те... Потренировать их — и подошли бы. А вы что? И явись я сейчас к вам, как в тот раз, все повторилось бы в точности. Что молчите? Разве не так? Так, и только так... Вас я понимаю — монополия-то из рук ускользает. Неприятно, конечно. Но на чьи денежки вы строили «блюдца»? Не на свои ведь. Вот боссы и решили: раз тянете, надо дело ускорить... Меня не очень интересует, чем вы там еще занимаетесь в вашей зоне. Договоримся по-хорошему — не буду настаивать на поездке туда. Мне нужен

только УЛАК — один УЛАК. Остальное меня не касается. Получу его — и чао.

— Поскольку в письме об этом прямо не говорится, — сказал Тибб, — я должен буду связаться с мистером Пэнки.

— Связывайтесь с кем угодно, — махнул рукой Полшер. — Хоть с господом богом. Наверху все подтвердят, что УЛАК вы должны передать мне.

— И с господином Цезарем Фигуранкайном.

— Только побыстрее. Я не хочу задерживаться здесь долго. Да и за ребятами моими трудно углядеть, когда они сидят без дела. Они народ шаловливый — так ведь, Карлос?

Троица у двери дружно заржала.

— Так что, мистер Линстер, отправляйтесь-ка в зону, приводите УЛАК сюда или на аэродром, и расстанемся по-хорошему.

— Допустим, я соглашусь передать вам один УЛАК после разговора с мистером Пэнки и господином Фигуранкайном, — сказал возможно спокойнее Тибб. — Что будет дальше? Ни вы, ни ваши люди не смогут им управлять.

— Вот тогда и поговорим, — кивнул Полшер, наливая себе еще пива.

— Нет. Все должно быть ясно заранее...

Изуродованное шрамами лицо Полшера искривилось злобной гримасой. Он хватил кулаком по столу с такой силой, что поднос подпрыгнул, бутылки и графины опрокинулись, а их содержимое ручьями потекло во все стороны.

— Ах ты, черномазая обезьяна! — заорал Полшер, поднимаясь из-за стола. — Ему должно быть ясно заранее! Да ты что, не смекаешь, что ты у меня вот где? — Он разжал и снова сжал свой огромный кулак. — Да я могу с тебя живого кожу содрать и раздать своим парням на сувениры. Ты что, вообразил, что ты ровня мне?

— Ни в коем случае, — покачал головой Тибб. Он остался сидеть, только отодвинулся немного вместе с креслом, чтобы ручьи, стекавшие со стола, не попали на брюки и туфли. — Ни в коем случае, мистер Люц, — повторил он. — Честь была бы слишком велика. А по поводу моей кожи замечу только, что, хоть она и черная, вы не посмеете прикоснуться к ней. Да-да, Люц, и вы это превосходно знаете. Я для вас табу... Только этим могу объяснить ваш взрыв, хотя вы и силились тут изображать то джентльмена, то клоуна. Так что смиритесь и ответьте: что будет с УЛАКом после того, как передам его вам?

— Его надо будет перебросить к Вайсту,— проворчал Полшер, не глядя на Тибба.— Это придется сделать кому-то из ваших... кто сможет. На УЛАКе полетит часть моих парней, кого я выделю. Ясно?

— Теперь да,— сказал Тибб.— Остается получить подтверждение вашей миссии, чем и позвольте нам заняться.

— Занимайтесь,— мрачно отрезал Полшер,— только поживее. Карлос и вы двое,— он повернулся к своей охране,— не отступать от него ни на шаг. Даже в сортире. А вы, Линстер, зарубите на своем черном носу: я не потерплю никаких трюков. В случае чего и ваше «табу» не поможет. К вечеру УЛАК должен быть тут.

— Исключено.— Тибб покачал головой.— УЛАК может подняться в воздух только ночью.

— Один раз слетает и днем.

— Вы хотите, чтобы его сфотографировали спутники? И чтобы завтра об этом трубила пресса всего мира? Здесь, над Амазонкой, проходят трассы и американских, и советских спутников.

— О ваших «блюдцах» уже писали в газетах, и не раз.

— Ошибаетесь. О моих «блюдцах» не писал еще никто и никогда.

— Ну ладно. Подожду до полуночи. Но ни минутой дольше. Это помещение я временно занимаю для себя и своих ребят. И чтобы никто из ваших тут близко не крутился. Ребята будут стрелять без предупреждения. А теперь давайте действуйте, да поживее.

Тибб медленно поднялся с кресла, соображая, что предпринять дальше. Троица у выхода дружно закинула автоматы за плечи, видимо, готовая следовать за ним по пятам. В этот момент дверь, ведущая в холл, распахнулась и на пороге появился Цезарь.

— Вон отсюда, негодяй! — крикнул он, обращаясь к Полшеру.— Вон вместе с твоими подонками! «УЛАК должен быть тут!» А меня ты спросил?

Полшер в первый момент растерялся. Он попятился с такой миной, словно увидел привидение. Растерялся и Тибб, сразу же представив себе последствия необдуманного шага Цезаря.

— Вон, вон отсюда! — продолжал кричать Цезарь, наступая на Полшера.

Однако тот уже сообразил, что надо делать. Он громко расхохотался и ударил себя по ляжкам:

— Ну, нам везет сегодня, парни. Взять этого придурка!

— Ошалели! — закричал Цезарь, пытаясь освободиться из цепких рук телохранителей Полшера.— Отпустите меня. Я Цезарь Фигуранкайн...

— Тебя-то нам и не хватало для полного счастья,— процедил сквозь зубы Полшер, подходя к нему вплотную.— Что за удача! Я ведь с тобой еще не рассчитался за это.— Полшер провел пальцем вдоль шрама, пересекавшего лицо.— Вот для начала получи задаток.— Он сильно и резко ударил Цезаря по лицу правой и затем левой рукой. Голова Цезаря мотнулась в одну, потом в другую сторону и бессильно упала на грудь. По его белой куртке потекли две красные струйки,

— Слабак,— презрительно бросил Полшер и отвернулся.

— Вы отдаете отчет в своих действиях? — спросил Тибб, подходя к Полшеру и глядя на него в упор.— Немедленно отпустите его. Это глава фирмы, служащим которой и вы являетесь. Вы только что утверждали, что ваша «миссия» согласована с ним. Ребята, отпустите его и приведите в чувство,— обратился Тибб к телохранителям Полшера.— Ваш шеф ошибся. Этот человек — хозяин всего, и... ваш тоже.

Карлос и его помощники неуверенно завертели головами, видимо ожидая подтверждения от Полшера.

— Пошел ты знаешь куда! — крикнул Полшер, грубо отталкивая Тибба.— И не гляди на меня так, не гляди, говорю! Иначе, клянусь дьяволом, продырявлю твою черную шкуру вместе с твоим... табу...

Лицо его еще больше побагровело, казалось, он сейчас задохнется. Резким движением он расстегнул комбинезон, ворот рубахи и с трудом отвернулся, подставив голову под струю воздуха, которую бесшумно гнал ближайший вентилятор.

— Положите его на диван и облейте водой,— приказал он, не поворачивая головы.— И ни на шаг от него, Карлос... А теперь слушай меня, черная сволочь. Ты опасней, чем я думал... Слушай внимательно. Если до полуночи УЛАКа тут не будет, кожу я сдеру с него. Живьем сдеру. Понял?.. А теперь катись отсюда, чтобы я тебя близко не видел.

Тибб встретил машину Цвикка на полпути к Центральному аэродрому. Цвикк возвращался обратно вдвоем с шофером.

— Аэродром в руках людей Люца, — расстроенно сообщил Цвикк. — Дежурного диспетчера и троих служащих они взяли в качестве заложников. А пилота нашего самолета убили. Я видел тело. Самолет сюда привел кто-то из них.

— Они захватили Цезаря и отель в поселке, — сказал Тибб.

— Этого я больше всего боялся! — воскликнул Цвикк. — Ну и положение! Люц сейчас там?

— Там. Он требует УЛАК в обмен на жизнь Цезаря.

— Может и обмануть. — Цвикк тяжело вздохнул. — Сколько людей высадилось в поселке?

— Человек тридцать. Вооружены с головы до ног.

— И на аэродроме осталось не меньше двадцати. Значит, полсотни... Обвел он меня вокруг пальца. — Цвикк сокрушенно покачал головой. — Хорош же я оказался... Видно, пора в отставку...

— Что будем делать? — спросил Тибб.

— Не знаю... Просто не знаю... Атаковать их мы не можем. Даже когда соберем всех наших.

— Нет, не можем, — согласился Тибб. — Попытаться предложить выкуп за Цезаря?

— Не возьмет. Кто-то ведь платит ему за операцию, и немало... Главная ставка — УЛАК. Видимо, придется соглашаться. Но беда в том, что и это может не спасти Цезаря...

— В нашем распоряжении около десяти часов, — медленно произнес Тибб, как бы рассуждая вслух. — Это и мало, и много... Для УЛАКа — много...

— Хотите атаковать УЛАКом?

— Нет, это невозможно... Любая атака — конец для Цезаря. Надо попытаться иначе... Что известно о самолете Цезаря?

Цвикк ударил себя по лбу:

— Вот напасть! Я же не спросил о самолете, когда разговаривал с аэропортом в Манаусе. Вылет Люца перевернул мне мозги. Наверно, они прилетели и сидят там...

— Надо срочно связаться с Манаусом.

— Надо-то надо, но мы теперь не можем принять их самолет. Это «боинг». Он здесь садится только на Центральном. А там на середине взлетной полосы стоит самолет, захваченный людьми Люца. Они его специально оставили в центре полосы...

— А Центральный космодром?

— Лучи космодрома коротки для «боинга».

— Хороший пилот мог бы посадить.

— У Цезаря пилот отличный, но риск очень велик. Очень...

— Придется рисковать, Мигуэль. Для Цезаря сейчас единственный шанс в его людях!

— Значит, поехали в центр связи,— решил Цвикк.— Оттуда с аэродромом Манауса договориться проще всего.

В центре связи их ждала новая неожиданность: «боинг» Цезаря улетел из Манауса около четырех часов тому назад.

— Куда? — ахнул Цвикк.

— Собирались лететь в «гасиенду» сеньора Фигуранкайна,— ответили из Манауса.

Под таким названием полигон фигурировал в официальных бразильских инстанциях.

— Где же они, в таком случае? — повторял Цвикк, вытирая обильно струящийся по лицу пот.— Давно должны были бы прилететь. Всего полчаса, как я уехал с Центрального аэродрома...

— Они могли догадаться, что аэродром захвачен, и теперь кружат над сельвой, отыскивая место для посадки,— предположил Тибб.

— А такого места в радиусе двух тысяч километров нет,— горестно заметил Цвикк.— Кроме того, тогда они запросили бы наш центр связи, а там о вылете «боинга» даже не знали. Ох, не случилось бы чего хуже...

— Я должен возможно скорее попасть в зону,— решил Тибб.— Оттуда попытаюсь что-то предпринять.

— Вызовешь УЛАК?

— Нет, полечу вертолетом.

— Что думаешь делать? — прищурился Цвикк.

— Еще не решил. Во всех случаях, с наступлением темноты вернусь сюда на УЛАКе. Сядем тут — на вертолетной площадке центра связи. Смотрите, чтобы и ее не заняли люди Люца.

— Здесь все приведено в боевую готовность,— сказал дежурный.— Посты хорошо вооружены и усилены. Включена сигнализация. Нет, сюда они не просочатся.

— А к тебе в зону? — Цвикк испытующе взглянул наТибба.

— Абсолютно исключено...

Тибб вышел, но тотчас вернулся. Подошел к Цвикку и тихо сказал:

— Мигуэль, попробуйте связаться с Люцем. Добейтесь возможности поговорить по телефону с Цезарем. Мы должны убедиться...

— Само собой, — кивнул Цвикк. — Сделаю... Может, и сам съезжу... к Люцу. Есть о чем потолковать...

— Они вас задержат.

— Я им ни к чему... Нет, меня Люц задерживать не станет...

— Ну, делайте как знаете. До вечера!

Цвикк махнул рукой, и Тибб исчез.

Ошеломленный встречей, Стив только отвечал на неконча-ющиеся вопросы Инге. Он присел возле ее столика и не отрывал взгляда от ее осунувшегося, бледного лица с темными кругами у глаз, которые казались еще больше на фоне почти прозрачной кожи лба и щек. Его все сильнее захлестывала волна жалости и нежности к этой тоненькой светловолосой девочке, которая — он догадался сразу — оставалась в Лондоне лишь в надежде на его, Стива, возвращение.

...Да, эти полтора года он был в непрерывных разъездах... Южная Америка, Юго-Восточная Азия, снова Южная Америка...

...Нет, в Лондон после того раза попал впервые...

...Его дела идут неплохо, но сейчас он занят иным...

...Чем именно?.. Длинная история... Потом он все расскажет... Стив попытался спросить сам, но она не позволяла, и пришлось отвечать дальше.

На ее столике стояли только стакан с водой и тарелка с более чем скромным ужином. Стив протянул руку и осторожно прикрыл ладонью тоненькую, хрупкую кисть руки Инге.

— Подожди, девочка, ты не даешь мне сказать ни слова. Я тоже хотел бы узнать кое-что, а времени у нас мало...

Она испугалась:

— Ты торопишься? Опять должен ехать куда-то?

Он прочитал в ее широко раскрытых глазах ужас.

— Успокойся. Теперь не оставлю тебя надолго одну. Нет-нет, Инге. Но послушай, давай поужинаем по-настоящему? Пойдем куда-нибудь в хороший ресторан.

Она заколебалась:

— Может, лучше здесь? Я привыкла: тут неплохо... А на улице такая сырость и холод.

Она бросила быстрый взгляд на свои ноги, и Стив подумал, что ее туфли совсем не по погоде.

— О'кей, дорогая. Я распоряжусь.

Он подозвал официанта. Несколько минут спустя их стол был уставлен закусками, салатами, тарелками и тарелочками и блюдами с дымящейся снедью.

Инге всплеснула руками:

— Неужели мы должны все это съесть?

— *Во всяком случае, попробуем.*

Она смущенно покачала светлой головкой:

— Знаешь, я уже давно... не видела на столе ничего такого.

— Догадываюсь, дорогая. С дядей Хоакином так ничего и не получилось?

— Понимаешь, нет... Спектакль не имел успеха. Хотя мои куклы... — Она вынуждена была замолчать, чтобы справиться с куском телятины.

— Не торопись... Позволь, положу тебе еще филе... И спаржу...

— Спасибо, Стив... кажется, это слишком много...

Подошел официант-малаец с подносом вин. Стив выбрал красное, распорядился подогреть и попросил принести бутылку шампанского.

— Что бы ты еще хотела выпить, Инге?

— Чашечку кофе, а вообще, я готова сегодня пить все, что ты скажешь... О мадонна, даже жарко стало. — Она расстегнула плащ.

— Может быть, снимешь его? — предложил Стив.

Она вдруг опять испугалась:

— Нет-нет. Не надо... Так лучше...

Он не стал настаивать.

Только за кофе, после настойчивых просьб Стива, Инге немного рассказала о себе.

Она давно без работы... Последний раз работала полгода назад официанткой в таком же кафе... Но недолго... Парни очень приставали. Пришлось одному дать по роже... Ее уволили.

— Ты продолжаешь рисовать?

— Н-немного... Но, — она попыталась улыбнуться, — никто не покупает...

— Где же ты живешь сейчас?

— О, сейчас еще ничего. Устроилась... в одном отеле — для безработных девушек, но не за плату. Я там убираю по

утрам. Совсем недалеко отсюда... Только там надо обязательно ходить на богослужения. Два раза в день, а по праздникам три раза... Ужасно нудно...

— Слушай, Инге, а этот твой друг, который полтора года назад был в Австралии? Что он?

— О,— она усмехнулась,— понимаешь, очень смешно получилось... Его там подцепила дочка какого-то фермера или что-то в этом роде. Он остался там и разводит овец. Кажется, устроился неплохо. Он писал мне... Предлагал даже... помочь, но я не ответила.

Стив бросил взгляд на часы. Было девять вечера. В его распоряжении оставалось всего три часа.

Она заметила его взгляд и снова встревожилась:

— Ты куда-то торопишься?

— И да, и нет. Но это неважно... Слушай, Инге, тебя ведь сейчас ничто не держит в Лондоне?

Она испытующе посмотрела на него, но не ответила.

— Я хочу предложить тебе работу... По твоей специальности... Но не здесь... Тебе придется уехать.

— С тобой?

— Нет... То есть работать ты будешь у меня, но пока... Для начала тебе пришлось бы поехать в Гвадалахару... в Мексику...

— О Стив! Неужели это возможно?

— Хоть сейчас. Впрочем, сейчас в Англии бастуют служащие аэропортов. Значит, через несколько дней. Ты согласна?

— О Стив... я,— глаза ее налились слезами,— я... Стив... Ой, прости меня.

Она разрыдалась.

— Ну успокойся, успокойся! Все будет хорошо... Вот, возьми мой платок. Ну же.

Продолжая всхлипывать, она взяла его платок, вытерла глаза и высморкалась.

— Ой, Стив, прости, кажется, я сделала не то,— она попыталась улыбнуться,— прости, я совсем растерялась...

— Пустяки... Выпей глоточек шампанского,— он снова наполнил фужеры.— Значит, решено. Для начала ты будешь получать ну, скажем, тысячу долларов в месяц. Тебя это устроит?

— Тысячу... долларов,— она поперхнулась шампанским и снова схватила его платок.— Но... это... невозможно,— прошептала она в промежутки между приступами кашля.

— Беда с тобой, Инге,— Стив поспешно вскочил, чтобы постучать ей между лопаток. И опять, уже в который раз, ощутил боль и острую жалость, потому что почувствовал, до чего она исхудала.— Просто беда,— повторил он.— Ну теперь лучше?.. Вот, выпей воды...

— Спасибо...

— Так ты согласна?

— О Стив, ты еще спрашиваешь...

— Потом ты, конечно, станешь получать больше.

— О-о! Но смогу ли? Что надо будет делать?

— Сможешь... Ты будешь... главным экспертом по живописи и кое-каким предметам старины.

— Это просто как в сказке! Главным экспертом, Стив! — она звонко рассмеялась.— Бьюсь об заклад, речь идет о краденых картинах и редкостях.

— Тс, тихо! Об этом нельзя кричать, тем более что ты не ошиблась... Получив твой подарок, я решил переквалифицироваться.

Она лукаво погрозила ему пальцем:

— Будто раньше ты этим не занимался.

— Конечно, нет. Могу поклясться.

— Клясться грешно. Нам твердят об этом два раза в день.

— А биться об заклад?

— Наверно, тоже нехорошо. Прости меня. Больше не буду так говорить.

— Принял к сведению. Слушай, Инге, у тебя сохранялся мой гвадалахарский адрес?

— Конечно. Я даже помню его наизусть.

— Очень хорошо. Как только откроются аэропорта, ты полетишь в Мехико и оттуда в Гвадалахару. Деньги на поездку я тебе, конечно, оставлю.

— Но, Стив...

— Не перебивай! Платит фирма, которая приняла тебя на работу с сегодняшнего дня. Фирма обязана покрыть все расходы по переезду своего сотрудника, тем более,— Стив поднял палец,— когда речь идет о сотруднике столь ответственном. Я думаю, что на переезд в Гвадалахару тебе хватит, скажем, полугодового оклада в качестве единовременного пособия. Это составит шесть тысяч долларов. Мы сейчас разыщем с тобой моего секретаря — его зовут Тео. Ты запомни это имя — Тео Ионг Хаук,— он очень достойный человек. Запросто пе-

рерубает ствол бамбука ребром ладони. У него портфель. Мы возьмем у него эту сумму плюс твое жалованье за месяц вперед, а еще деньги на авиабилет. Первого класса, конечно. Это составит,— Стив прикинул в уме,— это составит семь тысяч шестьсот пятьдесят долларов...

— О мадонна... то есть Стив! Что же это такое?

— Можешь ты помолчать немного? Не нужно никогда перебивать шефа. Значит, семь тысяч шестьсот пятьдесят долларов. Ты получишь эти деньги, дашь ему расписку и начнешь действовать. Паспорт у тебя в порядке?

— Да...

— Хорошо. Прилетев в Гвадалахару, ты найдешь виллу «Флорес», адрес которой тебе известен. Это южная окраина города, вблизи Пласа-эл-Сол. Ты спросишь сеньору Мариану и отдашь ей эту записку,— Стив вырвал из блокнота лист бумаги и быстро набросал несколько строк.— Ты по-испански говоришь, Инге?

— Совсем немного.

— Тебе надо побыстрее овладеть испанским. Между прочим, в Мексике почти все умеют говорить по-испански.

— Я знаю...

— Поэтому займись испанским с завтрашнего дня. Сеньора Мариана все устроит. Жить ты будешь пока там, в этой вилле. Отдыхай, учи испанский...— Ему хотелось добавить «набирайся сил», но он не решался.

— А картины, Стив?

— Да, конечно. Ходи в музея. В Гвадалахаре и в Мехико прекрасные музеи.

Глаза Инге расширились еще больше.

— И что мне делать в музеях, Стив? — Она прошептала это едва слышно.

— Ну, разумеется, не красть картины. У эксперта должен быть очень широкий кругозор... Тебе придется узнавать работы очень разных мастеров, если, например, на них отсутствует или неразличима подпись художника... Потом мы организуем специальную лабораторию. Словом, ты должна основательно подготовиться к своей новой должности. Не мне тебя учить, что надо делать...

— Да, Стив, я понимаю,— она вздохнула.— А можно еще вопрос?

— Конечно, теперь сколько угодно.

— Эта сеньора Мариана — кто она?

— О, она тоже особа очень достойная... Это старая индианка из гватемальских майя. То есть она еще не очень старая, но, наверно, покажется тебе старой. Ее далекие предки были жрецами майя, а сама она научилась читать и писать всего несколько лет назад. У нее была очень нелегкая жизнь; последние годы она экономка в моем гвадалахарском доме. С ней там живет еще ее приемная дочь Мариэля. Та — твоих лет.

— И кто там живет еще? — очень серьезно спросила Инге, внимательно глядя на Стива.

— Ещё? Еще Пако... Он шофер и садовник. Этот — коренной мексиканец, с большой примесью индейской крови. Человек смелый, решительный, строгий, но очень справедливый и честный; участвовал в мексиканских революциях, был моряком, рыбаком, еще кое-кем; как каждый порядочный человек — сидел в тюрьме. Впрочем, он уже давно живет тихо, потому что лет ему много — далеко за шестьдесят. А еще там — несколько собак; десяток котов и кошек, много голубей, два попугая, козы — сколько, не знаю — и большой аквариум с тропическими рыбами в зимнем саду. Вот, кажется, и все обитатели дома и сада, где тебе предстоит жить. В саду там неплохой бассейн, и ты сможешь в нем плавать хоть каждый день.

— А когда ты приедешь туда, Стив? Я ведь писала туда тебе дважды, но ты... — она не закончила.

— Я не видел этих писем, девочка, как, вероятно, и многих других. Так получилось, что я там не был уже более полутора лет. Видишь ли, Инге, сейчас я объясню тебе нечто... — он сделал долгую паузу. — Ты не удивляйся и ни о чем не спрашивай пока. Потом поймешь сама... Но хорошо запомни, что я тебе сейчас скажу, и никому, запомни, никому об этом ни слова. Потому что от сохранности этой тайны зависит моя судьба, а теперь, может быть, и твоя. Видишь ли, Инге, Стива Роулинга — бизнесмена больше не существует...

Она испуганно отшатнулась.

— Нет-нет, ты не пугайся. Я это я, и, конечно, живой человек, а не призрак, но... меня теперь зовут Джон Смит, да-да, самый обыкновенный Джон Смит, каких на свете, вероятно, сотни тысяч. Впрочем, для некоторых я «папа Лука», как я и подписался в этой записке. Поэтому нигде, даже в Гвадалахаре, не вспоминай о Стиве Роулинге. Это имя тебе просто неизвестно. Ты поняла?

— Д-да... Но как же мне называть тебя теперь?

— Зови Джоном.

— А эта сеньора Мариана — она... знает... кто ты теперь?

— Конечно. Она служила у Стива Роулинга, который умер, а дом продал Джону Смиту. То есть сначала продал, а потом умер. Хотя подожди — кажется, Джон Смит купил этот дом после смерти Роулинга. Да-да, именно так... Но это совершенно неважно. Хозяин дома в Гвадалахаре теперь Джон Смит — то есть я, а послал тебя туда «папа Лука» — то есть тоже я. Это не очень сложно?

— Довольно сложно, Стив, то есть, прости, Джон.

— Постарайся не ошибаться, девочка. Это важно.

— Я буду очень стараться... Джон. Скажи мне еще: как называется фирма, в которой я буду работать?

— Это очень известная фирма, Инге. Я говорю о головной. Это транснациональная «Фигуранкайн корпорейшен». А ты будешь работать в одном из ее многочисленных ответвлений. Оно называется «Смит-Цвикк лимитед». Ты потом получишь копию контракта — там все будет указано.

— Смит — это, значит, ты?

Стив кивнул:

— Ты правильно догадалась. Однако нам пора,— он подозвал официанта-малайца и расплатился.— Пойдем теперь поищем Тео, а потом я отвезу тебя в какую-нибудь приличную гостиницу...

— А ты... Джон?

— Мне придется временно исчезнуть. Получишь от меня известие уже в Гвадалахаре.

Она вздохнула:

— Ты всегда так занят?

— Не всегда, но часто.

Когда они выходили из кафе, лицо Инге вдруг искривилось от боли. Она остановилась и закусила губы.

Стив встревоженно наклонился к ней:

— Тебе нехорошо?

— Немного... Может быть, съела... что-нибудь нехорошее.

— Давай вернемся. Ты посидишь в кафе, а я найду такси.

— Нет... Я с тобой. Ох!

— Что ты чувствуешь, дорогая?

— Тут очень болит,— она показала где,— и сильная слабость... Боюсь — упаду. Ох!..

Стив, не говоря ни слова, подхватил ее на руки и снова мысленно ужаснулся: она оказалась почти невесомой. Держа Инге на руках, он медленно пошел по пустынной улице, озираясь в поисках такси.

Из тумана вынырнула фигура полисмена в каске и накидке от дождя. Он неторопливо подошел и молча преградил Стиву путь.

— Леди заболела, — сказал Стив, — где тут ближайший госпиталь?

— На Кромер-стрит. Это не очень далеко.

— Может быть, вы смогли бы вызвать санитарную машину или найти такси?

— Свободное такси стоит рядом за углом, сэр. Вам помочь?

— Нет, донесу сам.

Стив направился в указанном направлении, держа Инге на руках. Глаза ее были закрыты. Дыхание чуть слышно. Полицейский молча следовал за Стивом.

Когда они подошли к машине, полицейский помог Стиву уложить Инге на заднем сиденье, а сам сел рядом с шофером.

— В ближайший госпиталь, — сказал Стив.

И шофер, и полицейский молча кивнули. Стив бросил взгляд на часы. Стрелки приближались к десяти сорока...

Тибб появился в центре связи сразу после наступления темноты. Цвикк уже ждал его.

— Как Цезарь? — спросил Тибб, входя.

— Жив пока, но этот разбойник ничего не хочет слушать. Обещает вернуть его живым только после того, как будет получено известие от Вайста, что УЛАК приземлился в Африке. И требует большой УЛАК, на котором хочет отправить часть своих людей.

— Да, я знаю, — кивнул Тибб. — Что с самолетом Цезаря?

Цвикк махнул рукой:

— Никаких известий... Или направился не сюда, или что-то случилось. Ты прилетел малым аппаратом?

— Большим.

— А где сели?

— Тут, на вертолетной площадке.

У Цвикка округлились глаза.

— Как ты умудрился?

— Все в порядке,— нетерпеливо отозвался Тибб.— Что вы предлагаете, Мигуэль?

Цвикк потупился и покачал головой:

— Ума не приложу. И так, и этак поворачиваю. Все плохо... А ты что думаешь?

— Есть одно... средство, но мне очень не хотелось бы им воспользоваться. И я не знаю...— Тибб не кончил.

— А,— Цвикк махнул рукой,— в нашем положении все средства хороши.

— Людей удалось собрать? — спросил после короткого молчания Тибб.

— Собрали...

— Поселок окружен?

— Окружен-то окружен, да что толку. У них площадка и вертолеты. Словом — поймал парень медведя, а медведь его не отпускает. Да-а... Так и мы. И главное — Цезарь...

— Их вертолеты легко вывести из строя,— заметил Тибб.

— А дальше что?

— Дальше?..— Тибб на мгновение задумался.— Дальше предлагаю поступить так...

На лестнице, ведущей в центр связи, послышались голоса и какой-то шум.

Тибб быстро встал, а Цвикк, продолжая сидеть, извлек из кармана и положил на стол большой автоматический пистолет.

Голоса на лестнице продолжали препираться. Тибб подошел к двери и распахнул ее. За дверью оказался взволнованный Филипп Корт — начальник центра связи.

— Тут появился один человек. Я его совсем не знаю,— начал Корт, обращаясь к Цвикку.— Он настаивает на немедленном свидании с вами.

— Кто там? — Цвикк тоже поднялся с кресла.

— Это я, сэр, извините,— послышалось за спиной Корта,— я — Суонг.

— Давай-давай сюда,— обрадовался Цвикк.— Где пропадал? Тебя схватили люди Люца?

— Да, я был у них.

— И что нового?

— Немного есть новое,— усмехнулся Суонг.— Мы принесли их командир.

— Кого принесли? — не понял Цвикк.

— Их командир... Мистер Полшер или мистер Люц, мы не знаем точно, как называется...

— Подожди-ка,— все еще не веря своим ушам, перебил Цвикк,— где этот, кого вы... принесли, говоришь?

— Здесь, внизу.

Цвикк, не говоря ни слова, ринулся вниз по лестнице. Тибб последовал за ним.

В вестибюле, окруженный инженерами центра связи, лежал на полу Полшер, туго спеленутый капроновым шнуром. Лицо его было почти черным, изо рта торчал кляп, но глаза были открыты. Возле Полшера сидел на корточках еще один индонезиец, которого Цезарь захватил с Явы вместе с Суонгом.

— Ну, ребята,— растроганно проговорил Цвикк,— просто не знаю, что и сказать... Ну и молодцы! До чего же я рад! А уж как я тебя рад видеть, старина,— продолжал Цвикк, наклоняясь к Полшеру,— просто слов нет... тьфу...

Полшер шевельнулся и яростно сверкнул глазами.

— Выньте-ка ему изо рта эту затычку,— попросил Цвикк,— послушаем, что он сейчас думает.

Суонг освободил Полшера от кляпа. Некоторое время тот тяжело дышал, прикрыв глаза, потом разразился хриплыми бессмысленными проклятиями.

— Пусть выпустит пар,— махнул рукой Цвикк.— Как все-таки вам удалось? И чего он так хрипит?

— Придушили чуть-чуть шнуром,— сказал Суонг,— старый способ...

— В туалете,— добавил его товарищ.— Пошел один.

— Его, наверно, уже хватились?

— Наверно.

— Несите наверх к аппаратам.

Связанного Полшера усадили в одно из кресел аппаратной перед переговорным экраном.

— Ты, конечно, понял, что надо сделать? — спросил Цвикк, усаживаясь в кресло рядом. Полшер мрачно кивнул.

— Свяжитесь с коттеджем,— попросил Цвикк дежурного инженера.— У тебя, старина, там кто-нибудь есть в радиоаппаратной? — Цвикк глянул на Полшера.

Тот снова молча кивнул.

— Кого вызвать?

— Карлоса.

Через несколько минут на экране перед Полшером появилась заспанная физиономия Карлоса. Некоторое время Карлос ошеломленно моргал, видимо, силясь понять, что произошло.

— Спал, сволочь? — хрипло спросил Полшер, с отвращением глядя на своего помощника.

— Вы где, шеф? — решился спросить Карлос, облизывая толстые губы.

— В гостях у святого Петра... Что, еще не хватились, жуки навозные? Ну я вас...

— Погоди-ка,— Цзикк толкнул Полшера,— с ними потом разберешься. Пусть приведут к экрану господина Цезаря Фигуранкайна.

— Ты слышал? — Полшер попытался откашляться.— Давай.

Карлос исчез. На его месте тотчас возникли несколько всклокоченных голов, с недоумением и любопытством уставившихся с экрана.

Полшер злобно дернулся:

— А ну прочь, чтобы я ни одной вашей подлой морды не видел.

— Обменяем тебя на господина Фигуранкайна,— объяснил Цвикк.— Возражать ты, конечно, не будешь.

— Где? — спросил Полшер, повернувшись к Цвикку и первый раз взглянув ему прямо в глаза.

— На вертолетной площадке у коттеджа,— сказал Тибб.— Ваши люди, Люц, отойдут к северной стороне площадки, и тогда наши выйдут к южной. Над площадкой в это время зависнет УЛАК. Вы и мистер Фигуранкайн выйдете одновременно с противоположных сторон площадки, встретитесь в центре и разойдетесь шагом, каждый к своим. И никаких фокусов. Все будет надежно контролироваться. За малейшую попытку нарушения *любой* нарушитель тотчас заплатит жизнью. Ясно?

Полшер злобно дернулся, но промолчал. Наконец на экране появился Цезарь Фигуранкайн. Лицо его было бледно. Левый глаз почти заплыл, вокруг правого темнел синяк, а ниже — большая ссадина, губы опухли.

— Все в порядке, патрон,— торопливо сказал Цвикк, отстраняя Полшера и приблизив лицо к экрану.— Сейчас мы вас обменяем. Как самочувствие?

— Средне, — невнятно ответил Цезарь, с трудом шевеля распухшими губами. — Что ж, если удастся, спасибо...

— Вот наш вексель, — заверил Цвикк, снова подтолкнув Полшера к экрану. — А ну, давай, распорядись, — шепнул он ему.

— А, — сказал Цезарь, и в его правом, широко открытом глазу загорелся красноватый огонек, — тогда хорошо... — Он опять опустил голову.

Полшер велел подойти к экрану Карлосу и передал все, что требовалось.

Встречу на вертолетной площадке назначили ровно в восемь — через сорок минут.

— Развяжите, — хрипло попросил Полшер после того, как экран погас. — Уже не чувствую рук и ног...

— Только перед самым обменом, — решительно отрезал Цвикк. — Пока потерпи и скажи спасибо, что Суонг не разукрасил тебя, как ты господина Цезаря.

— Я только хотел припугнуть, — пробормотал Полшер. — Он был неплохим козырем в этой игре. Конечно, я понимаю, кто он, и только... шутил. А получил он за дело... Надо уметь отличать мужской разговор от обыкновенной шутки, — он усмехнулся.

— Ну разумеется, — сказал Цвикк без улыбки. — Мы знаем, что вы шутник, господин... Рюйе.

Полшер снова дернулся, сверкнул глазами, но не ответил.

Спустя полчаса, лежа связанным в машине между Цвикком и Суонгом, Полшер обратился к Цвикку:

— Наш разговор об УЛАКе остается в силе. Я понимаю, теперь заминка. Но операция задумана не мной. Завтра понедельник, свяжитесь с мистером Пэнки. Он подтвердит. А если теперь вам этого мало, подтвердит кое-кто повыше... Могу назвать хоть сейчас, только... — Он покосился на Суонга.

— А ну давай, — сказал Цвикк, приближая ухо к губам Полшера, — шепни одного-другого для примера — подумаю на досуге...

Полшер прошептал несколько слов в самое ухо Цвикка.

— Да-а, — протянул Цвикк и покачал головой, — дела-а, если, конечно, не врешь.

— К чему бы мне, — пробормотал Полшер и отвернулся.

Резкий фиолетово-синеватый свет залил вертолетную площадку. Четкие косые тени отбросили стоящие на ней вертоле-

ты. УЛАК завис неподвижно, почти касаясь краями верхушек деревьев. Источником необычного освещения была вся нижняя поверхность корабля. Она светила ярко и ровно. Людей на площадке не было видно. Стрелки на часах Цвикка приближались к восьми.

— Убрать людей из вертолетов — там четверо с оружием,— раздался громкий голос откуда-то сверху.— Люц, подтвердите команду.

Полшер, только что развязанный, потирая онемевшие руки и ноги, с трудом нагнулся к микрофону, который держал Суонг.

— Карлос...— зло прохрипел он.— Чем думаешь? Убери...

Спустя несколько минут темные фигуры, как тараканы, выползли из вертолетов и бегом исчезли за деревьями.

— Теперь всем отойти от площадки,— снова прозвучал голос с неба.— Остаются по трое с каждой стороны.

Тишина, и тот же голос:

— На севере команду выполнили не все. Я жду.

Полшер выругался вполголоса, продолжая потирать кисти рук и колени.

Наконец наверху прозвучало:

— Господин Фигуранкайн и вы, мистер Люц, выходите на площадку и медленно двигайтесь к центру.

Две фигуры — высокая, худая в белом костюме и коренастая, плотная в зеленом пятнистом комбинезоне — появились на освещенном сиреневым светом пространстве вертолетной площадки и направились навстречу друг другу. В центре они встретились и на мгновение остановились. Фигуранкайн что-то сказал, и Полшер ответил. Потом оба взглянули наверх на УЛАК и разошлись.

Через минуту улыбающийся Цвикк протягивал руку Цезарю. Цезарь осторожно отвел ее и, обняв Цвикка, приник головой к его плечу.

Час спустя они уже сидели в салоне центра связи, где был сервирован ужин. Цезарь, с повязкой на лице, которую наложил Суонг, выглядел теперь чуть лучше. Бледность почти исчезла, лишь подергивалось правое веко и дрожали пальцы.

Цвикк, окинув внимательным взглядом приготовленный стол, поднял бокал.

— Первый тост — за избавление патрона, — объявил он.

— Первый тост — только за вас, друзья мои, — тихо сказал Цезарь. — Пьем за вас, за вашу самоотверженную помощь, за тебя, мой друг и брат Суонг, не удивляйся, что обращаюсь к тебе на «ты»: теперь ты брат мой, как и Стив. — Цезарь на мгновение умолк. — Мы еще не знаем, что с ним... Ну, будем надеяться на лучшее... Итак, за вас, мои спасители и друзья!

Зазвенели бокалы.

— Между прочим, патрон, Полшер просил передать вам, что он только пошутил, — заметил Цвикк, отправляя в рот кусок ананаса.

Цезарь скрипнул зубами:

— Я тоже не прочь «пошутить» с ним подобным образом...

— У него слишком толстая кожа, патрон.

Пришел Филипп Корт, доктор физики, начальник центра связи полигона, — высокий, худой, сутулый, в больших роговых очках. Его курчавые огненно-рыжие волосы, вопреки обыкновению, были приглажены и блестели от помады.

— Люц передал меморандум, — объявил он. — Сообщает, что, учитывая ситуацию, согласен на передачу корабля завтра до полуночи, после соблюдения всех формальностей.

Цезарь презрительно фыркнул. Повернулся к Цвикку:

— Хватит у нас сил ликвидировать их?

— Тут, в основном, специалисты, — Цвикк медленно потягивал шампанское, — не хотелось бы без крайней необходимости рисковать их жизнями.

— Но эту мерзость надо уничтожить целиком. Ни один не должен уйти. Как по-твоему, Тибб?

Тибб покачал головой:

— Я против крайних мер.

— И что ты предлагаешь? — резко бросил Цезарь.

— Надо выждать... Едва ли у них большой запас продовольствия. Потом предложить капитуляцию.

— Тоже не выход, — вздохнул Цвикк, — во-первых, это коммандос. Они редко капитулируют. Во-вторых, вокруг плодовые деревья. На одних плодах можно продержаться достаточно долго. В-третьих, у них в руках наш главный аэродром. Они могут вызвать подкрепление. Мы ведь не знаем всех возможностей Люца. Я говорил вам, патрон, на кого он ссылается для подтверждения полномочий.

— Блеф!

— Не знаю,— Цвикк долго вытирал лицо носовым платком,— но хотел бы обратить ваше внимание, патрон, что перечисленные лица, кроме всего прочего, члены Бильдербергского клуба...

— Не имею чести состоять там,— перебил Цезарь.— А к моей фирме эти господа не имеют отношения.

— Как сказать.— Цвикк снова вздохнул.— Точными сведениями не располагаю, но кое-кто из них финансировал, вероятно, создание УЛАКов. Все аккуратнейшим образом взаимосвязано в этом не наилучшем из миров.

— Что за клуб — Бильдербергский? — поинтересовался Корт.— Никогда не слышал.

— Нечто вроде масонской ложи для избранных,— махнул рукой Цезарь,— бывшие политики, бывшие коронованные особы, спятившие с ума генералы, банкиры...

— Если позволите, могу дополнить, патрон,— сказал Цвикк.

— Попробуйте.

— Вполне понятно, Корт, что ты не слышал о таком клубе,— начал Цвикк.— О нем вообще мало что известно. Встречи его членов происходят в обстановке строжайшей секретности. Журналистов туда и близко не подпускают. Да-а... Но, как ни секретничают «бильдербергцы», кое-что журналисты пронюхали... В нынешнем мире нет ничего тайного, что со временем не стало бы явным... Дело началось вот с чего: лет двадцать назад по инициативе тогдашнего госсекретаря США Джорджа Болла и нидерландского принца Бернарда в Голландии, в городке Арнхайме, собралась небольшая, но весьма влиятельная кучка людей из промышленных, банковских, военных кругов. Они три дня «обменивались опытом и мнениями» в обстановке полной секретности. Так потом заявил один из участников встречи в каком-то интервью. И он добавил тогда, что участники конференции очень довольны такой формой общения и постановили собираться регулярно. Встречи стали именоваться «бильдербергскими» — по названию отеля, где эти господа собрались первый раз. Собираются члены клуба один-два раза в год. Обычно в небольших курортных городках... Некоторые политики и журналисты склонны считать, что Бильдербергский клуб стал своего рода тайным «правительством» западного мира. Его никто не избирал, оно

не отчитывается ни перед кем, но... правит. Да-а... Между прочим, патрон, ваш покойный отец состоял членом этого клуба...

— А сколько их, по-вашему, всего там? — спросил Цезарь, поправляя повязку на лице.

— Точно никто не знает. Наверно, до сотни наберется. Костяк — руководители крупных концернов, короли — только нефтяные, стальные и прочие, бывшие и нынешние президенты, премьер-министры, представители крупных политических партий, даже некоторые профсоюзные боссы. Кто однажды вошел в клуб или кого туда пригласили — сохраняет членство пожизненно. Вот так...

— Мы приятно беседуем,— сказал Цезарь,— а Люц тем временем готовит очередной сюрприз. Надежно ли охраняется центр связи?

— Все о'кей,— заверил Тибб.— УЛАК висит над коттеджем. Густавино видит их перемещения на специальном экране. В случае необходимости известит.

— Известит центр связи?

— И центр, и меня непосредственно.

Тибб поднял руку с часами. На браслете часов с внутренней стороны оказался небольшой матовый экран. Тибб повернул его, и на экране возникло изображение.

— Что слышно? — спросил Тибб, приближая экран к губам.

С экрана прошелестел ответ.

— Люди Люца внутри кольца наших постов,— сказал Тибб.— Большинство отдыхает.

— Сколько их? — прищурился Цвикк.

Тибб передал вопрос Густавино. Ответ последовал немедленно.

— Он говорит, что всего тридцать семь, но,— Тибб снова прислушался к шепоту экрана,— это общее количество. Людей Люца немного меньше. Они задержали в коттедже кого-то из наших...

— Там остались повар и горничная,— кивнул Суонг.

— Я видел двух горничных,— поправил Цезарь.

— Значит, трое,— вздохнул Цвикк,— девушкам может быть худо.

— Я бы все-таки атаковал их ночью,— резко сказал Цезарь.

Цвикк покачал головой, но не ответил. Промолчали и остальные.

— Какие у них возможности радиосвязи? — обратился Цезарь к Корту после довольно долгого молчания.

— Коттедж может связаться с нами, с Центральным аэродромом.

— А если надо подальше? — прищурился Цвикк.

— Не смогут. УЛАК экранирует дальнюю радиосвязь.

— УЛАК?

— УЛАК-два, — кивнул Тибб, — тот, что висит над коттеджем.

— Это неплохо, — оживился Цезарь.

— Но у них еще диспетчерская аэродрома, — заметил Цвикк.

— Там то же самое, — сказал Тибб, — над аэродромом висит УЛАК-пять.

— Значит, они лишены дальней связи? — уточнил Цезарь.

Тибб молча кивнул.

— Мы перехватили переговоры их связистов, — сказал Корт. — Оба недоумевают, почему не слышно дальних станций. Решили, что из-за атмосферных помех. К утру, действительно, может собраться гроза.

— А вечером они кого-нибудь пытались вызывать? — поинтересовался Цвикк.

— Диспетчерская вызывала «Кондора», — Корт отодвинул свой бокал, — по некоторым репликам можно было догадаться, что «Кондор» где-то в Андах, может быть, в Чили.

— «Кондор» не ответил?

— В коттедж передали, что не ответил.

— Мы отсюда тоже не можем сейчас связаться с далекими пунктами? — спросил Цезарь. — Например, с Канди или Лондоном?

— Пока УЛАК экранирует этот район, нет, — сказал Тибб. — Но передачи, адресованные нам, примут на УЛАКе-два и известят нас.

— Ждете вестей из Лондона, патрон? — прищурился Цвикк.

— И хотел бы поговорить с женой, — устало пробормотал Цезарь, поднимаясь из-за стола. — Вы извините, я, пожалуй, пойду отдохнуть. Нет-нет, вы оставайтесь, — запротестовал он, видя, что остальные тоже встают.

— Вы отдыхайте спокойно, патрон, — проговорил Цвикк, снова опускаясь на свое место. — Мы будем бодрствовать по очереди.

— Пусть отдохнет хорошенько... Ему сегодня досталось-таки, — продолжал Цвикк, после того как Цезарь, сопровождаемый Суонгом, покинул салон. — Ума не приложу, чего он выскочил днем, прямо в лапы этому типу.

— Понадеялся на свой авторитет главного босса, — предположил Корт.

— Такой ход, конечно, мог сработать, но не в случае Люца, — Цвикк потянулся за ананасом. — Этот человек творит зло, как пчела творит мед.

— У Цезаря Фигуранкайна есть одно качество, — медленно сказал Тибб, — я бы назвал его надменностью души. Им обладают на Земле немногие. Может быть, им обладали апостолы и самые знаменитые мученики, и уж наверняка — ученые-мученики: Джордано Бруно, Сервет... Это качество придает мужество. Такой человек способен умереть под пытками, но не отступится от своего...

— Да-а, — протянул Цвикк, — и милейший Люц был вполне способен превратить нашего патрона в мученика...

Только в два часа ночи дежурная сестра появилась в приемном покое, где Стив дремал в кресле, и заверила, что жизнь Инге уже вне опасности.

— Доктору пришлось повозиться, — добавила она, — у девочки заворот кишок. Вероятно, принимала участие в какой-то голодовке, а потом сразу много поела.

— Именно, — кивнул Стив, — они... протестовали против массовой безработицы.

— С ума молодежь сходит, — сурово поджала губы сестра, — из дома убегают, бродяжничают неизвестно где, безобразят. Полиция сладить не может. Одеваются бог весть как, стыд глядеть... А эта — ваша дочка?

— Племянница... по материнской линии...

— Давно сбежала?

— Порядком... Едва нашел... Почти случайно.

— Родители-то, верно, голову потеряли.

— Отца чуть удар не хватил.

Сестра покачала головой:

— Ну, еще бы... Подумать только... Скверная девчонка!

— В детстве забыли отшлепать. Долго ее тут продержат?

— Это зависит,— сестра сделала многозначительную паузу,— это будет зависеть от ее родителей, сэр... Клиника частная...

— Понимаю... А сколько обычно держат после таких случаев?

— Дней десять — двенадцать. Иногда больше. Ваша племянница очень истощила себя голодовкой. Но двухнедельное пребывание в нашей клинике обойдется недешево, сэр.

— Родители — состоятельные люди.

— Ну, тогда конечно.

— А можно ее сейчас увидеть?

— К сожалению, только утром. Операцию делали под общим наркозом.

— В таком случае, можно мне тут подождать до утра?

— О сэр! У нас это не принято. И потом, в двух кварталах налево отель. Неплохой отель.

— Тогда я пошел.— Стив поднялся.— Зайду утром... Ее документы...

— У меня, сэр. Вот они... С вашего разрешения, я утром скажу шефу, что девочка останется на весь курс лечения.

— Разумеется. Утром я урегулирую все формальности, сестра.

— Счет вы оплатите через банк или наличными?

— Предпочитаю второе... Спокойного дежурства, сестра, и... огромное спасибо. А это вам.— Стив всунул под пресс-папье десятифунтовую купюру.

— О, что вы, сэр... К чему? — Она жеманно улыбнулась.— Вы не тревожьтесь. Я прослежу, чтобы все было хорошо. Благодарю вас.

Стив вышел на улицу. Дождь перестал, но туман лежал по-прежнему неподвижный и плотный. Уличные фонари чуть просвечивали мутными желтоватыми пятнами. Вокруг не было видно ни души.

«Плохо, если Тео и Шейкуна потеряли мой след,— подумал Стив.— Догадался ли кто-нибудь из них побывать в полночь в условленном месте?»

Стив направился в сторону отеля. На первом же перекрестке от газетного киоска отделилась высокая темная фигура.

Стив замедлил шаги.

— Это я, сеньор,— послышался глуховатый голос Шейкуны.

— Хорошо,— обрадовался Стив.— А что Тео?

— Не знаю. Я следовал за сеньором от телецентра.

— Однако! Ты, конечно, голоден?

— Нет. Я ужинал, пока сеньор был в больнице.

— Может быть, Тео еще ждет меня там, где мы условились? Это в Сохо... Бар «Неаполь». Знаешь?

— Знаю.

— Возьми такси, отправляйся туда и скажи Тео, что жду его завтра в десять утра напротив госпиталя, где я оставил девушку.

— А сеньор?

— Переночую в этом отеле. Вы тоже поищите ночлег, лучше в разных местах...

— Мы переночуем в Сохо, сеньор,— ухмыльнулся Шейкуна.

— Как знаете. Чао!

— Чао, сеньор.

Утром Стиву разрешили повидать Инге. Совсем молоденькая сестра, набросив на плечи Стиву белый накрахмаленный халат, провела его в небольшую палату, где стояли четыре кровати. Три были пусты, на четвертой у окна лежала Инге. Стив с трудом узнал ее. Светлые волосы разметались на подушке, исхудавшее лицо казалось очень маленьким и было белым, как простыня, которой Инге была прикрыта до самой шеи. Только ее огромные зеленовато-серые глаза остались прежними. При виде входящего Стива они заискрились радостью, и Инге попыталась приподнять голову.

— Лежите, лежите,— строго сказала сестра,— вам еще нельзя шевелиться.

Сестра пододвинула стул к кровати Инге и пригласила Стива сесть.

— Не дольше десяти минут,— предупредила она,— и не разрешайте ей двигаться и много говорить. Через десять минут я приду за вами.

Она вышла, шурша накрахмаленным халатом.

— Ну и хорошо, что все обошлось,— сказал Стив,— теперь ты будешь быстро поправляться. Только выполняй строго все требования врачей.

— О Стив, то есть Джон, прости меня. — Ее большие глаза наполнились слезами. — Я причинила тебе столько хлопот. Прости...

— О чем ты говоришь, девочка, — Стив осторожно погладил ее маленькую, почти прозрачную руку, лежащую поверх простыни, — это я во всем виноват. Мог бы и догадаться. — Стив постучал себя кулаком по лбу. — Ты прости, Инге, что я... не разыскал тебя раньше. Но теперь все будет хорошо. Ты останешься тут до полного выздоровления — это, вероятно, дней десять или чуть больше. Тебя сегодня переведут в отдельную палату, я уже говорил с доктором. Пока ты находишься тут, тебя будет каждый день навещать... один мой друг. Его зовут Шейкуна — Шейкуна Хасан Гулед. Запомни это имя. Он африканец из Мозамбика. У него черная кожа, но сердце золотое. Он останется здесь твоим опекуном, позаботится о билете и будет сопровождать тебя в Гвадалахару. Из Гвадалахары он отправится ко мне — ты обязательно передашь с ним письмо.

— А ты? — тихо спросила Инге, едва шевельнув бескровными губами.

— Я задержусь в Лондоне еще день-два, но потом придется уехать.

— Расскажи мне... о том крае, куда поедешь.

— Слушай... Это бескрайний океан тропических лесов. Там сейчас жаркое лето. Там, впрочем, всегда жарко, но сейчас там еще и лето... В глубине этих лесов, вдали от городов и дорог, есть сказочное царство. Его начал строить злой волшебник, но, не достроив, умер...

— А разве волшебники умирают, Джон?

— Случается... Ему помогли это сделать другие злые волшебники. И тогда во главе этого царства встал другой волшебник, сын прежнего.

— Тоже злой?

— Как сказать. Вначале он был никакой. Он даже не хотел править царством. Но потом согласился. Теперь у него... добрые наставники... Они надеются, что со временем он станет добрым волшебником... Но, понимаешь, Инге, волшебников очень трудно воспитывать и перевоспитывать, и чем сказка кончится, я еще не знаю...

— А воспитываешь его ты, да?

— С чего ты взяла?

— Мне кажется, что ты.

— Ну хорошо, и я тоже... немного. Но у него есть другие наставники. Кроме того, за ним очень следит одна добрая фея.

— Она тоже живет в этом царстве?

— Нет, она на другом конце света. Но феи и волшебники могут прыгать по планете, как кузнечики. Сегодня здесь, завтра там...

— Ты тоже можешь так прыгать?

— Иногда приходится... Но ты поменьше говори и побольше слушай.

— По-моему, ты тоже добрый волшебник, Джон...

— Увы... Пожалуй, я, скорее, из донкихотов. Это ныне не в моде...

Вошла молоденькая сестра и очень строго взглянула на Стива.

— Меня уже выгоняют, Инге. Завтра утром я навещу тебя. Будь умницей и набирайся сил. Впереди очень много дел...

Инге взглянула ему прямо в глаза:

— Поцелуй меня, Джон.

Он наклонился к ней. Она шевельнулась. Простыня немного сдвинулась, и Стив увидел в прорези ее сорочки золотую цепочку с тремя бирюзовыми подвесками.

Поправляя простыню, он коснулся пальцами ожерелья.

— Никогда не расстаюсь с ним... Джон, — шепнула Инге. — И не расстанусь. Кольцо, прости, я заложила... Но оно... падало с пальцев. Я его обязательно выкуплю перед отъездом.

Стив осторожно коснулся губами ее лба, потом поднял и поцеловал тонкие холодные пальцы и вышел, чувствуя, что сейчас он не в силах произнести больше ни слова.

Он шел вслед за сестрой по сияющему чистотой и белизной коридору и думал о том, какой он, в сущности, оказался скотиной...

Тео ждал его на противоположной стороне улицы возле остановки автобуса. День был сумрачный, сырой; туман чуть приподнялся, но продолжал висеть грязно-серой пеленой над самыми крышами. Из этой пелены сочилась мельчайшая холодная изморось. Стив поднял воротник плаща, достал сигарету и, демонстративно оглянувшись вокруг, подошел к Тео прикурить.

Тео щелкнул зажигалкой и тихо сказал:

— Все в порядке.

— Исключая мелочь, — отозвался Стив, — что застряли в Лондоне.

Подъехал двухэтажный автобус, и люди, ожидавшие на остановке, втиснулись в него. Остановка опустела.

— Пошли в ближайшее кафе, — решил Стив, — там поговорим.

Спустя полчаса план действий был готов. Стив составил текст телеграммы Цвикку в Сан-Паулу и отдал Тео.

— Сегодня воскресенье, — сказал Тео, — банк в Сан-Паулу закрыт. Они передадут телеграмму мистеру Цвикку завтра утром.

— Вот мы завтра вечером и будем ждать Тибба на Хайгейт, — решил Стив. — Бибби теперь заберем с собой. А Шейкуна останется в Лондоне.

Тео молча кивнул, и они расстались.

В понедельник утром Цвикк осторожно постучал в комнату, отведенную Цезарю, Дверь открыл Суонг.

— Спит еще? — поинтересовался Цвикк, помаргивая покрасневшими от бессонницы глазами.

— Нет. У него лихорадка.

— Кто там? — послышался из глубины комнаты голос Цезаря.

— Это я, патрон.

— Ну так входите.

Цвикк подошел к кровати Цезаря. Тот молча указал пальцем на кресло. Цвикк присел, не отрывая взгляда от заплывшего опухолью лица Фигуранкайна.

— Хорошо меня разукрасили? — скривился Цезарь.

Цвикк сочувственно покивал головой.

— Люц требует вас к экрану, патрон. С рассвета добивается.

— Вот как... требует?

— Грозит начать военные действия, если не подойдете.

— И не подумаю.

— Так что ему сказать?

— Так и скажите.

— Мистер Цвикк, скажите, пожалуйста, господину Люцу, что босс болен и не встает с постели, — вежливо вмешался Суонг, — и что я, как врач, не могу разрешить ему встать.

— Вот так! — заключил Цезарь. — А что еще?

— Сведений о вашем «боинге» по-прежнему нет.

— Мерзавцы... Люц что-то подстроил в Манаусе. Вчера он пытался выудить у меня, как я очутился тут. Даже проговорился, что считал меня мертвецом.

— Интересно,— прищурился Цвикк.

— А что ему теперь нужно?

— Поняли, что мы лишили их радиосвязи. Видимо, об этом он и хочет говорить с вами, патрон.

— Ну так придумайте с Тиббом что-нибудь. А еще скажите: если начнет стрельбу, уничтожим их всех... УЛАКами.

— У них четверо наших, патрон,— три женщины и повар. Люц заявил, что если не подойдете к экрану, в десять он прикажет застрелить повара, а потом женщин, которых предварительно изнасилуют.

— Подонок! Сколько сейчас?

— Без десяти десять.

— Идите в аппаратную. Скажите, сейчас подойду.

Еще в дверях аппаратной Цезарь увидел на одном из экранов злобную физиономию Полшера. Шрамы на его коричневом лице казались черными.

— Ага, соизволили,— раздался с экрана его хриплый голос,— ну то-то... Ведете игру не по-джентльменски, босс. Мне нужна радиосвязь немедленно. Так что кончайте ваши штучки-дрючки.

— Вам уже было сказано,— отозвался из-за плеча Цезаря Корт,— связи нет и у нас. Вокруг тропические грозы... Мы до сих пор не можем связаться с Нью-Йорком.

— Заткнись,— гаркнул на экране Полшер,— не с тобой разговариваю... Имейте в виду, Фигуранкайн, если у меня не появится связь, выполню угрозы.

— Но я действительно бессилен в этом,— процедил сквозь зубы Цезарь.— Вы же слышали, связи и у нас нет. Мы даже не можем связаться с Пэнки, чтобы я мог наконец понять, где кончаются ваши полномочия и начинается бандитизм...

— Ладно,— подмигнул на экране Полшер.— Допустим, я поверил... Обещаете, если связь не наладится, передать мне сегодня до полуночи УЛАК без дополнительного подтверждения... моих полномочий мистером Пэнки и теми лицами, которых я вчера назвал Цвикку?

— Нет,— решительно отрезал Цезарь,— к разговору об УЛАКе вернемся только после подтверждения полномочий. Я не верю ни одному вашему слову, Люц, после того как вы

сначала соврали о моем согласии, а потом попытались захватить меня...

— И очень жалею, что сразу не придушил тебя,— прохрипел Полшер, глядя на Цезаря налитыми кровью глазами,— так вот, слушай меня, боссик: твоего парня в белом колпаке расстреляют сейчас же, а девок будем ликвидировать через час по одной... Так что следующий час тебе для размышлений.

Экран погас.

— Что теперь делать? — воскликнул Цезарь, кусая губы.— Соединитесь с ним еще раз, Филипп... Где Тибб?

Цвикк развел руками:

— Утром не видел его. Может, спит? Он был тут до рассвета.

— Не хотят отвечать,— сказал Корт.— На вызовы не реагируют.

— Пропал парень ни за что,— пробормотал Цвикк, качая головой.

Осветился один из переговорных экранов. На нем появилась голова Тибба.

— Я предупредил сейчас Люца, что уничтожу вертолеты, если он причинит зло повару,— произнес с экрана Тибб.— Пока это должно подействовать. И еще: нашему радисту удалось связаться с Нью-Йорком. Мистера Пэнки там нет. Час назад он отправился в Лондон. Сейчас летит где-то над Северной Атлантикой. Секретарь сказал, что связаться с ним можно будет только завтра.

— Ты сказал об этом Люцу? — быстро спросил Цезарь.

— Да.

— А что он?

— Разразился бранью и отключился.

— Где ты сейчас?

— На УЛАКе-два.

— Видимо, забастовка служащих аэропортов в Англии закончилась,— предположил Цезарь.

— Нет,— ответил с экрана Тибб.— Именно поэтому путь в Лондон отнимет у мистера Пэнки так много времени. Сейчас он летит в Париж, оттуда поедет в Лондон поездом.

— Случилось что-то из ряда вон выходящее, если Пэнки решился на такое путешествие зимой.

— Конечно,— кивнул Тибб,— и можно догадаться, что именно...

— Всемогущий боже! — воскликнул Цезарь.— А я ведь и забыл... Ну и кашу заварили!

В полдень разразилась гроза. Тяжелые облака, с утра заслонявшие небо, вдруг сразу потемнели, прорезались вспышками молний, загремел гром, и с неба хлынули толстые, как канаты, струи ливня. Гроза бушевала около двух часов и потом сразу прекратилась. Проглянуло солнце, находившееся почти в зените. Все вокруг затянула парная мгла испарений.

— Наш «оппонент» помалкивает,— сообщил Цвикк, заходя в комнату Цезаря.— Корт пробовал связаться с ним. Не отзывается.

Цезарь, которому Суонг делал очередную перевязку, забеспокоился:

— Готовит что-нибудь... Люди на местах?

— Все в норме, патрон. И Тибб нас не оставит.— Цвикк усмехнулся и указал пальцем вверх.

Зазвонил телефон на столе. Суонг взял трубку и тотчас протянул ее Цвикку:

— Возьмите, пожалуйста,— вас.

— Да? Чего-чего? — Цвикк отнял трубку от левого уха и приложил к правому.— Повтори-ка, я что-то не понял... Раздавил вертолеты?.. Гм... Ну, глядите в оба...— Цвикк опустил трубку на рычаг и сразу поднял ее. Вызвал Корта: — Филипп, передай-ка всем нашим: повышенная готовность... Да? Тибб вызывает? Иду.

— Что там еще случилось? — тревожно спросил Цезарь.

— Один из наших постов у вертолетной площадки сообщил, что УЛАК только что раздавил оба вертолета.

— Хотели взлететь?

— Не знаю...

— А УЛАК?

— Что УЛАК? УЛАК уже там...— Цвикк снова указал пальцем вверх и торопливо вышел.

— Я тоже пойду в аппаратную,— решил Цезарь, едва Суонг закончил перевязку.

В аппаратной возле одного из пустых экранов сидел насупившийся Цвикк.

— Они застрелили повара, патрон,— сказал он, не глядя на Цезаря,— после этого Тибб раздавил вертолеты. Теперь очередь за девочками... Да-а...

— Надо атаковать!

— Наших ребят жалко... И девчонок это не спасет.

— Раздавить коттедж УЛАКами. Тибб это, наверно, сможет.

— Сможет-то сможет... Да не станет. Он, оказывается, даже тех, кто сидел в вертолетах, пощадил. Дал им время удрать. У него свои принципы...

— Что делать, Мигуэль?

— Я вижу один выход, хотя он мне и не очень нравится...

— Говорите...

— Обещайте этому разбойнику отдать УЛАК...

— Как же я могу?

— Обещайте... Потом что-нибудь придумаем. Надо спасать девчонок. Они, конечно, останутся заложницами, если Люц согласится... Надо оттянуть время... С мистером Пэнки можно связаться только завтра около полудня, потом еще с теми, кого назвал вчера Люц... Обещайте отдать УЛАК завтра вечером, при условии, что они не тронут девчонок...

— Я бы все-таки атаковал их. И сам пошел бы вместе со всеми.

— Только этого не хватало,— печально усмехнулся Цвикк.— Послушайтесь моего совета — обещайте... Сутки отсрочки — большой срок... Организуем дело так, что ваше слово не будет нарушено.

— А если вызвать из Манауса полицию, заявив о нападении террористов? Ведь так и есть в действительности.

— Простите, патрон, мысль не наилучшая. С полицией явятся журналисты... Узнав, что тут у нас, нами заинтересуются власти штата и федеральное правительство... А Люца и его людей освободят тотчас же, едва доставят в Манаус. Нет,— решительно заключил Цвикк,— надо выкручиваться своими средствами.

Наступило долгое молчание.

— Ну хорошо,— сказал наконец Цезарь,— попробуйте договориться с Люцем. Я подтвержу... Я просто не могу видеть его гнусную морду. Договаривайтесь, как предложили.

— Идите отдыхать, патрон,— обрадовался Цвикк.— Переговоры беру на себя. Вы только подтвердите условия. Думаю, он согласится. Его положение тоже не ахти... Он это понимает...

К вечеру Цезарю стало хуже. Лихорадка усилилась. Температура поднялась еще выше. Временами он начинал бредить.

— Босса надо быстро увезти отсюда,— тихо сказал Суонг Цвикку.— Здешний климат сейчас не для него.

— Как? Его самолет исчез, вертолет не долетит до Манауса.

— УЛАК?

— Он не согласится...— возразил Цвикк, имея в виду Цезаря.— Особенно теперь, после того, как мы договорились с Люцем...

— Конечно, не соглашусь,— слабым голосом подтвердил Цезарь, не поднимая век.

— Не спите, патрон?

— Слушаю ваш... заговор...

— А может, перебросим вас УЛАКом в Манаус, или ко мне в Сан-Паулу, или даже...

— Нет... Что нового?

— Ничего пока... Люц сидит тихо, как мы и договорились.

— А Тибб?

— Сказал, что ему надо побывать в зоне.

Цезарь шевельнулся:

— Перехватили что-нибудь... после того... как Тибб снял блокаду радиосвязи?..

— Люц через диспетчерскую Центрального аэродрома говорил с Нью-Йорком — убедился, что Пэнки там нет... Потом они пытались связаться со своим «Кондором», но неудачно... «Кондор» опять не ответил... Может, потому, что над Андами грозы...

— Нельзя... их выпускать,— голос Цезаря прервался.— Райя...

Цвикк, сидевший у изголовья, наклонился, пытаясь разобрать, что Цезарь скажет еще, но услышал лишь прерывистое дыхание.

— Кажется, температура поднялась,— пробормотал Цвикк, выпрямляясь.

Суонг взглянул на часы:

— Через двадцать минут сделаю укол.

— А ты не пробовал снять лихорадку, ну... вашим восточным способом?

Суонг смущенно улыбнулся:

— Мое биополе сейчас очень плохое... После вчера... Надо немного ждать... Мы не можем лечить так в каждый момент.

— А твой товарищ не умеет?

— Он не умеет. Он простой человек...

Цезарь шевельнулся и что-то пробормотал. Цвикк и Суонг наклонились к нему.

— ...Райя, Райя,— шептал Цезарь, стуча зубами.— Ну что же ты, Райя? А, доктор Хионг... Я понял... Ты тоже послушай, Райя... Они... посетили Землю двадцать тысяч лет назад... Ты запомнила... двадцать тысяч лет, Райя... Затем Атлантида... затем...— Голос его снова прервался.

— Бредит,— со вздохом сказал Цвикк.

По губам Суонга скользнула улыбка, но глаза остались настороженными. Он прислушивался несколько мгновений, потом выпрямился и, отойдя к столу, принялся готовить шприц.

Около полуночи Цвикк задремал в кресле перед включенными экранами аппаратной. Ему приснился Стив, с которым они беседовали о росте цен на алмазы. Поэтому Цвикк не очень удивился, когда разомкнул веки и увидел Стива в соседнем кресле. Сон продолжался — это было ясно. Цвикк снова закрыл глаза, предвкушая продолжение интересной беседы.

— Пусть поспит еще,— сказал кто-то рядом.— Не спал двое суток.

— Конечно,— послышался голос Стива,— у нас есть время: ультиматум предъявим на рассвете...

«Дурацкий сон,— рассуждал сам с собою Цвикк,— надо бы все-таки проснуться». Мысль о каком-то «ультиматуме» тревожила... Цвикк сделал над собой усилие и разомкнул веки. Стив по-прежнему сидел рядом, а еще в аппаратной, кроме дежурного, оказались Тибб, Тео и Корт.

— Не пойму,— пробормотал Цвикк, протирая глаза,— сплю еще или уже нет?..

— Ну, раз сомневаетесь, тогда просыпайтесь,— сказал Стив.

— До чего приятное пробуждение,— объявил Цвикк, крепко пожимая руку Стива,— с благополучным прибытием всех вас. Значит, за этим вы, мистер Линстер, отлучались... в зону.

— Вечером мы приняли радио для вас из Сан-Паулу,— сказал Тибб.— Это была весть от Стива, но не все было ясно — я решил не беспокоить вас попусту, Мигуэль, а для проверки слетал в Лондон.

— Все обошлось благополучно? — поинтересовался Цвикк.

— На этот раз не совсем... Завтра в лондонских газетах появятся сообщения об НЛО над Англией.

— Как раз к приезду мистера Пэнки.— Цвикк покачал головой.

— И вероятно, к большому удовольствию мистера Сэмюэла Бриджмена из Интерпола,— добавил Стив,— в конце прошлой недели в Лондоне ограблены несколько банков.

— Мне послышалось, вы говорили о каком-то ультиматуме? — Цвикк вопросительно взглянул на Стива.

— Вашему обидчику, которого вы нежно лелеете двое суток. Собственно, даже и не ему, а его сброду, которому гарантируем жизнь при одном-единственном условии — если доставят своего фюрера живым или мертвым.

— Думаете, получится? — Цвикк тяжело вздохнул.

— А вот увидите.

— Там у них три наших девушки из обслуживающего персонала...

— Предупредим, в случае чего — за каждую расстреляем десятерых.

— Боюсь, вы не знаете эту публику,— возразил Цвикк.

— Говорю так, потому что знаю.

— Ладно,— махнул рукой Цвикк.— Что вам надо для обеспечения операции?

— Ваше согласие, Мигуэль, пар двадцать черных дамских чулок и как можно больше красного перца.

— Гм... А согласие босса?

— Ему необходим полный покой. Не будем его тревожить. Тем более, что к утру я хотел бы все завершить.

— Ну-ну... Попахивает фантастикой...

— Соглашайтесь, Мигуэль,— сказал Тибб.— Я тоже за... Это не фантастика.

— Если так, ладно,— Цвикк почесал за ухом,— тогда и я поступаю под ваше командование, но я хотел бы все-таки понять...

— Поймете,— перебил Стив,— сейчас начинаем подготовку: сообщите всем вашим, что руководит операцией «папа Лука». Во главе передовых групп станут мои ребята. Мы успели перебросить сюда кое-кого... В передовых группах всем натянуть на лица черные чулки. Нам сюда тоже несколько штук. Весь перец, который найдется, в распоряжение Тео.

— Перец понятно,— пробормотал Цвикк,— старый индейский способ... А вот чулки?

— Инсценируем захват полигона еще одной группой террористов,— объявил Стив.— Вместо масок — чулки. Я, правда, не имел удовольствия встречаться с Гербертом Люцем, но он-то меня может знать... Вы, Мигуэль, и Филипп Корт сыграете роль заложников... Сейчас два часа ночи... В пять утра начнем стрельбу в воздух. В пять десять вызову отсюда Люца к переговорному экрану. Тибб, ты будешь в УЛАКе над коттеджем, а Густавино ровно в пять утра пусть что-нибудь сделает с их самолетом на Центральном аэродроме — чтобы ни при каких обстоятельствах не взлетел.

— Самолет-то не очень уродуйте,— попросил Цвикк,— самолет-то ведь наш...

— Предупрежу Густавино.— Тибб встал.— Что еще?

— Еще? — Стив на мгновение задумался.— Еще связь — она должна быть непрерывной.

— Будет,— сказал Тибб и вышел.

К пяти утра все было готово. Вокруг коттеджа и вертолетной площадки установили мощные громкоговорители. В кустах сложили штабели и пирамиды горючих материалов; тут же стояли наготове бидоны с бензином, лежали мешки и связки красного перца. Чуть дальше поблескивали лопасти больших вентиляторов. Лица людей, притаившихся на передовых постах, были неразличимы под чулочными масками. Шелест дождя, почти не прекращавшегося всю ночь, облегчил подготовку операции.

Без пяти пять Стив, Паоло и Санчо — в черных масках — заняли места перед экранами аппаратной центра связи. За ними, привязанные к креслам, восседали Цвикк и Филипп Корт. На лбу и щеке Корта красной помадой были нарисованы царапины, а вокруг правого глаза Цвикка тушью для ресниц изображен синяк.

Ровно в пять издали донеслась беспорядочная стрельба. Она не прекращалась несколько минут, и Цвикк, беспокойно шевельнувшись в своем кресле, сказал:

— Начали наши, но уже отвечают люди Люца. Они-то не станут палить в воздух...

— Молчите,— предупредил Стив, и в то же мгновение экран перед ним осветился. Изображение на экране еще не

обрело резкости, как послышался хриплый, лающий голос Полшера:

— Эй вы там, черт вас побери, почему стрельба?.. Мы же договорились по-джентльменски...

Полшер умолк, видимо разглядев на своем экране лицо в черной маске.

— Привет, — сказал Стив и тоже замолчал, потому что лицо, прорезавшееся на экране, показалось ему странно знакомым.

— Что за маскарад? — не очень уверенно продолжал Полшер, видимо различив за спиной Стива Цвикка и Корта, привязанных к креслам. — Эй, мистер Цвикк, это вы там у стены? В чем еще дело?

— Да, это я, — отозвался Цвикк, — а в чем дело, пока не знаю. Его спросите. — Цвикк дернул головой. — А может, вы с ним заодно?

«Молодец, — подумал Стив, — вошел в роль. Но где я все-таки видел эту образину? Шрам по диагонали через всю физиономию. Цезарь упоминал о шраме. Значит, это сам Люц, но я определенно видел его где-то... Это было давно... Где же и когда?»

— Ты кто такой? — снова нарушил молчание Полшер. — Или опять трюк босса?

— Это я должен тебя спросить, кто ты и как тут очутился. Мы не рассчитывали на конкурентов, — отпарировал Стив, — так что давай представляйся. Вроде бы, я тебя где-то встречал, а вот где, не припомню.

— А ты кто такой?

— Изволь, могу сказать. Папа Лука. Слыхал?

— Папа Лука? — нахмурился Полшер. — Не знаю...

— Врешь, не можешь не знать.

— Ты мне не нужен, — объявил Полшер. — Я хочу говорить с боссом.

— С каким еще боссом?

— С Цезарем Фигуранкайном.

— Не выйдет. Они все, — Стив кивнул на сидящих позади Цвикка и Корта, — мои заложники.

— Иди к черту, — довольно миролюбиво сказал Полшер, — ты влез не в свой курятник. Но если не ошибаюсь, мы договоримся. Ты не останешься внакладе, хоть и очутился тут не вовремя. Уступи мне Цезаря Фигуранкайна. Только его одного, и я не стану тебе мешать.

— А ты и не сможешь помешать, — жестко отрезал Стив. — Я вспомнил наконец, где тебя видел... В Акапулько, сразу после убийства Кеннеди и гибели Фигуранкайна-старшего. Только тогда тебя звали иначе... Ты мало переменился за эти десять лет.

Полшер словно бы сжался на экране, и в его глазах появилось что-то похожее на сомнение.

— В Акапулько? — повторил он. — Кто же ты тогда? Может, стянешь свой чулок?

— Придет время — стяну, — пообещал Стив, — а теперь слушай, Герберт Люц или как там тебя... Ты мне нужен больше, чем они все, вместе взятые. — Стив снова кивнул на Цвикка и Корта. — Поэтому, если не боишься, приходи сюда, но один. Мои люди пропустят тебя. Поговорим, как мужчина с мужчиной...

— И не подумаю. — Полшер усмехнулся, однако глаза его тревожно забегали. — Приходи ты ко мне, если не боишься...

— О'кей, — сказал Стив и выключил переговорный экран. — Включай теперь громкоговоритель, Паоло, — распорядился он. — Поговорю с его сбродом. И пусть начинают окуривание...

Около восьми утра операция подошла к концу. Двое наемников, не переставая кашлять, вынырнули из облаков буроватого дыма, который окутывал коттедж. В руках у них были белые флаги. Они подошли к вертолетной площадке, швырнули на землю оружие и понуро отошли в сторону. За ними еще двое вывели связанного Полшера и передали его людям в черных масках. Потом вереницей потянулись остальные, складывали оружие на еще не просохшую после дождя землю и молча отходили на указанные места.

Карлос вышел последним. Надрываясь от кашля, он сказал человеку, принимавшему капитуляцию:

— Там лежит еще один наш — последний... Он мертв... Его кокнул шеф... перед этим... — Карлос указал на сложенное на земле оружие. — А бабы заперты в ванной на втором этаже... идите выпустите, не то задохнутся...

Тео — принимал капитуляцию он — приказал гасить костры, в которые еще сыпали перец, и послал двоих из своей группы освободить женщин.

Коммандос, захватившие аэродром, сдались раньше, сразу после того, как УЛАК-пять, мелькнув над посадочной полосой, обрубил хвост самолета.

После капитуляции отряда Полшера возле кровати Цезаря состоялось короткое совещание.

— Его людей предлагаю рассредоточить по нашим подразделениям, и пусть пока работают, — сказал Цвикк, — под контролем, конечно... Эти ребята умеют многое, а у нас с квалифицированными работниками туго.

— И предупредить: в случае попытки побега — смерть, — добавил Цезарь.

— Предупредим, — кивнул Цвикк, — но пути через гилею отсюда нет... Они это должны понимать.

— Не исключено, что через некоторое время я предложу кое-кому из них перейти ко мне, — сказал Стив. — После соответствующей проверки... Среди этого сброда не все подонки.

— Большинство — ребята молодые, — заметил Цвикк, раскуривая сигару. — Конечно, все они прошли изрядную «обкатку», но не надо забывать, что стать наемниками и террористами их заставила прежде всего нужда... В первую очередь это относится к латиноамериканцам, которых тут не меньше половины.

— Мигуэль прав, — очень серьезно подтвердил Тибб.

— А знаете, что еще свидетельствует в их пользу? — прищурился Стив. — То, что вняли доводам рассудка и сдались без кровопускания...

— Доводы были увесистые, — усмехнулся Цвикк. — Хотя признаюсь: я ведь не очень верил в успех вашего обращения.

— Поэтому к горячим словам пришлось добавить еще более горячего перца.

— Откуда вам известен этот способ? — поинтересовался Цвикк.

— Дым с перцем? В Юго-Восточной Азии им пользуются с незапамятных времен... А мексиканцы, например, выкуривали так жандармов во всех революциях.

— Способ более гуманный, чем слезоточивые и прочие газы, которыми разгоняют безработных, — Цвикк затянулся и выпустил кольцо голубоватого дыма. — О, простите, патрон, — спохватился он, — я тут задымил возле вас, как угольный паровоз. Слава создателю, — добавил он, тщательно гася сигару в пепельнице, — что вся эта рискованная операция, которая

могла стать очень кровавой, пока обошлась в две человеческие жизни. И обе на совести Полшера...

— Третьей станет его собственная, — объявил Цезарь, приподнимая голову с подушки. — Я считаю, что его следует без промедления расстрелять.

— Позвольте мне не принимать участия в дальнейшем обсуждении, — тихо сказал Тибб, поднимаясь с кресла. — Я должен вернуться в зону...

— Хотелось бы знать твое суждение о судьбе этого человека. — Цезарь испытующе взглянул на Тибба.

— У меня... его нет. В мире не существует ничего ценнее жизни...

— Люц — преступник, на совести которого жизнь многих людей. Даже здесь, в последние два дня...

— Знаю, — Тибб предостерегающе поднял руку, — все знаю, Цезарь. Но... решайте сами. Без меня.

— Пусть будет по-твоему. — Цезарь опустил голову на подушку. — Ступай.

— У него своя философия, — заметил Цвикк после того, как дверь за Тиббом закрылась. — Однако, прежде чем решать, надо бы поговорить с Полшером.

— Совершенно необходимо, — согласился Стив. — Я, например, хочу спросить, за что он получал деньги по распискам, которые хранились в сейфе твоего лондонского банка, Цезарь. Ты помнишь даты?

— Конечно. И даты, и суммы...

— Едва ли он захочет об этом рассказывать, — вздохнул Цвикк. — Он может вообще отказаться отвечать... Но попробовать надо.

— Мы будем судить его, — предложил Стив.

— А вам известно, — спросил Цвикк, извлекая из кармана клетчатый платок и принимаясь вытирать лицо и шею, — что этого человека уже судили, и не один раз?.. Он был приговорен к смерти очно, еще в Нюрнберге, и потом три или четыре раза заочно.

— Я догадывался, — сказал Цезарь. — Но деталей не знал.

— Я — не догадывался, — Стив усмехнулся, — но меня это не удивляет. Еще при первой встрече он показался мне бывалым каторжником.

— При первой встрече? — поднял брови Цезарь. — Ты никогда не рассказывал мне, что встречался с Люцем.

— Потому что он тогда назывался Полшером. А я не знал, что Полшер и Люц одно лицо. Он выполнял загадочную роль шофера и лакея при Пэнки и Круксе в Акапулько, сразу после гибели твоего отца.

— Поразительно! — воскликнул Цезарь.

— Я тоже не знал,— пробормотал Цвикк,— значит, оно было так... Он сошел в Мехико... Для меня оставалось загадкой, как он ухитрился тогда уцелеть. Ваш покойный отец, патрон, летел через Сан-Паулу. Мы с ним виделись, и я провожал его в аэропорту Сан-Паулу. Люц был в его свите. Они летели в Акапулько через Мехико. Значит, в Мехико Люц сошел...

— И после этого через несколько минут после старта самолет взорвался,— заключил Стив.— А на следующий день, как ни в чем не бывало, Люц, ставший Полшером, возил Крукса и мистера Пэнки по Акапулько.

Наступило долгое молчание.

— Этот человек мог бы прояснить многое,— тихо сказал Цезарь.— Кто знает...— Он не кончил.

— В курсе всего, конечно, и Пэнки,— добавил Стив.— Пэнки, которого ты так ценишь.

— Теперь ему придется уйти в отставку,— твердо сказал Цезарь.

— В отставку! — насмешливо повторил Стив.— Я почему-то подумал об электрическом стуле или газовой камере...

— В Соединенных Штатах, мистер Смит, электрические стулья и газовые камеры существуют только для рыбешек помельче...— назидательно заметил Цвикк.— Для тех, кто наверху,— директорские и президентские кресла. Хорошо известно, что американская Фемида неподкупна,— продается только за очень большие деньги...

Суд над Люцем-Полшером назначили на вечер. До этого Стив, Тео, Корт и Цвикк допросили его людей. Вместе с Карлосом, который был помощником Полшера в операции по захвату УЛАКа, их оказалось сорок два. Сорок третий был убит Полшером перед капитуляцией. Отвечали они очень скупо, пытаясь выполнять требование своего «устава», который грозил смертью за дачу показаний властям и полиции. Некоторые отказались даже назвать имена и гражданство. Если верить тем, кого Стиву удалось «разговорить», о деталях плана они не знали и могли только назвать суммы обещанного

вознаграждения. Карлос подтвердил, что главной задачей группы был захват «летающего блюдца». Дальнейшие намерения Полшера Карлосу, по его словам, не были известны, хотя он сотрудничал с Полшером не впервые. «Где и когда?» От ответа на этот вопрос Карлос уклонился, заметив только: «Он вам лучше расскажет». О себе Карлос сообщил, что он гаитянин, сын ремесленника из Порт-о-Пренса, кончил два класса начальной школы, служил в личной охране пожизненного президента Дювалье, после его смерти бежал с Гаити. За участие в операции Люц обещал ему десять тысяч долларов, получив которые Карлос собирался навсегда порвать со своей «профессией». Отряд, по словам Карлоса, был собран «авралом», потому что Полшер получил задание совсем недавно. «От кого?» — «Об этом Полшер не говорил». В отряде было семеро летчиков — четверо немцев и трое чилийцев. Одного из них — чилийца — и застрелил Полшер. «А остальные?» — «Остальные,— Карлос усмехнулся,— остальные так, пена, вроде меня и похуже. Потому вы нас быстро и одолели».

— Твой шеф — стреляный воробей,— заметил Стив.— Его на мякине не проведешь. Как он решил пойти на такую операцию с ненадежными людьми? По-моему, ты крутишь колесо, гага́.

— Зачем мне теперь крутить? — обиделся Карлос.— Вы наверняка передадите нас бразильской полиции. Меня там знают... Если меня выдадут Гаити, мне конец...

— Нет, я выполню свое обещание,— сказал Стив.— Никого бразильской полиции мы не передадим. Оставим вас тут, на «гасиенде» сеньора Фигуранкайна. Вам придется поработать и трудом исправить свой... назовем его... «промах»... Дальнейшее будет зависеть только от каждого из вас и от результатов работы.

— Ну, это другой разговор.— Карлос заметно повеселел.

— Однако ты еще не ответил на мой последний вопрос.

— Насчет отряда-то?.. Я вам скажу так, сеньор: наш шеф тут уже был однажды. Все посмотрел, прикинул... Он ведь не ждал никакого сопротивления, говорил, что «испечем пирог» без единого выстрела. Наверно, так бы и было, если бы не появление сеньора Фигуранкайна...

— Его не ждали? — прищурился Стив.

— Конечно, нет. Когда в Манаусе шеф увидел его самолет, он впал в бешенство. Я никогда не видел его таким... Но он

быстро опомнился и принял меры... Когда потом господин Фигуранкайн выскочил тут на нас, пресвятая дева, я просто струсил, клянусь вам. Да, наверно, и шеф тоже... Правда, шеф сразу взялся в «горсть», приказал схватить сеньора Фигуранкайна как заложника. Ну, потом все пошло «хвостом в штопор», как сказал один из немцев...

— Какие же меры принял ваш бывший шеф в Манаусе? — спросил Стив.

— Пусть сам расскажет.

— Зря ты крутишь, Карлос,— неодобрительно заметил Стив.— Мы с тобой неплохо разговорились, и, пожалуй, ты мне даже начинаешь нравиться. Так уж давай не порти впечатления. Это тебе еще пригодится в дальнейшем.

— А можно задать вам один вопрос, сеньор?

— Попробуй.

— Верно ли, что вы и есть сам «папа Лука»?

— Ну допустим... Значит, ты слышал обо мне?

— О,— сказал Карлос,— если это вы и есть...— Он покачал головой.

— Ну так что?

— А то, сеньор, что многие из наших пошли бы к вам... Когда перед рассветом, после стрельбы, заорали репродукторы, некоторые из наших сразу стали говорить, что, наверно, это вы и есть. Ну, другие, конечно, не поверили. С этого начался разброд...

— Понятно,— прервал Стив,— выкладывай теперь, какие меры принял в Манаусе ваш шеф.

— Да, в общем, ничего особенного,— ухмыльнулся Карлос.— Он быстренько узнал, откуда прилетел самолет, куда направляется. Договорился с кем-то из радистов. Капитану «боинга» подбросили радиограмму, вроде бы только что полученную в Манаусе, чтобы немедленно возвращался на Цейлон. Я не знаю, как шеф написал в радиограмме, но адресована она была сеньору Фигуранкайну и капитану «боинга». Наверно, радиограмме поверили. Мы видели, как «боинг» взлетел и повернул на восток, к океану. Ну и конечно, когда сеньор Фигуранкайн выскочил на нас... живой, мы, того...— Карлос развел руками.

— Живой, говоришь? — повторил Стив.— А что должно было случиться с самолетом?

Карлос снова ухмыльнулся:

— Мало ли способов! Какой применили, не знаю, но, когда «боинг» взлетел, шеф сказал, что дело сделано — самолету капут над океаном.

— Точно не знаешь?

— Клянусь, сеньор.

— Суду все ясно? — спросил Стив, когда Карлоса увели.

— Сколько же человек могло быть в «боинге» патрона? — пробормотал Цвикк, словно рассуждая сам с собой.

— Наверно, не меньше тридцати, — предположил Стив. — Цезарь должен знать точно...

— *Истинно, этот человек творил зло, как пчела мед,* — повторил Цвикк сказанное им уже не однажды.

— «*Мало ли способов*». — Стив покачал головой. — И конечно, Люц все их хорошо знает... Ну что, уважаемые коллеги, принимаемся за него?

— Надо сделать перерыв, — решительно возразил Цвикк. — Мне просто не по себе, хотя довелось видеть многое... Идемте, выпьем соку, а уж потом... дотерпим последнее действие...

«Последнее действие», вопреки ожиданиям Цвикка, оказалось кратким... Люц не вымолвил ни слова. Когда его ввели в комнату, где за столом сидели Стив, Цвикк и Корт, Люц окинул их презрительным взглядом и отвел глаза. Его покрытое шрамами лицо казалось каменным. Губы были плотно сжаты. Он словно не слышал задаваемых вопросов, и ни один мускул не дрогнул на его лице, когда Стив стал перечислять предъявляемые ему обвинения. Лишь когда Стив упомянул о гибели Фигуранкайна-старшего и о расписке Люца от 29 ноября 1963 года, подтверждающей получение двухсот тысяч долларов, губы Люца разжались, словно он хотел что-то сказать, но в этот миг взгляд его упал на руку Стива, который ритмично постукивал пальцами по столу в такт произносимым словам. Глаза Люца расширились, словно зачарованный, он некоторое время следил за движениями этой руки. Но затем, явно сделав над собой усилие, он опять отвел взгляд в сторону и плотно сжал губы.

Стив умолк, и в комнате наступила пронзительная тишина.

— Молчание, видимо, означает, что вам нечего сказать в оправдание, — спросил, подождав, Стив. — Так следует понимать?

Люц не ответил.

— Мы дали вам шанс оправдаться хоть в чем-то, — продолжал Стив. — Если у вас такой возможности нет или вы не хотите это сделать, конец может быть только один... Вас следовало бы повесить, но едва ли тут найдется человек, который добровольно взял бы на себя роль палача. Поэтому даем вам шанс уйти из жизни самому. Вам развяжут руки и оставят здесь одного. Потом сюда принесут бутылку вина и две плетеные корзинки. В одной будет лежать пистолет с единственным патроном, в другой — яд. Если в течение получаса вы ничем не воспользуетесь, вас все-таки повесят. Желаете что-нибудь сказать?

Люц не ответил.

Полчаса спустя Тео осторожно приоткрыл дверь в комнату Цезаря, где в это время находились Стив и Цвикк.

— Ну что? — спросил Стив.

— Он мертв. Выпил вино, а потом... выбрал кобру.

— Все-таки кобру?

— Наверно, это была его последняя ошибка, — усмехнулся Тео. — Она ужалила в лицо. Смерть наступила почти сразу. А пистолет мы нашли у него в кармане...

На следующее утро Цвикк явился к завтраку последним.

— Несмотря на опоздание, вы сияете, Мигуэль, словно выиграли главный приз в лотерее, — сказал Цезарь

— Ибо приношу радостную весть, — объявил Цвикк, обводя присутствующих торжествующим взглядом. — Выигрыш общий. Ваш «боинг» цел, патрон. Он возвратился в Манаус.

— А люди?

— Все целы. Я только что говорил с капитаном. К полудню они будут здесь.

— Значит, самолет в порядке?

— Теперь да. Они дотянули до Лас-Пальмаса... Там удалось совершить посадку. Связались с Канди. Выяснили, что никто их не звал обратно. Отремонтировались и возвратились сегодня в Манаус.

— А что было?

— Капитан вам подробно расскажет, патрон. Если коротко — в момент старта из Манауса выстрелом из снайперской винтовки им загнали какую-то хитрую ампулу в багажное отделение. Потом там начался пожар.

— Если самолет в порядке, сегодня же вылетаю в Нью-Йорк, — решил Цезарь.

— Но Пэнки там, по-видимому, еще нет, — заметил Стив.

— Дождусь...

— Давай-давай, пока не остыла твоя решимость.

— Теперь не остынет, — заверил Цезарь.

Вечером перед отлетом «боинга» в Нью-Йорк все собрались на Центральном аэродроме. Ждали только Тибба, который с минуты на минуту должен был прилететь из зоны.

Цезарь, все еще с повязкой на лице, выглядел лучше. Опухоль заметно спала, левый глаз приоткрылся — Цезарь уверял, что видит им так же хорошо, как и правым.

— Итак, готовьте себе здесь смену, Мигуэль, — сказал Цезарь, похлопывая Цвикка по плечу, — вскоре вызову вас в Нью-Йорк принимать дела... от Пэнки.

— Подумайте еще, патрон, — сокрушенно покачал головой Цвикк, — может, найдется кто побойчее. В Нью-Йорке, конечно, не так жарко, но... не люблю я его.

— Вы не отчаивайтесь раньше времени, — заметил Стив, — может, еще ничего не выйдет. Не согласится Пэнки, и конец...

Цезарь бросил на Стива недовольный взгляд, но промолчал.

Послышался рокот мотора, и над верхушками деревьев появился белый вертолет.

— Ну вот и Тибб, — с видимым облегчением сказал Цезарь.

Выйдя из вертолета, Тибб сдержанно поздоровался с собравшимися и вопросительно взглянул на Цезаря.

— Нам надо поговорить кое о чем. — Цезарь взял Тибба под руку: — Пройдем в самолет. Прошу извинить, — обернулся Цезарь к присутствующим, — разговор конфиденциальный.

Они возвратились через полчаса, когда над взлетной полосой в темном небе уже искрились звезды. Цезарь обнял на прощание Стива и Тибба, пожал руки Цвикку и Тео и, сопровождаемый Суонгом, снова поднялся по трапу в «боинг». Дверь захлопнулась, трап отъехал в сторону. Быстро набирая скорость, самолет побежал по взлетной полосе и, круто взяв вверх, исчез в россыпи звезд.

— Полетишь со мной? — спросил Стива Тибб, указывая на вертолет.

— Пока останусь тут. Хочу присмотреться к этим парням, которых мы вчера взяли. Помогу Мигуэлю рассортировать их. А дня через три полетим снова...

— Нет,— Тибб отрицательно качнул головой,— теперь УЛАКи летать не будут.

— Решение Цезаря? — прищурился Стив.

— Необходимость... Последнее время они непрерывно были в полетах. «Горючее» на исходе. Нужно заменять алмазные стержни.

— А резерв?

— Практически не осталось.

— Ты сказал Цезарю?

— Об этом мы и говорили. Из Нью-Йорка он полетит к профессору Шарку.

— Алмазов Шарка придется подождать,— возразил Стив.— Надо искать другие пути. Пожалуй, кое-что я мог бы взять на себя. Без УЛАКов главная задача невыполнима.

— Что ты называешь главной задачей?

— Операцию «Шанс».

— По-моему, главное в другом, Стив,— очень серьезно сказал Тибб.— Но тут мы с тобой едва ли придем к согласию.

— А с Цезарем?

— С ним скорее, хоть и он...— Тибб не кончил.

— Все должно получиться, старина, если будем... двигаться в одном направлении. Работы здесь удалось переориентировать: вчера мы выиграли неплохую партию. Дело за африканским полигоном. И еще алмазы... Я займусь этим...

— Цезарь просил меня присматривать за тобой,— сказал Тибб, глядя в сторону.— Он не хочет, чтобы в ближайшие недели ты покидал полигон. Поэтому действуй, но... отсюда.

— Снова арест?

— Просьба... просьба друзей.

— Хорошо,— кивнул Стив,— буду иметь в виду.

— Вы обратили внимание на одну деталь? — спросил на следующее утро Цвикк.— Не выходит из головы... Мне показалось, Люц уже готов был заговорить тогда, но вдруг увидел нечто и отказался от своего намерения...

— Не понимаю,— сказал Стив.— Что он мог увидеть? Возможно, он и колебался, говорить или нет, но он не мог не понимать, что его положение безвыходно.

— Я не о том. Я внимательно следил за ним, когда вы перечисляли пункты обвинения. Мне показалось, он хотел что-то сказать, когда вы заговорили о его расписках...

Стив усмехнулся:

— Может, хотел возразить, что двести тысяч, полученные двадцать девятого ноября шестьдесят третьего года,— плата не только за Фигуранкайна-старшего, но и за Джона Кеннеди.

Цвикк глянул исподлобья на Стива:

— Свои тайны он навсегда унес с собой. Не захотел даже воспользоваться ими, чтобы попытаться купить себе жизнь. А почему? Ведь он мог бы...

— Считал положение безвыходным,— повторил Стив без особого убеждения.

— Безвыходным оно стало лишь в тот момент, когда его «поцеловала» кобра. Знаете, куда он глядел, когда окончательно отказался от мысли сказать что-либо?

— Куда?

— На вашу левую руку, которой вы постукивали по столу. Он глядел как завороженный. Пожалуй, именно тогда он и решил ничего не говорить.

— При чем тут моя левая рука? — пожал плечами Стив, растопыривая пальцы.— Может, его внимание привлекли часы или вот этот перстень?

— Скорее уж, перстень. Кстати, откуда он у вас? Никогда не видал такого.

— Он достался мне совершенно случайно... Кто-то даже уверял, что камень — черный алмаз.

— Дайте-ка поглядеть.

Стив снял с безымянного пальца левой руки перстень с черным камнем и протянул Цвикку.

— Любопытно,— пробормотал тот, внимательно разглядывая камень.— И огранка необычная. Никогда такой не встречал. Действительно похоже на черный алмаз. Вы при случае справьтесь у знающего ювелира. Если черный алмаз, ваш перстень — целое состояние.

— Ну, не думаю... Там, откуда он взят, их было несколько.

— И все одинаковые?

— Как будто.

— А... откуда... — начал Цвикк, но сразу же поправился, — а... все-таки, по-моему, именно перстень поразил Люца... Может статься, он где-то видел подобный?..

— И посчитал талисманом, — усмехнулся Стив.

— Кто знает, — вздохнул Цвикк, протягивая перстень Стиву. — Если талисман, его надо беречь особо...

— Без колебаний отдал бы его Тиббу, если бы можно было использовать этот камень как материал для стержней. Вам известна ситуация с алмазами?

— Знаю. — Цвикк снова вздохнул. — Некоторое время назад я предлагал патрону договориться с русскими о продаже партии алмазов. Они сейчас добывают изрядно у себя в Сибири. И не так дерут, как «Де Бирс компани». Но патрон не захотел... Рассчитывает на Шарка, или мистер Пэнки был против...

— Цезарь не по-хорошему упрям, — заметил Стив. — Такое упрямство обычно не доводит до добра... Как в этой истории с Люцем... Цезарю удалось однажды криком напугать стаю осатанелых гиен — он взял этот способ на вооружение. А на Люца и его шакалов способ не подействовал.

— Теперь патрон будет более осмотрительным.

— Надеюсь... Но с алмазами надо что-то срочно предпринимать, Мигуэль. УЛАКи на приколе, а они нам необходимы. Узнайте у Тибба, сколько ему надо на первое время, и попробуйте закупить тут, в Бразилии, и через «Де Бирс».

— А деньги?

— Что сможете — из ассигнований полигона, остальное — из спецфонда операции «Шанс».

— Ох уж ваш спецфонд, — проворчал Цвикк, — он у меня вот где сидит. — Цвикк постучал ладонью по своей массивной короткой шее. — Если федеральным властям придет в голову проконтролировать наш банк в Сан-Паулу... А они это могут...

— Давайте быстрее расстанемся с этими деньгами. Покупайте алмазы.

— Чудак вы, право. Документы все равно останутся.

— А, — махнул рукой Стив. — Сейчас нет ни одного банка, который не занимался бы... ну, скажем, не совсем законными операциями.

— Все это гораздо сложнее, чем вам кажется,— покачал головой Цвикк.— Ладно, насчет алмазов подумаю. Но имейте в виду — быстро такую операцию не провернуть.

Мистера Алоиза Пэнки в Нью-Йорке не оказалось. Яйцеголовый секретарь вежливо объяснил Цезарю, что мистер Пэнки еще в Лондоне и что с ним можно связаться через лондонский филиал их банка.

— От четырнадцати до шестнадцати часов лондонского времени, сэр,— добавил секретарь,— то есть уже завтра.

— Когда он предполагал вернуться? — спросил Цезарь.

— В конце недели, сэр.

— Вы говорили с ним сегодня?

— Да, в назначенное им время.

— Что-нибудь важное?

— Н-нет, сэр.

— Благодарю вас,— сказал Цезарь,— когда он позвонит, свяжите его со мной. И еще: позвоните адвокату Феликсу Круксу, скажите, что я в Нью-Йорке. Остановился в отеле «Амбассадор».

— Слушаюсь, сэр,— поклонился секретарь.

Час спустя он позвонил Цезарю в отель и сообщил, что адвоката Феликса Крукса в Нью-Йорке нет — три дня назад он вылетел в Коломбо.

Новость заставила Цезаря призадуматься. Скорее всего, это визит в «Парадиз XXI». Почему же Крукс не известил заранее?

«Три дня назад я находился в руках Герберта Люца,— Цезарь вздрогнул,— именно в это время Крукс отправляется на Цейлон... Странное совпадение... Надо поговорить с Райей...»

Новый телефонный звонок застал Цезаря уже в постели.

— Лондон,— сказал Суонг, протягивая Цезарю трубку.

— Это Пэнки,— послышался знакомый голос.— Прости, что звоню так поздно... Что случилось, почему ты в Нью-Йорке?

— А почему вы в Лондоне?

— Не телефонный разговор. Но что там произошло у тебя?

— Тоже не телефонный разговор. Жду вашего возвращения, Алоиз.

— Обстоятельства переменились... Мне надо побывать у Шарка.

— К Шарку собираюсь я после Нью-Йорка. Вы возвращайтесь сюда. Нам необходимо встретиться и поговорить.

— Нет,— ответила трубка.— Дело срочное. Вылетаю через несколько часов специальным самолетом. Пожалуй, лети тоже к Шарку. Там увидимся и поговорим.

— Но я хочу...— начал Цезарь.

— Сейчас не настаивай,— послышалось на другом конце провода.— Если что-то понадобилось, ты мог сообщить мне заранее... Ничего особенно серьезного не произошло?

— Нет...

— Ну вот и прекрасно. Встретимся у Шарка... или в Нью-Йорке — в конце будущей недели.

— Прилечу к Шарку.

— Тогда до скорой встречи, а теперь — покойной ночи.

«Каков! — подумал Цезарь, отдавая трубку Суонгу.— Командует по-прежнему, считая меня мальчишкой... Судя по бодрому голосу, дела в Лондоне его не очень расстроили... А почему именно теперь возник Шарк?.. Странно... Впрочем, может, и лучше, если наша решающая встреча произойдет на отдаленном атолле в центре Тихого океана?.. Решено: завтра попытаюсь разобраться тут с делами, а послезавтра — снова в путь... Вот когда пригодился бы УЛАК».

Атолл Паитуи, избранный Шарком для центральной базы экспедиции, был расположен в экваториальной области Тихого океана, в стороне от торговых и туристских трасс. Он представлял собой полукольцо плоской суши с несколькими группами кокосовых пальм и до начала работ Шарка был необитаем. В центре находилась небольшая, но довольно глубокая лагуна, а с внешней стороны его опоясывала цепочка рифов. За минувший год на острове вырос экспедиционный поселок — два ряда одноэтажных домиков с плоскими крышами и открытыми верандами, двухэтажный лабораторный блок, склады из гофрированной жести. В лагуне появился длинный причал на металлических сваях, а на восточном конце острова соорудили посадочную полосу, способную принимать тяжелые транспортные самолеты. Атолл относился к архипелагу Лайн — обширному островному миру Центральных Полинезийских Спорад; «империи» удалось приобрести Паитуи в аренду на

пятьдесят лет за весьма умеренную арендную плату, с последующим отчислением пятнадцати процентов прибыли от реализации полезных ископаемых, которые будут обнаружены на острове и в опоясывающих его водах.

На западном конце острова начали разведку небольшого месторождения фосфатов, дальнейшая эксплуатация которого будет служить камуфляжем истинных целей экспедиции Шарка. На месторождении в окружении мелких разведочных шурфов проходила глубокая шахта, которая должна была вскрыть под рифовой надстройкой острова его вулканическое основание...

Все эти сведения Цезарь почерпнул из последнего краткого отчета профессора Шарка, присланного в Нью-Йорк совсем недавно. К отчету был приложен проект работ на следующий год с обоснованием и сметой, которая замыкалась круглой суммой с большим количеством нулей. На титульной странице сметы по диагонали размашистым почерком Пэнки было начертано:

«Где алмазы???
Вызвать на заседание генерального совета в январе».

Действительно, об алмазах не упоминалось ни в отчете Шарка, ни в проекте, ни в смете. В самые последние дни, видимо, произошло нечто, заставившее Пэнки, вопреки собственноручной резолюции, самому отправиться к Шарку, не ожидая его прибытия на заседание генерального совета директоров «империи».

Беседы с вице-директорами банка CFS и ознакомление с почти завершенным годовым отчетом насторожили Цезаря. Сумма в графе «Убытки и потери» выросла значительно по сравнению с прошлыми годами, а суммарная прибыль, несмотря на то, что ни одно из многочисленных звеньев «империи» не фигурировало как убыточное, заметно уменьшилась.

— Короче говоря, скатываемся по наклонной плоскости, — резюмировал Цезарь.

Губы второго вице-директора дрогнули в иронической усмешке.

— Перед вами официальный отчет, босс, — то, что будет доложено на совете и предложено правительственным органам.

— Разве существует еще и неофициальный?

Второй вице-директор чуть заметно пожал плечами, словно удивляясь неосведомленности Цезаря.

— Нет, конечно, но существуют не учитываемые тут каналы и графы. — Он легонько постучал ладонью по листам бумаги, лежащим перед Цезарем.

— Расходы или доходы?

— И то, и другое, босс. Но среди не показанного здесь, — он снова коснулся ладонью бумаг, — второе превышает первое.

— Я попрошу немного развить эту тему, — сказал Цезарь.

— Извольте. Мы по-прежнему вынуждены финансировать без реальной отдачи африканский и бразильский объекты...

— Вы имеете в виду полигоны?

Первый вице-директор неспокойно шевельнулся в кресле, а второй помедлил с ответом.

— Мы предпочитаем называть их «объектами», босс...

— Их финансирование как-то отражено в официальном отчете? — снова перебил Цезарь.

— Частично... Я бы даже сказал — в малой степени, потому что...

— Да, я знаю, — кивнул Цезарь, — туда идут не только мои деньги и деньги наших акционеров. Не так ли?

— И так, и не совсем так, сэр, — вмешался первый вице-директор. — Это очень тонкая и сложная материя... Поскольку она не находит отражения в наших официальных документах, мы с коллегой предпочли бы воздержаться от комментариев на эту тему. Ее курирует... лично господин генеральный директор-исполнитель...

— Хорошо, оставим эту тему, — согласился Цезарь. — Что еще?

— Существует еще один — особый — фонд официально неучитываемых отчислений и расходов, — сказал второй вице-директор, — которым распоряжаетесь лишь вы и господин Пэнки. Полагаю, он тоже не требует комментариев?

— А-а, — сказал Цезарь, — да-да, конечно, — отметив про себя: «Первый раз слышу».

— По графе расходов эти позиции — основные. Остальное уже мелочь, — продолжал второй вице-директор. — Что касается неучтенных доходов, они проходят главным образом через наши банки в Сан-Паулу и Лондоне, частично — через гонконгский банк. Источников несколько... Кое-что по линии

индустрии развлечений... — Он вопросительно взглянул на первого вице-директора, словно спрашивая совета, продолжать ли перечисление.

— Благодарю, — кивнул Цезарь. — Это мне известно. Можете не продолжать. Пожалуй, у меня остается еще только один вопрос. Он касается того, что не отражено в отчете. Вы сказали, доходы превышают расходы. Как это выразится в долларах?

Вице-директора переглянулись.

— Сейчас затруднительно дать точный ответ, сэр, — цедя слова, произнес первый вице-директор. — Это можно будет сделать... в январе. Полагаю, чистая прибыль... в этом году... шагнет за двести миллионов. А по-вашему, коллега?

— Да, пожалуй, — согласился второй вице-директор. — Пока мы располагаем более или менее точными сведениями только из Сан-Паулу.

«Ну, этими сведениями я тоже располагаю, — подумал Цезарь. — А вот не подведет ли Лондон? Похоже, что Стив в последнее время развлекался перекладыванием денег из одного кармана в другой...»

Цезарь вспоминал эти нью-йоркские встречи и впечатления уже над Тихим океаном, по пути из Гонолулу к атоллу Паитуи. После телефонного разговора с Райей он решил лететь прямо к Шарку кратчайшим путем — из Нью-Йорка через Лос-Анджелес и Гонолулу. Райя сказала, что Крукс в Канди еще не появлялся. Он звонил из Сингапура, просил разрешения посетить «Парадиз XXI» в начале нового года. Райя согласилась, рассчитывая, что к рождеству Цезарь возвратится домой.

— Обязательно вернусь, любимая, — заверил Цезарь.

Разумеется, он ни словом не обмолвился о событиях на бразильском полигоне и объяснил встревожившее Райю возвращение самолета в Лас-Пальмас недоразумением.

В безбрежном сине-голубом пространстве океана, искрящегося в лучах экваториального солнца, проступили желтовато-фиолетовые пятна — отмели и рифы над гайотами*, окаймляющими островной мир Центральных Спорад.

Спустя полчаса «боинг» совершил посадку на узкой бетонной полосе, которая начиналась у берега океана и упиралась в

* Гайот — подводная коническая гора, вершина которой не доходит до поверхности океана

пальмовую рощу. В тени пальм виднелись разноцветные строения.

Мистер Пэнки, профессор Шарк и несколько инженеров встретили Цезаря у трапа самолета. Шарк и его помощники, бронзовые от загара, были в светлых шортах и белых рубашках с расстегнутыми воротами и короткими рукавами. Лишь Алоиз Пэнки, несмотря на экваториальный зной, не изменил своему обычаю — был в строгом черном костюме и рубашке с черным галстуком. Исключение он сделал лишь для тропического шлема, отбрасывающего синеватую тень на его бескровное, пергаментное лицо.

Цезарь отметил про себя, что Пэнки выглядит лучше, чем при последней встрече. Он держался прямо, движения были более уверенными, даже рукопожатие — более энергичным.

Шарк, поблескивая стеклами солнцезащитных очков, представил Цезарю своих помощников. Фамилии каждого он предпослал научные степени и звания. Званий и степеней было много, и Цезарь сразу же запутался, кто есть кто и кто чем знаменит.

Потом Пэнки, на правах хозяина, пригласил всех к ленчу, который был сервирован на затененной веранде одного из домиков, обращенной в сторону лагуны.

— Кажется, геологи здесь неплохо устроились, Алоиз, — заметил Цезарь, которого усадили во главе стола рядом с Пэнки.

Пэнки облизнул бескровные губы.

— Шарк — хороший организатор. Главное — не бросает слов на ветер. Он уже пощупал кимберлитовую трубку.

— А алмазы?

— Есть и алмазы. После ленча покажет.

— Вы здесь давно, Алоиз?

— Третий день. Почему, все-таки, ты оказался в Нью-Йорке?

— А вам известно, где я был перед этим?

Пэнки устремил на Цезаря холодный, испытующий взгляд.

— Нет... Неизвестно.

— В Бразилии, у Линстера.

— Ах вот что...

Цезарь ждал следующего вопроса, но Пэнки вдруг постучал вилкой по фужеру:

— Господа, прошу внимания. Предлагаю тост за здоровье босса — господина Цезаря Фигуранкайна. Подобно боль-

шинству присутствующих, он тоже ученый, но круг его интересов несколько иной. Цезаря Фигуранкайна давно увлекла история древнейших цивилизаций Востока, история буддизма, история... впрочем, не буду перечислять всех направлений его деятельности. Насколько мне известно, он сейчас находится на пороге важного открытия, которое, без сомнения, обогатит историческую науку. К сожалению, вторая сторона его деятельности,— а он не только ученый, но и бизнесмен,— нередко входит в противоречие с первой, но... всему свое время, господа. Итак, за здоровье и дальнейшие успехи — научные и деловые — нашего уважаемого босса — господина Цезаря Фигуранкайна!

Раздались аплодисменты, и зазвенели бокалы.

— Твое здоровье, дорогой Цезарь,— сказал Пэнки, поднося бокал к бокалу Цезаря.

Это было сказано тихо, но не настолько, чтобы не услышал Шарк, сидящий по другую сторону от Цезаря, и еще кое-кто из присутствующих.

«Что с ним случилось? — думал Цезарь, отвечая поклонами на улыбки и приветственные возгласы.— Что все это — демонстрация наших дружеских с ним отношений или очередное предостережение?.. Откуда ему известно о результатах моего поиска на Яве, о "пороге важного открытия"? Или это напоминание: "Имей в виду, знаю каждый твой шаг"?.. Что ему известно о событиях на бразильском полигоне? Что он раскопал в Лондоне?..»

Были произнесены еще тосты. Несколько вежливых общих фраз пришлось сказать Цезарю. Он говорил их, продолжая думать о странной игре Пэнки. От внимания Цезаря не укрылось, что профессор Шарк почти не принимал участия в разговоре, едва пригубил свой бокал и с явным нетерпением ждал окончания застолья. Когда один из геологов начал было тост, обращенный к Шарку, тот прервал его резким движением руки и гневной репликой, что не терпит, когда «жуют мел», что говорить «о триумфе» глупо и рано... Реплика Шарка послужила сигналом к окончанию застолья.

Сразу после ленча Шарк предложил Цезарю осмотреть «хозяйство острова». Пэнки от участия в поездке уклонился, заявив:

— Я уже все видел. Отдохну, пока спадет жара... Вечером побеседуем...

Поехали «лендровером» вчетвером: Цезарь, Суонг, Шарк, который сам вел машину, и один из помощников Шарка со странной фамилией Чикенкоцур. Подумав немного, Цезарь мысленно перевел ее как «цыплячий кот». Пока осматривали поселок, солнечную и волновую электростанции, амбулаторию, клуб, столовую и установку для опреснения воды, Цезарь развлекался догадками — к какой национальности может принадлежать человек с подобной фамилией, тем более что Чикенкоцур говорил с ужасным акцентом и по-английски, и по-немецки.

Осмотрев причал, возле которого разгружался контейнеровоз, пришедший из Гонолулу, поехали узкой бетонкой вдоль берега лагуны к западной оконечности атолла. До этого все пояснения давал Чикенкоцур на смеси английского и немецкого. Теперь роль гида принял на себя сам Шарк.

— Мы сейчас находимся в наиболее узком месте острова, — сказал он, обращаясь к Цезарю, — отсюда до внешнего края атолла меньше километра. Видите белую кайму вдали? Это буруны на рифах, окаймляющих атолл. Толщина рифовой постройки тут всего четыреста метров и уменьшается к западу.

— А что находится ниже? — поинтересовался Цезарь.

— Основание рифа. Некогда здесь был остров. Он начал погружаться около пятидесяти миллионов лет назад и был постепенно наращен рифом.

— Остров погрузился или уровень воды в океане поднялся? — снова спросил Цезарь. — Насколько мне известно, уровень Мирового океана менялся в связи с оледенением.

По губам Шарка промелькнула усмешка.

— Уровень океанов менялся не только в связи с оледенением, если оно было, в чем я, например, не убежден... Изменения происходили в течение всей геологической истории Земли. Уровень океанов постоянно повышается из-за притока глубинных вод. Строго говоря, земные континенты постепенно тонут в водах Мирового океана. Наступит эпоха, пока еще достаточно далекая, когда океан покроет и вершины высочайших гор. Вот когда оживет библейская легенда о Великом потопе. Правда, человечеству не грозит опасность утонуть. Оно погибнет гораздо раньше в результате самоуничтожения цивилизации. Но это уже иная тема... Что касается здешнего рифа — он образовался именно в результате погружения острова; погружение не один раз сменялось поднятиями. Это был

прерывистый процесс. Например, в разрезе нашего рифа нет отложений неогена. Это значит, что в неогене риф не наращивался, а, наоборот, размывался океаном, потому что основание рифа поднималось.

— Основание — древний вулкан? — решился уточнить Цезарь.

— Нет... То есть в основании многих коралловых атоллов Тихого океана действительно находятся базальтовые вулканы — уснувшие и даже действующие. Для нас такие острова не представляют интереса. Кимберлитов там близко нет. Я выбрал Паитуи именно потому, что здесь риф покоится не на базальтовом вулкане.

— А на чем?

— Выяснением этого мы сейчас и занимаемся. Пока могу лишь сказать, что это приподнятый блок очень древних пород, которыми сложено дно Тихого океана.

— И среди них есть кимберлиты?

Шарк немного помедлил с ответом.

— Не исключено, что большая часть фундамента нашего атолла... сложена кимберлитом. Это означало бы, что тут находится одна из самых больших кимберлитовых трубок Земли.

— С соответствующим количеством алмазов?

Шарк резко увеличил скорость «лендровера».

— Об этом говорить рано, но... алмазы есть. Через несколько минут вы сможете убедиться собственными глазами.

Перед спуском в шахту Шарк показал Цезарю несколько больших кусков зеленовато-черной, маслянисто поблескивающей породы:

— Кимберлиты из забоя шахты. Вот вкрапления алмазов... Вот еще...

— Такая мелочь!

— Мелочь! — фыркнул Шарк.— Совсем не мелочь, уважаемый босс. Это кристаллы размером около четверти карата. Их тут несколько... На рудниках ЮАР давно не держали в руках подобных образцов. Если бы господа из «Де Бирс компани» прослышали об этой находке...— Шарк махнул рукой.

— Тогда что? — поинтересовался Цезарь.

— Устроили бы нам веселую жизнь,— проворчал Шарк.— Пришлось бы рыть бомбоубежища и обзаводиться торпедными катерами.

— Неужели настолько серьезно?

— Будто вы не знаете! — Костистое лицо Шарка искривила судорога.— Кстати, могу сообщить: за нами уже следят... У берегов несколько раз появлялся перископ какой-то подводной лодки, а неделю назад наше исследовательское судно «Ураган» в сорока милях севернее атолла было обстреляно из пулемета неизвестным самолетом. Хорошо еще, мои сотрудники не растерялись — выпустили по самолету пару метеорологических ракет, после чего он ретировался.

— Люди не пострадали?

— Только приборы.

— Надо подумать о защите.

— Мистер Пэнки обещал, что на следующей неделе будут доставлены зенитные пулеметы и ракеты нескольких типов.

— И люди для охраны?

— Нет,— отрезал Шарк.— Сами управимся. Бездельники, умеющие только стрелять, мне не нужны.

Осмотр шахты, в которую спустились с помощью довольно примитивной клети, утвердил Цезаря в представлении, что внизу темно, мокро и душно и что кимберлиты, в которые начал углубляться ствол, удобнее рассматривать наверху. Когда клеть снова вынырнула на поверхность, Цезарь со вздохом облегчения выбрался из утлой металлической коробки и с удовольствием ощутил твердую землю под ногами.

Солнце висело совсем низко над серебристо-голубой поверхностью океана. Прямые лучи уже не обжигали, а упругие порывы ветра, зарождающиеся где-то над гладью вод, несли легкую прохладу.

— Прошу в мою лабораторию,— сказал Шарк,— представлю господину Пэнки и вам еще кое-какие итоги, ближайшие намерения и... потребности экспедиции.

Беседа в лаборатории затянулась. Говорил преимущественно Шарк. Иногда короткие реплики вставлял Пэнки. Цезарь, услышав, что добыча алмазов в ближайшие месяцы налажена быть не может, потерял интерес к разговору и слушал Шарка с плохо скрываемой скукой и нарастающим раздражением.

«Чего ради Пэнки прилетел сюда? Чтобы подержать в руках темно-зеленые куски камня, извлеченного из мокрой и душной шахты, и выслушивать ученые разглагольствования Шарка, нафаршированные множеством непонятных слов?»

Время от времени Шарк прерывал геологическую лекцию и называл суммы, необходимые для продолжения исследований — здесь на атолле, на кораблях, на дне океана, где планировалось создание каких-то подводных сооружений. Общая сумма стремительно росла, и Цезарь окончательно потерял представление, сколько еще денег потребуется Шарку, прежде чем начнет действовать первый алмазный рудник.

Наконец, Шарк замолчал. Цезарь вопросительно посмотрел на Пэнки. Тот, по обыкновению прикрыв глаза, о чем-то размышлял.

— Вопросы? — поинтересовался Шарк, наливая себе в стакан воды из сифона. Он мельком взглянул на Цезаря и повернулся к Пэнки.

— Два,— Пэнки чуть приподнял веки.— По-вашему, главный источник алмазов здесь не кимберлиты?

— Нет... Так же, как и в Африке, главный источник — россыпи. Россыпи на дне. До них мы еще не добрались. Но они есть. Это так же достоверно, как и то, что за сегодняшней ночью последует завтрашний день. Десятки, а может быть, сотни миллионов лет здесь разрушались кимберлитовые трубки, подобные той, что находится под островом. Эта трубка для меня лишь доказательство наличия россыпей. Богатых россыпей,— он многозначительно поднял костистый палец,— и не исключено — очень богатых.

— Но сами кимберлиты — второй источник? — спросил Пэнки.

— Нет,— с явным раздражением ответил Шарк.— То есть они могли бы стать источником добычи алмазов — для дурней...

— Тогда зачем шахта? — не выдержал Цезарь.

— Для дурней,— повторил Шарк, игнорируя вопрос Цезаря,— не понимающих собственной выгоды. Когда нащупаем россыпи, начнем добычу мощными драгами прямо с поверхности дна без горных выработок, дробления пород и прочего.

— Но вы упомянули о двух источниках, профессор,— возразил Пэнки, устремив на Шарка свой немигающий взгляд.— Я хочу услышать подробности о втором источнике...

Цезарю показалось, что сейчас Шарк вспылит. Однако он сумел сдержаться.

— Я специально не развивал этой темы,— сказал он, сплетя пальцы и хрустя суставами.— Специально. Россыпи на

дне — очевидность. Второй источник — пока моя гипотеза. Хотя... не сомневаюсь в ее справедливости...

— На ее проверку вам нужны деньги, и немалые, — заметил Пэнки, снова прикрывая глаза.

— Да... Именно, — Шарк продолжал хрустеть пальцами, — хорошо, поясню, но... — Он вдруг пугливо оглянулся. — Это должно остаться... абсолютной тайной. Даже никто из моих сотрудников не подозревает... Вы меня поняли?

Пэнки молча пожал плечами. Шарк взглянул на Цезаря, и тот невольно повторил движение Пэнки.

— Да-да, конечно, — продолжал Шарк. — Это может показаться смешным, и тем не менее... Это необыкновенно важно. Сама идея... Самая гениальная из моих идей! Ее проверка — смысл моей жизни... В верхней мантии Земли находится слой, где температура и давление наиболее благоприятны для кристаллизации алмазов. Я называю его «алмазным слоем». Это не чудо... Просто метаморфическая порода, в которой алмаз и гранит-пироп — породообразующие минералы. Представляете, горная порода, в которой тридцать — сорок процентов составляют алмазы. А может, и больше. Слой, в котором такие алмазы, как знаменитый Куллинан*, — обычное явление. Под континентами этот слой залегает глубоко — он недоступен. Но Тихий океан — глубочайшая рана в теле нашей планеты. На его дне местами обнажена мантия. Мой «алмазный слой» здесь находится близко от поверхности дна, а кое-где выходит на поверхность... Путеводной нитью к нему послужат... самые богатые россыпи алмазов. А алмазы в кимберлитах, — он махнул рукой, — всего лишь обломки, увлеченные наверх из моего «алмазного слоя».

— Я все понял, — сказал Пэнки, делая движение, чтобы встать. — Обсудим ваши предложения на ближайшем заседании совета.

«Зато я ничего не понял, — подумал Цезарь, тоже поднимаясь. — Что обсуждать, если в ближайшее время добыча не будет организована? А последняя идея вообще смахивает на бред».

---

* Куллинан — крупнейший из алмазов, когда-либо найденных на Земле. Это осколок кристалла-октаэдра (восьмигранника), первоначальным весом 3106 карат.

— Мне теперь можно не присутствовать на совете? — спросил Шарк.

Цезарь хотел сказать, что теперь-то присутствие Шарка на совете совершенно обязательно, но Пэнки опередил его.

— Да,— сказал он,— можете не приезжать в Нью-Йорк. Оставайтесь и продолжайте работы. О досылке оборудования и оружия я позабочусь. Сейчас это главное.

— Благодарю,— сказал Шарк с видимым облегчением. Он обращался теперь только к Пэнки, словно не замечая присутствия Цезаря.

Они вышли из лаборатории. Впереди Цезарь, за ним Пэнки и Шарк. Ночь уже наступила. Сделав несколько шагов по едва различимой во мраке гравийной дорожке, Цезарь остановился и оглянулся. Сквозь листву матово светили окна лабораторного корпуса. Силуэты Пэнки и Шарка застыли в раме дверного проема. Пэнки что-то говорил, склонив голову к самому уху Шарка. Тот слушал молча, потом кивнул, и они двинулись дальше вслед за Цезарем.

Порыв ветра донес гул прибоя со стороны рифов. Над головой зашелестели листья пальм. Цезарь глянул вверх. Неправдоподобно яркие звезды показались ему совсем близкими.

Мелькнула мысль: «Как у нас в Канди... Что за красота! Нет на свете ничего прекраснее тропической ночи... Кажется, весь мир обнял бы сейчас, даже вместе с Пэнки... Хотя эти-то двое — что они могут сейчас чувствовать».

Но Пэнки, словно догадавшись, что Цезарь подумал о нем, вдруг ускорил шаги.

— Удивительная ночь, не правда ли? — тихо сказал он, взяв Цезаря под руку.— В том нашем мире необходимости и обязанностей, которые сами возлагаем на себя, мы уже позабыли, что на свете бывают такие ночи. И когда почти все позади...— Он вздохнул и, отпуская руку Цезаря, закончил совсем иным тоном — резко и отрывисто: — После ужина нам надо поговорить наедине...

— Но я...— начал было Цезарь.

— Знаю — устал. Я тоже... Все-таки поговорить придется сегодня. Утром улетаю отсюда.

— Нет, я не о том,— Цезарь покачал головой,— просто подумал...— он умолк, подбирая ускользающее слово,— я подумал...

— О чем?

— О бессмыслице происходящего, об абсурдности задуманного и совершаемого... Я все чаще чувствую себя марионеткой... в спектакле абсурда.

— Вот и поговорим — об этом тоже.— Пэнки снова взял Цезаря под руку.— Спокойно, как разумные люди и... единомышленники. Мы по одну сторону барьера, дорогой мой... А относительно театра марионеток... Все мы в той или иной степени участники большого представления марионеток. Кого-то мы дергаем за веревочки, кто-то дергает нас... Таков мир, не мы с тобой его придумали. Значит, после ужина...

— Хорошо,— отрешенно кивнул Цезарь.— После ужина.

Решающий разговор, о котором Цезарь думал все последние дни, не получился... Пэнки, узнав о событиях на бразильском полигоне и о смерти Герберта Люца, несколько минут сидел молча, плотно сжав губы и прикрыв глаза фиолетовыми складками век. Потом, подперев пергаментный лоб высохшими склеротическими пальцами, тихо сказал:

— Непостижимо... Может быть, он сошел с ума?.. У меня нет оснований не верить тебе, Цезарь, но поверь и ты — я не давал подобных инструкций. Ни о каком захвате корабля силой я не думал. Зачем? Задание Люца было четко определено... Что касается моего письма, оно не более чем способ воздействия на Линстера, у которого при всех его качествах выдающегося конструктора многовато паров в черной голове. Люц обращался уже с полигона с просьбой... расширить его права...

— В тот момент я был его заложником,— вставил Цезарь.

— Ему передали мое категорическое запрещение,— медленно продолжал Пэнки,— категорическое, Цезарь...

— Тем не менее, он...

— Или действительно ошалел, или...— Пэнки умолк и задумался.

— Вам известно, на кого он работал еще, Алоиз?

Пэнки приподнял веки и взглянул в упор на Цезаря. Но это не был его обычный холодный, немигающий взгляд. На этот раз Цезарь прочитал во взгляде удивление, сменившееся оттенком одобрения и почти тепла.

— Кое-что он все-таки сказал?

— Нет.

— Жаль... Понимаешь, я думал об этом... Люц предлагал захватить силой корабль и... Линстера.

— И меня?

Взгляд Пэнки снова стал холодным, глаза округлились.

— Выбрось это раз и навсегда из головы, Цезарь. Я не враг тебе. Пойми, наконец, я понятия не имел, что ты в Бразилии. Ты мог быть где угодно — в Канди, на Яве, в Сингапуре, черт побери, даже в Париже... Но Бразилия, полигон... Мне известно — когда-то у тебя было столкновение с Люцем. Именно поэтому момент миссии Люца выбирался так, чтобы вы не встретились. И надо же случиться... — Пэнки покачал головой. — Повторяю, Цезарь, я не враг твой. Это худшее из твоих заблуждений.

— А остальные?

— Неважно... сейчас неважно. Каждый имеет право заблуждаться... Ты попал в эту переделку по неосмотрительности, а еще потому, что не предупредил меня. Нам нельзя действовать порознь. Я тоже виноват — не убедился, где ты...

— Вам известно, какое значение я придаю полигонам, — начал Цезарь, — кстати, ведь Линстера открыл я...

— Разумеется, ты прав, — поспешно перебил Пэнки, — хотя, может быть, стремишься объять необъятное... Я, впрочем, тоже, а сил все меньше... Вероятно, пора бы уходить, и ты, по-видимому, готов уже предложить мне это... Но, видишь ли, Цезарь, момент сейчас не наилучший, хотя я рад был бы избавиться от груза, под которым изнемогаю. Подобно многим транснациональным объединениям, «Фигуранкайн корпорейшен» сейчас балансирует на лезвии опасного риска. Полигоны, работы Линстера, исследования Шарка поглотили огромные средства и самой корпорации, и те, что мне удалось привлечь... Отдача пока минимальна — мы уже стояли на грани банкротства. Нам помогли... благодаря моим связям, но теперь мы зависим от сил, перед которыми сами бессильны. Эта ситуация сохранится некоторое время. Пока мы снова не станем самостоятельными, я просто не имею права уйти... Иначе — крах...

— Это, вероятно, еще не все? — заметил Цезарь.

— Не все, — согласился Пэнки, снова прикрыв глаза, — последние месяцы были особенно неблагоприятными. Я уже не говорю о том, что произошло на бразильском полигоне... У Вайста тоже неприятности с человеческими жертвами. Официальная версия — несчастный случай, но не исключаю диверсии...

И еще: несколько дней назад исчез директор нашего лондонского банка Хэл Венус — исчез, прихватив значительную сумму денег и важные документы. Я принял необходимые меры, но... возможны неприятные разоблачения или шантаж... Завтра я лечу в Японию. Предстоят нелегкие переговоры о новых кредитах и еще по некоторым важным вопросам... Я не очень убежден в успехе, но приложу все старания... Перед разговором с японцами я хотел лично убедиться в перспективности алмазных дел Шарка. К счастью, мы не ошиблись. Шарк — верная ставка, хоть и тут отдачи придется подождать.

Цезарь печально усмехнулся:

— Алмазы необходимы сейчас. Иначе корабли Линстера придется держать на приколе. Им требуется много алмазного «горючего»...

— Пусть думает о заменителях... Его корабли должны летать. Должны... И вооружение... Без вооружения они ничто...

— Чтобы летали, прежде всего нужны алмазы...

— Шарк получит все, о чем просил, — жестко сказал Пэнки, — а мы потребуем ускорить результативность.

— Можем не успеть, — возразил Цезарь, — вам, конечно, известно, что в ООН подготовлена новая конвенция по морскому праву. Там есть пункт относительно использования богатств океана. Его предложили русские. Если президент подпишет конвенцию, мы тут теряем все привилегии. А наш нынешний президент начал заигрывать и с русскими, и с китайцами.

— Нынешний президент, конечно, сукин сын, — убежденно заявил Пэнки, — но он наш сукин сын... Не следует этого забывать, Цезарь. Кроме того, пока утвердят новую конвенцию, в Штатах сменится не один президент... Думаю, надо кончать сегодняшний разговор. Твое приключение на бразильском полигоне прискорбно, но, может, к лучшему, что Люца больше нет... Не исключено, что он работал... на кого-то еще... Это не первый случай, когда меня пытаются обойти, запутать... То же и в Лондоне...

— Что теперь будет с лондонским банком?

— Поисками сбежавшего директора занялся Интерпол... Надо думать о новом директоре. Не представляю, кого туда ставить...

— Интересно, какую роль вы отводите мне, Алоиз, в ваших планах ближайших лет? — усмехнулся Цезарь.

— Общее руководство, конечно, а конкретно — полигоны, коль скоро они тебя так волнуют. Пусть Вайст, Бишор и Линстер подчиняются непосредственно тебе. Устраивает тебя такое?

— Надо подумать. — Цезарь снова усмехнулся.

— Подумай... Побывай у Вайста. Ты там давно не был.

— Подумаю и об этом. А вы не забывайте про алмазы.

— Я ничего не забываю... Спокойной тебе ночи.

«Ну вот, опять я в дураках, — направляясь к себе, думал Цезарь. — В который раз!.. Стив и Цвикк вправе наплевать мне в бороду. Все же сегодня прорезалось нечто новое. Впервые он говорил со мной более или менее откровенно и не угрожал. В главном он прав... Сейчас никто не заменит его. Конечно, можно было бы воспользоваться этим и пустить машину под откос уже теперь. Но ОТРАГ еще может уцелеть. Спасут те, на кого намекал Пэнки. В этом случае мы со Стивом уйдем, а "змеиная нора" в Африке сохранится. Со вторым полигоном проще. Тибб в считанные часы может все ликвидировать. Но подходить к финалу еще рано. Придется подождать и с реформами. Может, и Стив это поймет?.. Странный, однако, оборот приняли события в Лондоне... Все ли сказал Пэнки? Сомнения, опять сомнения...»

Прежде чем войти в свой коттедж, Цезарь поднял глаза к усыпанному звездами небу. В россыпях созвездий блестел и искрился ромб Южного Креста... Ощущение тревоги и неудовлетворенности постепенно исчезало. Свет бесчисленных звезд словно освобождал от забот, сомнений, горечи ошибок и поражений, очищал душу от дурных мыслей, подозрений, недобрых намерений. Цезарем вдруг овладело чувство удивительной легкости. Казалось, еще немного — и он взлетит навстречу мерцающим звездам в этой пронзительной тишине экваториальной ночи. Взгляд его продолжал бездумно блуждать по узору знакомых и неведомых созвездий.

Откуда эта легкость? Редчайший миг проникновения в скрытую гармонию мира?.. Экстаз нирваны? Или сигнал оттуда? От тех, чье послание он угадал среди старинных рукописей в библиотеке буддийского монастыря Суракарты?

Цезарь тряхнул головой. Он еще возвратится к тем манускриптам и брату Хионгу. И они все обсудят такой же вот тихой, звездной ночью. И тогда... Неужели ощущение, которое он носит в себе, сбудется? Райя верит в него... Райя... Его подруга,

путеводная звезда, судьба... Как все переплелось — поиск неведомого, таинственный след из глубин космоса, любовь Райи, жестокость и прагматизм действительности, странная метаморфоза перевоплощения в миллиардера, ставшего союзником Стива... «Сколько путей! А где истинный? Где?» Цезарь неотрывно глядел на звезды, словно ожидая от них ответа. И ответ пришел, как это уже не раз бывало.

«Вернись, жду тебя; ты нужен здесь; вернись».

В призыве, прозвучавшем где-то в глубине мозга, не было тревоги, только настойчивость и нежность. Голос любви, вечности, голос Райи...

«Понял, — мысленно ответил он. — Возвращаюсь».

Он перешел в свой коттедж и разбудил Суонга.

— Пусть готовят самолет. Через час вылетаем...

Утром мистер Пэнки не выразил удивления, что Цезарь исчез, не попрощавшись. Только поинтересовался:

— Куда отправляется, не сказал?

— Нет.

Пэнки пожал плечами и велел готовить свой самолет.

А через час после отлета Пэнки над Паитуи пронесся на бреющем полете самолет без опознавательных знаков. Он полил остров свинцовым дождем из нескольких пулеметов и сбросил бомбы. Шарк находился в шахте. Услышав взрывы, он сразу поднялся на поверхность. Самолет уже исчез. Над поселком поднимались клубы черного дыма.

— Это было как гром среди ясного неба, — рассказывал один из техников. — Пикировал со стороны солнца, его приближения никто не видел. Первую бомбу сбросил на машину, которая шла по шоссе, но промахнулся. Остальные — на дома.

Шарк, потемневший от ярости, не произнес ни слова. Вскочил в «лендровер» и сломя голову погнал в поселок. По дороге дважды чуть не перевернулся, минуя воронки от бомб.

На окраине поселка его встретил Чикенкоцур. Сообщил лаконично:

— На этот раз обошлось — сгорели только коттеджи для гостей. Бомбы угодили в них.

— Что еще?

— Есть четверо раненых, но легко.

Шарк разразился яростной бранью:

— Немедленно радиограмму в Токио мистеру Пэнки. В аэропорт Ханеда. Пусть вручат сразу, как прилетит.

— Если прилетит...

— Ты думаешь?..

— Похоже, охотились за ним или за боссом. Разбомбили ведь только коттеджи, куда мы их поместили.

Шарк еще раз замысловато выругался:

— Но это значит...

— Вот именно, — кивнул Чикенкоцур, — кто-то работает отсюда. Или аквалангист с подводной лодки.

— Скорее — второе... Придется установить круглосуточное наблюдение. Мадам и женщин тоже включить...

Прибежал взволнованный техник:

— Перископ.

— Где?

— Видно с веранды лаборатории.

— Поехали.

Через минуту «лендровер» резко затормозил возле лабораторного корпуса. Сопровождаемые техником, Шарк и Чикенкоцур бегом направились к веранде.

— Вот он, все там же, — показал техник. — За розовым рифом, подальше и правее.

— Мерзавцы. — Приставив ладонь козырьком к бровям, Шарк всматривался в океан. — Вижу... Перископ. Пришли взглянуть, что получилось. До них, — Шарк на мгновение задумался, — метров шестьсот, не больше. Можно попробовать. Позови-ка мадам, Шарль. Пусть захватит винчестер с оптикой. Быстрей!

Техник исчез.

— Отсюда не достать. — Чикенкоцур с сомнением покачал головой.

— У нее зауэр-автомат экстра-класса. Поражающая дальность — тысяча двести метров.

Появился техник. За ним неторопливо следовала высокая, дочерна загоревшая дама с мощным торсом, обтянутым зеленым купальником. Светлые, выгоревшие на солнце волосы были собраны в тугой узел на затылке. В руках она держала длинноствольный винчестер с оптическим прицелом.

— Видишь тот «поплавок» за рифом, Луиза? — Шарк, прищурившись, указал пальцем в океан.

Несколько мгновений она молча всматривалась, закусив губы, потом кивнула:

— Ну, вижу...

— Достанешь его?

— Н-не знаю... Попробовать?

— Давай.

Женщина щелкнула предохранителем и, опустившись на одно колено, оперла ствол о балюстраду. Затем сделала глубокий вдох и прицелилась. Все, кто был на веранде, затаили дыхание. Треск выстрела разорвал напряженную тишину.

Некоторое время она не отрывала глаз от окуляра, потом вздохнула и поднялась с колена.

— Ну? — спросил Шарк.

— Кажется, попала...

— Перископа больше не видно, — сообщил техник.

На веранде дружно зааплодировали. Женщина удовлетворенно усмехнулась и осторожно отерла капельки пота с большого облупленного носа.

— Теперь за работу, — распорядился Шарк. — Я пройду в лабораторию, узнаю, что с ранеными. Ты, Луиза, оставайся пока здесь. Если всплывут, добавь.

— Не всплывут, — уверенно заявил Чикенкоцур. — Поняли, что к чему.

— В радиограмме добавьте: пусть быстрей присылают оружие, — крикнул Шарк, удаляясь.

— Будет сделано, профессор.

Пэнки получил радиограмму, едва ступив на бетон токийского аэропорта Ханеда. Он молча прочитал ее и сунул в карман.

— Что-нибудь важное, Пэнки-сан? — вежливо поинтересовался широколицый седой японец, который в обществе двух японцев помоложе встречал американского гостя у трапа самолета.

— Пустяки... Кстати, господин Ито, моим друзьям нужна небольшая партия оружия. Могу я рассчитывать на вашу помощь?..

— Безусловно, Пэнки-сан. Операция потребует от трех до четырех дней. Не откажите в любезности дать мне список и скажите, куда доставить товар.

Пэнки чуть заметно покачал головой:

— Оружие должно быть отправлено сегодня ночью.

Ито блеснул золотыми зубами:

— Вы, как всегда, шутите, уважаемый Пэнки-сан.

— Ну, если для вас это слишком сложно...

Ито согнулся в поясном поклоне:

— Прошу в машину, Пэнки-сан. По дороге в вашу резиденцию мы все спокойно обсудим.

Они действительно договорились обо всем раньше, чем шикарный «ролс-ройс» Ито, миновав центр Токио, мягко притормозил на красноватом гравии у подъезда двухэтажного каменного дома, спрятанного в глубине старого парка.

— Вилла незабвенного генерала Сиро Исии, — сказал Ито, помогая Пэнки выбраться из машины. — Я приобрел ее у вдовы генерала и ничего не стал менять. Реликвия той Японии... Парк немного запущен, но это создает уют и располагает к размышлениям. С другой стороны — японский садик. Там все иначе. Надеюсь, вам тут будет хорошо и спокойно, Пэнки-сан. Мы с женой здесь бываем редко. Предпочитаем квартиру в центре или виллу на берегу океана.

— Когда назначена встреча с Токимурой? — спросил Пэнки, поднимаясь по мраморным ступеням, сквозь трещины которых пробивалась трава.

— В четыре после полудня. У вас есть время отдохнуть, Пэнки-сан.

— А с Масакуни?

— Завтра в девять утра.

— Хорошо. Завтра же после полудня я улетаю.

— Безмерно опечален, высокочтимый Пэнки-сан. Мы с женой надеялись...

— Сила высшая, мистер Ито. Меня ждут другие срочные дела.

— Понимаю. Но разве вы не хотели бы познакомиться поближе с зимним Токио? Смею заверить...

— Не люблю Токио ни зимой, ни летом. Здесь слишком тесно и чересчур злоупотребляют красным цветом.

— Зимой у нас не слишком много красного, Пэнки-сан, — вежливо возразил Ито.

В сумрачном холле, отделанном темным дубом, ожидали две миниатюрные японочки в палевых кимоно с широкими яркими поясами, похожие на куколок. Сладко улыбаясь, они приветствовали гостей низкими поклонами.

— Приятного отдыха, Пэнки-сан; через час счастлив буду снова встретиться с вами на ленче, — сказал Ито.

Японочки, не переставая улыбаться, осторожно взяли Пэнки под руки, жестами приглашая к лестнице, ведущей на второй этаж.

— Интересно, хоть одна из них разговаривает по-английски? — ворчливо поинтересовался Пэнки, кивнув на своих провожатых.

— Они разговаривают на всех языках, которые вы соблаговолите выбрать, Пэнки-сан.

Японочки согласно закивали кукольными головками.

Конференция с Токимурой началась точно в назначенное время в угловой гостиной на втором этаже. Стены, пол и потолок здесь были облицованы светлым зеленовато-желтым мрамором. Простенки между окнами занимали зеркала. В центре стоял круглый мраморный стол с причудливой инкрустацией и три кресла. Косые лучи вечернего солнца проникали сквозь окна двух смежных стен, многократно отражаясь от полированного мрамора и зеркал, и заполняли гостиную спокойным, ровным светом.

— Для нашей встречи я позволил себе выбрать именно эту комнату, — сказал Ито, — здесь тепло, и ничто нам не помешает.

Токимура — высокий, седой, с выправкой бывшего военного — кивнул удовлетворенно. У него было удлиненное, изрытое глубокими морщинами лицо, высокий лоб, массивный подбородок, глаза-щелки, почти неразличимые под складками тяжелых век. Опущенные углы тонких губ придавали лицу высокомерно-презрительное выражение.

— Мрамор, кажется, затрудняет закладку подслушивающих устройств, — заметил Пэнки, внимательно оглядывая стены и потолок.

Ито и Токимура негромко рассмеялись, словно услышав превосходную остроту.

— В Японии такое не принято, сэр, тем более когда встречаются партнеры и... единомышленники. — Токимура продолжал улыбаться, но в его тоне прозвучало неодобрение.

— Прошу садиться. — Ито сделал приглашающий жест пухлой ручкой, пальцы которой унизывали перстни.

Все трое неторопливо разместились за мраморным столом.

— Предварительно согласовано, — начал Ито, — что нам следует рассмотреть три главных вопроса.

— Не считая самого главного, — спокойно добавил Токимура.

Ито кашлянул обеспокоенно:

— Токимура-сан имеет в виду...

— Знаю,— прервал Пэнки,— оставим это на самый конец.

Ито быстро взглянул на Токимуру. Тот равнодушно пожал плечами.

— Тогда первое,— сказал Ито, внимательно глядя на Пэнки,— дальнейшее расширение экономических связей... наших стран... Мы хотели бы...

— Продолжать расширять японский экспорт, предельно сократив ввоз ряда американских товаров,— заметил Пэнки.

— Ну, не совсем так, Пэнки-сан...

— Именно так, господин Ито. Нам незачем уверять друг друга, какие мы все хорошие. И вы, и я это превосходно знаем. Я внимательнейшим образом изучил ваши конфиденциальные соображения и провел необходимые... консультации. Полагаю, что в ближайшие несколько лет вы сможете расширять экспорт электроники и автомашин в тех пределах, на которые вы способны, не опасаясь серьезных контрмер. Я подчеркиваю — серьезных... Болтовня будет... Но некоторые люди существуют именно для того, чтобы болтать. Таким образом, в двух направлениях вам гарантирован зеленый свет, а если возникнет необходимость, то и определенная поддержка ваших американских... друзей.

— Но остальные?..

— Я не Всевышний, господин Ито. Кроме того, я ведь пока... ничего не прошу взамен, ибо знаю, что вы действительно не очень заинтересованы в американских промышленных товарах.

— Будем считать, что с первым вопросом покончено,— твердо сказал Токимура.

Ито некоторое время молчал. С его лица даже исчезла вежливая улыбка. Он явно был недоволен и, видимо, собирался возразить. Однако Токимура не позволил.

— Второе — нефть,— сказал он и дважды стукнул указательным пальцем в мраморную плиту стола.— Вы, конечно, представляете, что такое нефть для нас...

Пэнки молча кивнул.

— Мы серьезно обеспокоены проблемой нефти, сэр. Вы заморозили у себя добычу, накапливаете стратегические запасы за счет импорта. Цены на сырую нефть ползут вверх.

Неподвижное лицо Пэнки искривила усмешка.

— Вы же умный человек, Токимура... Какие стратегические запасы? Цены на нефть взвинчивают арабы...

— В ответ на то, что творит Америка.

— Арабов науськивают Советы.

Наступило напряженное молчание.

— Примитивно, господин Пэнки, — заметил наконец Ито, блеснув золотыми зубами. — У нас, как и у вас, нет особых оснований для любви к нашим западным соседям, но нельзя же обвинять их во всех смертных грехах. Мне кажется, вы недооцениваете арабов.

— Ито прав, — кивнул Токимура. — Более того, ваша откровенно произраильская политика восстановила против вас весь арабский мир, независимо от политической ориентации. Это лишь начало... Предвижу тяжелые экономические осложнения для мира в целом как следствие нынешней политики вашего президента.

— Президента? — холодно переспросил Пэнки.

Токимура пожал плечами, но Ито быстро сказал:

— В нынешнем трудном мире сильной стране нужен сильный президент. Сильный и дальновидный. Уверенно сидящий в своем кресле, а не... присевший на двух стульях сразу...

Пэнки кивнул и, старчески пожевав тонкими губами, наклонился в сторону своих собеседников:

— Чтобы не углубляться в дискуссию и снять пока с обсуждения ваш второй вопрос, Токимура, могу сообщить, но только вам двоим и абсолютно конфиденциально, — Пэнки еще снизил голос, — ему придется уйти до срока...

Ито и Токимура переглянулись.

— Вы хотите сказать... — начал Токимура, — вариант Далласа или...

— Я ничего не хочу сказать, — устало возразил Пэнки, — кроме того, что вы слышали.

— Но когда?..

Пэнки опять пожевал губами:

— Не люблю столь прямых вопросов... А впрочем... Полагаю, не позднее будущего лета...

— То, что вы соблаговолили приоткрыть нам, уважаемый Пэнки-сан, чрезвычайно важно, — поклонился Ито, — мы безмерно благодарны вам за высокое доверие; однако, завершая второй пункт нашей встречи, мы вынуждены униженно просить вас довести нашу крайнюю обеспокоенность нефтяной

проблемой до сведения компетентных деловых кругов... вашей страны. Положение весьма серьезно. Нефть — основа нашей энергетики... Америка не может не быть заинтересована в сильной и процветающей Японии.

— Все это совершенно ясно, — не скрывая раздражения, заметил Пэнки, — однако, господа, не пора ли вам начать предпринимать кое-что и самим?

— Что вы имеете в виду? — надменно выпрямился Токимура.

— Например, атомную энергетику. Кстати, она вскоре понадобится вам для иного... Еще — геотермические станции, приливные, волновые и прочие.

— Наши инженеры прилежно занимаются этими вопросами, Пэнки-сан, — улыбнулся Ито, — но три четверти населения нашей страны не хотят атомных электростанций на своих маленьких островах. Согласитесь, их можно понять.

— Понять можно, — кивнул Пэнки, — как, впрочем, можно пытаться понять любое глупое предубеждение; однако вас, господа, в этой ситуации понять трудно. В прошлом следует искать не пепел, а огонь...

— Память Хиросимы и Нагасаки в Японии еще слишком жива и болезненна, господин Пэнки, — тихо сказал Ито. — Пожалуй, нам не стоит касаться этого вопроса.

— Не полагал, что вы столь сентиментальны, Ито. Тогда была война. На войне, как известно, все средства хороши, если ведут к победе. Чистая случайность, что первую атомную бомбу сконструировали американцы. Смешно было бы не применить ее, раз война еще шла. А могло быть совершенно иначе... Кстати, ваши ученые тоже работали в этом направлении...

Ито молитвенно сложил руки:

— Но первыми жертвами атома стали японцы. Сотни тысяч японцев, и не солдат, господин Пэнки, — детей, женщин, стариков. Нет, вам, конечно, не понять, что означают для японцев, для нас всех, — Ито ударил себя в грудь, — Хиросима и Нагасаки...

— Перестаньте кликушествовать, — резко сказал Пэнки. — Предоставьте это так называемым борцам за мир, в крайнем случае — вашим парламентариям. Мы деловые люди. Чтобы успокоить ваши патриотические позывы, могу заверить: я лично сожалею, что две первые атомные бомбы разорвались в вашей стране. Я предпочел бы иные цели. Надеюсь, это еще

впереди... Однако я всегда предпочитаю ясность. Взгляните на предмет нашего спора с иной стороны: что такое жертвы двух первых атомных бомбардировок на фоне общего числа жертв Второй мировой войны? Или еще так: разве число жертв во время бомбардировок Токио не превышает намного жертвы Хиросимы и Нагасаки? Полагаю, что Токимура, как бывший военный, согласится со мной.

— Как бывший военный, может быть,— но только тридцать лет назад,— медленно произнес Токимура,— как японец — никогда... Хиросима и Нагасаки — величайшие преступления на совести Америки. И такими останутся навсегда. Простить это невозможно.

— И незачем,— холодно усмехнулся Пэнки.— Повторяю, я всегда предпочитаю ясность, особенно в отношениях с партнерами и друзьями. А мы ведь не только партнеры, Токимура. Вы хорошо знаете, что я не американец. Судьбе было угодно, чтобы после войны я оказался в Америке и стал тем, чем стал. Но я был и остался немцем. У вас, Токимура, нет, не было и не будет друзей и союзников более верных, чем мы, немцы. На Земле только два великих народа, которым принадлежит будущее. Мы — на Западе, вы — на Востоке. Конечная цель у нас с вами одна. И мы ее рано или поздно осуществим, хотя бы для этого пришлось сжечь в атомном пламени все города русских и американцев. Извините за отступление от нашей деловой беседы, но оно показалось мне необходимым, поскольку речь зашла об этом...

Ито взглянул вопросительно на Токимуру, и тот чуть заметно шевельнул веками.

— Вы прекрасно сформулировали общность наших идеалов, Пэнки-сан,— начал с поклоном Ито.— Однако идеалы труднодостижимы, особенно в вéк НТР. В нашей стране все труднее утверждать молодежь в верности историческим идеалам. В Европе, полагаю, еще труднее. Вы коснулись вопроса необычайно важного и бесконечно болезненного. Когда речь об этом заходит в определенных сферах нашей страны, большинство из нас предает себя в руки провидения и мыслит лишь об экономических средствах, путях и мерах. Остальное за пределами наших возможностей.

— Конечно,— кивнул Пэнки,— разрушительная сила сосредоточена там — у них... И надо добиться, чтобы они использовали ее друг против друга. Именно таков путь к

достижению наших идеалов. Разве вы никогда не думали об этом?

— Это прекрасно,— усмехнулся Ито.— Если, конечно, исключить опасность сгореть вместе с ними.

— Частичных жертв не избежать и нашим народам: огонь очищения... Те, кто переживет, придут к вечным идеалам.

Ито вздохнул:

— Вы приоткрыли нам глаза на многое, Пэнки-сан. Нам предстоит теперь основательно подумать, чтобы постигнуть до конца снизошедшую от вас мудрость. В нашей стране, конечно, найдутся влиятельные люди, готовые помочь вам в достижении поставленных целей, но...

— Не сомневался,— прервал Пэнки,— ваше «но», Ито, относится уже к деталям. Будет время постепенно обсудить и согласовать их. Полагаю, теперь мы можем перейти к третьему вопросу нашей конференции. Нам теперь легче решать его, ибо вы, вероятно, догадались, для какой цели предназначена значительная часть испрашиваемых мною средств.

— О,— с видимым облегчением сказал Ито,— значит, речь пойдет не о спасении «империи» Фигуранкайнов.

— Спасении? — повторил Пэнки, и в его бесцветных глазах впервые промелькнуло что-то похожее на удивление.— Странно, что вы сочли возможным воспользоваться этим словом, господин Ито.

— Извините меня, Пэнки-сан. Мир бизнеса полон слухов. Не исключено, что мы с Токимура-сан ослышались.

— Я достаточно полно представляю положение дел Фигуранкайна-младшего,— сказал Пэнки. Токимура и Ито согласно закивали головами,— оно никогда не вызывало опасений. Сейчас оно лучше, чем когда-либо. В займе, о котором идет речь, непосредственно заинтересовано объединение частных банков в Швейцарии. Это хорошо вам известный консорциум CFS в Женеве. В качестве ответственного представителя правления я уполномочен подписать соглашение.

— Этих гарантий вполне достаточно,— поклонился Ито,— речь шла о сумме...

— Сумма несколько изменилась, в сторону увеличения,— быстро перебил Пэнки,— теперь она выглядит так...

Он начертил фломастером на чистом листе бумаги цифру со многими нулями. Токимура, бросив на нее быстрый взгляд, удивленно вскинул брови, а Ито воскликнул:

— Но это же невозможно. Это...

— Подумайте,— спокойно сказал Пэнки,— подумайте и взвесьте все. Это консорциум частных банков в Швейцарии. У вас там есть свои филиалы. Подумайте, что принесет операция вашему консорциуму, если... провести ее умно. Я подожду ответа до завтра.

— Хорошо,— объявил Токимура.— Мы обсудим... Завтра в полдень вы получите ответ. Однако сомневаюсь, что сможем удовлетворить ваши пожелания полностью.

— Подумайте и взвесьте все,— повторил Пэнки, извлекая из кармана пузырек с таблетками.

— Теперь самое главное,— начал Ито.

— А вот о нем и поговорим завтра, когда узнаю ваш окончательный ответ,— сказал Пэнки, осторожно отправляя таблетку в рот.

Проводив Пэнки в отведенные ему апартаменты, Ито возвратился в мраморную гостиную. Токимура стоял у окна, глядя на угасающий закат.

— Багровые облака,— сказал он, не оборачиваясь,— к большому ветру...

— Творящие ветер пожинают бурю,— в тон ему отозвался Ито.— Что будем делать, Токимура-сан?

В гостиной наступило долгое молчание.

Нахмурившись, Токимура продолжал глядеть в окно. Ито присел к столу, сплел унизанные перстнями пальцы. Ждал.

— В мою душу все настойчивее стучится ужасное подозрение,— начал, наконец, Токимура,— что у власти в их стране находится правительство, не способное управлять, президент, случайно оказавшийся на своем посту, и администрация, в которой преобладают глупцы и мошенники...

— Следовательно, путь, избранный нами, представляется единственно возможным, Токимура-сан.

— Но это означает, что деньги придется дать,— резюмировал Токимура.— Или вы можете предложить что-либо иное, Ито?

— Нет, пожалуй, нет. Надо только уточнить наши дополнительные условия. И вопрос с нефтью. Они не понимают, что шах в Иране долго не продержится. Мы не раз предупреждали их спецслужбы...

— Они всадили столько денег в шаха, что ни о чем не хотят слышать. Завтра придется прямо сказать об этом Пэнки. Намеков и он не понял...

— Он не захотел сегодня вообще говорить о главном. И вы не стали настаивать, Токимура. Признаюсь, я несколько удивлен...

— Я трезво оценил степень риска, Ито... Мы выигрываем при любом варианте. Десять лет — большой срок. Пока они будут довооружаться и пугать друг друга, мы утвердимся на важнейших мировых рынках, и тогда...

Токимура усмехнулся и умолк.

— А вам не показалось, Токимура-сан, что наш уважаемый гость, при всех его бесспорных достоинствах, связях и возможностях, еще и маньяк? — осторожно поинтересовался Ито.

— Ваша проницательность превосходит прочие ваши деловые качества, дорогой Ито. Не просто маньяк — опасный маньяк. Могу даже добавить: впервые в жизни встречаю маньяка, одержимого несколькими маниями одновременно...

На следующий день мистер Алоиз Пэнки покидал туманный зимний Токио со смешанным чувством удовлетворения и досады. В главном он преуспел — это было бесспорно. Кредиты, предоставляемые японцами, давали не только отсрочку, но и определенные перспективы... Правда, покрывать их придется за счет основных капиталов «V», если предприятие Шарка не начнет приносить прибыль в ближайшие годы.

Пэнки был убежден, что поставил на Шарка правильно, однако неожиданности нельзя сбрасывать со счетов... Тогда потребуется решение самой «Валгаллы». Еще месяц назад он не сомневался бы, что получит согласие, но теперь...

Будучи одним из «приобщенных», он пользовался доверием неограниченным, однако последнее время его все чаще охватывали сомнения. За ним, конечно, тоже следят, это вполне естественно. Но дублировать его операции, а уж тем более действовать вопреки его мнению и решениям — такого прежде не случалось...

Мерно гудят моторы. За окном самолета ночь. Еще одна бессонная старческая ночь. Далеко внизу, под облаками, Тихий океан. Пэнки натянул плед повыше на грудь. «Взять еще таблетку? Зачем?.. Они давно не действуют».

Мысли снова возвратились к минувшему дню. Встреча с бывшими соратниками генерала Исии не принесла ожидаемого результата...

Память отряда № 731, конечно, непопулярна. Многие не прочь похоронить ее... Масакуни рассуждал даже о гуманизме... после того как уничтожил десятки тысяч военнопленных. До чего измельчали люди! Конкретных кандидатов на должность руководителя Биологического центра не смог предложить никто. Теперь надежда только на Найто... Он назвал какого-то профессора Насимуру, которому предстоит покинуть Осакский университет.

«Опять профессор,— Пэнки вздохнул и покачал головой,— не переваривaю профессоров... Такие, как Шарк, редчайшее исключение. Правда, этот Насимура тоже служил у Исии, но недолго... Посмотрим, если Найто не подведет...

Почему все-таки отказались те, на кого можно было рассчитывать? Такие возможности для настоящего ученого!.. Не в щепетильности же дело и не в боязни личной ответственности?.. Все, кто вчера так решительно отклонил предложение, в свое время в отряде Исии занимались исследованиями не менее рискованными и, как сейчас любят выражаться газетчики, тоже антигуманными... Гнусное словоблудие!

Старого кретина Хорнфункеля давно следовало убрать. Люц был прав. Снова Люц!.. Кому он служил в действительности? Я не один раз убеждался в его преданности... Но теперь... Опять кто-то действует за моей спиной? Как тогда в Мексике, как в Касабланке, как только что в Лондоне, черт побери».

Директор лондонского банка, Венус едва ли решился бы на такое сам. Пэнки знал его слишком хорошо. Либо ему приказали, либо... Этот дурень комиссар Бриджмен твердит об инопланетянах... Всеобщий психоз захлестнул и руководство Интерпола. Нет, кто бы ни похитил Венуса, где бы он ни укрывался, его необходимо найти. Исчезновение документов из сейфа лондонского банка может поставить под удар главную операцию...

На другой день после возвращения Цезаря в Канди, за утренним кофе, Райя спросила:

— Кого мы позовем на встречу Нового года, милый?

— Предпочел бы встречать Новый год вдвоем с тобой, мое сокровище... — Цезарь вопросительно взглянул на Райю, она молча улыбалась. — Из друзей выбрал бы одного брата Хионга, а нужен был бы Стив...

— Доктор Хионг едва ли согласится... Он...

— Знаю. Вернусь к нему, как покончу с делами тут и в Лондоне.

— Ты упомянул еще Стива, Цезарь.

— Да... Встреча с ним необходима как можно скорее... Пригласим его разделить с нами новогодний ужин, если ты не возражаешь.

— Нет, разумеется... Но после Нового года у нас должен появиться мистер Феликс Крукс...

— «Парадиз XXI» достаточно велик, чтобы они не встретились. Кроме того, Стив долго не пробудет.

— Надеюсь, твой адвокат тоже?

— Мы потом захватим его с собой в Лондон. Он будет счастлив сэкономить на обратном билете... Решено? Рождественские праздники проведем вдвоем, а на тридцатое декабря приглашу сюда Стива.

Стив в сопровождении Тео появился в «Парадизе XXI» вечером тридцатого декабря. Оставив Тео на попечении Суонга, который встретил их в аэропорту Коломбо, Стив прошел прямо в кабинет Цезаря. Они обнялись, и Цезарь сразу же предупредил:

— Смотри, ни слова Райе о моих приключениях в Бразилии.

Стив подмигнул, усмехнулся:

— Тут у вас тоже приключение. Суонг рассказал по дороге...

— Пытались взломать твой саркофаг, — расстроенно объяснил Цезарь, — на вторую ночь рождественских праздников. Одного парня схватили, передали полиции, а они упустили его...

— Не упустили, а отпустили, — поправил Стив. — Кто-то за него заплатил. Разве не знаешь, как это делается?

— Думал, что они заставят его заговорить...

Стив махнул рукой:

— Это, конечно, проделка Пэнки. Следует ждать повторения...

— Или Крукса... Он сейчас в Сингапуре, в начале января собирается нанести визит сюда.

— Хочешь устроить нам встречу?

— Отнюдь. Ты мне нужен совсем для другого.

— Гм... Надеюсь, не только для украшения новогоднего стола?

— Не только, хотя и для этого тоже.

— Поговорим сейчас?

— О главном можно и сейчас.

— Главное — алмазы?

— Алмазы, лондонское дело, африканский полигон.

— Не много ли на один раз, Цезарь?

— И еще Пэнки...

— Так, может, с него и начнем? Бьюсь об заклад, ты не решился сместить его.

— Нет, и сейчас объясню почему. Еще некоторое время он понадобится. Иначе... все лопнет, как болотный пузырь, а ОТРАГ останется, но уже недоступный для нас с тобой.

— Банкротство? Неужели дело зашло так далеко? Он просто припугнул тебя?

— Нет. Мы говорили почти целую ночь. По-моему, на этот раз он был искренен. Положение сложное... Он полетел в Токио выбивать крупный заем у японцев.

— А где он теперь?

— Из Токио собирался вернуться в Нью-Йорк.

— Свяжись с ним завтра по телефону, Цезарь, — узнай об итогах японских переговоров, поздравь с наступающим Новым годом.

— Хочешь убедиться, что он в Штатах?

— Хочу. Сейчас это важно.

— Хорошо. Теперь послушай, Стив... Алмазы... Не попробовать ли добыть их тем путем, каким ты... перекладывал недавно мои деньги из одного кармана в другой?

— Твои деньги, Цезарь?

— Ну, скажем, капиталы из Лондонского банка в банк Сан-Паулу...

— Ах вот что! — Стив нахмурился. — Ну разумеется, я не сразу понял... Видишь ли, Цезарь, деньги, изъятые из директорского сейфа в Лондоне, не были «твоими», даже не имели отношения к капиталам твоей «империи». Ты не очень внимательно смотрел документы той коричневой папки... Эти мил-

лионы предназначались Вайсту для целей, тебе известных, но... они не проходили через счетные машины лондонского банка. Это из разряда «черных» операций, от которых не остается следов. Люц получил бы их прямо от Хэла Венуса, как и в декабре шестьдесят третьего года, оставил бы расписку — и конец... Какая-то их часть пошла бы на оплату операции «Блюдце», остальное — Вайсту. Ни в расходах, ни в доходах «империи» они не фигурировали бы. Кстати, как Пэнки интерпретировал лондонские события?

— Довольно своеобразно. Сказал, что директор сбежал, прихватив значительную сумму денег и важные документы, Что его ищут... Кажется, он более обеспокоен документами, чем потерей денег.

— Еще бы. Хотя сумма там огромная — более двухсот миллионов.

— Невозможно!

— Абсолютно достоверно. Эти деньги сейчас у Цвикка. Можешь поехать и пересчитать.

— Пэнки ни о чем таком не упоминал.

— Это область, в которую он тебя никогда не посвящал и не посвятит. Тайна абсолютная!.. Нам она приоткрылась случайно, благодаря коричневой папке, для хранения которой директор Венус установил в кабинете особый архихитрый сейф...

— Все-таки мне непонятно, Стив. Венус пользовался полным доверием Пэнки. Почему он сбежал, вместо того, чтобы...

— Бегство — его единственный шанс... Обстоятельства исчезновения документов и денег из его кабинета таковы, что ему никто бы не поверил. Он не мог обратиться в полицию и не мог ничего объяснить Пэнки.

— Вы не оставили никаких следов?

— Думаю, никаких... Судя по сообщениям лондонских газет, Интерпол расследует лишь дело об исчезновении директора Венуса. Лондонский банк не объявил о потерях. Значит, их не было...

Цезарь вздохнул:

— Какая-то бездонная трясина вокруг всего, что оставил мой покойный отец...

— И что так ревниво хранят и продолжают Пэнки и его сообщники. Ты все еще надеешься, Цезарь, что этот человек изменится, изменит свое отношение к тебе... Это — как ждать

от дуба ананасов... Замахнувшись на многое, ты предпочитаешь плыть по течению.

— Ты несправедлив, Стив...

— Более того, ты плывешь на вершине айсберга и не хочешь задуматься о том, что внизу...

— Но разве эти одиннадцать лет мы с тобой не пытались...

— Пытались, увы, совсем по-разному. Ты убеждаешь тех, кто... с тобой согласен, я же стараюсь заставить тех, кто со мной не согласен... В итоге наши усилия нередко направлены в противоположные стороны.

— Теперь это изменится, Стив... Окончательно и бесповоротно. Полигонами буду заниматься только я. Он согласился...

— Согласился! Ничего себе! Ты же глава фирмы. Ты можешь потребовать от него любых объяснений. Ну чего ты боишься, Цезарь! Поезжай в Нью-Йорк, потребуй у него ответов на все вопросы, которые тебя интересуют.

— Нас интересуют...

— В первую очередь тебя, — мне уже многое ясно.

— Что, например?

— Например... Например, что источник денег, на которые мы случайно наткнулись в Лондоне, — секретные фонды одного из частных швейцарских банков. Например, что главный источник финансирования и ОТРАГа, и работ на бразильском полигоне, и, может быть, чего-то еще, о чем мы с тобой пока не догадываемся, — надежно укрытые в конце войны капиталы бывшего фашистского рейха. Эти капиталы вложены во множество прибыльных предприятий разных стран и продолжают приносить немалые доходы. Твоя «империя» и еще целый ряд корпораций — лишь камуфляж для «дельцов» типа Пэнки и тех, кто стоит рядом с ним и над ним.

Они не на виду, но именно они заправляют всем в этом не наилучшем из миров... Вот это и есть истинная мафия мафий, Цезарь... Мафия с большой буквы, практически неуязвимая, потому что держит в руках весь мир так называемого «свободного предпринимательства». Ее «невидимые боссы» стоят над национальными правительствами, определяют политику этих правительств, перетасовывают и меняют правительства. Их неукротимая ненависть ко всему, что возникло после семнадцатого года в России, а после войны — в Восточной Европе

и на Кубе, что нарастает в Африке, именно от их бессилия в тех странах... Более того, в системе социализма они видят единственную реальную угрозу для себя, для своего господства...

Мы с тобой замахнулись на ОТРАГ, но ОТРАГ лишь один из метастазов чудовищной раковой опухоли нашего так называемого «свободного мира». Ее ядовитые нити существуют давно... Именно благодаря им наша страна, Цезарь, объявив войну Гитлеру, продолжала торговать с ним, что в немалой степени оттянуло разгром рейха. Да-да... Во Франции в течение всей войны действовал филиал «Чейз нэшнл бэнк» — через него, например, осуществляло свои финансовые операции германское посольство в Париже... Что там этот банк!.. На оккупированной территории Франции продолжал работать завод Форда. Он производил для гитлеровской армии грузовики и моторы военных самолетов. Генри Форд, оказывается, переводил ежегодно своему кумиру Гитлеру пятьдесят тысяч марок — «подарок» ко дню рождения. «Стандарт ойл оф Нью-Джерси» практически бесперебойно поставляла нефть и нефтепродукты для военных нужд фашизма.

А сейчас? По каким каналам поставляется оружие самым вонючим проамериканским режимам Южной и Центральной Америки? В открытую США почти не поставляют туда вооружений. Иное дело — Израиль!.. «Вашингтон пост» недавно писала, что насыщение Израиля американским оружием с трудом поддается объяснению — Израиль и так уже вооружен до зубов... А ведь ларчик открывается просто. Военная помощь Вашингтона Тель-Авиву превращается в поток оружия с клеймом «Сделано в Израиле». Израильские автоматы, винтовки, даже танки и самолеты непрерывно поступают «американским друзьям» в Латинской Америке, в Африке, в Азии. Парни Люца, Цезарь, тоже были вооружены израильскими автоматами «Узи»...

— Кое-что мне было известно, — пробормотал Цезарь. — Но далеко не все... Материал взрывной, если, конечно, доказуем.

— Еще бы! Это далеко не все... А доказательства — документы... Они теперь у нас... Не случайно несколько финансовых акул покончили с собой после того, как... в их сейфы заглянули «пришельцы», если воспользоваться терминологией Сэмюэла Бриджмена.

— Что же делать дальше? В сущности, твои слова подтверждают, что нас обоих уносит течение...

— Ну, не совсем, просто теперь многое выглядит иначе, чем представлялось вначале. Кое-чего мы все-таки добились. Хотя бы сам «диагноз» и документы, которые хранятся в зоне. Если их в подходящий момент опубликовать...

— В тебе продолжает жить журналист, Стив.

— Вероятно. Поэтому думаю о книге. Книга, которая потрясет до основания мир так называемого «свободного предпринимательства»! В ней будут приведены документы и названы истинные имена, будет анатомирована мафия мафий вместе с ее корнями — военно-промышленным комплексом, неофашизмом и прочим.

— Кто будет это читать?

— Все... Все, для кого дорого будущее детей, внуков, самой Земли, Цезарь. Люди всей планеты.

— Неужели ты полагаешь, что литература может изменить мир?

— Изменять — нет... И в моей книге не будет рецепта, что следует делать. Но она взбудоражит, возбудит, поднимет людей, заставит их самих искать выхода в той борьбе, которой еще только предстоит развернуться...

— О какой борьбе ты говоришь?

— Борьба за то, чтобы человечеству выжить. Победить в ней можно лишь тогда, когда на борьбу поднимутся все. Все человечество, Цезарь. Я только теперь начал понимать...

— Так что останется делать нам?

— Будем продолжать задуманное, пока большинство разумных людей не станут нашими союзниками... или пока мы сами не придем к этому большинству... Если, конечно, дотянем до финала...

— Ты сильно изменился за последние полтора года.

— Изменились мои представления о мире, целях и средствах... Я начал склоняться к мысли, что насилие и жестокость нельзя победить только посредством насилия и жестокости...

— А то, что произошло несколько дней назад в Бразилии?

— Разве это не было неизбежной твердой самообороной? Твердость, Цезарь, не всегда равнозначна насилию.

— Это уже казуистика... Если все рассматривать на фоне глобальных проблем...

— Иначе нельзя... ОТРАГ тоже существует не сам по себе, а как часть глобальной проблемы неофашизма. Разве ты еще не понял?

Наступило долгое молчание.

— Кажется, мы напрасно углубились в мировые проблемы, — заметил Стив, — вернемся к частным задачам.

Цезарь тяжело вздохнул:

— Корабли Линстера должны летать. Для тебя это так же важно, как и для меня, Стив.

— Чтобы приготовить рагу из кроликов, нужна по крайней мере кошка, а у нас и ее нет... Добывать алмазы тем путем, о котором ты упомянул в начале нашего разговора, я не могу, потому что у Тибба не осталось алмазного «горючего»...

— Значит, твои люди, Стив, будут сидеть без дела?

— Ну почему же? У моих людей множество дел... помимо предлагаемой тобой «ревизии» хранилищ и сейфов алмазного синдиката. Кстати, это тоже целое «государство» со своими законами и «армией». Я пока даже не представляю подступов...

Цезарь насупился, заметил совсем тихо:

— Вероятно, я стал переоценивать твои возможности...

— Похоже, — жестко отрезал Стив. — В этих делах без помощи Тибба я и мои люди мало что значим.

— Снимаю свое предложение. Будем добывать алмазы путями более праведными... Теперь последнее, о чем хочу тебя просить, Стив. Я должен посетить Вайста. В «змеиной норе» мне потребуется надежная охрана. Моих балийцев недостаточно...

Стив усмехнулся:

— Это просто... Мы создали небольшой «опорный пункт» в Кисангани, в среднем течении реки Конго, — отделение фирмы «Смит-Цвикк лимитед». Там заправляет некий Гаэтано... Гаэтано Пенья... Он выделит надежных парней.

— Значит, лететь через Кисангани?

— Не обязательно. Люди Гаэтано могут прибыть в Киншасу или... куда ты укажешь.

— А этот «опорный пункт», Стив?... Я не слышал о нем.

— У нас их уже несколько. «Смит-Цвикк лимитед» — тоже не сидят сложа руки... Что касается Кисангани — оттуда ближе всего до «змеиной норы»...

— У тебя есть оттуда что-нибудь новое?

— После посещения Нью-Йорка Вайст начал какое-то строительство. Подробностей пока не знаю. Территория ОТРАГа сейчас охраняется еще тщательнее, чем раньше.

— Тем важнее скорей побывать там.

— Может, и мне с тобой, Цезарь? Инкогнито.

— Нет-нет, не хочу, чтобы ты так рисковал. Полечу один с твоими людьми.

— О делах все?

— Пока, кажется, все... Теперь пойдем к Райе.

Новый, 1974 год они встречали втроем. Стол был накрыт в большом зале «Парадиза». Когда старинные стенные часы начали отбивать полночь, они все трое успели написать и сжечь в пламени свечей свои сокровенные пожелания приходящему году. И подняли бокалы с шампанским за исполнение этих пожеланий.

«Я пью за тебя, Мэй, и за тебя, моя маленькая Инге, — думал Стив, осушая свой бокал. — Пусть безоблачными будут ваши дни в новом году». Он посмотрел на Райю и Цезаря. Они пили шампанское, глядя друг на друга. Стив мысленно усмехнулся: у них все было гораздо проще, чем у него...

На третий день нового года «Парадиз XXI» осчастливил своим появлением новый гость — Феликс Крукс. Он приехал утром в проливной дождь на такси из аэропорта Коломбо. Суонг не подал и виду, что удивился, узнав о столь раннем рейсе. Потом он удивился еще сильнее, выяснив, что с вечера второго января аэропорт Коломбо закрыт и пока не открывался. Но, видимо, мистер Крукс не знал об этом...

Крукс мило болтал за ленчем с Цезарем и Райей, рассказывал о сингапурских новостях. Его радужное настроение немного померкло лишь после того, как он услышал, что Цезарь через четыре дня собирается лететь в Европу и готов захватить его — Феликса Крукса — с собой. Он невнятно пробормотал, что вообще-то располагает временем, однако отказаться от приглашения Цезаря не решился.

К полудню дождь перестал. Сразу после ленча Крукс объявил, что хочет пойти поклониться могиле незабвенного... он запнулся... незабвенного друга Хорхе, который... которого некоторые недоброжелатели пытались отождествлять с журналистом Роулингом, но он-то, Феликс Крукс, всегда решительно восставал против подобной чепухи.

Цезарь сделал вид, что не расслышал сентенции адвоката, поинтересовался только, не хочет ли Феликс, чтобы кто-нибудь сопровождал его к мавзолею. Феликс Крукс прикрыл глаза батистовым платком и простонал, что хочет побыть там один. На том и порешили, и Суонг, выйдя на веранду, объяснил Круксу, как пройти к могиле Эспинозы.

Адвокат отсутствовал довольно долго. Суонг потом рассказал Цезарю, что Феликс Крукс, добравшись до мавзолея, тревожно огляделся по сторонам и потрогал решетчатую дверь — не заперта ли. Дверь заперта не была, потому что Суонг сам снял перед этим замки и цепи. Затем Крукс обошел вокруг мавзолея, окинул оценивающим взглядом стену парка, которая тянулась позади погребального сооружения, и, сорвав несколько цветов на ближайшей клумбе, снова вернулся ко входу в мавзолей. Приоткрыв решетчатую дверь, он осторожно протиснулся внутрь, положил цветы на мраморный саркофаг, стал на колени и низко опустил голову. По-видимому, некоторое время он молился. Потом он, кряхтя, поднялся с колен, еще раз оглянулся и очень внимательно осмотрел саркофаг, надписи, внутренность склепа, даже поскреб ногтем стыки мраморных плит. Покачав головой, он выбрался наружу, притворил решетчатую дверь и в глубокой задумчивости направился через парк обратно к дому.

Два дня прошли спокойно. Крукс, переговорив с Цезарем о делах, проводил время возле открытого бассейна, пока светило солнце, или в зимнем саду, если начинался дождь.

К вечеру третьего дня собралась гроза. Перед заходом солнца тяжелая черно-синяя туча закрыла южную половину неба. Стало сумрачно, тревожно, тихо. Казалось, воздух насыщен электричеством. Над плоскими вершинами дальних гор заполыхали молнии, но грома еще не было слышно.

Крукс вдруг забеспокоился. Несколько раз выходил на открытую южную веранду и тревожно глядел на мрачное, темнеющее небо.

Когда пришло время ужина, зашумел дождь и послышались первые тяжелые раскаты грома. Ужинали вдвоем: Райя передала через горничную, что нездорова и в столовую не спустится. Вопреки обыкновению, Крукс был рассеян и молчалив, ел мало и наотрез отказался от вина. При сильных ударах грома он вздрагивал, тревожно косился на окна.

В самом конце ужина, за кофе, он вдруг спросил, не откладывается ли отлет в Европу.

— Отнюдь,— заверил Цезарь,— выезжаем в аэропорт послезавтра в девять утра.

Около полуночи Крукс с величайшими предосторожностями выбрался из своей комнаты и на цыпочках спустился в холл. Он был в черной нейлоновой пелерине с капюшоном, в руке держал электрический фонарь. Убедившись, что в холле никого нет, он приоткрыл балконную дверь и выглянул в парк. Гроза прошла, молнии полыхали у северного горизонта, откуда временами доносились глухие перекаты грома, однако дождь продолжал шуметь в листве.

Крукс вздохнул и, не включая фонаря, решительно шагнул наружу. У мавзолея его поджидали три темные фигуры. Крукс на мгновение осветил их фонарем и коротко приказал:

— За дело.

Одна за другой фигуры исчезли в склепе. Крукс протиснулся в приоткрытую дверь последним. Здесь он включил фонарь. Сноп яркого света, многократно отразившись от мраморного саркофага и мраморной облицовки стен, осветил внутренность помещения и троих тамилов в мокрых, прилипших к телу рубахах и саронгах.

— Открывайте побыстрей,— распорядился Крукс, стуча зубами.

Тамилы, навалившись, начали сдвигать тяжелую мраморную крышку саркофага. Она поддалась неожиданно легко. С края приоткрылась темная щель, и тотчас все ощутили тошнотворный сладковатый запах.

— Воняет, сэр,— объявил один из тамилов, отшатываясь от саркофага.

— Давай, давай,— понукал Крукс, пятясь к выходу,— быстрее!

Тамилы с сомнением переглянулись, закрывая носы ладонями. Откуда-то издалека донесся бой башенных часов. Они

отбивали полночь. Крукс, сотрясаемый дрожью, невольно считал удары: «Десять, одиннадцать...»

Двенадцатый удар заглушил раскат грома над их головами, и в этот самый момент в чернеющую щель между сдвинутой мраморной плитой и стенкой саркофага просунулось «нечто»... Помертвелому от ужаса Круксу вначале представилось, что это змея. Однако дружный вопль его помощников рассеял сомнения... Толкая друг друга, они ринулись наружу, прижав Крукса к холодной мраморной стене склепа. «Нечто» поднималось все выше, и Крукс явственно различил сухую, мумифицированную руку покойника.

Крукс хотел закричать и не мог — почувствовал, что сердце его проваливается куда-то все ниже и ниже. Резкая боль в нижней части живота заставила согнуться. Он выронил фонарь и, не разгибаясь, нащупывая руками путь, вырвался наружу, оставив на решетчатой двери пелерину и рукав от пиджака. А вслед из мрака мавзолея громоподобно звучал ужасающе знакомый голос:

— Осквернитель праха! Проклятие тебе навеки!..

Тут ноги Крукса подкосились, и он со стоном рухнул в лужу на краю гравийной дорожки. Тотчас возле него опустились на колени две фигуры в белых накидках с капюшонами.

— Жив?

Суонг отбросил на спину капюшон и склонился к груди лежащего.

— Жив... В обмороке и...— Суонг принюхался и покачал головой.

— Это ничего,— Тео тоже отбросил назад капюшон,— хороший знак. Мог и совсем от испуга...

К ним неторопливо приблизилась третья фигура в белом.

— Что там?

— В порядке,— усмехнулся Тео.— Больше не станет заглядывать в чужие могилы.

— Обошлось без инфаркта?

— Без... Денек полежит и встанет.

Стив приподнял обеими руками капюшон, пригладил волосы.

— Вторая часть спектакля отменяется. Несите его в постель. А то еще простудится...

— Сначала в ванну,— сказал Суонг.— Потом приведу в чувство.

— Да... Многих... В моем представлении, сэр, все люди делятся на две категории — пойманные с поличным и те, кого еще не поймали.

Цезарь снова не смог удержать улыбки:

— Интересно, к какой категории вы относите меня, мистер Бриджмен.

— Мы с вами, сэр, входим в немногочисленную межкатегорийную прослойку. Наши «внеземные» интересы гарантируют нам алиби в любом из земных дел... Я читал ваши статьи о палеоконтактах и комментарий к сакральным тибетским текстам добуддийской религии «бон». Вы тоже верите в «инопланетных братьев», в «космическую эстафету разума», в могучих «друзей доброты и добродетели», которые появлялись на Земле в незапамятные времена...

Расставшись с Бриджменом, Цезарь задумался: «Ясно, что Стив и Тибб изрядно "наследили" и тут, в Лондоне, и, вероятно, в иных местах. Что известно Бриджмену? Он, конечно, приоткрыл далеко не все карты... Упоминание о "земных базах" и "земных сообщниках" могло быть намеком. Надо быстрее предупредить Тибба Линстера».

Погруженный в размышления, Цезарь покинул массивное серое здание банка на Кэннон-стрит и в сопровождении Суонга поехал в картинную галерею Тейт, где его ждала Райя.

Узнав, что Феликс Крукс возвратился в Нью-Йорк, Пэнки приказал секретарю немедленно соединить его с адвокатом. Однако в конторе — на тридцать восьмом этаже башни Эмпайра — Крукса не оказалось.

— Господин Крукс болен, находится у себя дома,— доложил через минуту секретарь.

— Так позвоните домой.

— Домашний телефон не отвечает.

— Звоните, черт побери, пока кто-нибудь не поднимет трубку.

Лишь спустя час яйцеголовый секретарь сообщил, что Крукс у телефона.

Пэнки схватил трубку:

— Феликс?

— Эт-то я...— послышалось в ответ.

— С благополучным возвращением. Какие новости?

— Я б-болен.

— Что-нибудь серьезное? Почему заикаетесь?

— Н-ничего особенного. Н-нервное.
— Тогда приезжайте, нам надо поговорить.
— С-сейчас никак не м-могу.
— Хотите, приеду к вам?
— Н-не хочу...

Пэнки в недоумении опустил трубку: «С Феликсом определенно что-то случилось. Он никогда не вел себя так».

В трубке послышался шелест, Пэнки снова приблизил ее к уху. С трудом разбирал бормотание Крукса:

— В-вы не с-сердитесь, Алоиз. Д-доктор сказал: п-полный покой д-ва-три д-дня.

— Сделаем так, — решил Пэнки, — сегодня четверг, встретимся в воскресенье. Сможете — приезжайте ко мне, или я навещу вас дома.

— К-куда к вам? — простонала трубка.
— Тоже домой. Живу в Квинсе, на берегу океана.
— З-знаю...
— Значит, у меня. Когда вас ждать?
— В в-воскресенье? П-попозже...
— Договорились! В воскресенье, в четыре после полудня. Поправляйтесь, Феликс.

Пэнки швырнул трубку на аппарат и потянулся за лекарством. «Крукс тоже сдает... Впрочем, понятно, лет ему ненамного меньше, чем мне. Напрасно уговорил его ехать. Ничего он, конечно, не сделал... Всем, ну абсолютно всем надо заниматься самому».

В воскресенье после полудня мистер Алоиз Пэнки прохаживался в палисаднике перед своим домом, когда за решетчатой оградой затормозила машина Крукса. Шаркая по гравию, Пэнки направился к калитке. Крукс уже вылезал из машины. Вид адвоката поразил Пэнки. Крукс сильно похудел, кожа на лице имела нездоровый землисто-серый оттенок, щеки обвисли. Он опирался на палку и едва ответил на рукопожатие. Глаза его тревожно бегали по сторонам; он избегал встречаться взглядом с Пэнки. От подвижного розовощекого сангвиника-толстяка Феликса ничего не осталось.

Войдя в палисадник, он остановился, поджидая, пока Пэнки закроет калитку. Ни яркая зелень газонов, ни куртины зимних цветов и вечнозеленых кустарников, ни сам коттедж, напоминающий старинный замок, с узкими окнами-бойницами

— Там надо убрать «механику», — Стив кивнул на мавзолей, — вдруг он завтра захочет проверить...

— Уберу и «механику», и кошку. А он, — Тео указал на неподвижное тело Крукса, — и за все сокровища Востока не придет сюда больше.

— Как он? — поинтересовался Цезарь, выслушав рассказ Суонга о событиях минувшей ночи.

— Лежит, молчит... Пульс — сто двадцать, лихорадка, аритмия.

— Лететь завтра сможет?

— Думаю, да.

— Говорил что-нибудь?

— Спросил только, что с ним было.

— Ну и?..

— Я объяснил, как договорились. В парк ночью проникли воры, на которых он наткнулся. Его сильно испугали и оглушили.

— А он что?

— Пробормотал, что вышел подышать свежим воздухом. Увидел подозрительных людей. Больше ничего не помнит.

— Его помощников отпустили?

— Не стали задерживать. Это местные. Их рассказ отобьет охоту заглядывать в «Парадиз». Ночью благодаря мистеру... Смиту родилась новая легенда Шри-Ланки.

— Он улетел?

— Ночным сиднейским рейсом. Вместе с Тео.

— Завтра полетим и мы с госпожой.

— У меня все готово, — заверил Суонг.

Первая новость, которую Цезарь узнал, прилетев в Лондон, касалась Хэла Венуса. Исчезнувший директор лондонского банка «империи» был найден повешенным под одним из лондонских мостов.

Цезарь позвонил в Скотланд-ярд. Оказалось, что следствие вел Интерпол, причем лично вице-директор Сэмюэл Бриджмен. Он сейчас в Лондоне, и если господин Фигуранкайн пожелает... Цезарь пожелал, и через день они с Бриджменом встретились в директорском кабинете банка на Кэннон-стрит.

Бриджмен оказался сравнительно молодым человеком среднего роста, с хорошей спортивной фигурой, тонкими чертами

интеллигентного лица и внимательным взглядом чуть прищуренных карих глаз. Он кратко проинформировал Цезаря, что версия похищения не подтвердилась. Бывший директор просто сбежал.

— Мои люди обнаружили его в Венеции, где он укрывался в одном подленьком отеле, — пояснил Бриджмен. — Его не стали сразу брать: при нем явно ничего не было. А со слов господина Пэнки было известно, что из банка исчезли важные документы и некоторая сумма денег.

— Господин Пэнки не назвал вам ее?

— Нет, сказал, что необходима тщательная ревизия. Теперь она, вероятно, закончена?

— Да.

— Что выяснилось?

— Венус не забрал из банка ни цента.

— Я так и предполагал, — кивнул Бриджмен.

— И что было дальше?

— Венус укрывался, мои люди выжидали, но на его след вышел кто-то еще... Его спугнули. На какое-то время мы потеряли его из вида. Он тем временем возвратился в Лондон и... повесился под мостом Ватерлоо.

— Повесился или это убийство?

— Более вероятно самоубийство. Следов насилия не обнаружено, но следствие продолжается. Теперь ищем тех, кто спугнул его в Венеции.

— С ними может быть связано что-то важное?

— Не исключено. В последние месяцы много необъяснимых событий странно совпадает с сообщениями о появлении каких-то загадочных летательных аппаратов. Это не просто случайные совпадения. Поверьте чутью полицейского, сэр.

— Инопланетяне? — улыбнулся Цезарь.

— Иронизируете? А я не исключаю даже этого. Впрочем, инопланетяне они или нет, у них обязательно должны быть земные базы и вполне земные сообщники. Непосредственно перед исчезновением Венуса в Лондоне ограблены два банка, а может быть, три...

— Не улавливаю связи, — пожал плечами Цезарь.

— Именно тогда по ночам над Лондоном появлялись эти аппараты. Это данные радарных станций.

— Вы подозреваете кого-нибудь?

и готическими башенками на высокой крыше, не привлекли его внимания.

— Там за домом у меня еще сад и причал на берегу, — сказал Пэнки, справившись наконец с замком калитки, — и еще, — он старчески пожевал бледными губами, — и еще кое-что...

Крукс кивнул равнодушно.

Они прошли в дом. В большом мрачноватом холле, украшенном рыцарскими доспехами и старинным оружием, молчаливый широкоплечий атлет с бесцветными волосами помог Круксу раздеться. Потом, когда они с Пэнки устроились в креслах у горящего камина в кабинете, другой атлет — бритоголовый — принес поднос с кофе, фруктами и бутылкой французского коньяка. Поставив поднос на низкий мраморный столик, он молча удалился.

Пэнки откинулся в кресле и, протянув худые ноги в меховых домашних туфлях к каминной решетке, прикрыл глаза.

— Люблю огонь настоящего камина, особенно зимой, — сказал он со вздохом, — никакая электроника не заменит тепла и аромата горящих дубовых поленьев.

Крукс не ответил. Пэнки глянул на него из-под полуопущенных век. Взгляд адвоката тревожно бегал по кабинету. От внимания Пэнки не укрылось, что Феликс вздрогнул, заметив фигуру рыцаря в полном боевом облачении, которая поблескивала в полумраке между книжными шкафами.

— Ну расскажите же, Феликс, о вашей поездке, — сказал Пэнки, выпрямляясь и протягивая руку к бутылке с коньяком. — Как там Цезарь и прекрасная Райя, что у них нового, кого еще вам удалось повидать?

— Нет-нет, мне не н-наливайте, — Крукс прикрыл рюмку дрожащей рукой. — Мне теперь н-нельзя...

— Побойтесь бога, Феликс, это французский коньяк экстра-класса. Вы такой не часто пробовали. Уберите руку.

Не обращая внимания на вялое сопротивление Крукса, Пэнки налил коньяк в обе рюмки.

— Такой коньяк никогда и никому не противопоказан, — продолжал он. — Подогрейте рюмку в ладони, Феликс, и выпьем за ваше здоровье. Ну, а теперь рассказывайте.

— Как мы уговорились, я п-побывал в Сингапуре, потом в Рангуне и н-на Цейлоне. Сначала в К-Коломбо, потом в К-Канди у Цезаря.

— Ну и?..

— Понимаете, Алоиз... В Сингапуре я н-ничего не добился. Там они п-передрались и сейчас сидят тихо. К-кажется, клан Ангбинхоай понес большие потери. Говорят, что звезды перестали б-благоприятствовать им...

— Слышал такое и в Японии... — кивнул Пэнки.

— Им д-действительно не везет последнее время, — продолжал Крукс. — Совсем н-недавно, когда я был в Сингапуре, п-полиция накрыла ночью на кладбище человек двести во время посвящения в члены мафии. Это случилось километрах в сорока от города Жонхор-Бару на юге Малайзии. Они там пили к-кровь петуха, клялись в верности своим боссам... Среди арестованных было человек с-сорок сингапурцев, в том числе те, с кем мне предстояло встретиться. Если «империя» по-прежнему заинтересована в крупных партиях наркотиков, Алоиз...

— Не только «империя», но и вы, милейший, как один из наших видных акционеров, — резко заметил Пэнки.

— Если «империя» по-прежнему заинтересована, — повысил голос Крукс, — я бы рекомендовал прекратить п-попытки монополизировать скупку в «золотом треугольнике». Интерпол вплотную занялся в-всем районом на стыке границ Таиланда, Бирмы и Лаоса. Производство опиума там сворачивается. Сейчас более п-перспективен район «золотого полумесяца» на северо-западе Пакистана, а еще — Колумбия...

— Мы думаем об этом, — заметил Пэнки. — Цены на героин растут; если действовать умно, это неиссякаемая золотая жила... А все потуги Интерпола — не более чем попытка тушить огромный лесной пожар ручными огнетушителями.

— Н-ну, в Юго-Восточной Азии сейчас это в-выглядит несколько иначе, — возразил Крукс.

— Там «черные боссы» в чем-то ошиблись, Феликс.

— Или кто-то основательно п-помог полиции, Алоиз.

Пэнки махнул рукой:

— Оставим сингапурские дела. Что слышно у Цезаря?

Крукс вздрогнул и отвел глаза.

— Там в-все в порядке, пока...

— Сколько времени вы у него пробыли?

— Ч-четыре дня.

— Значит, в главном вы не преуспели?

— В-в главном?

— Вы же поняли!

Землистые щеки Крукса порозовели.

— П-п-послушайте, Алоиз,— начал он дрожащим голосом,— оставим эту тему раз и навсегда... П-поймите теперь м-меня. Навсегда! Этот человек, кем бы он ни был, м-мертв... М-мертв...

— Здесь очень хорошая звукоизоляция,— спокойно заметил Пэнки,— и все-таки попрошу не кричать. Объясните, в чем дело.

— М-мертв,— повторил Крукс совсем тихо.— Это так же очевидно, как и то, что я в-вижу вас сейчас живым. И оставим его п-прах в п-покое.

— Вашим людям удалось открыть гроб? — помолчав, спросил Пэнки.

Крукс вздрогнул и молча кивнул.

— И в гробу находилось именно его тело?.. Вы опознали?

Крукс застучал зубами и весь затрясся. Он трясся каждым мускулом по отдельности, и у Пэнки мелькнула странная мысль, что Феликс может рассыпаться.

— Ну-ну, успокойтесь,— Пэнки плеснул коньяка в его рюмку,— вот выпейте, ну же!

Он почти силой заставил Крукса проглотить коньяк.

— Что это с вами, Феликс? Вам действительно надо лечиться.

— Да,— пробормотал Крукс, вытирая ладонью со лба обильно выступивший пот.— Через н-неделю уеду в Швейцарию. В санаторий.

Наступило долгое молчание.

— Может быть, выйдем, пройдемся немного,— предложил Пэнки.— Подышим ветром, и покажу вам мой сад.

Крукс молча поднялся, опираясь на палку.

Они прошли в холл, и бритоголовый помог им одеться. Потом он молча распахнул парадную дверь. Они вышли наружу и, обогнув коттедж по гравийной дорожке, очутились в большом саду. Сквозь сплетения голых ветвей просвечивало темнеющее вечернее небо. С востока из-за деревьев доносился глухой гул прибоя. Над океаном темнели гряды облаков. Их вершины еще были окрашены в алые тона заходящим солнцем.

— Пройдем туда.— Пэнки махнул рукой в глубь сада.

Шли медленно. Молчали. Крукс часто останавливался перевести дыхание.

— Тут у меня кладбище,— сказал вдруг Пэнки, мельком взглянув на своего спутника. Крукс замер на месте:

— К-какое еще к-кладбище?

— Не пугайтесь. Политическое... Идемте покажу. Да не упирайтесь вы, Феликс.

Они вышли на открытое пространство, окруженное темными свечами кипарисов. Крукс снова остановился.

Белые мраморные кресты, ряды каменных надгробий, между ними посыпанные красноватым гравием дорожки.

Пэнки взял Крукса под руку, подвел к первому ряду могил. Указал на надписи.

— Читайте!

На гранитной плите темнела надпись крупными буквами. «Восточная Германия» и дата «1945 год», на соседней плите — «Польша», потом «Венгрия», «Чехия», «Словакия», «Румыния»...

— Там дальше — «Китай», потом «Северная Корея».— Пэнки водил по воздуху рукой, затянутой в коричневую перчатку.— Эта белая сломанная колонна в центре — «Россия». Она была первой — пятьдесят восемь лет назад. А вон там — «Куба» — последняя пока... Вы не удивляйтесь, Феликс, мое хобби... Хороню то, что уничтожил мировой коммунизм.

— А это з-зачем? — Крукс указал на яму, напоминающую небольшую свежеотрытую могилу.— Для кого?

По бледным губам Пэнки скользнула усмешка.

— Здесь произошло чудо воскрешения, Феликс, Тут была могила Чили.

— Н-надо ее зарыть тогда.

— Да-да, конечно, но там... еще не все утвердилось. Подождем немного...

— А в действительности п-под этими н-надгробиями... ничего нет? — помолчав, спросил Крукс.

Пэнки пожевал губами:

— Почему нет... Символы... Под этим камнем — высшие ордена рейха; тут,— он указал на одно из надгробий,— мы закопали моего любимого пса, вон там спит вечным сном кот моей экономки — его как раз тогда раздавило машиной... Ну и так далее...

— Не п-предполагал,— сказал Крукс,— просто не мог бы п-предположить такое,— он покачал головой.— Это ваше к-кладбище, наверно, единственное на Земле...

— М-да, вероятно. — Пэнки приподнял воротник пальто. — Идемте, однако, становится холодно.

Они направились к дому.

— Поздно уже. Я, п-пожалуй, поеду. — Крукс остановился и первый раз глянул прямо в глаза Пэнки.

— Оставайтесь ужинать.

— Нет, п-поеду, Алоиз.

— Ну, поезжайте... Только, Феликс, все-таки последний вопрос. Вы мне так и не ответили тогда... Вы действительно... опознали его?

Лицо Крукса словно окаменело. Потом губы его задрожали, и он резко повернулся, чтобы уйти.

Пэнки успел поймать его за рукав:

— Подождите, куда же вы?

Крукс с неожиданной силой вырвал руку:

— Не п-прикасайтесь ко мне. Вы — дьявол! Истинный дьявол в человеческом облике. Б-будьте вы прокляты! П-прокляты, черт вас п-побери!

Он торопливо заковылял по дорожке. Потом вдруг остановился и оглянулся. Пэнки направился к нему и вдруг увидел, что лицо Крукса залито слезами. Они в два ручья бежали по бледным щекам, и он слизывал их с губ кончиком языка.

— Феликс... — начал Пэнки.

— Будьте п-прокляты, — повторил Крукс, всхлипывая, — и я теперь... проклят... Да, да и да... Я опознал его, опознал...

Он опять побежал, припадая на одну ногу, и исчез за углом коттеджа. Резко хлопнула калитка, послышался шорох отъезжающей машины.

Пэнки не пошел домой. Некоторое время он в глубокой задумчивости бродил в темноте по дорожкам своего сада. Странные мысли возникали в глубинах памяти. Давно прожитое и давно похороненное... Всю жизнь один... Всю долгую жизнь... И вот теперь даже Феликс, с которым их связывала не дружба, нет, но многие годы совместных усилий... Можно считать, что Феликс выбыл навсегда. Если даже он возвратится из Швейцарии, они не встретятся больше... Нет... Никогда не встретятся.

Уже направляясь к дому, Пэнки вдруг вспомнил последние слова Крукса. Значит, опасения были напрасными. Тот человек больше не помешает. Это укрепляло надежду на полную власть над Цезарем...

Он покачал головой. Странно, даже эта мысль сейчас не приносила облегчения.

В холле, вопреки обыкновению, никого не было. Пэнки хотел позвонить, но раздумал. Сам разделся и, положив пальто, шарф и шляпу в одно из кресел, прошел к себе в кабинет.

Камин догорал. Багровые отсветы тлеющих углей отражались в рыцарских доспехах и стеклах книжных шкафов.

Пэнки протянул руку, чтобы включить люстру под потолком, и замер. В кабинете кто-то был. Чья-то голова торчала над спинкой кресла, придвинутого к камину.

— Кто здесь? — резко спросил Пэнки, отступая к двери.

— Ах это вы, — послышался странно знакомый голос. — Признаться, заждался. Нет-нет, не включайте, так гораздо уютнее.

Человек в кресле повернулся, угли в камине вспыхнули, и Пэнки узнал гостя.

— Вы? — произнес он с удивлением. — Но как вы оказались тут и почему не предупредили, господин...

— Нет-нет, не называйте меня, — быстро перебил гость. — Побеседуем безыменно. Тем более что за этой дубовой обшивкой стен... Ну, вы поняли... Моя обязанность — быть подозрительным... А что касается ваших вопросов — меня провел сюда ваш «ангел-хранитель», который знает меня так же хорошо, как и вы. Он даже сказал, что вы гуляете в саду с вашим другом. А не известил о приезде я лишь потому, что хотел сделать вам сюрприз. Вы ведь довольны, не так ли?

— Я польщен, ваше превосходительство.

— Ну к чему это... Я же просил... Если вам предпочтительна какая-то форма обращения, можете называть меня... например, Рунге... Да вы присаживайтесь, пожалуйста, что же вы стоите в своем собственном кабинете.

— С вашего разрешения, я все-таки включу один из торшеров, — сказал Пэнки, — не люблю темноты, а камин угасает.

Он щелкнул выключателем. Засветился торшер в дальнем углу кабинета. Пэнки прошел к камину, сел в свободное кресло напротив гостя. Тот отодвинулся немного вместе с креслом. Надел очки. Лицо его оставалось в тени. Только большие дымчатые стекла поблескивали под высоким лбом.

Пэнки молча ждал, устремив на гостя свой немигающий взгляд.

— Знаете, а вы ведь постарели, — сказал вдруг тот. — Заботы — они иссушают и тело, и ум.

— Чего не скажешь о вас, — заметил Пэнки, не отводя взгляда от лица гостя. — Словно мы никогда и не учились вместе... Я где-то читал, что человек начинает стареть с тридцатилетнего возраста. После тридцати мозг постепенно атрофируется — каждые сутки теряется несколько тысяч нейронов. Поэтому с возрастом ослабевает память... Я, например, никак не могу вспомнить, когда мы с вами...

— С возрастом наша память становится активной, — снова перебил гость. — Она все более попадает под контроль сознания. Хранит лишь то, что необходимо. У молодых там, — он постучал себя согнутым пальцем по виску, — слишком много бесполезной информации. Поэтому нам с вами следует отключить все простейшие поверхностные связи и сосредоточиться на самых скрытых и глубинных. И тогда...

Он устремил на Пэнки пристальный взгляд поверх очков.

— Что же тогда?

— Тогда мы не будем совершать роковых ошибок или хотя бы сведем их к минимуму.

— Роковые ошибки начинаются там, где теряется чувство меры в контроле, — резко возразил Пэнки, — где контроль превращается в самоцель, в панацею, где лица, казалось, облаченные высшим доверием, вынуждены быть постоянно начеку, чтобы их планов и операций не нарушил... контроль.

— Система придумана не нами, и не только это...

Пэнки яростно ударил высохшей рукой по кожаной обивке кресла:

— А кем доведена до абсурда? Я давно хочу спросить... Значит, ваши люди орудовали в Касабланке? И теперь на бразильском полигоне... Для кого работал Люц? Почему мне ничего не было известно, хотя полигон, и Линстер, и все остальное там — моя епархия. Значит, вам я обязан... идиотским провалом операции...

— Не надо горячиться, — спокойно заметил гость. — К событиям на бразильском полигоне я лично не имел отношения, хотя прибыл к вам именно затем, чтобы уточнить кое-что в связи с этим прискорбным случаем. Касабланка — да... Но ведь тогда все задумано было иначе. Нам пришлось действовать, потому что ваши люди опоздали. Не так ли?

— Вам не кажется, что там вы перемудрили?

— Может быть... Впрочем, сначала мне представлялось, что та операция удалась...

— Она и удалась...

— Если бы... Сильно сомневаюсь...

Пэнки усмехнулся:

— Могу рассеять ваши сомнения. Как раз сегодня я получил подтверждение, что в Касабланке... не было блефа.

— Значит, и вы сомневались?

— Сомневался до сегодняшнего дня.

Гость покачал головой:

— Может быть, мы недооцениваем противника?.. Когда возникло подозрение, что Роулинг-Эспиноза не то, за что себя выдает, я взял его под постоянный контроль. Его близость к младшему Фигуранкайну затрудняла задачу. В конце концов мы нашли способ подбросить ему нечто такое, с чем он легко не расстался бы и с чем вообще расстаться трудно...

— Что это было? — нахмурился Пэнки.

— Несколько старинных золотых безделушек, взятых из одного известного собрания. В них подмонтировали кое-что... Он клюнул на приманку. Но дальше поступил иначе, чем мы предполагали. Он оставил эти вещицы на хранение в вашем лондонском банке. Мы опять потеряли его из вида, пока... не настигли в Касабланке... После этого наш «подарок» должен был бы до скончания века оставаться на Кэннон-стрит. Там он и лежал в секторе частных сейфов до начала декабря — почти полтора года. И вдруг неожиданно и довольно быстро «перепрыгнул» в Бразилию — на бразильский полигон.

— И что, по-вашему, это должно означать? — спросил Пэнки, извлекая из кармана коробочку с таблетками.

— Только одно: арендатор сейфа или его доверенное лицо в начале декабря появлялись на Кэннон-стрит, и директор Венус вернул депозит.

— Но это легко проверить. — Пэнки вытряхнул одну таблетку на ладонь и сунул под язык.

— Если бы директор Венус был жив... Вторые ключи от частных сейфов хранились у него... Там, в банке, работает один человек... Ну, вы понимаете... Он в курсе дела: сейчас оба ключа от этого сейфа на месте, сейф пуст. Содержимое изъято между первым четвергом и вторым воскресеньем декабря.

— Перед исчезновением Венуса?

— Да.

— А сам он не мог?

— Зачем? И потом — у него не было второго ключа.

— Задали вы мне снова загадку, — пробормотал Пэнки. — Только что избавился — и на тебе, опять... — Он закашлял, прижимая ладони к впалой груди.

— Вы, конечно, понимаете, что теперь мне придется вплотную заняться бразильским полигоном, — сказал гость. — Последнее время там происходят странные вещи.

— Принимаю к сведению. — Пэнки снова закашлялся. — Поскольку мое согласие вам не требуется...

— Но я хочу, чтобы вы оценили мою лояльность и... не вздумали мне мешать.

— Там, вероятно, есть ваши люди.

— Мои люди есть повсюду. Тем не менее, о том, что произошло на бразильском полигоне, я хотел бы услышать от вас лично.

— Мне известно только, что Люц повел себя там как ординарный террорист; захватил самолет, заложников, кого-то расстрелял. Сотрудники полигона уничтожили его отряд. Я на их месте поступил бы так же.

— Он пытался оттуда связаться с вами?

— Пытался. Я тогда был в Лондоне. Через секретаря я подтвердил свое приказание. Но у него были еще иные инструкции.

— Были. Он выполнил бы их, если бы не встретил сопротивления.

— Так на что рассчитывали организаторы этой авантюры, не поставив меня о ней в известность? Что там — спортивный лагерь для малолетних? Или пансион для несовершеннолетних девиц?

— А от вас не поступало указаний сопротивляться?

Пэнки развел руками:

— Но это же глупо! Я послал его туда, я... И если бы никто не вмешивался... Нет, я считаю продолжение разговора бессмысленным, генерал.

Он сделал движение, чтобы встать.

— Не торопитесь, — быстро сказал гость, — и не надо волноваться. В нашем возрасте это вредно. У меня к вам еще один, последний вопрос: что, по-вашему, могло случиться с деньгами, которые я лично передал директору Венусу в начале декабря? О них знали вы, я и директор Венус.

— Переадресую этот вопрос вам...

Гость молча поднял левую руку. На безымянном пальце сверкнул перстень с большим черным камнем. Пэнки прикрыл глаза:

— Формальное следствие?

— Нет-нет,— заверил гость,— всего лишь любопытство, которое... должно быть удовлетворено.

— Полагал, что деньги украл Венус...

— Полагали? А теперь?

Тяжкий вздох вырвался из впалой груди Пэнки.

— Вам известно, что японцы предоставляют большой заем?

— Да. Но это не снимает моего вопроса.

— Теперь не знаю... Если Венус побывал в ваших руках и вы не вырвали признания...

— К сожалению, не успели. Он предпочел уйти сам.

— Все-таки сам?

— Да. Нам помешал Интерпол — люди Бриджмена.

— Забавно получается, Рунге. Вам помешал Бриджмен, мне...

Гость предостерегающе поднял руку. Пэнки покачал головой:

— Не буду называть других имен. До сих пор точно не знаю, на кого работал Люц. Подумайте, Рунге, мы все связаны общностью судьбы, замыслов, тайн; мы без конца планируем, контролируем, готовимся. Воскресили ритуалы, которые должны были бы облегчить выполнение нелегких задач и функций, а на деле взаимная подозрительность, соперничество, зависть перечеркивают многие наши начинания. Мы возвели здание, которое грозит похоронить нас же под развалинами.

— Кое в чем вы, вероятно, правы,— помолчав, согласился гость,— и все-таки главное не в этом. Внутри нашего сообщества появился враг — коварный и опасный. Он играет на наших слабостях.

— Агенты Москвы?

— Возможно...

— А вот Бриджмен винит инопланетян...

— Кто бы ни был, надо их найти и обезвредить... Это первоочередная задача всех нас. Кстати, чуть не забыл... Вы недавно ходатайствовали о приобщении Цезаря Фигуранкайна-младшего к рыцарской ложе «V». Пока ваше ходатайство отклонено. Придется подождать. Возникли сомнения...

— Какие именно, вам неизвестно?

— Представьте, друг мой, пока — нет... Но, отключив все простейшие поверхностные связи и сосредоточившись на самых скрытых и глубинных, надеюсь добраться до сути... Тогда поставлю вас в известность. А сейчас — позвольте проститься.

— Может быть, останетесь ужинать... Рунге?

— Я никогда не ужинаю. Помните восточную мудрость? Ужин — врагу. Вот так... Прощайте, друг мой, точнее — до свидания.

Инге терпеливо ждала. Вестей от Стива все не было. Уже четвертый месяц она в Гвадалахаре. Шейкуна привез ее в виллу «Лас Флорес» поздним дождливым вечером. Дверь отворила пожилая женщина в длинном черном платье, невысокая, худощавая, с очень резкими чертами смуглого лица и гладко зачесанными седыми волосами. Инге подумала, что это сеньора Мариана, и действительно Шейкуна назвал ее так, представляя Инге. Затем он вручил записку Стива и добавил, что сеньорину прислал хозяин. Седая женщина молча взяла записку, чуть заметно кивнула Инге и, даже не глянув в записку, негромко позвала:

— Мариэля!

Откуда-то появилась еще одна женщина, тоже в темном, молодая и — как сразу оценила Инге — очень красивая.

Мариана велела провести сеньорину в комнаты для гостей. Мариэля кивнула Инге, но, как и Мариана, «не заметила» протянутой ей руки и молча повела Инге наверх.

В коридоре второго этажа она распахнула одну из дверей, включила свет, и Инге увидела небольшую, очень уютную комнатку с голубыми стенами, голубой обивкой мебели и голубыми шторами, заслонявшими окна и дверь на балкон.

— Гардероб в комнате направо,— сказала по-английски Мариэля,— ванная — налево. Где сеньорина пожелает ужинать?

Инге про себя отметила, что голос у Мариэли, несмотря на подчеркнутую сухость тона, очень приятный.

— Спасибо,— ответила Инге, переступая порог.— Я не хочу ужинать. Говорите по-испански,— добавила она,— я понимаю...

— Значит, принесу ужин сюда,— резюмировала Мариэля, переходя на испанский, и вышла, притворив за собой дверь раньше, чем Инге успела возразить.

Так началась ее жизнь в доме Стива. Первое время Инге, еще не окрепшая после болезни и операции, спускалась вниз лишь к обеду да изредка выходила в сад, если проглядывало солнце. Завтрак и ужин Мариэля приносила ей наверх. Обедала Инге вначале тоже в одиночестве в большой столовой первого этажа, отделанной темным дубом. Одну из стен тут занимал бар со множеством бутылок, графинов, фужеров и рюмок. Некоторые бутылки были неполными, и за десертом Инге представляла себе, как Стив орудовал у бара в такие же туманные дни и в долгие вечера, составляя замысловатые коктейли... Сама она решительно отказывалась и от коктейлей, и от терпкого мексиканского вина, стараясь соблюдать диету, о которой твердили врачи в лондонской клинике. Впрочем, обедать в одиночестве в большой столовой Инге вскоре перестала. Узнав, что остальные обитатели «Лас Флорес» в это самое время обедают в кухне, Инге захватила тарелочку с недоеденным куриным паштетом, спустилась в кухню и, пожелав всем приятного аппетита, устроилась на свободном стуле возле кухонного стола, накрытого пестрой домотканой скатертью. Мариана и Мариэля не выразили удивления и не стали возражать, а старый Пако одобрительно крякнул в седые усы. С того дня они всегда обедали вместе, а потом, когда Инге совсем окрепла, стали вместе завтракать и ужинать. Тем не менее, несмотря на попытки Инге сблизиться с ними, они продолжали оставаться на разных полюсах. На одном была Инге с ее одиночеством и тоской, которую пыталась скрыть даже от себя, на другом они все — и Мариана, и Мариэля, и Пако... У них был свой особый мир с их делами и заботами, куда они не допускали Инге. А ее собственный мир, в котором она чувствовала себя такой потерянной, вовсе не интересовал их.

В конце января потеплело. Туманов стало меньше, чаще светило солнце. В саду виллы «Лас Флорес» запестрели первые весенние цветы. Пако, насвистывая, подрезал вечнозеленые кустарники вдоль аллеек. Инге в теплом мохнатом свитере устраивалась где-нибудь поблизости, подолгу следила, как ловко он орудует большими садовыми ножницами. Когда она принималась расспрашивать его о цветах и деревьях, он отвечал охотно и обстоятельно. По его словам, в саду собраны редчайшие представители тропической флоры со всех континентов Земли. Он с удовольствием произносил звучные латинские названия редких растений, которые Инге слышала впервые.

— Хороший сад, хороший, — любил повторять Пако, — но труда требует, большого труда... Помру — быстро захиреет... Кто станет этим заниматься...

По субботам Мариана и Мариэля уходили в собор, который был где-то поблизости. Как-то в феврале Инге сказала, что хотела бы пойти в собор вместе с ними.

Мариана, по обыкновению, промолчала, а Мариэля холодно предупредила, что собор католический.

— Я тоже католичка, — заверила Инге.

В следующую субботу Пако отвез их — всех троих — в собор на машине, а по окончании службы приехал за ними. Собор находился в пяти минутах езды от «Лас Флорес». Это было совсем новое светлое здание в стиле модерн. Привычные колонны внутри отсутствовали. Куполообразный свод был подвешен на цепях к сложной железобетонной конструкции, похожей на портальные краны. Изображения спасителя и святых напоминали современных хиппи. Людей было много. Все в праздничных нарядах — мужчины в черных пиджаках с галстуками и в черных бархатных брюках, расшитых серебром, женщины в светлых платьях и белых кружевных мантильях, прикрепленных к волосам большими черепаховыми гребнями. Большинство пришли семьями, со стайками ребятишек, тоже празднично разодетых, в кружевах, лентах. Старшие дети чинно вели за руки младших. Инге не без удивления насчитала во многих семейных стайках по десять — двенадцать ребятишек; старшим было лет тринадцать-четырнадцать, самых младших везли в колясках или несли на руках.

Служба почти не отличалась от европейской: латинские слова молитв, которые нараспев повторяли прихожане, детский хор, торжественные звуки органа. Проповедь пожилой священник читал по-испански. Инге поняла не все, — познания в испанском были еще недостаточными. Ее поразило, с каким вниманием слушали проповедь прихожане. Собор был полон — ни одного свободного места на скамьях. В боковых притворах и у выхода люди стояли плотной массой. Тишина царила абсолютная. Не слышно ни покашливания, ни шелеста одежды. Лишь в открытые настежь двери с площади изредка доносился шорох проезжающих машин. Голос проповедника звучал глуховато, но отчетливо. Он говорил о доброте, которая должна противостоять злу, о справедливости, о помо-

щи бедным... Потом вдруг заговорил о мире, о том, что мир на Земле должен быть сохранен, что обязанность всех людей — бороться за мир. Затем он перешел к Кубе. Инге поняла только, что в чем-то следует брать с Кубы пример... В чем? Она хотела спросить у Мариэли. Молодая индианка слушала проповедника с таким вниманием и благоговением, что Инге не решилась отвлекать ее. В конце проповеди священник обратился к прихожанам с просьбой помочь — кто сколько может — походу мира, который состоится весной. Участники похода понесут петицию мира, подписанную миллионами мексиканцев, в Вашингтон. Голос проповедника смолк, и сразу все зашевелились, заговорили шепотом. Послышался звон монет. Соборные служки в черно-белых одеяниях протискивались среди прихожан, держа в руках большие блестящие блюда. На блюда падали серебряные монеты, медная мелочь, бумажные купюры в несколько песо. Пожилая женщина отколола и положила на блюдо большую серебряную брошь. Мариана и Мариэля тоже опустили серебряные монетки. У Инге мелочи не оказалось. В сумочке у нее были только зеленые десятидолларовые бумажки. Она заколебалась... Никто не бросал на блюдо долларов. Служка на мгновение задержался перед нею, женщина справа уже протягивала руку с монетой. Инге все-таки решилась. Закусив губу, она быстро открыла сумочку и положила на блюдо десять долларов. Вокруг словно возник вакуум. Стало очень тихо. Соседи отстранились, а женщина справа отдернула руку с монетой. Служка замер и поднял на Инге удивленные глаза. Инге, почему-то очень испугавшись, тоже глядела на него. Кругом молчали.

— Может быть, сеньора... то есть сеньорина, — поправился служка, — желает взять сдачи?

— Нет-нет, — замотала головой Инге.

— Но это... очень много, — тихо сказал служка. — Хотите, я вам отсчитаю песо за... ну хотя бы за пять долларов.

— Да нет же, — прошептала Инге, готовая расплакаться.

— Сеньорина — американка?

— Нет... Из Дании...

— О, danesa*. — Глаза служки вдруг потеплели. — Спасибо, сеньорина.

Он поклонился Инге и двинулся дальше.

---

* Датчанка (*исп.*).

И вакуум сразу исчез. Вокруг заулыбались, повторяя: «Danesa, danesa», а какая-то красивая полная мексиканка, протиснувшись к Инге, обняла ее и расцеловала, твердя со смехом:

— Bonita danesa — si, yankee — no*... Ха-ха!

Лишь Мариана и Мариэля сохраняли полнейшую невозмутимость и не разжали губ. Впрочем, садясь в машину, Мариана пробормотала что-то о гордыне и сорении деньгами. Инге приняла ее слова за намек. Поэтому после обеда объявила старухе, что хочет платить за пребывание в «Лас Флорес» и за еду. Мариана отрицательно качнула седой головой, а Мариэля бесстрастно пояснила, что «за все» заплачено «хозяином».

В следующую субботу с утра светило солнце, и Инге настояла, чтобы они отправились в собор пешком. Пако сопровождал их. В собор он не пошел, но после службы встретил у входа и проводил домой. Улицы, по которым они шли, выглядели уютными, чистыми и тонули в зелени. Одноэтажные и двухэтажные домики были окружены деревьями манго, магнолиями, софлорами, пальмами. В палисадниках и на газонах вдоль тротуаров пестрели цветущие олеандры. Все это немного напоминало кварталы вилл в Копенгагене, только архитектура была иной, да еще — султаны пальм в ярко-синем небе и желтоватые горы вдали. Вероятно, это были окраинные кварталы большого и красивого города; Инге впервые вдруг захотелось узнать Гвадалахару, увидеть центр, окрестности.

Вечером она сказала об этом Пако, и на другой день он повез ее осматривать город. С ними поехала и Мариэля — помочь Инге при покупках. День был воскресный, и опять теплый и солнечный. Центральные универмаги оказались закрытыми, но они все втроем долго ходили по большому крытому базару, заглядывали в маленькие магазинчики и лавчонки на узких улочках торговых кварталов. Пако исступленно торговался за каждую безделушку, которая интересовала Инге. А она так ничего и не купила, к великому разочарованию и Пако, и хозяев лавчонок. Город Инге понравился, особенно — пестрые, шумные торговые кварталы и центр со старинным барочным собором, потемневшими от времени каменными дворцами, множеством памятников и фонтанов.

---

* Прекрасная датчанка — да, янки — нет (*исп.*).

Обратно поехали другой дорогой по широким зеленым авенидам новых районов. После узких улочек центра здесь казалось удивительно просторно. Многоэтажные дома и большие отели стояли вдалеке один от другого. Между ними располагались зеленые лужайки, корты, спортивные площадки, скверы с фонтанами. Вся эта часть Гвадалахары напоминала огромный зеленый парк, в котором лишь кое-где люди построили себе жилища...

— Гвадалахара — самый зеленый город в мире,— говорил Пако, неторопливо ведя открытый белый «ягуар» по широкой пустынной авениде.— Здесь двести парков и скверов...

— И четыреста фонтанов,— добавила вдруг Мариэля.

Она сидела позади Инге, и Инге сразу обернулась к ней, но красивое, словно выточенное из слоновой кости, лицо молодой индианки было, как всегда, бесстрастно, а взгляд льдисто-голубых глаз, устремленный поверх головы Инге, оставался равнодушным и холодным.

— Четыреста,— повторил Пако,— сейчас в Сквере динозавров делают, наверно, четыреста первый.— Он негромко рассмеялся в седые усы.— Почему не делать? Воды много. С гор бежит...

— Сквер динозавров? Что это? — спросила Инге.

— Поедем посмотрим.

— К обеду опоздаем,— строго сказала Мариэля.

— Мы скажем, что сеньорина велела,— лукаво усмехнулся Пако, подмигивая Инге.

— А я могу — велеть? — поинтересовалась Инге.

— Еще бы,— убежденно заявил Пако, а сзади Мариэля кашлянула недовольно.

— Тогда поехали к динозаврам,— решила Инге.

Сквер динозавров занимал небольшую треугольную площадь в северо-западной части города. Площадь окружали белые двухэтажные домики с голубыми балконами и голубыми ажурными решетками на окнах. Домики были все разные, но одинаково аккуратные, празднично чистые и казались очень уютными. Площадь и сквер в этот полуденный час были пустынны. Пако обогнул сквер и остановил «ягуар» в густой тени темно-зеленых кустарников.

— А динозавры,— разочарованно протянула Инге,— где динозавры?

— Вот они, — Пако указал на ближайшие кусты. — Это все динозавры...

Инге присмотрелась и ахнула. Куртины густолистых зеленых кустарников были искусно подстрижены под всевозможных ящеров. Можно было узнать и утконосых двуногих динозавров, и огромного диплодока, и игуанодона с большими зубцами вдоль спины. В центре сквера высилась зеленая скульптурная группа: тиранозавр, преследующий травоядного ящера. Хищник почти настиг свою жертву. Его разверстая пасть выглядела ужасающе кровавой — там были оставлены крупные соцветия ярко-красных цветов.

Инге выбралась из машины и торопливо обежала усыпанные красноватым гравием дорожки, замирая перед наиболее эффектными композициями. Мариэля и Пако следовали за ней, не отступая ни на шаг.

— Обязательно приду сюда снова с фотоаппаратом и этюдником, — объявила Инге. — Все сфотографирую и кое-что нарисую. Никогда не думала, что простой кустарник можно превратить в такое чудо.

— Это не простой кустарник, — обиженно возразил Пако. — Это редкая разновидность перуанского держи-дерева... — Пако подумал немного и присовокупил длинное латинское название. — Листья у него мелкие, прочные, растут очень густо, а под ними еще гуще — шипы. Самый подходящий материал для динозавров...

— Завтра же приду сюда опять, — повторила Инге.

— Отвезу, когда сеньорина захочет.

— Я могу теперь и одна пешком... Или на автобусе.

— Очень далеко от «Лас Флорес», — резко сказала Мариэля. — И еще, сеньорина... Молодые девушки тут одни не ходят...

— Это-то что верно, то верно, — согласился Пако. — Да вы не тревожьтесь. Отвезу по первому слову...

К обеду они, конечно, опоздали, и Мариана встретила их сурово недоумевающим взглядом. Мариэля что-то коротко объяснила ей на языке, совершенно незнакомом Инге. Мариана пристально взглянула на Инге, нахмурилась еще больше, но ничего не сказала. Обед прошел в напряженном молчании, даже Пако выглядел неуверенно и, вопреки обыкновению, помалкивал.

Спустя несколько дней Пако снова привез Инге в Сквер динозавров. На этот раз сквер был полон шумной детворы.

Инге провела там несколько часов, сделала множество снимков и удачные зарисовки детских головок на фоне зеленых чудовищ.

Потом она приезжала в этот сквер много раз, однако ни разу ей не удалось побыть там одной, как не удавалось побродить в одиночестве по улицам Гвадалахары. И в поездках, и во время пеших прогулок, даже при посещении музеев и художественных выставок Инге всегда сопровождали Пако либо Мариэля, а иногда — они вместе.

Время шло, и Инге все чаще задавала себе вопрос: кто же она в действительности — служащая «Смит-Цвикк лимитед» или просто пленница? И — не находила ответа...

Наконец, когда Инге совсем извелась ожиданием, тревогой и постоянным присутствием «стражей», явился вестник. Его приход возвестил стук бронзового молотка за входной дверью. Обитатели «Лас Флорес» досматривали вечернюю телевизионную программу в гостиной внизу. Инге заметила, что Мариана и Мариэля тревожно переглянулись, услышав стук. Пако нахмурился, неторопливо поднялся с кресла; выходя в холл, переложил что-то тяжелое из заднего кармана брюк в карман потертой бархатной куртки.

Хлопнула входная дверь, послышались шаги, и на пороге гостиной выросла высокая сутуловатая фигура в элегантном сером костюме.

— Шейкуна,— не веря глазам, пролепетала Инге.

Африканец приоткрыл в улыбке ровные белые зубы.

— Я, сеньорина.

Сложив большие ладони, он коснулся ими лба, губ и груди.

Мариана и Мариэля молча кивнули в ответ, а Инге, вдруг рассмеявшись, повторила приветственный жест Шейкуны.

— Войди и сядь,— предложила Мариана.— Что хочешь пить?

— Ром, если сеньора позволит.

— Мариэля принесет. Пока говори.

— Все хорошо. Хозяин поздравляет всех.

— Поздравь его. Что еще?

— Это тебе,— Шейкуна протянул Мариане бумажный квадратик,— прочтешь — сожги.

— Знаю. Еще?

— Соблюдать осторожность. Беречь сеньорину.

Вошла Мариэля с подносом в руках. На подносе были бутылка рома, большой бокал, тарелочки с сыром и фруктами.

Мариэля поставила поднос на столик перед Шейкуной и присела в кресло рядом.

— Я — один? — Шейкуна обвел присутствующих вопросительным взглядом.

— Один,— кивнула Мариана.— Мы ужинали; Пако на ночь не пьет.

Пако у двери гостиной хмыкнул неопределенно.

Шейкуна наполнил бокал ромом, посмотрел на свет, выцедил неторопливо, облизнулся и вытер губы тыльной стороной ладони. Потом запустил правую руку куда-то очень далеко под свой элегантный пиджак и извлек небольшой плоский сверток, обшитый белой тканью.

— Это сеньорине,— объявил он, подбросив сверток на широкой ладони,— там и письмо, но... сеньорина бросит его в камин, когда послушает.

— Когда послушаю? — растерянно повторила Инге, беря сверток.— Как это?

— Сеньорина поймет,— заверил Шейкуна, вставая.— Чао! Ночью уеду.

— А мое письмо? — ахнула Инге.

— Не надо. Буду рассказывать сам. Однако не очень скоро...

Оставшись наедине с загадочным свертком в своей голубой спальне, Инге задумалась. Что означают все эти предосторожности: письма, которые надо уничтожать, странное поведение Марианы, пистолет, с которым не расстается Пако? Пистолет он постоянно носит с собой, даже если они отправляются в город за покупками. Кто в действительности Стив, чем он сейчас занимается? Почему не хочет или не может появиться в своем собственном доме, если, конечно, «Лас Флорес» его дом?..

Инге вздохнула, присела к туалетному столику и принялась распаковывать сверток с помощью маникюрных ножниц. Несмотря на небольшие размеры, он был довольно тяжелый. Распоров обшивку и осторожно развернув бумажные салфетки, Инге ахнула. Еще никогда в жизни ее пальцы не касались ничего более прекрасного. Все вещицы были золотые, удивительно тонкой, вероятно, старинной работы: перстни с изум-

рудами, оправленные в золото камеи, массивное ожерелье с головами каких-то фантастических животных и изумительной красоты серьги с рубиновыми подвесками, похожими на капельки крови. Исключение составлял перстень с большим черным камнем — тоже оригинальный, но явно современный. Однако письмо... Конверта в свертке не оказалось. Осторожно перебирая бумажные салфетки, в которые были обернуты кольца и ожерелье, Инге обнаружила миниатюрную кассету. Очевидно, это и было письмо, но говорящее. Вот почему Шейкуна сказал, что Инге его «послушает». Диктофона для такой маленькой кассеты у Инге не было. Завтра его можно купить в одном из магазинов, где продается японская электроника. Но ждать до завтра Инге просто не могла. Это же ужасно — держать в руках говорящее послание Стива и не иметь возможности услышать его.

Инге набросила халат. Осторожно ступая босыми ногами, чтобы не разбудить Мариану, спустилась вниз. В холле было темно; пробираясь ощупью к комнате Пако, Инге наступила на кота, который дремал, растянувшись на ковре. Кот возмущенно вякнул, метнулся из-под ног Инге и опрокинул вазу с цветами. Ваза загремела, по ногам Инге плеснула холодная вода, и тотчас в глубине коридора вспыхнул свет и послышался тревожный возглас Пако:

— Эй, кто там? Что такое?

— Тише, Пако! Это я...

— Сеньорина?

Пако вышел в коридор. Он был в своем обычном рабочем костюме — видимо, еще не ложился. В руке он держал пистолет.

— Можно к вам на минуту? — смущенно шепнула Инге, переступая на ковре мокрыми ногами.

— Почему нет? Что-нибудь случилось, сеньорина?

— Нет, ничего... Я просто хотела спросить...

Холл ярко осветился. На лестнице появилась Мариэля в белой ночной сорочке до пят.

— Что случилось?

— Ничего особенного, — сказал Пако, выходя в холл, — ступай спать.

— Я слышала шум. Что-то упало?

— Кот опрокинул вазу, — объяснила Инге, — я наступила на него в темноте.

— А зачем сеньорина тут бродит в темноте? Что сеньорина хочет?..

— Иди, иди, спи,— ворчливо прервал Пако.— Сколько раз говорил: незачем оставлять котов в доме на ночь.

— Коты не ваше дело,— объявила Мариэля.— Остаются где надо.

— Ступай ты наконец!

— А сеньорина?

— Тоже сейчас пойдет к себе.

— Шейкуна уехал?

— Еще нет. Через полчаса повезу.

Мариэля не уходила. Ждала. Инге показала Пако кассету:

— Вы извините меня, что беспокою так поздно. Но мне очень, понимаете, очень нужен маленький диктофон. Прослушать это...

— А,— сказал Пако, разглядывая кассету,— у меня такого нет, у хозяина где-то был. Надо посмотреть. Или вот что,— он повернулся к Мариэле, которая продолжала стоять наверху, опершись локтем о балюстраду,— возьми у матери ключ, открой кабинет. Посмотри в ящиках письменного стола. Найдешь диктофон размером поменьше портсигара и принеси сеньорине. А вы, сеньорина, поднимайтесь к себе. Она принесет...

— Не надо будить Мариану,— запротестовала Инге.— Уж лучше подожду до завтра...

— Мама не спит,— холодно сказала Мариэля.— Вы идите к себе. Я — сейчас.

— Может, мне пойти с вами?

— Нет.

Через несколько минут Мариэля принесла Инге миниатюрный диктофон размером в два спичечных коробка и, не сказав ни слова, удалилась.

«Кабинет,— думала Инге, вставляя кассету в диктофон,— где-то есть его кабинет. А я и не знала. Наверно, одна из постоянно закрытых комнат тут, на втором этаже. Заглянуть бы туда...»

Послышался тихий шелест, и тотчас в тишине ночи негромко зазвучал голос, который Инге узнала бы из тысячи тысяч голосов. Она затаила дыхание и приблизила лицо к черной коробочке диктофона. Крошечный аппарат лежал у нее на коленях, и она склонялась все ниже, забыв про все на свете, забыв даже, что громкость можно усилить. Она боялась пропустить хотя бы слово, но вначале слышала лишь отдель-

ные слова. От волнения она никак не могла соединить их во фразы и понять, о чем говорит Стив. В голосе мелькнула странная мысль: в на каком языке он обращается к ней? Она не сразу сообразила, что запись сделана по-испански, — тут, наконец, до нее начал доходить смысл его слов.

«...Все эти предметы попали ко мне довольно странным образом в тунисском аэропорту, за день до нашей первой с тобой встречи. В Лондоне я должен был вручить их "дяде Хоакину", которого никогда в жизни не видел. Понимаешь теперь, почему меня тогда так заинтриговал твой телевизионный дядя Хоакин? У меня к тебе просьба, девочка, одновременно она станет первым твоим заданием... Постарайся выяснить, что за изделия заключает сверток. Откуда они могут быть, где хранились, кому принадлежали. Может быть, сведения о них ты найдешь в каком-нибудь каталоге, подобном тому, что ты подарила мне. В моем — я постоянно вожу его с собой — они не упомянуты. Это настоящее золото и настоящие драгоценные камни, а вот антиквариат ли это или искусная подделка под старину, не знаю. Постарайся все выяснить доступными тебе средствами, но никому не показывай эти изделия за пределами "Лас Флорес"... Я отдаю себе отчет в том, что задача трудна и что для ее выполнения потребуется время. Поэтому не торопись... Если надо, поезжай в Мехико и даже в Штаты, но, конечно, не одна, а с Пако. Расходы фирма оплатит. В общем, действуй, но осторожно... Знаю, что ты уже поправилась, — работа и поездки не повредят тебе. У меня все по-старому. Был очень занят и еще буду занят некоторое время. Успехов тебе и счастья, девочка. Кассету уничтожь... И последнее — кольцо с черным алмазом не входит в коллекцию. Это сувенир для тебя, а может быть — талисман. Храни его и постарайся не потерять».

Письмо оборвалось. Пленка еще струилась беззвучно, но слов больше не было слышно. Инге подождала немного, вздохнула, выключила диктофон, перемотала пленку и прослушала письмо еще раз. Когда прозвучали последние слова Стива, Инге переключила диктофон на запись и, приблизив губы к крошечному окошечку микрофона, шепнула:

— Спасибо. Сделаю все, что ты велишь... и буду ждать. О, если бы ты знал, Стив...

Послышался едва различимый щелчок. Пленка в кассете кончилась.

На следующее утро, спустившись к завтраку, Инге приоткрыла кухонную плиту и осторожно положила кассету на пылающие угли. Маленький черный параллелепипед ярко вспыхнул. Мгновение спустя от него ничего не осталось.

За обедом Цвикк сказал Стиву:

— Слышали, Джон, вашего президента все-таки заставили уйти. По радио только что передали — президентом стал Форд.

— Следовало ожидать,— Стив старательно накладывал на тарелку салат из крабов,— скандал не удалось погасить...

Стив большую часть времени снова проводил в зоне у Тибба, но по субботам встречался с Цвикком, и они обедали вместе в отеле Центрального поселка.

— Дело не в уотергейтском скандале.— Цвикк, прищурившись, разглядывал на свет бокал с вином.— Никсон переоценил собственные возможности и... перестал устраивать кое-кого. Вот от него и избавились... А что касается Уотергейта... Эту грязную историю извлекли на свет и раздули лишь потому, что надо было избавиться от Никсона. Не будь Уотергейта, нашлось бы другое. У вас президентов не выбирают, их... подыскивают, выдвигают и проштамповывают.

Стив усмехнулся:

— Думаете, Форд подойдет лучше?

— Как переходная фигура. Банкам и военно-промышленному комплексу в Белом доме нужен человек совершенно иного покроя... Но избирателей надо приучить к мысли, что приход такого человека — историческая неизбежность. После Форда в Белый дом может попасть еще один «средний» американец. В меру ограниченности, тоже наломает дров в экономике, в политике, а уж после этого там посадят «сильную личность», дабы Америка смогла «вернуть» утраченный престиж мировой сверхдержавы. Ну а теперь — после вьетнамского позора — в Белом доме нужны очень «средние» американцы...

В конце обеда, за кофе, Стив сказал:

— Ваши «президентские прогнозы», Мигуэль, любопытны. Но при всей уязвимости нашей выборной системы в пятьдесят втором году был избран именно Эйзенхауэр, а не Маккарти, в котором как раз и была заинтересована верхушка. При Маккарти «холодная война» пятидесятых годов запросто могла бы стать «горячей». Вы ведь помните, как это было?

— Помню, — прищурился Цвикк. — Припоминаю также, что покойный отец нашего патрона сделал все от него зависящее, чтобы именно Маккарти стал тогда хозяином Белого дома. Но военно-промышленный комплекс в те годы еще не имел такой силы, как теперь. Да и само название — «военно-промышленный комплекс» — впервые употребил Эйзенхауэр, став президентом. Он-то понимал, что к чему. Возможно, что идея создания ОТРАГа, а потом этого «филиала» здесь возникла в горячих головах именно тогда, когда «холодная война» сменилась первой оттепелью разрядки.

— ОТРАГ — незаконнорожденное детище мировой войны и реваншизма. — Стив поднялся из-за стола и принялся расхаживать по столовой. — Оно было зачато, когда мировая война еще продолжалась, но уже стало ясно, что фашизмом она проиграна. Тогда и появились вклады в швейцарских банках, которые ныне питают все разновидности неофашизма... Немецкая колония в Бельгийском Конго существовала еще со времен войны, Мигуэль. Думаю, что интересы тех, кто стоит на вершине пирамиды ОТРАГа, расходятся с исконными интересами заправил военно-промышленного комплекса Америки.

Цвикк, тяжело отдуваясь, раскуривал трубку. Потом сказал:

— Одна шайка. Акула акуле глотку не перегрызет... Они все постоянно встречаются на собраниях, заседаниях, советах акционеров, директоров, президентов в своих виллах, клубах, масонских ложах до... «бильдербергского Олимпа» включительно. У них гораздо больше того, что объединяет, чем того, что может разделить. Исключая, конечно, раздел прибылей.

— Разве реваншизм немцев не противопоставляет их Америке? Я до сих пор не могу понять, что заставило старого Фигуранкайна подчинить интересы фирмы целям и задачам ОТРАГа.

— Ну, это могу вам объяснить, — проворчал Цвикк, — он немец. В свое время симпатизировал Гитлеру...

— Сейчас, когда американцы пробуют кое о чем договориться с русскими, взрывчатая роль ОТРАГа, конечно, возрастет, — Стив словно размышлял вслух, — при желании его легко превратить в детонатор второй «холодной» и даже новой «горячей» мировой войны. Скромная роль подавителя освободительных тенденций в Экваториальной и Южной Африке кое-кого перестает удовлетворять.

— Гм, а вам известно, кто и когда впервые начал «холодную войну» на нашей грешной планете? — поинтересовался Цвикк, вставая из-за стола и пересаживаясь на диван. — И кто первым применил выражение «холодная война»?

— Смешной вопрос! Гарри Трумен, конечно. Всего через два года после окончания Второй мировой, «горячей» войны.

— А вот не смешной. — Маленькие, глубоко посаженные глазки Цвикка заискрились от удовольствия, что удалось так поймать Стива. — Ошиблись на тысячу лет.

— Как это?

— А так... «Холодную войну» вел еще кастильский герцог Мануэль. С маврами. Он ее описывал примерно так: война эта не очень горячая и не столь ожесточенная, чтобы говорить о жизни или смерти, это «холодная война», которая тянется долго, к миру не приводит и не украшает тех, кто ее ведет. Могу добавить: «холодную войну» довольно успешно вел во Франции Людовик XI против герцога Бургундского. Он использовал угрозы, устрашение, всякие интриги, провокации, почти не прибегая к военным действиям. Если призадуматься, в истории «холодных» и «горячих» войн есть определенная последовательность. Они довольно ритмично сменяли друг друга. Точных временных закономерностей никто, правда, не установил еще...

— А их и не существует, — возразил Стив. — Любые войны — и «холодные», и «горячие» — результат злой воли одержимых жаждой власти... Но дело не в этом. Даже и не в том, что историю «холодных войн» можно растянуть на тысячелетия. Нынешняя «холодная война» — она качественно иная, чем все предыдущие, потому что в любой момент может перерасти в «горячую» — термоядерную. Вы вот упомянули о разрядке, Мигуэль. О ней говорят и пишут. А на Ближнем Востоке израильтяне воюют с арабами с тысяча девятьсот шестьдесят седьмого года: кончилось во Вьетнаме, начинается в Камбодже... Ничего себе разрядка, черт побери!

— Разрядка — это в целом между Западом и Востоком... Локальные войны были и будут.

— Одна из локальных воин тоже легко может перерасти в мировую — термоядерную. И ОТРАГ не понадобится.

Цвикк насупился:

— Тогда конец... Но я все-таки верю, что человечество сумеет избежать термоядерного ада. Если бы не верил, не тор-

чал бы тут — в этой зеленой парной бане. Дарованные мне последние месяцы прожил бы как эпикуреец. А я вот потею тут... Человек обязан делать, что может. Каждый из нас в отдельности бессилен предотвратить ядерный апокалипсис — будь то я, вы, патрон, папа римский или президент Соединенных Штатов. Ну а объединив усилия, можно добиться многого... Движение сторонников мира растет и будет продолжать расти. И это хорошо... Я верю в его потенциальную мощь. Признаюсь, оно наполняет меня большим оптимизмом, чем ваш героический замах на ОТРАГ... Мы все в одной лодке. И перспектива у нас одинаковая: или выжить всем вместе, или вместе всем утонуть. Другого не дано... Парадокс нашей эпохи состоит в том, что эгоизм стал бессмысленным. Эгоист, пытаясь спасать только себя, губит и себя, и всех, ибо все чертовски переплетено. Шанс выжить — не в индивидуальном противоатомном погребе, а на улице — в колоннах борцов за разум, за мир. Это мое кредо, Стив, но оно не исключает твердого убеждения, что на голову змеи надо наступить раньше, чем она тебя ужалит. Да-а...

— При первой же оказии присоединяюсь к колоннам демонстрантов, — пообещал Стив, — буду до хрипоты кричать: «Нет — атомной бомбе!»

— Ладно, не иронизируйте. Это я тоже умею... Передавайте поклон Тиббу Линстеру.

— Поговорите с ним по видеоканалу, Мигуэль. Я пока остаюсь тут.

— Ждете кого-то?

— Шейкуну. Должен прилететь...

Шейкуна появился поздним вечером.

— Давай, давай, заходи, — обрадовался Стив, когда Шейкуна осторожно приоткрыл дверь веранды. — Садись и рассказывай.

— Все о'кей, шеф, — хрипло сказал Шейкуна, — Гаэтано передает: у них все готово, ждут главного босса. В Роттердаме полиция опять взяла наркотики. Очень много, шеф, — Шейкуна торжествующе надул толстые губы, — очень-очень много...

— Откуда?

— Из Гонконга.

— А кому предназначался товар?

— Паоло должен знать... Он выслеживал. Я его не видел.

— «Черные боссы» в Сингапуре и Гонконге проиграли очередную партию.

— Еще какую! — Шейкуна хмыкнул от удовольствия. — Много потеряли, шеф. На сотни миллионов...

— Не везет им последнее время.

— Очень не везет, очень, — согласился Шейкуна. — Паоло хорошо работал.

— Ему пора исчезнуть оттуда.

— Он знает. Санчо уже сменил его... Паоло скоро будет здесь.

— О'кей. Что в Лос-Анджелесе?

— Эта женщина не возвратилась. Она в Москве.

— Ты послал телеграмму?

— Из Майами, шеф.

— Ну и, наконец, Гвадалахара?

— Нет, еще Нью-Йорк...

— Верно, забыл. Что там?

— Там много... Хасан передает: адвокат Крукс был дома у мистер Пэнки, долго был, ходили по саду, Крукс кричал, проклинал. Потом был другой человек. Хасан его знает: Касабланка был четыре года назад... Хасан сказал — шеф поймет. Хасан говорил — это совсем плохой человек, хуже Пэнки. Тот человек долго был. Мистер Пэнки в ту ночь совсем не спал. Целую ночь дома ходил, кабинет ходил, таблетка — лекарство много ел.

— Интересно, — сказал Стив. — Это очень интересно, Шейкуна. Человек из Касабланки... Кажется, его звали Рунге? Хуже Пэнки... Даже не предполагал, что такое возможно... А что потом с этим человеком, Шейкуна? Ведь это было месяц назад.

Шейкуна вздохнул:

— Хасан не знает... Тот человек тогда улетел вертолетом. Вертолет ждал на берегу.

— А мистер Пэнки?

— Уезжал, приезжал. Много уезжал. Недавно в Мексике был. Сейчас в Нью-Йорке.

— Ну а что в Гвадалахаре?

— Нормально. Девушка Инге письмо прислала. Вот. — Шейкуна осторожно вручил Стиву маленький прямоугольный пакетик.

— Кассета? — улыбнулся Стив.

— Сказала — слушать надо.

— Спасибо. Что еще говорила?

— Говорила — все о'кей.

— Как она выглядит?

— О-о, очень хорошо. — Шейкуна поднял глаза к потолку. — Красивая. Очень-очень — как роза... Нет! Как райская гурия... Нет... Я не могу сказать. Посмотреть надо, босс.

— Гм... Значит, она тебе понравилась?

— Да... В Лондоне совсем другая была...

— Это хорошо. А что говорила Мариана?

— Ничего не говорила. Сказала только — пусть хранят его боги. Шефа пусть хранят. И все.

Оставив Шейкуну за столом в столовой, Стив поднялся на второй этаж в свою комнату. Здесь он вставил переданную Инге кассету в диктофон, положил диктофон на журнальный столик и присел рядом. В тишине отчетливо зазвучал чистый, нежный голос Инге. Она подробно рассказывала ему о своей жизни в Гвадалахаре, о городе, Пако, Мариэле, коте Базиле, которому однажды ночью наступила на хвост... Она рассказывала обо всем, кроме Марианы и кроме своей тоски, которую Стив явственно ощущал за каждой ее фразой.

— Бедная девочка, — пробормотал он, переворачивая кассету, чтобы послушать вторую половину записи. На второй половине она заговорила о его посылке, о работе. Поблагодарила за чудесный талисман с черным камнем...

Я почти все узнала про эти великолепные вещи, хотя было не очень просто. Пришлось искать в библиотеках и музеях Мехико и Каракаса. (Стив не мог удержать вздоха: подумать только, была так близко...) Мы ездили с Пако. Всю дорогу он очень заботился обо мне, помогал. Это очень старинные вещи. Они найдены в окрестностях Александрии в начале прошлого века. Точное местонахождение неизвестно. Некоторые авторы предполагают, что они сделаны в Александрии и входили в легендарную сокровищницу Клеопатры. Они хранились сначала в Каире, потом попали во Францию. Были похищены во время революции 1848 года. Потом долгое время упоминания о них отсутствуют. После революции в Тунисе они оказались в музее Бардо и были похищены осенью 1971 года. На этом я могла бы кончить... если бы не твой милый сюрприз. (Стив нахмурился: «Какой еще милый сюрприз?»)

Я даже и не подозревала о нем. Все вставки («Какие еще вставки?») были так искусны, что вначале я ничего не заметила. Потом поняла; ты хотел проверить, насколько я внимательна и умею ли отличать очень хорошие копии от старинных оригиналов. Кроме того, помог Пако. Правда, когда мы все выяснили, он очень рассердился и сказал, что сюрприз дурацкий («Пако, конечно, был прав», — подумал Стив, чувствуя, что им овладевает все большая тревога), но я не могла согласиться. Вставки хороши и совсем незаметны, а уж их содержимое — чудо электроники. («Боже!» — подумал Стив, начиная понимать.) Я не вскрыла ни одной, — мне жаль было портить такие изумительные вещи, Но ты не учел: изотопный состав золота «вставок» отличается довольно сильно от оригиналов. Мы сделали анализы. Я устроила небольшую лабораторию в подвале — ее придется расширить, когда буду заниматься живописью. Я надеюсь вскоре получить от тебя еще что-нибудь для работы. А может, ты скоро появишься сам? («Безусловно! Надо сделать это как можно скорее. Боже, какой идиот!») Пока тебя нет, я часто кладу твою посылку с сюрпризом на чувствительный усилитель радиосигналов, который достал Пако, и тоже слушаю «би-би-би», которые она шлет тебе. Иногда мне кажется, что в этом «би-би-би» закодирован рассказ обо мне. («Еще бы! Бедная девочка! Как я не догадался раньше?») Наверно, теперь ты знаешь обо мне гораздо больше, чем я могла бы рассказать...

Целую тебя, целую и жду.

В самом конце ее голос задрожал и прервался. Стив схватил диктофон, встряхнул, но оказалось, что кончилась пленка.

Некоторое время он размышлял, закусив губы. «Если бы можно было воспользоваться УЛАКом. Нет, это исключено. Тибб вчера сказал... надо еще минимум два килограмма. Два килограмма — это десять тысяч каратов прозрачных алмазов. Придется лететь самолетом — тем, которым прилетел Шейкуна. В конце концов, не так далеко. Каких-нибудь четыре тысячи километров. Пять часов полета. Когда, однако, Шейкуна был в Гвадалахаре?»

Стив бегом спустился в столовую. Шейкуна спал, сидя за столом. Стив принялся трясти его. Африканец с трудом раскрыл глаза, увидев Стива, вскочил:

— Что надо, шеф?

— Очень важно... Когда ты был в Гвадалахаре?

Шейкуна напрягся, вспоминая. Лоб его покрыла испарина.

— Когда был? Когда был? Подожди, шеф. Гвадалахара... Потом — Лос-Анджелес, потом Майами, Нью-Йорк... Две недели? Нет, немного больше. Семнадцать дней прошло...

Стив опустился на стул. «Семнадцать дней тому назад... За это время могло произойти что угодно. Недавний мексиканский вояж Пэнки приобретает особый, зловещий смысл...»

Кажется, еще никогда в жизни Стив не чувствовал себя таким опустошенным и беспомощным, как в эти минуты.

Гаэтано Пенья встречал Цезаря у трапа лайнера в аэропорту Киншасы. Когда Цезарь в сопровождении Суонга и капитана «боинга» ступил на бетон, Гаэтано приблизился, вежливо снял шляпу, назвал себя.

Цезарь протянул ему руку:

— Рад видеть вас. Будем знакомы. Сейчас едем в город — в отель, там поговорим.

Из багажного отсека «боинга» выкатился белый лимузин. Подъехал к трапу. Цезарь сел, пригласил сесть рядом Гаэтано. Впереди устроились трое смуглых, черноволосых, в белых костюмах сафари.

«Индонезийцы, — подумал Гаэтано, — парни ничего, только мелковаты».

Суонг сел рядом с водителем. Капитан у трапа приложил руку к лакированному козырьку фуражки. Лимузин бесшумно и мягко тронулся с места.

— Как отель? — спросил Цезарь, когда въехали в город.

— Высший класс. — Гаэтано поспешно повернулся к боссу: — Сеньор еще не видел его?

— Нет. Покупали без меня. — Цезарь усмехнулся.

— Один из лучших в Африке. Туристы и охотники резервируют номера на полгода вперед. Сервис, комфорт, а кухня... — Гаэтано поцеловал кончики своих пальцев. — Сеньор убедится сам.

Снаружи отель показался Цезарю мрачноватым. Высокий параллелепипед с темными стеклами бесчисленных окон, не пропускающими солнечных лучей. Ни балконов, ни лоджий. На крыше плоская темная кастрюля — вращающийся ресторан. Над ним, на фоне мутноватого серо-голубого неба, ажурная вязь неонов. Несмотря на полуденный час, неоны бледно вспыхивали всеми оттенками радуги — вероятно, в честь

приезда хозяина. Цезарь прищурился — «Звезда экватора». Именно так он и назывался.

Внутри Цезарю понравилось. Гаэтано не преувеличивал — действительно высший класс комфорта и сервиса. Цезарь вначале внимательно глядел по сторонам, не очень прислушиваясь к тому, что подобострастно бубнил директор-администратор, встретивший у входа в обширный беломраморный холл. Вскоре, однако, зарябило в глазах от никеля, бронзы, хромированного алюминия, хрусталя, полированного камня, от фонтанов, бассейнов, баров, кофейных, залов для заседаний и залов для коктейлей, от сафьяна и львиных шкур, слоновых бивней и антилопьих рогов. На третьем этаже Цезарь поблагодарил директора-администратора и, отказавшись от дальнейшего осмотра, попросил провести в отведенные ему апартаменты. К счастью, они оказались тут же, на третьем этаже. Отпуская многочисленную свиту, Цезарь сделал Гаэтано знак остаться. Втроем с Суонгом они расположились в одной из гостиных возле стола, уставленного батареей бутылок с яркими разноязычными этикетками.

— Теперь рассказывайте,— обратился Цезарь к Гаэтано. Тот бросил быстрый взгляд на Суонга, занятого приготовлением коктейлей.

— Рассказывайте,— повторил Цезарь.— Можете говорить абсолютно все. Доктор Суонг — мой друг и кровный брат.

— Я не знал, извините,— Гаэтано поклонился,— шеф велел соблюдать предельную осторожность... Люди готовы, могут сопровождать вас, сеньор, в любую минуту куда вам будет угодно.

— Где они?

— Здесь, в отеле.

— И сколько их?

— Тридцать.

— Вы, Гаэтано, тоже полетите?

— Я тридцатый, сеньор.

— Превосходно. Есть у вас что-нибудь новое... оттуда?

— Есть новое.— Гаэтано понизил голос.— Эти шахты — их пока четыре... Они для межконтинентальных ракет.

— Это надежно, Гаэтано?

— Вполне, сеньор. Люди оттуда нанимали местных в Кисангани для самых тяжелых работ. Двое потом сбежали и вернулись. Успели рассказать. Правда, потом исчезли бесследно. Наверно, их убили.

— Это получило огласку?

— Местная газета в Кисангани пробовала писать. Редактора нашли застреленным в кабинете. Полиция заявила, что самоубийство. Больше потом не писали.

— Трудно работать в такой обстановке, Гаэтано?

— Не труднее, чем в других местах, сеньор. В Акапулько бывало хуже... В Кисангани мы занимаемся древесиной. Поставляем ценные сорта сюда, в Киншасу — на мебельные фабрики, и на экспорт — в ФРГ, в Бельгию, в Штаты.

— Как идет дело?

— Ходко. Сеньоры Цвикк и Смит довольны.

— Надеюсь, и я буду доволен?

— Мы постараемся, сеньор.

Фридрих Вайст вначале ничего не сказал Цезарю о новом строительстве. Цезарь решил выждать. Две недели они потратили на объезд заводов, отделений, служб, секций. Цезарь не мог не признать, что порядок повсюду царил образцовый. И инженеры в конструкторских бюро и лабораториях, и рабочие ремонтных служб и заводов казались довольными: никто ни на что не жаловался. И снова, как в прошлые приезды, Вайст охотно показывал все, что интересовало Цезаря, обстоятельно и исчерпывающе отвечал на все вопросы. Казалось, никаких тайн не существовало... Однако прошло уже десять дней их совместных поездок, а о новом строительстве Вайст не упоминал. Собственно, новых объектов было много — новые заводы, поселки, три рудника, новые карьеры для добычи камня, обогатительная фабрика, строилась большая электростанция, но шахты, про которые говорил Гаэтано... Их словно не существовало.

На десятый день они возвратились на базу «2», которая теперь называлась Блюменфельд. Некогда скромный поселок разросся и весь утопал в цветах. Они были повсюду — на стенах домов и на балконах, на подоконниках и под окнами, вокруг коттеджей и на верандах, на газонах, клумбах, вдоль транспортных магистралей и пешеходных дорожек; цветы всевозможных видов, форм, расцветок и оттенков, хорошо известные Цезарю и такие, каких он не встречал даже на Цейлоне. Густые, сомкнувшиеся кроны гигантских макарангов и фикусов надежно прикрывали Блюменфельд и от экваториального солнца, и от всевидящих глаз спутников.

В Блюменфельде Цезарь предполагал пробыть несколько дней. Предстояли встречи с руководителями центральных служб. Предстоял и решающий разговор с самим Вайстом. Этот разговор состоялся на второй день после возвращения в Блюменфельд. Утром, во время осмотра минералогической лаборатории, которой Вайст, по-видимому, очень гордился, один из сотрудников — грузный бородатый мужчина средних лет — упомянул об урановых рудах. Цезарь, рассеянно слушавший объяснения — после поездки к Шарку и спуска в шахту минералогия его не очень привлекала, — поинтересовался:

— Уран — здесь, на полигоне?

— Да, сэр, — подтвердил бородач. — Наши геофизики нащупали несколько точек, уже начата проходка шахт.

Из минералогической лаборатории возвратились в управление, и Вайст пригласил Цезаря в свой кабинет. Когда они остались вдвоем, Вайст открыл сейф и достал оттуда деревянный ящичек.

— Вот посмотрите, — сказал он, — наши урановые руды. Это из шахты.

В деревянном ящичке лежали смоляно-черные камни с желтыми выцветами. Цезарь осторожно взял один, подбросил на ладони, взглянул на Вайста:

— Много там этого?

— Хорошее месторождение. Скоро начнем добывать уран.

— Сколько же шахт вы проходите?

— Четыре, — не моргнув глазом ответил Вайст, — но богатые руды пока вскрыла одна.

— Эти шахты... они разведочные?

— Разумеется, потом некоторые используем при добыче.

— А еще... Есть другие шахты?

Вайст отрицательно качнул головой:

— Нет. Только эти. На рудниках у нас штольни, карьеры. Шахт пока четыре. Вы их можете посмотреть во время поездки на северо-восток.

— Газеты недавно писали о каких-то наших шахтах... для ракет.

Вайст холодно улыбнулся:

— О нас постоянно пишут всякий вздор. Я уже не могу припомнить, когда тут последний раз были журналисты. Мы старательно избегаем их визитов. Недостаток информации газетчики восполняют «утками».

— А как вы оцениваете общую ситуацию ОТРАГа сейчас?

— Как вполне удовлетворительную, сэр,— не задумываясь ответил Вайст.— Со многими трудностями мы уже справились. Если говорить о трех главных задачах, о которых я упоминал в ваш первый приезд, то вторая решена, третья — успешно решается, это видно даже по газетным сообщениям.— В холодных, льдисто-голубых глазах Вайста мелькнуло что-то похожее на усмешку.— Ну а решение первой упирается исключительно в бюрократизм здешних властей. Все готово, согласовано, но они не подписывают, тянут, откладывают с года на год. Мы даже перестали напоминать им, тем более, что изменить наш «статус» они уже не в силах.

— Рассчитывают выжать побольше,— предположил Цезарь.

— Мы им уже платим больше. Но меня это не тревожит. Доходы ОТРАГа растут быстрее. Оружие в цене, его требуется все больше. Правители некоторых африканских государств торопятся вооружить свои армии современными автоматами, скорострельными пушками, ракетами. Приобрели бы и атомные бомбы, если бы было где купить.

— Это отнюдь не означает, Фридрих, что нам следует переходить к производству атомных бомб и ракет.

Вайст поправил перстень с черным камнем на левой руке.

— Казалось бы, должна существовать мера во всем, даже в способах уничтожения себе подобных. Увы, так считают не все...

За дверью кабинета послышался шум, что-то упало, кто-то крикнул пронзительно, и тотчас дверь распахнулась. На пороге появился высокий худой человек с седыми всклокоченными волосами и длинной седой бородой. Он был бос, из-под распахнутого белого халата виднелось белье. Сзади кто-то пытался оттащить незнакомца от двери, но тот вырвался и вбежал в кабинет.

— Фигуранкайн, да? — громко закричал он, указывая на Цезаря пальцем.

— Уведите его,— приказал Вайст преследователям, которые задержались в дверях.— Быстро!

— Нет, подождите.— Цезарь поднялся с кресла.— Кто это?

— Я профессор Хорнфункель, слыхали о таком? — крикнул старик в белом.— А вы — сам Фигуранкайн, да?

— Это безумец,— быстро сказал Вайст.— Он убежал из психиатрической больницы.

— Никакой я не безумец. Выслушайте меня, умоляю. Они держат меня взаперти после того, что случилось... — Он зарыдал.

— Ну вот видите, — сказал Вайст. — Уведите его, быстро.

Молодые парни в белом, по-видимому, санитары, схватили старика за руки, потащили. Он упирался, брызгал слюной, что-то кричал. В дверях кабинета все задержались. Старик уцепился за притолоку, и санитары не сразу протолкнули его. Повернув к Цезарю искаженное яростью и болью лицо, старик закричал:

— Будьте все прокляты, и ты тоже — мразь! Убийцы, подонки...

Один из санитаров резко и сильно ударил старика ребром ладони по шее. Старик захрипел и умолк. Голова его бессильно свесилась на грудь. Дверь кабинета захлопнулась.

— Странное обращение с душевнобольным, — заметил Цезарь, покусывая губы.

Вайст взволнованно прохаживался взад и вперед по кабинету.

— Да-да, конечно, вы правы... Но... в этом печальном месте у них свои права и обязанности. — Он вздохнул. — Не понимаю, как ему удалось вырваться.

— Много у вас таких?

— Было... трое... От психических заболеваний не гарантировано ни одно человеческое сообщество, сэр.

— Это действительно профессор Хорнфункель? Из Биологического центра?

Вайст нахмурился:

— Это он. Врачи считают его безнадежным.

— Почему его не отправят к родным в Европу?

— Он совершенно одинок. А отправить его в европейскую клинику я... просто не решился. Его бред... может показаться несколько странным... Вы понимаете?..

— Нет, не понимаю, — сказал Цезарь. — Я хотел бы побеседовать с ним, когда он успокоится.

— Он бывает опасен, сэр.

— При разговоре пусть присутствует врач, санитары.

— Хорошо, — кивнул Вайст. — Вас известят, когда... его успокоят.

— Чем сейчас занимаются в Биологическом центре?

— Мы как раз меняем профиль работ, — сказал Вайст, снова садясь за свой стол. — По предложению нового директора центр переименовали в Антропологический. Главная задача — изучение болезней, распространенных в Экваториальной Африке, — холеры, проказы, желтой лихорадки, сонной болезни, лихорадки Денге...

— Новый директор центра — кто он?

— Доктор Насимура из Японии. Он специалист по инфекционным заболеваниям. Рекомендовал его нам господин Найто — президент фармацевтической компании «Грин Кросс», они производят искусственную кровь.

— Я хочу побывать в... Антропологическом центре и побеседовать с доктором Насимурой, — объявил Цезарь.

— Можно сделать это, например, завтра, — предложил Вайст. — Центр — в полутора часах полета от Блюменфельда.

На следующее утро, когда они шли к вертолету, Вайст сказал:

— К величайшему сожалению, должен сообщить, что профессор Хорнфункель скончался сегодня ночью. Я понимаю, у вас могут возникнуть сомнения... Вечером вам представят результаты вскрытия и заключение врачей.

— Излишне, господин Вайст, — холодно ответил Цезарь.

Насимура оказался круглолицым, розовощеким, седым толстячком, подвижным, улыбчатым, изысканно-вежливым. На вид ему было лет пятьдесят. Чем-то он напоминал Крукса в те времена, когда адвокат был помоложе.

Насимура встретил их у трапа и приветствовал поясным поклоном; согнувшись пополам, он не отрывал улыбающегося взгляда от лица Цезаря. При этом концы его бровей опустились к ушам. Когда Насимура распрямился, оказалось, что его рост не превышает пяти футов, а странный изгиб бровей присущ ему постоянно, что придавало лицу выражение восторженного удивления.

Он приветствовал Цезаря по-французски, но тотчас перешел на немецкий, которым владел в совершенстве, хотя слегка картавил и его немецкие «р-р» звучали очень забавно.

Насимура сразу повел Цезаря и Вайста осматривать центр, который представлял собой большую строительную площадку. Цезаря сопровождали Суонг и двое индонезийцев. Гаэтано с четверкой своих парней остались у вертолета. Пока закончен

был один корпус — длинное серое двухэтажное здание с лоджиями на втором этаже, но почти без окон.

— Тут будут клиники инфекционных болезней, — сказал Насимура, — биохимическая и прочие лаборатории, конференц-зал, библиотека. В подвальных этажах — холодильные камеры, склад медикаментов, патолого-анатомическое отделение, морг...

— А это зачем? — удивленно спросил Цезарь.

Круглая розовая физиономия Насимуры озарилась ослепляющей улыбкой. Глаза совсем исчезли в добродушных складочках век.

— Прошу извинить, уважаемый господин Фигуранкайн, но мы будем работать с инфекционным материалом. Опасные заболевания, даже смертельные. Летальные исходы неизбежны. Каждый случай необходимо тщательно исследовать анатомически.

Продолжая улыбаться, он провел двумя пальцами черту в воздухе, совершая воображаемый разрез.

— Я полагал, — заметил Цезарь, — что в основу исследований подобного рода будет положена работа с культурами микробов-возбудителей.

— О, разумеется, разумеется, — закивал Насимура, — это, конечно, тоже. Однако, прежде чем переходить к культурам штаммов, сначала все необходимо проследить на живых людях. Мы не случайно назвали центр Антропологическим.

— Где, в таком случае, вы возьмете больных?

— О, — всплеснул руками Насимура, — за этим дело не станет...

— В Африке часты инфекционные заболевания, — вмешался Вайст. — Тут и в соседних странах. Больных будет достаточно.

— О да, конечно, — улыбаясь, подтвердил Насимура, — конечно, и это тоже. Морг будет соединен подземным тоннелем с крематорием. Крематорий построим вот там — за теми большими деревьями. — Он показал пальцем где. — Все большие деревья мы, по возможности, сохраняем...

— Чтобы была тень, — добавил Вайст.

— О да, конечно, чтобы ничего не было видно сверху.

При осмотре строящихся объектов Насимура представил Цезарю нескольких сотрудников центра. Все они показались Цезарю какими-то странными, безликими, подавленными, по-

груженными в собственные мысли, очень далекими от всего окружающего.

После окончания осмотра Насимура пригласил Цезаря и Вайста в свою временную, как он сказал, «пещеру», где находился и его рабочий кабинет. «Пещера» оказалась маленьким, уютным японским домиком с раздвижными стенами. Кабинет занимал ровно четвертую часть домика и ничем не оправдывал своего названия. Он был почти пуст, устлан плетеными татами, вдоль стен лежали круглые, расшитые шелком японские подушки, а по углам бесшумно вращались большие вентиляторы. В центре «кабинета» стоял низкий японский столик, накрытый для ленча.

Перед тем как войти в «пещеру», Цезарь подозвал Суонга и шепнул несколько слов. Суонг кивнул и тотчас исчез. Снаружи возле домика остались лишь двое индонезийцев. Остальные сопровождавшие босса при осмотре строительства разошлись.

Насимура с низкими поклонами пригласил Цезаря и Вайста занять места на циновках возле столика. Затем он попросил разрешения покинуть их на несколько минут, чтобы отдать необходимые распоряжения, Когда он вышел, Вайст наклонился к Цезарю и сказал:

— Насимура не догадался пригласить и господина Суонга, но это легко исправить...

Цезарь отрицательно качнул головой:

— Нет. Суонг будет занят некоторое время.

Вайст вопросительно взглянул на Цезаря, но возвратился Насимура в сопровождении молодого японца, который нес огромный поднос, уставленный множеством мисок, содержимое которых было столь же загадочно, сколь и ничтожно мало по объему.

Ленч, состоявший из огромного количества экзотических кушаний, в соответствии с японским этикетом прошел за светской, ни к чему не обязывающей беседой. Пили из крошечных серебряных рюмок саке — подогретую рисовую водку, японское пиво. За кофе Цезарь вдруг заявил, что выпил бы еще коньяка... Насимура, видимо, удивился, однако позвонил в серебряный колокольчик, и через минуту на столике появились бутылка французского коньяка и три бокала. Цезарь сам налил коньяк и предложил выпить за здоровье хозяина. Насимура, крайне польщенный, провозгласил ответный тост.

Вайст не спускал с Цезаря удивленного взгляда, а тот как ни в чем не бывало предложил выпить и за здоровье Вайста. Явно раздосадованному и обеспокоенному Вайсту пришлось последовать примеру Насимуры. Потом Цезарь провозгласил еще тост. Смысла его Вайст не уловил, пытаясь сообразить, что произошло с Цезарем. На этот раз Вайст только коснулся коньяка губами, но Цезарь и Насимура опорожнили свои бокалы. Бутылка почти опустела. Насимура заметно захмелел. С его лица не сходила блаженная улыбка, глазки стали масляными, а брови изогнулись к ушам еще сильнее. По-видимому, захмелел и Цезарь. Он расстегнул воротник рубашки и, обмахиваясь веером, который ему дал Насимура, глядел на японца с явным одобрением.

— Мне нравится у вас, — сказал он, наклоняясь в сторону Насимуры, — и вы мне нравитесь, профессор. Я люблю Восток, вашу страну, ваше умение трудиться, традиции самурайского духа...

«Что он говорит?» — подумал Вайст, теряясь все больше.

Не переставая улыбаться, Насимура развел пухлыми ручками:

— К несчастью, самурайский дух выветривается в нашей стране. Молодежь не хочет следовать традициям.

— Ну а вы, господин Насимура? Вы, конечно, воевали. Читаю в ваших глазах непреклонность истинного самурая.

Вайст кашлянул:

— Извините, босс, если хотите сегодня посмотреть шахту...

— К черту все шахты. — Цезарь махнул рукой. — Я сказал, мне тут нравится. Вы десять дней таскали меня по джунглям. Дайте отдохнуть хоть немного в хорошем месте с приятным человеком. Не хочу сейчас никуда ехать. Ну так что, Насимура, вы ведь самурай, правда?

— Благодарю вас. На войне я всегда старался соблюдать самурайский кодекс чести...

— А где вы воевали? Расскажите о себе, Насимура. Я хотел бы получше узнать вас. Антропологический центр — это очень важно. Не так ли, Вайст? Тут нужен человек твердый, очень твердый.

— Если вам угодно, я готов рассказать о себе... — Насимура поклонился, почти коснувшись лбом края стола.

«Глупец, — подумал Вайст. — Какой глупец! Ну, пусть свершится то, что, по-видимому, должно было свершиться...»

— Я весь внимание, — заверил Цезарь.

— Благодарю вас. Мне довелось воевать на Филиппинах, потом в Маньчжурии... Я изучал медицину в Осаке. Моя диссертация... — Насимура вдруг рассмеялся, — впрочем, это неважно.

— Нет-нет, Насимура-сан, не скромничайте. — Цезарь разлил остатки коньяка по бокалам. — Мне все интересно. Говорите.

— Благодарю вас. Я сначала занимался... ядами. Их воздействием на организм человека. Существуют яды, которые после смерти невозможно распознать. Но яд это яд... Многие очень дороги. Пользоваться ими не всегда удобно. Бактерии гораздо лучше. Их можно приготовить неограниченное количество. Можно вводить в организм с водой, пищей, даже распылять в воздухе. Человек вдохнет их, например, и через неделю начинается заболевание, похожее на воспаление легких. Исход — смертельный.

— Вам удалось вывести такие бактерии, Насимура?

— Удалось.

— И вы их опробовали?

— Конечно. На филиппинцах.

— Но ведь ждать целую неделю — это долго.

Насимура рассмеялся:

— Есть разные способы, глубокоуважаемый господин Фигуранкайн. Мне, например, известно более сорока способов умерщвления человека так, чтобы сам факт смерти не вызвал подозрений, что смерть насильственная. Это целое искусство, уверяю вас.

— Не сомневаюсь. Выпьем... за умение.

Они вдвоем чокнулись и выпили. Вайст окончательно убедился, что ему отведена лишь роль наблюдателя.

— Чем же еще вам пришлось заниматься, самурай Насимура?

— О-о... Спасибо! Очень многим. Я, например, разработал план заражения чумой филиппинского острова Лейте. Мы вырастили пятнадцать тонн зачумленных блох. Их должны были сбросить с самолетов, но...

— Операция не удалась? Почему?

— Наши войска успели захватить Лейте раньше.

— А блохи?

Насимура вздохнул:

— Пришлось уничтожить. Часть мы, правда, испробовали на военнопленных. Лагерь потом пришлось уничтожить.

— Много их там было?

— Блох?

— Нет, пленных.

— Несколько тысяч.

— Профессор, конечно, преувеличивает,— не выдержал Вайст.

— Извините,— обиделся Насимура.— Я ученый. Оперирую только фактами. Подобные эксперименты осуществлялись неоднократно. Также в Маньчжурии. И в лагерях германского рейха. А военнопленные — они ведь все равно подлежали уничтожению.

— Вы правы, Насимура,— кивнул Цезарь.— Кстати, Маньчжурия... Чем там пришлось заниматься?

— О-о, в Маньчжурии я имел счастье служить под началом незабвенного генерала Сиро Исии.

— В отряде семьсот тридцать один?

— Вы слышали? — В масляных глазках Насимуры мелькнуло что-то похожее на испуг.

— Я же говорил, люблю Японию,— усмехнулся Цезарь.— Поэтому знаю о нёй больше, чем многие. И постоянно стремлюсь узнать еще больше.

— Да, я слышал,— сказал Насимура.— Вы не только большой бизнесмен, вы тоже большой ученый, господин Фигуранкайн.

— Но мы с вами трудимся в противоположных научных направлениях, Насимура-сан. Однако вернемся в Маньчжурию...

— Да, вернемся.— Лицо Насимуры снова озарилось прежней улыбкой.— Генерал Исии поручил мне очень интересные исследования — воздействие холода на человеческий организм...

— Эксперименты с холодом? Как же это осуществлялось?

— О-о, очень просто... Человека раздевают догола и помещают в морозильную камеру со специальными окнами. Наблюдения фиксируются также на кинопленку... Зимой в Маньчжурии сильные морозы. Опыты по обмораживанию можно проводить прямо на свежем воздухе. Можно использовать переохлажденную воду со льдом. Способов много...

— Однако не это было вашей главной задачей в Маньчжурии?

— Не это, нет... Потом приехал Иосимура, и я передал ему секцию холода. Он сейчас один из ведущих экспертов по про-

блеме выносливости человека в условиях холода — ученый с мировым именем.

— А сами вы?

— Я тогда сосредоточился на эпидемиологии... Мне удалось разработать технологию высушивания бактерий чумы и способ их хранения в сухом виде. Мы вывели штамм чумной бактерии, по вирулентности в шестьдесят раз превосходящий обычную. Представляете?.. Занимались еще бактериями тифа, холеры, сибирской язвы. Это очень хорошо для заражения колодцев, рек, пастбищ. К концу войны только чумных бактерий у меня имелось около ста килограммов. Я думаю, при идеальных условиях их хватило бы для уничтожения всего человечества...

— Простите, я оставлю вас ненадолго, — сказал Вайст, поднимаясь.

— А мы сейчас все двинемся отсюда, — кивнул Цезарь. — У меня последний вопрос к профессору: кожу с живых людей вам приходилось сдирать?

— Кожу? — опешил Насимура. — Как это? Не понимаю.

— Это очень просто. Надрезают полосками и сдирают по одной. Можно начинать с груди, можно со спины.

Голова Насимуры ушла в плечи, он молча глядел на Цезаря широко раскрытыми глазами.

— Так приходилось или нет?

— Н-нет...

— Странно... Но это существенно меняет дело... Пожалуй, вы не подойдете мне... Нам с ним не подойдете. — Цезарь кивнул на Вайста, который продолжал молча стоять рядом. — Определенно не подойдете, профессор Насимура... Просто не знаю, что с вами делать. Может, передать вас русским, как военного преступника? Они наверняка разыскивают вас...

— Но позвольте, — начал Насимура, — если это шутка...

— Теперь помолчите, — прервал Цезарь. — Это не шутка. И вы не шутили... Так ведь?

— Но я...

— Помолчите. Вы здесь действительно не подходите. Даже здесь... И нигде...

— Господин директор Вайст! — Насимура перешел на крик.

Вайст холодно пожал плечами:

— Здесь всем распоряжается господин Фигуранкайн. Я лишь один из его служащих.

— О боги... — простонал Насимура.

— Пожалуй, мы сделаем так, — сказал Цезарь. — Вы много экспериментировали на живых людях, профессор. Попробуем поэкспериментировать на вас. Интересно проверить, сохранилось ли в вас хоть что-нибудь человеческое. Это потребует времени... Поэтому я вынужден ограничить вашу свободу... Суонг!

Наружная стена кабинета отодвинулась, пропустив Суонга и троих индонезийцев. Вайст бросил взгляд наружу и убедился, что домик окружен людьми Цезаря.

— Возьмите его, Суонг, — сказал Цезарь, указывая на Насимуру, — и пусть ваши люди с него не спускают глаз. Ом поедет с нами...

Насимура, которого уже подняли из-за стола, пробормотал несколько слов по-японски.

— Ну, разумеется, — ответил Цезарь. — Если бы вы могли знать! Если бы могли знать, вы, конечно, отравили бы меня сегодня. Вам ведь известно сорок способов...

Насимура бросил на Цезаря яростный взгляд, но промолчал.

— Идемте, Фридрих, — сказал Цезарь, — надо возвращаться в Блюменфельд. Назначьте здесь кого-нибудь вместо него...

— Строительство продолжать? — спросил Вайст, глядя вслед Насимуре, которого уводили люди Суонга.

— Продолжайте, кроме крематория. Руководителя центра я подыщу сам и пришлю вам...

— Понял... Но у нас еще найдется время побывать сегодня на ближайшей шахте.

— Оставим на мой следующий приезд. Сегодня вечером я покидаю полигон.

— Так точно.

— В случае необходимости обращайтесь теперь прямо ко мне... Минуя Нью-Йорк.

— Понял. Благодарю.

— Чуть не забыл. — Цезарь взял Вайста под руку. — В этот приезд я не видел милого шутника Шварца. Что с ним?

— У него был диплом пилота. Я предложил включить его в состав первой группы кандидатов. Он уехал. Больше ничего не знаю. И еще... В свое время вы спрашивали меня о Герберте Люце. Помните?

— Конечно.

— Именно он оба раза отбирал кандидатов в пилоты. У него было распоряжение мистера Пэнки.

— Да, я знаю... — Цезарь нахмурился. — Эти люди к вам больше не вернутся.

— Понял.

— Надеюсь, вы не очень сердитесь на меня за сегодняшнее, Фридрих?

Вайст взглянул прямо в глаза Цезарю:

— Я не обладаю подобным правом, сэр. Я всего лишь служащий вашей «империи».

Вечером на аэродроме, когда Цезарь в сопровождении Вайста подошел к трапу «боинга», навстречу быстро спустился Гаэтано.

— Он отравился, сеньор... — На темных щеках Гаэтано подрагивали желваки.

— Кто? — не понял Цезарь.

— Японец. У него был яд в перстне. Отравился, как только мы увели его в самолет. Я виноват... Недосмотрел...

Цезарь взглянул на Вайста.

— Единственное человеческое качество, которое в нем еще тлело, — страх...

— Как поступить, если его станут разыскивать — родственники или... господин Найто? — спросил Вайст, покусывая губы.

— Это дело вашей совести, Фридрих... Впрочем, мне почему-то кажется, что его никто не станет разыскивать... Как вы думаете, почему он уехал из Японии и носил с собой мгновенно действующий яд?..

Они прилетели в Гвадалахару к рассвету, Цвикк остался в аэропорту завершить необходимые формальности, Стив, Тео и Шейкуна бегом отправились на поиски автомашины. Площадь перед зданием аэровокзала была пуста. За углом шофер единственного такси сладко спал в кабине старенькой «тойоты», положив голову на руль. Его растолкали.

— Нам в город, быстро, — сказал Стив.

Шофер — красноносый пожилой мексиканец с темным и мохнатым заростом на давно небритых щеках и уныло выдвинутой вперед нижней губой — долго сопел, потягивался, вздыхал, потом так же долго заводил свою видавшую

виды «старушку». Вначале она никак не хотела заводиться, но в конце концов мотор чихнул, закудахтал, и они потихоньку тронулись с места. Полусонный водитель явно не торопился — стрелка спидометра подрагивала между двадцатью и тридцатью милями.

Стив не выдержал — легонько толкнул шофера в широкую спину:

— Амиго, мы спешим. Если хочешь спать, ложись в багажник. Сами поведем твой «кадиллак», а приедем — разбудим.

— Вам куда надо? — хрипло спросил шофер, не увеличивая скорости и не поворачивая головы.

Стив назвал адрес виллы «Лас Флорес».

Такси затормозило и остановилось.

— Туда не проедем,— сказал шофер и выключил мотор.

— Это еще почему?

— Там вчера что-то случилось... Большой взрыв был. Полиция все оцепила, никого не пускает.

— Где взрыв, на какой улице?

— Не знаю, я там не был. Стекла в половине города вылетели. Давайте лучше в отель отвезу.

Стив стиснул зубы:

— Нам туда надо. Только туда. Поезжай сколько можно...

— Туда не поеду.— Шофер снял с руля руки и скрестил на груди.

— Шейкуна,— обратился Стив к африканцу, невозмутимо восседавшему рядом с шофером,— уговори!

Шейкуна молча положил огромную левую ладонь на плечо шофера, а правую сжал в кулак и поднес к его носу. Шофер дернулся, но Шейкуна держал крепко. Шофер искоса бросил взгляд на своего соседа и, видимо, решил, что лучше не спорить.

— Ладно, повезу,— пробормотал он плаксивым тоном,— с полицией вы разбираться будете...

— Не тревожься,— сказал Стив.— Поезжай, только быстрей...

Сам он, как ни старался, не мог заставить себя успокоиться с того момента, как прослушал письмо Инге. Теперь же, узнав о взрыве, с трудом сдерживал бившую его изнутри дрожь. Ощущение несчастья нарастало, как лавина... Взрыв, конечно, там... Значит... Он до боли сжал зубы, чтобы не застонать.

Машина покатилась быстрее. Шофер давил на акселератор, время от времени поглядывая на Шейкуну.

Золотая кайма солнечного диска обозначилась над зубчатой цепью Восточных гор, когда такси, свернув с пустынной авениды Мариано Отеро, остановилось перед полосатым шлагбаумом, перегородившим боковую улицу. К ним подошел полицейский:

— Проезд закрыт, сеньоры. Возвращайтесь на авениду Лас Торрес.

Стив торопливо выбрался из машины.

— Я здесь живу... Мне необходимо...

— Вам придется обратиться к комиссару. Два квартала за углом налево. А здесь сейчас никого нет. Люди эвакуированы, опасаемся новых взрывов.

— Вилла «Лас Флорес»... в четырех кварталах отсюда. — Стив с трудом перевел дыхание. — Может быть, вы знаете?..

Полицейский внимательно взглянул на него:

— Очень сожалею... Именно там, сеньор... Вам необходимо пройти к комиссару. Я провожу...

К вечеру все стало ясно. Бригады спасателей добрались до полузаваленных подвалов, и работы прекратили. Пожарные машины, краны и бульдозеры длинной вереницей потянулись прочь от груды камней, черневшей на месте виллы «Лас Флорес».

Под развалинами нашли Пако, Мариэлю и кота Базиля. Они были мертвы. Инге и старая Мариана исчезли бесследно.

Быстро темнело. Стив курил, сидя на цоколе снесенной взрывом ограды. Рядом шелестели шаги. Проплывали золотистые искры сигар. По улице шли люди. Взрослые вели и несли детей. Жители возвращались в свои дома. Они шли, тихо переговариваясь, и замолкали, проходя мимо места, где раньше стояла «Лас Флорес».

Стив подумал о том, что многие дома вокруг — дома этих людей — тоже сильно пострадали. Есть раненые... Надо будет помочь... В сущности, виноват он — он один... И он обязан искупить свою вину перед этими людьми. Потом он вдруг вспомнил о фатальных драгоценностях... Если они и не исчезли, искать их в этой куче камня, стекла и обугленного дерева, конечно, бесполезно. Да и к чему они теперь...

Совсем близко послышались тяжелые шаги, треск стекла под подошвами. Кто-то подошел в темноте:

— Мистер Смит?

Стив поднял голову:

— Я...

— Вот поглядите.

Вспыхнул яркий луч света от карманного фонаря. Осветил покореженный кусок жести с остатками белых букв и цифр.

— Номер той машины. Взрывом забросило на соседнюю улицу. Это уже кое-что! Номер американский. Попробуем узнать, когда они пересекли границу.

«А, это комиссар... Он еще рассчитывает поймать кого-то. Чудак...»

— Мистер Смит, вы поняли? Это номер той машины, начиненной взрывчаткой. Ночью ее подогнали близко, а на рассвете направили на дом. Скорее всего, по радио...

— Тут были ворота, комиссар,— сказал Стив, поднимаясь.— Вы говорили, что взрыв произошел возле самого дома.

— Ворота могли ночью открыть.

«Да, конечно,— думал Стив,— ворота они могли оставить открытыми, когда уводили Инге. Но куда девалась Мариана? И почему Пако ничего не услышал? И собаки...»

— Собаки? — повторил он вслух.

— Что, простите? — не понял комиссар.

— Нет, ничего особенного. На вилле были собаки...

— Собаки? Гм, странно... Вчера мы не видели ни одной. Сегодня тоже... Вчера под развалинами стойла нашли полуобгоревших коз, кур. Я видел останки голубей, раздавленного попугая, несколько раненых кошек. Не знаю, отсюда или из соседних домов... Их забрали в ветеринарную лечебницу. А собак не попадалось.

«Впрочем, и Инге не вспоминала о них,— подумал Стив.— Кто теперь скажет... Может, их уже давно здесь не было... Почему я думаю об этом? Разве в собаках дело...»

Над Атлантическим океаном «боинг» Цезаря резко снизился. Запакованное в пластиковый мешок тело Насимуры с привязанным к нему грузом сбросили из багажного отсека через люк. «Боинг» снова набрал заданную высоту и взял курс на Манаус.

Первым, кого Цезарь увидел в холле отеля «Хилтон» в Манаусе, был Мигуэль Цвикк. Вид Цвикка не обещал хороших новостей.

— Ну, что у нас плохого, Мигуэль? — спросил Цезарь, подходя и протягивая руку.

— Не обрадую, патрон.— Цвикк вздохнул, вяло отвечая на рукопожатие.

Узнав, что произошло в Гвадалахаре, Цезарь долго молчал, покусывая пальцы.

— А эта женщина, которая исчезла, кто она такая? — спросил он наконец.

— Понятия не имею, но он теперь сходит с ума...

— Вы оставили его там?

— Там, вместе с его людьми.

— Это может оказаться ловушкой.

— Может... Он не хотел ничего слушать. А я не мог больше ждать.— Цвикк тяжело вздохнул.

— Плохо... Он был мне так нужен...

— Летите к нему в Гвадалахару, патрон. Я расстался с ним вчера, а вы можете увидеться завтра. Вероятно, он еще там.

В Гвадалахаре Стива уже не оказалось. В управлении полиции Суонгу сообщили, что мистер Смит покинул город тотчас после похорон обитателей виллы «Лас Флорес». Ни одна подпольная террористическая группа не объявила о причастности к взрыву, и, если действительно имело место похищение, похитители выжидали. Следствие велось своим чередом, но, как сказал комиссар, «похвастаться полиции пока нечем». Все это Суонг передал Цезарю вместе с пачкой местных газет. Газеты подробно писали о взрыве, его последствиях и беспомощности полиции.

— Стив, конечно, начал свое собственное расследование,— предположил Цезарь,— но где теперь его искать?

В международном аэропорту Гватемалы Рунге и его спутника встретили двое — оба высокие, молодые, смуглолицые, с черными усиками, оба в одинаковых белых костюмах, черных очках и широкополых белых шляпах. Рунге окинул встречавших мрачным взглядом и, не говоря ни слова, прошел вперед. Остальные молча последовали за ним. Минуя паспортный контроль, они прошли через служебный выход и сели в черный «крайслер» с дипломатическим номером.

Один из встречавших — он сел за руль — повернулся к Рунге:

— Девчонка в «Гватемала Палас», экселенсио. Ехать прямо туда?

— Вы что, не нашли более подходящего места?

— Ее поместили туда вчера. Открылось нечто новое, экселенсио.

— Вы оба идиоты,— процедил сквозь зубы Рунге.— Зачем вам понадобилось взрывать виллу?

— Это не мы... Мы взяли девчонку вечером. Взяли так тихо, что никто не слышал. А взрыв был под утро. Узнав, что взорвана именно эта вилла, мы сразу драпанули оттуда.

— И вы не знаете, чьих это рук дело?

— Понятия не имеем, экселенсио... Мы не рискнули там оставаться. Взрыв поднял на ноги всю полицию. Мы едва успели проскочить гватемальскую границу.

— Что она сказала?

— Девчонка? Почти ничего.

— Я правильно понял? Вы за неделю не сумели разговорить ее. Забыли, как это делается?

— Мы ничего не забыли, экселенсио. Все шло нормально... Но она сказала, что ее зовут Инге Рюйе...

— Ну и что?

— Рюйс, экселенсио. Она — дочь покойного Герберта Люца Рюйе.

— Та-ак... И что она сказала еще?

— Важного ничего... Но у нее оказался... перстень... этот... как у вас.

— Что такое? Что вам померещилось, кретины?

— Не померещилось, экселенсио. Вы сами сможете убедиться. Мы поняли, что это за перстень, когда принялись за ее ногти... После этого пришлось поместить ее в «Гватемала Палас» до вашего приезда.

— Надеюсь, вы не оставили ее там одну?

— Как можно, экселенсио?

— Тогда побыстрей туда.

На бульваре Президентов возле «Гватемала Палас» стояла толпа людей. Рунге заметил несколько полицейских «виллисов», белую машину с красным крестом. У входа в отель маячил полицейский.

— А ну узнай, что там такое,— приказал Рунге своему молчаливому спутнику.

Тот возвратился через минуту:

— Ничего особенного. Кто-то выбросился из окна. Видите, открыто — на двенадцатом этаже.

— Карамба! — вырвалось у водителя.

— Она? — быстро спросил Рунге. — Выходите. Нельзя, чтобы ее увезли.

Они вчетвером быстро направились к санитарной машине, в которую уже вкатывали носилки, покрытые белой простыней, Рунге шагал впереди.

— Подождите, — обратился он к врачу, который стоял возле машины. — Эта женщина. Я ее знаю... Не увозите...

— Но она мертвая, сеньор.

— Слушайте, что вам говорят. Мы заберем тело в посольство. Вот, смотрите. — Рунге показал врачу документ.

Подошел полицейский. Глянул на документ Рунге. Почесал за ухом.

— Пусть забирают, — сказал врачу и добавил совсем тихо: — С этими лучше не связываться.

Носилки снова выкатили наружу. Спутники Рунге подхватили их.

— Несите пока в отель, — приказал Рунге. — Оттуда позвоним, чтобы прислали спецмашину.

Толпа, окружившая их, медленно расступалась. Рунге шел последним. Какая-то нищая индианка потянула его за рукав:

— Сеньор...

— Отвяжись, — отмахнулся он.

Она не отпустила.

— Сеньор...

Он резко повернулся, и тогда она ударила его ножом в живот.

Он закричал, согнулся, стал оседать на асфальт. Толпа шарахнулась, оттеснив людей с носилками к входу в отель.

Спасти американца не удалось. Нож оказался отравленным. Старуха индианка в суматохе скрылась.

— Пришло время расставить последние акценты, Цезарь, — многозначительно начал Пэнки. — Ты, вероятно, уже догадался, дорогой мой, что мы создавали ОТРАГ не только для того, чтобы снабжать оружием Преторию и ее друзей...

— Последнее время мы неплохо зарабатываем на этом, — заметил Цезарь.

— Верно... Дела «империи» пошли лучше, несмотря на потрясения, которые пришлось пережить.

— Пошли лучше, благодаря вам, Алоиз.

— Не без этого. — Фиолетовые губы Пэнки искривились подобием улыбки. — Цены на золото и нефть растут... «Империя» снова утвердилась на своих фундаментах. Но не все складывается как надо, Цезарь. Меня беспокоят Шарк и этот черномазый Линстер... Деньги на них уходят — отдачи нет.

— Линстер зависит от результатов работ Шарка.

— А сам сидит сложа руки? Он еще не вооружил корабли.

— Сейчас главное, чтобы они снова могли летать...

— Что толку, пока они безоружны. Нужны боевые корабли, а не «летучие голландцы». Нет, Линстер с его упрямством мне перестает нравиться.

— Дайте алмазы, Алоиз. Линстер покажет, чего он стоит.

— Алмазы... Закупить столько, сколько ему надо, сейчас невозможно... А Шарк...

— Шарку, конечно, нелегко... Ему мешают...

— Мешают! Но мы его вооружили. У него есть чем отбиться... Он тоже дьявольски упрям... Можно было дать ему не только оружие, но и охрану. Он сам не захотел. Пусть выкручивается...

— В чем у него главная заминка?

Пэнки прикрыл глаза.

— Главная — в алмазах. Ищет на дне свой «алмазный слой» и не может найти.

— Пусть начинает добычу из кимберлитов.

— Не хочет. Считает пустой тратой времени...

— Надо его заставить, Алоиз.

— Заставь своего Линстера вооружить УЛАКи! Шарк так же упрям, как и Линстер. Ничего нет хуже гениев... Мы, однако, ушли в сторону от главного, Цезарь. Главное сейчас — ОТРАГ. Пора переходить к решающей операции...

— Что вы имеете в виду?

— Сейчас объясню...

Пэнки выдвинул ящик стола, достал коричневый пузырек с таблетками, потом запустил руку подальше, пошарил и извлек черную коробочку — кубик, в каких ювелиры хранят кольца. Он начал было открывать черный кубик, но раздумал, отставил его в сторону и принялся вытряхивать из пузырька на ладонь таблетки.

Цезарь поднялся с кресла, подошел к окну кабинета. Внизу в обрамлении многоэтажных зданий лежал зелено-желто-коричневый прямоугольник Центрального парка. На дорожках сквозь поредевшую листву видны были дети, разноцветные детские коляски. Неяркое осеннее солнце превратило в золото стекла домов по восточной стороне Пятой авеню. Вдали над северными кварталами Манхэттена висели тяжелые, сизо-черные тучи.

«Почему мне так чужд этот город? — думал Цезарь.— Я же родился здесь. Эта страна — моя родина, но, попадая сюда, я каждый раз считаю дни до отъезда. Вот и сейчас... Какое облегчение приносит мысль, что завтра улетаю, что впереди Канди, потом Ява, где ждет встреча с доктором Хионгом. Наша работа с ним... Нет, я не выдержал бы, если бы пришлось провести жизнь в этом кабинете, как Алоиз, делая вид, что управляешь отсюда миром...»

— Иди же сюда, Цезарь,— позвал Пэнки, справившись с таблетками.

Он сидел выпрямившись в своем кресле президента-исполнителя главного банка «империи» — высокий, худой, торжественный, положив высохшую руку на черную коробочку-кубик.

«Что он еще придумал? — размышлял Цезарь, подходя к столу и присаживаясь в кресло напротив.— У него такой вид, словно намеревается осчастливить меня».

— Я рад, Цезарь, что ты увлекся делами наших полигонов, отдаешь им столько времени, энергии. Именно это позволило мне сосредоточиться на других задачах... Недавно тут был с визитом Вайст. Он с большой похвалой отзывался о новом руководителе Антропологического центра, которого ты прислал... Как его?

— Доктор Суонг.

— Жаль, что азиат... Но, в конце концов, разница небольшая — японец, индонезиец... Важно, чтобы занимался настоящим делом.

— Конечно, Алоиз. Настоящее дело — главное...

— Оно еще впереди... Но уже скоро... Теперь скоро...— Пэнки опять прикрыл глаза и говорил совсем тихо, словно размышляя вслух.— Мы думали дублировать главную операцию кораблями Линстера... Такие корабли могли бы осуществить ее и целиком... Но, понимаешь, Цезарь, я все более не

доверяю Линстеру. Если бы его можно было заменить... Как, по-твоему, не водит ли этот черномазый нас за нос? — Пэнки приоткрыл глаза и устремил немигающий взгляд на Цезаря.

— В отличие от Шарка он осуществил то, что обещал, — Цезарь пожал плечами, — его УЛАКи могут летать...

— Я не об этом... Отказы от полетов. Они смахивают на саботаж...

— Вздор!

— Хорошо... Оставим пока. На чем мы остановились? Да, Вайст... Работы, которые он начал... Дурацкая болтовня о разрядке долго не продлится. Но после подписи, которую американский президент по глупости оставил прошлым летом в Хельсинки, многие стали слишком доверчивыми... С нового года президент в Штатах будет новый. К сожалению, среди кандидатов не вижу человека, способного поставить надежный заслон коммунизму. Придется ждать еще минимум четыре года... Поэтому ОТРАГ... — Пэнки проглотил еще таблетку. — В ближайшие недели у Вайста начнет работать фабрика по производству обогащенного урана.

— Для нашей атомной электростанции?

— Да, но не только... Когда пустим электростанцию, сможем получать плутоний, пригодный для производства ядерного оружия. ОТРАГ станет шестым обладателем водородной бомбы на Земле*.

— Хотите торговать водородными бомбами, Алоиз?

— Не иронизируй. Водородная бомба ОТРАГа станет оружием устрашения...

— И ОТРАГ начнет оспаривать мировое господство у американцев и русских?

— ОТРАГ создавался немцами, Цезарь. Прежде всего немцами. Ты забыл, что твой отец был немцем. И ты — немец, как он, как я, как Вайст и другие.

— Может, вам это покажется странным, Алоиз, но меньше всего я чувствую себя немцем, впрочем, и американцем тоже... Я слишком долго прожил на Востоке. Цейлон, Индонезия, даже Индия и Бирма мне ближе, чем Европа и обе Америки.

---

* С 1964 года число стран — обладателей водородной бомбы долго оставалось неизменным. Эта бомба была создана в пяти государствах — США, СССР, Англии, Франции и Китае. Два из них — Франция и Китай — не подписали договора 1968 года о нераспространении ядерного оружия.

— Ты говоришь кощунственные вещи, Цезарь.

— У нас с вами откровенный разговор. Я сказал, как думаю. А вот относительно ядерных амбиций ОТРАГа — я категорически против. В мире уже накоплено чудовищное количество ядерного оружия, и дай бог, чтобы оно никогда не было пущено в ход. Мы создали в центре Африки бронированный кулак огромной силы. Зачем превращать его в ядерный? И уж во всяком случае, замахиваясь на такое превращение, следовало посоветоваться со мной, узнать мнение наших самых доверенных акционеров. Хорошо еще, что все только в зародыше. Не поздно остановить лавину... Задумайтесь, Алоиз, вам-то зачем такое?

Пэнки сгорбился и прикрыл глаза рукой. Они долго сидели молча. Цезарь почти с состраданием глядел на этого старого, больного человека. Что заставляет его двигаться по пути зла, бесполезной жестокости, бессмысленной ненависти? Корыстолюбие? Нет, он живет достаточно скромно. Жажда власти — тоже нет, он все время остается в тени. Тщеславие? Едва ли, оно предпочитает яркий свет. Месть — стремление во что бы то ни стало разрушить восстановленное? Но он не успеет насладиться плодами — ему просто не дожить... Тогда что же?

— Боже мой, Цезарь, — тихо произнес Пэнки, не поднимая головы. — Ты ничего не понял... Ничего... Если бы ты знал, какой удар наносишь... Последние годы я работал... за тебя и... для тебя, Цезарь. Я видел в тебе... — он с трудом перевел дыхание, — продолжателя... да, продолжателя... и немца.

— Не расстраивайтесь, Алоиз, — Цезарь попытался усмехнуться. — Право, не стоит. Мы не раз спорили с вами о деталях...

— Это не деталь, Цезарь...

— Не расстраивайтесь. Время терпит. Мы поговорим еще... Поторгуемся... Может, и сойдемся на производстве каких-нибудь ядерных мини-бомб или атомных пистолетов.

Пэнки не глядя протянул руку, нащупал черную коробочку-кубик и закинул ее в ящик стола.

— Прощай, Цезарь, не жди... Я посижу немного, передохну.

Цезарь кивнул, вышел в приемную. Его телохранители поднялись навстречу. Яйцеголовый секретарь встал, почтительно поклонился.

Уже садясь в машину, Цезарь подумал, что придется отложить отъезд. Завтра он вызовет в Нью-Йорк Мигуэля Цвикка. Через две недели Америка выбирает очередного президента. В главном банке «империи» тоже будет новый президент-сполнитель... Цезарь предложит его кандидатуру на годовом собрании совета «империи». Пэнки останется консультантом с хорошим окладом и пенсией... Консультант — это все-таки не президент-исполнитель... А сегодня надо еще телефонировать Райе, предупредить, чтобы пока не ждала.

После ухода Цезаря Пэнки долго сидел неподвижно, подперев лоб ладонями. Потом распрямился, тяжело вздохнул, протянул руку к видеофону. На экране появился яйцеголовый секретарь.

— Зайдите, — коротко приказал Пэнки.

Секретарь тотчас очутился в кабинете, почтительно наклонил голову, ожидая новых приказаний.

— Сядьте.

Секретарь сел, вынул блокнот, приготовился.

— Не надо записывать. Кто возглавляет адвокатское бюро Феликса Крукса после его смерти?

— Сын — Феликс Крукс-младший.

— Там хранится завещание нашего босса.

— Возможно, сэр.

— Я сказал: там *хранится* завещание Цезаря Фигуранкайна. Пригласите завтра утром Феликса Крукса-младшего ко мне.

— Да, сэр.

Когда секретарь вышел, Пэнки снова подпер голову руками. Прошептал чуть слышно:

— Ты сам виноват, Цезарь... Другого выхода нет...

Что-то похожее на стон вырвалось из его впалой груди.

Вместо эпилога
ЭТО НЕ КОНЕЦ...

«Поводов для оптимизма все меньше... С каждым днем растут запасы оружия, все более разрушительного и чудовищного. Земля уже прогибается под его тяжестью... Безработица, инфляция, отравление природы, насилие, терроризм, региональные военные конфликты — таков наш мир... Гибнут люди в Никарагуа, Ливане, Анголе, в бессмысленнейшей ирано-иракской войне. Голодают сотни миллионов в Азии, Африке, Латинской Америке, а миллиарды долларов текут на вооружения...

Лишь раз за минувшие двадцать лет я почувствовала себя по-настоящему оптимисткой. Это было в день подписания хельсинкских соглашений. Показалось, что человечество повернет на путь разума, к подлинной разрядке, мирному сосуществованию, разоружению. Я тогда еще работала в Москве. Не слишком много лет прошло, а как все изменилось...»

Мэй вздохнула, захлопнула блокнот. «Зачем пишу это? Застарелая привычка стареющей журналистки, у которой все в прошлом и ничего впереди».

Она встала, подошла к окну, подняла раму. Ночь пахнула влажной духотой. Внизу искрился россыпями огней ее Лос-Андж, который когда-то она так любила. Мэй оперлась о подоконник, бездумно вглядываясь в мерцание миллионов разноцветных искр, желто-оранжевую подсветку бульваров, багровые сполохи реклам. По хайвеям бежали реки света — поток машин не редел и к ночи.

«Что ж, город как город — не хуже и не лучше многих других. Богатый, ярко освещенный, кичащийся роскошью, раздувающийся от гордыни и тщеславия и одновременно больной, несчастный, в червоточинах нищеты и отчаяния».

Где-то вдалеке возник стонущий звук полицейской сирены, он то замолкал, то прорывался снова — настойчивый, тревожный, остерегающий. Кто-то убегает, кто-то пытается поймать... Каждую ночь там внизу совершаются сотни преступлений. Убивают, грабят, калечат, насилуют, отравляют, давят машинами и душат в машинах. А сколько голодных, запуганных, измученных тоской, одиночеством, отчаянием в этом океане огней. Сколько готовых уйти из жизни, готовых стать преступниками. Город как город!.. Прекрасный и отвратительный. Пенящийся от наслаждений и омертвелый, опустошенный...

Зябко передернув плечами, Мэй закрыла окно. Вот и она — по-прежнему одна... Всю жизнь одна... Когда они встречались со Стивом последний раз? Когда встретятся снова и встретятся ли?.. Он продолжает балансировать на лезвии риска — донкихот конца XX века, благородный гангстер, за голову которого назначены награды. Чего он добился вместе со своим другом — мечтателем и разорившимся миллионером Цезарем? Выход из игры их злого гения Пэнки обернулся крахом «империи». Цезарь возвратился к своим древним рукописям, Стив вынужден скрываться, а ОТРАГ продолжает существовать... Шквал разоблачительных статей, пронесшийся несколько лет назад, не причинил «змеиной норе» большого вреда. А теперь, в обстановке военной истерии, ОТРАГ стал вполне респектабельной фирмой...

Звякнул телефон. Мэй глянула на часы. Скоро одиннадцать. Уже давно ей никто не звонит в такую пору. Кто это? А вдруг... Она схватила трубку:

— Алло.

— Мэй?.. Привет! Говорит Бен Джонс. Не забыла такого?

— О-о, Бен! Откуда ты взялся?

— Только что из Лимы. Слушай, Мэй, поразительная новость... Можно я сейчас загляну к тебе?

— Конечно, если для тебя не поздно...

— Для меня ничего никогда не поздно. Ты еще не ложилась?

— Нет... Приезжай.

В трубке щелкнуло. Мэй продолжала держать ее возле уха, но Бен, видимо, уже отключился. Она опустила трубку на аппарат, покачала головой: «И этот не изменился, даже став миллионером. Такой же суматошный и безалаберный, как двадцать лет назад. Даже не сказал, откуда звонит».

Бен появился через час. Сунул в руки Мэй какой-то сверток, чмокнул ее в ухо, опустил свой шикарный плащ на стояк для обуви.

— Повесь на вешалку, Бен.

— Неважно... Я ненадолго. Звонил из аэропорта. Но пришлось сделать крюк. В Голливуде какое-то сборище. Толпы, факелы, полиция...

— Вечером в «Чаше»* должен был состояться митинг в защиту мира. Я тоже собиралась пойти.— Мэй усмехнулась.

— Правильно сделала, что не пошла... Полиция зверствует. Видел, как волокли арестованных... А это тебе,— Бен ткнул пальцем в сверток, который Мэй продолжала держать в руках,— перуанское пончо из шерсти ламы.

— Спасибо... Дай поцелую тебя.

— Ручная работа индейцев кечуа,— Бен явно был растроган,— думаю, понравится.

Мэй провела его в комнату, усадила в кресло.

— Съешь что-нибудь? Я приготовлю.

— Нет, нет и нет. Выпить могу.

— Пива?

— Лучше сок.

— С ромом?

— Сокровище мое. Давно не употребляю.

— Невозможно, Бен.

— Увы, возможно. Тут,— Бен постучал себя в грудь,— перебои, аритмия, стенокардия, гипертония, еще что-то. Понимаешь, разбогатев, имеет смысл поберечь себя.

— Тогда пей сок и молоко. Ты неплохо выглядишь. В меру пополнел, хороший загар, кажется, и волос стало побольше...

— Тебе могу признаться. Волос мне добавили. Сделал небольшую операцию. Лысины теперь не в моде... Ты тоже неплохо выглядишь, Мэй, в твои сорок...

— Спасибо, как всегда, ты ужасно галантен.

— Сколько времени мы не виделись?

---

* Большой летний кинотеатр в Голливуде под открытым небом.

— Лет десять, наверно... Последний раз — когда я приезжала в отпуск из Москвы.

— Подумать только... Как летит время! Десять лет назад я только разворачивался.

— Ты уже и тогда был миллионером. Твои джинсы сделали небывалую карьеру.

— А сейчас я одеваю полмира, Мэй. Ну, может, немного меньше... И еще, — он снизил голос, — одеваю армии. Настоящие... В наше время военные заказы — это... — он многозначительно поднял палец, — это военные заказы, сокровище мое...

— А в Перу ты что делал?

— У меня там фабрики. Было две, теперь три. Скоро будет четвертая. Сейчас там выгодно вкладывать наши зеленые бумажки. Слушай, Мэй, я к тебе в связи с этой поездкой... Лет двадцать назад, когда я еще работал в «Универсум», мне однажды пришлось снабдить Стива Роулинга кардинальским облачением из нашего киношного гардероба. Я еще тогда нечаянно, — Бен хихикнул, — залил подол сутаны каким-то красным соком — ну, был под мухой и залил... Стив куда-то увез облачение, потом прислал мне обратно по почте. А потом началось... Его обвинили в убийстве кардинала Карлоса де Эспиносы. Меня тоже таскали из-за этой посылки, будь она проклята, — ничему не хотели верить.

— Я знаю, — тихо сказала Мэй. — Стив мне рассказывал.

— Так представь себе, в Лиме я встретил Карлоса де Эспиносу — того самого, из-за которого все получилось...

— И о нем знаю, Бен. Это дядя Стива. Он был кардиналом и отказался от сана. По профессии он астроном, работал в обсерватории Ватикана.

— Сейчас он профессор в университете. И понимаешь, на лекциях по астрономии он тоже твердит о мире, о борьбе за мир. И его слушают... Ну так вот... Только ты не волнуйся, Мэй! Он мне сказал, что... Стив жив.

— Да?.. А что ему известно?

— Ты не удивлена? А я думал...

— Бен, я слышала столько небылиц о Стиве. — Мэй вздохнула, опустила голову. — Меня ничем не удивишь. Но все-таки, что ты узнал?

— Понимаешь, история поразительная. Нас познакомили в Лиме — в смысле, меня с этим дядей... В разговоре я упомянул про его тезку-кардинала, и тогда он... Короче, он сказал,

что недавно видел Стива, что Стив написал книгу, что она печатается в Лиме и обязательно станет бестселлером. Там какие-то разоблачения, и эта книга — вода на мельницу борцов за мир. То есть, не в смысле, что книга — вода, а что она — документ огромного значения. Он — дядя — даже написал предисловие... — Бен выжидающе уставился на Мэй. — Странно, ты, кажется, действительно не удивлена... Тебе что-нибудь известно?

— Когда-то давно Стив думал о подобной книге.

— Но сам Стив, Мэй, — ты знала, что он жив?

Мэй заколебалась... «Сказать или нет? Бен был и остался болтуном, но если ему известно об этой книге... И его встреча с дядей Стива. Надо же, такое совпадение...»

— Стива Роулинга давно не существует, Бен, — начала она совсем тихо, — того Стива, которого мы с тобой помним. Тот, кто написал эту книгу, — совсем другой человек...

У Бена округлились глаза:

— Ты хочешь сказать, что кто-то подшивается под Стива?

— Нет... Просто тот человек не интересует меня.

— Вот что... Тогда понятно. — Бен захлопал глазами, и Мэй догадалась, что он ничего не понял. — Понятно, — повторил Бен не очень уверенно. — Ты извини, Мэй. А я-то думал... Ну, я поеду... Меня ждут.

Уже в передней, когда Бен снова облачился в свой супермодный плащ, Мэй сказала:

— Знаешь, Бен, пожалуй, не стоит никому рассказывать об этой истории...

— Ха... Считаешь меня совсем идиотом?.. Ни-ни... Больше никому... Ну, чао, сокровище мое. Даже не спросил, как ты живешь.

Мэн усмехнулась:

— Живу, как видишь... Все о'кей.

— Любимое выражение Стива, помнишь? Кстати, книга выйдет под псевдонимом. Автор — Джон Смит. Чао!

— Чао, Бен.

Дверь захлопнулась. Мэй задвинула засовы, наложила цепочку. Подумала. «Написал все-таки... Журналист в нем победил... Ах, Стив, Стив...»

Она снова подошла к окну. Город внизу продолжал искриться огнями. Она вздохнула: «Пожалуй, сегодня уже не заснуть...».

Присев к столу, она раскрыла свой блокнот на записях последних недель. «...Год выдался особенно тревожный... Угроза нового витка спирали вооружений становится трагической реальностью. Наша администрация во главе с новым президентом взяла курс на грубую силу. В конгрессе обсуждается небывалый военный бюджет — почти миллиард долларов в день на военные расходы. История такого еще не знала. Новые межконтинентальные ракеты чудовищной разрушительной силы; новые самоуправляемые крылатые ракеты с ядерными боеголовками, летящие к целям над самой поверхностью земли; новые самолеты-бомбардировщики; лазерные лучи смерти; новое химическое оружие...» Она взглянула на дату — это запись на последней сессии конгресса. А вот три дня спустя: «В разработку, производство и испытания новых видов ядерного, химического и бактериологического оружия включается все большее число компаний, исследовательских институтов, кафедр, лабораторий, заводов, раскинувшихся по всей территории Штатов — от Нью-Йорка до Калифорнии и от Иллинойса до Техаса и Флориды». Мэй горько усмехнулась: «Так отвечает Америка на советские предложения о разоружении».

Несколькими страницами дальше: «Военно-промышленный комплекс растет и разбухает буквально на глазах, черпая без меры из испеченного им же "ядерного пирога". Корпорации-киты — "Рокуэлл интернэшнл", "Дженерал электрик", "Бендикс", "Дженерал дайнэмикс", "Юнайтед текнолоджиз", "Макдонелл-Дуглас", "Мартин-Мариетта" — едва справляются с военными заказами на сотни миллионов долларов. Надежно срабатывает машина "отдачи"... Оружейные магнаты, щедро субсидировавшие предвыборную кампанию нового хозяина Белого дома, стригут теперь купоны...».

Мэй покачала головой: «Газеты, захлебываясь, твердят об экономическом чуде, о новом "просперити", которое идет на смену застою и инфляции. Да, доходы монополий растут, ставки банковского кредита — тоже... Но сквозь эйфорию силы, упоение богатством и, казалось бы, неограниченными возможностями Америки все отчетливее прорывается другое — растущий страх за последствия милитаризации, протесты миллионов простых американцев, требования прислушаться к голосу рассудка, который звучит из Москвы...»

Мэй перелистала еще несколько страниц. Вот последние записи:

«...В Европе, на других континентах и в самой Америке нарастает антивоенное движение. Люди разного общественного положения, с разными политическими убеждениями и социальными идеалами, молодые и старые, мужчины и женщины, люди с разным цветом кожи, говорящие на множестве языков, объединяются в едином устремлении — сохранить мир на своей небольшой планете. Совсем небольшой перед чудовищной мощью и скоростями сил разрушения...

Борьба за сохранение мира на Земле, которую недавно один из вашингтонских администраторов презрительно окрестил "терроризм улицы", качественно меняется. Митинги и массовые шествия, "цепи мира" и молодежные пикники на дорогах к американским военным базам превращаются в суровый всеобъемлющий протест против политических, идеологических и военно-стратегических стереотипов мышления. Минувшей осенью в ФРГ этот протест объединил рабочих и интеллектуальную элиту, христиан и коммунистов, консерваторов и социал-демократов. Более трех тысяч делегатов представительного научного форума — ученые из разных стран Европы и Америки — решительно высказались против новых вооружений.

В парламенте "старой, доброй" консервативной Англии в ответ на наши воинственные призывы прозвучали трезвые голоса, что крайне опасно для судеб мира низводить все сложные проблемы и корни исторических событий до уровня комиксов, что смехотворны попытки нашей новой администрации навязать мировой общественности идею, будто "все беды современного мира исходят от коммунизма".

В Амстердаме международный комитет экспертов здравоохранения огласил "сценарий апокалипсиса" — прогноз последствий и жертв "ограниченной" и "неограниченной" ядерной войны. Кратковременная ядерная война в Европе, "ограниченная", например, территорией двух немецких государств, повлекла бы за собой, как минимум, 10 миллионов убитых и столько же раненых...

В случае "неограниченной" мировой войны практически мгновенно погибло бы более миллиарда жителей планеты и столько же было бы ранено. Но судьба раненых оказалась бы еще более трагической... Спасти их будет некому. Врачей останется слишком мало, и они не смогут добраться до большинства раненых через радиоактивные развалины, в километровых тучах радиоактивной пыли, без транспорта, электричества, без воды, без лекарств и инструментов...»

Мэй откинулась в кресле, прикрыла глаза: «Именно сценарий апокалипсиса! Кажется, он не произвел впечатления только в Белом доме. Потому ли, что там нервы крепки, или оттого, что его содержание выходит за пределы, доступные ограниченному воображению? Какое-то безумие! Почему они не хотят поверить в искренность Москвы?.. Что в этой ситуации может сделать книга Стива? Последняя ставка в отчаянной игре, начатой двадцать лет назад. На что он еще рассчитывает? Бедный мой Дон-Кихот...»

Однако Мэй ошибалась. Ставка не была последней...

Стив и Тибб смотрели телевизионную передачу. Шла специальная сессия, на которую были приглашены сто самых известных ученых планеты. Сессия посвящалась борьбе за сохранение мира. Ученые призывали ученых объединить усилия для разоружения самой науки.

— Именно наукой двадцатого века созданы чудовищные средства, способные уничтожить человечество и саму жизнь на Земле, — говорил представитель Советского Союза. — Ответственность ученых сейчас велика, как никогда. Их слово в борьбе за сохранение мира необыкновенно велико. Не к созданию новых, еще более страшных видов оружия, а к возведению мостов дружбы и доверия между противостоящими государствами и народами должны быть устремлены наши усилия. Лишь седьмая часть того, что сейчас расходуется на вооружения, могла бы спасти от неизбежной голодной смерти десятки миллионов людей, излечить миллионы больных, облегчить жизнь сотен миллионов. Никогда за всю историю цивилизации не было столь огромной и бессмысленной траты ценностей, создаваемых разумом и трудом человека. Пора остановиться, пока не поздно...

— Да, пора, — сказал Тибб, выключая телевизор. — Иначе и мы опоздаем.

— Что предлагаешь? — спросил Стив.

— Оба УЛАКа могут совершить по два кругосветных полета. Потом их придется уничтожить вместе с зоной.

— И тебе не жаль?

— Но ты слышал... Если секрет УЛАКов станет известен...

— Не ты, так кто-то другой... Рано или поздно их сконструируют.

— УЛАКи — корабли будущего, Стив. Они станут благом, когда человечество... немного подрастет и поумнеет.

— Зачем же ты их создал теперь?

— Хотел посмотреть... что получится. Как конструктору, мне было важно. Кое в чем они помогли — тебе, например... Но я никогда, понимаешь, никогда не снимал пальца с предохранительной кнопки. А впрочем, кто знает... Может быть, я отдам их тем, кто сражается за мир?

— Твои УЛАКи могли бы помочь и Шарку при работах на дне океана. Он тогда не прервал бы исследований...

— Шарк тоже... родился слишком рано. Хотел опередить возможности нынешней эпохи. «Алмазный слой» в мантии, наверное, существует, но люди до него доберутся не теперь. И знаешь, Стив, Шарк мог прекратить исследования не от недостатка средств.

— А отчего?

— Нашел доказательства, которые искал... Мне давно казалось, что алмазы для него не самое главное.

— Он когда-то сказал мне, что Земля — это природная термоядерная бомба замедленного действия.

— Ну вот видишь. И ОТРАГ может стать ее детонатором... Значит, тем более важно сохранить полетное время УЛАКов как наш последний шанс.

— На Земле сейчас достаточно «детонаторов» помимо ОТРАГа.

— Да... Но выход твоей книги, Стив, снова привлечет внимание к ОТРАГу. Возможны любые неожиданности... Мы не знаем, чем занят сейчас Вайст.

— Люди Цезаря там еще остались. И кое-кто из моих близко. А Вайст не готов...

— Но для нас наступило время повышенной готовности.

Стив скептически покачал головой, вышел на веранду коттеджа. Центральный поселок выглядел вымершим. Двери ближайших домиков были закрыты, жалюзи опущены, веранды и балконы пусты. Бетон дорожек кое-где уже вспучивался новыми ростками, которые пробивались снизу. Стив подумал, что скоро сюда возвратится сельва и похоронит поселок, так же как некогда похоронила на века пирамиды и дворцы майя... Вот он — последний «оплот» могущественной «империи» Пэнки — Фигуранкайнов... Как быстро все рассыпалось. Людей на полигоне с каждым днем все меньше. Одних пришлось

отправить к Байсту, другие уволились и вернулись к своим семьям. Некоторые остаются здесь навсегда, на маленьком кладбище за Центральным поселком. Уходя, люди всегда оставляют за собой кладбища... Невдалеке от безымянной могилы Герберта Люца-Рюйе — могила его дочери.

Стив тяжело вздохнул: «Бедная Инге! Она тоже похоронена здесь. На след похитителей нам с Тео удалось напасть слишком поздно... Второй раз за все годы пришлось тогда воспользоваться приемами санчин-до... Те парни, если выжили, остались калеками... Но нить зла не распутана до конца — оборвалась вместе с жизнью Рунге, которого настигла карающая рука Марианы».

Старую индианку Стив потерял из вида... Мариана пожелала остаться в родной Гватемале. А Инге он привез сюда. Она мечтала побывать в Бразилии. Пусть хотя бы ее тело покоится здесь... Одно время он думал перевезти гроб в Гвадалахару или на Цейлон, но не сделал этого. Зачем тревожить ее? Он в Гвадалахару не вернется, а Цейлон или Бразилия — какая разница... Где бы ни покоился прах Инге, память о ней останется с ним до конца.

Он медленно направился к кладбищу. Путь пересекла большая зеленая змея. «Ну конечно, змеи поняли, что люди уходят. Стражи сельвы возвращаются вместе с ней...»

Через несколько дней прилетел Цвикк. Небольшой самолет приземлился на ближайшем аэродроме, в трех километрах от Центрального поселка. На ста тысячах квадратных километров территории, некогда приобретенной Цезарем Фигуранкайном-старшим, лишь зона и Центральный поселок еще оставались обитаемыми.

Стив встретил Цвикка возле аэродрома. Они обнялись.

— Какие вести, Мигуэль? — Стив похлопал компаньона по плечу.

Цвикк махнул рукой:

— Фамилия Фигуранкайнов исчезла из списка сильных мира сего, но концы с концами свели. У Цезаря остались его «Парадиз» и отель в Касабланке. Все остальное пришлось продать, даже старый небоскреб у Центрального парка. Его уже сносят. Да-а...

— Кто купил?

— Наш нью-йоркский небоскреб? Фукс, калифорнийский магнат. Наверно, собирается переносить штаб-квартиру в

Нью-Йорк. Построит ультрасовременную башню, на уровне своих нынешних прибылей. Да-а...

— Фукс — это «першинги-два»?

— Они... В минувшем году получил от Пентагона заказов более чем на полмиллиарда долларов.

— А здешняя земля? Чья она теперь, Мигуэль?

Цвикк хитро усмехнулся. Почесал за ухом, потом извлек белый батистовый платок и принялся вытирать потное розовое лицо и шею.

— Не угадаешь... Наша, Стив. Собственность «Смит-Цвикк лимитед». Да-а...

— Зачем? Нам она — как морскому ежу зонтик.

— Видишь ли, — Цвикк поморщился, — сейчас ее трудно продать... Цезарь подарил ее нам. Тебе и мне.

— У него так много денег?

— Лишних у него нет. Но если у нас с этой землей что-то получится, потом примем его в компаньоны.

— А что может получиться после того, как Тибб взорвет зону?

— На большой площади обнажатся горные породы. Начнем поиск и добычу драгоценных камней, золота, редких металлов.

Стив с сомнением покачивал головой:

— Взвалить такую обузу на плечи! Этот подарочек может стать началом конца и нашей фирмы, Мигуэль.

— Не торопись судить... Земля — твердый капитал. Кроме того, — Цвикк подмигнул, — у нас с тобой теперь появился неплохой шанс пересидеть тут любую ядерную войну. Да-а...

— Поговорил бы с Шарком.

— А что?

— У него другая точка зрения на ядерную войну... И вообще, если даже сама Земля уцелеет, пыли будет выброшено в атмосферу столько, что на столетия исчезнет солнце. Наступят вечная ночь и вечная зима...

— Замерзать все-таки приятнее, чем гореть, — убежденно заметил Цвикк. — Между прочим, наша фирма приобрела и отель в Манаусе.

— А это зачем?

— Манаус привлекает все больше туристов — это первое. Второе — нашей здешней «гасиенде» нужен опорный пункт. Им и станет отель в Манаусе.

— Ну и голова — одни извилины. Не выдвинуть ли тебя в президенты?

— В американские? Не подойду... Во-первых, я реалист, во-вторых — пацифист...

Вечером прилетел из зоны Тибб Линстер. После ужина они собрались втроем в комнате Стива, и Цвикк еще раз пересказал новости.

Тибб ограничился лаконичным замечанием, что теперь можно не торопиться с уничтожением зоны.

Стив поинтересовался, что слышно о Пэнки.

— Жив... — Цвикк осторожно сплюнул в пепельницу. — Но его возят в кресле. Паралич обеих ног.

— Чем же он занимается?

— Вы не поверите. — Цвикк усмехнулся. — Консультирует японских бизнесменов. Я читал недавно в газете «Американский банкир», что известный экономист мистер Алоиз Пэнки приглашен в качестве члена консультативного совета в один из токийских банков, кроме того, будет консультировать банки в Осаке и Нагасаки.

— Японцы не знают, что делать с деньгами, — скривился Стив.

— А что вы думаете, — Цвикк старательно раскуривал трубку, — у них сейчас денег больше, чем у кого-либо. В сейфах пятидесяти крупнейших банков наших финансовых воротил сосредоточены ценности примерно на две тысячи пятьсот миллиардов долларов. Так вот, четвертой частью этой суммы распоряжаются четырнадцать японских банков.

— А мы? — спросил Стив. — То есть, я хотел сказать, американцы.

Цвикк глубоко затянулся, и его окутали клубы душистого голубоватого дыма.

— В иерархии банков Америка сейчас на пятом месте, после Японии, ФРГ, Франции и даже Англии. Если в долларах, в банках Японии — около шестисот тридцати миллиардов, в банках Соединенных Штатов — менее половины этой суммы.

— Странное соотношение. Почему?

— Очень просто. Японцы модернизировали промышленность, гораздо лучше работают. Не в пример лучше, чем американцы. И еще не тратят столько денег на вооружения, сколько их тратит новый президент Соединенных Штатов. Это главное. Да-а...

— Но мне кажется, — не сдавался Стив, — никто и никогда не оспаривал, что Америка самая богатая страна.

— А я разве утверждаю противоположное?.. Я говорил о ценностях, сосредоточенных в банках. Вопрос о том, куда идут деньги — на ракеты, которые не продаются, или на товары, которые можно продать и надо продать. Я только что из Нью-Йорка. Его улицы забиты японскими «тойотами», «хондами», «датсунами», в магазинах — японская электроника. В Токио вы не увидите такого количества американских товаров... Деньги, когда их много, начинают жить собственной жизнью, приобретают особые свойства, даже особую «совесть». «Совесть» американских денег сейчас заключена в двух словах — антикоммунизм и милитаризм.

— У арабов есть пословица, — заметил Стив. — «Вглядывайся в последствия — это оплодотворяет ум».

— Как раз то, чего не делает новый президент, — вздохнул Цвикк, попыхивая трубкой. — Он рядится то в мантию антикоммунистического рыцаря-крестоносца, то в форму морского пехотинца, прущего напрямик, вопреки здравому смыслу.

— Однако шовинистическая эйфория налицо, — возразил Стив. — Воинственные призывы, десанты, угрозы, ведение переговоров с дубовой «позиции силы» — разве все это не возрождает ницшеанский миф вседозволенности, в свое время развеянный позором вьетнамской войны? Америка сильна и богата, поэтому вправе диктовать миру свой образ жизни и образ мыслей. Такое многим американцам начинает приятно щекотать нервы.

— Это одна сторона медали. Другая — явный рост антивоенных настроений, требования серьезных переговоров с Москвой, демонстрации сторонников мира... Ситуация, конечно, сложная, но последнего слова американцы не сказали. Так же, как и западноевропейцы. Да-да...

Стив скептически усмехнулся:

— А они и не скажут. Не успеют. Ты забываешь, Мигуэль, о клапане безопасности. Он безотказен — парламентская система. В нужный момент средства массовой информации переориентируют острие массовых выступлений с истинных виновников — воротил большого бизнеса — на партию, стоящую у руля власти. Марионетки сменятся, а главное сохранится. Пар будет выпущен, а беды и опасности останутся, даже возрастут, потому что те, кто ушел, успели сделать свое дело.

Цвикк приготовился возразить, но его опередил Тибб:

— Браво! Почти то же самое утверждают марксисты, критикуя парламентскую систему.

— Я далек от марксизма, — возразил Стив. — Может, поэтому не вижу выхода?

— Выход — в победе разума. Разум создал цивилизацию. Он должен и сохранить ее. Разве не к победе разума призывает Москва?

— Это слова, — скривился Стив, — покажи разум в действии, Тибб. Ты говоришь о Москве. Разве у них не столько же ядерных бомб, сколько у нас?

— А что им делать? У них, однако, хватило ума и мужества объявить миру, что первыми ядерное оружие не применят. А американцы?..

— Вот именно, — кивнул Цвикк. — А у некоторых американцев в ходу ковбойский девиз: «Прав тот, кто успеет выстрелить первым». То, что годилось для шерифа на Диком Западе в прошлом веке, не годится для президента страны в век атомный...

— По странной иронии судьбы, — заметил Тибб, — у небольшой и небогатой Америки в прошлом были президенты-великаны — Вашингтон, Линкол ьн, а потом — у огромной и богатой — президенты-карлики. Нелепо и смешно, но в этом ростки трагедии...

— И еще какие! — Стив встал и принялся расхаживать по комнате. — Двадцать лет назад, когда мы начинали борьбу с ОТРАГом, он был для нас средоточием зла. Несмотря на наши ошибки, просчеты, потери, несмотря на то что сам ОТРАГ продолжает существовать, кое-чего мы добились... Заторможены, даже изменены многие начинания ОТРАГа, выведен из игры Пэнки... Все это было. — Стив вздохнул. — Но в целом мы охотились на зайцев, из которых, будь их хоть десять тысяч, не составишь одного слона. А теперь я не вижу выхода... И не потому, что рассыпалась база, на которой мы начинали, — «империя» Цезаря.

Выхода я не вижу потому, что, пока мы вели борьбу с ОТРАГом, возник другой ОТРАГ, неизмеримо более опасный для мира, для человечества. Раковая опухоль милитаризма проросла насквозь страну, в которой я родился. Ведь то, чем сейчас откровенно, зримо, даже с оттенком шовинистической гордости занимаются в Америке, принципиально не отличается от проводившихся в глубокой тайне дел ОТРАГа. Я начи-

наю думать, что и моя книга, когда появится на книжных прилавках, никого особенно не заинтересует. Я опоздал... То, что приоткрываю в Африке, сейчас открыто свершается в Америке. Даже если мои разоблачения принесут неприятности отдельным лицам, системы это не изменит. Распалась «империя» Цезаря, ее место заняли другие корпорации, в недрах которых потенциального зла не меньше. Разве я не прав?

Цвикк промолчал, старательно раскуривая потухшую трубку. Ответил Тибб. Он решительно тряхнул головой:

— Нет... И я не думаю прекращать борьбу. Там, где самое трудное, где угрожающая неизвестность, там мое место. Там, где речь идет о победе разума над безумием, там я найду для себя работу. Поэт Альфред Теннисон еще в прошлом веке нашел слова, которые стали для меня смыслом бытия: «Дерзать, искать, найти, но не сдаваться».

— Даже и после уничтожения УЛАКов?

— Даже и после этого, Стив. И я уверен — ты тоже не прекратишь борьбы...

Солнце зашло. Небо над горами окрасилось в нежнейшие, лимонно-алые тона. Закат еще не успел погаснуть, как над головой, в синеватой черноте небесного свода, прорезались экваториальные созвездия. Цезарь и доктор Хионг продолжали молча прохаживаться вдоль ступенчатой каменной платформы главного монастырского храма. Райя, присев на каменную ступень, еще теплую после дневного зноя, глядела на них сверху. Быстро темнело. Желтое монашеское одеяние Хионга и белый саронг Цезаря едва различимыми пятнами скользили внизу, во мраке монастырского сада. Там в черной гуще деревьев и кустарников сотнями зеленоватых пунктиров искрились светлячки. «Словно звезды, — подумала Райя, — такие же, как наверху, но ускорившие бег». Она прислушалась. Было очень тихо. Изредка доносился скрип гравия под сандалиями Цезаря.

Почему они сегодня молчат? Райя уже привыкла, что по вечерам, когда спадал зной, они подолгу прохаживались внизу, тихо беседуя, иногда о чем-то споря вполголоса. Работа над древними рукописями, расшифровкой которых они занимались несколько лет, подходила к концу. Цезарь надеялся все закончить в этот приезд. Но они тут уже третий месяц, а о конце работы Цезарь давно не упоминает. Он замкнут и молчалив. Опять не хватает каких-то данных?

Райя встала. Неслышно ступая в темноте по теплым каменным ступеням, спустилась в сад. Из мрака, прорезанного искрами светлячков, совсем близко вынырнули две фигуры.

— Это Райя, — прозвучал негромкий голос Цезаря. — Хорошо, что пришла к нам.

Доктор Хионг сложил ладони в буддийском приветствии:

— Славлю богиню, бодрствующую над миром.

Райя взяла Цезаря под руку и прислонилась головой к его плечу:

— Что-то случилось? Да? Я, кажется, догадываюсь...

— У текста, которым мы занимались с братом Хионгом, не оказалось конца... Он не дописан или оборван... В последних фрагментах, которые удалось понять, упомянут «оазис космической мудрости» в Гималаях.

— Остров Шамбала?

Цезарь взглянул на Хионга:

— Мы истолковали последнюю строку так: «оазис космической мудрости в мире безумства среди высочайших гор этой Земли» или «за высочайшими горами». Дальше несколько слов не расшифровывается и текст оборван, скорее всего, на середине предложения...

— Что же у вас получилось на нынешнем этапе?

— Нам так и не удалось подняться над уровнем легенд, Райя. Легенда о прилете на Землю таинственных представителей «космических братьев». Ты о ней знаешь... Легенда о заложении «оазисов мудрости и нового знания». От нее можно протянуть нить к Атлантиде Платона — это уже домысел.

— И к Шамбале индийских и тибетских сказаний, — добавил доктор Хионг, — но и эта «нить» едва уловима и пунктирна.

— Разве «оазис мудрости и нового знания» это не Шамбала? — спросила Раня.

— Мы спорили с братом Хионгом несколько вечеров подряд, — сказал Цезарь. — Снова и снова возвращались к прочитанным текстам. Озарение пришло в споре... После уточнений перевода мне стало ясно, что прав брат Хионг. «Оазисы мудрости и нового знания» — их было несколько — не Шамбала. Шамбала, или ее этическая и философская идея, появилась гораздо позднее.

— Из расшифрованной части текста следует, что «оазисы мудрости» создавали «космические братья». — Взгляд Хионга, устремленный в небо, блуждал от одного созвездия к другому,

словно отыскивая что-то. — Местоположение некоторых «оазисов» можно привязать к современной географии. Надежно устанавливается Двуречье, долина Нила, юг Индостана, менее надежно — какая-то земля или остров в Атлантическом океане. Доктор считает, — Хионг перевел взгляд на Цезаря, — что это Атлантида. Но если текстам действительно десять — двенадцать тысяч лет — это конец последней ледниковой эпохи; тогда очертания суши могли сильно отличаться от современных...

— Насколько надежна датировка? — спросила Райя.

— Определяли абсолютный возраст красок, которыми нанесен текст, — объяснил доктор Хионг. — Данные анализов позволяют утверждать, что текст наносился на материал десять — двенадцать тысяч лет назад. Таким образом, это древнейшая из известных рукописей. Шамбала тибетских текстов и индийских пуран — это последние тысячелетия. Интервал — около девяти тысяч лет. Индийские тексты вам известны, Райя. В тибетских тоже говорится о «посланцах Шамбалы», которые иногда приходят к людям, живут среди них, учат любви и мудрости, помогают на трудных перекрестках истории...

— Может, и ты посланница Шамбалы? — шепнул Цезарь, касаясь губами волос Райи.

— В древней книге «Аватумсала Сутра» сказано: с появлением государств, началом войн истина и ложь смешались. — Взгляд Хионга был снова обращен к звездам. — Чтобы спасти человечество от гибели, мудрецы создали тайную систему знаний. Эти знания хранят в Шамбале «великие учителя Гималаев». Через «посланцев Шамбалы» приобщают к ним избранных — тех, кто прошел школу гуманности... Согласно тибетским текстам шестисотлетней давности, из Шамбалы в конце каждого века выходит призыв к миру и спокойствию. Ныне он необходим более чем когда-либо...

— О Шамбале написано много, — Цезарь задумчиво покачивал головой, — но она была и остается одной из величайших загадок на протяжении нескольких тысячелетий. Сохранность древнего текста позволила надеяться на его полноту, а он оборвался в самом интересном месте — наиболее важном для понимания сути. С какой целью и для кого текст составлен? Земное ли происхождение у Шамбалы индийских и тибетских текстов? Загадки остались, и едва ли теперь их удастся разгадать. Для меня, — Цезарь печально усмехнулся, — это неудача более серьезная, чем крах «империи».

— Разве можно сравнивать, Цезарь! — В голосе Райи прозвучал упрек. — Разве все эти годы «империя» не была невыносимой тяжестью для тебя! Я возношу хвалы богам, что все позади.

— А меня угнетает мысль, что наша программа осталась невыполненной. И виноват только я...

— Позвольте не согласиться с вами, доктор, — мягко сказал Хионг. — Чувство вины — благородное чувство воспитанного человека. Не анализируют своих поступков и не переживают за их последствия лишь нравственные невежды. От этого один шаг до вседозволенности, которая ныне угрожает всем... Ваше истинное призвание — поиск утерянного и еще непознанного...

— Спасибо, доктор Хионг. — Голос Цезаря дрогнул. — Вы слишком добры. Я не заслуживаю такой доброты, но... хотел бы продолжать наш с вами поиск... Мы снова возвратимся сюда, вместе с Райей, спустя некоторое время. А теперь нам придется уехать... «Мир страстей и несправедливостей» снова призывает...

Райя вздрогнула.

— Ты получил плохие известия?

— Нет, всего-навсего — приглашение в Новый Орлеан.

В Канди, просматривая корреспонденцию, присланную в его отсутствие, Цезарь обнаружил большой конверт. Внутри оказалась книга. На глянцевой обложке элегантный джентльмен с черной свастикой вместо лица заносил над земным шаром большой двуручный меч. На титульном листе резко выделялось заглавие: «Мафия V» и размашистый автограф по диагонали: «Цезарю — Дон-Кихот».

Дата под автографом была десятидневной давности. Следующая страница содержала текст «От издательства», набранный крупным шрифтом:

«С фотокопиями документов, использованных автором, желающие могут ознакомиться в издательстве. Фотокопии могут быть также высланы почтой по получении заказа и перечислении издательству 13 долларов. Оригиналы документов хранятся в банке, название и адрес которого издательству известны. В случае необходимости, с согласия издательства и автора, с оригиналами могут быть ознакомлены официальные представители ООН, государственных и судебных органов».

Далее следовали адрес издательства в Лиме, телефоны, номер банковского счета.

Покусывая пальцы, Цезарь листал книгу: «Предисловие» — несколько страниц убористого текста. На каждой странице — Мир... Мир... Необходимость сохранить его... порог самоуничтожения цивилизации... всеобщее разоружение без альтернативы... Предисловие подписал профессор, доктор, почетный член — следовало перечисление национальных академий и научных обществ — Карлос де Эспиноза.

Страница от автора — ОТРАГ... Военно-промышленный комплекс... транснациональные корпорации... Бильдербергский клуб... Неофашизм... Масонские ложи... «Валгалла» — «Мафия V»... Герострать двадцатого века...

Цезарь покачал головой: «Стив с первой страницы взял быка за рога. Прочитав первую страницу, ни один нормальный человек не отложит книгу, пока не дочитает до конца».

Глава первая — «"Змеиная нора" в Африке». Это об их первой поездке к Вайсту... «Так-так... Все точно, но он тогда увидел больше, чем я. Повсюду он был прежде всего журналистом».

Глава вторая — «Пир Валтасара в конце XX века», третья — «Выстрелы в Далласе и авиакатастрофа над Мехико» — расписки Люца... ОТРАГ... Секретные фонды частных швейцарских банков... Снова Люц... Неофашизм, наемники, политический террор... Транснациональные корпорации...«Черный» бизнес респектабельных фирм и банков...

«Так-так,— Цезарь торопливо листал страницы,— "Москва предлагает разоружение", "Анатомия безумия", "Схватка мафиозных спрутов", "Проказа милитаризма и раковая опухоль организованной преступности"... "Пир Валтасара перед концом света"...»

Цезарь покачал головой. Именно «Пир Валтасара». И книга Стива — огненное предупреждение тем, кто играет с огнем, безумно мечтая о мировом господстве.

Цезарь вздохнул и закрыл книгу.

В окно кабинета заглянуло вечернее солнце. Скрипнула дверь. Неслышно ступая, подошла Райя. Склонилась над Цезарем:

— Ты не дремлешь?

— Нет.— Он привлек ее к себе, усадил на колени.— Смотри, его книга.

— О-о, уже напечатана... И что там?

— Он рассказал всю правду.

— Что теперь будет, Цезарь?

— Не знаю... Нынешняя ситуация в мире слишком сложна. На ее фоне разоблачения Стива и грандиозны, и незначительны. Многое, о чем он пишет, — секрет полишинеля: все знают, но деликатно молчат. Пожалуй, с книгой он опоздал.

— Будем надеяться, что не опоздал.. А я принесла тебе еще письмо, милый.

Райя вложила ему в руку конверт. В углу выделялось крупным шрифтом надпись — четыре буквы: SETI*.

— Это из Нового Орлеана, — сказал Цезарь, — там через неделю начинается конференция, посвященная проблеме контакта с внеземными цивилизациями. — Он вскрыл конверт. — Вот официальное приглашение и программа. Они включили и мой доклад. А вот доклад профессора Карлоса де Эспинозы. Что-то о вспышках сверхновых звезд. Смотри, и Шарк... Он будет говорить о динамике земных недр.

— Какая же связь с внеземными цивилизациями, Цезарь?

— А вот это мы с тобой узнаем в Новом Орлеане.

— Ты заварил ужасную кашу, Стив, — сказала Мэй. — Просто кошмарную! Никто еще так не ворошил палкой в этом страшном муравейнике.

По худому лицу Стива проскользнула самодовольная улыбка.

— Ну еще бы... Я не напрасно рядился то в кардинальское облачение, то в смокинг бизнесмена, то в свитер и кожаную куртку международного мафиози. Какой вонючий гнойник удалось вскрыть!

— Издательство проявило настоящее мужество. Твой дядя тоже... Но сейчас им не позавидуешь.

— Издательство заработало на моей книге кучу денег и еще заработает... Вот увидишь, Мэй. Книгу уже переводят во многих странах. Птичка выпорхнула... Обеспечение в бронированных сейфах за семью замками. Чего им бояться? А дядя — он на днях преподнесет миру еще одну бомбу на конференции SETI в Новом Орлеане. Ты обязательно должна туда съездить...

---

* SETI (*амер.*) или CETI (*англ.*) — сокращение от слов «Поиск внеземного разума», «Связь с инопланетным разумом». Оба сокращения обозначают международную научную проблему поиска внеземных цивилизаций.

На конференции SETI в Новом Орлеане «бомб» оказалось две...

Профессор Карлос де Эспиноза, много лет изучавший вспышки сверхновых звезд, огласил ошеломляющий вывод, что треть всех наблюдавшихся им вспышек сверхновых может быть интерпретирована однозначно — как результат самоуничтожения каких-то технических цивилизаций.

В ответах на вопросы он сказал, что наиболее вероятной причиной гибели цивилизаций вместе с планетами являются войны и что «спусковой механизм самоуничтожения» подробно осветит в своем докладе профессор Шарк.

Огромный зал, в котором Шарк выступал с докладом, не мог вместить всех желающих. Несколько частных компаний транслировали доклад по телевидению. На следующий день газеты вышли с огромными заголовками на первых полосах: «Мир на пороге самоуничтожения», «Земля — природная термоядерная бомба», «Мы живем на термоядерной бомбе замедленного действия», «Ученые предупреждают — мощные термоядерные взрывы, даже при испытаниях нового оружия, могут привести ко всеобщей катастрофе».

В городе демонстрации сторонников мира перерастали в столкновения с фашиствующими молодчиками и полицией. На улицах появились баррикады. По требованию городских властей конференция SETI вынуждена была прекратить работу. Эспинозу и Шарка предупредили, что они должны покинуть Штаты в течение двадцати четырех часов.

Самолет авиакомпании «Панам», совершавший рейс по маршруту Нью-Йорк — Новый Орлеан — Сан-Хосе — Лима, взорвался над Тихим океаном через несколько минут после вылета из аэропорта Сан-Хосе. Все пассажиры и команда погибли. Тайна этой катастрофы осталась навсегда погребенной в Тихом океане. Ни одна террористическая организация не взяла на себя ответственности за взрыв...

Стюардесса предложила пассажирам свежие газеты после старта из Каира. Райя с раскрытой книгой на коленях смотрела в окно. Внизу за зеленой лентой Нильской долины еще видны были пирамиды. Дальше все тонуло в оранжево-желтом мареве пустыни. Пустыня расстилалась и впереди...

Цезарь шелестел рядом газетой. Вдруг шелест прекратился. Райя взглянула на мужа. Он сидел неподвижно, взгляд широко раскрытых глаз был устремлен куда-то вперед, в пространство.

Райя осторожно коснулась его руки:

— Что случилось, милый?

Он быстро взглянул на нее, взял ее руку, поднес к губам:

— Нет... Ничего... Просто задумался...

— Цезарь... Зачем?.. Я почувствовала. Что в газете?

Он тяжело вздохнул:

— Понимаешь, я боялся этого. Тут списки... погибших в катастрофе у Сан-Хосе. Он тоже назван. Вот, смотри, Карлос де Эспиноза... профессор, астроном...

— О боги! — Райя закрыла лицо руками. — Что за безумный, жестокий мир... Мне так страшно, Цезарь...

— Успокойся, любимая! Вспомни мудрость Востока... — Он обнял ее, заставил склонить голову к себе на плечо, шепнул: — Мы долетим... Мы обязательно долетим... Главное еще впереди... Я верю... Ты тоже должна... Ну, успокойся, моя умная, прекрасная...

— Но это ужасно, Цезарь! За что?..

— Кто в силах ответить? У каждого своя судьба. Мне кажется, он знал, на что идет... Человек удивительной прямоты и отваги.

— Как Стив...

— Нет, Стив другой... Скорее, как Тибб...

— Может, они — «посланцы Шамбалы», Цезарь?

— И книга Стива — «призыв Шамбалы»? Попробуем думать так, дорогая. Все поколения на протяжении всей истории цивилизации создавали себе мифы, которые потом отдельными чудаками принимались за правду и иногда правдой становились...

— Людей на Земле так много, Цезарь... Стоит им объединиться и захотеть — любая добрая мечта станет правдой. Разве не к этому призывают «великие учителя Гималаев»?

— «Великие учителя» — прекраснейшая из метафор, Райя... Тот самый Разум, который на протяжении всей истории человечества противостоял безумству. Он должен победить и теперь... И он победит, независимо от того, занесена ли его искра из неведомых далей космоса, или затеплилась тут, на Земле.

— Знаешь, почти то же написал Стив в послесловии. Ты читал?

— Я вообще не смотрел послесловия. Я не дочитал книгу до конца.

— В самом конце есть еще послесловие автора, которое называется «Это не конец»... Вот,— Райя стала листать книгу, лежащую у нее на коленях,— тут в конце написано:

«Каждый человек знает, что он смертен. Не вечно и человечество, но рядом с короткой человеческой жизнью история чередования поколений представлялась бесконечной. Увы, представлялась до второй половины нашего века. Все изменилось на глазах нынешнего поколения... Подобно тому, как каждый из нас не знает своего последнего часа в пределах нескольких лет или даже десятилетий, так ныне в тех же, а может быть, и в более ограниченных пределах его уже не знает все человечество. Но то, что тысячелетия оставалось величайшим из благ для каждого человека в отдельности, теперь стало небывалым чудовищным кошмаром для людей в целом. Библейская заповедь "Не убий" ныне звучит: "Не убий человечество"... Этот кошмар создали сами люди. Те, в чьих руках деньги — деньги, рождающие оружие и иллюзию вседозволенности, от которой один шаг до безумной идеи мирового господства. Заправилы американского большого бизнеса, собравшиеся на валтасаровом пире, вам шлют огненное предостережение народы планеты, которые хотят избавиться от кошмара! Сколько времени он будет продолжаться? Когда, наконец, человечество сможет перевести дух и сказать себе: самое страшное позади, угроза коллективного самоубийства миновала?.. Кому человечество будет обязано этим? Трибуну, вождю, пророку, чудотворцу, политикам, ученым, писателям?.. Нет. Только самому себе в целом, своему Разуму, когда объединится в едином порыве — выстоять и сохранить планету».

Вечером они благополучно приземлились в Коломбо...

Вечером Тибб сказал Стиву:

— Время пришло... Через несколько часов оба УЛАКа вылетят навстречу ночи. Завтра с рассветом мы пролетим над крупнейшими городами Западной Европы и Северной Америки. Мы не будем скрываться и везде сбросим вымпелы с призывом опомниться и начать настоящие переговоры и разоружение.

— Могут подумать, что УЛАКи — корабли русских.

— Пусть думают, что хотят. Русские к переговорам давно готовы.

— Могут обстрелять...

— УЛАКам обстрел не страшен. А применить ядерные заряды над своей территорией они не рискнут. Кроме того, все будет происходить днем. Зависая над центрами больших городов, мы будем включать мощные звуковые передатчики и объявлять на языке страны, что мы — борцы за мир, призываем к благоразумию, миру, переговорам и всеобщему разоружению.

— Думаешь, поможет?

— Должно... Выступления в защиту мира нарастают. Наш призыв подтолкнет колеблющихся, может привести к смене многих правительств. Затем должна последовать цепная реакция переговоров и разоружения.

— Трудно даже представить... А ОТРАГ?

— Мы объявим в наших обращениях, что готовится провокация с целью развязать ядерную мировую войну... Уже напечатаны сотни тысяч листовок с фрагментами из твоей книги. Мы будем разбрасывать их над городами... Вечером сядем в «змеиной норе» у Вайста. Либо он согласится размонтировать готовые ракеты, либо...

— Мы их уничтожим вместе с шахтами и Вайстом.

— Надеюсь на первое... Но из твоей реплики я понял, что хочешь лететь и ты...

— Неужели ты сомневался, Тибб?

— Опасность все-таки существует... И немалая. Нас могут обстрелять ядерными зарядами в космосе или испробовать на нас лазерное оружие челночных кораблей «Колумбия». Могут быть и иные неожиданности. Запасы «горючего» у нас ограничены...

— Друг, не трать красноречия впустую. Оно понадобится тебе завтра, когда начнешь вещать над Белым домом...

Лицо черного конструктора озарилось мальчишеской улыбкой. Он похлопал Стива по плечу:

— Ладно. Это я так... Готовься. Через час зайду за тобой.

ТАЙНА АТОЛЛА МУАИ

Это было короткое сообщение в утренней газете; всего десяток строк в нижнем углу восьмой полосы. Знакомое слово — Муаи — привлекло внимание. Муаи — атолл в экваториальной области Тихого океана. Когда-то мне довелось побывать там... Однако заметка озаглавлена: «Существует ли остров Муаи?».

Я невольно пожал плечами. Опять чернильная утка! Журналисты считают читателей утренних газет глупцами... Лет двадцать назад мы разбурили коралловую постройку Муаи. Глава фирмы вообразил, что риф Муаи покоится на подводном кимберлитовом вулкане. Тогда, после открытия профессора Гомби, все бредили кимберлитовыми вулканами... Поговаривали, что алмазов в них больше, чем дырок в голландском сыре.

Геологи до сих пор спорят, есть ли на дне Тихого океана кимберлитовые вулканы. Пусть спорят. Я-то хорошо знаю, что цоколь Муаи сложен обычным оливиновым базальтом. Что касается других подводных вулканов... Единственное свидетельство — слова профессора Гомби. Надеюсь, у него не было оснований обманывать меня...

«Существует ли остров Муаи?» Выдумают тоже... Я нацепил очки, отхлебнул кофе и пробежал глазами мелкие скупые строки...

Так вот оно что!.. Автор заметки вправе сомневаться... Выходит, тот неудачный эксперимент с водородной ракетой, «сошедшей с курса», не был так безобиден, как месяц назад твердили генералы. Черт побери!.. Стоило призадуматься, когда начались эти проклятые эксперименты над Тихим океаном... Они устроили свою адскую кухню невдалеке от Муаи. Если бы вовремя рассказать о том, что знаю... Конечно, я виноват... Нельзя было молчать.

Мысли разбегались... Неужели все-таки правда? Такое не помещалось в голове. Не раз в трудные дни я вспоминал Ку Мара, и Справедливейшего, и остальных... И становилось легче на душе. Иногда даже задумывался: не вернуться ли на Муаи? Кажется, только теперь я понял, что означали для меня воспоминания двадцатилетней давности.

Надо что-то делать... Делать немедленно... Прежде всего, надо рассказать правду. Если ядерный взрыв действительно уничтожил маленький, затерянный в океане островок, пусть люди узнают о жертвах «неудачного испытания» водородной смерти! Никто не смеет утверждать, что Муаи — необитаемая скала, никто не имеет права сомневаться в существовании острова до водородного взрыва. Подлые лжецы!.. Ведь я-то знаю, как было дело...

* * *

В те годы я вел дневник. Листаю выгоревшие на солнце страницы. Вот несколько записей, сделанных в первые недели нашего пребывания на Муаи.

21 декабря. Вчера закончили выгрузку бурового оборудования и горючего.

Наш «Арли» прогудел трижды, развернулся и, оставляя бурые пятна нефти на голубовато-зеленой воде лагуны, неторопливо выбрался за полосу бурунов...

Да, да, все началось именно так... «Арли» направился на север, к Гаваям, а мы вчетвером остались на горячем белом песке пляжа. Позади громоздились штабели железа, ящиков, бочек. Впереди искрился и блестел под тропическим солнцем океан. Волны тяжело ударяли в гряду рифов, опоясывающих остров. Пенистые фонтаны взлетали к небу. Тяжелый гул, похожий на дальнюю канонаду, накатывался и затихал вместе с порывами горячего влажного ветра.

Невдалеке на плоском песчаном берегу росли пальмы. Бурые узловатые корни были похожи на клубки исполинских гусениц. Из-под пальм, оседлав причудливые сплетения корней, за нами с любопытством следили курчавые, коричневые, как шоколадки, мальчишки. Домики поселка чуть проглядывали вдали за высокими мохнатыми стволами.

Питер первый нарушил молчание.

— Пошли,— сказал он и мотнул головой в сторону деревни.

Питер Гутман — мой заместитель. Он мастер глубокого бурения. Ему за тридцать, на его счету сотни тысяч метров буровых скважин, пробуренных на всех шести континентах...

Джо горестно вздыхает:

— Шесть месяцев... Сто восемьдесят четыре дня...

Кажется, он нытик, этот Джо Перкинс. Уже считает дни до возвращения. Впрочем, в свои двадцать шесть лет он превосходный моторист и шофер и запросто поднимает на плечи стокилограммовый ящик. Но на островах Полинезии Джо впервые...

— Месяца через два будет почтовый пароход...

Это сказал Тоби, долговязый, молчаливый Тоби Уолл, которого Питер зовет «штангой». Видно, Тоби хочется утешить Джо, а заодно и самого себя.

— Выше головы, мальчики,— советую я.— Скучать не придется. За полгода надо продырявить остров насквозь. Четверо на такую скважину — это немного...

— Еще бы,— ворчит Питер.— Тут и восьми парням из Штатов хватило бы дела. Наше начальство экономит, шеф.

— Наймем туземцев,— обещаю я.

— И возможно скорее. С этим,— Питер кивает на ящики,— мы одни не управимся.

— Надо сначала получить согласие местной власти.

— Кто она? — деловито осведомляется Питер.

— Вождь Муаи. Его зовут Справедливейший из справедливых, мудрейший из мудрых, вышедший из синих волн Великого моря.

— Когда?

— Что когда?

— Когда он вышел оттуда? — Питер презрительно сплевывает вслед откатывающейся волне.

— Британский резидент на Такуоба говорил, что Справедливейший правит тут не менее десяти лет. Никто из европейцев его не видел, и, кажется, никто толком не знает, откуда он и когда появился на острове. Корабли заплывают сюда редко. Здесь до сих пор нет ни врача, ни колониальных чиновников. А миссионера, присланного с островов Фиджи, Справедливейший отправил обратно.

— Они язычники? — удивляется Джо.— А может, они и людоеды,— добавляет он, встревоженно глядя на нас.

— Только по большим праздникам,— успокаивает Питер, призывно взмахнув рукой.

Шоколадные мальчишки точно ждали сигнала. Они мгновенно окружают нас.

— Тебя как звать? — строго спрашивает Питер самого старшего.

Питер свободно владеет удивительным языком, на котором разговаривает большинство жителей островного мира в экваториальной части Тихого океана. Это «эсперанто» южных морей — единственный способ договориться с обитателями сотен островов, где в ходу не менее пятисот местных наречий.

Англичане называют этот невообразимый жаргон «пиджин инглиш» — «английский пингвиний». Но это не просто исковерканный язык потомков Шекспира.

Конечно, в нем немало слов, похожих на английские, но еще больше немецких, малайских, французских, наконец, местных словечек и выражений, почерпнутых из пятисот островных наречий Полинезии, Меланезии и Микронезии.

Мальчишка, которому задан вопрос, отвечает не сразу. Он критически разглядывает нас по очереди и наконец, прищурившись, говорит:

— Лопана Намабу Ку Мар.

— Это длинно, — морщится Питер. — Будем называть тебя просто Комар. Согласен?

Мальчишка сосредоточенно скребет курчавую голову и недоверчиво смотрит на Питера.

— Ку Мар, Ку Мар! — восторженно кричат остальные и наперебой что-то объясняют нам.

— Понятно, — объявляет Питер. — А теперь рассказывайте: как поболтать с вашим вождем?

Мгновенно становится тихо.

Парнишки смущенно глядят друг на друга, потом на нас, потом опять друг на друга. Молчание прерывает Ку Мар.

— Тебя как зовут? — спрашивает он по-английски.

— Ну, Питер...

— Ты наиглавный?

— Нет... — Питер явно обескуражен. — Вот наш начальник... Он — самый главный, — Питер кивает в мою сторону.

— Зачем тебе вождь? — деловито осведомляется у меня Ку Мар.

— Надо поговорить о разных делах, — возможно серьезнее объясняю я.

— О, — говорит Ку Мар. — О-о, — повторяет он, презрительно надувая толстые губы. — Нельзя...

— Что нельзя?

— Нельзя видеть вождь Муаи. Совсем нельзя разговаривай вождь Муаи. Он не разговаривай белый человек. Никакой белый человек... Совсем, совсем, совсем...

— Почему? — недоумеваю я.

— Такой закон Муаи.

— Гм... — это сказал Питер.

— Такой закон, — серьезно повторяет Ку Мар.

— Слушай, парень, — шепчет Питер, страшно вытаращив глаза. — Знаешь, зачем мы приехали?

Ку Мар поспешно пятится и отрицательно трясет головой.

— Видишь эти железные трубы? — Питер указывает на лежащие возле ящиков буровые штанги. — Мы сделаем дырку в вашем острове. Понимаешь, насквозь. Вот так, — Питер достает из кармана полотняных штанов большой банан и неторопливо протыкает его указательным пальцем.

Парнишки затаив дыхание следят за этой операцией. Когда черная обводка ногтя появляется на противоположной стороне банана, они дружно вздыхают, а Ку Мар одобрительно шмыгает носом.

Питер извлекает палец из банана и, прищурившись, глядит сквозь продырявленный банан на Ку Мара.

— Через такую дыру,— мечтательно продолжает Питер,— можно заглянуть на ту сторону Земли — в Америку. Если будешь помогать, позволю тебе заглянуть туда.

— Как помогать? — спрашивает Ку Мар.— Я не умею вертеть такой дыра.

— Проводи нас сейчас к вождю.

— А если не буду помогать? — в голосе Ку Мара слышится откровенная насмешка.

— Тогда я сделаю дыру сам... Спущу в нее всю воду из этого моря, всю рыбу и всех черепах. У вас больше не будет моря.

Ку Мар что-то быстро говорит своим товарищам. Парнишки прыскают со смеху, приседают и бьют себя ладонями по коричневым коленям.

— Мой старый бабка,— очень серьезно говорит Ку Мар,— когда я был совсем-совсем маленький, рассказывал старый-старый сказка. Один большой обезьян рассердился и хотел выпить целый море. Пил, пил, лопнул вот тут,— Ку Мар трет себя ладонью по животу,— упал в море, его рыбы съели. Интересный сказка, что?

Мы ехидно ухмыляемся, но Питер не обижается.

— А ты, оказывается, парень не промах, — говорит он Ку Мару, похлопывая его по плечу. — Ну как? Пошли к вождю?

— Нельзя, — решительно возражает Ку Мар. — Я правда говорил. Совсем нельзя... Совсем, совсем, совсем...

4 января... Прошло две недели, как мы высадились на остров, а дело не продвинулось ни на шаг. Ку Мар не обманывал: добиться аудиенции у местной власти оказалось потруднее, чем получить благословение папы римского. Этот Справедливейший не вылезает из своего коттеджа. А попасть в коттедж, не затеяв драки со стражами, невозможно.

У входа на веранду постоянно дежурят двое парней из местной «гвардии». Они стоят, широко расставив коричневые босые ноги. Из-под шикарных, шитых золотом камзолов выглядывают белые полотняные трусы. На курчавых волосах — ярко начищенные пожарные каски с перьями; из желтых кобур торчат черные рукоятки автоматических вальтеров. Караульные молчаливы и надменны. Нам не приходилось наблюдать, как они сменяются. Я вообще не видел «гвардии» Муаи в количестве большем, чем эта бравая пара... Теперь я уже хорошо знаю многих обитателей единственного поселка. Это веселые общительные парни, всегда готовые помочь, пренебрегающие любой одеждой, кроме белых полотняных трусов. Питер уверяет, что почетный караул у резиденции Справедливейшего из справедливых, мудрейшего из мудрых несут по очереди все жители Муаи мужского пола старше четырнадцати лет. Если это правда, значит, при смене караула они передают друг другу не только широкие пояса и вальтеры, шитые золотом камзолы и медные каски, но и свою великолепную надменность, которой каждому хватает только на время почетного дежурства. Впрочем, они изрядные хитрецы, эти обитатели Муаи... И самое странное — все они категорически отказываются быть посредниками между нами и вождем. Ни уговоры, ни подарки не помогают.

Помню, как обитатели Муаи трясли курчавыми головами и повторяли одну и ту же фразу:

— Нельзя! Совсем нельзя...

А стоило кому-нибудь из нас приблизиться к резиденции Справедливейшего, как молчаливые и надменные стражи в трусах и шитых золотом камзолах начинали расстегивать кобуры вальтеров.

При всем этом мы вначале не имели ни малейшего повода жаловаться на обитателей острова. Они зазывали в гости, угощали островными яствами и пивом, пели и плясали в нашу честь. Однако «железный занавес» спускался каждый раз, лишь только я начинал говорить о встрече с вождем или просил принять участие в переноске бурового оборудования. Островитяне охотно помогли поставить палатки, натаскали камней для очага, перенесли к лагерю ящики с продуктами. Но, сколько мы ни уговаривали, ни один муаец не хотел прикоснуться к оборудованию и буровым трубам.

Чертыхаясь, мы принялись таскать на собственных плечах тяжелые ящики, штанги и звенья буровой вышки. Это была адская работа, если принять во внимание влажную жару, рыхлый песок под ногами и расстояние в три четверти мили, отделявшие место выгрузки от площадки возле лагеря, на которой мы собирали буровую. Транспортировка шла ужасно медленно; за неделю мы не перетаскали и десятой части того, что у нас было. Мои ребята приуныли.

— Нет, так дальше не пойдет, шеф,— заявил однажды утром Питер, сбрасывая на горячий песок длинную буровую штангу, которую притащил на плечах, как коромысло.

Следом за Питером приплелся Джо, сгибаясь под тяжестью ящика с инструментами. Опустив ящик на песок, Джо присел на корточки и молча закурил.

Питер, насупившись, глядел в пустой океан. Джо склонил голову набок и, шевеля губами, принялся читать надпись на ящике. Потом вопросительно глянул на меня, перевел глаза на Питера.

Рассеянный взгляд моего помощника продолжал блуждать где-то среди искристого простора тяжелых голубовато-серых валов.

Джо тихонько кашлянул:

— Слышь, Питер, а Питер, сколько мы выгрузили комплектов вот этого? — он похлопал рукой по ящику, который только что принес.

Питер глянул через плечо.

— Дурацкий вопрос... Сколько? Ясно — один!..

— Нет, ты припомни точно, Питер,— мягко настаивал Джо.— Сколько?

— Чего привязался!— вспылил Питер.— Это ящик с запасными шестернями... Конечно, он был один.

— А вот и не один, — возразил Джо. — Я уже третий такой ящик сюда притаскиваю. Тащу, понимаешь, и думаю: зачем нам столько запасных шестеренок?.. Три ящика шестеренок...

— Это у него от жары, шеф, — мрачно пояснил Питер и отвернулся.

— Ничего не от жары, — обиделся Джо. — Правду говорю... Ей-богу, третий...

— Не может быть, Джо, — сказал я. — Ящик с запасными шестернями был один. Вы что-то спутали.

— А вот и не спутал, шеф, — возразил, удивленно помаргивая, Джо. — Извините меня, но, право, я не спутал. Хотите, покажу?

— Ну покажи-покажи, — сплевывая сквозь зубы, процедил Питер.

Джо молча поднялся и стал разглядывать площадку, на которой лежало перетащенное оборудование. Потом принялся шарить среди ящиков.

— Ну как? — поинтересовался через несколько минут Питер.

Джо смущенно кашлянул и, закусив губы, отправился к месту выгрузки.

— Так дальше не пойдет, — повторил Питер, поднимаясь. — У ребят винтик за винтик заскакивает. Чего-то надо предпринимать, шеф.

И Питер неторопливо зашагал по белому песчаному пляжу вслед за Джо.

Вечером мы устроили совет. Питер первым взял слово и предложил прорваться силой в резиденцию вождя и потребовать встречи со Справедливейшим.

Я поинтересовался мнением остальных.

Тоби по обыкновению молчал. На мой прямой вопрос он только передвинул потухшую трубку из правого угла губ в левый и пожал плечами.

Джо на вопрос ответил вопросом:

— А если стрелять будут?

— Сначала они в воздух, — успокоил Питер.

— Кто их знает, — продолжал сомневаться Джо. — И все-таки, как ни считай, нас тут четверо, а их — четыре десятка одних мужчин наберется... И гости мы вроде...

— Вот это самое главное, — сказал я. — Мы здесь гости... Хоть и незваные, а гости. Поэтому будем вести себя прилично. Начать войну — не штука... Попробуем достигнуть цели мир-

ными средствами. Завтра я пойду еще раз в деревню, постараюсь добиться свидания с кем-нибудь из приближенных Справедливейшего. Ведь должны же быть у него приближенные? Возьму подарки. Буду уговаривать...

— Если не вернетесь к обеду, придем вас выручать, шеф, — объявил Питер. На том и порешили.

6 января. Очередной поход в деревню оказался безрезультатным. Я не встретил никого, с кем можно было бы поговорить. Деревня словно вымерла. В легких хижинах было тихо. Не видно ни женщин, ни детворы. Только стражи в шитых золотом камзолах топтались на солнцепеке у входа в резиденцию. С ними разговаривать было бесполезно...

Хорошо помню тот день... Я бродил по притихшей деревне. Заглядывал в хижины. Всюду было пусто. Лишь в крайней хижине на цветной циновке лежала седая злого вида старуха в короткой полосатой юбке и с увлечением... читала книгу.

Я поздоровался и вежливо спросил, куда девались обитатели деревни.

— Уехал ловить рыба, — отрезала старуха.

— А Справедливейший?

Не удостаивая меня взглядом, старуха пожала плечами.

Я подождал немного. Старуха продолжала читать. Пришлось уйти ни с чем.

Вернувшись в лагерь, я застал своих ребят в крайнем возбуждении.

— Все-таки я был прав, я был прав, — твердил Джо, красный, как божья коровка.

— Полюбуйтесь на него, — возмущенно кричал Питер. — Он — прав! Эти обезьяны потешаются, разыгрывают нас, как последних ослов, а он радуется, что был прав. Заметил, надо было сразу сказать...

— А вы не хотели меня слушать, — оправдывался Джо.

— В чем дело, мальчики? — поинтересовался я.

— Видите ли, шеф, — начал Джо, — вчера, когда мы говорили насчет этого, вот этого, — Джо указал на ящик с запасными шестернями, — я подумал, что с этим ящиком что-то нечисто, но я не был уверен и поэтому не настаивал, а вот сегодня, — Джо тяжело вздохнул, — сегодня я...

— Сегодня он в четвертый раз припер ящик с шестернями с причала в лагерь, — сказал Тоби, не разжимая зубов, в которых торчала трубка.

— Зачем? — спросил я.

— Так он был там, у причала,— объяснил Джо.— Понимаете, шеф, не здесь, где я его вчера оставил, а там... Я думал, четвертый. Приношу, а он тут один...

— Короче говоря,— прервал Питер,— днем мы таскали все это барахло сюда, а ночью оно возвращалось обратно к причалу. Мы по ночам храпели, как святые, а днем удивлялись, что так чертовски медленно идет транспортировка.

— Возможно ли? — все еще не веря, начал я.— Неужели они...

— А кто еще! — зло бросил Питер.— Не мы же станем этим заниматься. Ну ладно, сегодня я их выслежу... Клянусь, шеф, после сегодняшней ночи ни у одной из здешних обезьян не останется охоты для таких штучек...

Мы до вечера таскали оборудование с причала в лагерь. Перед заходом солнца ознаковали суриком все, что уже находилось на площадке, выбранной под буровую. Я составил список, показал его Питеру.

— Да,— сказал мой помощник.— Если бы сразу заметили, можно было бы уже собирать вышку... Еще никогда в жизни меня так не болванили. Вас, наверно, тоже, шеф?.. Интересно, зачем им это понадобилось?

«Зачем им это понадобилось?» Я с обеда ломал голову над этой загадкой. Почему они не хотят, чтобы мы просверлили дырку в их острове? Ведь они совсем не выглядят суеверными, эти обитатели Муаи. Питер, конечно, прав. Меня тоже нигде и никогда так не одурачивали...

Ночью мы решили дежурить по очереди. Дежурные сменялись аккуратно каждые два часа. Ночь прошла спокойно. Никто из часовых не заметил ничего подозрительного. Тем не менее, когда рассвело, мы недосчитались трех тяжелых ящиков и четырех буровых штанг. Разумеется, все это снова оказалось у причала, в куче оборудования, приготовленной для переноски.

— А ну признавайтесь, кто из вас спал? — допытывался Питер у Джо и Тоби.

Те клялись, что во время дежурства не сомкнули глаз.

— Но и мы с вами не могли проспать, шеф, не так ли?

Я согласился, что не могли. И все-таки у нас из-под носа уволокли целый штабель железа. И ни одна штанга не звякнула, ни один ящик не скрипнул.

Днем я снова наведался в деревню — и опять без результата. Не видел даже вчерашней старухи. Только охрана была на месте у коттеджа Справедливейшего. Я попытался приблизиться, но, остановленный предупреждающим окриком и совершенно недвусмысленными жестами, вынужден был повернуть обратно.

За ужином мы рассуждали, каким путем возвращается к причалу наше оборудование.

— Может, перевозят на пирогах вдоль берега лагуны? — предположил Джо.

Питер покачал головой:

— Нет, таскают на плечах, как и мы.

— А следы... Почему не остается следов?

— Просто мы не обращали внимания. Сами тоже ходим босиком.

— Сегодня им не удастся, — подмигнул Джо. — У нас сигнализация...

— Мы привязали к ящикам капроновые лески, — пояснил Питер. — Трубы и штанги обвязали веревками. Всюду в промежутках натянули нитки и повесили пустые жестянки. В случае чего, такой звон поднимется...

— Можно даже не караулить, — мечтательно протянул Джо. — Все равно услышим и проснемся...

— Но-но, — предупредил Питер. — Ты, наверное, и вчера тоже...

Невдалеке послышался шорох. Солнце село несколько минут назад, было уже почти темно... Мы повскакали с ящиков, заменявших стулья, и Питер, как тигр, устремился в темноту. Джо еще не успел последовать его примеру, когда Питер уже возвратился. С торжествующим криком он тащил за собой маленькую упирающуюся фигурку.

Когда луч фонаря упал на лицо пленника, мы все ошеломленно ахнули. Это был Ку Мар.

— Ах ты чертенок, — удивленно протянул Питер. — Ты что делал там в темноте?

Ку Мар сердито вырвал руку из широкой ладони Питера, оправил рубашку и присел на край ящика.

— Зачем хватаешь? — сказал он, не глядя на нас. — Я в гости шел. Вот, рыба вам принес...

И он положил передо мной большую связку рыбы, блеснувшую влажной чешуей.

Мы смущенно молчали. Питер глядел исподлобья на Ку Мара и сердито сопел.

— Ну, здравствуй,— продолжал Ку Мар как ни в чем не бывало.— Я вас давно не видел. Три дня мы все море плавал, рыба ловил. Много рыба. Хороший. Сегодня вечер назад приплыл...

— Здравствуй, Ку Мар,— сказал я.— За рыбу спасибо. А Питера извини. Он испугался. Ему показалось, кто-то ящики взять хочет.

— Кому нужен такой твой ящик,— презрительно надул губы Ку Мар.— Муаи нет вор. Муаи все человек честный. Самый честный на целый океан. Как здесь работал? Хорошо работал?..

В тоне, каким был задан последний вопрос, мне почудился оттенок иронии. Я внимательно глянул на мальчишку, но глаза Ку Мара были устремлены в открытую банку с шоколадом. Мы угостили парня шоколадом и чаем. Ку Мар не торопился уходить. Он выпил большую кружку чаю, попросил налить еще. Рассказывал, как обитатели поселка ловили рыбу в океане.

— Хорошо было, интересно. Все муаи пошли океан. Дома никто не остался.

— Неужели все уезжали? — усомнился я.

— Все... Деревня один-два старый человек оставался... Больше никто.

— А Справедливейший?..

Ку Мар замотал курчавой головой:

— Я не знает.

— Так был он на рыбной ловле или не был?

— Я не знает.

Когда чай был выпит и банка с шоколадом опустела, Ку Мар пожелал нам спокойной ночи и отправился домой. Маленькая его фигурка сразу растаяла в непроглядной тьме, но мы еще долго слышали его гортанный петушиный говорок. Удаляясь, Ку Мар распевал во все горло. Он пел о маленьком острове, большом море и глупом старом обезьяне, который не знал, чего хотел...

— Как тихо,— сказал Джо.— Даже волн не слышно...

— Это к буре,— проворчал Питер.— Тихо, и душно, и звезды закрыло. Идет ураган...

И словно в подтверждение его слов, далекая оранжевая зарница полыхнула над океаном...

Гроза началась глубокой ночью. Налетел порыв теплого влажного ветра, зазвенели пустые консервные банки, развешанные Джо среди склада оборудования. И сразу же крупные капли дождя забарабанили по тенту палатки. Потом небо треснуло у нас над головами. Ослепительная белая молния озарила пустой берег, пальмы, гнущиеся от порывов ветра, косые струи стремительно надвигавшегося ливня... И началось...

Мне не в новинку ярость тропических гроз. Но такой грозы, как в ту ночь, не припоминаю. С неба, озаренного непрерывными всплесками белых и зеленоватых молний, на лагерь обрушился громыхающий водопад. Струи воды, толстые, как канаты, притиснули тент к потолку палатки. Палатка наполнилась водяной пылью. Я сидел на койке, закрывшись плащом, и чувствовал, как потоки теплой воды бегут под ногами. Гул дождя заглушал удары грома. Питер сидел напротив меня. При наиболее ярких вспышках молний он приподнимался и выглядывал в открытую дверь палатки. Что-то кричал мне, но его голос тонул в шуме дождя и раскатах грома...

Гроза бушевала около двух часов. Потом утихла так же стремительно, как и разразилась.

О сне нечего было и думать. Все промокло насквозь. Мы разломали несколько ящиков. Полили бензином. Питер щелкнул зажигалкой — и в темное небо, где в разрывах облаков уже поблескивали звезды, взметнулись языки пламени. Присев на корточки на мокром песке, мы молча глядели в огонь. Джо сушил мокрый носовой платок. Тоби старательно раскуривал трубку.

— В такую грозу можно было утащить весь лагерь, — заметил Джо, поднося платок к самому огню.

— Они, пожалуй, предпочли сидеть в хижинах, — проворчал Питер.

Тоби ничего не сказал, только осторожно отвел платок Джо подальше от пламени.

— Они придут под утро, — сказал Питер. — Это просто, как манная каша, которую Тоби приготовит на завтрак. Не так ли, Тоби?

— Нет, — возразил Тоби. — Сегодня дежурит Джо.

— Это не меняет дела, — сказал Питер и отвернулся.

Мы сидели у костра, пока не забрезжил рассвет. Влажный ветер угнал облака. Солнце выкатилось над фиолетовой гладью океана и засияло с туманного безоблачного неба. Воздух

был так насыщен влагой, что Джо не удалось высушить своего носового платка. Теперь Джо разложил его на ящике и придавил осколком большой раковины, чтобы не улетел.

Покончив с этим, Джо огляделся.

— Кажется, все на местах,— объявил он и облегченно вздохнул.

— Все,— подтвердил Питер, который тоже внимательно оглядывал склад оборудования.— Все на местах, парни, за исключением твоего ящика с шестеренками, Джо, десятка штанг и еще кой-какой мелочи весом килограмм триста...

И Питер закончил свою тираду замысловатым немецким ругательством, которое, немного подумав, сам же перевел на английский и потом на испанский. Мы слушали молча. Ящика с шестеренками, который вечером стоял возле самой палатки Джо, действительно не было, и штабель штанг заметно уменьшился.

— Что же это? — сказал наконец Джо. Мне показалось, он готов расплакаться.

— Принимайся за свои обязанности, Джо,— посоветовал Питер.— Приготовь хороший омлет и не забудь положить побольше перца. После завтрака предлагаю окружить деревню и поджечь с четырех сторон...

После завтрака мы вчетвером отправились в деревню. Стражи у коттеджа вождя торчали на своих местах.

Снова, уже в который раз, я попытался начать переговоры с расстояния в двадцать шагов. Ответом было молчание... Потом выступил вперед Питер. С той же самой дистанции он прокричал все известные ему ругательства, вошедшие в словарь «пиджин инглиш». В замысловатой вязи непереводимых эпитетов выражение «полосатые канальи, нафаршированные дохлыми кальмарами» звучало почти комплиментом.

Стражи равнодушно поглядывали в нашу сторону. Словоизвержение Питера явно не произвело на них впечатления.

— Довольно, Питер,— попросил я.— Вы же видите, это бесполезно...

Питер послушно умолк. Его словарный запас был исчерпан. Мы молча переглядывались.

Внезапно Джо осенила блестящая идея.

— Послушайте, шеф,— выпалил он, широко раскрыв глаза,— а не сыграть ли нам в телефон?

— Что такое?

— У парня горячка,— хрипло пробормотал Питер.

— Нет-нет, — запротестовал Джо. — Это такая игра. Знаете? Хотя это будет не телефон, а скорее... громкоговоритель.

— Какой еще громкоговоритель?

— Послушайте. Мы стоим вот тут, где стоим, и по команде хором крикнем, что нам надо. Понимаете, все вместе. Может, он там услышит.

— Мысль, достойная головы Джо, — заметил Питер. — Но мы ничего не теряем. В нашем положении можно попробовать даже это.

Мы посовещались, и я составил краткий текст устного обращения к «власти Муаи». Питер перевел «обращение» на «пиджин инглиш» и записал латинскими буквами. Каждый из нас потренировался шепотом в произношении каскада непонятных звуков.

— А теперь повторяйте хором за мной, — сказал Питер. — Хором и возможно громче...

Зычный вопль четырех здоровых глоток разорвал знойное штилевое безмолвие. Серые попугайчики, гнездившиеся в кронах пальм, всполошились не на шутку. Стремительными стайками они заметались над поселком, оглашая окрестности пронзительными криками. Залаяли собаки, заблеяли козы и овцы.

В ближайших хижинах зашевелились яркие циновки, из-за них появились удивленные и встревоженные физиономии обитателей Муаи. Даже надменные стражи в медных касках растерялись. Они завертели головами, неуверенно поглядывая друг на друга, на нас, на двери, которые охраняли.

А мы продолжали хоровую мелодекламацию. Гудел бас Тоби, высоким дискантом надрывался Джо, мы с Питером вторили им по мере сил. Мы отчетливо отчеканили слова, которые потихоньку подсказывал Питер, и после каждого слова оглушительно орали:

— В-ва-а!..

Это «В-ва-а!..» звучало особенно мощно. Питер уверял, что оно не переводилось, но подчеркивало многозначительность и важность всего остального. Не сомневаюсь, что, окажись мы на эстраде в Чикаго, наш ансамбль имел бы ошеломляющий успех. Но мы были на Муаи...

Проревев в последний раз «В-ва-а», мы замолчали и поглядели друг на друга. Стало тихо. Покачивая головами, обитатели Муаи исчезали в своих хижинах. Стражи, присев на корточки, выжидательно поглядывали в нашу сторону. Лишь

серые попугайчики не могли успокоиться. Они кружились над деревьями и оживленно обсуждали удивительное происшествие.

Из коттеджа так никто и не появился. И тогда впервые мне пришла в голову странная мысль, что, может быть, он пуст. И вождя там нет. И эти экзотические стражи никого не охраняют. И загадка Муаи совсем в другом...

Кто-то осторожно потянул меня за рубаху. Я оглянулся. Сзади стоял Ку Мар.

Он одобрительно кивал курчавой головой.

— Что скажешь? — поинтересовался я.

— Хорошо орал! — со знанием дела похвалил Ку Мар.— О-о... Очень хорошо. Да!

— Нам необходимо видеть вождя, — сказал я. Это прозвучало, как попытка оправдаться.

— Ай-я-яй,— сочувственно закивал Ку Мар,— ай-я-яй! Нельзя... Плохо будет. Совсем плохо будет... Слушай,— Ку Мар вдруг перешел на шепот. — Положи подарка вот тут. Вот тут на земля. И записка положи. Такой большой записка. Напиши там, чего надо. Хорошо напиши... Как орал! И подпись сделай. Пусть лежит вот тут... А завтра утром приходи... Может, хорошо будет.

— Придется так и поступить,— сказал я, и по-испански Питеру: — Может, парнишка специально подослан... Может быть, завтра нам удастся добиться аудиенции.

— Попробуем,— не очень уверенно согласился Питер.— Во всяком случае, это ничуть не хуже, чем «громкоговоритель», придуманный Джо.

— Или твое сольное выступление,— отпарировал Джо, густо покраснев.

— Ладно уж,— примирительно махнул рукой Питер.— Все мы тут не выглядим мудрецами. Пишите, шеф. Я попробую перевести ваш меморандум на «пиджин инглиш»...

Я быстро написал записку. Наши пожелания и требования выразил предельно лаконично в трех пунктах: встреча с вождем, помощь при строительстве буровой вышки, в остальном — невмешательство и взаимное уважение суверенитета... Помощь обещал оплатить натурой или долларами. Предупреждал, что с этой ночи лагерь охраняется. В незваных гостей будем стрелять без предупреждения.

Питер с тяжелым вздохом взял у меня записку и при-

нялся переводить на «пиджин инглиш». Написав несколько слов, он закусил губы и стал сосредоточенно скрести голову. Ку Мар с интересом следил за ним. Питер написал еще слово, перечеркнул и вполголоса выругался. Крупные капли пота скатывались по его сосредоточенному лицу и падали на бумагу.

— Да ну, Питер, ты попроще, — не выдержал Джо. — Это тебе не школьное сочинение...

— А ты заткнись! — посоветовал Питер, посасывая кончик авторучки. — Попробуй переведи просто, если у них, к примеру, вместо того чтобы сказать «зонт», говорят: «Не очень большой дом, который носишь под мышкой и поднимаешь навстречу дождю, если не хочешь повстречаться с ним». А если, например, надо сказать «болван», то приходится говорить: «Облезлая обезьяна, у которой хвост на месте головы, а вместо головы пустая тыква, набитая прокисшими отрубями». И еще надо к этому трижды прибавить: «В-ва-а...»

— Правильно, — подтвердил Ку Мар, внимательно слушавший Питера.

— А ты лучше помог бы, если понимаешь, в чем дело, — сердито бросил Питер, вынимая авторучку изо рта.

— Давай, — просто сказал Ку Мар.

— Что тебе давать?

— Бумага давай.

— Зачем?

— Помогать буду.

— Ты умеешь писать? — изумился Питер.

— Немного... Немного лучше, чем ты.

— Что?..

— Давай покажу.

— И понимаешь, что написано здесь, в этой записке?

— Где начальник написал английский слова? Немного понимаю.

— Гм... Ну, вот тебе перо и бумага. Попробуй переведи.

— Попробовать что?

— Попробуй напиши словами муаи то, что начальник писал в своей записке.

— Давай чистый бумага, — решительно сказал Ку Мар.

— Зачем? Ты продолжай то, что я начал.

— Нельзя, — заявил Ку Мар, возвращая Питеру листок перевода.

— Почему нельзя?

— Там,— Ку Мар застенчиво улыбнулся,— там немного неправильно писал... Кто будет читать, очень обижайся. А если не обижайся, будет сильно смеяться. Вот так: хо-хо-хо...— и Ку Мар, широко улыбаясь, потер себя ладонью по животу.

— Хи-хи,— не выдержал Джо, а Тоби вынул трубку изо рта и принялся громко сморкаться.

Питер выглядел несколько обескураженным, но не хотел сдаваться.

— А где не так? — придирчиво поинтересовался он, подозрительно поглядывая то на Ку Мара, то на свое сочинение.

— О, вот тут и тут,— Ку Мар бесцеремонно тыкал коричневым пальцем в каракули Питера.— И еще тут... О, совсем много.

— Ладно...— сказал Питер.— Пиши ты. Посмотрим.

— Давай бумага и садись вот тут на землю.

— Это еще зачем?

— Как писать буду? Твой спина писать буду. Другой столик нет. Садись, пожалуйста.

— Гм...— сказал Питер, но подчинился.

Ку Мар присел на корточки, положил чистый лист бумаги на спину Питера и принялся писать ровным, довольно правильным почерком, время от времени поглядывая на мою записку. Исписав сверху донизу один лист бумаги, он попросил второй, потом третий.

Мы терпеливо ждали.

— Все,— объявил Ку Мар и поставил жирную точку.

— Ну-ка давай, я проверю,— сказал Питер, с трудом распрямляя затекшую спину.

Ку Мар отдал ему исписанные листки. Питер внимательно прочитал их и, кажется, остался доволен.

— Грамотей,— с оттенком уважения заметил он.— Чисто написал и, в общем, понятно. Лучше, чем я. Кто это тебя успел научить?

— Кто? — презрительно надул губы Ку Мар.— Муаи много грамотный. Все грамотный... Один старый бабка Хмок Фуа Кукамару немного неграмотный. Сейчас учится.

— Интересно...— протянул Питер.— Если, конечно, не врешь. Так, может, муаи и по-английски понимают?

— Немного понимают.

— А вождь? — не выдержал я.— Может, и он тоже?..

— Не знаю... — сказал Ку Мар и посмотрел на меня с откровенной издевкой.

— Так чего ради мы здесь морочили себе головы с переводом? — сердито спросил Питер. — Зачем мы все это делали, шеф, если каждый, гм... Ку Мар мог перевести ваше письмо этой загадочной местной власти. А ты чего не сказал? — напустился Питер на Ку Мара.

— Зачем говорить? — удивился Ку Мар. — Ты просил, я помогал. А зачем, я не знаю. Зачем так писал, не знаю... Зачем орал там, тоже не знаю. Зачем дырка остров делать хочешь, тоже не знаю. Я ничего не знаю. Я только помогал немного, что просил.

— Вождь Муаи поймет, в чем дело, если ему оставить только записку начальника и подарки? А то, что писал ты, не оставлять?

— Не знаю...

— Ладно, Питер, — вмешался я. — Положите посреди площади обе записки вместе с подарками, и пошли. Мы и так потеряли здесь полдня. Спасибо за помощь, Ку Мар. Приходи в гости.

— Приду, — обещал Ку Мар и побежал домой.

* * *

Еще не дойдя до лагеря, мы почувствовали, что дело неладно. Прерывистые полосы, словно глубокие колеи, тянулись вдоль всего пляжа. Местами их уже заровняли волны, но на сухом белом песке они были видны очень отчетливо. Каждый из нас готов был поклясться, что утром, когда мы шли в деревню, этих полос не было.

— Штанги, — твердил, сжимая кулаки, Питер. — Говорю вам, парни, это штанги. Пока мы горланили на площади, эти обезьяньи дети опять околпачили нас...

Однако то, что мы застали в лагере, превзошло самые худшие ожидания. Площадка, на которой утром лежало оборудование, была пуста. Штанги, обсадные трубы, секции буровой вышки, инструменты — все исчезло. Не осталось ни одного болта, ни одной гайки. Только кухонная утварь, продукты и наши палатки. И словно чтобы подчеркнуть всю бездну издевательства, жертвой которого мы стали, на обеденном столе возле палаток высилась целая гора «подарков»:

фрукты, свежая рыба, поднос с устрицами, оплетенные тыквы с местным пивом.

Ребята безмолвно повалились на песок в тени навеса. Молчание длилось долго.

Первым его нарушил Тоби.

— А не сыграть ли нам в телефон? — негромко предложил он, не выпуская изо рта потухшей трубки. И, не дожидаясь ответа, наградил Джо звонким шлепком.

— Ну ты, полегче,— возмутился Джо, поспешно откатываясь в сторону.

— Начинаем войну, шеф? — спросил Питер.

— Вернемся в деревню и потребуем объяснений. Надо только проверить, где оборудование: снова у причала или исчезло совсем...

— Если бы исчезло, мы его под землей нашли бы. Тогда нашлись бы и виновники. Разумеется — опять у причала...

— Сегодня любой ценой войду в дом вождя,— запальчиво сказал я.— Если они станут стрелять, мы тоже откроем огонь.

— А не снять ли сначала часовых? — предложил Питер.— Берусь сделать это с трехсот метров.

— Первый выстрел — объявление войны. Пусть ответственность за начало военных действий падает на них.

— Превосходно, шеф. Если останусь жив, обещаю каждый день до отъезда убирать вашу могилку свежими цветами.

— Но я не хочу...— начал Джо.

— Смирно! — прервал Питер.— Шеф объявил мобилизацию. Берите карабины и — шагом марш.

— Но я...

— Молчать! Вот твой карабин, проверь его. А ты чего ждешь, Штанга?

— Я за мирное разрешение споров,— спокойно объявил Тоби, выколачивая трубку.— Я сохраняю нейтралитет.

— Ага, и я тоже! — крикнул Джо, откладывая карабин.

— Трусы,— взорвался Питер.— Бабы, слюнтяи...

— Попридержи язык! Ты ведь тоже заключил контракт на бурение, а не на службу в колониальной полиции.

— Вот именно,— подтвердил Джо.

— Все равно — трусы. Над вами потешаются, а вы бормочете о нейтралитете. Трусы!

— Если еще раз повторишь это слово, Питер, подавишься им вместе с осколками зубов,— сурово предупредил Тоби.

— Довольно, мальчики, — вмешался я. — Пошли к причалу, а оттуда, кто не боится, — в деревню.

Тоби и Джо поднялись без слова. Мы в молчании покинули лагерь. По пути, оглянувшись на своих спутников, я убедился, что только Питер вооружен. Тоби и Джо демонстративно оставили карабины в лагере.

10 января... Наши вчерашние перипетии кончились довольно неожиданно. Убедившись, что все исчезнувшее оборудование снова находится у причала, мы отправились в деревню. Тут нас ожидал новый сюрприз. Посреди площади, на том месте, где мы оставили подарки и меморандум, лежала красивая циновка, сплетенная из пальмовых волокон. На ней громоздилась куча ответных подарков — копченая рыба, тыквы с напитками, рыболовные снасти, миски из панциря морской черепахи и гигантские перламутровые раковины, отливающие на солнце всеми цветами радуги. В одной из раковин торчала свернутая трубочкой записка.

Она была нацарапана по-английски.

«Справедливейший приветствует гостей и благодарит за подарки. Справедливейший всемилостивейше обещает аудиенцию в полдень через три ночи. Справедливейший просит не делать дырок в острове до встречи с ним...»

Помню, я тотчас же прочитал записку ребятам.

— Ну, вот и хорошо, — обрадовался Джо.

— Если это не попытка оттянуть время, — добавил Питер.

Тоби по обыкновению ничего не сказал, только посасывал свою трубку.

Мы забрали подарки и вернулись в лагерь.

Вечером за ужином Питер задал вопрос, который в равной степени волновал всех:

— Завтра опять станем вьючными ослами, шеф?

— А что ты предлагаешь? — поинтересовался я. Питер испытующе глянул на меня:

— Я предлагаю изменить место бурения. Соберем вышку возле причала. Какая разница, где продырявить этот паршивый остров?

— Место бурения задано главным геологом. Утверждено боссом. Древние лавы, а значит, и алмазоносные кимберлиты тут, возле нашего лагеря, кажется, залегают ближе к поверхности.

— Вы сказали «кажется», шеф?

— Да... Точно этого никто не знает.

— Значит, все равно, где бурить?

— А если скважина у причала вообще не встретит лав? — не сдавался я. — Если проектной глубины не хватит и скважину придется остановить в теле кораллового рифа, венчающего древний вулкан? С меня начальство голову снимет...

— Проектной глубины может не хватить и тут. Мы ведь не знаем толщины рифа.

— Разумеется... Но тогда пусть беспокоится начальство.

— Выходит, завтра снова таскать штанги к лагерю?

— Выходит так, Питер... В конце концов нам за нашу работу платят. Но теперь не будем так легкомысленны... Установим круглосуточное дежурство.

— Вопрос, поможет ли оно на этом проклятом острове, — проворчал Питер.

* * *

Наконец настал долгожданный день аудиенции у Справедливейшего.

Чтобы скоротать время ожидания, мы три дня в поте лица опять таскали оборудование от причала к лагерю. Ночью по очереди несли дежурство. Однако ночные гости больше не появлялись. То ли сыграло роль наше предупреждение, то ли островитяне выжидали...

Я не сомневался, что в дальнейшем все будет зависеть от исхода встречи с вождем.

Начали готовиться к ней с утра. Решено было, что на аудиенцию мы идем вдвоем с Тоби. Питер и Джо остаются охранять лагерь и в случае необходимости придут на помощь.

Мы с Тоби побрились, надели чистые рубашки и новые сандалии. Я засунул в задний карман штанов плоский автоматический пистолет. Посоветовал сделать то же самое Тоби. Однако он категорически отказался и объявил, что пойдет без оружия. С собой мы захватили подарки — тропический шлем, авторучку и бутылку коньяка. Все это Тоби завернул в большой кусок яркой ткани и перевязал широкой красной лентой.

— Не беспокойся, Штанга, — сказал на прощание Питер. — В случае чего, мы с Джо устроим вам вполне приличные похороны.

Тоби молча погрозил Питеру кулаком, и мы пошли.

Признаться, мы втайне ожидали торжественного приема, толпы на площади, танцев в нашу честь. Ничего этого не было.

Площадь оказалась пустой. Только стражи в медных касках и расшитых камзолах были на своем посту у входа в коттедж. Мы с Тоби не очень уверенно приблизились к ним. На этот раз они вытянулись и приложили коричневые кулаки к белым перьям, украшающим каски. Затем один из стражей жестом предложил нам войти.

Не скрою, я вступал в это святая святых Муаи с легким трепетом. Не от страха, нет... Скорее, из любопытства. И, кроме того, за трехнедельное пребывание на острове я невольно проникся уважением к недосягаемому и таинственному властелину, подданные которого, без сомнения, выполняя его волю, так блестяще разыграли нас.

Мы с Тоби поднялись по нескольким ступеням на открытую веранду и вошли в коттедж.

Убранство первой комнаты поразило нас. Оно было вполне европейским. У окна стоял низкий столик. На нем графин и несколько хрустальных бокалов. Возле стола низкие плетеные кресла. На полу и на стенах яркие циновки. Повсюду ослепительная чистота.

Мы остановились в легком замешательстве.

Идти дальше или ждать здесь? Тоби вытащил изо рта потухшую трубку и сунул в карман.

Шорох заставил нас оглянуться. Легкая перегородка вместе с закрывавшей ее циновкой скользнула в сторону. Из-за перегородки появился невысокий коренастый человек в широком белом одеянии до пят и круглой черной шапочке с белыми перьями. У него было неподвижное темно-коричневое лицо без бровей, с удивительно толстыми губами. Глаза, полуприкрытые тяжелыми складками век, внимательно оглядели нас. Я готов был присягнуть, что не встречал этого человека в поселке.

Я молча поклонился, и Тоби последовал моему примеру.

Человек в белом плаще чуть шевельнул веками и продолжал разглядывать нас. Молчание явно затягивалось, и я почувствовал смущение.

— Мы хотели бы видеть вождя, — пробормотал я, чтобы что-нибудь сказать.

— Вы готовы говорить со Справедливейшим из справедливых, мудрейшим из мудрых, вышедшим из синих волн Великого вечного океана? — спросил по-английски человек в белом плаще.

Признаться, меня поразило его правильное произношение.

— Д-да,— сказал я не очень уверенно.

— Следуйте за мной!

Мы прошли через несколько небольших комнат. Красивая удобная мебель. Фотографии и картины под стеклом, часы, барометр... Лишь яркие циновки на полу и на стенах напоминали, что мы находимся на острове в центральной части Тихого океана. В углу последней комнаты оказалась винтовая лестница. Она вела куда-то вниз.

Коттедж вождя был одноэтажным. Значит, вход в подземелье... Не ловушка ли?

Человек в белом плаще начал было спускаться, потом оглянулся.

— Не бойтесь,— сказал он, заметив мое колебание.— Здесь ничто не угрожает. Справедливейший ждет вас. Он внизу. Можете оставить вашего товарища здесь, если сомневаетесь.

— Нет,— ответил я.— Мы верим и пойдем вместе.

Наш провожатый отвернулся и начал спускаться. Мы с Тоби последовали за ним.

Впоследствии, вспоминая первую аудиенцию у Справедливейшего, я всегда испытывал чувство неловкости, граничащее со стыдом. Хороши же мы оказались... Особенно наш узелок с подарками!..

Спустившись по винтовой лестнице, мы очутились в обширном, довольно мрачном помещении. Свет проникал откуда-то сверху через небольшие оконца, расположенные под потолком. Приглядевшись, я рассмотрел, что стены этого странного зала увешаны разнообразным оружием. Здесь были луки и колчаны со стрелами, копья, дротики, боевые топоры, короткие мечи, остроги и какие-то странные приспособления, похожие на орудия пыток.

Мне стало не по себе, и я незаметно дотронулся до заднего кармана. Пистолет был на месте. Я мог вытащить его в любой момент.

В дальнем конце зала находилось что-то похожее на возвышение. Драпировка из тяжелой, золотисто поблескивающей ткани оставляла открытыми только нижние ступени.

Не дойдя нескольких шагов до занавеса, провожатый остановился и жестом предложил нам сесть.

Я с недоумением оглянулся. Однако оказалось, что на полу лежат подушки, набитые морской травой. Мы с Тоби сели, и

Тоби аккуратно поставил на колени сверток с подарками, перевязанный красной лентой.

Наш провожатый исчез за занавесом. Очевидно, пошел докладывать. Мы напряженно ждали.

«Кто бы мог предполагать, что под коттеджем имеется еще подземелье,— думал я.— Зал не меньше двадцати метров в длину. Конечно, он высечен в скале. Ведь домик вождя стоит прямо на выступе кораллового рифа. Зачем все это понадобилось? И оружие,— я глянул по сторонам,— это, пожалуй, одна из самых больших коллекций оружия тихоокеанских островитян. Даже в Мельбурнском музее не видел такой... Ей цены нет».

Тоби шевельнулся на своей подушке. Я глянул на него. Он чуть заметно покачал головой.

— Все будет в порядке,— успокоительно шепнул я.

— Не в том дело,— тихо ответил он.— Покурить бы...

— Придется потерпеть. Сейчас неудобно...

Занавес дрогнул и раздвинулся.

На возвышении, покрытом яркой циновкой, скрестив ноги, сидел человек. Его тело, руки и ноги были окутаны складками белого плаща, широкое коричневое лицо с толстыми губами и крупным носом казалось высеченным из камня. Массивные веки прикрывали глаза. В курчавых черных волосах блестел золотой обруч. Очевидно, это и был вождь Муаи собственной персоной и... в полном одиночестве. Больше в зале никого не было видно. Исчез даже наш таинственный провожатый, говоривший по-английски.

Мы с Тоби встали; я неловко поклонился. Ни один мускул не дрогнул на лице человека, восседающего перед нами. Если бы не дыхание, чуть колеблющее складки одежды, его можно было бы принять за каменное изваяние.

Я скосил глаза на Тоби. Он переступал с ноги на ногу и крутил головой с таким видом, словно ему давил горло несуществующий воротничок.

Приветственная речь начисто вылетела у меня из головы. К тому же я понятия не имел, на каком языке говорить. Молчание явно затягивалось, и меня начала разбирать злость. Что означает все это представление? Может быть, над нами опять хотят позабавиться?

Наконец вождь соизволил нарушить молчание.

— Гм...— сказал он.

Это «гм» могло быть произнесено на любом из тысячи пятисот языков Земли, и я снова очутился в затруднительном положении: на каком же языке отвечать?

— Гм,— повторил вождь.— Вы собираетесь молчать до вечера?

Он говорил на довольно правильном французском языке.

Я торопливо ответил по-французски.

Это оказалось нелегко — с ходу переводить приветствие на французский язык. К тому же я забыл начало и переиначил титул вождя.

Он прервал меня, махнув рукой:

— Переходите к делу!

Я принялся пространно объяснять цели нашей экспедиции, задачи бурения, сам способ бурения скважины. Подчеркнул, что «дырка» не причинит никакого вреда острову и его обитателям. Я старался говорить как можно более популярно: упрощал терминологию, по возможности заменял технические выражения словами, которые должны были быть ему понятны.

Он слушал довольно внимательно, потом спросил:

— Зачем нужна эта скважина?

Он употребил именно слово «скважина», а не «дырка в острове» — выражение, которым пользовался я в своих объяснениях.

Вопрос поставил меня в тупик. Объяснять ему строение кораллового атолла? Рассказывать о кимберлитах, которые мы предполагали обнаружить на глубине под коралловой постройкой?.. Я уклончиво ответил, что хотим «заглянуть внутрь острова», убедиться, нет ли там чего-нибудь, что в дальнейшем могло бы принести пользу обитателям Муаи...

— Например? — резко перебил он. Я чувствовал себя как на экзамене. Пот ручьями струился по щекам, стекал за воротник рубашки.

— Разные вещи могут оказаться на глубине,— пробормотал я не очень уверенно.

Он чуть приподнял тяжелые веки и принялся рассматривать меня с насмешливым любопытством. Потом сказал:

— Верно... Разные вещи могут оказаться на глубине. Например, такие, которые вам даже не снились... Допустим, вы не знаете, зачем эта скважина; допустим, ваш босс, которого тут нет, не объяснил вам этого. Но я — верховная власть на остро-

ве, — должен я знать, что, где и зачем вы хотите делать? Или вы не согласны со мной?

Судя по языку, по манере выражаться, он получил кое-какое образование и производил впечатление довольно цивилизованного человека. Поэтому я решился... Я рассказал ему об устройстве атолла, о том, что под коралловой постройкой должен находиться скальный цоколь. Этот цоколь, скорее всего, является древним вулканом. До вулкана мы и хотим добраться скважиной.

Я готов был побиться об заклад, что он обязательно заинтересуется древним вулканом и захочет узнать, не начнет ли вулкан извергаться после бурения скважины. Но он только сказал:

— Там, где собираетесь бурить, не достигнете цоколя.

— Почему же?

— Там цоколь глубоко.

Счастье еще, что Тоби не понимает по-французски. По-видимому, мне давно пора возмутиться... Кажется, этот коричневый монумент собирается учить меня.

Я сказал возможно более решительно и холодно:

— О том, какое место подходит для бурения, разрешите судить мне.

Слово «мне» я подчеркнул. Неожиданно он согласился:

— Разумеется... у вас могут быть свои соображения. Это ваше право.

Он помолчал и добавил:

— А я не могу разрешить вам бурить там, где вы задумали.

— Почему?

Дипломат никогда не задал бы подобного вопроса. Но я был плохим дипломатом... Он тотчас дал мне это почувствовать: он даже не счел нужным ответить, только пожал плечами.

— Однако я должен бурить, — пробормотал я, чтобы прервать наступившее молчание. Он снова пожал плечами.

— Пожалуйста, бурите, но в другом месте. Например, там, где вы высадились.

Кажется, я начал понимать... Для него это был вопрос престижа и амбиции. Ах, коричневая мумия! Но я тоже упрям... Недаром моя бабка была ирландкой!

— Вы можете выбрать и какое-нибудь иное место, — сказал он, словно поняв мои мысли, — исключая всю западную половину острова.

«Ага, идешь на попятную! — со злорадством подумал я.— Нет, так легко не уступлю...»

— Мы устроили лагерь как раз на западе,— заметил я вслух.— И уже успели перенести туда часть оборудования...

Тут я осекся. Он не мог не знать, что происходило с нашим оборудованием.

Однако на этот раз он не воспользовался моим промахом. Он только сказал:

— Обдумайте условие. Если оно вас не устраивает, от бурения придется отказаться.

Это прозвучало как ультиматум.

— Но...— начал я.

— Никаких «но». С первым вопросом покончено. Переходим ко второму.

Не скрою, я снова растерялся. Этот муаец оказался более решительным, чем можно было предполагать.

Я не знал, что отвечать, и молчал.

— Ну?

У меня мелькнула мысль, что его «ну» прозвучало не очень вежливо... Я попытался собрать расползавшиеся мысли: «Ближайший пароход будет через полтора месяца, нас четверо, а их...»

— Ну?

«Клянусь Плутоном, он, конечно, понимает, что сила на его стороне. Значит... Значит, надо быть дипломатом, хотя это чертовски трудно...»

— Второй вопрос связан с первым,— сказал я возможно спокойнее.— Мне нужна помощь при монтаже буровой установки. Десяток-полтора здоровых ребят. Конечно, я заплачу и вам тоже... Цена...

— О цене потом,— нетерпеливо прервал он.— Если согласитесь изменить место бурения, пришлю вам десять человек.

— Еще одно... У нас исчезало оборудование... То есть не совсем исчезало. Кто-то перетаскивал его ночью обратно...

— А,— сказал он.— Кто-нибудь из моих... подданных. Вероятно, им тоже не понравилось место, которое вы выбрали.

Это было уже слишком!

— Послушайте...— начал я.

Он не дал мне продолжить:

— Не сердитесь на них, они славные ребята. Я скажу, и... они перестанут... шутить.

— А мы и не позволим больше дурачить нас; я уже отдал распоряжение...

— Зачем ссориться? — сказал он.— Кажется, вы тоже неплохие ребята... Раз уж вы приплыли сюда, сделайте свое дело, и жители Муаи с радостью проводят вас. Но не забывайте о наших... о моих условиях.

— Ладно,— ответил я.— Изменю место бурения. У меня не остается другого выхода, однако...

— Ну вот и прекрасно,— сказал он неожиданно мягким голосом.— И советую вам подумать о районе выгрузки, тем более что, как вы вскоре убедитесь, «сделать дырку» в атолле Муаи — задача трудная... Независимо от того, где бурить.

— Послушайте,— возмутился я,— если это намек...

— Это не намек,— резко прервал он.— Вы уже «делали дырки» на островах, подобных Муаи?

— Нет.

— Ну, вот видите...

— Хорошо,— сказал я.— Эту заботу предоставьте мне. Каковы же окончательные условия?

— Условие одно. Вы его слышали?

— А цена?

— Вы имеете в виду оплату рабочих? С ними договоритесь сами.

Он решительно не хотел понять меня.

— Я имею в виду... стоимость аренды площадки под скважину и... все прочее... Сколько?

— Я не думал об этом,— объявил он.— Пожалуй, вы правы. Кое-что вам придется заплатить. Немного... Об этом договоритесь после с моим советником.

Еще не легче. У него, оказывается, есть советник. Интересно, кто такой?

— А где я могу увидеть вашего советника?

— Он придет сам... Позже.

— Но я бы хотел быстрее начать.

— Начинайте, рабочие придут завтра.

— О'кей. Тогда, кажется, все... Может быть, вам что-нибудь надо от меня... от нас?

Вместо ответа он сделал какой-то знак рукой. Тотчас беззвучно опустился занавес, скрывший его от наших глаз.

Он даже не счел нужным попрощаться. Мы с Тоби переглянулись.

— Кажется, уладили, — пробормотал я без особой уверенности.

— А это? — спросил Тоби, указывая глазами на узел, который держал в руках.

Занавес дрогнул. Из-за него снова появился провожатый, который привел нас сюда,

— Пойдемте, — сказал он. — Я провожу вас.

Тоби протянул ему узел.

— Что это?

— Это... сувениры, — пояснил я. — На память.

— Справедливейшему из справедливых... или мне?

Я махнул рукой:

— Сделайте так, как сочтете более удобным.

Он молча взял узелок и жестом пригласил нас следовать за ним.

* * *

Какое множество подробностей способна сохранять человеческая память! Нужна только маленькая затравка, чтобы начать вспоминать... А потом воспоминания набегают, как морские волны. Одно за другим — без конца... Затравка — мои записные книжки. Я листаю страницы, и корявые сухие строчки оживают. Кажется, я слышу шум океана и звенящие удары металла о металл. Это ребята соединяют звенья вышки.

Вот запись от 15 января:

Мы полным ходом собираем буровую. Новое место я выбрал на внешней восточной стороне атолла, метрах в трехстах от причала. С помощью десятка молодых муайцев, присланных Справедливейшим, мы уже перетащили на новую площадку все оборудование и палатки лагеря. Мы живем теперь на самом берегу океана, возле остова буровой. Вышка растет не по дням, а по часам. Скоро можно начинать бурение.

...Как мы все ждали этого волнующего момента! И наконец он наступил... Питер включил двигатель, мотор заработал. Через несколько минут буровая коронка со вчеканенными в нее алмазами впервые впилась в тело рифа Муаи. Бурение началось.

За первый день мы прошли немного — всего около двух погонных метров. С заходом солнца Питер остановил мотор,

и мы подняли на поверхность первый керн — желтоватый столбик кораллового известняка, частицу тела рифа.

Торжественное событие решено было отметить за «праздничным столом». Большой брезент расстелили прямо на чистом коралловом песке пляжа. Вокруг брезента заняли места мы вчетвером и шестеро коричневых помощников. Эти шестеро показались мне наиболее умелыми и ловкими. И я не ошибся. Неделю спустя они работали на скважине, как заправские буровики.

Одиннадцатым за нашим праздничным столом был Ку Мар. Он теперь торчал возле буровой с утра до вечера.

Праздничный обед был великолепен. Его приготовил молчаливый Тоби. Сидя за «столом» и слушая похвалы черепаховому супу, запеченным в тесте тунцам, маринованным крабам и прочим яствам, Тоби лишь скромно улыбался и молча посасывал трубку.

— Ну, а как там поживает вождь Муаи? — спросил Питер, подмигивая Ку Мару.— Не выпить ли нам за его здоровье?

— Я не знает,— сказал, улыбаясь, Ку Мар.

— Неужели он никогда не выходит из своего дома?

— Я не знает.

— Все ты знаешь, чертенок, только говорить не хочешь. Почему? Вы его так боитесь?

— Никакой муаи не боится. Никто не боится, я тоже,— гордо сказал Ку Мар, протягивая руку за очередной горстью засахаренных орехов.

— Муаи вождь очень хороший, о-о! — на ломаном английском языке сказал Ну Ка Вонг Танну — самый молодой из наших помощников, которого мы все называли просто Нукой.

— А чем хороший? — поинтересовался Питер.

— О,— сказал Нука.— О-о! — повторил он, широко разводя руками и поднимая глаза к звездам.

— Ясно,— объявил Питер.— Святой, наверно?

— Какой «святой»? — быстро спросил Ку Мар.

— Такой, которому все молятся.

— Как это... молятся?

— Ну, кланяются, поднимают руки и бьют лбами о землю.

— У-у,— разочарованно протянул Ку Мар.— «Молятся» — это очень плохо. Голова будет болеть. Нет, вождь Муаи не святой...

— Надо было пригласить вождя к нам на праздник, — заметил Джо.

— Сделаем это, когда кончим бурение, — пообещал я.

Ку Мар тихонько захихикал в темноте.

* * *

26 января. Бурение продвигается чертовски медленно. За десять дней мы не прошли и пятидесяти метров. Риф оказался сильно кавернозным. Пока пустоты были небольшими, мы еще кое-как справлялись с ними. Но вчера буровой инструмент провалился сразу на несколько метров. Алмазная коронка вышла из строя. На ликвидацию аварии ушел целый день. Если дело пойдет так и дальше, мы не кончим скважину в установленный срок...

Помню, я тогда сказал Питеру:

— Можно подумать, что этот Справедливейший знает кое-что о строении рифа Муаи. Он намекал при нашей встрече, что бурить будет трудно...

Питер насмешливо глянул на меня:

— И вы, шеф!..

— Что — и я?

— Уверовали в его необыкновенность. Чушь собачья!

— А вчерашняя авария?

— Ерунда! Теперь будем бурить осторожнее...

Питер еще не закрыл рта, как мотор на буровой начал чихать и заглох.

Тотчас прибежал встревоженный Джо.

— Идите скорей. Опять!

— Что опять?

— Инструмент провалился.

На этот раз дело оказалось гораздо серьезнее. Вероятно, произошел обвал стенок каверны: буровой инструмент зажало в скважине. Мы провозились до ночи, но так и не смогли извлечь коронку на поверхность.

Весь следующий день ушел на безуспешные попытки освободить инструмент. Скважина зажала его мертвой хваткой. Мы никак не могли заставить ее приоткрыть каменные челюсти.

К вечеру третьего дня Питер, который все это время раскрывал рот лишь для замысловатых ругательств, швырнул на песок тяжелый ключ и сказал:

— Все! Я испробовал все знакомые мне штучки, шеф. Придется бросить эту скважину и начать рядом новую. Считайте эти пятьдесят метров разведкой.

— Подождем до завтра,— предложил я.— Утро вечера мудренее.

Утром я стал к станку сам. Я знал один хитрый прием, которому научился у буровиков на Аляске. Он заключался в особом раскачивании инструмента. Способ был рискованный. Можно разорвать буровые штанги. Но иногда помогал.

Я расставил ребят по местам. Объяснил каждому, что делать. Восемь пар глаз впились в меня с напряженным вниманием, ожидая команд. Не было только Питера. Он считал затею бесполезной и ушел купаться.

— Включить мотор! — крикнул я.

Мотор заработал.

Я легонько нажал на рычаг подъемного механизма, и, к моему величайшему изумлению, инструмент пошел вверх, как нож из куска мыла. Это было непостижимо...

Мы подняли колонну штанг на всю высоту буровой, свинтили их. Мотор снова заработал. Вскоре над устьем скважины появилась коронка...

Мы прокричали троекратное «ура».

На наши вопли прибежал Питер в мокрых купальных трусах и заморгал выгоревшими ресницами.

— Как вам удалось, шеф? — спросил он, внимательно разглядывая покореженную алмазную коронку.

— Секрет фирмы.

— Шеф такое слово знает,— сказал Джо.— Пошептал — и конец...

— Инструмент почти не был зажат,— объяснил я.— Пошел наверх совсем легко.

— Бросьте шутить,— хрипло проворчал Питер.

— Говорю вполне серьезно.

— Посмотрите, что с инструментом.— Питер указал на уже свинченный керноприемник.— Видите, как расплющило? Такие аварии не ликвидируются сами.

— Тем не менее, я поднял буровую колонну без труда.

— Чудеса какие-то.

— Может быть, куски породы, зажавшие инструмент, сами провалились на глубину в следующую каверну?

— Вы когда-нибудь слышали про такое? — прищурился Питер.

— Нет, но, в конце концов, скважин на коралловых атоллах пробурено не так уж много.

— Все равно чудеса, шеф...

2 февраля. После той загадочной аварии бурим с большой осторожностью. Скважина постепенно углубляется. Наши ящики заполняются желтоватыми столбиками керна. Известняк продолжает оставаться сильно кавернозным. Этот риф — как гигантская губка. Дырок в нем больше, чем породы. Мы прошли уже около четырехсот метров, а керна подняли всего сто пятьдесят. Остальное приходится на каверны...

Кажется, это произошло именно 2 февраля... Потом я не вел записей несколько недель...

Утром Ку Мар настойчиво допытывался, какой глубины достигла скважина. Когда я сказал, он глянул на меня недоверчиво:

— Чистый правда говоришь?

— Конечно. А собственно, зачем тебе точная глубина?

— Надо...

— Ну а все-таки, зачем?

Ку Мар заулыбался:

— Один маленький задача решаю. Сколько дней бурить будешь, чтобы сделать дырка через вся Земля.

— Ну и что получается?

— Ничего не получается...

Он, конечно, хитрил. Кто-то из островитян поручил ему узнать глубину скважины. Может быть, даже сам Справедливейший... Непонятно только, зачем для этого понадобился Ку Мар. Каждый вечер помощники уходили ночевать в селение; от них можно было получить все сведения.

Вскоре Ку Мар куда-то исчез. В обед его никто не видел.

Когда спала жара, мы вернулись на буровую. К станку стал Питер. Я присел под тентом, чтобы описать поднятый утром керн.

Вдруг кто-то окликнул меня. Голос был незнакомый. Я поспешно оглянулся. Под тент заглядывал невысокий коренастый человек в белой полотняной рубашке и шортах. На голове у него красовалась маленькая белая панамка. Черные очки при-

крывали глаза. На вид ему казалось лет пятьдесят, хотя могло быть и больше. Его гладко выбритое лицо, руки и ноги покрывал темно-коричневый тропический загар. Тем не менее, у меня ни на миг не возникло сомнения, что передо мной белый.

— Мое почтение, сэр,— вежливо сказал он по-английски.— Надеюсь, я не очень помешал вам. Меня зовут Карлссон. Дэвид Карлссон.

«Вероятно, советник Справедливейшего»,— мелькнуло у меня в голове.

— Очень приятно,— сказал я, поднимаясь.

Мы обменялись рукопожатием, и я назвал себя.

— О, вас я знаю,— улыбнулся он.

«Еще бы,— подумал я.— Интересно только, где ты прятался полтора месяца? И главное, зачем?»

Он словно понял мои мысли.

— Мне давно говорили о вас и ваших товарищах,— пояснил он.— Но сам я возвратился на остров лишь вчера. Я находился на соседнем атолле.

«Бабке своей рассказывай!» — подумал я. Но ему вежливо сказал:

— Очень приятно познакомиться. Я тоже догадывался о вашем существовании. Вы советник здешней власти?

— И да, и нет,— скромно объявил он, усаживаясь под тентом.

— Выпьете чего-нибудь?

— Благодарю. Я пью только воду. Чистую морскую воду.

— Морскую? — вырвалось у меня.

— Почему вас это удивляет? Каждый при желании может приучить свой организм к морской воде. Все это дело привычки. Морская вода даже полезнее для организма, чем опресненная. Многие обитатели островного мира пьют морскую воду, когда под рукой нет пресной. А для себя я это сделал правилом.

— Вот как,— произнес я, чтобы сказать что-нибудь.

Мы помолчали. Как гостеприимный хозяин я попытался снова поддержать разговор:

— Вы уже давно живете на островах?

— Да.

— Но, вероятно, часто ездите отдыхать на континент — в Европу или в Америку, не так ли?

— Нет.

Он не отличался многословием во всем, что касалось его особы. Я попробовал переменить тему разговора:

— Кажется, погода начинает меняться. Побаиваюсь урагана. Крепления вышки не очень надежны.

Он окинул буровую испытующим взглядом.

— Выдержит. Это превосходная конструкция. Вероятно, последняя модель?

— Самая новая. Облегченного типа.

— Да-да,— он кивнул с видом знатока.— Научились, наконец, делать буровые установки. Пятнадцать лет назад о таких не могли и мечтать. А как глубина?

— Рассчитана до полутора километров, но при желании может вытянуть и два. Правда, с глубиной скорость бурения сильно замедляется...

— Разумеется,— он снова кивнул.— Кстати, о погоде не тревожьтесь. В ближайшие недели она не изменится.

— Вы располагаете столь долговременным прогнозом? — удивился я.— Здесь, на островах?

— Да, причем надежным прогнозом,— он многозначительно поднял палец.

— Мы регулярно слушаем прогнозы по радио,— заметил я.— На этот район они крайне неопределенны и, как правило, кратковременны.

— Вы имеете в виду радиостанцию в Такуоба? — он пренебрежительно махнул рукой.— Что они знают!

— Там ближайшая метеостанция. Другие источники мне не известны.

— Да-да, конечно,— сказал он.— Но в этой части Тихого океана особая климатическая зона. Циклоны обходят нас стороной. Прогнозы Такуобы для Муаи не подходят. Мы составляем свои собственные. Вы убедитесь, что они довольно точны, если пробудете тут еще некоторое время.

— Вынужден пробыть,— я подчеркнул слово «вынужден».— Скважина еще далека до завершения.

— Значит, вы полны решимости вскрыть вулканический цоколь Муаи? — спросил он равнодушным тоном.

«Ого,— подумал я,— Справедливейший точно передал ему содержание нашего разговора».

— Такова поставленная передо мной задача,— пояснил я, рисуя карандашом на песке разрез атолла.

— Значит, как только вы убедитесь, что цоколь Муаи сложен обычным базальтом, а не алмазоносным кимберлитом, вы прекратите бурение и покинете остров?..

Я взглянул на него с изумлением. Однако он продолжал внимательно рассматривать рисунок на песке,

— Послушайте, мистер Карлссон,— сказал я.— Давайте уточним нашу... гм... игру. Вам что-нибудь известно о строении атолла Муаи?

— Допустим.

— Но глубокого бурения тут не было?

— Глубокого... нет.

— Однако вы знаете, на чем покоится коралловая постройка острова?

— Предположим, что да.

— И могли бы доказать это?

— Могу дать вам несколько метров керна, состоящего из обычного базальта тихоокеанского типа.

— Зачем?

— Как доказательство, что вы вскрыли цоколь Муаи. А на какой глубине, это вы придумаете сами. Ведь вашей фирме важно получить породы цоколя и убедиться, что искать кимберлиты тут бесполезно.

— Послушайте, вы...

— Нет, сначала вы послушайте меня. Прежде всего, не воображайте, что предлагаю вам жульническую сделку. Я хочу лишь ускорить ваш отъезд отсюда.

— Значит...

— Пока еще ничего не значит. На какой глубине вы предполагаете встретить... вулканические породы?

Я пожал плечами:

— Никто этого точно не знает, включая и главного геолога фирмы. Может быть, от пятисот до тысячи пятисот метров?..

— Очень хорошо,— сказал он, беря у меня из рук карандаш.— Все, вероятно, так и было бы, если бы внизу под рифом Муаи находился правильный вулканический конус. А если этот конус разрушен, например, вулканическим взрывом или волнами еще до образования рифа?

— Тогда может быть все, что угодно...

— Вот именно,— согласился он.— Позволю себе немного исправить ваш рисунок,— он провел на песке несколько линий.— Что скажете теперь?

— Теперь каждый профан скажет, что бурить надо вот здесь — в западной части острова. В восточной — вулканические породы залегают слишком глубоко.

— Превосходно. Готов поставить вам отличную оценку по геологии, но... есть одно «но». На западе ваша скважина встретит вулканические породы на небольшой глубине, только если бурить вертикально. Обратите внимание, на рисунке я изобразил склон вулканического конуса достаточно крутым. Если скважина искривится,— он сделал ударение на последнем слове,— повторяю, если она искривится, вулканических пород вы вообще не встретите. Скважина пройдет в теле рифа параллельно им.

— Все это теоретические рассуждения,— заметил я.— И не понимаю...

— Не понимаете... Жаль! — Он выпрямился и стер ногой рисунок на песке.— Полагал, вы более догадливы... Тогда сделаем несколько предположений. Тоже теоретических... Первое: предположим, что появление на острове гостей не вызвало восторга у населения острова. Второе: допустим, что жители острова очень миролюбивы; не желая портить отношений с гостями, они, тем не менее, хотят предельно сократить пребывание гостей на своей земле. Третье: учитывая необычность ситуации, позволим себе сделать еще одно совершенно невероятное допущение, что жители острова подсказали гостям кое-что по существу дела... Ну, например, подсказали место бурения скважины с таким расчетом, чтобы гости как можно скорее выполнили свою задачу и распрощались с островом. Если всего этого мало, я готов сделать четвертое предположение: гостям на этом острове ужасно не везет. Начав бурить в таком месте, где можно было встретить древние лавы на глубине пятьдесят — шестьдесят метров от поверхности, гости так искривили скважину, что теперь едва ли встретят их вообще.

Он умолк и быстро набросал еще один рисунок на песке: разрез рифа, положение вулканического цоколя, линию искривленной скважины.

Я начал кое-что соображать. Я прямо спросил его:

— Вы имеете возможность проникать внутрь острова?

Он кивнул.

— По кавернам внутри рифового массива?

— Да, тут есть целая система пещер, заполненных морской водой. На глубине риф Муаи состоит чуть ли не из од-

них пустот. Лабиринты подводных пещер открываются прямо в океан.

— И у вас есть скафандр?

— Есть.

— Проникнув в лабиринт, можно добраться и до вулканического основания, не так ли?

— Да, местами древние лавы залегают неглубоко.

— Хорошо,— сказал я.— Возьму у вас эти несколько метров базальтового керна, и мы уедем с первой же оказией; но сначала я должен убедиться, что все это правда.

— Сможете сделать это завтра же. Но вы должны дать мне слово честного человека и джентльмена, что все останется между нами. Никто, даже ваши помощники, не должны узнать о тайне атолла Муаи. Мы хотим жить спокойно. Одни и спокойно... Вы поняли меня?

— Кое-что понял... Буду молчать. Обещаю вам, Карлссон.

— Хорошо. Приходите завтра утром к коттеджу.

Он легко поднялся, пожал мне руку и ушел.

Ребятам я сказал, что приходил советник Справедливейшего и пригласил меня на новую аудиенцию к вождю. Я даже и не подозревал, что говорю чистейшую правду.

* * *

Карлссон встретил меня на центральной площади поселка и провел прямо в коттедж мимо стражей, которые сделали вид, что не замечают нас. Миновав несколько обставленных по-европейски комнат, мы очутились... в небольшой библиотеке. Это было совершенно круглое помещение без окон со стеклянным потолком. Над ним на крыше находился навес для тени. Вдоль стен тянулись стеллажи, сплошь заставленные книгами. Посредине стоял небольшой рабочий стол. Возле него кресла.

Я надеялся, что Карлссон объяснит мне европейский облик всего этого дома, его странную пустоту, наконец, присутствие здесь библиотеки, однако он молчал. Порывшись в ящиках стола, он достал два электрических фонаря, один положил в карман, другой протянул мне. Потом он отодвинул ногой циновку на полу, открыл небольшой люк. Под крышкой люка оказалась узкая винтовая лестница, уходящая куда-то вниз. По-видимому, это был второй вход в подземелье.

— Тут внизу кое-какие лаборатории, — сказал Карлссон. — Последнее время я бываю в них редко, поэтому освещение выключено. Нам придется воспользоваться фонарями.

— Здесь есть электрическое освещение? — удивился я.

Он сделал вид, что не расслышал вопроса. Мы спускались ощупью в темноте. Я насчитал шестьдесят ступенек. Потом Карлссон включил свой фонарь. Сильный луч света вырвал из темноты шероховатые стены довольно широкого извилистого коридора. В стенах коридора темнели двери. Все они были закрыты на засовы. По правде сказать, это больше походило на подземную тюрьму, чем на лаборатории. Мне стало жутковато.

— Идемте, — сказал Карлссон. — Мы внутри рифового массива, но еще находимся выше уровня океана. Эти пещеры — естественные. Мы тут только кое-что подровняли...

Не дожидаясь ответа, он двинулся вперед. Мне не оставалось ничего иного, как включить фонарь и последовать за ним. Коридор изгибался, петлял, разветвлялся, и вскоре я совершенно потерял ориентировку. Чувствовал только, что мы постепенно спускаемся все ниже и ниже.

Внезапно я услышал плеск. Где-то совсем близко была вода. Стены коридора ушли в стороны, и мы очутились в довольно большой пещере. Своды ее тонули во мраке, а совсем близко у наших ног с тихим шелестом ударяли в каменный пол волны. Это было подземное озеро, а вернее, небольшой подземный залив. В сдержанном непокое его вод отражалось дыхание близкого океана.

— Мы почти у цели, — услышал я голос Карлссона. — Сейчас прилив, и вода поднялась высоко. Пока наденем скафандры и приготовимся к спуску, вода начнет спадать. Вам приходилось погружаться на тридцать — сорок метров?

— Нет, — признался я.

— Ну, не беда. У меня хорошие скафандры — легкие и надежные. Надеюсь, справитесь. Единственная опасность нашей экскурсии — мурены. Они заплывают в эти лабиринты. Придется взять оружие. Попадаются и спруты, но небольшие. Крупные сюда забираются редко.

«Еще не легче, — подумал я. — Прогулка к вулканическому цоколю Муаи может оказаться богатой впечатлениями... Черт меня дернул согласиться! Впрочем, теперь отступать по-

здно... Пусть лучше воображает, что для меня все это — раз плюнуть...»

Скафандры действительно оказались превосходными. Я натянул свой без труда, и Карлссон помог мне закрепить шлем. Дышать было очень легко. Гибкий металлический шланг соединял шлем с небольшими баллонами, укрепленными за спиной. В баллонах, по-видимому, находился кислород.

— Сделайте несколько глубоких вдохов,— услышал я голос Карлссона.— Так, хорошо... Можете отвечать мне, скафандры радиофицированы.

— Замечательная штука,— сказал я, имея в виду скафандр.— Последняя модель?

— Нет. Они изготовлены лет пятнадцать назад. Впрочем, я не уверен, что сейчас научились делать лучше.

— Я и таких не видел.

— Эти сделаны по специальному заказу. Рассчитаны для глубин до трехсот метров.

— Ого! Разве возможно такое погружение в легком скафандре?

— После небольшой тренировки вполне возможно. Мне приходилось погружаться в нем и глубже...

Я с сомнением покачал головой, но Карлссон не заметил этого движения. Мой шлем остался неподвижным, и я убедился, что он очень просторен: в нем можно было свободно вертеть головой.

— В гребне шлема находится осветитель. Включающее устройство под левым баллоном,— снова услышал я голос Карлссона.— Вы можете включать и выключать свет левой рукой.

Я засунул руку за спину и нащупал какой-то язычок. Дернул за него. Вспыхнул яркий свет, похожий на свет автомобильных фар. «Фары» находились где-то над головой. Это напоминало фонарь шахтерской лампочки, только свет был гораздо сильнее. Поворачиваясь, я мог теперь осмотреть подземелье. Ребристые стрельчатые своды уходили высоко вверх. Местами с них свисали ажурные каменные драпировки, похожие на белоснежные кружева. Сталактиты спускались к самой воде и отбрасывали на ее поверхность резкие причудливые тени. Под водой скалы круто обрывались. В глубине царил густой фиолетово-синий мрак; там вспыхивали и гасли удивительные красноватые искорки. Картина была настолько

фантастической, что, кажется, я даже позабыл на время о своих страхах.

— Вы готовы? — прозвучал голос Карлссона.

— Д-да... — сказал я. Для меня самого это «да» прозвучало не очень убедительно.

— Тогда в путь! Не отставайте и посматривайте по сторонам...

Он спустился по каменным ступеням и исчез. Темная вода сомкнулась над его шлемом, но тотчас же озарилась изнутри. Это Карлссон включил свой осветитель. Я увидел на глубине красновато-оранжевые ребра подводных скал. Тени крупных рыб метнулись в стороны.

— Ну, где вы там? — послышался издалека голос Карлссона.

Я вдруг вспомнил слова Питера: «В случае чего, шеф, мы устроим вам вполне приличные похороны...» В данной ситуации о похоронах не могло быть и речи. Я просто исчезну бесследно — и меня сожрут гнездящиеся в непроглядном мраке мурены. Боже, на какие идиотские выходки решаются иногда вполне благоразумные и уравновешенные люди.

— Ну? — прозвучало издали.

Мне пришло в голову, что это «ну» я уже слышал однажды...

Впрочем, предаваться воспоминаниям было некогда. Свет фонаря Карлссона заметно ослабел, превратившись в размытое золотистое пятно.

Если я не заставлю себя тотчас же войти в воду, Карлссон исчезнет на глубине...

— Ух ты, бултых! — сказал я сам себе. Лет сорок назад так приговаривала моя бабушка, когда сажала меня в большой эмалированный таз, чтобы искупать.

Я сделал шаг, потом другой. Тело вдруг стало удивительно легким, и я почувствовал, что плыву.

Карлссона удалось догнать без труда. Мы поплыли рядом. Странные большеглазые рыбы с прозрачными плавниками равнодушно разглядывали нас, неторопливо уступая дорогу. Подводное ущелье, по которому мы спускались, постепенно сужалось.

— Мурен сегодня не видно, — раздался у меня в ушах голос Карлссона. — Ушли с началом отлива. Зато вижу кальмара. Неплохой экземплярчик. Этот может и атаковать.

Впереди появилось что-то похожее на веретенообразную торпеду. Торпеда плыла нам навстречу. Кажется, она была длиной в несколько метров.

Мне вдруг ужасно захотелось очутиться на берегу, на горячем песке пляжа... Во рту сразу пересохло...

Карлссон обогнал меня. Я заметил, что он засунул левую руку за спину и поворачивает диск на конце одного из баллонов.

Бледная торпеда побагровела, изогнулась гигантской запятой и вдруг превратилась в темное мохнатое облако.

— Удрал,— в голосе Карлссона послышалось удовлетворение.— Обозлился, покраснел и удрал. Они всегда багровеют, когда взволнованы... Ультразвуковой излучатель,— пояснил он, похлопывая по левому баллону.— Спруты не выносят его действия. Сразу выпускают «дымовую завесу» и ретируются. Тонкая нервная организация! С муренами хуже... Эти бестии — «толстокожие». Иногда приходится их потрошить.

Но мурен мы так и не встретили.

Мы спускались по ущелью еще минут десять. Потом оно резко расширилось, и мы оказались в огромной подводной пещере. Наши осветители словно пригасли. Их свет потерялся в толще воды, заполняющей гигантскую полость.

— Эта пещера возникла вдоль границы вулканического конуса и рифа,— сказал Карлссон.— Видите черные породы? Это древние лавы — базальты. Обычные тихоокеанские базальты, а не кимберлиты...

Мы подплыли ближе, и я убедился, что Карлссон прав. Конечно, это был базальт. Вульгарный базальт. Риф Муаи покоился на обыкновенном вулкане. В западной части Тихого океана таких вулканов сотни. Их лавы выходят и прямо на поверхность, образуя вулканические острова:

— Я хотел бы взять образцы...

— Надо спуститься немного глубже, там, у подножия обрыва, можно найти обломки.

Мы погрузились еще на десяток метров, и я увидел осыпь темных камней. Некоторые были покрыты наростами коралловых стеблей. Выбрав несколько небольших обломков, я опустил их в карман скафандра.

— Как с дыханием? — поинтересовался Карлссон.

— Отлично.

— Тогда спустимся еще немного. Вы сможете увидеть вашу скважину.

«Здорово!» — подумал я.

Мы углубились в запутанный лабиринт коралловых скал, похожий на гигантское каменное кружево. Как ухитрялся Карлссон находить правильный путь в этих сотах?..

В одном месте, кажется, он заколебался: куда плыть дальше... Мне снова стало не по себе, и я уже готов был пожалеть, что не отказался от продолжения прогулки. Впрочем, через секунду в наушниках шлема послышался его голос:

— Ага, вот она, чуть правее...

Еще несколько движений, и я увидел в скальной нише металлический стержень. Всякие сомнения исчезли. Это действительно была обсадная труба нашей скважины. Уже тут было заметно, что скважина наклонена.

— Какая здесь глубина? — поинтересовался я.

— Метров шестьдесят. Авария у вас произошла выше, но сейчас туда трудно проникнуть.

— Значит, вы помогли тогда освободить инструмент?

— Вначале вы бурили очень неосторожно,— сказал Карлссон.— Совсем не учитывали особенности этих пород. Получился обвал. Чтобы освободить вашу коронку, пришлось применить заряд взрывчатки. Но кажется, взрыв повредил буровой инструмент?

— Пустяки, у нас были запасные детали. Примите мою благодарность за помощь.

— Не за что! Просто мы боялись, что вы не сможете ликвидировать аварию и измените место скважины. Это сильно задержало бы ваши работы.

— Однако вы очень заинтересованы в окончании наших работ и, очевидно, в нашем быстрейшем отъезде...

— Сегодня вы догадливее, чем вчера.

Обратный путь мы совершили без приключений. Я не мог не признать, что Карлссон великолепно ориентируется в подводных лабиринтах Муаи. Без сомнения, он занимался их исследованием не один год.

* * *

Спустя час мы уже отдыхали в библиотеке коттеджа. Карлссон принес поднос с напитками. Я налил себе виски с содо-

вой. Карлссон ограничился стаканом воды. Подозреваю, что это действительно была морская вода...

Мы легко согласовали план дальнейших действий. Жители поселка пригласят всех нас на рыбную ловлю. В последний момент я под каким-нибудь предлогом останусь. Непогода задержит моих товарищей и их спутников на соседнем острове на несколько дней. За это время я постараюсь предельно углубить скважину и получу от Карлссона базальтовый керн как доказательство того, что скважина вошла в вулканический цоколь острова. Потом вернутся мои товарищи, мы демонтируем буровую и уедем с пароходом, который должен прибыть на Муаи через три недели.

У меня вертелся на языке один вопрос, и я не преминул задать его, кончая второй стаканчик виски с содовой.

— Кто, собственно, был инициатором всего этого плана — Справедливейший или вы, Карлссон?

— Считайте, что мы оба, — скромно ответил Карлссон.

— Но почему, черт побери, вы так заинтересованы в нашем исчезновении с острова?

— Вероятно, отвечать не обязательно, — задумчиво произнес Карлссон. — Вы поймете сами... Впрочем, кое-что я могу сказать... перед вашим отъездом.

— А однако этот Гомби наврал, — переменил я тему разговора.

Карлссон с изумлением взглянул на меня.

— Я имею в виду кимберлитовые вулканы в Тихом океане, — пояснил я, отхлебывая виски. — Удивительно, как ему сразу все поверили... И теперь гоняются за призраками.

— Ах вот вы о чем, — тихо сказал Карлссон. — Нет, Гомби говорил правду... Кимберлитовые вулканы в Тихом океане есть. К сожалению, есть... Их множество. Но они глубоко — там, под пятикилометровой толщей воды. Они на дне глубоководных котловин. И над ними нет вулканических конусов. Это всего-навсего воронки взрыва, как и на суше — в Африке, в Сибири. Извержение кимберлитового вулкана — чудовищный взрыв на большой глубине; в результате взрыва земная кора оказывается как бы простреленной насквозь. Продукты взрыва не образуют вулканического конуса. Они улетают в межпланетное пространство, если хотите — превращаются в метеориты. А на месте взрыва остается труба или воронка, заполненная алмазоносными обломками. Это и есть

кимберлит, загадочный кимберлит — свидетель взрыва под земной корой.

— Никогда не слышал такого,— признался я.— Книгу профессора Гомби я читал, но, кажется, там написано иначе...

— Гомби вначале и думал иначе. Позднее он изменил свои представления.

— А где написано об этом?

— Нигде...

— Вы знали его?

— Да.

— При каких обстоятельствах он погиб?

— Это была чудовищная подлость,— тихо сказал Карлссон.— О, чудовищная! Дельцы из Алмазной корпорации перепугались, что открытие алмазов на дне океана уменьшит их доходы. Последовала серия диверсий. Сначала уничтожили глубоководную станцию, созданную Гомби у Маршалловых островов. В газетах писали про несчастный случай, но это была диверсия. Потом такая же участь постигла главную базу экспедиции. Она находилась на одном из атоллов невдалеке отсюда. Когда Гомби и его уцелевшие товарищи эвакуировались с острова, их судно наскочило на мину, а может быть, было торпедировано неизвестной подводной лодкой. И снова миру была рассказана басня: басня о гибели судна во время шторма...

— Возможно ли? — сказал я.— В наши дни! И неужели никто не спасся?..

— В наши дни случаются и худшие вещи,— возразил Карлссон.

Меня удивило, что он не ответил на мой вопрос. Я хотел повторить его, но Карлссон продолжал:

— После той истории, я имею в виду историю Гомби, я окончательно разуверился в людях — в так называемых цивилизованных людях. Я навсегда ушел из их мира и поселился тут, на этом атолле.

— И вы... счастливы?

— Пожалуй, да. Люди тут примитивны, но они честны, не испорчены цивилизацией. Они ловят мне рыбу, а я учу их понимать мир и самих себя. И лечу, если кто-нибудь захворает. Но болеют тут редко.

— Вы, вероятно, ведете и научные исследования?

— Так, пустяки, для души.

— Какова же ваша основная профессия?

— У меня их много. Вам наскучит, если начну перечислять...

— А Справедливейший?

— Что Справедливейший?

— Не мешает вам?

Карлссон улыбнулся:

— Мы встречаемся редко.

— Но живете в одном доме с ним?

— Тем не менее, встречаемся редко.

— Например, когда приходится давать аудиенцию незваным гостям?

Он окинул меня проницательным взглядом.

— О, — сказал он, — вы, оказывается, более догадливы, чем я вначале думал. Да, вы не ошиблись... Но пусть это останется между нами. И простите меня за тот маленький маскарад. В глазах окружающего мира Муаи должен быть одним из тысяч обычных островов. А на каждом острове Микронезии есть свой более или менее странный вождь...

Я не мог скрыть изумления:

— Значит, вы и есть Справедливейший! Я-то ведь думал, что вы тот таинственный гид, который встречал нас и провожал.

Карлссон весело рассмеялся:

— Все-таки я чуть-чуть переоценил вас... Я и то, и другое. Для этих мистерий у меня имеются две превосходные маски. Не хочу, чтобы мои сограждане принимали участие в таких инсценировках. Конечно, кое-кто из них не отказался бы и даже неплохо сыграл бы отведенную роль, но я оставляю за собой... внешнюю политику. Мы так условились. Внешняя политика — моя сфера, внутренняя — их. Достаточно и того, что во время визитов они не отказываются торчать у дверей этого дома.

— Значит, у вас полная демократия?

— Можно назвать и так.

Я чувствовал, что мне давно пора уходить, и... все не мог заставить себя расстаться с этим удивительным человеком. Несмотря на внешнюю жесткость, от него исходило какое-то особенное обаяние. Обитатели острова, должно быть, боготворили его...

— Послушайте, Карлссон, — сказал я. — Если когда-нибудь и я, подобно вам, разочаруюсь в благах цивилизации, примете меня в свою общину? Буду хорошим подданным, обещаю.

— Это должны решить они все, — очень серьезно ответил Карлссон. — У нас ведь демократия... вы сами сказали.

* * *

10 марта. Завтра прибывает пароход. Наш груз сложен на берегу: звенья буровой, штанги, ящики с керном. Кажется, мои ребята довольны. Вместо шести — два с половиной месяца. А свои деньги они получат полностью. Задача ведь выполнена. Разумеется, босс не будет в восторге. Алмазоносных кимберлитов мы так и не нашли на Муаи. К счастью для населения острова... В любом случае, один проигрывает, другой выигрывает. Я лично доволен, что выиграли наши друзья — муайцы и старик Карлссон. Их идиллия будет сохранена... Вопрос, надолго ли?

Тогда все удалось сделать именно так, как мы задумали с Карлссоном. Ребята отсутствовали восемь дней. Правда, вернулись они злые и встревоженные. Они опасались какого-нибудь нового подвоха со стороны островитян. Однако когда я рассказал, что все дни непогоды скважина бурилась и мне удалось вскрыть базальт, они пришли в восторг.

Даже молчаливый Тоби произнес целую речь. Только Питер, придирчиво оглядывая базальтовый керн, проворчал, ни к кому не обращаясь:

— Чудеса да и только на здешних проклятых островах... Ну, если за них платят...

Он пожал плечами и больше не возвращался к этой теме.

В последний вечер островитяне пригласили нас в деревню на праздник. Это был прощальный праздник в нашу честь. На центральной площади, напротив коттеджа вождя, собралось все население острова. Нас посадили на самое почетное место — на возвышение, устланное мягкими циновками. Пир начался с заходом солнца и продолжался до восхода луны. Когда ее бледный диск выплыл из темных вод океана и проложил широкую серебристую дорогу к берегу атолла, начались танцы. Гибкие темные фигуры то стремительно двигались в едином согласованном ритме, то застывали четкими изваяниями на фоне искрящейся поверхности океана. Танцам вторило негромкое мелодичное пение. Порой оно затихало, словно задуваемое порывами теплого ветра. Ветер шелестел листьями пальм и увлекал в темноту белые плащи танцовщиц...

Мне было очень грустно. Грустно оттого, что это последняя ночь на чудесном острове, где пережито столько удивительных и забавных приключений... А еще грустно потому, что Карлссон не пришел на прощальную встречу. Мне так хотелось поговорить с ним еще раз перед отъездом. Хотелось, чтобы он объяснил...

Кто-то тихонько потянул меня за рукав. Я оглянулся: позади сидел на корточках Ку Мар. У него тоже был не очень-то веселый вид.

— Ну, что скажешь? — спросил я возможно более бодрым тоном.

— Завтра поедешь?

— Поеду.

— А куда?

— Далеко. Сначала на Гаваи, потом в Америку.

— Зачем?

— Гм, зачем!.. Работать... надо работать дальше...

— Делать дырки на других островах?

— На островах или на большой земле.

Ку Мар вздохнул:

— Так целый жизнь будешь делать дырки?

— Надо работать, Ку Мар. Каждый человек должен делать свою работу. Вы здесь ловите рыбу и черепах...

— О,— перебил Ку Мар, презрительно надувая губы,— рыба жарить можно, черепаха — суп варить. А твой дырка что?

— Мы с тобой не поймем друг друга, дорогой,— сказал я, обнимая его, за плечи.— Люди чаще всего не понимают один другого, и это очень плохо.

— Плохо, совсем плохо,— согласился Ку Мар.

— Поедем с нами? — предложил я.

— Зачем?

— Научу тебя работать на буровом станке. Будешь ездить по всему свету и делать дырки. Заработаешь много денег...

— Нет,— серьезно ответил Ку Мар.— Не поеду. Мне тут хорошо... Здесь мама и бабка Хмок Фуа Кукамару...

— И отец?

— Отец — нет. Он ушел туда,— Ку Мар указал в океан,— и не пришел назад.

— Утонул?

— Я не знаю. Никто не знает... Может, утонул, может, ушел Америка. Назад не пришел.

— Так поедем со мной. Может быть, мы разыщем твоего отца. Или, если захочешь, я буду твоим отцом.

— Спасибо,— сказал Ку Мар.— Нет, лучше ты приходи на Муаи, когда надоест делать дырка. Приходи, пожалуйста...

— А Справедливейший? Если он не захочет?

— Захочет. Очень захочет.

— Откуда ты знаешь!

— Знаю. Все знаю,— Ку Мар хитро улыбнулся.— Ты два раза говорил с ним и даже ходил далеко туда.— Ку Мар постучал коричневым пальцем по циновке, на которой мы сидели.

— А ты сам бывал там, в подводных пещерах внутри острова?

— О,— Ку Мар надул губы.— Каждый муаи ходил туда. Мы там ловим рыба. Там всегда лучший рыба. А еще там есть школа, и книжки, и машина, которая может делать свет. Много разных вещей.

— Под водой?

— Зачем под водой? Там есть много пещера без воды. Очень хороший пещера. Сухой. Там — на другой сторона острова.

— Где мы сначала хотели бурить?

— Да.

— Понимаю... Почему же сразу никто не сказал нам об этом?

— Муаи не знал, какой вы человек. Может, плохой человек?..

— А теперь знаете?

Ку Мар широко улыбнулся:

— Теперь знаем.

— Кто же сделал все это: пещеры, школу, свет? Научил ловить рыбу внутри острова?

Ку Мар улыбнулся:

— Ты знаешь... Он говорил тебе. А пещера всегда был. Такой пещера есть и на других островах, только поменьше.

— А машина, которая делает свет?

— Машина мы привезли с другой остров,— шепнул Ку Мар, наклоняясь к самому моему уху.— Есть такой остров недалеко. Там тоже ученый человек делал дырка. Давно... Потом все пропало. Плохой человек все испортил. Муаи привезли оттуда много разный машина, вещи, книга. Хороший книга.

— Это Справедливейший показал?

— Он. Он все показывал, учил. Хорошо учил. Всех учил, и большой, и маленький. Муаи теперь все ученый. Ученый и сильный.

— И хитрый?

— Немного хитрый. Каждый ученый человек немножко хитрый...

— Слушай, Ку Мар, но теперь, когда все муаи стали учеными и хитрыми, многие, наверно, хотят уехать с острова на большую землю? И уезжают?

Ку Мар отрицательно покачал курчавой головой:

— Нет. Раньше хотел уехать, когда плохо жил. Как мой отец. Теперь нет.

— Значит, Справедливейший сделал вас счастливыми?

Ку Мар задумался, сморщил нос и нахмурил брови. Потом сказал:

— Я так думаю: он помогал муаи, учил. А счастливый муаи стал сам. Муаи хотел стать счастливый, научился и стал... Понимаешь?

— Кажется, понимаю. А скажи мне еще, как вы зовете его, когда встречаетесь с ним? Вы ведь часто встречаетесь, не правда ли? Неужели каждый раз, обращаясь к нему, муаи говорят: Справедливейший из справедливых, мудрейший из мудрых, вышедший из синих вод... и как там дальше?

Ку Мар звонко расхохотался:

— Нет, это вы его так зовете. Мы так не можем. Долго говорить надо. Если так говорить, муаи ничего не успеют сделать. Мы зовем его дядюшка Гомби, но тс...— Ку Мар прижал палец к губам.— Так не говори никому. Он не хочет, чтобы знали... И никакой другой человек пусть не знает... Обещаешь?

— Обещаю,— машинально повторил я. «Вот оно что! Значит, дядюшка Гомби! Ну конечно, не грех было и самому додуматься».

Ку Мар шептал мне что-то еще в самое ухо... Я уже не слушал. Я думал об этом удивительном и странном человеке... Сила или слабость двигали его поступками? Конечно, он помог маленькой группке островитян стать счастливыми... Но он ушел в сторону... Встретив сопротивление злых сил, сам перечеркнул свои открытия. Отказался от борьбы с подлостью. А погибшие товарищи?.. Разве не его долгом было рассказать миру правду? Наверно, он — гениальный ученый, но,

остановившись на полпути, он теперь хочет, чтобы люди забыли об его открытиях? Почему?.. Если каждый честный человек, разуверившийся в справедливости современного мира, захочет бежать на далекие острова?.. Разве уход на Муаи не бегство?.. Фу, черт, я ведь тоже последние дни всерьез подумываю о райской жизни на этих островах... Правда, не сейчас, а попозже. Но не все ли равно!..

— Ты ничего не слушаешь,— с обидой объявил Ку Мар, отодвигаясь.

— Прости, дорогой. Я думал немного о разных вещах... Смотри-ка, ветер совсем стих. Стало душно. Пойдем к океану.

— Иди... Приду потом...

Осторожно обходя сидящие на земле фигуры, я вышел на освещенную луной площадь. Два темных силуэта маячили возле веранды коттеджа. На головах у них поблескивали каски. Даже и в этот последний вечер вход в коттедж был по-прежнему закрыт для нас. Интересно, где сейчас Карлссон... то есть Гомби?.. Света в окнах не видно... Наверно, сидит в одной из своих лабораторий, а может быть, плавает в подводных лабиринтах острова...

Я подошел к самому берегу, присел на шероховатый выступ кораллового известняка. Камень был теплым. Он еще хранил остатки дневного тепла.

Волны с тихим шелестом набегали на влажный песок и спешили обратно сетью серебристых струй. Начинался отлив... Издали с внешнего кольца рифов временами доносился негромкий гул. Там продолжалась вечная работа прибоя. А в деревне всё пели... Теперь в хор включились и мои товарищи. Явственно различался хрипловатый голос Питера, высокий дискант Джо. Они не прислушивались к общей мелодии и тянули каждый свое. Значит, пальмовое вино начало действовать... Наверно, оно подействовало и на меня, потому мне так чертовски грустно в эту последнюю ночь.

Две фигуры — большая и маленькая — вышли из тени пальм на освещенный луной белый пляж и направились в мою сторону. В маленькой я сразу узнал Ку Мара. А большая?.. Ну конечно, это был Карлссон.

— Добрый вечер, профессор Гомби,— сказал я, когда они приблизились.

— Этот маленький злодей проболтался-таки.— Карлссон положил руку на курчавую голову Ку Мара.— Цените откро-

венность!.. Это случилось благодаря его огромной симпатии к вам. Но и я не совсем обманул вас. Карлссон — фамилия моей матери. Я носил эту фамилию в студенческие годы.

— Мы видимся, вероятно, в последний раз. Позвольте задать вам еще один вопрос, профессор... И поверьте, не из праздного любопытства. Мне хотелось бы разобраться в собственных мыслях и сомнениях.

— Спрашивайте.

— Почему вы отказались от борьбы? Тогда — пятнадцать лет назад?..

— Ах вот что...— задумчиво протянул он и отвернулся. Он долго глядел в океан, на переливающееся серебро лунной дороги.— На ваш вопрос нелегко ответить,— сказал он наконец.— Вы, вероятно, думаете, что я просто испугался, испугался тех, кто поставил целью уничтожить меня и моих товарищей... Но знаете ли, что такое ответственность за открытие? Я имею в виду ответственность исследователя. Ведь те, кто прокладывает пути в неведомое, почти всегда идут впереди своего времени... Так вот, жизнь в какой-то момент может поставить перед ученым парадоксальный на первый взгляд вопрос: а не пора ли остановиться? Остановиться потому, что следующий шаг на пути исследований может принести уже не блага, а неисчислимые несчастия миру и человечеству. Вспомните хотя бы об открытии ядерной энергии. Физики ухитрились получить ее лет на сто раньше, чем следовало... А результат — величайшее открытие науки обернулось кошмаром непрестанной угрозы термоядерного апокалипсиса... Поймите, человечество просто не доросло до некоторых «игрушек», которые торопятся дарить ученые...

Вы вправе спросить, что общего имеет все это с исследованиями геологии океанического дна, которыми занимался некий профессор Гомби, с открытием кимберлитов на дне Тихого океана? Увы, кое-что общее имеет. На дне океанов таится множество поразительных вещей... Мне посчастливилось, а вернее, я имел несчастье приблизиться к разгадке одной из величайших тайн Тихого океана. Я имею в виду его огненное обрамление — кольцо вулканов, опоясывающее Тихий океан. Что-то пугающее есть в той щедрости, с какой энергия земных недр выплескивалась тут наружу миллионы лет. И потом — открытие кимберлитов... Вообразите десятки тысяч кимберлитовых жерл, похороненных под толщей океанических вод.

Я начал смутно догадываться, что тут таится ключ к пониманию процессов, происходящих в недрах Земли... И вот настал момент, когда я должен был спросить себя: а не пора ли остановиться?..

Мне удалось доказать, что Тихий океан — это гигантский вулканический кратер — самый огромный кратер нашей планеты. Чудовищным извержением недавнего геологического прошлого из него был извергнут сгусток глубинного вещества, образовавший Луну. То, о чем сто лет назад писал Джордж Дарвин и что впоследствии многие поколения геологов считали фантазией, оказалось истиной. Когда я подсчитал энергию вулканических выбросов Тихоокеанского кратера, мне стало страшно... Страшно за человечество, которое может протянуть руку к этой энергии и, конечно, с ней не справится... А ведь эта энергия сравнительно легко достижима. Через сотни лет энергия земных недр станет благодеянием свободного и мудрого человечества. Но сейчас путь к неведомому энергетическому океану должен быть надежно закрыт для мира, раздираемого враждой, недоверием, подозрениями... И вот я сделал то, что на моем месте, вероятно, должен был сделать каждый благоразумный и честный человек Земли. Я решил утаить от людей свое открытие, а ключи к нему похоронил в глубинах Тихого океана. Вот теперь и судите, прав ли был профессор Гомби, когда он решил снова стать Карлссоном?

— Но эта энергия, энергия недр, что она такое? — спросил я, будучи не в силах сдержать свое любопытство.

— Об этом больше ни слова... Она — все то, что притаилось там, в глубинах планеты, чем вздыблены горы и рождены провалы морей... Взрывы вулканов, землетрясения, образование алмазоносных кимберлитовых труб — лишь слабые ее отзвуки. Энергия недр еще страшнее той дьявольской силы, которая скрыта в смертоносных цилиндрах водородных бомб...

— Значит, взрывы на ваших научных станциях?..

— Нет-нет, то действительно были диверсии. Они и ускорили мое окончательное решение. Миру, в котором возможно такое, нельзя завещать новых открытий. Во время катастрофы судна мне одному случайно удалось уцелеть... Волны выбросили меня на этот берег. И я остался тут. Своим открытием я чуть не привел человечество на край гибели. Во искупление я решил сделать счастливыми хотя бы немногих — тех, кто населял клочок земли, давший мне спасение. Кроме того, здесь, на

этом острове, я в какой-то мере остаюсь хранителем своей тайны и... тайны Тихоокеанского кратера.

— Но один человек практически бессилен... Если кто-то пойдет по вашим стопам в исследовании тихоокеанского дна... Сейчас организуется столько экспедиций...

— Да, конечно... Рано или поздно мое открытие кто-нибудь повторит. И если это случится в ближайшие десятилетия, остается лишь утешаться мыслью, что человечество будет проклинать не меня.

— Но разве нельзя придумать что-нибудь?..

— Я не сумел...

— Это потому, что вы один.

— Я не один, — возразил он, обнимая Ку Мара. — Со мной вот — все они... и, право, мы кое-какая сила!

— Правильно, — подтвердил Ку Мар.

— Вы хотите сказать, что, если кто-то попытается повторить ваше открытие и приблизится к истине, вы помешаете исследователям так же, как когда-то Алмазная корпорация хотела помешать вам?

Он нахмурился:

— Возможно... Да, возможно, что мы попытаемся помешать. Впрочем, не теми методами, которые использовала Алмазная корпорация. Безумцев надо остановить. Вовремя остановить!.. Если иного выхода не окажется, я готов буду вмешаться... Да-да, я и мы все...

— Но что вы можете?..

— О, — живо перебил он, — вы недооцениваете наши силы и возможности. Уверяю вас, кое-что можем... Моя сила в знании того, что может случиться... А знать — это уметь предвидеть...

— Одного предвидения событий, даже самого точного, недостаточно, — не сдавался я. — Между предвидением и реальной возможностью противодействия зачастую существует пропасть. Как вы преодолеете эту пропасть? Можно ли вообще преодолеть ее в данном случае?

Он испытующе посмотрел на меня:

— Хотите, чтобы раскрыл вам частицу моих... наших планов? Не сделаю этого... Скажу лишь: время работает на нас. Надеюсь, даже почти убежден, что повторить мое открытие смогут еще не скоро. И пока я жив, тайна Тихоокеанского кратера будет сохранена.

— А вы не боитесь, что я расскажу обо всем этом другим ученым?

— Нет,— очень серьезно ответил он.— Во-первых, потому, что вы обещали хранить тайну Муаи, а ведь вы порядочный человек, не так ли?

— Правильно,— снова подтвердил Ку Мар.

— А во-вторых, я же не сказал ничего, что могло бы... натолкнуть на след. Я говорил в самых общих чертах... А они известны каждому геологу.

— И все-таки мне кажется,— сказал я,— что вы не совсем правы, профессор. Вы могли молчать о самом открытии, но надо было бороться с несправедливостью, добиваться наказания виновников гибели ваших товарищей. Есть же на свете честные люди, даже и в нашей стране. Вас бы поддержали. И надо было рассказать правду о месторождениях алмазов. Они нужны всему человечеству.

— Да поймите вы,— с легким раздражением возразил Гомби,— что все это гораздо сложнее, и алмазы — не самое главное... И даже гибель моих товарищей... На карту поставлено большее — судьба человечества...

— Судьбу человечества вы не решите, сидя на этом острове. Мне кажется, вы. все-таки переоцениваете свои силы... Правда, столкнувшись с нами, с маленькой группкой посланцев большой Земли, вы одержали верх; вы заставили нас поступить так, как сами считаете более правильным и удобным... Удобным для себя. Но ведь есть еще целый огромный мир; перед ним вы совершенно бессильны, потому что, несмотря на все, вы ужасно одиноки. Вы, профессор, помогли стать счастливыми обитателям небольшого островка. Это правда. Но вы могли сделать гораздо большее...

— Не знаю,— задумчиво сказал он.— Пожалуй, мы не сможем сейчас убедить друг друга. Будущее покажет... Прощайте...

И он ушел и увел с собой Ку Мара...

* * *

С тех пор минуло двадцать лет. И теперь эта газетная заметка... Муаи больше нет. «Будущее покажет»... Вот и ответ на наш спор... Нет больше Хранителя тайны Тихоокеанского кратера и его маленькой колонии. И Ку Мара нет — Ку

Мара, который за эти годы успел стать совсем взрослым...

А может быть, кто-нибудь из них все-таки уцелел? Может, они все уцелели, давно разъехавшись по другим островам Тихого океана? Ведь Гомби воспитывал их, чтобы тоже сделать хранителями тайны Тихоокеанского кратера. И может, он сам уже вернулся на большую землю?..

Нет, пожалуй, я должен повременить с разоблачением. Надо подождать еще некоторое время... Год... Несколько лет... Кроме того, если они действительно погибли, им-то я уже не помогу. И еще неизвестно, как на это посмотрит мое начальство... Ведь я тогда не добурил скважину. А мои сбережения невелики. Да и стоит ли сейчас снова привлекать внимание к открытию Гомби?..

Так я думал, сидя над раскрытой утренней газетой возле чашки остывшего кофе. И не знал: прав я или нет...

1965 год

Послесловие автора

Эта повесть-предупреждение написана более двадцати лет назад. О чем она? О попытках «ухода в сторону», когда свершаются самые важные, самые существенные события эпохи. Это повесть об ответственности каждого за то, что происходит в нынешнем мире.

Главный герой, от имени которого ведется рассказ, осуждает профессора Гомби за устранение от активной борьбы, за попытку замкнуться в созданном им маленьком мирке кажущегося благополучия и справедливости. Однако и сам он не борец. Даже узнав о гибели колонии Гомби, он не торопится с разоблачением чудовищного преступления и за чашкой утреннего кофе подыскивает причины, оправдывающие невмешательство...

Позиция обывательского невмешательства уже обернулась для человечества многими трагедиями... Ныне она чревата угрозой всеобщего уничтожения. Наша планета стала слишком хрупкой для исполинских арсеналов атомного и водородного оружия. Альтернативы сохранению мира уже нет. А испытания новых, все более разрушительных ядерных устройств продолжаются. Несмотря на объявленный

Советским Союзом мораторий на ядерные взрывы, США, Франция, Англия продолжают подземные термоядерные испытания. В июле 1986 года на полигоне в пустыне Невада был произведен 654-й ядерный взрыв. Все более реальным становится создание космических термоядерных вооружений, угрожающих всей Земле.

Тихий океан больше других районов мира пострадал от ядерных испытаний. С 1946 по 1958 год США провели на островах Микронезии 66 атомных и водородных взрывов. Первая американская водородная бомба была взорвана на острове Элуджелап в 1952 году. В 1958 году термоядерное устройство было взорвано над островом Рунит. К моменту написания повести «Тайна атолла Муаи» остров Рунит был превращен американцами в огромную свалку радиоактивных отходов; его пришлось «закрыть» на ближайшие 25 тысяч лет. С 1975 года Франция начала подземные ядерные взрывы на атолле Муруроа.

Полное прекращение ядерных испытаний могло бы стать первым шагом на пути к освобождению Земли от арсеналов ядерного оружия. Шаг этот — веление времени. И он свершится, если люди Земли дружно выступят в его поддержку, если в извечной борьбе двух противоположных нравственных начал — активного действия и обывательского выжидания — победу одержит Разум.

1986 год

ОХОТНИКИ ЗА ДИНОЗАВРАМИ

Мистер Лесли Бейз критически разглядывал фотографию.

— Если это не мошенничество — я имею в виду ловкий фотомонтаж,— пояснил он, протягивая мне снимок,— это должно заинтересовать вас.

— Мы сделали экспертизу,— торопливо вставил секретарь.

Мистер Лесли Бейз брезгливо пожал плечами. Я молча рассматривал снимок. Чудовище ростом по меньшей мере в семь метров стояло на задних ногах, опираясь на массивный хвост. Колоссальная пасть с длинными коническими зубами была полуоткрыта. Передние лапы, вооруженные огромными когтями, изогнутыми, как кривые кинжалы, прижаты к груди. В маленьких круглых глазах застыла неутолимая ярость. Рядом валялись истерзанные останки носорога. Погибший гигант казался раздавленным крысенком возле готового к прыжку чудовища.

— Это, без сомнения, новый вид тиранозавра, каким-то чудом сохранившийся до наших дней,— сказал я, кладя фотографию на стол.

— Вам виднее, как назвать,— проворчал мистер Бейз.— Вы ведь профессор зоологии, не так ли?

— Палеонтологии,— поправил я.

— Это не меняет дела. Так беретесь разыскать красавчика и доставить в один из моих зверинцев?

— Задача не из легких...

— Поэтому я и обратился к вам, мистер... мистер...

— Турский,— подсказал секретарь.

— Вот именно... Мистер Турский. Вы, кажется, бывали в Центральной Африке?

Я молча кивнул.

— Где и когда?

— Я работал в верховьях Голубого Нила во время Второй мировой войны. Был и в других местах...

— А потом?

— Долго рассказывать. Не хочу отнимать вашего времени. Сейчас преподаю палеонтологию позвоночных в...

— Знаю. За живого тиранозавра я вам плачу... двести тысяч долларов. За шкуру и скелет — сто тысяч. Вернетесь ни с чем — не получите ни гроша. Все публикации только через мои издательства. Ни одного интервью, ни одной фотографии на сторону. Согласны?

Я ответил, что подумаю.

— Решайте сейчас же, — в голосе мистера Лесли послышались злые нотки. — И помните: если откажетесь, вы ничего не слышали и не видели этого снимка.

— Экспедиционные расходы?

— Назовите нужную сумму... разумеется, в границах здравого рассудка.

— Согласен.

— Договор подпишите сегодня же. Персонал экспедиции подберете в Конго. Европейцев — минимум. Никто не должен знать цели поездки. Пусть думают, что это обычная экспедиция за редкими животными. По прибытии на место скажете, что сочтете нужным. План и смету представите через неделю. Выезд через две недели.

Я попытался прервать его.

— Повторяю, ровно через две недели и ни днем позже. Мои агенты в вашем распоряжении. С вами отправится мой человек — Перси Вуфф. Он вылетает в Конго через три дня. Это неплохой парень. У него верный глаз и чугунные кулаки. Вы назначите его своим заместителем. Все!

— Фотографию ящера разрешите мне взять с собой?

— Получите копию. Но помните условия...

— Это совершенно новый вид тиранозавра, — сказал я, пододвигая к себе снимок. — Надо придумать для него хорошее название, и, как только мы найдем хотя бы его зуб...

— К черту зуб! — объявил мистер Лесли Бейз. — Мне необходим целый тиранозавр. Целый! Живой или, в крайнем случае, мертвый.

— Разумеется, — согласился я. — Но, чтобы окрестить его, достаточно даже зуба. Как вам нравится видовое название Tyrannosaurus beizi? Недурно звучит, не правда ли?

Мистер Лесли Бейз не ожидал этого. Кажется, он был польщен. Он даже покраснел от удовольствия. Мысленно я попытался поставить себя на его место: разумеется, приятно, если твоим именем назовут самую страшную из бестий, когда-либо населявших Землю. Однако мистер Лесли Бейз снова помрачнел и забарабанил пальцами по столу. Я ожидал, что он выложит новую серию условий, ведь договор еще не был подписан. Но он с не присущим ему сомнением в голосе вдруг спросил:

— А не может ли видовое название тиранозавра быть двойным?

Я не сразу сообразил, куда он клонит, и осторожно ответил, что в отдельных случаях видовое название может состоять из двух частей.

Он просиял.

— В таком случае пусть вместе с моей фамилией в него войдет имя жены.

— Чьей жены, сударь?

— Моей, разумеется,— обиделся мистер Бейз.— Ее зовут Рита.

— Превосходно,— сказал я.— Итак, Tyrannosaurus beizi ritas. Решено.

Мистер Бейз вздохнул с видимым облегчением.

— Она будет в восторге. Она постоянно пилит, что я еще не увековечил ее имя. Значит, решено.

— Решено,— возможно серьезнее заверил я.— Достаточно иметь один зуб...

— Целого тиранозавра,— отрезал мистер Лесли Бейз.

— Зуб найти легче,— вежливо сказал я.— И сразу будет название, которое вы сможете вместе с зубом преподнести вашей супруге. А за целым тиранозавром, может быть, придется гоняться несколько лет. Кстати, мистер Бейз, я буду составлять смету на три сезона. Первый сезон — только поиски. Охота на ящера начнется во втором сезоне. Третий — резервный.

Лесли Бейз махнул рукой.

* * *

С тех пор прошло много месяцев. Я иногда вспоминаю день, когда согласился ехать за тиранозавром, и в голову лезут ругательства: сначала родные — польские, потом английские, затем немецкие...

Разумеется, это была авантюра — согласиться искать живого тиранозавра для мистера Лесли Бейза. Зачем я полез в эту гнусную кабалу? Ради денег? Я никогда не гонялся за ними, и, кроме того, в случае неудачи я не получаю ровно ничего. Ради возможности побывать в неисследованных районах Центральной Африки? Но Африку я знаю достаточно хорошо, и я уже не юноша, которого может увлечь романтика дальних странствий. Чтобы опубликовать еще одну монографию о рептилиях? Но мое имя и так известно в геологических кругах, а кроме двух десятков палеонтологов читать монографию о рептилиях никто не станет.

Конечно, заманчиво увидеть, а тем более привезти живого тиранозавра. Однако после здравого размышления я сам не очень верил в существование чудовища. В наши дни фотографы творят истинные чудеса. А эта фотография вообще взялась неизвестно откуда.

Итак, мною совершен явно неосмотрительный шаг. Впрочем, я уже сделал их немало — неосмотрительных шагов. Война окончилась пятнадцать лет назад, а я все еще странствую за границей. Жду, пока меня позовут... Щемит сердце, когда вспоминаю сосновые перелески Прикарпатья и вечерние туманы над тихой Вислой, довоенную Варшаву и узкие улички старого Кракова. Я жду возвращения, мечтаю о нем... И сам откладываю его, пытаясь завершить начатые после войны исследования. Контракт с мистером Лесли Бейзом отодвинул мое возвращение в Польшу еще на три года... На три года ли?..

Мы сменили уже не один лагерь на окраине Больших Болот. Мои охотники недоумевают. Вместо того, чтобы заниматься ловлей редких животных, которые еще сохранились в этом уголке Центральной Африки, мы лазаем среди ядовитых испарений, проваливаемся на пояс и глубже в зловонную жижу, распугиваем змей и огромных болотных жаб, изнываем от нестерпимого влажного зноя, теряем последние силы от приступов жестокой болотной лихорадки. Первый сезон подходит к концу, а мы не нашли еще не только зуба, но даже и каких-либо признаков существования тиранозавра.

Надо же было случиться, что охотника, который прислал фотографию ящера мистеру Лесли Бейзу, задрал лев за несколько дней до моего приезда в Бумба.

Компаньон погибшего охотника старый Джек Джонсон показался мне таким же олухом, как и мой заместитель Пер-

си Вуфф. Перси видел охотника за несколько дней до его гибели и не потрудился узнать, в каком районе Больших Болот обитает ящер. А Джек Джонсон был настолько бестолков и знал так мало, что сначала я даже не счел нужным объяснять ему истинную цель экспедиции. Этих двух бездельников — Джонсона и Вуффа, в общем совершенно не похожих друг на друга, сближало одно — любовь к виски. Маленький, худой и лысый Джек Джонсон мог выпить так же много, как и здоровенный верзила Вуфф. Самое удивительное заключалось в том, что они почти не пьянели. Джек, просидев целую ночь за столом и опорожнив с помощью Перси несколько бутылок виски, бил из своего штуцера пулями в лет диких уток, а Перси Вуфф забирал ящик с красками и отправлялся рисовать пейзажи. И они получались нисколько не хуже тех, которые он рисовал в редкие дни, когда бывал совершенно трезвым.

Первый сезон приближался к концу. Темные клубящиеся тучи все чаще закрывали солнце. По ночам все громче шумел дождь в густой непроницаемой листве, образующей зеленый свод над нашими палатками. Правда, ливни еще не начались, но их приближение угадывалось и в глухих раскатах далекого грома, и в желтых испарениях, в которых вечерами тонули бескрайние болота, и в невыносимо душном зное, и в поведении животных. Надо было уходить на юг подальше от этих гнилых мест, которые через неделю-две превратятся в непроходимые топи.

В конце концов я решил поговорить с Джеком Джонсоном начистоту. Пока ему было известно, что мы приехали изучать, фотографировать и ловить исполинских крокодилов, которые еще сохранились в некоторых местах Центральной Африки. Меня интересовали и другие редкие животные, населяющие окраину Больших Болот, но ими мы занимались между делом, попутно...

Джек уже несколько раз указывал следы крупных крокодилов, однако я решительно браковал их, утверждая, что пресмыкающиеся, которые оставляли эти следы, недостаточно велики и не стоит тратить на них время.

Перси Вуфф притащился вместе с Джонсоном и молча плюхнулся на вьючный чемодан, стоящий возле моей палатки. Чемодан затрещал. Перси с опаской глянул на него и перебрался на свернутый брезент.

Джек Джонсон присел на корточки и, попыхивая коротенькой черной трубкой, выжидающе поглядывал на меня.

— Скоро начнутся дожди, — сказал я, — а мы еще не встретили ничего, что могло бы оправдать затраты на экспедицию и ящики выпитого виски.

Перси Вуфф кивнул, а Джонсон вынул трубку изо рта и принялся старательно выколачивать ее.

— Послушайте, Джонсон, — продолжал я, — покойный Ричардс рассказывал вам о своем последнем путешествии в эти места?

— О каких местах вы говорите, шеф?

— О тех, где мы сейчас находимся.

— Говорить-то говорил, — протянул Джонсон, продолжая выколачивать трубку. — А что именно вас интересует? Крокодилы?

— Ну, допустим, исполинские крокодилы.

— Нет, о крокодилах не говорил.

— Ну, а о каких-нибудь других крупных редких животных, которых он не встречал нигде, кроме этих мест?

— Не помню, шеф. Пожалуй, не говорил... Его последнее путешествие сюда окончилось неудачно. Оба туземца, которые сопровождали его, погибли. Если бы они не были неграми, Ричардсу могли грозить разные неприятности. Кое-кто в Бумба хотел поднять шум. Только из этого ничего не вышло. Губернатор — мужчина суровый: белых не даст в обиду.

— Это для меня новость. Вы раньше не говорили о гибели туземцев.

— Потому что вы не спрашивали...

— А теперь спрашиваю и прошу рассказать все, что вы знаете о последнем путешествии Ричардса. Почему вы не поехали с ним?

— Я заболел дизентерией.

— А потом?

— Он велел дожидаться в Бумба.

— Итак, он уехал из Бумба с двумя туземцами?..

— Он уехал из Бумба один на попутной машине, шеф. Туземцев нанял в Нгоа — той деревне, в которой мы ночевали в конце третьего дня пути. Он должен был разведать новые места для ловли редких зверей. Так велел Викланд — агент мистера Бейза в Уганде. Но Ричардс почти ничего не успел

сделать. Оба туземца погибли, и он вернулся в Бумба. Мы должны были ехать с ним вместе через месяц, а тут подвернулась эта старая американка, которая приехала стрелять львов. Она наняла Ричардса на месяц. На первой же охоте лев, которого она ранила, задрал его.

— А американка? — поинтересовался я.

— Вернулась в Бумба, наняла другого охотника и опять поехала за львами.

— А вам известно, отчего погибли туземцы?

— Ричардс говорил, что их затоптал белый носорог.

— Сразу двоих?

— Как будто...

— Значит, Ричардс вам ничего не рассказывал об удивительных гигантских животных, которых он встретил во время своего последнего путешествия.

— Нет, шеф... А разве он повстречал что-нибудь такое?

— Скажите, Джонсон, а вы сами никогда не слышали об этаких библейских чудовищах, которые обитают в Больших Болотах?

— О библейских чудовищах не слыхал... Да я и не помню, какие чудовища описаны в библии... Разве киты?

Перси Вуфф недвусмысленно фыркнул. Я почувствовал, что начинаю терять терпение. Сухо сказал:

— Я имею в виду животных, которых до сих пор никто не видел в Африке. Животных, которые на других континентах вымерли в минувшие геологические эпохи.

— Раз их никто не видел, так откуда известно, что они тут есть? — искренне удивился Джонсон.

— Ну, а в легендах туземцев вам ничего такого не приходилось слышать?

— Эх, начальник, — махнул рукой Джонсон, — в легендах туземцев такое наплетено... Здешним неграм вообще верить нельзя. Еще вчера один из наших парней врал, будто его отец видел на окраине болот чудовищ, похожих одновременно и на слона и на крокодила и, вдобавок, двадцатиметровой длины. Что с такого возьмешь?..

— Действительно, ничего не возьмешь, — сказал я. — А вот, что вы думаете по поводу этой фотографии?

Я протянул снимок тиранозавра, полученный от мистера Лесли Бейза.

Джонсон широко раскрыл глаза.

— Вот это дичь! — пробормотал он, и по его искреннему удивлению я понял, что он никогда не видел этого снимка. — Откуда это у вас, начальник?

— Эту фотографию сделал Ричардс, по-видимому, во время своего последнего путешествия.

— Не может быть! У Ричардса никогда не было фотографического аппарата. Да он и обращаться с ним не умел. Это не его фотография, шеф.

Перси беспокойно пошевелился на своем брезенте.

— Но фотографию прислал мистеру Бейзу Ричардс, — возразил я.

— Возможно, но это не его фотография.

— Тогда чья же?

— Не знаю, шеф. Я никогда не видел у Ричардса подобной фотографии. Человек он, правда, был скрытный, но о встрече с такой бестией, наверное, рассказал бы мне... Значит, вы на нее приехали охотиться?

— На нее тоже.

Джонсон тихонько засвистел.

— Не хотел бы я с ней повстречаться, — пробормотал он, разглядывая фотографию. — Посмотрите-ка, что осталось от белого носорога.

— Вы думаете, что это белый носорог, Джек?

— Без сомнения; поглядите на его голову.

Я взял фотографию, стал рассматривать ее в лупу и убедился, что Джонсон прав.

Это открытие заставило меня призадуматься. Туземцы, сопровождавшие Ричардса, были затоптаны белым носорогом. На снимке был тоже белый носорог, растерзанный тиранозавром. Простое ли это совпадение? Белые носороги стали в Африке большой редкостью. Официальная статистика утверждает, что их осталось не более ста голов. Охота на них запрещена, а лицензия на отлов стоит баснословно дорого. А с другой стороны, у Ричардса не было фотоаппарата... Задача неожиданно осложнилась, и я пожалел, что не начал этого разговора раньше. Охотник продолжал рассматривать фотографию. Перси Вуфф дремал, прислонившись спиной к вьючному чемодану.

— Интересно, куда стрелять в этого малютку, чтобы сразу положить его? — задумчиво спросил Джонсон, не отрывая взгляда от фотографии.

— Вот сюда. В случае удачного выстрела вы пробиваете сердце и перебиваете позвоночник. Но нам надо постараться добыть эту бестию живой.

Джонсон расхохотался.

— Вы шутите, начальник! Если даже удастся заманить его в западню, как справиться с ним, на чем тащить и чем кормить? Нет! Подстрелить — еще куда ни шло, но ловить живьем я отказываюсь. Этого и в контракте не было...

— Если нападем на след этого чудовища,— спокойно сказал я,— мы пересоставим контракт. А поймать попытаемся молодого, которого можно отсюда вывезти. Но прежде всего нам придется изучить повадки этих тварей. Современная наука о них почти ничего не знает. Считалось, что они вымерли около шестидесяти миллионов лет тому назад, в конце мелового периода. Однако на таком древнем континенте, как Африка, некоторые виды этих пресмыкающихся могли сохраниться до наших дней. Здесь, в центре континента, географические условия, по-видимому, не испытывали резких изменений в течение многих миллионов лет. Поэтому динозавры могли пережить здесь свою эпоху. Такая находка принесла бы славу и деньги. В случае удачи вы, Джонсон, стали бы вполне обеспеченным человеком.

— А вы, шеф?

— Я написал бы о них толстую книгу с цветными иллюстрациями.

Перси Вуфф не то вздохнул, не то хрюкнул, и я понял, что он лишь притворяется спящим, а в действительности внимательно слушает наш разговор.

«Может, он только прикидывается дубиной»,— подумал я, поглядывая на широкое пышущее здоровьем лицо Перси, безмятежное, как у спящего младенца.

— А сколько я мог бы получить? — поинтересовался Джонсон.

— Сейчас об этом говорить рано,— возразил я.— Надо сначала узнать, действительно ли тут водятся динозавры и какие. Кстати, зверь, о котором говорил вам негр, также может оказаться динозавром, но не хищником, как тот, что изображен на фотографии, а травоядным. Например, бронтозавром или диплодоком. Расспросите вашего негра подробнее, где и когда его отец видел это животное и как оно выглядело.

— Я могу позвать негра. Он немного говорит по-английски.

— Зовите.

Через несколько минут Джонсон возвратился в сопровождении высокого молодого негра, задрапированного в кусок белой ткани, напоминающий тогу. На его темных курчавых волосах красовалось подобие шапочки из свернутых страусовых перьев. Длинное темно-коричневое лицо с высоким лбом и тонкими чертами было изуродовано глубоким шрамом, наискось пересекающим щеку от виска до подбородка...

— Его зовут Квали,— пояснил Джонсон.— Он пришел позавчера с партией носильщиков и захотел остаться в лагере.

— Здравствуй, начальник,— сказал Квали, касаясь ладонями груди и чуть наклонив голову.— Моя знает хороший места для охоты. Много хороший места. Моя может пух-пух... стрелять. Дай мне, пожалуйста, карабин и патроны, и моя покажет хороший места. Много лев, буйвол, слон, белый носорог...

— Мне нужен крокодил, очень большой крокодил,— сказал я.— Такой крокодил, у которого хвост был бы под тем деревом, а голова тут, где сидит большой белый человек.— Я указал на Перси Вуффа.

Перси пошевелился и поджал под себя поги.

— Такой крокодил здесь нет,— решительно заявил Квали, и Джонсон удовлетворенно кивнул коричневой лысой головой.

— А зверь, про которого ты вчера рассказывал белому охотнику?

— О,— сказал Квали,— это не тут. Два, пять, десять,— он считал по пальцам, видимо, вспоминая английские названия цифр,— пятнадцать день идти надо... Очень плохое место... Один пойдешь, пропал... Там,— он мучительно подбирал нужные слова и не мог вспомнить или не знал их.— Там...— и он принялся что-то объяснять Джонсону на местном наречии негров банту. Охотник внимательно слушал, время от времени с сомнением покачивая головой.

— Что он говорит?

— Он утверждает, что большие звери живут в двух неделях пути отсюда, но приближаться к местам их обитания опасно. Злые духи охраняют тот край. Их голоса вечерами звучат

над болотами. Черные охотники никогда не углубляются в болота, потому что пути назад нет... Его отец видел больших зверей, когда они в страхе убегали от кого-то. Он думает, что таких великанов могли испугать только злые духи. Но злых духов его отец не видел. У больших зверей тело и ноги слона, хвост крокодила, голова и шея змеи. На спине у них торчат рога, как у носорога, только этих рогов больше и они гораздо крупнее носорожьих. Когда эти звери бежали, земля тряслась и дрожали деревья.

— Спросите, сколько таких зверей видел его отец и когда это произошло?

— Три. Два большой, один маленький,— ответил Квали, который понял мой вопрос.— Это было давно: тогда отец был молодой, а Квали еще не родился.

— А где сейчас твой отец?

Глаза негра сощурились, и по лицу пробежала судорога. Он повернулся к Джонсону и что-то отрывисто объяснил ему.

— Его отца убили бельгийцы,— перевел Джонсон, глядя себе нод ноги.— Он был расстрелян вместе с другими мужчинами их деревни несколько лет тому назад.

Воцарилось напряженное молчание.

— А ты сам был в том месте, где твой отец повстречал больших зверей? — спросил я, избегая смотреть в глаза негру.

— Нет,— сказал Квали,— но я знает туда дорога. Я... могу проводить туда белый охотник за карабин с патронами. Я довести до священный камень. Дальше останется один день пути.

— Решено,— объявил я.— Ты поведешь нашу экспедицию к священному камню. Завтра мы возвращаемся в Бумба и, как только окончится время дождей, ты поведешь нас туда, где твой отец видел чудовищ.

— Я получу карабин? — подозрительно спросил Квали.

— Хоть неграм в Конго и не полагается иметь нарезное оружие,— сказал я,— но дам тебе карабин и патроны, если укажешь следы чудовищ. Только следы...

Квали закусил губы и поглядывал на меня исподлобья.

— Не обманешь, начальник?

— Если укажешь следы, не обману.

— Да,— торжественно произнес негр,— Квали отведет экспедицию и укажет следы больших зверей.

* * *

Через неделю мы были в Бумба. Я поручил Буффу и Джонсону погрузить на пароход редких животных, которых мы отправляли в зоологические сады мистера Лесли Бейза, а сам сел в самолет и через несколько часов уже шагал по людным улицам Леопольдвиля — столицы Бельгийского Конго*.

В городе недавно были волнения. О них напоминали выбитые стекла в витринах магазинов, обилие патрулей, мрачные лица конголезцев, взволнованный шепот белых. Нервное оживление царило в аэропорту. Многие бельгийцы отправляли свои семьи на родину.

Я занял номер в Гранд-отеле. Несколько дней ушло на оформление дел, связанных с новой экспедицией, на писание писем и на составление отчета для мистера Лесли Бейза. Затем я засел в центральной научной библиотеке, чтобы просмотреть новые геологические и палеонтологические журналы. В одном из них оказалась заметка известного русского палеонтолога, недавно возвратившегося из Эфиопии. В горах Сибу он обнаружил на плите верхнетретичного возраста загадочные следы, оставленные, по его мнению, новым видом крупного ящера. Опираясь на различные материалы, в том числе и на эфиопский фольклор, ученый высказывал предположение, что в неисследованных районах Центральной Африки крупные ящеры могли сохраниться до четвертичного времени, а может быть, даже и до современной эпохи.

Я вышел из библиотеки в отвратительном настроении. Связанный контрактом, я не только не имел возможности опубликовать того, что знал, но даже не мог написать письма автору статьи и поделиться с ним своими взглядами.

Погруженный в невеселые размышления, я медленно шел по центральному бульвару, не обращая внимания на дождь, который лил все сильнее и сильнее. Вдруг кто-то тронул меня за рукав. Я оглянулся. Передо мной стоял невысокий коренастый человек в прозрачном плаще из серого пластиката. Из-под капюшона глядели широко расставленные удивительно знакомые глаза.

— Турский?.. Какими судьбами?

---

* Сейчас — Республика Конго (Киншаса).

Он отбросил капюшон, и я сразу узнал его. Это был инженер Мариан Барщак из Варшавы.

Летом 1939 года мы оба были призваны из резерва, попали в один полк. После разгрома, чудом избежав плена, укрылись в Карпатах. Я работал там до войны и знал каждую тропу, каждый перевал. Горами мы добрались до румынской границы. Потом много месяцев провели в Румынии, весной 1940 года вместе оказались в Марселе. Тут наши пути разошлись. Мне удалось устроиться на работу в частную компанию, ведущую поиски нефти на юге Сахары, а Мариан уехал в Лондон, чтобы вступить в формирующуюся там польскую армию...

Мы обнялись и расцеловались.

Через несколько минут мы уже сидели за столиком ресторана в Гранд-отеле.

— Почему не возвратился? — был первый вопрос Барщака.

— А ты?

— Я вернулся в сорок шестом. Служил в армии, потом перешел на дипломатическую работу. Сейчас работаю консулом в Конакри. А что поделывал ты?

Я коротко рассказал о себе.

Барщак качал седеющей коротко остриженной головой.

— Надо возвращаться, Збигнев, — сказал он, когда я кончил. — Польше нужны опытные геологи. А ты торчишь в эмиграции. Неужели тебя никто не ждет?

— Никто. Родные погибли во время оккупации. Я остался один. Понимаешь, совсем один, Мариан. А здесь были работы, начатые еще во время войны. Хотел закончить... Так и шли годы...

— Ты обзавелся новой семьей?

— Нет. На это тоже не хватило времени... Вот разделаюсь с экспедицией в Конго и обязательно вернусь в Польшу. Я ведь мечтаю продолжить работы в Карпатах.

— Все зависит только от тебя, Збигнев. Если хочешь, напишу в Варшаву. К приезду тебя будет ждать интересная работа.

Я сказал, что подумаю. Мы проговорили до поздней ночи. Мариан рассказывал о Польше, о своих поездках, потом поинтересовался где работала моя экспедиция. Узнав, что я недавно прилетел из Экваториальной провинции, он оживился.

— Само провидение послало тебя, — воскликнул он. — Мне надо выяснить судьбу одного чеха — кинооператора... Парень

около года назад приехал в Конго и исчез. Он должен был отснять несколько сот метров пленки для кинохроники, а ему жара или содовая вода ударили в голову. Захотел экзотики. Отправился зачем-то в Экваториальную провинцию, и там его след затерялся. Есть сведения, что его видели в Бумба с одним охотником, а потом он как в воду канул. Местные власти начали расследование, но сейчас на них небольшая надежда. У них у самих слишком много хлопот. Откровенно говоря, не думаю, чтобы бельгийцы продержались здесь больше года. Земля горит у них под ногами... Так вот ты не слыхал об этом кинооператоре? Его звали Мирослав Грдичка.

— Нет не слышал о нем. А как звали охотника?

— Кажется, Ричардс.

Я подскочил на стуле.

— Ричардс?

— Ты знаешь его?

— Да... А собственно, нет... Но знаю, что месяцев пять назад его растерзал лев. Это случилось перед моим приездом в Конго.

— О гибели охотника и я слышал,— задумчиво сказал Барщак. Но с Грдичкой их видели гораздо раньше — месяцев восемь тому назад... Ты возвратишься в Бумба?

— Еще до окончания периода дождей. И сразу выеду на север, в неисследованные районы Экваториальной провинции.

— Попробуй навести справки на месте, а потом по деревням, через которые пойдет экспедиция. Человека с киноаппаратом не могли не заметить.

— Обещаю, Мариан. Судьба этого кинооператора меня самого заинтересовала. Как узнаю что-либо, сразу извещу тебя.

В эту ночь я долго не мог заснуть. Разговор с Барщаком снова всколыхнул мысли о возвращении. Может быть, действительно в Польше я найду друзей. Исчезнет чувство одиночества... А тиранозавр?.. Неужели он все-таки существует? Ричардса видели с кинооператором. Вероятно, они путешествовали вместе. Потом Ричардс послал снимок тиранозавра мистеру Бейзу, а кинооператор исчез. А Ричардс не умел фотографировать... И были еще какие-то два туземца, которых затоптал белый носорог. И растерзанный белый носорог есть на снимке... И есть еще негр Квали, который немного говорит по-английски, обещал показать следы больших зверей. Эти звери могут оказаться динозаврами. А динозаврам полагалось бы давно перейти в ископаемое состояние. Но вот русский

палеонтолог пишет, что они могли сохраниться. И я тоже так думаю, но писать об этом не могу. И негр Квали... Он хочет получить карабин. Интересно, зачем ему карабин?.. А Ричардс не умел фотографировать...

В комнате было душно. За окном шумел дождь. Я ворочался с боку на бок и забылся тяжелым сном лишь под утро.

* * *

И вот мы снова в зеленом океане джунглей. Медленно движется колонна машин. Едем по узким тропам, проложенным в непроходимой, перевитой лианами чаще; иногда напрямик, прорубаясь сквозь заросли. Каждое утро я со страхом жду, что Квали скажет:

— Машина дорога больше нет.

Это будет означать, что надо переложить снаряжение на носильщиков и продолжать путь пешком в знойной духоте тропического леса. Но Квали молчит. Каждое утро он усаживается рядом с шофером головной машины, и мы едем дальше. Как он отыскивает путь в бесконечном зеленом лабиринте? Он ведет экспедицию на северо-запад. Я давно потерял представление, где мы находимся. Карт нет. По-видимому, мы огибаем Большие Болота с севера. Уже несколько дней не попадается никаких признаков жилья. Только узкие, еле заметные тропы. Кто их проложил, люди или животные, я не знаю.

Иногда мы переваливаем гряды невысоких холмов, в зарослях тростника переправляемся через ручьи и небольшие речки. Машины вязнут, их приходится вытаскивать и чуть ли не на плечах выносить на сухие склоны. Зеленому океану нет конца. Видимость — на несколько десятков метров, а дальше — исполинские серые стволы, обвитые лианами.

Крупных животных мы не встречаем. Их отпугивает прерывистый захлебывающийся вой перегретых моторов. Лишь время от времени беззвучно скользят по мшистому ковру стремительные и опасные, как сама смерть, змеи. Мучительно хочется выбраться из зеленого плена, увидеть небо над головой и солнечные дали саванн, знакомые созвездия, почувствовать на лице освежающие порывы ветров. Но джунгли бесконечны. Захватив караван в свою паутину, они не хотят выпустить его и тянутся день за днем.

Где-то на юге течет многоводная Конго, на севере несет свои воды ее приток Убанги. Но до них много дней пути, а мы делаем за день двадцать-тридцать километров.

Я часто думал о судьбе Мирослава Грдички. Заблудиться в этих бескрайних зарослях — значило погибнуть. Даже новейшие самолеты не могли бы помочь. Ты будешь слышать их гул над головой, но не увидишь их, и они не увидят тебя. Разве что подожжешь джунгли, но тогда и сам найдешь гибель в пламени лесного пожара.

В Бумба не удалось узнать о чехе ничего нового, кроме того, что рассказал Барщак. Перси Вуфф, которому я поручил навести справки, вскоре объявил, что Грдичка вообще не появлялся в Бумба. Видимо, мой заместитель не захотел утруждать себя лишней работой. Сам я без труда выяснил, что кинооператор прожил в Бумба несколько дней в той же гостинице, в которой останавливались мы. Это было около десяти месяцев назад. Куда он отправился из Бумба, никому не было известно. Джонсон тоже ничего не знал, а может, не хотел говорить...

Старый охотник сильно изменился, помрачнел, стал молчаливым. Он хотел отказаться от участия в новой экспедиции. Уговорить его стоило большого труда. В пути он теперь всячески старался избегать разговоров и со мной и Перси Вуффом. Я не сомневался, что между ним и Перси в мое отсутствие что-то произошло. Но что именно?.. Для меня это оставалось загадкой. Они уже не проводили вместе вечеров за бутылками виски. После ужина Джонсон торопливо исчезал в палатке, а Перси долго сидел один у походного стола, положив квадратный подбородок на свои огромные кулаки. Мохнатые ночные мотыльки метались вокруг фонаря, а Перси сидел неподвижно, устремив на них немигающий взгляд. Иногда мне казалось, что он прислушивается к таинственным голосам джунглей. Впрочем, как только лагерь затихал, Перси поднимался и, тяжело ступая, шел в свою палатку. Он не рисовал больше пейзажей; от его полусонного равнодушия не осталось и следа, он стал озлобленным и дерзким.

Однажды я застал его, когда он наорал на одного из рабочих и уже собирался пустить в ход кулаки. Пришлось вмешаться и остановить его. Негр поспешил благоразумно исчезнуть, а Перси бросил на меня исподлобья тяжелый взгляд, пробормотал что-то сквозь зубы и нырнул в палатку. Атмосфера явно накалялась. Я чувствовал, что караване необходимо

как можно скорее выбраться к солнцу и свету. Джунгли отравляли нас своим дыханием. Если мы не вырвемся из них в ближайшие дни, мы можем сами превратиться в диких зверей. Во время очередного привала я заговорил об этом с Квали.

— Еще один день,— сказал молодой негр.— Завтра вечер будет гора, потом озеро и Большой Болото. Лес кончится завтра...

К вечеру следующего дня джунгли начали редеть. Среди густой зелени крон все чаще проглядывали пятна голубого неба. Машины выбрались на сухой пологий склон. Здесь деревья росли не так густо, как внизу, и машины пошли быстрее.

Джунгли расступались, светлели, уходили в стороны. Вот всего несколько огромных деревьев осталось впереди, и за ними лежало обширное плато, поросшее густой травой и залитое неярким светом вечернего солнца.

Все вздохнули с облегчением. Даже негры, для которых джунгли были родным домом, повеселели. Я окинул взглядом караван и не мог не признаться себе, что только благодаря изумительному искусству нашего проводника и мужеству черных шоферов машины выдержали десятидневный переход. Это казалось почти чудом. Мы доставили в сохранности весь груз, даже громоздкие решетки металлических клеток, и не бросили в пути ни одной машины.

По совету Квали мы разбили лагерь на краю плато в тени огромных раскидистых деревьев, образующих последний форпост джунглей. Рядом был источник с холодной чистой водой. Пока разгружали машины и ставили палатки, Джонсон с одним из черных воинов, которых мы наняли в качестве носильщиков, пошел посмотреть, нет ли вблизи какой-нибудь дичи. Вскоре донесся выстрел, а еще через несколько минут охотники уже тащили большую пятнистую антилопу.

Лагерь огласился восторженными криками.

Ко мне подошел повеселевший Джонсон. Глаза его блестели.

— Рай для охотников,— сказал он.— Антилопу я подстрелил возле самого лагеря. Дальше на плато видел жирафов и стада зебр. Они даже не испугались выстрела.

— Вы не бывали в этих местах?

— Даже не подозревал о их существовании. Квали молодец. Если так пойдет дальше, вы, шеф, может быть, заполучите и вашу бестию.

— А Ричардс тут не бывал?

Джонсон отвел глаза.

— Кто его знает... Пожалуй, нет.

— Вы говорите не очень уверенно.

— Да что я — нянька Ричардсу? — вспылил вдруг Джонсон. — Почем я знаю, где он был, а где не был... Мы работали вместе, это правда. Но не всегда. Последний год он больше ездил один.

— А десять месяцев тому назад?..

— Я уже говорил, что не знаю, куда он тогда ездил. Не знаю!.. Ничего не знаю... — его голос сорвался на крик.

— Почему так нервно, Джонсон?

— Не люблю, когда допрашивают...

Он принялся набивать трубку. Его пальцы дрожали. Я подумал, что странное поведение старого охотника едва ли объясняется одной лишь усталостью и нервным напряжением последних дней. За всем этим что-то крылось. Но что?..

Мимо проходил Квали. Я подозвал его.

— Завтра будем отдыхать здесь, на этом плато, — сказал я ему. — Послезавтра поедем дальше. Куда Квали поведет нас теперь?

— Лагерь будет тут много день, — ответил Квали. — Дальше дорога машина нет. Идем, покажу...

— Пойдемте посмотрим, Джек, — пригласил я старого охотника.

Джонсон вскинул за плечо свой штуцер и молча пошел следом.

Квали повел нас в сторону заходящего солнца. Неяркий оранжевый диск слепил глаза, заставляя жмуриться. Около километра мы шли по густой траве, потом ее неожиданно сменила шероховатая поверхность серого известняка. Мы сделали еще несколько шагов и очутились на краю плато.

Крутые уступы скалистого склона обрывались к обширной плоской низменности. Она тянулась к далекому задернутому дымкой горизонту. Сначала мне показалось, что это саванны, но, приглядевшись, я понял, что внизу на многие десятки, а может быть и сотни километров раскинулись огромные болота.

Порыв вечернего ветра донес снизу характерный шорох тростника. В эти бескрайние, поросшие тростником пространства погружалось сейчас солнце.

— Так везде,— сказал Квали, указывая на обрывы плато.— Дорога машина нет...

Джонсон молча посасывал потухшую трубку.

— Где же священные камни? — спросил я у негра.

— Вот они,— Квали снова указал на обрывы.— Завтра спуститься, и Квали покажет.

— А куда пойдем искать следы?

— Там,— негр указал вдоль края обрыва.— Один день пути. Большой озеро. Там...

Солнце село, и сразу же на нас надвинулась тьма. Над головой заблестели звезды.

— Надо возвращаться,— проворчал Джонсон.

— Немного ждать,— попросил Квали.

Мы присели у края обрыва на теплых камнях. Ветер доносил снизу шорох тростников. Где-то вдалеке на плато пронзительно засмеялась гиена, и снова стало тихо.

— Немного слушать,— прошептал Квали.

Мы сидели молча, вслушивались в шорох тростников.

Наконец Квали поднялся.

— Злые духи сегодня молчать,— объявил он, и мы пошли назад в сторону костров, ярко освещающих площадку вокруг лагеря.

* * *

На следующее утро мы поднялись с восходом солнца. Я решил, не теряя времени, осмотреть священные камни и составить план дальнейших действий. После завтрака я, Квали, Джонсон, Перси Вуфф и четверо черных воинов направились к священным камням. Негры были чем-то встревожены. Я слышал, как Квали вполголоса успокаивал и уговаривал их. Перси захватил свой ящик с красками и насвистывал какой-то марш.

Вскоре мы очутились на краю плато. Квали огляделся и направился вдоль обрывов на северо-запад. Мы молча следовали за ним. Солнце поднималось все выше, и жара становилась все более ощутимой. Пот заливал лицо. Я вынужден был часто останавливаться и протирать очки. Прошагав под палящими лучами тропического солнца несколько километров, мы достигли глубокой расщелины, рассекающей край плато. Квали нырнул в нее, но вскоре появился снова и знаками

предложил следовать за ним. Мы спустились по расщелине к подножию обрывов. Здесь тянулись каменные осыпи, доходящие до тростниковых зарослей. Над осыпями в стене обрывов темнели входы в пещеры.

— Здесь,— сказал Квали, указывая на пещеры.

Мы подошли к одной из них. Черные воины побросали груз в тени обрывов и тревожно озирались по сторонам.

Я шагнул в глубину пещеры. Навстречу по каменистому грунту выскользнула большая серая змея и исчезла в густой траве. Стены пещеры были покрыты грубыми рисунками, сделанными красной и желтой красками. Здесь были изображения диких животных и сцены охоты. Чаще других повторялись изображения буйволов, жирафов и слонов.

— Эти рисунки, по-видимому, сделаны очень давно,— решил я.— Они напоминают искусство палеолита и могли быть созданы двадцать пять — тридцать тысяч лет тому назад.

— Эти рисунки сделан недавно,— возразил Квали.— Эти рисунки сделан воины нашего племени. Вот рисунок мой отец,— он указал на какие-то изображения в углу пещеры, которых я вначале не заметил.

Я подошел ближе. На известняковой стене красной краской были нарисованы удивительные животные с телами слонов, хвостами крокодилов и длинными тонкими шеями с маленькими головами. Вдоль спин торчали крупные острые зубцы. Странные животные на рисунке бежали. Сомнений быть не могло. Художник изобразил на стене пещеры трех бегущих динозавров.

— Ну, каково? — спросил я Джонсона.

— Хитрое дело,— проворчал охотник, внимательно разглядывая рисунок.— Говоришь, твой отец? — обратился он к Квали.— А откуда знаешь, что это рисовал твой отец?

Квали что-то ответил на местном наречии.

Джонсон шевельнул выгоревшими на солнце бровями.

— Говорит, отец сам показал ему этот рисунок, когда его посвящали в воины,— пояснил Джонсон, кивнув на Квали.

— Как бы там ни было,— сказал я,— этот рисунок бесспорно доказывает существование динозавров в центре Африки в современную эпоху или в самом недавнем прошлом.

Я не кончил. Странный звук послышался со стороны болот. В тот же момент черные воины с воплями ринулись к нам в пещеру.

— Злые духи болот! — крикнул Квали, лицо которого приобрело сероватый оттенок.

— Тихо! — приказал я.

Наступила тишина. Мы все напряженно прислушивались, и вот снова откуда-то издалека донесся тот же звук. Он напоминал одновременно шипение и свист, которые, постепенно затихая, вдруг резко сменились не то кваканьем, не то мяуканьем. Странные это были звуки. В них слышались угроза и вызов и какая-то неукротимая слепая ярость. Свист и мяуканье повторились несколько раз и вдруг резко оборвались. Мы прислушивались еще некоторое время, но над болотами воцарилась тишина. Я посмотрел на негров.

Их кожа стала пепельно-серой, губы дрожали, глаза испуганно округлились. Квали выглядел взволнованным.

— Что это могло быть? — спросил я Джонсона. Старый охотник пожал плечами:

— В жизни не слыхал ничего подобного.

— Это злые духи болот, — хрипло сказал Квали. — Только зачем они разговаривай утром? Квали не понимай... Может, сердятся, зачем мы пришел...

— Видел кто-нибудь этих «злых духов»? — поинтересовался я.

— Злой дух видеть нельзя. Кто видел — сразу умирай...

— А может быть, так кричат эти звери? — спросил я, указывая на динозавров, нарисованных на стене.

— Нет... Эти так делает, — Квали вытянул губы и зашипел.

— Как змея?

— Нет, змея тихо... Эти очень громко.

— Может, то был голос другого динозавра — хищника, — заметил я, обращаясь к Джонсону.

— Вроде вашего тиранозавра? Может, так, а может, и нет.

Я открыл полевую сумку и достал фотографию тиранозавра. Протянул ее Квали.

— Ты не слышал о таком звере?

Негр осторожно взял фотографию, стал с интересом разглядывать, потом возвратил мне:

— Квали не видел такой... Не слышал тоже.

Я попросил Вуффа перерисовать изображения животных со стены пещеры.

Мой заместитель скроил недовольную гримасу.

— А вы не уйдете отсюда?

— Ну, а если уйдем? Вы же вооружены.

— Я один тут не останусь, — объявил Перси.

— Успокойтесь. Мы никуда не денемся. Будем осматривать остальные пещеры. Могу оставить вам негров... для охраны.

Перси проворчал что-то и велел одному из носильщиков принести ящик с красками.

Мы пробыли у священных камней до вечера. Голосов «злых духов» больше не слышали. Ни единого звука не доносилось со стороны болот. Только тростник временами начинал шелестеть от порывов ветра. Джонсон устроился в тени обрывов и несколько часов следил за болотами, но не заметил ничего подозрительного. Мы с Квали лазали по пещерам, распугивая змей, которые прятались там от дневной жары. В большинстве пещер стены были покрыты рисунками. Однако все это были изображения животных, встречающихся и поныне в Экваториальной Африке. Рисунок, сделанный отцом Квали, был единственным.

Я попытался узнать, что означают все эти рисунки, но Квали не смог объяснить. Ему не хватало слов.

— Но твой отец, Квали, видел больших зверей не здесь?

— Нет, начальник. Он видел у озера. Один день пути отсюда. Квали там не был. Завтра пойдем...

— Скажи, Квали, а за что бельгийцы убили твоего отца?

Лицо молодого негра стало мрачным, и в глазах вспыхнули недобрые огоньки.

— Ты какой земля, начальник? Англичанин?

— Нет, я поляк. Есть такая страна — Польша, там далеко, — я указал на север. — Советский Союз знаешь?

Квали кивнул.

— Это рядом. Только Советский Союз — большая страна, большая, как вся Африка, а моя страна маленькая...

— Знаю, — сказал Квали, — учитель говорил. Квали учился... Один год, — пояснил он и вдруг улыбнулся. — Школа очень хорошо. Советский Союз — очень хорошо, и твой страна — хорошо, — он глубоко вздохнул, его лицо снова стало мрачным. — Бельгийский дьявол убил мой отец. Отец заступился мой мать. Ударил бельгийский солдат. Отец расстреляли, пятнадцать другой воин Нгоа тоже... За что?..

Что я мог ответить? Я протянул ему руку, и он крепко пожал ее.

— Квали твой друг, — сказал он. — Ты хороший человек. Квали тебе помогай, начальник, — он взял меня за большой палец правой руки и сильно потянул, а потом протянул мне свой большой палец, и я тоже подергал за него.

Мы заключили дружественный союз.

Вечером с помощью Джонсона удалось узнать у Квали, что означают рисунки в пещерах. На плато раньше происходили обряды посвящения в воинов. Бросали жребий, и каждый молодой охотник должен был убить стрелой того зверя, который выпал ему на долю. Если это удавалось, охотник рисовал на стене пещеры изображение убитого животного и становился воином. Если от восхода до заката охотник не мог подстрелить свое животное, обряд посвящения откладывался на год. Мясо убитых животных не употреблялось в пищу. Пока охотник рисовал убитого зверя, старшие воины уносили тела животных на берег озера и оставляли там как жертву злым духам Больших Болот. Раньше на этом плато обряды посвящения были особенно торжественными и происходили раз в пять лет. Потом, когда бельгийцы захватили места для охоты и запретили неграм охотиться на крупную дичь, плато стало своеобразным заповедником, куда не смогли проникнуть европейцы, и обряды посвящения происходили здесь каждый год. Квали тоже прошел здесь посвящение. Он убил льва и нарисовал его на стене пещеры возле больших зверей, изображенных отцом. Год посвящения Квали был последним годом свершения обряда на плато. Потом бельгийцы запретили неграм удаляться за пределы территорий, расположенных вблизи селений. А вскоре в деревушке, где жил Квали, разыгралась трагедия; большинство мужчин было расстреляно бельгийскими солдатами. Квали тоже хотели расстрелять. Но он отбился и бежал. Шрам на его лице — память тех дней...

Мы сидели у костра. Над нами было черное небо и неправдоподобно яркие звезды. Легкий ветерок доносил из джунглей пряные ароматы каких-то цветов. Вдали пронзительным смехом заливались гиены.

— Смейтесь, смейтесь, — проворчал Перси Вуфф, прислушиваясь. — Смеется тот, кто смеется последним...

Когда восток начал светлеть, мы с Джонсоном взяли карабины и пошли к краю плато. Вскоре позади послышались чьи-то шаги. Нас догнал Квали с длинным копьем в руках.

Я отдал ему нести свой карабин. Он схватил его жадно и бережно, погладил вороненый металл и осторожно забросил на плечо. Мы остановились на краю обрыва. Было тихо. Внизу шелестели тростники.

Я вслушивался в дыхание спящих болот и думал о том, что неведомое всегда заманчиво, что природа полна загадок и что величайшее счастье дано тем, кто, очутившись на пороге загадки, не задумается сделать следующий шаг.

* * *

Путь к озеру занял целый день. Мы вышли на рассвете. Самые жаркие часы переждали в тени обрывов, а когда зной начал спадать, снова двинулись вдоль края плато на запад. По обнаженным плитам известняка идти было легко. Стада полосатых зебр пробегали невдалеке среди густой высокой травы и, казалось, не обращали на караван никакого внимания.

Я вначале недоумевал, почему Квали предпочел пеший маршрут. Но, когда мы стали пересекать глубокие ущелья, уходящие от края обрывов далеко в глубь плато, убедился, что машины здесь действительно не прошли бы. Наконец обрывы повернули к северу. Внизу простиралась холмистая саванна, поросшая группами высоких деревьев. Холмы доходили до самого края болот. Между крайними холмами блестело большое озеро. С севера в него впадала река, вытекающая из глубокой расщелины в обрыве плато.

— Там,— сказал Квали, указывая на озеро. До озера оставалось еще около трех километров. Мы остановились передохнуть.

— Будем спускаться? — спросил я у Квали.

— Нет. Лагерь надо ставить на гора у реки.

— А почему не у озера?

— Нельзя. Плохо будет...

— Боишься «злых духов»?

— Нельзя,— настойчиво повторил Квали.— Моя знает...

Пришлось согласиться. Мы повернули к северу вдоль края обрывов. Носильщики, которые раньше растянулись длинной цепью, теперь сбились в кучу. На ходу они перебрасывались тревожными восклицаниями и с опаской поглядывали вниз на озеро. Я догнал Джонсона.

— Как вы думаете, Джек, это те же болота, по окраине которых мы с вами лазали до наступления периода дождей?

— Кто их знает. Может, и те... — Джонсон помолчал, потом спросил что-то у Квали.

Негр долго объяснял, указывая на юг, на восток и рисуя пальцем круги в воздухе.

— Выходит, не совсем те, — сказал Джонсон, когда Квали замолчал, — хотя вот он уверяет, что они соединяются где-то на юге. Только дороги туда нет.

— Мы взяли теодолит. Завтра определим координаты озера и точно узнаем, где находимся, — пообещал я.

— А что толку? — заметил Джонсон. — Карты все равно нет.

— Нарисуем на глаз. А в следующий раз захватим с собой топографа.

— Вы думаете, сюда придется приезжать еще раз?

— Без сомнения, и не один.

Джонсон вздохнул. Я понял, что, несмотря на красоту окружающей местности и обилие дичи, такая перспектива ему не улыбалась.

Место для лагеря выбрали на высокой террасе вблизи водопада. Река вырывалась здесь из узкого ущелья и падала шумными пенистыми каскадами. Ниже водопада река растекалась широкими протоками. Между протоками виднелась масса мелких островов, заросших травой и кустарником. В полутора-двух километрах ниже по течению поблескивала спокойная гладь озера. По его берегам тянулись густые заросли тростника, но в дельте реки тростника было меньше, а местами желтели косы и пятна песчаных пляжей. Значит, берегом реки было легче всего добраться до озера.

Холмистая саванна по берегам озера казалась пустынной. Это нас удивило. Ведь невдалеке на плато мы только что видели стада зебр и антилоп. Пустынна была и зеркальная поверхность озера. Пока разбивали лагерь, солнце село и почти сразу стало темно. Мы поужинали мясом антилопы и улеглись спать. По совету Джонсона была поставлена охрана. Черные воины должны были сменяться через два часа и всю ночь жечь большой костер.

Ночь прошла спокойно. Утром Квали рассказал, что караульные слышали голоса разных животных, но «злые духи» молчали. Впрочем, звуки с болот едва ли могли достигать

лагеря. Кроме того, их заглушил бы немолкнущий гул близкого водопада.

С первыми лучами солнца мы двинулись к озеру. Настроение царило торжественное. Все были немного взволнованы: ведь мы находились у цели нашего путешествия. В лагере я оставил только троих негров, остальных взяли с собой в расчете на то, что придется «прочесывать» кустарник на островах и заросли тростника.

Черные воины были настроены уже не так панически, как вчера. Они шли охотно; некоторые улыбались и шутили. Каждый из них был вооружен длинным копьем с широким стальным лезвием и большим ножом, похожим на короткий меч. У многих были луки и колчаны со стрелами. Некоторые воины шли почти голыми; на других были надеты белые плащи, такие же, как у Квали. Джонсон, Перси и я были вооружены десятизарядными карабинами и крупнокалиберными автоматическими пистолетами. Джонсон захватил и свой старый штуцер, которому доверял больше, чем любому новейшему оружию.

Мы спустились к берегу реки. Здесь на песчаной отмели увидели множество следов антилоп и буйволов, которые ночью приходили на водопой. Квали нашел след небольшого носорога.

Я велел разыскать брод, но черные воины, едва ступив в воду, тотчас же с воплями выскочили на берег. Река кишела крокодилами. Одного из них, который в пылу преследования выполз на песок, воины мгновенно закололи своими длинными копьями.

Джонсон указал мне на темные колоды, неподвижно лежащие на противоположном берегу реки.

— Что это? — не понял я.

— Тоже крокодилы, господин профессор, — не без ехидства ответил охотник. Он поднял свой штуцер, прицелился и выстрелил.

Одна из колод подскочила и закрутилась на месте, свиваясь в спираль и снова распрямляясь, остальные поспешно сползли к реке и исчезли в воде. Движения раненого крокодила становились все медленнее, и, наконец, он затих.

Черные воины разразились громкими торжествующими криками, а потом отплясали вокруг Джонсона стремительный

танец, подпрыгивая на согнутых ногах и ударяя в землю древками своих копий.

— Превосходный выстрел,— похвалил я.— Интересно, куда вы целились?

— Туда же, куда и попал. В глаз.

Это было почти невероятным: попасть в глаз крокодилу с расстояния добрых ста пятидесяти метров.

Я с уважением пожал руку старого охотника:

— Знал, что вы прекрасный стрелок. Но этот выстрел феноменален. Никакой тиранозавр нам уже не страшен.

— Пустяки,— сказал польщенный Джонсон.

Один Перси Вуфф был недоволен.

— Незачем было стрелять,— проворчал он.— Этак распугаете более крупную дичь.

— Более крупная дичь не испугается,— спокойно возразил Джонсон.— Она еще не знает, что такое выстрел. А сегодня надо шуметь, чтобы узнать, кого скрывают прибрежные заросли. Не за куропатками приехали...

Перси пробормотал что-то сквозь зубы. Последнее время он все чаще огрызался вполголоса, шепча непонятные слова. Его былая дружба с Джонсоном окончательно разладилась.

Мы целый день лазали по прибрежным зарослям. Много раз переходили вброд мелкие протоки, «прочесали» тростники на берегу озера, но не встретили никого, кроме крокодилов и змей. На илистых берегах не попадалось следов крупных животных. Зеркальная гладь озера была спокойна. Мы возвратились в лагерь немного обескураженные.

Прошло еще несколько дней. Поиски продолжали оставаться безуспешными. Вокруг озера не было заметно ничего подозрительного, а болота были слишком далеки. Дичи на плато встречалось великое множество, но не она интересовала нас.

Посоветовавшись, мы решили разделиться и продолжать поиски тремя группами, чтобы охватить большую площадь. Я взял себе в помощники Квали и еще двух черных воинов Н'Кора и Мулу. Это были стройные веселые парни с приплюснутыми носами и толстыми губами, очень похожие друг на друга. Оба были разукрашены хитроумной татуировкой, напоминавшей рисунки художников-абстракционистов. Н'Кора носил короткие клетчатые штаны и имел ожерелье из костей и зубов леопарда, у Мулу ни штанов,

ни ожерелья не было. Все его одеяние составляла набедренная повязка.

Пока Джонсон и Перси Вуфф со своими помощниками работали к западу от реки, мы вчетвером исколесили большой кусок саванн и берега озера на юго-восток от нашего лагеря. Во время походов мы напряженно прислушивались, надеясь, что снова зазвучат странные голоса «злых духов». Теперь мы страстно желали услышать их. Но все было напрасно. Тростники молчали. Тишина царила над озером. По ночам ее нарушал лишь насмешливый хохот гиен.

Я уже несколько раз предлагал возвратиться к главному лагерю и начать поиски в болотах там, где мы впервые услышали голоса «злых духов», но Квали утверждал, что только здесь у озера мы можем рассчитывать на успех.

— Ждать, начальник, надо ждать, — твердил он.

И мы продолжали свои походы в окрестностях озера и ждали.

Наступило очередное воскресенье, и Перси Вуфф и Джонсон объявили, что они остаются в лагере. Все были утомлены непрерывными маршрутами и невыносимой жарой. День отдыха был необходим. Сначала я тоже хотел провести этот воскресный день в лагере, но после завтрака решил сделать небольшой маршрут по долине реки выше водопада, чтобы посмотреть геологический разрез плато. Квали охотно согласился сопровождать меня. Помимо карабина и пистолета я вооружился геологическим молотком, Квали повесил за спину рюкзак, и мы тронулись в путь.

В глубоком ущелье возле шумной стремительной реки не было той изнуряющей жары, от которой мы страдали во время походов к озеру. Местами можно было идти в тени отвесных скал.

Я осматривал обнажения, кратко описывал их. Квали отбивал образцы. Мы быстро продвигались вперед и к полудню отошли километров на десять от лагеря. Здесь мы устроили привал под навесом известняковой скалы. Квали достал из рюкзака завтрак. Мы ели мясо жареных уток, которых настрелял Джонсон у озера, и запивали его холодной водой из источника. Потом я прилег в тени, подложив под голову рюкзак. Незаметно я задремал.

Разбудил меня Квали.

— Смотри, начальник,— сказал он, протягивая какой-то блестящий предмет,— Квали нашел это в камнях.

Он держал в руках изуродованные остатки кинокамеры.

Камера была расплющена, словно ее били тяжелым камнем. Стекол в объективе не осталось. Кассеты не было. Только обрывок пленки торчал между изогнутыми передающими барабанами. Сбоку сохранилась фабричная марка «Вильд. 1957 год» и номер.

— Где ты ее взял?

— Пойдем, Квали покажет.

Невдалеке от места, где лежала камера, я нашел среди камней несколько кусочков стекла — осколки объектива.

Квали, сообразив, что находка заинтересовала меня, продолжал поиски. Вскоре я услышал призывный крик. Квали сидел на уступе склона, метрах в десяти выше меня, под самым обрывом. Над ним громоздилась вверх почти вертикальная стена ущелья. Он что-то показывал издали. Я поднялся к нему, и он протянул мне расплющенное кольцо объектива.

— Здесь лежало,— пояснил он, указывая пальцем, где поднял кольцо.

Я огляделся и... понял.

— Аппарат брошен оттуда,— сказал я,— с обрыва на противоположном берегу реки. Он пролетел над рекой, ударился здесь, разбился; кольцо осталось, а аппарат отскочил к тем камням, где ты нашел его.

Квали закивал головой, соглашаясь, что так могло быть.

Мы продолжили поиски в ущелье, но больше ничего не обнаружили.

— Полезем наверх,— предложил я.

Мы перешли по камням реку, вскарабкались на крутой склон и через несколько минут уже стояли на краю ущелья, над тем местом, где Квали нашел кинокамеру. Небольшую зеленую лужайку окружали причудливые красноватые скалы. Между скалами рос колючий кустарник с огромными желтыми цветами. Из-под кустов вытекал родник. «Отличное место для лагеря»,— подумал я.

— Смотри, начальник,— сказал Квали.

Он поднял большой камень, размахнулся и швырнул в ущелье. Камень пролетел над рекой, ударился о карниз, на котором было найдено кольцо объектива, разбился, и осколки скатились к тому месту, где лежала кинокамера.

— Все правильно. Хорошо, — похвалил я.

— Хорошо, — согласился Квали.

Первая часть задачи была решена.

На краю лужайки мы нашли остатки костра.

— Когда его жгли? — спросил я у своего спутника.

Квали задумался. Он раздвинул молодую траву, уже выросшую на пепелище, растирал в пальцах перемешанную с пеплом красноватую почву. Нашел несколько угольков, попробовал их зачем-то на зуб.

— Луна пять-шесть раз успел родиться, — сказал он наконец.

— А может, поменьше, — усомнился я.

— Нет...

Эта дата тоже совпадала. Теперь надо было убедиться, что несчастный Грдичка действительно был здесь с другим белым.

— Квали храбрый воин и ловкий охотник, — сказал я. — А вот может ли Квали сказать, сколько людей было у этого костра?

Молодой негр нахмурился и покачал головой, потом опустился на колени и снова принялся исследовать пепелище. Я тщательно обыскал поляну, но не заметил ничего примечательного: тропические дожди давно смыли все следы.

Квали продолжал ползать по лужайке, осторожно раздвигая траву, вглядываясь в красноватую почву. Я присел на камень и ждал. Наконец негр поднялся и подошел ко мне.

— Квали думай так, — начал он. — Люди был тут два раза. Квали нашел другой костер. Один раз был два белый и негры. Другой раз — два белый. Один белый курил трубка, другой папироса, вот, — Квали протянул мне бумажный мундштук, на котором еще можно было разглядеть рисунок чешского льва и надпись «Брно». — Один белый носил ботинка с желтый гвоздь, — Квали протянул медную шляпку гвоздя; такими гвоздями многие африканские охотники подбивают подошвы своих сапог. — Один белый, — продолжал Квали, — имел большой карабин, вот! — и Квали показал мне гильзу чуть не восьмого калибра.

Все это походило на чудо.

— А как ты узнал, что тут были и белые, и негры? — с сомнением спросил я.

— Кости,— пояснил Квали.— Белый человек не грызет кости; негр грызет. Один костер — кушал белый и негр... Другой костер — кушал белый. Негр не кушал.

— Ясно,— сказал я.— А какой костер был раньше?

— Тот, где кушал негр и белый,— без колебаний ответил Квали.

— А куда же делись негры?

— Квали не знает, начальник.

— Мне кажется,— медленно произнес я, смотря в глаза своему спутнику,— что один белый тут убит... Тот, у кого был аппарат, который ты нашел в ущелье. Надо это проверить.

— Как проверить? — не понял Квали.

— Найти его тело или скелет.

— Как найдешь? — возразил негр.— Гиена, начальник. Очень много гиена. Все таскал, ничего не оставлял.

— А все-таки попробуем. Квали очень ловкий следопыт.

Негр гордо выпрямился.

Мы продолжили поиски в ближайших окрестностях поляны. Однако на этот раз даже искусство Квали оказалось бессильным. Больше мы не нашли ничего.

Солнце уже склонялось к западу. Пора было возвращаться.

Остатки кинокамеры, осколки стекла, окурок и гильзу мы упаковали в бумагу, и Квали спрятал их в рюкзак, где лежали образцы горных пород.

На пути в лагерь я уже мысленно нарисовал картину преступления. Двое белых и двое негров отправляются в джунгли. Они достигают заповедного плато. Один снимает на кинопленку диких животных, другой охраняет его в опасных маршрутах. Лагерь они устраивают на живописной поляне над ущельем. Все четверо уходят в далекий маршрут к озеру. Белый носорог, потревоженный тиранозавром, атакует маленький отряд. Оба негра падают его жертвами. Носорог смертельно ранен охотником, но приблизиться к нему охотник и кинооператор не успевают. Над издыхающим носорогом вырастает чудовищная громада тиранозавра. Жужжит кинокамера. Оператор успевает отснять несколько кадров. Но охотник не решается стрелять. Он не уверен, что сможет остановить гигантского хищника. Пока тиранозавр терзает убитого носорога, оператор и охотник отступают с поля сражения. Они возвращаются в свой лагерь над ущельем. Но их уже только двое.

Они стали обладателями сенсации, которая может принести славу и деньги. Но, собственно, хозяином положения является кинооператор. Он успел сфотографировать чудовище. Утром возникает спор, который разрешается выстрелом из ружья восьмого калибра. Оператор падает мертвым. Охотник вырывает кассету с пленкой из аппарата. Кинокамера летит в ущелье. Теперь он один — обладатель сенсации. Он закапывает тело невдалеке от лагеря и пускается в обратный путь. Через несколько недель, проявив кинопленку, он отсылает фотографию своему патрону — мистеру Лесли Бейзу...

Как будто все получалось складно. Неясно лишь было, куда девалась кинопленка и какое отношение ко всей этой истории имел Джек Джонсон.

— Квали,— обратился я к негру.— Я хочу сохранить в тайне наше сегодняшнее открытие. Никто, понимаешь, никто не должен пока знать, что мы нашли лагерь, сломанный аппарат, папиросу и гильзу. Ты понял меня?

— Квали понял, начальник. Квали будет немой, как карабин, когда вынул затвор.

Мы заключили союз молчания.

* * *

Когда мы подошли к лагерю, я сразу почувствовал: в наше отсутствие что-то произошло. Черные охотники молча стояли вокруг неподвижного белого предмета, лежащего на земле. Никто даже не оглянулся на нас с Квали. Джонсон и Перси Вуфф сидели возле палатки. Оба были очень мрачны.

— Жалко, что вас не было, шеф,— сказал вместо приветствия Джонсон.— Вы много потеряли...

— Что случилось?

— Ничего особенного! Нас навестил «злой дух». И, надо отдать ему должное, он-таки застал нас врасплох. Двое негров уже в раю, а третий будет там до захода солнца.

— Объясните толком, что произошло.

— Пускай он рассказывает,— кивнул Джонсон в сторону Перси Вуффа.— Он присутствовал на всем спектакле, а я успел только к концу.

Я взглянул на Перси.

— Я решил выкупаться,— начал Перси, избегая глядеть мне в глаза,— и велел неграм распугать крокодилов. Негры

подняли на берегу дьявольский шум, а потом полезли в воду и стали огораживать плетнем место для купания. Я в это время стоял на террасе в нескольких десятках метров от берега и смотрел в сторону озера. Вдруг я заметил на реке что-то черное. Оно быстро плыло вверх по течению и было похоже на небольшую подводную лодку. Когда оно подплыло ближе, я подумал, что это исполинский крокодил. Пасть у него была метра три длиной, а зубы вот такие... — Перси показал рукой, какой длины были зубы.

— Надо было предупредить негров об опасности, а не рассматривать зубы, — резко бросил Джонсон.

— А зубы вот такие, — повторил Перси, не обращая внимания на слова Джонсона. — Когда негры его заметили, они кинулись врассыпную, но было поздно. Эта тварь выбралась на мелкое место, поднялась на задние лапы и одним прыжком махнула на берег. Я сообразил, что это та самая бестия, которая изображена на фотографии Ричардса. Клянусь вам, это само исчадие преисподней. Оно скачет, как кузнечик, несмотря на свою колоссальную тушу. Вмиг оно настигло одного из негров, разорвало его на куски и пожрало на моих глазах, — голос Перси дрогнул. — Клянусь, все это продолжалось несколько секунд. Потом оно прыгнуло к следующему негру, который, удирая, напоролся на корень дерева и, наверно, повредил ногу. Слышали бы вы, как он заорал. Я принялся стрелять в чудовище из моего пистолета, но клянусь...

— Врет он, — прервал Джонсон, — он начал стрелять немного позже, когда тиранозавра не было и в помине.

— Я принялся стрелять из моего пистолета, — упрямо повторил Перси, даже не взглянув на охотника, — но пули были для него как горох. Какой-то негр, кажется Мулу, бросился и ударил бестию копьем. Копье сломалось, как спичка, а чудовище отшвырнуло негра ударом хвоста, схватило свою жертву и прыгнуло в реку. В это время прибежал Джонсон...

— Я всадил в уплывающего дьявола не меньше десяти пуль, — хрипло сказал охотник. — Одна из пуль пришлась ему сильно не по вкусу, потому что он нырнул. Мы уже решили, что ему капут. Но бестия вынырнула далеко впереди и на третьей скорости ушла в озеро, так и не выпустив негра, который был перекушен почти пополам.

— Что с Мулу? — спросил я.

— Безнадежен. Поломаны все кости и пробита голова. Счастье, что без сознания...

Черные воины, столпившиеся вокруг умирающего, завыли: сначала тихо, потом все громче и громче. Я поспешно вышел из палатки. Ко мне подошел Квали.

— Мулу кончай,— тихо сказал он. По его черной, изуродованной шрамом щеке скатилась слеза.

* * *

Обряд погребения состоялся на рассвете, и затем мы сразу же приступили к постройке большого плота. Раненый тиранозавр пересек озеро и исчез в камышах на противоположном берегу. Мы решили плыть за ним на большом тяжелом плоту. Мы рассчитывали, что, если ящер не издохнет от ран, то, во всяком случае, за сутки он сильно ослабеет и мы сумеем добить его. Нечего было и думать захватить такое чудовище живьем. Для начала я хотел добыть шкуру, череп и часть костей. Меня особенно интересовало устройство задних конечностей, при помощи которых такой исполин мог прыгать, как кенгуру.

Плыть за ящером должны были Джонсон, я, Квали и еще девять черных воинов. Перси Вуффа с остальными носильщиками я решил отправить в главный лагерь за дополнительным снаряжением. Мой заместитель не возражал против такого поручения.

К рассвету следующего дня плот был готов. Шесть длинных стволов в два обхвата каждый были прочно связаны нейлоновыми канатами. Такому тяжелому кораблю был не очень страшен даже тиранозавр. Три пары вёсел и косой парус на длинной мачте позволяли создать необходимую скорость. На плот мы водрузили еще один плот поменьше, сделанный из стволов бамбука.

Бамбуковый плот мог понадобиться при плавании по узким извилистым протокам на противоположной стороне озера. Груз состоял из оружия, канатов, крепких нейлоновых сетей и двух ящиков продовольствия. Впрочем, ночевать на противоположном берегу озера мы не собирались.

Теперь надо было отобрать черных воинов. Это оказалось нелегким делом. Негры были так напуганы тиранозавром, что вначале наотрез отказались плыть с нами. Ни мои уговоры и

обещания, ни угрозы Перси Вуффа, ни авторитет Джонсона не могли заставить их сдвинуться с места. Панический страх перед чудовищем оказался сильнее, чем даже яростное желание отомстить за смерть товарищей. Охотники, стиснув зубы, молчаливо трясли головами. Ни один из них не хотел ступить на сплетенные канатами бревна плота.

Положение спас Квали. Когда я уже готов был отказаться от преследования раненого тиранозавра, молодой негр вышел вдруг вперед, властным движением поднял руку и заговорил. Вначале я подумал, что он выступает от имени черных воинов и требует отменить охоту на чудовище. Я взглянул на Джонсона. Однако старый охотник внимательно слушал Квали и время от времени одобрительно кивал лысой головой.

— Молодец, правильно говорит,— шепнул он мне, когда Квали остановился, чтобы перевести дыхание.

Теперь мнения разделились. Черные охотники заспорили между собой. Одни указывали копьями на озеро, другие качали головами, били себя в грудь, втыкали наконечники копий в землю. Квали снова заговорил, но не успел он кончить, как спор разгорелся с новой силой.

Я чувствовал, что решается судьба похода, но боялся вмешиваться, опасаясь испортить дело. Когда шум и гам достигли предела, Квали подошел ко мне и спросил, сколько черных воинов я хотел бы взять с собой.

Я сказал.

— Пожалуйста, выбирай,— объявил Квали, делая широкий жест жилистой черной рукой.— Теперь каждый хочет плыть...

— Как ты добился этого? — изумленно спросил я.

— Объяснил великий закон охотников джунглей,— гордо выпрямившись, ответил молодой негр.— Сказал, что большой прыгающий крокодил — хуже бельгийский чиновник... Обещал, что каждый, кто вернется живой, получит от тебя десять долларов, стальной нож и клетчатый штаны. Штаны ты можешь не дать, если не захочешь, а вот нож и десять долларов, пожалуйста, дай обязательно.

Я поспешил согласиться. Спустя несколько минут десять мускулистых черных фигур уже стояли на бревнах плота, опираясь на длинные копья.

С восходом солнца наш «корабль» отчалил. Течение медленно сдвинуло с места тяжелый плот, гребцы налегли на весла,

и мы поплыли. Через час плот благополучно выплыл на широкую гладь озера. Оно оказалось глубоким. Даже вблизи берега длинный шест не доставал дна. Поверхность озера была спокойна и совершенно пустынна. Лишь вдалеке у западного берега на воде пестрел розовый рой — вероятно, стая фламинго.

Я глянул в бинокль на наш лагерь. Он уже опустел. Очевидно, Перси Вуфф и носильщики отправились в путь.

Солнце поднималось все выше и начало припекать. Мы натянули тент и улеглись под ним, продолжая оглядывать в бинокль поверхность озера и темную кромку берега, к которой постепенно приближались. Глубина продолжала оставаться значительной. Дно не просвечивало в темной воде, и нигде мы не смогли достать его.

Джонсон проверил штуцер и загнал в стволы патроны с разрывными пулями.

— Какой калибр у вашей пушки? — поинтересовался я.

— Двенадцатый.

— Неплохо. Но сегодня не помешал бы и восьмой...

— Во всей Центральной Африке штуцером восьмого калибра пользовался только покойный Ричардс. То действительно была пушка. Правда, она иногда давала осечки. Последняя осечка стоила жизни бедняге Ричардсу.

Я вспомнил гильзу, найденную на поляне возле остатков костра.

Наконец тростники зашелестели совсем близко. Они росли сплошной стеной и были гуще и выше, чем на северном берегу. Мы поплыли вдоль зарослей. Ничто не нарушало покоя зеленой, тихо шелестящей чащи...

В одном месте широкий извилистый проток уходил в глубь тростников. Мы направили в него плот и тихо скользили по спокойной темной воде. Гребцы беззвучно орудовали тяжелыми веслами. Мы с Джонсоном стояли с карабинами наготове. Двенадцать пар глаз напряженно вглядывались в окружающий лес тонких буровато-зеленых стеблей и узких заостренных листьев. Серебристые метелки чуть заметно покачивались над нашими головами.

Так мы проплыли около километра. Нестерпимый зной жег кожу, трудно становилось дышать, перед глазами вспыхивали радужные круги. Проток то суживался, то расширялся, но в окружающих его зеленых стенах по-прежнему не было заметно ни одного вылома. Напряжение, охватившее всех нас

при вступлении в тростники, начало было ослабевать, как вдруг...

Квали, стоящий на носу плота, предостерегающе поднял руку. В тот же момент до нас донесся омерзительнейший запах, перед которым аромат давно нечищенного свинарника — благовонное курение. И сразу же в тростниковых зарослях справа от нас что-то тяжело затрещало. Гребцы, как по команде, выхватили весла из воды и отступили к середине плота. Однако наш тяжелый корабль еще продолжал двигаться вперед. Дальше все замелькало, как в стремительном фантастическом сне.

В тростниковой стене появился широкий вылом, а в глубине его, в десятке метров от берега, тяжело поднялось что-то чудовищное, похожее на вставшего на дыбы гигантского крокодила. Его блестящая чешуя отливала золотом и зеленью. Огромная багровая пасть широко раскрылась, обнажив два ряда зубов-кинжалов. Оттолкнувшись мощными перепончатыми лапами, чудовище прыгнуло к плоту, но промахнулось и тяжело рухнуло в заросли. Громыхнули выстрелы. Джонсон выстрелил только один раз. Я выпустил всю обойму туда, где трещал и ломался тростник и откуда били фонтаны воды и жидкой грязи.

Я еще не успел перезарядить карабин, как тростники раздвинулись и огромное золотисто-зеленое тело тиранозавра тяжело скользнуло в воду. Прежде чем ящер успел нырнуть, Джонсон выстрелил дважды. Плот содрогнулся — и на носу появилась огромная лапа с кривыми когтями, а затем голова чудовища.

Лопнули, как нитки, нейлоновые канаты, и наш корабль стал разваливаться. Но хищник уже был тяжело ранен, его движения утратили стремительность и силу. Квали сунул в пасть чудовищу тяжелое весло. Челюсти захлопнулись, весло треснуло. Ящер замер в единоборстве с человеком, который не выпускал весла. Этого было достаточно. Джонсон снова выстрелил дважды. Голова чудовища ушла под плот. Сломанное весло осталось в руках у Квали.

— Все, — сказал Джонсон и опустил карабин. Я не поверил и торопливо вбил новую обойму.

— Сейчас он появится снова!

— Все, — повторил Джонсон и сел на ящик. — Конец. По одной разрывной пуле в каждый глаз...

— Так вы испортили череп! — вырвалось у меня.

— Чтобы он не испортил вашего,— усмехнулся Джонсон.

Черные охотники с молчаливым восхищением уставились на Джонсона. У них даже не нашлось слов. Они только причмокивали и качали головами.

Мы подождали несколько минут; ящер не появился.

— Попробуем узнать, где он,— предложил Джонсон.

Пока часть охотников занималась починкой плота, мы с Джонсоном опустили на дно стальную кошку. Результат получился ошеломляющий. Глубина протока превышала в этом месте тридцать метров. Мы так и не достали дна.

Я был в отчаянии. Убить современного тиранозавра и потерять его!

— Может, всплывет,— пытался утешить меня Джонсон.

Но на это трудно было рассчитывать.

Плот был давно починен, а я все еще пробовал нащупать дно. Проток оказался желобом с почти отвесными краями. Даже у тростниковых зарослей глубина достигала двадцати метров.

Гибель черных охотников, риск, которому мы все подвергались, все оказалось напрасным. Ящера можно было считать потерянным... Я едва удержался, чтобы не наговорить резких и обидных слов Джонсону, хотя прекрасно понимал, что если бы не он, мы все могли бы погибнуть.

Я только сказал вслух:

— До чего ж не повезло!.. Ведь никакого следа не осталось, кроме царапин на бревнах плота.

— Немножко остался,— возразил Квали, слышавший мои слова.— Возьми, пожалуйста...

И он протянул обломок весла, которое побывало в пасти ящера. В мокрой древесине торчал острый конический зуб длиной около десяти сантиметров. Пришлось удовлетвориться им.

Гребцы заняли свои места, и мы двинулись в обратный путь. Когда плот проходил мимо вылома в тростниковых зарослях, в нос снова ударило чудовищное зловоние.

— А ведь здесь было его логовище,— заметил Джонсон.— Надо бы заглянуть туда.

Зажимая носы, мы причалили к зарослям. Джонсон первым прыгнул на болотистый берег, устланный стеблями примятого тростника.

— Ну и вонища, — пробормотал старый охотник, закрывая нос и рот платком.

Квали шагнул следом за ним. Я уже собирался последовать их примеру, как вдруг в тростниковых зарослях послышался треск.

— Стоп! — крикнул Джонсон, поднимая штуцер. Еще один тиранозавр, — мелькнуло у меня в голове. Но охотник уже опустил свое оружие.

— Скорее сети! — крикнул он. — Здесь детеныш. Попробуем взять его живьем.

По моему знаку черные воины подхватили лежащие на плоту сети и связки нейлоновых шнуров и устремились в заросли. Я последовал за ними.

Детеныш оказался почти трехметровой бестией, покрытой золотисто-коричневой чешуей. При виде окружающих его охотников он поднялся на задние лапы и приготовился прыгнуть. Но в воздухе свистнули гибкие нейлоновые лассо, и схваченный петлями молодой ящер был опрокинут на спину. Впрочем, он ухитрился разорвать часть шнуров, но тут пошли в ход сети, и мы поняли, что побеждаем. Ящер, видимо, тоже понял это. Он широко раскрыл пасть и издал тоскливый призыв, который начался свистом, а затем перешел в кваканье.

Черные охотники завыли от восторга.

— Что они так кричат? — спросил я у Квали.

— Они теперь понимай, кто был голос «злой дух».

Однако наша радость оказалась преждевременной. Откуда-то издалека, из глубины зарослей послышался ответный призыв, несравнимо более мощный — шипение и свист, смешившиеся яростным мяуканьем.

— Еще один взрослый ящер! — крикнул Джонсон. — Быстрей!..

Пока он еще далеко.

Негры удвоили усилия, и через несколько минут опутанного сетями и канатами молодого тиранозавра уже поволокли к берегу.

Снова послышались шипение и кваканье. Теперь ближе. Но детеныш не мог ответить. Его пасть была прочно закручена нейлоновым шнуром.

Еще несколько усилий — и молодой ящер был привязан к бамбуковому плоту, который мы спустили на воду и взяли на буксир.

— Полный вперед! — скомандовал Джонсон.

Гребцы яростно заработали веслами, и через несколько минут зловонное логово осталось позади.

Мы с Джонсоном стояли на корме, держа карабины наготове. Однако третий тиранозавр так и не появился. Мы еще раз услышали его голос, но теперь он звучал дальше.

Взрослый ящер удалялся в противоположную сторону. Мы вздохнули с облегчением и взглянули друг на друга. В разорванной одежде, перемазанные вонючей грязью, исцарапанные тростником, мы сами были похожи на ископаемых чудовищ. Но мы победили. И от этой мысли нам сделалось легко и весело.

Плоты уже выплывали на озеро. Мы положили карабины и крепко пожали друг другу руки. А в нескольких метрах от нас на бамбуковом плоту распласталось золотисто-коричневое тело молодого тиранозавра... Нашего тиранозавра.

Черные воины дружно взмахивали тяжелыми веслами и громко пели о нашей победе: все об одном, и каждый по-своему. А тростниковая чаща со своими обитателями все удалялась и удалялась и наконец превратилась в темную полоску на далеком горизонте.

* * *

Оранжевый шар солнца уже готовился нырнуть в туман, окутавший болота, когда наши плоты причалили к берегу невдалеке от лагеря. Мы все валились с ног от усталости, но об отдыхе нечего было еще и думать. Надо было устроить надежное помещение для нашего пленника. Решетки металлических клеток находились в главном лагере. Часть их носильщики должны были доставить завтра к вечеру. Я боялся, что решеток не хватит, и решил вызвать главный лагерь по радио. К моему удивлению, радиопередатчика на месте не оказалось. Караульные объяснили, что «говорящий ящик» забрал с собой большой белый Ух, как они называли моего заместителя.

Выходка Перси разозлила меня. Зачем ему понадобилось в пути радио? Из-за его каприза мы оказались лишенными связи. Заместитель, навязанный мне мистером Лесли Бейзом, причинял одни лишь хлопоты. Я твердо решил избавиться от него при первой же оказии и подробно написать «королю американских зверинцев» о мотивах своего решения.

Но пока надо было разместить где-то молодого тиранозавра. Невдалеке от водопада находилась глубокая узкая расщелина в скале. Стены ее были совершенно отвесны и настолько высоки, что ящер не смог бы выпрыгнуть оттуда. Большой плот разобрали на бревна и построили из них надежную решетку, прочно замкнувшую выход из расщелины. Получилось подобие треугольного колодца, две стены которого были скальные, а третья представляла собой решетчатый частокол из толстых бревен.

Бамбуковый плот с привязанным к нему ящером опустили на канатах в расщелину. Плот повис почти вертикально вдоль скалистой стены. Тогда мы освободили ящера от части сетей и веревок. Последние путы он разорвал сам и соскользнул с плота на дно расщелины. В то же мгновение мы вытащили плот наверх. Наш пленник очутился в импровизированной клетке.

Мы думали, что он начнет кидаться на стены и попробует сломать решетку из бревен, но он улегся на влажном песке в углу расщелины и лишь время от времени разевал метровую пасть и щелкал зубами. Глаза его светились в темноте зеленовато-фиолетовым светом. Мы решили, что он голоден, и бросили ему большие куски мяса антилопы. Он не шевельнулся.

— Утомлен путешествием, — устало пошутил Джонсон, и мы поплелись к своим палаткам.

Когда я проснулся, солнце было уже высоко. Первая мысль была о ящере. Не сбежал ли из клетки, не издох ли?..

— Все в порядке, — успокоил меня Джонсон. — Сожрал мясо и ждет еще. Уже пробовал прочность решетки. Пришлось снаружи навалить камней.

Позавтракав, я направился к нашему пленнику.

«Детеныш» уже не выглядел так миролюбиво, как ночью. Увидев меня, он поднялся на задние лапы и, широко раскрыв зубастую пасть, яростно зашипел. Ростом он был гораздо крупнее взрослого кенгуру.

Прыгая на задних ногах, он прижимал к груди короткие передние лапы, вооруженные длинными кривыми когтями. Голова его напоминала крокодилью, но была уже и ее украшал костяной гребень с острыми шипами. Длина челюстей достигала метра. Массивная длинная шея постепенно переходила в расширяющийся книзу корпус. Между длинными пальцами задних лап виднелись толстые перепонки. Широкий

плоский хвост служил опорой туловищу, когда пресмыкающееся поднималось на задние лапы. Это была великолепная миниатюра того чудовища, которое мы убили вчера.

Я принес с собой киноаппарат и заснял несколько десятков метров пленки. Ящер словно понимал, что надо позировать. Он прохаживался на задних лапах, легко прыгал по дну расщелины, разевал огромную пасть, как будто желая показать свои страшные зубы.

Черные охотники приволокли небольшого крокодила, которого они только что убили на берегу. Крокодила бросили в расщелину. Тиранозавр одним прыжком очутился возле него, наступил задней лапой ему на хвост и легко разорвал крокодила на куски. Через несколько минут от крокодила осталась кучка раздробленных костей, а тиранозавр улегся в тени скалы и перестал обращать на нас внимание.

— Пожалуй, надо поменьше кормить его,— озабоченно заметил Джонсон,— а то он вырастет раньше, чем вы доставите его мистеру Лесли Бейзу.

Назначив караульных для наблюдения за ящером, мы возвратились в палатку.

К вечеру носильщики должны были доставить из главного лагеря части металлической клетки. Я уже ломал голову над тем, как мы повезем тиранозавра в Бумба.

Однако ни вечером, ни на следующее утро носильщики не появились. Не было и Перси Вуффа. Мы подождали еще день, и снова безрезультатно. Из главного лагеря никто не пришел. Это становилось странным. Мне в голову лезли разные мысли. Джонсон был настроен более оптимистично.

— Куролесит парень... Пьет там с утра до утра,— ворчал он, посасывая трубку.

Я решил сам отправиться утром в главный лагерь, но поздно вечером появился Перси. С ним было только пятеро носильщиков. Они принесли немного продовольствия и ящик виски. Ни клеток, ни оборудования, которого нам так не хватало. Даже радио и теодолит остались в главном лагере. Перси был свеж и чисто выбрит. Его костюм блистал ослепительной белизной. На мои вопросы он отвечал с вежливой наглостью.

— Не взял. Решил, что не понадобится. Забыл...

Услышав, что один тиранозавр убит, а другой находится в лагере, Перси шевельнул бровью и, прервав меня на полуслове, объявил, что хочет посмотреть пойманного ящера.

Я вышел из себя и грубо изругал его.

Перси задумался, словно решая, обидеться ему или не стоит, а потом пожелал мне и Джонсону спокойной ночи и отправился смотреть тиранозавра.

Джонсон пробормотал что-то насчет заряда крупной дроби, который следовало влепить в чей-то зад, и испытующе поглядывал на меня из-под нахмуренных бровей.

— Завтра же отправлю его в Бумба, — сказал я.

— Вы с ним поосторожнее, — посоветовал старый охотник. — По-моему, он хочет спровоцировать столкновение!.. — Джонсон помолчал и неожиданно добавил: — Но в случае чего, шеф, я буду на вашей стороне.

— Завтра же его здесь не будет! — запальчиво повторил я.

— Дай-то бог, — сказал Джонсон и поднялся, чтобы идти спать.

На другое утро я объявил Перси Вуффу, что он должен немедленно ехать в Бумба, отправить корреспонденцию мистеру Бейзу и нанять пару тяжелых грузовиков, которые выедут навстречу нашему каравану. Вопреки ожиданиям, Перси не возражал.

— Сами ждите нас в Бумба.

Он молча кивнул.

Я отдал ему письма и текст небольшой статьи, в которой был описан зуб нового вида тиранозавра, обитающего в болотах Центральной Африки. Новый вид ящера был назван Tyrannosaurus beizi ritas. Статья, так же как и письма, была адресована лично мистеру Лесли Бейзу. Слово «лично» я подчеркнул дважды.

Перси спрятал корреспонденцию в полевую сумку и вежливо ждал дальнейших распоряжений.

— С вами пойдет Н'Кора, — продолжал я. — Он будет сопровождать вас до Бумба. Н'Кора знает обратную дорогу. Возьмите любой виллис и шофера с помощником. Но надеюсь, на этот раз...

— Все будет лучше, чем вы думаете, — поспешил заверить меня Перси.

Я решил, что он доволен отъездом, и успокоился.

Н'Кора я незаметно для Перси дал еще одно письмо, адресованное мистеру Бейзу с сообщением об отстранении своего заместителя. Это письмо Н'Кора должен был сам отправить из Бумба.

Затем был устроен совет, как транспортировать ящера к главному лагерю. Решено было искать путь для автомашин в объезд ущелий, пересекающих плато. Джонсон взялся разведать дорогу, а в необходимых местах устроить переправы.

Пришло время расстаться и с Квали. Молодой негр сделал для экспедиции гораздо больше, чем первоначально обещал. Он уже несколько раз напоминал мне, что в Нгоа — его родном селении — его ждут «важные дела».

Сразу же после совета, в котором Квали принимал активное участие, я собрал черных воинов, чтобы торжественно вручить Квали карабин, о котором он так мечтал.

Я передал Квали заработанные деньги и уже протянул карабин и кожаный патронташ, набитый патронами, когда к нам протиснулся Перси Вуфф.

— Вы, кажется, хотите дать этому негру огнестрельное оружие,— громко заявил он.— А вы знаете, против кого он обратит его?

— Не знаю и знать не хочу,— резко сказал я.— Я выполняю свое обещание. То, что Квали сделал для нас, не может быть компенсировано никакой платой. А как он воспользуется карабином,— его дело. Здесь он у себя дома...

— Я считаю долгом серьезно предостеречь вас,— прищурился Перси.— Здесь бельгийская территория. Вы навлечете на экспедицию серьезные неприятности. Когда узнают — поднимется шум.

— Никакого шума не будет, если, конечно, никто из присутствующих не захочет поднять его. За этих негров я ручаюсь, за себя и Джонсона тоже, значит...

— Я протестую! — крикнул Перси.— Как белый человек протестую! Это преступление!

Квали переводил встревоженный и недоумевающий взгляд с меня на карабин и с карабина на Перси.

Черные воины начали перешептываться.

— Знаете что, идите подобру-поздорову,— тихо сказал я Перси.— Если не хотите шума здесь, сейчас. А он будет не в вашу пользу...

— Этот карабин — имущество экспедиции...— продолжал настаивать Перси.

— Хорошо,— сказал я, передавая карабин стоящему рядом Джонсону.— Имущество экспедиции останется нетронутым.

Квали сделал шаг вперед и с отчаянием заглянул мне в глаза.

Я круто повернулся, прошел в свою палатку и через несколько секунд возвратился, держа в руках свой собственный десятизарядный карабин с серебряной насечкой на темном прикладе.

— Бери,— сказал я, протягивая карабин Квали. Негр замотал головой, еще не веря, что я отдаю ему свое оружие.

— Бери,— повторил я.— Он твой.

Джонсон усмехнулся.

— Смеется тот, кто смеется последним,— мягко сказал Перси.— Самым последним, мистер Джонсон,— и он повернулся, чтобы уйти.

Квали прерывисто вздохнул и осторожно принял из моих рук карабин.

— О, начальник,— прошептал он.— О!.. Квали... Спасибо.

Я протянул ему руку, и мы обменялись крепким рукопожатием. Теперь мы заключили союз взаимопонимания.

* * *

Через час Перси Вуфф с Н'Кора и Джонсон с десятью черными воинами покинули лагерь. Они должны были идти вместе до первого ущелья. Оттуда Перси и Н'Кора пойдут напрямик к главному лагерю, а Джонсон отправится отыскивать объезд для автомашин. Квали исчез раньше. Я даже не успел спросить у него, совсем ли он покидает лагерь.

Перси перед уходом вежливо простился со мной. Мы стояли над расщелиной, в которой ящер пожирал очередного крокодила. Перси глянул на него, перевел взгляд на меня, усмехнулся, пожал плечами и сразу ушел.

В лагере стало тихо. Негров я послал добыть еще одного крокодила для нашего пленника, а сам занялся проявлением кинопленки. Потом устроился в тени и начал записывать в полевой дневник события последних дней. Я успел подробно описать охоту на тиранозавров, вид ящеров и их повадки, когда пришел посыльный от Джонсона.

В коротенькой записке охотник сообщал, что они нашли обходной путь, но через одно из ущелий придется построить мост. Джонсон просил прислать ему в помощь всех

свободных негров и обещал, что послезавтра к вечеру машины будут в лагере у водопада.

Я отправил всех черных воинов в распоряжение Джонсона. В лагере со мной остался только М'Гора, который должен был присматривать за ящером и готовить ужин.

Все шло как нельзя лучше. Я радовался, что завтра или послезавтра мы сможем двинуться в обратный путь, испытывал огромное удовольствие от мысли, что не надо еще раз лезть в проклятые тростники, думал о возвращении на родину. Я вернусь в Польшу как первооткрыватель современных тиранозавров.

Мысленно я уже строил планы новой экспедиции в страну динозавров. Это должна быть хорошо оснащенная международная экспедиция зоологов и палеонтологов. Придется захватить с собой моторные лодки и вертолеты.

Чьи-то шаги прервали мои размышления. Я поднял глаза и увидел... Перси Вуффа. Его правая рука была замотана полотенцем.

— Пришлось возвратиться, — поспешно сказал он. — Меня укусила змея. Помогите.

Я быстро поднялся. В тот же момент страшный удар в челюсть свалил меня с ног. Я потерял сознание.

Придя в себя, я почувствовал, что не могу пошевелиться. Лежу на койке, связанный по рукам и ногам. Перси сидит у стола. Перед ним — недопитая бутылка виски. Возле бутылки на столе — мой пистолет.

Заметив, что я очнулся, Перси тяжело встал и подошел ко мне.

— Профессору лучше? — его голос звучал почти ласково. — А я боялся, что удар был слишком силен.

— Что все это значит? — прошептал я.

— Я считал вас интеллигентнее, — Перси тихо засмеялся. — Охотник за динозаврами!..

— Вы сошли с ума, — крикнул я. — М'Гора, ко мне!

— Только без глупостей, — прошипел Перси. — Зачем шуметь!.. — Он сунул мне в рот какую-то тряпку.

Однако черный воин слышал мой голос и появился у входа в палатку. Перси что-то крикнул ему на местном наречии. Подумать только, а я и не подозревал, что этот мерзавец знал язык банту. Страшная догадка мелькнула в моей голове. Негр переводил удивленный взгляд с меня на Перси и опять на

меня. Перси резко повторил приказание. Негр повернулся и побежал куда-то. Перси неторопливо взял со стола пистолет и выстрелил, почти не целясь. Черный воин без звука ткнулся лицом в траву.

— Вы сами виноваты, профессор,— сказал Перси, вырывая у меня изо рта тряпку.— Его я убивать не собирался. Впрочем, меня утешает мысль, что это пришлось сделать из вашего пистолета.

— Подлец,— крикнул я.— Что тебе нужно?

— Я зарабатываю свои пятьдесят тысяч долларов,— мягко сказал Перси.— Я мог бы проще разделаться с вами: например, столкнуть в яму к тиранозавру сегодня утром,— он замолчал, желая убедиться, какое впечатление произвели его слова.— А ведь неплохая мысль? — продолжал он, и в его бесцветных глазах засветились красноватые искры.— Впрочем, мы еще побеседуем на эту тему, не правда ли?..

Я молчал, мучительно ища выхода. В лагере нас только двое. Джонсон в двадцати километрах, и, кто знает, не ловушкой ли была его записка. Может быть, они сговорились? Неужели я обречен?.. Или он хочет поторговаться со мной?..

— Однако вы изменились в лице, профессор,— зазвучал снова вкрадчивый голос Перси.— Вы совершенно правы; никто не придет вам на помощь. Эта старая обезьяна Джонсон слишком глуп и... порядочен. Когда я осторожно намекнул ему в Бумба... О!.. Как он окрысился? Я едва успокоил его. Ричардс был более деловым человеком. Правда, он захотел иметь слишком много... За вас, профессор, мистер Лесли Бейз заплатит мне всего пятьдесят тысяч долларов,— Перси вздохнул.— Он будет иметь сто пятьдесят тысяч чистой прибыли и, главное, сохранит в тайне место, где водятся тиранозавры. Для торговца редкими животными такое место — сущая Голконда. А вы, профессор, обязательно разболтали бы о нем в своих дурацких статьях. Вот и этот наглец Ричардс тоже был упрям... Он пожелал иметь сто тысяч только за одну фотографию. Разве чех стоит дороже поляка? — Перси рассмеялся.— Вы ведь и не подозреваете, дорогой профессор, каким путем Ричардс добыл фотографию ящера. Вас было немало — охотников за динозаврами!..

— Мне все известно! — крикнул я, зная, что рискую немногим.— Чех убит Ричардсом в нескольких километрах отсюда.

А тебя, бандит, арестуют в первом же городе Конго, в котором ты появишься.

Перси нахмурился.

— Вы действительно пронюхали кое-что,— задумчиво сказал он.— Только насчет меня вы врете. Улик нет и не будет... Мистер Лесли Бейз знал, кому поручить это дело... Кроме того, я везучий. Лев облегчил мне работу. Он только чуть поторопился. Ричардс был чертовски упрям, поэтому и унес тайну с собой. Он потребовал миллион за то, что покажет это болото с тиранозаврами. Миллион, представляете! Если бы не лев, с Ричардсом тоже пришлось бы расстаться, но чуть позже... Он хотел слишком многого, да еще требовал задатка. Вы, впрочем, задатка не требовали, но вы хотели написать толстую книгу... А мистеру Бейзу эта ваша книга совсем ни к чему... Между прочим, вашу подпись под статьей я поместил в красивую траурную рамку и сделал соответствующую приписку. И в конверте, который вы дали Н'Кора, уже лежит мое письмо с просьбой перевести мои пятьдесят тысяч на банк в Кейптауне.

— Палач, ты убил и Н'Кора?

— Фи, профессор, вы слишком плохого мнения обо мне. Я не убиваю без крайней необходимости. Н'Кора уже трясется на виллисе. Я отдал ему всю корреспонденцию. Это славный парень. Он подохнет, но доставит ее в сохранности на почту. И как он любит вас! Он прыгал от радости, когда я объявил, что возвращаюсь помочь вам, а ему надо ехать в Бумба одному. И Квали вас любит... А между прочим, не кто иной как Квали виноват в том, что с вами произойдет. Если бы он не показал пути сюда, а этот путь знал еще только покойный Ричардс, вы могли бы погулять по белому свету, профессор. Едва ли нам с вами удалось бы поймать ящера там, где мы его вначале искали. Но этому Квали я отплачу... за вашу безвременную кончину. Белые не любят негров с карабинами.

Перси продолжал развязно болтать. Я и не подозревал раньше, что он такой краснобай. Мне начало казаться, что за этой болтовней что-то кроется, что он еще не сказал самого главного. Может быть, не все для меня потеряно? Но, с другой стороны, зачем ему было раскрывать все карты?.. Или это игра кошки с мышью?

Вдруг я вспомнил, что в заднем кармане брюк у меня лежал складной нож. Мои руки были скручены за спиной, но

пальцы оставались свободными. Я начал перебирать ими и дотянулся до заднего кармана. Нож был там. Несколько бесценных секунд ушло на то, чтобы зацепить нож пальцем. Наконец, я зажал его в ладони. Теперь надо было открыть лезвие. Это оказалось несложным. Я чуть шевельнулся. Перси бросил на меня внимательный взгляд, но не заметил ничего подозрительного. Он потянулся к бутылке и налил себе виски.

Я уже не слышал того, что он бубнил. Думал только о веревке, стягивающей мои руки. Удастся ли ее перерезать? Я весь дрожал от напряжения. Наконец веревки ослабели. Кисти рук были освобождены. Я шевельнул локтями и почувствовал, что руки свободны. Я крепко сжал рукоятку ножа. Правда, это был простой охотничий нож, но другого оружия у меня не было. Мои ноги были крепко скручены. Я не мог рассчитывать одним прыжком очутиться возле стола, на котором лежал пистолет. Надо было ждать, чтобы Перси отвернулся. Но он заподозрил неладное. Прервал на полуслове свою болтовню и поспешно шагнул ко мне, не сводя взгляда с моего залитого потом лица.

— Вам, кажется, неудобно лежать, профессор, — начал он и хотел попробовать рукой ослабевшие веревки.

В тот же момент я изо всех сил ударил его связанными ногами. Он тяжело рухнул на пол, увлекая за собой стол. Треснул палаточный пол, и упавшая палатка прикрыла нас.

Этих нескольких секунд оказалось достаточно, чтобы я перерезал веревки на ногах и выскользнул из-под брезента. Но и Перси успел подняться на ноги. Он не мог распрямиться; лицо его было перекошено от боли, но в руке у него был пистолет.

— Вот что ты задумал, — прохрипел он, делая шаг по направлению ко мне. — А я еще хотел избавить его от мучений. Ну, теперь я прострелю тебе ноги и брошу живьем к твоему ящеру. Ха-ха-ха! — он поднял пистолет: — Смеется тот, кто смеется...

Последнее слово заглушил выстрел. Он показался мне удивительно далеким. Странно, я даже не почувствовал боли и продолжал крепко сжимать рукоятку ножа. И вдруг я заметил, что выражение лица Перси резко изменилось. В его глазах застыло величайшее изумление, и он медленно повалился навзничь.

Я оглянулся. Ко мне бежал Квали с карабином в руках.

* * *

Я дописываю эти строки в санатории в польских Судетах. Сейчас весна. В открытое окно заглядывает свежая листва молодых берез. Вдали, за цветущими садами и красными черепичными крышами, белеет красавица Снежка. По возвращении на родину товарищи поместили меня в этот санаторий, и я живу здесь уже несколько месяцев.

Я много думал... В пустынных аллеях старого парка и за письменным столом своей маленькой комнаты снова и снова переживал события последних лет.

Разумеется, я не мог поступить иначе. Мое место здесь, только здесь — на польской земле, которая так гостеприимно встречает меня после многих лет разлуки. Я понимал это и раньше. Заговор, жертвой которого я чуть было не стал, лишь ускорил давно созревшее решение. Мистер Лесли Бейз, мы с вами враги... Мы существа разных миров — мира людей и мира динозавров. Вам нужна была Голконда. Открыв ее для вас, я должен был умереть...

Первые недели после возвращения меня одолевали кошмарные сны. Среди них чаще всего повторялся один: элегантный мужчина с брюшком и золотыми зубами заходил в мою палату. Он подходил к светлому прямоугольнику, нарисованному луной на паркете, и я узнавал мистера Лесли Бейза. Он предлагал заключить контракт, уговаривал, шептал о деньгах и вдруг незаметно превращался в тиранозавра. Чудовище надвигалось, раскрывало яростную пасть; я пытался убежать, звал на помощь... Потом появлялся Квали, он прогонял отвратительную бестию, успокаивал меня, брал за руку и уводил на берег реки, поил прозрачной холодной водой. Все растворялось в тумане, и я видел дежурную сестру со стаканом в руках. Эти сны больше не возвращаются. Скоро я еду в Краков; там меня ждет работа.

И в далеком Конго все меняется. Бельгийцы уходят оттуда. Скоро народ Квали станет свободным.

Я часто думаю о Квали. Тогда, в тот страшный день мы заключили с ним союз братства над телом застреленного Перси Вуффа. Решение пришло сразу, и оно было непоколебимым. Нам с Квали достаточно было одного взгляда, чтобы понять друг друга. Наш уход из мира динозавров должен прозвучать

как вызов этому миру. Мы не вернемся тем путем, которым пришли сюда. И мистер Лесли Бейз никогда не получит своего ящера. Последняя работа палеонтолога Збигнева Турского в мире динозавров останется неоконченной.

Я написал коротенькую записку Джонсону. Может быть, старый охотник даже и не понял ее. Затем мы закопали тело М'Гора. К трупу Вуффа мы не прикоснулись.

Потом приступили к самому главному. Я вложил несколько патронов динамита между бревнами, закрывающими выход из расщелины, поджег шнур. Мы с Квали укрылись за скалами. Грохнул взрыв. Выход из расщелины был открыт. Мы ждали. Прошло несколько минут, и тяжелые прыжки чудовища известили нас, что ящер на свободе. Словно огромная лягушка, он поскакал к реке, тяжело плюхнулся в воду и, распугивая крокодилов, поплыл в сторону озера.

Мы положили в рюкзаки немного продовольствия. Я сунул туда же кинопленки, дневники и зуб тиранозавра, и мы ушли на север, в джунгли. Настала ночь, и откуда-то издалека донесся насмешливый хохот. Квали остановился и прислушался.

— Гиена смеется, — сказал он. — Наверно, над Перси Ух...

Гиены все-таки смеялись последними.

Через неделю мы добрались до берегов Убанги. Смастерили плот и на нем попытались переправиться на северный берег. На середине реки, подхваченный быстрым течением плот развалился. Нам удалось выплыть из быстрины. Квали даже сохранил свой карабин, но рюкзак с пленками и зубом тиранозавра стал добычей Убанги.

Вдоль берега мы добрели до французского поста, и тут пришло время расстаться. Прощание было кратким.

— Куда пойдешь? — спросил Квали.

— К себе домой. В Польшу. У меня там много дел. А ты куда пойдешь?

— И я домой. У меня тоже много дел.

— Прощай, Квали!

— Прощай, брат мой! Приезжай опять Конго, когда мой страна станет свободной.

— А когда? — спросил я.

— Скоро. Квали идет делать это.

Он легко прыгнул в пирогу, и черный собрат повез его на южный берег Убанги.

Через несколько дней меня самолетом доставили в Конакри. Там я встретился с Барщаком. А затем — теплоход, Гдыня, Варшава... Теперь все это позади. На столе свежий американский журнал. В нем напечатана заметка о зубе Tyrannosaurus beizi ritas. Фамилия автора обведена траурной рамкой. Внизу примечание, что профессор Турский трагически погиб в когтях современного хищного ящера. В редакцию журнала уже отправлено письмо с кратким извещением, что профессору Турскому удалось спастись из когтей современных хищных ящеров. А в редакцию геологического журнала в Варшаве отослана объемистая статья. В ней описан неизвестный людям Земли исполинский прыгающий ящер — страшный хищник, сохранившийся до наших дней в болотах Экваториальной Африки.

А еще передо мной лежат исписанные листки — наброски планов новой экспедиции в страну динозавров. Надо только подождать немного, пока народ Квали разделается со своими недругами...

ПЛЕННИК КРАТЕРА АРЗАХЕЛЬ

Записи в бортовом журнале

Сознание возвращалось медленно. Сначала возникло ощущение тишины и мрака. Потом я почувствовал свое тело... Где я и что со мной? И, собственно, кто я? Появилось чувство, похожее на удивление... Я не знаю, кто я? Вероятно, был болен или ранен?.. А может — автомобильная катастрофа? Удивление сменяется страхом. Решаюсь шевельнутся, и это удается удивительно легко. Подношу руку к голове и ощущаю выпуклое стекло шлема. На мне шлем? Когда-то уже было такое...

В памяти всплывает вереница серебристых самолетов. Влажный бетон взлетной полосы. Смуглое суровое лицо с синеватым шрамом на щеке — командир нашей эскадрильи... Я облегченно вздыхаю. Теперь знаю, кто я. Я военный летчик морской авиации Штатов Джон Смит. Вечером мы вылетели бомбить отступающие колонны фашистов. Меня сбили возле Руана по нашу сторону фронта. Надо лежать и ждать, пока разыщут. Ночь скоро пройдет...

Некоторое время лежу спокойно. Потом вспоминаю о стрелке-радисте. Что с парнем? Шарю в темноте...

Нет, это не тесная кабина самолета. Вокруг пустота. Пальцы натыкаются на эластичную гладкую поверхность, нащупывают обрывки проводов... Потом это — шероховатый кусок пористого камня. Не вижу его, но хорошо знаю, что это базальт со дна Тихого океана. Он находился в герметически закрытом футляре из прозрачного аллофана. Я часто глядел на темный пористый камень и думал... О чем я думал? Никак не могу вспомнить, и снова возвращается беспокойство...

Кажется, Джона Смита не интересовали базальты, когда он был летчиком морской авиации... Был?.. А почему «был»? Значит, я уже не летчик? Мысли снова начинают путаться. Может быть, это — сон? В госпитале после ранения меня часто одолевали кошмары. Стоп, теперь я твердо знаю, что я не на фронте. Фронт — это было давно...

«Леди и джентльмены, через несколько месяцев мир будет отмечать годовщину окончания мировой войны. К этой дате мы приурочим...»

Удивительно знакомый голос!.. Я уверен, что слышал его совсем недавно... Голос и кусок базальта... Базальт держу в руке. Странно, что камень без футляра. Неужели аллофановый футляр разбился? Невозможно... Он был чертовски прочен — этот аллофан.

«Леди и джентльмены, тут все предельно прочно. Сто процентов безопасности»...

Опять в моих ушах звучит тот же голос. О чьей безопасности идет речь? О моей — Джона Смита? Однако со мной что-то случилось. И, по-видимому, что-то более серьезное, чем казалось вначале. Надо постараться понять, что именно...

Пытаюсь привстать, поворачиваю голову... Слава создателю, слева отчетливо видна неяркая красноватая точка. Свет! Первый свет во тьме. Я напряженно всматриваюсь, не растворится ли красноватая искра в черноте окружающего пространства. Нет, она светится ровно, не мигая. Что это — глазок прибора или далекая звезда? И какое расстояние разделяет нас: метр, десятки километров или световые годы?.. Не все ли равно. Я вижу... Теперь у меня есть цель. Поползу туда...

Осторожно приподнимаюсь. Каким удивительно легким кажется тело!.. Делаю несколько движений. Под локтями и коленями хрустят осколки. Откуда столько осколков? Осторожно отгребаю их со своего пути. Пальцы натыкаются на что-то... Неужели я не один в этой тьме!? Рука инстинктивно отдергивается.

«Смелее, Джон Смит! Ведь ты уже вспомнил, что был летчиком морской авиации. Смелее, и ты вспомнишь все остальное»...

Я снова вытягиваю руку: маленький узкий каблук, согнутое колено, эластичная ткань скафандра, тонкие окостеневшие пальцы обнаженной руки. Они холодны, как металл.

Трясущимися руками поворачиваю неподвижное тело. Пытаюсь найти крепления шлема. Но шлема нет. Руки натыкаются на пряди длинных волос.

«Кэтрин?.. Кэтрин Милс здесь?!»..

И тогда вспоминаю все...

* * *

Это произошло совершенно неожиданно... Арчи уже произвел основное торможение. Ракета легла на орбитальный курс. Я не отрывал взгляда от экрана внешнего телевизора. В двадцати километрах под нами плыли горы неведомого мира. Сотни поколений ученых мечтали проникнуть в тайны этого каменного хаоса...

Ступенчатые желто-белые плоскогорья, обведенные каймами густых теней, спускались к плоским ярко-желтым низменностям, похожим на песчаные пустыни. Гладкая поверхность пустынь с непостижимой быстротой сменялась горами. Цепи сверкающих пиков проплывали внизу. По их исчерченным трещинами склонам быстро скользила маленькая сигарообразная черточка — тень нашего «Атланта».

Горизонт, несмотря на значительную высоту полета, казался совсем близким. Ослепляюще белые гребни высоких гор поднимались там в черное небо и отбрасывали к подножиям зубчатые фиолетово-черные тени. «Атлант», не сбавляя скорости, несся вперед, и горы словно никли, плывя навстречу; а на смену им из-за горизонта появлялись все новые и новые исполинские нагромождения камня. Это был невообразимый фантастический узор яркого света и непроглядной тени — вздыбленная и растресканная поверхность планеты, пережившей чудовищные катаклизмы минувших эпох.

В шлемофоне посадочного скафандра прозвучал хрипловатый голос Арчи:

— Внимание, слева по курсу кратер Арзахель. Иду на посадку. Включить амортизацию кресел.

Один поворот рычага амортизатора, и кресло словно исчезает. Кажется, что повис в пустоте. Но уже в следующее мгновение пустота становится упругой, и нарастающая сила вдавливает в нее ослабевшее тело.

Дышать трудно. Изображение на телеэкране утратило резкость, а может быть, просто потемнело в глазах.

Мелькнула затуманенная мысль: «Последнее торможение... Садимся»...

Я еще успел разглядеть на экране медленно поворачивающийся горизонт, мохнатый край бело-фиолетового солнечного диска в звездном небе, кольцо черно-белых обрывов. Кольцо быстро надвигалось снизу, окружая корабль исполинским зубчатым частоколом. На затененной стороне частокола мелькнули глубокие расщелины, казалось, доходившие до подошвы кольцевого хребта. Затем на экране телевизора появилась металлическая конструкция, похожая на ногу гигантского кузнечика.

«Арчи выпускает наружные стабилизаторы,— слышу в шлемофоне задыхающийся от волнения голос Кэтрин.— Садимся, Джон, садимся... Первые люди...»

Дальше случилось что-то непонятное. Резкий удар сотряс металлический корпус корабля. Все вокруг завертелось, как в стремительном водовороте. Ярко полыхнул и погас экран. Многотонная тяжесть сдавила грудь. Я почувствовал, что задыхаюсь. Грохот ударов, треск, скрежет...

Откуда-то издали донесся крик Кэтрин: «Джон... Арчи... А-а-а!..»

Потом все заглушил захлебывающийся вой моторов. Вероятно, Арчи пытался выровнять ракету. Рывок чудовищной перегрузки, удар, снова рывок...

Странно, что я еще жив...

Струя осколков какого-то прибора полоснула по стеклу шлема. Приборы уже не выдерживают, а люди... Последний удар был наиболее сильным. Мелькнула мысль, что корпус корабля разламывается на части. Неодолимая сила вырвала меня из кресла и швырнула в пустоту...

* * *

18 марта

Я — геолог Джон Смит, единственный оставшийся в живых участник первой лунной экспедиции, продолжаю записи в бортовом журнале космического корабля «Атлант». Наш корабль потерпел аварию при посадке на дно кратера Арзахель. Мои спутники — командир «Атланта» летчик-космонавт подполковник Арчибальд Шервуд и астрофизик доктор

Кэтрин Милс погибли. Причина аварии мне неизвестна. Ракета лежит почти горизонтально. Пульт управления сильно деформирован. Я не смог извлечь изуродованный труп командира корабля из-под обломков контрольных щитов. Тело Кэтрин поместил в холодильную камеру. На нем не видно наружных повреждений. Вероятно, не выдержало сердце... Сам я отделался пустяками — ушибы, небольшая ссадина на виске. Ракета пострадала очень сильно.

Мне удалось включить аварийные аккумуляторы. Беглый осмотр внутренних помещений показал, что наш «Атлант» останется на Луне навсегда. Разрушена командирская рубка, радиостанция, генераторы тока, большая установка для кондиционирования воздуха. Вышли из строя многие приборы, главное счетно-решающее устройство — электронный мозг ракеты, оборудование лабораторий. Менее всего пострадали жилые кабины. Аварийная установка воздухообмена действует. Если корпус ракеты уцелел и не будет утечки воздуха, мне обеспечено от трех до четырех месяцев жизни в металлическом гробу, которым стал для всех нас «Атлант». В тамбуре выходного люка есть еще два баллона с жидким кислородом и сгущенный кислород в баллонах трех наружных скафандров. В сумме это может оттянуть конец еще на месяц-полтора. Итак — от четырех до пяти месяцев — четыре-пять лунных дней и четыре ночи. Это не много для человека, которому едва перевалило за четвертый десяток, но и не так уж мало для исследователя, впервые очутившегося на Луне. Впрочем, еще неизвестно, стану ли я исследователем неведомого мира, который простирается за стальными стенами «Атланта». Механизмы внутреннего люка заклинило при аварии, и я даже не смог проникнуть в тамбур, где находятся скафандры.

Если удастся открыть выходные люки и выбраться наружу, прежде всего я должен буду водрузить звездный флаг над каменной пустыней. В инструкции экипажу «Атланта» подъем флага — это параграф первый. Флаг — символ завоевания... Но я не завоеватель. Я — Робинзон. И флаг для меня лишь символ далекой родины.

19 марта

Вчера вечером завершил осмотр внутренних повреждений корабля. Слишком многое не выдержало космических

испытаний. Генерал Першинг, конечно, преувеличивал, когда говорил членам сенатской комиссии о стопроцентной безопасности полета. Это ни для кого не было секретом, и в первую очередь для нас — экипажа «Атланта». Но чтобы важнейшие узлы корабля были смонтированы так небрежно!.. Вся радиоаппаратура вышла из строя только потому, что не выдержали крепления щитов. Металл креплений оказался слишком хрупким. Уцелей хоть один щит, повреждения передатчиков не были бы так серьезны. А установка для кондиционирования воздуха! Когда я понял, что с ней произошло, мне стало ясно, что она легко могла отказать еще при старте. А эта установка — легкие корабля, от ее исправности зависит судьба экспедиции...

Я снова вспомнил слова генерала Першинга: «Тут все предельно прочно! Безопасность — сто процентов».

Эти слова сейчас показались мне почти насмешкой. Ведь генерал был председателем правительственной комиссии, принимавшей «Атланта» и его оборудование...

Сегодня утром удалось открыть люк, ведущий в выходной тамбур. В тамбуре леденящий холод. Воздух просачивается наружу через внешний люк. Кислородный баллон одного из скафандров оказался пустым — у него был неисправен кран. Значит, в моем распоряжении только два выходных скафандра с резервными баллонами... Все попытки открыть наружный люк оказались безуспешными. Либо деформирован корпус ракеты, либо она попала в какую-то расщелину и заклинена в ней. В обоих случаях я не смогу покинуть стальной гробницы, в которой похоронен.

До конца первого лунного дня остается семь земных суток. Я веду счет времени по земным часам. Удивительно, что уцелели почти все часовые механизмы, находившиеся на «Атланте». До сих пор еще тикают маленькие золотые часики на руке бедной Кэтрин...

20 марта

На Земле, конечно, уже поняли, что с нами что-то случилось. Последнее сообщение было послано с «Атланта» четверо суток назад сразу после основного торможения и выхода на круговую лунную орбиту. Выполнит ли генерал Першинг свое

обещание?.. Монтаж резервной ракеты должен быть закончен в конце марта. Значит, майор Кросби со своим экипажем может стартовать в начале апреля. В первой половине следующего лунного дня он должен быть здесь. Весь вопрос в том, захотят ли они рисковать второй ракетой после неудачи «Атланта». Старт «Атланта» сохранили в тайне. Первую информацию о полете собирались дать после нашей радиограммы о благополучном прилунении... Эта радиограмма на Землю не поступила...

Сегодня все утро орудовал у выходного люка. Утечка воздуха через тамбур продолжается. Пришлось закрыть дверь, ведущую в тамбур, и работать в кислородной маске. В тамбуре адский холод. Выходной люк словно приварило к корпусу корабля. Конструкция запоров очень сложна. Несколько часов провозился впустую.

Вторую половину дня занимался уборкой во внутренних помещениях. Все обломки перетащил в коридор, ведущий к командирской рубке. Дверь в рубку я еще позавчера закрыл навсегда. Там могила Шервуда. Мы с ним вместе воевали в Нормандии. После войны наши пути разошлись. Я стал геологом, а он — летчиком-испытателем, потом космонавтом. Снова встретились за несколько месяцев до старта «Атланта». Быть может, мы уже не разлучимся больше...

Сегодня мне удалось спаять разорванные воздухопроводы, ведущие в капитанскую рубку. Я продул рубку сжатым азотом. В атмосфере азота тело Шервуда должно сохраниться. Когда нас найдут здесь, Шервуда увезут на Землю и с воинскими почестями похоронят в родной Неваде...

Если они задержат вылет Кросби, нас могут разыскать русские. Я слышал, что русские планировали полет первой лунной ракеты с людьми этим летом. Першинг хотел опередить их... Теперь русские, может быть, ускорят свой полет, узнав о нашей аварии.

21 марта

Сегодня ночью проснулся от сильного толчка. Мне показалось, что «Атлант» сдвинулся с места? Я долго лежал и прислушивался. Потом включил свет и обошел помещения. Как будто все в порядке. Температура нормальная, аппарат

воздухообмена работает. Но толчок все-таки был. Флакон с тушью, который я оставил открытым на столе, опрокинулся, и тушь залила лунную карту. Все утро снова провозился у выходного люка и опять безрезультатно. Кажется, я уже начинаю привыкать к «космическому» холоду тамбура.

После обеда решил проверить содержимое кладовой. Здесь всего с избытком. Вероятно, хватило бы года на три. С запасами питьевой воды хуже. Но на отведенное мне время хватит... Удалось отремонтировать один из небольших приемников. Он заработал, но кроме шорохов и свиста Космоса ничего не слышу. Либо что-то не так подключил, либо для земных передач он слишком слаб. Если бы удалось услышать Землю!..

23 марта

Сегодня на Земле день весеннего равноденствия — поворот к новому лету. А здесь до конца первого лунного дня остается еще трое земных суток. Не бросаю попыток открыть выходной люк, но пока ничего не получается. Если бы не особый состав стали, из которой сделан корпус корабля, я попробовал бы вырезать запоры люка автогеном. Все равно утечка воздуха из тамбура есть, и воздух внутри корабля сохраняет лишь дверь люка, ведущего в тамбур. Однако автогенный аппарат, имеющийся в моем распоряжении, бессилен против панциря «Атланта».

Вчера подробно описал свои переживания во время нашего неудачного прилунения. Вложу эти листки в бортовой журнал. Записи в бортовом журнале буду вести до последнего часа пребывания на «Атланте» — каким бы он ни оказался — этот последний час...

Иногда одолевают сомнения... Что, если генерал Першинг считает нас всех погибшими, и вылет Кросби отложен надолго? Неужели и мне суждено окончить жизнь в этом стальном капкане, заброшенном в кратер Арзахель...

Я все думаю о ночном толчке. Неужели лунотрясение? Сколько нового можно узнать, выйдя наружу. Какая насмешка судьбы! Находиться менее чем в метре от неведомого удивительного мира и не иметь возможности вступить в него. Даже, быть может, не увидеть...

25 марта

Люк все не удается открыть, а из приемника ничего не слышно, кроме треска. Завтра должно зайти солнце. Начнется четырнадцатидневная лунная ночь... Что происходит сейчас на Земле? Узнали ли люди о нашем полете? Готовит ли Першинг спасательную экспедицию? Если о полете стало известно, общественное мнение может принудить генерала и сенатскую комиссию послать вторую ракету. И русские наверняка попытаются что-то сделать...

Сейчас, когда записывал эти строки, явственно почувствовал легкую дрожь стола. Я поспешно прошел в тамбур. Коснулся рукой наружной стенки. Стенка слегка вибрировала. Что означают все эти сотрясения? Они не могут быть связаны со смещениями «Атланта». Значит — дрожь лунной поверхности? Все еще не могу поверить, что это знаки лунотрясений!..

Дрожь вскоре утихла и больше не повторялась. Среди оборудования нашей лаборатории были два портативных сейсмографа. Один из них при аварии разбился вдребезги. Второй, может быть, удастся отремонтировать. Займусь этим завтра после очередного «сеанса» у выходного люка. Я орудую в тамбуре у люка ежедневно два-три часа с небольшим перерывом для обогрева. В тамбуре очень тесно; работать приходится без скафандра, а мороз там сорок-сорок пять градусов. Вероятно, выходной люк находится в тени скалы или обрыва, и солнечные лучи к нему не проникают. А быть может, вся ракета лежит в тени или попала в глубокую трещину... Догадки, одни догадки!.. Люк надо открыть любой ценой.

27 марта

Вчера ночью я долго не мог уснуть. Думал о Земле. Наверное, она светит сейчас над останками «Атланта»... Как она далека и недоступна! Как трудно представить, что все осталось там, среди звезд: и небо с облаками, к которому привык с детства, и ласковое тепло земного солнца, зеленый сумрак лесов, немолкнущие шорохи моря, суетливые дымные города...

Все, абсолютно все там... Здесь нет ничего, кроме холода, пустоты, мрака. Любая из земных пустынь — оазис жизни по сравнению с миром, куда заброшен «Атлант».

Люди Земли, вы даже не подозреваете, какими сокровищами владеете, если можете распахнуть окно и слушать, как шуршат капли дождя среди листьев жасмина; если можете встречать каждый солнечный восход и вдыхать горьковатый запах трав, доносимый вечерним ветром. В повседневности мелочных забот мы забываем о самом главном, Земля, забываем, что мы — дети твои, рожденные и хранимые тобой, и что у нас нет ничего ближе и дороже, чем ты. Это так просто, а понять и оценить все это можно только из черной бездны Космоса...

В первые дни заточения в останках «Атланта» я пытался утешать себя мыслью, что я — одинок. Моих близких унесла война. Кроме двух-трех приятелей, никто не ждет моего возвращения и никто не станет проливать слез, узнав, что Джон Смит не вернется. Другое дело — Шервуд, у него осталась на Земле большая семья, или бедная Кэтрин — ее ждут мать и, кажется, жених. А что я?..

Но вот минувшей ночью, думая о Земле, я вдруг понял, что совсем не одинок. Ведь у меня есть четыре миллиарда близких — друзей и родных, с которыми я связан нерасторжимыми узами чувств, мыслей, желаний, надежд, связан до последнего шага, до последнего дыхания... Люди Земли, вы все — близкие мои... Я был бы счастлив встретить и обнять каждого, да-да, каждого из вас — четырех миллиардов обитателей моей планеты!

Кое-кто из членов сенатской комиссии и сам генерал Першинг будут, конечно, шокированы, если прочитают когда-нибудь мои записи... Джентльмены, эти слова обращены не к вам, хотя именно от вас зависит мое спасение... Вас так ничтожно мало! Я обращаюсь сейчас к простым людям Земли — фермерам Оклахомы и Айовы, рыбакам Нормандии, скотоводам Австралии, инженерам и рабочим Советской России, ко всем, кого я знаю и кого не знаю, ко всем от папы римского до последнего чистильщика сапог. Да-да, извините, Першинг, я не делаю исключения и для старого негра Навуходоносора Гоппе, который каждое утро доводит до зеркального блеска носки ваших генеральских штиблет...

День не принес ничего нового. День — это по моим часам. За стальными стенами «Атланта» — ночь, и она продлится до 8 апреля. Неужели мне так и не удастся выбраться наружу?

А часы на руке Кэтрин все идут...

29 марта

Вчера кончил налаживать сейсмограф. Установил его в уцелевшем отсеке лаборатории. Лента рассчитана на двое земных суток. Посмотрим, что покажет запись... Последние дни часто ловлю себя на том, что разговариваю вслух во время работы. Скверный знак. Надо следить, чтобы это не вошло в систему. Так недолго и свихнуться... Во что бы то ни стало я должен отворить люк и выйти наружу, хотя бы это лишило меня половины оставшегося в моем распоряжении воздуха.

31 марта

Потрясающе!.. Проявил первую ленту сейсмографа. Маятник ни на секунду не оставался в покое. Кратер, в котором находится «Атлант», испытывает непрерывную сейсмическую дрожь. Кроме постоянного дрожания прибор записал несколько более резких толчков силою 2—3 балла. Вероятно, я не заметил их только потому, что все время нахожусь в движении. Полагаю, что удалось сделать крупное открытие. Он совсем не мертв, этот удивительный мир гигантских кратеров и кольцевых гор! Интересно, какова причина толчков — движения лунной коры или извержения лунных вулканов. Начинаю думать, не использовать ли заряд пластика против запоров выходного люка. Если бы я был уверен в прочности стенок тамбура! Взрыв может повредить их, и тогда запас воздуха сразу сократится до содержимого баллонов двух выходных скафандров — это двое суток с небольшим...

Пожалуй, эту крайнюю меру лучше приберечь на самый конец — когда откажет аппарат воздухообмена. Пока он работает нормально: его указатель смещается в сторону красной черты со скоростью, которая дает надежду на три земных месяца... Не стоит отказываться от них без крайней необходимости.

1 апреля

У меня все по-прежнему.

3 апреля

Наконец-то удалось... Сегодня отодвинул одну из трех задвижек выходного люка. Думаю, что с двумя другими дело пойдет легче. Если мне суждено вернуться на Землю, первые слова «признательности» адресую конструкторам запоров выходного люка. Пусть опатентуют свое изобретение для семейных склепов. Сто процентов гарантии, что живые будут навсегда избавлены от появления привидений. Из склепа, закрытого на такую задвижку, ни один дух не выйдет до страшного суда...

Сейсмограф непрерывно записывает дрожание. Более сильные толчки происходят каждые три-четыре часа. Некоторые из них я ощущаю по сотрясению корпуса «Атланта»... Там, за стальными стенами корабля, бьется пульс живой планеты...

4 апреля

Минувшей ночью пережил неприятные минуты. Проснулся от ощущения, что кто-то вошел в мою кабину. Я поспешно включил свет. Кабина была пуста, но дверь в коридор оказалась отодвинутой. Может быть, ложась спать, я забыл ее закрыть?

Я поднялся, чтобы задвинуть дверь, и тут до моих ушей донесся какой-то странный шелест. В окружающей глубокой тишине он прозвучал очень явственно. Я не суеверен, но, признаюсь, испугался. Почему-то подумал о Кэтрин... Стремительно задвинул дверь, дважды повернул рукоятку засовов. Потом начал прислушиваться. В коридоре было тихо. Я слышал только громкие удары своего сердца.

Прошло немало времени, прежде чем я решился открыть дверь и выйти в коридор. Потом повсюду включил свет, обошел помещения «Атланта». Все было в порядке... Не мог только заставить себя заглянуть внутрь холодильной камеры, где лежит тело Кэтрин. Лишь удостоверился, что наружные засовы двери задвинуты.

Заснуть уже не смог. Остаток ночи провел у приемника. Внимательно вслушивался в шорох и треск эфира. Иногда

начинало казаться, что слышу какие-то голоса, обрывки фраз. Но, вероятно, это были звуковые галлюцинации.

После завтрака отправился в тамбур. Провозившись несколько часов, отодвинул и вторую задвижку. Третью решил оставить на завтра. Неужели завтра удастся выбраться наружу!

Вечером принудил себя открыть холодильную камеру... Кэтрин лежит все так же... И часы все идут...

7 апреля

Я ничего не могу поделать с третьей задвижкой наружного люка. Словно ее металл сплавился с пазом, в который она погружена. Завтра над кратером Арзахель снова взойдет Солнце. Первая двухнедельная ночь проходит. Если генерал Першинг вышлет спасательную ракету, Кросби будет здесь 12 или 13 апреля. Значит еще шесть дней... Но сумеют ли они проникнуть в корпус «Атланта»? Я, кажется, уже бессилен сделать еще что-либо для своего освобождения. Разве применить пластик? Но это верное самоубийство.

8 апреля

Сегодня ночью произошло сильное лунотрясение. Толчки были так резки, что корпус «Атланта» изменил положение. Меня сбросило с койки на пол. Лишь благодаря незначительной силе тяжести обошлось без ушибов. Толчки быстро прекратились, и я отправился осматривать повреждения. Корпус корабля выдержал и это испытание. Утечки воздуха из внутренних помещений не было. Но сейсмограф вышел из строя. Пришлось целый день исправлять и настраивать его. Кое-что опрокинулось и разбилось, но в общем серьезных повреждений я не обнаружил. А по земным масштабам сотрясение было десятибалльным. Интересно, что произошло во время толчков снаружи. Сегодня я весь день был занят ликвидацией последствий лунотрясения и даже не пытался орудовать в тамбуре.

9 апреля

Толчки повторяются снова и снова. Один был довольно сильным, и сейсмограф опять разрегулировался. Неудачное

место выбрал профессор Джеферсон для посадки «Атланта». Может быть, здесь везде так? Толчки могут повредить спасательную ракету на стартовой площадке и сделают чрезвычайно опасной саму посадку. Если бы я мог предупредить Кросби. Еще раз сделал попытку наладить один из передатчиков. Безрезультатно... Не хватает многих деталей, кроме того, я недостаточно силен в радиотехнике. Человек, отправляющийся в такой полет, должен знать абсолютно все... Я не сдал бы экзамена на современного Робинзона. И вот результат...

10 апреля

Кросби должен прилететь послезавтра или тринадцатого. Меня очень тревожит сейсмичность этого района. Кросби не подозревает о ней. Его ракета после посадки может опрокинуться от толчков. Тогда все они тоже погибнут. Третьей ракеты, готовой к полету в ближайшие месяцы, у Першинга нет. Может быть, было бы лучше, если бы Першинг не разрешил старт спасательной ракеты?..

13 апреля

Все эти дни не отходил от радиоприемника. Как он ни слаб, передачи Кросби я уловил бы, по крайней мере, с середины его пути. Но я ничего не слышу, кроме шорохов и треска Космоса. Неужели старт спасательной ракеты отложен? Впрочем, Кросби может вылететь чуть позднее. До конца лунного дня еще девять земных суток...

17 апреля

Без перемен... Вероятно, старт Кросби отложен до следующего лунного дня. Першинг хочет лучше подготовить спасательную экспедицию...

19 апреля

До конца лунного дня остается трое суток... Я подсчитал, что если аппаратура воздухообмена будет работать так же, как она работала до сих пор, воздуха хватит до середины июня. Вероятно, они там на Земле полагают, что на ближайшее вре-

мя мы обеспечены всем необходимым. Если не погибли сразу, то можем подождать... Это похоже на генерала Першинга. *«Трезвый расчет» у него на первом плане.*

21 апреля

Мне предстоит провести в останках «Атланта» вторую лунную ночь. Завтра зайдет солнце. Постараюсь запастись терпением. Тем более, что ничего другого мне не остается. Бросил дежурства у радиоприемника. Кросби не прилетит ночью.

22 апреля

Снаружи опять ночь. Почему все-таки Кросби не прилетел? Неужели наш полет сохранен в тайне, и Першинг... обманщик?

24 апреля

В кратере Арзахель без перемен...

25 апреля

Всемогущий творец, неужели час избавления приближается... Сегодня, впервые за столько дней, я услыхал по радио человеческий голос. Сначала подумал, что это галлюцинация. Нет, слышимость улучшалась с каждым часом. В сторону Луны с Земли запущен космический корабль. Теперь я уже знаю, что это советская ракета. Я слышал, как космонавты (их двое или трое) разговаривали со своей базой на Земле. Видимо, они стартовали сразу, как только ракета была готова к полету. Отчаянные парни!.. Их не смутила даже перспектива посадки на Луну ночью. Я плохо знаю русский, но, кажется, понял, что они собираются прилуниться после третьего витка. Вероятно, они не знают точного местонахождения «Атланта».

Теперь не отхожу от приемника. Если бы у меня была возможность предупредить их о сейсмических толчках в районе аварии «Атланта». Снова, в который раз проклинаю свою беспомощность в радиотехнике. И как могло случиться, что в числе снаряжения нашей экспедиции не было запасных радиопередатчиков на случай серьезной аварии...

Извините, генерал Першинг, я слишком плохо думал о вас. Готов был заподозрить, что вы сохранили наш полет в тайне. Разумеется, вы не могли так поступить. Примите мое глубокое извинение...

26 апреля 2 часа ночи

Советская ракета приближается. Отчетливо слышу все передачи космонавтов. Их трое, как было и нас. Они непрерывно сообщают на Землю результаты наблюдений. Странно только, что они не пытаются установить связь с «Атлантом». Может быть, считают всех нас погибшими? Слышимость стала ухудшаться. Вероятно, «Буревестник», так называется советский корабль, переходит на орбитальный полет и огибает Луну. Через час-полтора я услышу их снова...

26 апреля 5 часов утра

«Буревестник» один раз уже обогнул Луну. Сейчас он пошел на второй виток, и я опять его не слышу. Он еще не произвел основного торможения и пролетел над кратером Арзахель на космической скорости. Слышал их радио около двадцати минут. Передавались серии цифр, что-то было сказано о кратере Арзахель, но не понял, что именно.

Меня все больше удивляет и тревожит, что русские космонавты не делают никаких попыток связаться по радио с «Атлантом».

7 часов утра

Советский космический корабль только что пролетел надо мной третий раз. Во время второго пролета русские принимали какие-то инструкции с Земли. Я слышал только краткие реплики их радиста:

— Понял... Слышу, понял... Благодарю... Товарищи тоже благодарят...

При третьем пролете они передавали результаты наблюдений. Они сделали какое-то важное открытие на противоположной стороне Луны. Я слышал только конец передачи. Кажется речь шла об извержении нескольких вулканов. Об «Атланте» ни слова...

7 часов вечера, 26 апреля

Трудно писать... Вероятно, потому, что сутки не отходил от приемника и ничего не ел... Я вторично потерпел кораблекрушение. На этот раз разбиты даже надежды. Советская ракета... Какой же я глупец!..

28 апреля

Продолжаю записи двое суток спустя. Это были нелегкие дни... Но теперь я собрался с мыслями и снова спокоен, как может быть спокоен человек в моем положении.

Вчера я узнал, что испытывает моряк, уцелевший при кораблекрушении, когда с вершины одинокой скалы видит дымок далекого судна. Кажется, спасение близко, но судно исчезает за горизонтом, и человек снова один среди бескрайнего океана. На корабле не слышали отчаянного призыва, даже не видели скалы. Так и со мной...

Советские космонавты не знают о катастрофе «Атланта». Они выполняли свою задачу — облет Луны. Они выполнили ее и ушли назад к Земле. Бесполезно писать, что я испытал, слыша, как постепенно затихают в невообразимой дали их голоса. Они улетели к Земле. А я остаюсь тут навсегда.

Першинг и сенатская комиссия сохранили в тайне полет «Атланта». В соревновании за овладение Луной я и мои товарищи, вероятно, принесены в жертву престижу нашей родины.

Не знаю точно, что именно заставило генерала Першинга поступить так, но теперь у меня нет больше надежды. Остается лишь до конца выполнить свой долг...

30 апреля

Странно устроен человек. Казалось бы, чего еще ждать? И все-таки жду. Я нашел способ вернуть потерянную надежду. Генерал Першинг поступил правильно. Приоритет космического открытия утверждается в случае возвращения космонавтов. Теперь я почти уверен, что Першинг еще не предал огласке катастрофу «Атланта» именно потому, что рассчитывает спасти нас сам. Кросби не вылетел в середине апреля из-за технических неполадок. Значит, он вылетит в первой декаде

мая, когда солнце снова взойдет над кратером Арзахель. Все очень просто... Сообщи генерал Першинг об аварии «Атланта», русские изменили бы программу своего полета и попытались бы оказать нам помощь. В случае благополучной посадки «Буревестника» я был бы спасен, но приоритет первой успешной высадки на Луну оказался бы в руках русских исследователей. Генерал сохранил в тайне полет «Атланта», и русские лишь облетели вокруг Луны.

А через десять дней Кросби совершит здесь успешную посадку. Тогда приоритет завоюют американцы. Ради этого стоит подождать, не правда ли, Джон Смит? Тем более, что генерал Першинг имеет все основания считать тебя мертвецом... Как бы там ни было в действительности, это дает луч надежды еще на две-три земные недели. А пока надо продолжать попытки открыть выходной люк...

1 мая

На Земле праздник. В кратере Арзахель без перемен...

5 мая

Все по-прежнему... Проклятый третий засов!.. Завтра над «Атлантом» взойдет солнце, и снова не увижу его...

6 мая

Наступление лунного дня ознаменовалось грандиозными событиями. Сначала катастрофическое лунотрясение... Я еще не уверен, окончилось ли оно. Поэтому тороплюсь сделать необходимые записи. Все пошло как нельзя лучше, хотя с сегодняшнего утра надежда протянуть до конца июня сильно поколеблена... Если то, что произошло, повторится, генерал Першинг может не спешить с высылкой спасательной ракеты...

Лунотрясение началось в восемь тридцать пять утра по нью-йоркскому времени. Именно в этот момент над гребнем кратера Арзахель должно было появиться солнце. Сначала я почувствовал несколько небольших толчков, к которым уже привык за последние недели. Я даже не сделал попытки ухватиться за что-нибудь. Не мог же я предполагать, что произой-

дет дальше. А произошло следующее. Корпус «Атланта» получил такой удар снизу, что был сорван со своего места. Вероятно, корабль подбросило на несколько метров вверх. Во время броска он перевернулся, с огромной силой ударился обо что-то и покатился вниз.

Меня закружило, как в гигантской центрифуге. Сильнейшие удары следовали один за другим. Вероятно, корпус корабля катился с уступа на уступ вместе с лавиной камнепада. Пол и потолок кабины быстро менялись местами, незакрепленные предметы носились вокруг. Меня било о стены, о пол и потолок и в конце концов вышвырнуло в коридор. Там я ухитрился поймать руками одно из креплений, но в этот момент последний ужасающий удар обрушился на останки «Атланта», послышался скрежещущий треск, свет погас, и наступила тишина. «Атлант» лежал теперь на боку, пол и потолок кабины стали стенами.

Я был уверен, что случилось непоправимое, что сейчас услышу угрожающий свист воздуха, покидающего внутренние помещения ракеты через проломы в корпусе. Однако вокруг царила тишина. Я попытался встать на ноги. Тело ныло от ударов, которые я только что испытал. Если бы не шестикратно меньшая сила тяжести, едва ли я отделался бы так легко...

Прислонившись к стене, я ждал новых сейсмических ударов. Но их не было. Тогда, в полной тьме, нащупывая уцелевшие поручни, я отправился искать фонарь. Нашел его, включил... Снова повсюду царил хаос. Приемник и сейсмограф разбило вдребезги. Стрелка аппарата воздухообмена отскочила на несколько делений к красной черте: то ли — результат ударов, испытанных «Атлантом», то ли — началась утечка воздуха... Однако аппарат воздухообмена продолжал работать, и аварийные аккумуляторы уцелели. Это давало кое-какие шансы.

Голова у меня кружилась, ноги и руки дрожали. Я включил освещение и торопливо закончил осмотр. Корпус «Атланта», по-видимому, выдержал удары. Оставалось осмотреть наружный люк. Дверь, ведущую в тамбур, удалось отодвинуть без труда. Меня чуть не сбило с ног. Воздух со свистом устремился из внутренних помещений корабля. Очевидно, утечка через выходной люк резко усилилась. Я поспешно отступил назад в коридор. Надел легкий скафандр и шлем и снова вернулся к тамбуру. Плита металлической двери бесшумно

скользнула в сторону и задвинулась за моей спиной. Я нагнулся к выходному люку. Теперь он находился почти в полу тамбура. Узкий луч необычайно яркого света скользнул по рукаву скафандра. Меня словно пронизало электрическим током. Сомнений не было: крышка выходного люка отошла, и снаружи в тамбур проникал солнечный свет.

Я приподнял шлем и сделал осторожный вдох. Воздух в тамбуре был разрежен как на вершине Эвереста и обжигающе холоден. Отчетливо слышался свист. Воздух рвался наружу в пустоту окружающего пространства. Поспешно опустив шлем и проверив, плотно ли закрыта дверь во внутренние помещения «Атланта», я повернулся к выходному люку. Беглый осмотр сразу объяснил, что произошло. Третья задвижка, которую мне так и не удалось открыть, лопнула при ударах, испытанных «Атлантом». Выход наружу был открыт. Легкий скафандр давал возможность пробыть в холоде безвоздушного пространства около трех минут. Правда, он не был надежной защитой от радиации, но я не стал терять времени и налег на ручной рычаг выходного люка. Крышка медленно отошла в сторону. Воздух, устремившийся из тамбура, чуть не вытолкнул меня наружу. Я едва успел ухватиться за края люка. Опустившись на колени, просунул голову в люк.

Яркий фиолетово-белый свет ослепил. Пришлось зажмурить глаза и опустить защитный светофильтр шлема. Потом я осторожно приоткрыл глаза...

Черно-белые уступы каменистых плато, за ними — зубчатый серебристо-синий хребет. Нестерпимо сияющий диск в темном усыпанном звездами небе. Глубокие трещины чернели на блестящей поверхности гигантских каменных ступеней. Из трещин поднимались к звездам клубы перламутрово-зеленоватых паров... Картина была так фантастична, что мелькнула мысль о галлюцинации... В то же время я отлично понимал, что должен спешить. Если все это не бред, через несколько минут скафандр перестанет служить защитой. Надо скорее захватить доказательства реальности того, что было вокруг.

На четвереньках я выбрался через люк. Сквозь эластичную ткань скафандра почувствовал коленями и ладонями шероховатую каменистую поверхность. Осторожно поднялся на ноги. Мелькнула парадоксальная мысль, что первые шаги человека Земли в лунном мире — лишь повторение его первых шагов на Земле...

В кармане скафандра был геологический молоток. Я вытащил его и, перепрыгивая через небольшие трещины, бросился к подножию ближайшего уступа. Уступ был сложен стекловидный зеленой массой, напоминающей земную лаву. Размахнувшись, я ударил молотком по зеленой скале. Молоток скользнул и отскочил. Я ударил сильнее. Удалось отколоть небольшой образец, но сам я, не рассчитав силы удара, отлетел на несколько метров от скалы и едва устоял на ногах. Куда девался отбитый образец?

Глаза уже слепнут от яркого света, блеска скал. И рядом непроглядная чернота теней. Свет и тьма и сияющие трещины под ногами. Может, камень попал в одну из трещин?

— Нет! Вот он... Наконец-то!

Я чувствовал, что мое время истекает. Пронзительный холод уже сковывал движения.

Подхватив кусок камня, я устремился к спасительному отверстию люка. Подбегая к «Атланту», успел разглядеть, что сигарообразный корпус ракеты привалился к небольшому уступу. Дальше за уступом угадывалось понижение или обрыв, но там все тонуло во мраке. Лучи солнца еще не проникли туда. Мне очень хотелось глянуть, что находится там — за этим уступом, но я чувствовал, что еще несколько секунд, и уже не смогу двигаться. Прижимая к груди камень, нырнул в люк, включил аппарат продувки тамбура. Не дождавшись конца продувки, отодвинул дверь, ведущую в коридор, торопливо сбросил обжигающе ледяную ткань скафандра. Ощущение теплоты почти лишило сил. Я лежал на полу коридора, упиваясь окружающим теплом.

Отдохнув, принялся растирать руки и ноги, онемевшие от холода. Кажется, обошлось без серьезного обморожения, но было ясно, что легкий скафандр не сдал экзамена. Я пробыл снаружи всего около минуты.

Проверив, хорошо ли заперта дверь в тамбур — последний щит, заслоняющий меня от холода и пустоты, я занялся изучением принесенного образца. Без сомнения, это была застывшая лава какого-то неизвестного на Земле вида. В лупу удалось разглядеть мелкие блестящие кристаллы, заключенные в плотной стекловидной массе. Что это были за кристаллы?..

Первый попавший в мои руки образец лунной лавы ничем не напоминал базальтов — наиболее распространенных

лав Земли. Я разыскал кусочек земного базальта, извлеченный из глубокой скважины на дне Тихого океана. Эту частицу Земли мы захватили с собой «на счастье» как сувенир. Вот они лежат теперь рядом на столе — черная пузырчатая лава Земли и светло-зеленая блестящая стекловидная лава Луны. Что у них общего и что их отличает? Чтобы ответить на этот вопрос и на тысячу вопросов еще, надо надеть тяжелый выходной скафандр и отправиться в неведомый фантастический мир, лежащий за стальными стенами «Атланта».

6 мая (вечер)

Сейсмические толчки больше не повторялись... Весь день я был занят подготовкой первого лунного маршрута. Утренняя вылазка лишила меня приблизительно одной пятой запаса воздуха.

Строго говоря, у меня два пути. Первый — не покидать «Атланта», задраить люки и ждать прилета Кросби. С оставшимся запасом воздуха, вероятно, удалось бы протянуть до середины июня. Второй путь — совершить два или, быть может, даже три выхода в лунный мир. В этом случае воздуха хватит лишь до конца этого лунного дня, то есть до восемнадцатого-девятнадцатого мая. Впрочем, из двух возможных решений этого занимательного уравнения лишь второе имеет смысл. Первое — бессмысленно... Поэтому завтра отправляюсь в маршрут. Я уже тщательно продумал план. Обследую ближайшие окрестности того места, где сейчас лежит «Атлант». Попробую найти пункт прилунения и установить причины аварии. После вчерашнего лунотрясения у меня появились кое-какие мысли на этот счет, но их необходимо проверить. Возьму пробы газов, которые выделяются из трещин плато. Может быть, повезет и смогу наблюдать лунотрясение. Бортовой журнал оставляю в своей кабине. Пусть хоть эти строки когда-нибудь прочтут люди Земли, если я не вернусь.

7 мая, 7 часов утра

Ухожу... Со мной запас воздуха на двадцать пять земных часов. Дорогой Кросби, если не вернусь до 8 часов утра 8 мая, не ищи... Здесь у тебя будет множество дел поважнее...

На Земле

Генерал нервно постучал кончиками лакированных ногтей по стеклу широкого стола:

— Профессор Джеферсон?.. Гм... Ну, хорошо. Передайте, что я... что я буду рад его видеть... Да-да, у себя в кабинете...

Генерал сосредоточенно потер полные розовые щеки и отложил телефонную трубку.

— Упрямый старый осел, — пробормотал он, вставая.

Дверь кабинета широко распахнулась. В нее стремительно влетела маленькая худощавая фигура профессора Джеферсона.

Вылощенный адъютант с нашивками офицера Управления космонавтики, притворяя дверь, вопросительно глянул в лицо начальника.

Генерал чуть заметно кивнул, и адъютант исчез, словно его поглотила замочная скважина.

— Уважаемый генерал Першинг, — срывающимся голосом начал профессор. — Я просто не верю ушам, я...

— Доброе утро, дорогой профессор, — поспешно перебил генерал, встречая гостя на середине своего огромного кабинета. — Рад вас видеть...

Он поймал маленькие мягкие руки профессора и принялся трясти их, не отрывая восхищенного взгляда от его худого горбоносого лица и взъерошенных седых бровей.

— Да-да, разумеется, я тоже, генерал, — продолжал профессор, торопливо избавляясь от цепких рукопожатий Першинга. — Однако мне не терпится узнать, почему и на сколько отложен старт «Атланта-2».

Генерал чуть заметно поморщился, словно почувствовал прыщик на кончике языка.

— Вы всегда так спешите, профессор! Прошу садиться... Вот сигары, а здесь жевательные таблетки «Космос» — последний новейший букет...

— Не употребляю...

— Разрешите узнать, как ваше здоровье?

— Не о нем пойдет речь, генерал. Но, если вам угодно, могло быть лучше, гораздо лучше, если бы не странные новости, дошедшие до меня вчера вечером...

— Новости?..

— Разумеется... Разве старт «Атланта-2» не отложен?

— Гм... Нет...

— Нет!.. Значит мне... наврали.

— Вероятно... что-то передали вам... не совсем точно...

— Как я рад... Когда стартует «Атлант-2»?

— Стартует? Какой старт вы имеете в виду, дорогой профессор?

— На Луну! На Луну, черт побери! В кратер Арзахель, где, как вам хорошо известно, уже три недели находится «Атлант-1», от которого нет известий. Да, что вы на меня так глядите, словно сами только что упали с Луны?

Генерал Першинг нервно откашлялся.

— Разве специальный помощник министра доктор Эндрью Паап вам не объяснил?

— А я не стал его слушать; парадом, извините, командуете вы, генерал.

— Ну... не совсем. Решает сенатская комиссия. Я только советник и дисциплинированный солдат.

— Генерал Першинг, дорогой мой, это можете объяснять журналистам. Я-то знаю, как обстоит дело.

— Причем здесь журналисты, профессор? Полет «Атланта» сохранен в тайне и не далее, как вчера, сенатская комиссия подтвердила особую секретность операции.

— Зачем? Со дня на день и так все станет известно.

— О-о! — в бархатистом голосе генерала прозвучало осуждение. — О-о! Не разделяю вашего взгляда, профессор.

— Так что случилось в конце концов? Вы получили известия от экипажа «Атланта»?

— Увы, не получили и уже никогда не получим... С «Атлантом-1» произошла авария. А что такое авария первого космического корабля на планете, лишенной атмосферы, вы, конечно, представляете, профессор.

— Это одно из многих предположений, мы уже обсуждали его. Может быть другое — отказало радио. Могут быть иные варианты. В конце концов, и при аварии кто-то мог уцелеть...

— Вы неисправимый оптимист, дорогой профессор!

— Не шутите, генерал. На «Атланте» трое ученых, трое американцев, черт побери. Им необходимо оказать помощь. Да и планы предусматривали...

— Не всякий план удается реализовать... «Атлант» тоже не смог выполнить намеченного плана. Обстоятельства, дорогой профессор... Они-то и заставляют нас поступать несколько иначе.

— Объясните, что произошло?

— Это тайна, но вам могу кое-что рассказать. Два дня назад мы получили сведения, что русские в конце апреля планируют облет Луны...

— Превосходно...

— Позволю себе не разделить вашего мнения. По нашим данным, русские собирались осуществить высадку на Луну в середине этого года. Мы думали их опередить. В этом основная цель операции «Атлант». Американский флаг должен взвиться на Луне первым. В нашем распоряжении было два космических корабля класса Земля — Луна. Третий — усовершенствованная модель — будет готов только через год. Я имею достоверные сведения, что конструкция советских ракет уже позволяет им совершить посадку на Луну и обратный взлет. Однако русские не торопятся с высадкой. Они перенесли ее на середину будущего года. Хотят действовать наверняка. Но в случае необходимости они могут совершить посадку на Луну хоть сейчас. Могут... Вы меня поняли?..

— Разумеется! Превосходный план, достойный выдающегося дипломата. Вы хотите, чтобы спасательную экспедицию организовали русские. А тем временем еще раз подвергнуть проверке механизмы «Атланта-2»... Чтобы тоже действовать наверняка. Об этом стоит подумать, генерал...

Першинг беспокойно зашевелился в кресле:

— Вы опять поторопились с выводами, профессор. Разумеется, я не имел в виду ничего подобного. И меньше всего хотел бы втравить в это дело русских. Если «Атлант» разбился (и девяносто девять шансов из ста, что это так), а русские сядут в кратере Арзахель удачно, приоритет снова за ними, и мы опять проиграли. Нам будут соболезновать, а их прославлять...

— Не вижу в этом ничего плохого, генерал. Новое не обходится без жертв... А Шервуд и его спутники, живы они или погибли — уже герои...

— Разумеется. И когда-нибудь мы соорудим им памятник. Но я предпочитаю иметь дело с живыми героями, профессор.

Героями, которые успешно возвращаются и докладывают, что звездно-полосатый американский флаг развевается на Луне. «Атлант-2» — наш последний шанс. Им нельзя рисковать ради... э-э... любви к ближнему, профессор. После неудачи «Атланта-1» многое надо еще раз проверить. Майор Кросби полетит, но полетит немного позднее... Скажем, через полгода... Даже и в этом случае мы опередим русских. Как видите, полет «Атланта-2» не отложен, он перенесен ради успеха операции... Это вызвано высшей необходимостью. Этого требует честь нашей страны. Вы поняли меня, профессор?..

Ошеломленный Джеферсон молчал.

Генерал в течение нескольких минут внимательно наблюдал за окаменевшим лицом своего собеседника.

— Надеюсь, поняли, — резюмировал Першинг, вставая. — Я тоже хорошо понимаю вас, — продолжал он, положив руку на плечо Джеферсона. — Джон Смит — ваш ближайший ученик... Однако новое не обходится без жертв — это вы превосходно сказали.

— Но как же они, — прошептал старый ученый, не делая попытки подняться и еще ниже опуская голову, — как же они все — Шервуд и Кэтрин Милс, и Джон?..

Генерал чуть заметно пожал плечами, медленно обошел вокруг стола, опустился в кресло, взял сигару.

Джеферсон сжал голову тонкими жилистыми руками и сидел, не шевелясь.

Генерал прикурил от серебряной зажигалки в форме космической ракеты, затянулся, потом сказал:

— Они знали, на что идут. И мы с вами знали, профессор. Полет «Атланта-1» это — разведка... Разведка боем. И она показала, что операцию надо подготовить лучше. Вот мы с вами и подготовим. Послать сейчас «Атлант-2» на Луну — авантюра...

— Значит, и полет «Атланта-1» был авантюрой, — прошептал Джеферсон, не поднимая головы.

— В определенном смысле, да. Но нас оправдывает то, что мы не знали планов русских. Думали, что они готовят высадку на Луну. А они ограничились облетом...

Джеферсон тряхнул головой и, как юноша, вскочил с кресла. Опершись руками о край стола, он наклонился к самому лицу генерала и закричал:

— Это обман, отвратительный обман, недостойный порядочных людей. И никакими фразами, слышите, Першинг, ни-

какими фразами его не прикрыть. Мы обманули их — Шервуда и других. И обманываем теперь свою страну и весь мир, сохраняя в тайне то, что случилось. Это надо прекратить, сейчас же, немедленно... Я...

Генерал поспешно отодвинулся. Не отрывая пристального взгляда от лица профессора, он достал тонкий батистовый платок; вытер рукав кителя, на который попали брызги слюны.

Джеферсон продолжал кричать об обмане, героизме, долге, о том, что наука принесена в жертву политике...

Генерал не слушал. Он смотрел в искривленное злобой и болью лицо старого ученого и думал о том, как нелегко работать с этими неврастеничными глупцами из Консультативного совета. Воображают, что они что-то значат. А они всего лишь технические исполнители тех больших и важных планов, которые рождаются здесь в Управлении космонавтики... Однако довольно, надо «приземлить» милейшего профессора.

— Все это, вероятно, в какой-то степени справедливо, — сказал он, когда Джеферсон на мгновение остановился, чтобы перевести дух. — Но, право, это не имеет никакого отношения к делу. Решение принято, нам с вами остается только как можно лучше выполнить его. Я был уверен, что господин Паап объяснил вам положение. Только поэтому наш с вами разговор принял... э-э... несколько затяжной характер. Сегодня утром президент утвердил рекомендации сенатской комиссии...

— Я сейчас же еду к президенту, я... — перебил профессор.

— Повторяю, утвердил рекомендации, — чуть повысил голос Першинг. — Все необходимо сохранить в строжайшей тайне. Русские не должны узнать, что в кратере Арзахель лежат обломки нашего «Атланта». Если кто-то чуть «пустит пар», и русские начнут догадываться... О, последствия будут самые плачевные... И для вас также, дорогой профессор. Я совсем не хочу сказать, что этим «кем-то» можете оказаться вы. В вас я... э-э... не сомневаюсь. Но я также не сомневаюсь, что если хоть что-то проникнет в печать... Лучше не говорить об этом. Для многих это окажется жизненной катастрофой. И, разумеется, в случае любой газетной шумихи мы дадим официальное опровержение... Это вполне естественно. Да... Иногда цель оправдывает средства. Давайте кончим на этом наш малоприятный разговор. Жизнь складывается не из одних неприятностей... Кстати, вчера я узнал, что ваша кандидатура выдвинута

в Национальную Академию. Я позволю себе уже сейчас поздравить вас, ибо считаю ваше избрание гарантированным.

— За кого вы меня принимаете, Першинг?.. — начал Джеферсон, но осекся и, схватившись рукой за грудь, тяжело опустился в кресло.

Генерал поспешно позвонил.

— Воды и доктора быстрее, — сказал он, выросшему на пороге адъютанту. — Профессор почувствовал себя плохо.

— Ничего не надо, — пробормотал старый ученый, поднимаясь. — Ничего... Я поеду... к президенту... генерал.

— Может быть, лучше сначала к врачу, — уговаривал Першинг, провожая профессора до дверей кабинета. — Вам вредно волноваться, дорогой профессор. Вы совсем не бережете себя. Всего вам хорошего. И, пожалуйста, не забудьте о нашем разговоре... Проводите, адъютант.

Когда дверь бесшумно закрылась за профессором, генерал вздохнул, вытер платком влажный лоб и медленно возвратился к столу. Присев на поручень кресла, в котором только что сидел Джеферсон, генерал потянулся к телефону.

— Соедините меня с канцелярией президента, — сказал он телефонистке. — А, впрочем, нет, не надо...

«Сейчас он конечно поехал домой, этот шумный старый болтун Джеферсон, — думал Першинг, откладывая трубку. — А дома он станет взвешивать... Колебаться... Ведь ему не терпится стать академиком... Что ж, может, и будет... Может...»

В кратере Арзахель

8 мая, 6 часов утра

Только что возвратился из маршрута: двадцать три часа провел за пределами «Атланта» в почти абсолютной пустоте лунной атмосферы. Я не оговорился. Она есть, эта атмосфера, но она разрежена настолько, что с Земли приборы ее не улавливают. В ее составе — углекислота и немного паров воды, водород, метан и еще какие-то газы, состава которых пока не смог определить. Наружный скафандр выдержал испытание. Это один из немногих по-настоящему хорошо сделанных предметов снаряжения нашей экспедиции. Правда, он несколько громоздок (я с трудом выбрался в нем через

выходной люк), но надежен, и на Луне его вес не превышает веса взрослого человека в земных условиях. Я начал записи с похвалы скафандру, но это оттого, что лишь благодаря ему смог увидеть и узнать все то, что увидел и узнал в часы первого маршрута.

Времени остается мало. Необходимо торопиться, тем более, что «Атлант» уже не является надежным убежищем. Я имею в виду не воздух, запасы которого в мое отсутствие сильно сократились, а совсем, совсем другое...

Выбравшись вчера наружу, я начал с осмотра площадки, на которой лежит «Атлант»...

«Джон Смит, дружище, на Луне тебе повезло дважды. Провидение, вопреки здравому смыслу, не только сохранило тебе жизнь в момент катастрофы, оно каким-то чудом удержало позавчера останки "Атланта" там, где они покоятся сейчас. Благодаря этому ты получил возможность увидеть лунный мир...»

«Атлант», вернее, его носовая часть, где находятся кабины, лежит на самом краю пропасти. Во время последнего лунотрясения корпус ракеты был сброшен сюда с плато, на котором Шервуд пытался совершить посадку. Перескакивая, словно пустой бочонок с уступа на уступ, «Атлант» летел и катился не менее полутора миль. Вмятины в корпусе — следы этой Голгофы. Где-то на середине пути корпус корабля переломился. Ступень ракеты, которая должна была возвратить «Атлант» к Земле, оторвалась и пошла своим путем. Я не нашел ее следов. Вероятно, она уже там — в той пропасти, где рано или поздно найдет могилу «Атлант».

Что это за пропасть?... Поперечник ее около мили. Глубину не смог определить. Лучи Солнца не проникают внутрь; там все тонет в кромешной тьме. Сноп света моего рефлектора бессилен пробить ее. Стены пропасти гладки и отвесны. Снизу, вместе со струями газов, поднимается отчетливый поток тепла; если долго всматриваться в глубину, можно разглядеть едва различимые багровые отсветы. Вероятно, это кратер гигантского вулкана, и внизу на огромной глубине пульсирует еще не остывшая лава. «Атлант» зацепился за выступ скалы на самом краю кратера. При следующем лунотрясении небольшого толчка будет достаточно, чтобы сбросить останки корабля вниз... Тогда исчезнут последние следы нашей высадки на Луне...

Правда, остается еще американский флаг, который Першинг приказал поднять над местом прилунения... Но, во-первых, я так и не отыскал его, а, во-вторых, долго ли он провисит тут — в этом краю вулканов и лунотрясений...

Если «Атланту» суждено исчезнуть навсегда в недрах Луны, я попробую сохранить хоть тело Кэтрин, бортовой журнал и кое-что из уцелевшего оборудования. Невдалеке отсюда в уступе плато есть глубокие пещеры. Извилистые ходы, проложенные струями вулканических газов, уходят на неведомые глубины. В этих пещерах температура гораздо выше, чем на поверхности планеты, и давление газов составляет около одной сотой земного. С глубиной давление увеличивается. Я перенесу в одну из пещер все, что удастся, а также оставшиеся баллоны с кислородом, немного продовольствия. Отмечу вход надписью. А когда в моем распоряжении кислорода останется всего на одни сутки, я уйду по этим ходам в глубину пещер. Я буду идти вперед, пока хватит сил и кислорода...

Но все это произойдет еще не так скоро, если, конечно, мои планы не изменит следующий сейсмический толчок... Я очень устал во время маршрута, но на отдых сейчас нет времени. За работу... Записи продолжу завтра.

9 мая (вечер)

Это — последние часы на борту «Атланта». Вчера пришлось много раз открывать и закрывать выходной люк. Давление воздуха внутри корабля сильно упало. Сейчас оно почти такое, как на вершине Эвереста. Двигаться без кислородной маски трудно.

Тело Кэтрин вчера перенес в пещеру. Там же поместил запасной скафандр, кое-какие приборы, сейсмограммы, баллоны с кислородом, немного пищи и воды в термосах. Температура в этой части пещеры минус сорок по Цельсию. Все-таки не то, что в тени на поверхности. В обрыве плато у входа в пещеру высек несколько слов: Земля, «Атлант», наши имена и дату прилунения... Флага так и не нашел. Впрочем, у меня не осталось времени искать его...

Удивительны эти лавы внутренних вулканов в кратере Арзахель. Они очень прочны и вязки... Все пространство, которое удалось осмотреть, сложено ими. По составу они стоят

ближе всего к перидотитам — породам глубоких слоев Земли. Если большинство здешних вулканов похоже на вулканы кратера Арзахель, получается, что строение лунной поверхности соответствует строению глубоких зон нашей родной планеты. Содрав с Земли ее наружные слои — кору и часть мантии, — вероятно, удалось бы увидеть то, что можно наблюдать в лунных цирках.

Какой тут простор для геолога! Все обнажено, все видно. Чудовищные наслоения зеленоватых лав и пласты вулканических пеплов, огромные трещины с рудными жилами. Сокровища лежат прямо на поверхности. В трех милях от «Атланта» в стенах древнего полузасыпанного кратера я видел метровые жилы чистой платины. Немного дальше в обрыве обнажено огромное грибообразное тело какого-то неизвестного мне розового минерала с металлическим блеском. Я уже проверил: в этом минерале много кобальта. Жилы хромита попадаются на каждом шагу. В трещинах, из которых выделяются газы, блестят и переливаются в солнечных лучах удивительные минералы. Они образуют сростки разноцветных кристаллов самых причудливых форм и оттенков.

Во время первого маршрута я сначала пробовал отбивать образцы. Потом бросил. Бесполезно... Несколько наудачу отколотых образцов не дадут представления... Да и зачем мне они? Участники будущих экспедиций изучат все шаг за шагом. А я — первый разведчик — смогу оставить в наследство будущим исследователям лишь несколько отрывочных записей...

Месяца мало, чтобы описать то, что я видел за последние дни. А кислорода осталось на четыре-пять земных суток. Не хватит даже до захода солнца... Но, конечно, я не жалею, что сократил свое время, вырвавшись из стен «Атланта». О нет! Минувшие два дня и то, что еще впереди, стоят целой жизни... Я не позволяю себе думать сейчас о Земле. Оставлю это на самые последние минуты...

Теперь уже не верю в спасение. Четыре земных дня — все, что у меня осталось. А может быть, пять... Удивительно, как сбивчивы мысли. Вероятно, от недостатка кислорода... Надо поспать немного; я не спал трое суток. Надеюсь, сегодня толчков не будет... Я заметил, что лунотрясения происходят чаще в начале и в конце дня.

«Атланту» просто не повезло. Кратер Арзахель встретил его дневным лунотрясением в самый момент прилунения. Сильнейшие толчки подбросили корабль вверх, когда его стабилизаторы коснулись поверхности планеты. Можно ли было предполагать такое совпадение? Посадка без предварительных облетов и тщательного исследования с круговых орбит была безумной авантюрой, генерал... Ее цена — наши три жизни...

10 мая (утро)

Ночлег был над пропастью. Рисковал лишь потому, что должен был отдохнуть перед последними маршрутами и хотел сберечь кислород в баллонах скафандров. Кроме того, в моем положении этот риск почти ничего не означает... Ухожу... Бортовой журнал оставлю в пещере возле тела Кэтрин. Может быть, за эти часы не произойдет лунотрясения? Тогда вернусь сюда еще раз сделать записи и немного отдохнуть без скафандра. Ну а если в мое отсутствие лунотрясение будет — прощай, наш «Атлант». Прощай, дружище Шервуд, ты стал неотъемлемой частью «Атланта», и я бессилен помочь вам обоим...

12 мая по земному времени (вечер)

Лунотрясение захватило меня у подножия внешнего кольцевого хребта. Первый удар был не очень сильным. Часть хребта беззвучно осела, распалась на огромные глыбы и рухнула вниз в долину, откуда поднялись клубы серебристой пыли. Непроницаемая завеса пыли медленно приближалась, скрывая уступы плато, черные щели трещин, зеленовато-фиолетовые зубцы скал. Я ускорил шаги, чтобы избежать встречи с пылевым облаком, но новый толчок бросил меня на камни. Второй обвал произошел где-то совсем близко. Резкие колебания почвы не давали подняться. Надвинулась туча пыли, скрыла скалы и звезды. Лишь солнечный диск тускло светил сквозь серебристо-перламутровую мглу.

Ориентируясь на солнце, я попытался выбраться обратно на плато, но не узнавал мест, по которым только что прошел. Глубокая расщелина перегородила путь. Пришлось долго идти вдоль нее в густом серебристом тумане. Вероятно, я отклонил-

ся в сторону. Когда удалось выйти из пылевого облака, я оказался на плоской каменистой равнине, иссеченной глубокими трещинами. Скалы причудливых очертаний окружали равнину. Они были словно окаменевший лес, изуродованный ураганами. Вдали блестели на солнце высокие, острые как иглы пики. Я начал соображать, в какую сторону идти, чтобы возвратиться к «Атланту». Впрочем, я почти не сомневался, что неизбежное уже произошло... Прикинув путь по солнечному компасу, я двинулся вперед, как вдруг...

Сначала я принял их за струи газов, которые во многих местах вырывались из трещин скал. Потом мелькнула мысль, что сплю и вижу сон... Однако я не спал, и это не могло быть галлюцинацией. Зеленоватые полупрозрачные грозди, похожие на связки детских шаров, медленно поднялись из недалекой расщелины и плавно поплыли ко мне. Они и плыли, как воздушные шары или мыльные пузыри, чуть колеблемые легким дуновением ветра. Но ветра не было и не могло быть. Неподвижная пустота разреженной до предела лунной атмосферы простиралась вокруг. Одна связка зеленоватых шаров плыла прямо навстречу, другие отклонились в стороны, словно намеревались окружить меня.

Еще не уверенный, живо ли то, что парит в пустоте, я невольно подумал об оружии... В списке экспедиционного снаряжения его не было... «Атлант» летел к мертвой планете...

Кажется, я не испугался, но дрожь охватила тело, закованное в панцирь скафандра. Зеленоватая гроздь медленно приближалась. Когда расстояние сократилось до нескольких метров, ее движение замедлилось. Теперь я мог хорошо рассмотреть ее. Вблизи она напоминала кисть гигантских виноградин, каждая размером в большой арбуз. Зеленые полупрозрачные «виноградины», круглые и удлиненные, плотно прилегали друг к другу и, казалось, чуть пульсировали. Внутри них вспыхивали и гасли неяркие флюоресцирующие искры; а может быть, это солнечные лучи отражались от блестящей эластичной поверхности «виноградин».

Я сделал шаг навстречу, и зеленая гроздь застыла на месте, словно изучая меня. Без сомнения, отдельные «виноградины» пульсировали, темнели и снова светлели, раздувались и опадали, словно гроздь дышала в пустоте. Я оглянулся. Остальные грозди медленно приближались сзади.

Неужели я привлек их внимание? И что это — минеральная форма жизни, рожденной вулканическим теплом, или нечто, чего мой земной разум понять не в состоянии?.. Я взмахнул рукой и этот жест словно потревожил ближайшую гроздь. Она дрогнула, начала пульсировать сильнее, потом поднялась вверх и медленно поплыла прочь. Я последовал за ней. Она поднялась еще выше, но не ускорила движения. Казалось существовал какой-то невидимый барьер, дальше которого наше сближение было невозможным.

Остальные грозди тоже не пытались сократить расстояние, разделявшее нас. Они парили в пустоте, не отдаляясь, но и не приближаясь. Изменив направление, я двинулся в сторону другой грозди. Я шел по каменистой равнине, но, кажется, не приблизился ни на шаг. Либо колония зеленых шаров удалялась так плавно, что движение было незаметно, либо... все это было галлюцинацией?..

Потом произошло самое поразительное. Две грозди сблизились. Фиолетовое пламя сверкнуло между ними, и одна гроздь исчезла, словно поглощенная другой. Уцелевшая гроздь раздулась, потемнела, потом стала ярко-оранжевой и, раскачиваясь, как маятник, быстро поплыла прочь. Вскоре она скрылась в лабиринте исковерканных скал.

Последняя гроздь продолжала висеть неподвижно. Я направился было к ней, но и она шевельнулась, начала быстро пульсировать и вдруг нырнула в ближайшую расщелину. Когда я добрался до расщелины, гроздь была уже далеко внизу. В темноте она светилась неярким розовато-перламутровым светом. Свет постепенно мерк, верно, она уходила все ниже и ниже. Наконец он погас совсем.

Лишь спустя много часов мне удалось добраться до площадки, на которой лежал «Атлант». По пути я заглядывал во все более-менее широкие расщелины. Из некоторых поднимались клубы паров, шли потоки тепла, но повсюду царил непроглядный мрак. Зеленых гроздьев ни над поверхностью, ни в глубине расщелин видно не было.

Занятый мыслями о поразительном и загадочном явлении я, кажется, даже не очень удивился, заметив вдали серебристый корпус «Атланта». Корабль лежал на прежнем месте. Значит, лунотрясение в этой части кратера было не особенно сильным.

Теперь пишу все это, сидя в своей кабине. Воздух внутри корабля очень разрежен. Стрелка прибора воздухообмена уже перешла красную черту. Но если не делать резких движений, можно обходиться без маски. Ночь проведу здесь. Этим сохраню еще немного кислорода в баллонах скафандров. Конец приближается, но, странно, я почти не думаю о нем... И уже ничего не жду. Только прилет Кросби мог бы... Впрочем, нет, не надо об этом...

Загадочные грозди... Что это может быть? Неужели жизнь? Разгадка скрыта на глубине... Завтра, захватив последние литры кислорода, пойду туда... Дышать трудно... Эх, Першинг, Першинг...

13 мая (утро)

Это была трудная ночь... Засыпал и просыпался от удушья... Глотнув кислорода, снова засыпал на несколько минут. Недостаток воздуха еще раз спас жизнь. Вернее, оттянул конец. Если бы спал крепко, не услышал бы первых толчков. Почувствовав толчки, встал, вышел в коридор. Хотел вернуться в кабину и... не вернулся. Прошел к люку, надел скафандр и решил выйти посмотреть, что происходит снаружи.

Было три часа утра по нью-йоркскому времени. Странно защемило сердце... Я не торопился, но был уверен, что покидаю «Атлант» навсегда. Уже в скафандре прошел в центральный салон, взял бортовой журнал. Оглядевшись в последний раз, увидел на столе кусок земного базальта. Опустил его в один из наружных карманов скафандра. Снова дрогнул корпус корабля. Толчки продолжались. Я прошел в выходной тамбур, плотно закрыл за собой внутреннюю дверь, ведущую в помещения «Атланта». Вышел наружу.

В черном звездном небе ярко светило фиолетово-белое мохнатое солнце, а над серебристыми зубцами далекого хребта у самого горизонта висел огромный тонкий серп, зеленоватый посередине, окаймленный нежной голубой оторочкой. Над кратером Арзахель, над останками «Атланта» рождалась Земля...

Я протянул к ней руки и почувствовал, что... плачу. Слезы бежали из глаз под стеклом шлема, и я не мог отереть их.

Это не были слезы отчаяния. Невыразимая боль стиснула грудь, и в то же время я был счастлив, что вижу Землю, что увидел ее еще раз... Я не мог оторвать от нее взгляда. Под прозрачной пеленой атмосферы в разрывах облачных масс угадывал знакомые очертания земных континентов. Белое пятно Антарктиды, темные просторы океанов, зеленоватый выступ Южной Африки. Америка была во тьме. День еще не пришел туда...

Сколько я так стоял, не знаю. Я смотрел на Землю и вспоминал... Вспоминал давно минувшие годы и недавние месяцы, вспоминал детство и войну, и друзей, и подготовку к полету. Вспоминал уголки, в которых довелось побывать, и города, на которые пришлось сбрасывать бомбы. Кажется, вся жизнь прошла передо мной за эти минуты... Скалы вздрагивали от сейсмических толчков, а я стоял и смотрел на свою Землю... И не мог насмотреться...

Последний толчок был наиболее сильным. Я едва удержался на ногах. Обернулся к «Атланту» и... громко вскрикнул... Площадка за моей спиной была пуста. «Атланта» на ней не было. Я подбежал к краю пропасти. Долго вглядывался вниз. Чернота непроницаемого мрака временами чуть багровела. Где-то там далеко внизу сейчас плавился корпус «Атланта»...

13 мая (21.30 по часам Кэтрин)

Я еще жив. Как странно!.. Кэтрин и Шервуд давно умерли, расплавился в огненной бездне кратера наш «Атлант». А я живу... Пишу эти строки, сидя у входа в пещеру, в которой лежит тело Кэтрин. Ярко светит солнце. Палящий жар его лучей ощущаю даже сквозь теплоизолирующие оболочки скафандра. Над зубцами хребта в черном небе висит голубовато-зеленый серп Земли. Вокруг россыпь звезд.

Люди, вы глядите сейчас на небо, на серебристый диск, взошедший над темными вершинами елей. Неужели никто из вас не догадывается, что оттуда, с далекой Луны, из каменистой пустыни устремлен на Землю человеческий взгляд? Неужели они все скрыли от вас? Бессмысленная несправедливость...

Сегодняшний маршрут был неудачным. Я попытался проникнуть в глубину пещер по одному из ходов. Вскоре

ход сузился настолько, что дальнейшее движение стало невозможным. Мой скафандр слишком велик. Исследовал второй ход. Тоже неудача — уже вблизи от центральной пещеры он превратился в вертикальную шахту. Вероятно, не удастся проникнуть глубоко в эти пещеры в тяжелом скафандре. Впрочем, мое время истекает. Кислорода осталось на сутки с небольшим.

14 мая (утро по часам Кэтрин)

Вчера остановились мои часы. Теперь, чтобы узнать время, я подхожу к камню, на котором лежит Кэтрин. Ее руки сложены на груди. Часы на левой руке еще идут. Я мог бы снять их, но для этого надо открыть прозрачный футляр, в котором заключено тело. Не хочу больше тревожить ее...

Кислорода должно хватить до вечера, а, если не двигаться, то до утра. Но я уже решил... Ухожу... Вчера, закончив записи (теперь в скафандре это занимает много времени), я исследовал еще один проход, ведущий на глубину. Он широкий и некрутой. Кажется, по нему можно проникнуть далеко. Температура и давление газов в нем с глубиной заметно возрастают... Беру с собой весь оставшийся кислород... Бортовой журнал «Атланта» оставляю возле тела Кэтрин. Здесь же хотел оставить и кусок земного базальта. Но не нашел его. Вероятно, выронил вчера у входа в пещеру.

Прощай, Земля, прощайте, люди, прощай, солнце, давшее нам жизнь, но такое безжалостное в этом хаосе пустынных гор. Да, все пустынно вокруг. Лишь камни и скалы, расщелины и вулканические пары... Все пусто... Кросби не прилетел... Знаю, ты прилетишь, дружище, но позже. Может быть, найдешь эту пещеру. Захватишь на Землю память о нас. Скажи на Земле, что мы все остались людьми до конца... Прощай, Кросби, пусть космические вихри всегда будут попутными тебе.

Я уже кончил записи, но должен дополнить их. Тогда те зеленые грозди не были галлюцинацией. Сейчас одна из них снова появилась в глубине пещеры. Она выплыла из прохода, по которому собираюсь идти. Она светится в темноте, пульсирует и словно зовет последовать за ней. Я не знаю, что она такое, но иду...

Джон Смит

И снова в кратере Арзахель...

Похожий на красную стрелу лунолет медленно плыл над кольцевыми хребтами. В просторной кабине сидели трое. Двое мужчин в эластичных синих скафандрах с откинутыми прозрачными шлемами и девушка-пилот.

— Мы только что пересекли границу исследованной территории, — сказал старший из мужчин, внимательно вглядываясь в лабиринт хребтов за окном лунолета. — В прошлом месяце мы были у подножия того двуглавого пика. Готовься, Иван.

— А где Арзахель? — поинтересовался Иван, осторожно натягивая прозрачный колпак шлема.

— Кратер Арзахель под нами, — сказала девушка. — Где вас высадить, Лен Юрьевич?

— Минуту... Можно на площадке возле центрального жерла...

Лунолет скользнул вниз.

— Осторожно, Вильда, — говорил Лен, проверяя крепления шлема. — Это один из самых сейсмичных районов Луны. Не касайтесь грунта. Повисните в метре над площадкой. Пошли, Иван.

— Вернусь за вами через пять часов, — сказала девушка. — Буду здесь в двадцать один тридцать по московскому.

— А сейчас куда? — спросил Иван, вылезая из глубокого кресла.

— Лечу за группой профессора Пала. Их надо доставить на Главную базу.

— Далеко! Успеешь вернуться за нами?

— Конечно.

— Смотри! Иначе опоздаем к ужину.

— Иван уже беспокоится об ужине, — усмехнулся Лен, отодвигая дверь выходного тамбура. — Счастливого полета, девочка!

Иван спрыгнул на каменистый грунт первым. Помог спуститься своему спутнику. Они отбежали на несколько метров от парящей машины, и Лен поднял руку. Вильда помахала в ответ. Красная стрела дрогнула и стремительно рванулась вверх.

Иван с любопытством оглядывал пустынные каменистые плато, залитые слепящим бело-фиолетовым светом. Черные тени скал были совсем короткими. Солнце стояло в зените.

Лен выдвинул на своем шлеме антенну дальнего приема.

— Профессор Петров вызывает Главную базу. Слышите меня? Мы высадились у центрального жерла и начинаем маршрут. Все в порядке! За работу, Иван!

Маршрут начался как обычно. Профессор осматривал скалы, диктовал наблюдения в шлемофон, соединенный с миниатюрным магнитофоном. Магнитофон вместе с другими приборами помещался в ранце за спиной. Иван искровым молотком на длинной рукояти откалывал образцы горных пород, брал пробы газов, специальными счетчиками мерил напряженность физических полей.

Пройдя несколько километров, остановились передохнуть.

— Доволен, что попал сюда? — спросил профессор, внимательно глядя на Ивана сквозь прозрачное стекло шлема.

— Интересно, конечно. Но в общем то же, что и в других цирках. Лавы, лавы... Одни лавы.

— Чудак! Это районы сплошных вулканов. На Земле нечто подобное можно было наблюдать только в Сибири и то лишь в триасовое время... Кроме того, лавы кратера Арзахель более глубинного происхождения, чем во многих других лунных цирках. Корни этого вулкана уходят на громадную глубину...

— Я все же предпочитаю более детальные исследования, — заметил Иван. — На Земле меня учили иначе... А это, простите, Лен Юрьевич, смахивает на верхоглядство. Прилетели, посмотрели, а через несколько часов улетим с кучей образцов. Завтра — другой цирк. И тэ дэ и тэ пэ... А тут нога человеческая не ступала...

— Все в свое время, дорогой мой! — усмехнулся профессор. — Когда-то и на Земле так начинали. Сначала надо выбрать места для детальных исследований. А нога человеческая тут ступала... Лет 80 назад здесь побывала одна из первых американских экспедиций.

— В институте нам об этом ничего не говорили... И что они сообщают?

— В официальном отчете — общие фразы. Впрочем, они пробыли здесь недолго. Сейсмичность быстро заставила их перебраться на другое место.

— А не они ли первыми распространили слух об этих таинственных зеленых шарах?

— Возможно... Участники первых планетных экспедиций столкнулись с массой непонятных явлений. Кое-что удалось

потом выяснить, многое оказалось основанным на недоразумениях...

— Но зеленые шары... — запротестовал Иван.

— Да, зеленые шары пока продолжают оставаться загадкой. Дело в том, что никто никогда не наблюдал их вблизи. Именно потому многие исследователи ставят под сомнение их существование.

Иван махнул рукой:

— Исследуем Луну столько лет, и как все же мало ее знаем...

— Неудивительно. Речь идет о целой планете, а исследовательских баз здесь пока меньше, чем было в Антарктиде в середине прошлого столетия.

Иван скептически покачивал головой, ковыряя рукояткой искрового молотка в неглубокой расщелине:

— На исследовательских базах увлекаются теорией, — вполголоса заметил он, когда профессор умолк. — Вместо того, чтобы искать руду, ищут доказательства разных гипотез. Вот, например, вы, Лен Юрьевич. О платиновой жиле продиктовали три фразы, а об отличии арзахельских лав от земных — целую ленту. Почему?

Профессор улыбнулся:

— С платиной все ясно. Сюда надо прислать разведочный отряд. А арзахельские лавы — это вероятный источник платины. Изучив их, поймем, где искать новые месторождения... Платина такая же, как и на Земле, а вот лавы совсем другие...

— Так вы считаете, что тут не может быть горных пород земного типа?

— Убежден в этом!

— Но разве, например, вот эта порода не похожа на земную лаву, — заметил Иван, протягивая профессору темный пористый кусок. — По-моему, похожа...

— Откуда это? — быстро спросил Лен, поднося образец к стеклу шлема. — Откуда это у тебя?

— Только что выковырял из той трещины.

— Ковырни еще и отбей образцы от скалы.

На конце искрового молотка вспыхнули звездочки разрядов, поднялись тонкие струйки пыли.

Несколько минут Иван сосредоточенно копался в расщелине.

— Больше нет, — растерянно протянул он наконец. — Вокруг обычная арзахельская лава. Черный кусок был один. Какой-то обломок. Не понимаю, откуда он попал сюда.

— Осмотри скалы вокруг, — приказал профессор.

— Вблизи ничего похожего нет, — сообщил через некоторое время Иван. — Может, его забросило взрывом издалека?

— Я не удивлюсь, если окажется, что его забросило с Земли, — задумчиво сказал Лен. — Это похоже на... Впрочем, надо внимательно обыскать окрестности. Разойдемся на полчаса. Ты осмотри обрывы к северу, а я еще раз исследую края жерла. Странная, весьма странная находка...

— Еще бы не странная, раз не влазит в гипотезу, — удовлетворенно ухмыльнулся Иван и зашагал к обрывам.

Через полчаса он возвратился. Профессор уже сидел на старом месте и внимательно разглядывал кусок черной пористой породы.

— Ничего похожего, — коротко доложил Иван.

— У меня тоже, — кивнул Лен. — Только этот один кусок... Убежден, что он не отсюда.

— Может, американцы завезли, — с невинным видом предположил Иван.

— Я готов поверить даже в это. Даже в это, Иван. Настолько эта порода не лунная. Это типичный земной базальт.

— А может, его забросило извержением с Земли?

— Ты хочешь сказать, что он метеоритного происхождения. Не похоже... И посмотри сюда на эту чуть закругленную поверхность с бороздками. Ну, конечно! Как я сразу не догадался? Ведь это обломок керна* из буровой скважины.

— Так скважины теперь никто не бурит..

— Разумеется. Это керн из скважины, пробуренной в прошлом столетии на Земле.

— Значит, я правильно сказал, — обрадовался Иван. — Его завезла и потеряла здесь американская экспедиция. Принимаете мою гипотезу, Лен Юрьевич?

— В определенной мере, да... Но только в определенной, мере. Кое-что остается неясным. Американская экспедиция «Альбатрос» высаживалась здесь в 1982 году. Это была...

* Керн — столбик горной породы, извлекаемый из буровой скважины.

пятая высадка людей Земли на Луне. Верно я говорю? Ты перед отъездом сюда на практику должен был сдавать историю исследования планет?

— Я получил по истории исследования десять баллов,— гордо сказал Иван.— Больше никто не получил такой высокой оценки.

— Тогда помогай. Я сдавал планетоведение двадцать лет назад.

— Пожалуйста... Первые две высадки — советские космические корабли «Восток-12» и «Мир». Даты и тэ дэ известны каждому школьнику. Третья — неудачная высадка американского корабля «Атлант». Кратер Птолемей. Экспедиция погибла. Четвертая — она же первая успешная американская экспедиция. Высадка в цирке Птоломея. Они нашли там разбитый корабль экспедиции «Атлант». Только тогда на Земле и узнали о гибели предыдущей экспедиции. 1982 год — американская экспедиция «Альбатрос». Постройка американской базы в цирке Клеомед.

— «Альбатрос» сначала совершил посадку в кратере Арзахель,— поправил Лен,— и уже позднее перелетел в цирк Клеомед, где была построена первая американская научная станция.

— Эта первая американская станция была по счету третьей лунной,— продолжал Иван.— Первые две — наши «Москва» и «Искатель». Шестая лунная экспедиция...

— Стоп,— сказал Лен,— ты честно заработал свои десять баллов. Но список лунных экспедиций не объяснит нам, как попал в кратер Арзахель этот кусок земного базальта. Тем более, что после экспедиции «Альбатроса» никто в кратере Арзахель не высаживался.

— Значит, «Альбатрос»...— начал Иван.

— Маловероятно. Если мне не изменяет память, в составе экспедиции «Альбатроса» не было геологов.

— Значит...

— Значит, необходимо провести детальные исследования...— Лен выдвинул антенну дальнего приема.— Внимание! Профессор Петров вызывает Главную базу. Главная база, вы слышите меня? Два лунолета с резервными поисковыми отрядами прошу немедленно направить в кратер Арзахель. Сделана интересная находка. Необходимо провести дополнительные исследования. Да, сейчас же. Пусть захватят с собой двух уни-

версальных роботов для горных работ. Поняли меня? Превосходно. Я с практикантом Иваном Лобовым буду ждать лунолеты у центрального жерла.

Опустив антенну, Лен еще раз глянул на кусок базальта, который держал в руках.

— Похоже на то,— сказал он Ивану,— что мы с тобой сегодня не успеем к ужину...

* * *

Через несколько дней радиостанция Главной базы передала на Землю следующее сообщение:

«Исследовательская группа, возглавляемая профессором Петровым, обнаружила в кратере Арзахель остатки неизвестной лунной экспедиции. Найден бортовой журнал и предметы экспедиционного снаряжения. Экспедиция была отправлена с Земли во второй половине двадцатого века в эпоху напряженного соревнования великих держав в освоении космоса. По-видимому, это была одна из первых экспедиций землян к Луне. Она окончилась трагически, и американское правительство сохранило в тайне и саму экспедицию, и судьбу ее участников. По мнению научного руководителя американской лунной базы, прибывшего к месту находки, никто из американских исследователей, работающих на Луне, никогда не слышал об американских лунных экспедициях, предшествовавших экспедиции "Атлант", которую возглавлял полковник Кросби. Напомним, что об экспедиции полковника Кросби человечество узнало лишь после гибели этой экспедиции. Очевидно, под криптонимом "Атлант" с Земли были отправлены две экспедиции, причем экспедиция полковника Кросби была второй по счету. Обе они являлись секретными, но судьба второго "Атланта" вышла на явь. Скандал, разыгравшийся в связи с этим разоблачением, в свое время стал причиной отставки американского правительства. Тогда же, под давлением общественного мнения, Организация Объединенных Наций приняла известное постановление об увековечении памяти землян, отдавших жизнь в борьбе за покорение Космоса.

Пройдет немало времени, прежде чем удастся восстановить весь текст бортового журнала, пролежавшего в одной из лунных пещер более ста лет. Прочитанные страницы позволяют предполагать, что найдены следы экспедиции, которую

следует называть "Атлант-1". В судьбе ее участников многое остается загадочным. Едва ли не самым загадочным является исчезновение тела участницы экспедиции — Кэтрин, погибшей в момент неудачного прилунения. Судя по записям на последних страницах бортового журнала, тело Кэтрин, помещенное в прозрачный пластмассовый гроб, было оставлено в той пещере, где найден журнал и экспедиционное снаряжение. Однако пещера оказалась пуста. Тело исчезло. Не найдено и тело уцелевшего при посадке участника экспедиции — геолога Джона Смита. Именно ему, проведшему на Луне в полном одиночестве несколько месяцев, принадлежат записи в бортовом журнале. Поиски продолжаются... Великие и трагические страницы истории покорения космических далей будут прочитаны до конца. Новые изваяния доселе неведомых героев займут свои места на спиральной лестнице, обвивающей Большой Монумент Космоса».

ТАЙНА ГРЕМЯЩЕЙ РАСЩЕЛИНЫ

Телефон звонил тихо, но настойчиво.

Тумов отложил длинную нефритовую ручку с золотым пером — подарок монгольских друзей, хмуро покосился на поблескивающий никелем аппарат: «Может, замолчит?»

Телефон продолжал звонить.

Тумов с сожалением пробежал глазами последнюю фразу рукописи: «Можно утверждать, что источником нейтронного излучения Земли являются не ее недра, а атмосфера, где свободные нейтроны возникают под воздействием космических лучей. Следовательно...»

Телефон не унимался.

Тумов поморщился, сердито забарабанил пальцами по столу. Даже в воскресенье не хотят оставить в покое. Не мудрено, что работа над докторской диссертацией подвигается так медленно.

Резко отодвинул исписанные листки:

— Да... Игорь Николаевич Тумов у телефона... Откуда?.. Из Министерства иностранных дел?.. Гм...

Он откинулся в кресле, пригладил рыжеватые седеющие волосы:

— Да-да, слушаю; только, признаться, не могу понять, при чем тут я...

Голос в телефонной трубке журчал монотонно, но внятно:

— Юго-западная Монголия... Заалтайская Гоби... Хребет Адж-Богдо... сорок пять градусов северной широты... девяносто пять градусов восточной долготы...

Тумов прижал трубку плечом, взял из пепельницы недокуренную сигару, щелкнул зажигалкой, затянулся. Сквозь клубы голубоватого дыма глянул в открытое настежь окно.

Дождь прекратился. Тучи сваливались на северо-восток, за Москву. Над мокрыми крышами в лучах низкого уже солнца поблескивали окна высотных зданий.

Невидимый собеседник продолжал уговаривать.

— Ладно, — перебил Тумов, не выпуская изо рта сигары. — Все понял. Это срочно?.. Черт... Тогда пришлите машину. Пусть подъезжает к главному входу университета... Да, вот что! Я попробую захватить с собой приятеля. Мы вместе работали в тех местах... Геолог. Аркадий Михайлович Озеров. Он сейчас или в Москве, или на Камчатке... Нет, на Камчатку за ним не поеду. Только в Сокольники. Ладно... Выхожу...

Тумов положил трубку, поднялся из-за стола, с сожалением глянул на рукопись и придавил исписанные листки тяжелым пресс-папье. Подойдя к высокому книжному шкафу, снял сверху большой глобус, осторожно перенес его на письменный стол. Между экватором и полюсом, в Центральной Азии нашел нужную точку, задумчиво поскреб ее толстым пальцем.

В памяти всплыли знойные волнистые равнины, красноватое солнце в бесцветном, словно насквозь пропыленном небе, черные отполированные ветрами горы. Показалось, что он слышит однообразный шум ветра над сухими руслами рек. Струи горячих песчинок обжигают обветренное лицо... Он зажмурился и тряхнул головой. Пустыня исчезла. За окном — крыши до самого горизонта, яркая зелень парков, сизая лента Москвы-реки. Тумов вздохнул и принялся крутить телефонный диск.

На другом конце провода отозвался женский голос.

— Аркадия? — она замялась. — Он дома, но подойти не может. — А кто спрашивает?

Тумов рассердился:

— Что значит не может? Он необходим.

— Он сидит в ванне, — объяснила собеседница. — Это Игорь Николаевич?

— Я, — буркнул Тумов. — Здравствуйте, Ирина Михайловна!

— Это не Ирина. Только вы могли не узнать меня...

— Простите, я хотел сказать, Людмила Михайловна, — смущенно пробормотал Тумов. — «Хорошо еще, что у Аркадия две сестры, а не четыре», — подумал он, отирая пот со лба.

— Что передать Аркадию? — помолчав, спросили в телефоне.

— Постарайтесь передать ему трубку,— проворчал Тумов, косясь на часы: — Это срочно... Нам надо ехать довольно далеко...

— У вас всегда срочно,— обиженно сказала собеседница.— Подождите немного.

Послышался треск, какие-то шорохи, потом хлопнула дверь и в телефоне снова послышался голос Людмилы.

— Провода не хватает до ванны; к следующему разу удлиним. Аркадий через четверть часа выйдет...

— Пусть вылезает немедленно и одевается,— вскипел Тумов.— Через десять минут заеду за ним. Он должен быть готов, или заберу его голым! Будьте здоровы.

Не дожидаясь ответа, он бросил трубку, схватил пиджак и ринулся из комнаты.

* * *

Длинный министерский ЗИЛ нырнул в зеленый коридор бульвара в Сокольниках и, скрипнув тормозами, замер у подъезда десятиэтажного дома. Не успел Тумов выбраться из машины, как стеклянная дверь в подъезде распахнулась. На улицу вышел невысокий худощавый человек лет тридцати пяти, в сером костюме и высоких — до колен — коричневых ботинках с толстыми шнурками. Его влажные темные волосы были гладко зачесаны назад, в зубах торчала черная изогнутая трубка; на длинном, чуть горбатом носу прочно сидели большие очки в роговой оправе. За спиной висел небольшой рюкзак, в руках был геологический молоток с длинной рукояткой. Человек неторопливо шагнул к ЗИЛу и протянул руку к дверце машины.

— Куда собрался, Аркадий? — подозрительно спросил Тумов, помогая приятелю устроиться на заднем сиденье. Озеров чуть шевельнул бровью.

— Кажется, ты сказал Люде, что мы должны немедленно ехать куда-то?

— По-видимому, но... не буквально сейчас. Может быть, ночью или завтра. Через несколько минут все будет ясно.

Озеров пожал плечами, словно желая сказать, что это не меняет дела, и откинулся на спинку сиденья.

— Можно ехать? — негромко спросил шофер.

— Да, — бросил Тумов.

— Нет, — сказал Озеров.

Он вынул изо рта трубку и указал ею на девушку в ярком платье, которая бежала к машине, размахивая косынкой.

— Вот, — сказала девушка, подбегая, — все, что успела... Возьмите....

Она сунула Тумову нейлоновую сетку, в которой лежали свертки, консервные банки и бутылка, запечатанная сургучом.

— Людмила Михайловна, — взмолился Тумов, — помилуйте! Мы еще... не того...

— Не спорьте, — перебила девушка. — И, между прочим, это не вам, а Аркадию. Держите и молчите. А если не сразу уедете, приезжайте вечером оба... Ну, счастливо — ни пуха ни пера...

ЗИЛ чуть дрогнул и, набирая скорость, покатил к центру города. Тумов, закусив губы, глядел в зеркало. Там была видна Люда. Она стояла неподвижно у края тротуара, опустив до самой земли цветную косынку.

— Когда и куда ты собирался ехать этим летом? — спросил Тумов после того, как фигура девушки исчезла за поворотом.

— Послезавтра в Петропавловск-на-Камчатке.

— Так и думал...

— Надеюсь, ты вытащил меня из ванны не за тем, чтобы объявить это?

— Надейся, дружище. Пока я сам знаю очень мало...

— Приехали, — объявил шофер и затормозил машину возле мраморных ступеней, ведущих к высоким дубовым дверям.

* * *

Когда они вышли из министерства, была глубокая ночь. Уличные фонари не горели. Луна ярко освещала пустынные улицы. Прохожих не было видно. Откуда-то издалека доносились редкие гудки электровозов.

— Пошли ко мне, — сказал Тумов, — все-таки ближе.

Он перебросил за плечо рюкзак Озерова, раскурил сигару и зашагал в сторону Красной площади. Озеров не отставал,

хотя рядом с массивной фигурой Тумова казался совсем маленьким. Сжимая в зубах потухшую трубку, шел рядом с приятелем и помахивал в такт шагов сеткой, набитой пакетами. Друзья молча пересекли Красную площадь, поднялись на мост через Москву-реку.

Тумов вдруг остановился.

— Есть хочешь? — спросил он и покосился на сетку.

— А ты?

— Зверски: я не ужинал.

— За мостом есть скамейка на набережной,— заметил Озеров и тоже глянул на сетку, которую держал в руке.

Они удобно расположились на гранитной скамье, еще сохранившей остатки дневного тепла. Озеров разрезал на газете булку, достал из рюкзака вилку и ложку. Тумов ловко вскрыл карманным ножом две консервные банки, ударом широкой ладони выбил пробку из бутылки с виноградным вином.

Они черпали консервы из одной банки и по очереди запивали вином прямо из горлышка бутылки. А над ними в светлеющем небе ярко горели рубиновые звезды старинных башен.

— Завтрак это или ужин? — спросил Тумов, отодвигая пустую банку и придвигая вторую.

— Это первая трапеза нашего далекого пути,— сказал Озеров.— Признаюсь, никогда еще мне не приходилось есть холодные свиные консервы в два часа ночи на набережной возле Кремля.

— Здесь не Монголия. Разогреть не на чем. Но обещаю, что там,— Тумов указал на восток,— в самой пустейшей из пустынь у нас всегда будет охапка саксаула, чтобы разогреть консервы.

— А помнишь последнюю ночь у подножия Адж-Богдо? — спросил Озеров.

— Помню...

— И наш разговор?

— Да.

— Ты и сейчас считаешь, что был прав?

— Конечно.

— А я думаю, что мы с тобой тогда пропустили что-то необычайно важное.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что гибель американского искусственного спутника...

— Именно, Игорь! Та проявившаяся десять лет назад загадочная радиоактивная аномалия, которую мы не смогли отыскать, и вчерашняя гибель над этим местом искусственного спутника как-то связаны между собой.

— Зеленая фантазия!

— Нет, не фантазия. Вспомни: пролетая над Адж-Богдо, самолет Исарова попал в зону такого радиоактивного излучения, что вышли из строя многие приборы, а экипаж заболел лучевой болезнью.

— Но мы с тобой,— перебил Тумов,— на следующий год исколесили Адж-Богдо и не нашли никаких следов радиоактивного излучения. Радиоактивная аномалия приснилась Исарову во время длинного перелета, а приборы перестали работать из-за недосмотра механика.

— Ну а лучевая болезнь? Сам Исаров после перелета несколько месяцев пролежал в госпитале.

— Я не очень верю в его лучевую болезнь. Десять лет назад ее диагностика еще не была разработана. У Исарова могло быть какое-нибудь другое заболевание. Не забывай,— он воевал и пережил блокаду Ленинграда.

— Что же все-таки произошло вчера над Адж-Богдо? — задумчиво сказал Озеров.— В ноте указано, что расшифровка последних показаний приборов свидетельствует, будто спутник попал в зону радиоактивного излучения и затем был уничтожен неизвестным энергетическим разрядом.

— И наши «друзья» за океаном сразу решили, что мы испробовали на спутнике новое секретное оружие,— усмехнулся Тумов.— Вздор все это, Аркадий! На американском спутнике произошла авария приборов.

— Именно над Адж-Богдо?

— А почему бы и нет. Авария могла произойти в любом месте орбиты.

— Тогда зачем ты согласился принять участие в работе смешанной комиссии по расследованию?

— Ну, например, затем, чтобы снова увидеть места, где мы с тобой работали в молодости.

— Не верю. Для этого ты слишком занят. Скажи, разве тебя не удивляет, что и наши геофизические обсерватории зарегистрировали энергетический разряд неизвестного происхождения в районе Адж-Богдо? И именно тогда, когда на

высоте двух тысяч километров над этим местом перестал существовать американский искусственный спутник.

Тумов пожал плечами:

— Ты не имеешь основания не доверять бюллетеням обсерваторий.

— Если хочешь знать,— прищурился Тумов,— энергетический разряд — единственное, что меня интересует в этой истории. У меня появились некоторые мысли. Вот почему я согласился участвовать в комиссии и сосватал в нее тебя. Но разреши пока ничего не говорить. Это лишь первые предположения.

— Согласен, поспорим на месте,— спокойно сказал Озеров, заворачивая в обрывок газеты пустые консервные банки.

— Извините, товарищи,— послышался чей-то голос.— Странное место для завтрака!

— Вы хотите сказать: для ужина,— оглянулся Тумов.

Милиционер приложил руку к козырьку:

— Это как вам угодно. Сейчас три ноль-ноль. Позвольте ваши документы...

— У нас с собой только заграничные паспорта,— сказал Озеров, протягивая красную книжечку.

— Которые мы получили всего час назад,— добавил Тумов, шаря по карманам,— поэтому, понимаете, и пришлось закусить здесь...

— О, Аркадий Михайлович Озеров,— сказал милиционер, с интересом глядя на Аркадия.— Очень приятно познакомиться.— Козырнув, он вернул паспорт.

— Вы знаете меня? — удивился Озеров.

— Конечно, то есть издали, так сказать,— пояснил милиционер.— Слышал ваши лекции по радио насчет происхождения Земли. Интересно было...

— Благодарю,— поклонился Озеров.

— А меня вы, случайно, не знаете? — проворчал Тумов.— А то я вот никак не могу найти паспорт. Куда я его сунул?..

— Твой паспорт в заднем кармане брюк,— заметил Озеров.

— Не беспокойтесь, все в порядке,— поспешно сказал милиционер, даже не взяв в руки паспорта Тумова.— Вы извините, служба. А паспорт лучше куда-нибудь в другое место положили бы. Не ровен час!.. Потом и вам неприятности, и нам работа... Счастливого пути, товарищи!

* * *

ТУ-114 летел на восток. Уже остались позади лесистые горбы Урала; блеснул на юге голубой Арал. Неподвижные гряды тяжелых облаков закрыли далекий горизонт. Там были горы. Под крылом самолета в пыльной дымке знойного полудня плыли пески Бет Пак-Далы.

Озеров откинулся в кресле, раскурил трубку, затянулся. Рядом похрапывал Тумов. Монотонно гудели мощные моторы. Чуть вибрировала обитая темной тканью стенка салона.

«Изменилось ли что-нибудь в тех местах за прошедшие девять лет? — думал Озеров. — А впрочем, чему меняться?» Там не было ни дорог, ни селений. Безводная пустыня замкнула все пути к далеким горам. Даже араты не заходили со стадами на выжженные солнцем плоскогорья. Километрах в пятидесяти южнее Адж-Богдо были развалины ламаистского монастыря. Девять лет назад там жил старый монгол-охотник с мальчиком. И больше никого на сотни километров вокруг.

Американский представитель в смешанной комиссии, который прибудет завтра в Алма-Ату, вероятно, рассчитывает увидеть на пути в Адж-Богдо автомагистрали с удобными гостиницами, аэродромы и бетонированные площадки ракетных установок. Его ждет горькое разочарование.

И все-таки что же происходит в Адж-Богдо?

Если события, разделенные десятилетним промежутком, действительно связаны между собой и корни их следует искать в природных условиях Адж-Богдо, то наиболее подозрительным является молодое вулканическое плато на южном склоне. Там даже сохранились остатки вулканов — значит, извержения происходили недавно, в четвертичное или позднетретичное время. Правда, никаких следов современного вулканизма они с Тумовым тогда не обнаружили. Только горячие источники. У одного из таких источников стоял их лагерь. Из маршрутов приходили измученные и злые. Игорь вскоре перестал верить в загадочную аномалию Исарова.

— Аномалия, ухваченная с высоко летящего самолета, — не иголка, — сердито твердил он. — А мы ее ищем, как иголку. Нет здесь ничего — и точка.

Конечно, упоминание об иголке было преувеличением в обычной манере Игоря. Хребет Адж-Богдо протянулся на много

десятков километров. Его скалистые вершины вздымались на две с лишним тысячи метров над окружающими пустынными плоскогорьями. Сеть маршрутов не могла быть густой. В некоторые долины они вообще не заглядывали, другие оказались недоступными. И все же в словах Игоря была доля правды. Хребет они исследовали достаточно, чтобы утверждать, что крупной радиоактивной аномалии в нем нет.

Оставался еще Исаров, которому нельзя было не верить. Его самолет побывал в зоне интенсивного радиоактивного излучения. Сам Исаров заплатил за это здоровьем. В чем же дело? Направленная аномалия, связанная с каким-то кратером? Такие в природе пока не известны. Но даже и такая аномалия должна проявиться на большей площади, и трудно было бы ее не заметить.

Озеров в глубине души всегда считал, что загадка Адж-Богдо не разрешена. Было во всей этой старой истории что-то, что заставляло его снова и снова мысленно возвращаться к ней, ворошить воспоминания, сопоставлять наблюдения и факты, искать ключ к надежной теории.

— Надежная теория, — Озеров усмехнулся уголками губ. Прежде он был твердо уверен, что из некоторого количества наблюдений ее вывести нетрудно.

А вот в случае Адж-Богдо — ничего. Никакого удовлетворительного объяснения. Никакой разумной мысли. Фактов мало? Может быть. А может, что-нибудь другое?.. Если гибель искусственного спутника над Адж-Богдо не простая случайность, связанная с самой аппаратурой спутника, то ведь это повторение истории с самолетом Исарова. Только теперь весь процесс проявился гораздо более энергично. Именно более энергично... Что же это — новый, еще не известный науке тип вулканического извержения — извержение лучей, анергии? А почему бы и нет? Существуют же извержения грязи, пепла, паров, вулканических бомб, лавы... Почему из недр Земли не может извергаться энергия в виде, например, потока каких-то лучей? Итак, извержение энергии... Оно не оставляет видимых следов; может быть, происходит в очень короткий отрезок времени. Если это так, то что за сила энергетической вспышки! Спутник был уничтожен в двух тысячах километров от поверхности Земли...

Озеров вдруг хватил себя по лбу. Какая мысль! Если за этими рассуждениями кроется доля истины, что за блистательное подтверждение гипотезы, над которой он работает много

лет! Еще в кандидатской диссертации он высказал предположение, что энергия земных недр — это ядерная энергия — энергия ядерного синтеза, в результате которого из атомов более легких элементов возникают элементы более тяжелые. Эти ядерные превращения вещества происходят в глубинах Земли. На поверхность доносятся только их отзвуки — вулканическая деятельность, горообразование и множество других, пока еще непонятных явлений.

Он развил эту мысль в ряде более поздних работ. Вначале ее приняли в штыки, бранили и критиковали с позиций классической геологии, затем о ней вспоминали с ироническими усмешками, потом с легкой руки одного из корифеев она попала в учебники в раздел «прочие гипотезы», который обычно набирался петитом.

Озеров прекрасно понимал, в чем слабость его гипотезы: она была построена на общих рассуждениях, на чистой логике. Доказать свои предположения он не мог ни полевыми исследованиями, ни лабораторными опытами. Его гипотеза превосходно объясняла многое, объясняла лучше, чем гипотезы, ставшие классическими. И классические гипотезы были так же недоказуемы, как его ядерная. Однако к ним привыкли, их повторяли, как молитву, не особенно вдумываясь в смысл, а от него требовали доказательств того, что в глубинах Земли идут ядерные реакции синтеза тяжелых элементов. Этих доказательств до сих пор у него не было. Но, может быть, он найдет их в Адж-Богдо? Энергетические разряды, периодически извергаемые из глубин Земли, — что может быть лучшим доказательством ядерных реакций, идущих в земных недрах!

Озеров принялся трясти Тумова.

— А, уже садимся, — встрепенулся геофизик.

— Еще нет. Послушай, что мне пришло в голову, — он кратко рассказал о своих соображениях.

— Зеленая фантазия! — зевнул Тумов. — Лучистая энергия поступает на Землю только из космического пространства. Извне... И зачем разбудил? Теперь не засну... — он сокрушенно покачал головой, закрыл глаза и через минуту снова начал похрапывать.

Озеров некоторое время глядел в окно, потом сунул в карман потухшую трубку, достал записную книжку в кожаной оправе и принялся писать мелким, угловатым, похожим на клинопись почерком.

* * *

Мистер Алоис Пигастер был высок и лыс. Седые брови нервно подрагивали на сухом лице, когда он говорил и улыбался. Улыбался он по каждому поводу. При этом ярко блестели золотые зубы, а глаза оставались настороженными и внимательно буравили собеседника.

Озеров и Тумов познакомились с американцем на алма-атинском аэродроме перед посадкой в самолет, который должен был доставить их в монгольский город Кобдо. Местные власти сделали все возможное, чтобы комиссия экспертов могла быстрее оказаться в районе работ.

Мистер Пигастер не успел даже осмотреть Алма-Ату. Его пересадили из одного самолета в другой, и вот они уже летят над снеговыми хребтами Джунгарского Алатау.

Услышав, что Тумов свободно говорит по-английски, Пигастер обрадованно хлопнул Игоря по плечу, уселся с ним рядом и болтал всю дорогу.

Тумов вскоре узнал, что американец впервые в Советском Союзе, что он совсем не знает русского языка, но исколесил Индию, Тибет, Гималаи и владеет чуть ли не всеми языками народов Центральной Азии. По специальности он геофизик, астроном и математик. Сам управляет автомашиной и самолетом, а в молодости увлекался гипнозом и спиритизмом.

— Правительство Монголии хорошо делает, что дает возможность осмотреть место катастрофы, — заявил он. — Политики даже в Азии с годами становятся умнее и стараются не раздувать конфликтов.

— Какой конфликт? — возразил Игорь. — Неужели вы думаете, что гибель вашего спутника — дело человеческих рук?

— А неужели вы думаете иначе? — блеснул зубами Пигастер.

— Разумеется. Либо авария приборов, либо природное явление.

— Авария приборов исключена. Все приборы работали блестяще, мистер Тумов.

— Ну а, например, столкновение с метеоритом? — прищурился Игорь.

— Исключено. Скажу вам по секрету: наш спутник был снабжен специальным предохраняющим устройством, которое превращало встречные метеориты в пар.

— Это не секрет, — заметил Игорь. — Но предохраняющее устройство могло отказать...

— Невероятно. И вообще вероятность встречи с метеоритом совершенно ничтожна.

— Согласен. Однако она существует. Мы с вами запустили уже не один десяток искусственных спутников. И вот, наконец, эта ничтожная вероятность осуществилась.

— О, мистер Тумов, наш последний спутник — это целая летающая лаборатория. Там все было предусмотрено. В таком спутнике могли бы лететь несколько человек... Приборы были рассчитаны на многолетнюю работу.

— И все же ваш спутник погиб из-за какой-то непредвиденной случайности, — решительно заявил Тумов.

— Случайности — да, — ослепительно улыбнулся американец, — непредвиденной — нет.

— Простите, не понимаю.

— Или не хотите понять, дорогой мистер Тумов... Возможно, что никто не намеревался сознательно уничтожить нашу летающую лабораторию. Это произошло случайно, например при испытании какого-то нового оружия. Как это у вас говорится: целился в корову, а попал в ворону.

— У нас говорят не совсем так, но это не имеет значения, — заметил Тумов. — Меня интересует другое: неужели вы сами, мистер Пигастер, верите в высказанное вами предположение?

— Это официальная точка зрения государственного департамента. — В первый раз слова Пигастера не сопровождалась улыбкой. — Я американец, сэр.

— Но вы и ученый, если не ошибаюсь. Вы представляете, что значит «случайно попасть» в спутник, летящий с космической скоростью на высоте двух тысяч километров над поверхностью Земли. Какое оружие могло выполнить такую задачу?

— Этого я не знаю, но хотел бы узнать.

— Путем осмотра места, над которым произошла катастрофа?

— А почему бы и нет?

— Потому что, если всерьез придерживаться вашей официальной точки зрения, то «оружие», уничтожившее спутник,

можно искать где угодно, в любой точке планеты или... даже за ее пределами, что гораздо вероятнее.

— Не совсем так, мистер Тумов, — снова блеснул зубами Пигастер, — не совсем так. Я уже имел удовольствие объяснить вам, что наш спутник — это целая летающая лаборатория. Там были сотни приборов, непрерывно передающих показания по радио. Анализ последних показаний приборов свидетельствует, что спутник получил удар по вертикали снизу. Удар был вызван не снарядом и не волной взрыва, а скорее, каким-то мощным излучением, например потоком нейтронов.

— Какая ерунда! — вскричал Тумов. — Мощный поток нейтронов, источником которого является Земля!

— Я сказал, например, потоком нейтронов, — ласково улыбнулся Пигастер. — Это могли быть не нейтроны, а какие-то другие частицы. Если удастся найти остатки спутника...

— Уцелевшие после падения с высоты двух тысяч километров?

— Конструкция спутника предусматривала и такую возможность. Отдельные контейнеры могли достигнуть поверхности Земли.

— Если бы удалось найти хоть один болт с вашего спутника, это было бы замечательно, — задумчиво сказал Тумов. — Тогда многое прояснилось бы. Боюсь только, что это невыполнимая задача. Легче найти иголку, сброшенную в джунгли с самолета.

— Все же попробуем найти, — снова заулыбался Пигастер. — И вдруг найдем не иголку, а что-нибудь более крупное! Это было бы еще замечательнее.

— Вы подразумеваете источник нейтронного излучения? — вмешался в разговор Озеров. Он задал вопрос по-французски, постеснявшись продемонстрировать перед американцем свое, как он сам считал, очень плохое английское произношение.

Пигастер и Тумов повернулись к сидящему позади них Озерову. В глазах американца блеснула настороженность. В вопросе ему почудилась ловушка. Впрочем, он быстро нашелся.

— Источник едва ли, — сказал он, также переходя на французский, — скорее, какие-нибудь следы. Лучевая установка такой мощности — сложное сооружение. Следы в пустыне должны остаться. Если мне разрешат беспрепятственно передвигаться по всему району...

— Можете не сомневаться в этом, — вставил Тумов.

— Тогда что-нибудь найдем, — с поклоном закончил Пигастер.

— По-моему, надо искать не «следы», а сам источник излучения, — твердо сказал Озеров. — Я тоже склонен думать, что он там где-то существует.

Озеров сделал длинную паузу.

Американец удивленно приподнял брови и, чуть прищурившись, ждал.

— Но это природный источник излучения, а не искусственный, — заключил Озеров.

— Ах, вот что, — разочарованно усмехнулся Пигастер. — Интересно, очень интересно... Три головы, три точки зрения, — продолжал он по-английски, обращаясь к одному Тумову, и, помолчав, спросил совсем тихо: — Мистер Озеров, случайно, не писатель?

— Что вы, он геолог, — немного обиделся за приятеля Тумов. — Довольно известный геолог.

— Ах, этот Озеров, — снова изумился Пигастер. — Автор ядерной гипотезы Земли? О-о!.. Россия выдвинула в комиссию ведущих ученых. О-о, мне выпала большая честь... — он умолк и потом добавил, как бы про себя: — Интересно, очень, очень интересно... О'кей.

Самолет уже шел на посадку. На горбатых, покрытых пятнами зелени склонах виднелись беспорядочно разбросанные желтые и белые домики. Это был город Кобдо — центр одного из западных аймаков* Монгольской Народной Республики.

* * *

— Вы можете ехать немедленно, господа, — вежливо сказал за завтраком Зундуйн Очир — представитель Министерства иностранных дел Монгольской Народной Республики. Он встретил экспертов на аэродроме, проводил их в гостиницу и теперь сидел вместе с ними в маленьком застекленном павильоне ресторана.

Дымился горячий плов, приправленный яблоками, алычой и тонко нарезанными ломтиками моркови. Айран, монгольский сыр и густой крепкий чай дополняли несложное меню.

---

* Аймак — район.

— Мне поручено сопровождать вас до Тонхила,— продолжал Очир.— Это в четырехстах километрах отсюда, у подножия Алтая. Там вы встретите нашего геолога Батсура с караваном машин, лошадей и верблюдов. Батсур — член комиссии экспертов. Он поедет с вами на Адж-Богдо. Мы хотим попробовать провести машины через перевал Тамч-Даба в Монгольском Алтае. Там проходил старый караванный путь в Китай, но им давно перестали пользоваться. Дорога заброшена...

Озеров с сомнением покачал головой.

— Едва ли машины пройдут через Тамч-Даба.

— Подразделение саперов уже ремонтирует дорогу на северном склоне Алтая,— объяснил Очир.— Они получили приказ обеспечить спуск вашего каравана в Барун-Хурай — обширную впадину, расположенную между Монгольским Алтаем и Джунгарской Гоби. Дальше все будет зависеть только от вас. Машины доставят экспедицию к подножию северного склона Адж-Богдо. Начнете работать. Через несколько дней прибудут лошади и верблюды, тогда сможете исследовать центральную часть Адж-Богдо. Работы рассчитаны на месяц. Если окажется необходимым, срок может быть продлен по желанию одного из экспертов.

Разговор велся по-русски. Мистер Пигастер неторопливо жевал плов, запивал чаем, равнодушно поглядывал в окно. В раме окна была видна узкая мощеная улица; караван навьюченных верблюдов осторожно пробирался мимо стоящих у подъезда легковых и грузовых машин.

Верблюды вытягивали длинные шеи и протяжно ревели; гортанно покрикивали смуглые погонщики, одетые в яркие халаты и высокие войлочные шапки. За плоскими желтыми крышами виднелись поросшие лесом склоны невысоких гор, а над ними — яркое синее небо.

— Прошу извинения, господа,— обратился по-английски к Тумову Пигастер.— Когда и как мы можем двигаться дальше? Мы должны спешить. Очень спешить...

— Предлагают хоть сейчас,— сказал Тумов.— Но мне кажется, нам следует передохнуть и выехать завтра утром.

— На чем мы полетим? — прищурился Пигастер.

— А мы не полетим,— пояснил Тумов, наливая себе холодный айран.— Мы поедем на грузовиках, потом на верблюдах, потом на лошадях и, в заключение, пойдем пешком.

— Вы, конечно, шутите.

— Даже в мыслях не имел...

— Тогда я протестую, господа, категорически протестую. Это перечеркивает все планы. Нужны самолеты, вертолеты, вездеходы. Да, господа, если у вас их нет, Америка может доставить все это через два-три дня.

— Я в отчаянии, мистер Пигастер, что вас так расстраивает способ передвижения, — вмешался по-английски Очир. — Я в отчаянии и от того, что ваши американские самолеты и вертолеты, которые, бесспорно, очень хороши, будут здесь в Гоби так же беспомощны, как и наши. Гостеприимство не позволяет нам идти на риск. Мы не можем позволить, чтобы хоть один волос упал с головы кого-либо из членов высокой комиссии.

Тумов чуть заметно подмигнул Озерову, поглядывая на лысину Пигастера.

— Там, на далеком юге, — продолжал Очир, — лежит пустыня, окружающая пустынные безлюдные горы. Там нет поселков, нет даже стойбищ, нет складов горючего, нет аэродромов. Постоянные ветры и бураны необычайно затрудняют посадку самолетов и делают невозможным использование вертолетов.

— Самолеты и вертолеты летают даже в Антарктике, — заметил Пигастер.

— Летают и здесь, когда нет иного выхода, — спокойно сказал Очир. — Конечно, можно было бы подыскать посадочную площадку и оборудовать ее для приема экспедиции. Но на это потребуются еще недели. И даже добравшись самолетом к подножию Адж-Богдо, все равно придется ждать там прибытия лошадей. А на машинах комиссия доберется за пять-шесть дней. В наших краях машина и лошадь надежнее самых новейших самолетов, господа.

— Решено, — громко объявил Тумов. — Едем на машинах. Голосую! Кто за?

Пигастер ослепительно улыбнулся:

— Вижу, что остался в меньшинстве.

* * *

Шестой день пробивался караван машин на юго-восток, к подножию далекого Адж-Богдо. С помощью саперов были прой-

дены крутые уступы Тамч-Даба, хотя мистер Пигастер на каждом привале твердил, что перевал они не возьмут и только напрасно теряют драгоценное время. Когда цепочка машин поднялась на перевал и путешественники увидели красно-оранжевое солнце, выплывающее из-за пыльной мглы бескрайних пустынь, Тумов сказал американцу:

— Ну вот, все в порядке. Осталась меньшая половина.

— Надо еще спуститься,— сухо заметил Пигастер, кутаясь в меховую куртку.— Интересно, какая здесь высота, мистер Тумов?

— Пустяки. Всего две тысячи семьсот пятьдесят метров над уровнем моря. Ровно на километр ниже, чем гребень Адж-Богдо.

Пигастер покачал головой, но ничего не сказал. После отъезда из Кобдо он улыбался все реже.

К вечеру машины спустились с перевала.

Впереди лежали желтые плато Барун-Хурая. Далеко на юго-востоке, за грядой невысоких возвышенностей, которые едва проступали на горизонте, была заалтайская Гоби. Обжигающий ветер гнул к самой земле пучки высохшей травы. Пыльные смерчи поднимались высоко в воздух на пустынных увалах и исчезали, как призраки. Низкое солнце тускло светило сквозь пыльную завесу. Невидимый песок колол лицо и скрипел на зубах.

Из кабины первой машины вылез молодой круглолицый монгол в ватнике и фетровой шляпе с ремешком у подбородка — геолог Батсур, доцент Улан-Баторского университета; пригибаясь на ветру, подошел к Озерову.

— Где-то здесь должно быть стойбище аратов,— начал он, стараясь перекричать свист ветра.— Станем на ночлег возле них...

— Араты здесь, за перевалом? — удивился Озеров.— С каких пор?

— Пробуют осваивать пустыню,— усмехнулся Батсур.— Уже несколько лет приходят со стадами к подножию южного склона хребта, но туда,— он указал на юг,— далеко не заходят. Жмутся к горам. А там, в Гоби, кое-где есть хорошие пастбища. Боятся чего-то. Не хотят идти на юг... Это стойбище последнее; больше людей не встретим.

Машины покатились дальше по сухому руслу потока, стекающего ранней весной с южного склона хребта. Русло,

сложенное мелкой галькой, напоминало широкую проселочную дорогу и, подобно проселку, причудливо извивалось среди невысоких красноватых и черных скал. Местами в защищенных от ветра уголках попадались чахлые кусты остролистного тамариска. Редкие метелки эфедры покачивались на склонах. Уже темнело, когда впереди у подножия невысокого плато заблестели огни костров.

Прибытие каравана машин вызвало переполох в стойбище аратов. Отовсюду — из войлочных юрт, от костров, из-за ближайших холмов — к машинам шли и бежали мужчины, женщины, дети в ватных халатах и островерхих меховых шапках, махали руками, переговаривались на ходу, кричали, показывали на машины и на покрытые снегом скалистые гребни недалеких гор.

Батсур заговорил с аратами. Шум утих. Пастухи слушали внимательно. Многие удивленно и даже недоверчиво покачали головами. Когда Батсур умолк, вперед выступил высокий седобородый старик в красном, расшитом серебром халате, зеленых сапогах с загнутыми вверх длинными носками и в войлочной шапке, отороченной лисьим мехом. Пронзительный взгляд старика обежал гостей, задержался на мгновение на лице Озерова. Коснувшись коричневыми руками бороды, старик заговорил высоким гортанным голосом. Батсур переводил.

— В отборной крупе нет сора, у старого человека нет лживых слов. Араты приветствуют дорогих гостей, прибывших в Гоби из далеких краев. Араты склоняются перед великим искусством смелых наездников, проведших железных коней, — Батсур похлопал рукой по кузову ближайшей машины, — через заоблачные выси Большого перевала. Двадцать зим назад араты подумали бы, что железные кони спустились с неба, ибо пути для железных коней через горы нет. Теперь араты думают иначе. Они читают газеты и слушают радио. Они знают, что человек все может. Он может найти воду в Гоби, может спасти стада от зимних буранов, может провести железных коней там, где раньше спешивались самые отважные наездники. Когда-нибудь человек обуздает и злые силы громовых духов, обитающих на юге. Просторы Гоби перестанут пугать мирных пастухов. Араты уже многому научились от своих старших друзей, живущих на севере и западе. Они будут учиться и дальше. Счастлив познающий сладость и пло-

ды учения. Араты горды тем, что среди искусных наездников, которые вели железных коней через Большой перевал, есть и монголы. Оставайтесь у нас и отдыхайте, пока вам не наскучит наше гостеприимство. Отдаем вам самые лучшие юрты, самые мягкие кошмы, самые теплые одеяла. Юноши выбирают в стадах самых жирных баранов. Толстый Цыбик, которому известны все тайны запахов жареного мяса, уже точит ножи. Оставайтесь и будьте так же счастливы, как счастливы араты, приветствующие дорогих гостей.

Старик замолчал, опять коснулся бороды и, подойдя к гостям, медленно и торжественно обнял каждого.

Когда очередь дошла до Озерова, старик похлопал его по плечу и на ломаном русском языке сказал:

— Ты был Гоби — старый Баточирын помнит тебя. Ты был Юсун-Булак, там, — старик показал на север. — Это было давно; много зим прошло.

— Я не помню тебя, отец, — ответил Озеров, обнимая старика, — но я завидую твоей памяти — памяти степного орла. Я был в Юсун-Булаке перед поездкой в Гоби девять лет назад.

— Кто был Гоби и снова вернулся, тот найдет счастье, — сказал старый Баточирын.

— Если пришел без плохой мысли, — добавил он, обнимая Пигастера, стоящего возле Озерова.

Араты снова заговорили шумно и приветливо, окружили гостей, обнимали, жали руки.

Долго не гасли в эту ночь костры в стойбище пастухов. Ветер стих, улеглась пыль. Неподвижный воздух был холоден и сух. В черном небе над пустыней ярко искрились звезды. Приятным теплом тянуло от костров, в которых, потрескивая, горели сухие ветви саксаула и караганы.

Батсур, лежа на кошме между Озеровым и Тумовым, вполголоса говорил:

— Наш американец прицепился к старому Баточирыну, как колючка к лошадиной гриве. Больше часа говорят. О чем бы?

— Третий способ изучения местности и обстановки, — усмехнулся Тумов, — расспросы местного населения.

— Хорошо он говорит по-монгольски? — спросил Озеров.

— Лучше меня, — засмеялся Батсур. — В общем, понять можно.

— Любопытный тип, — вполголоса заметил Озеров, поглядывая в сторону соседнего костра, где седобородый Баточирын, наклонив голову, внимательно слушал улыбающегося Пигастера.

— Разведчик! — процедил сквозь зубы Тумов.

— Не только, — возразил Озеров. — Он и ученый. Мне попадались его работы по земным токам и магнетизму. Ты тоже должен их знать.

— Ерунда. Ни одной путной мысли. Фантазия...

— У тебя все фантазия, — спокойно заметил Озеров. — А между прочим, в самых фантастических представлениях есть зерно истины. Вот, например, сегодня, приветствуя нас, Баточирын сказал о громовых духах, обитающих на юге Гоби. Это, конечно, какая-то легенда. Но мне очень хотелось бы узнать о ней подробнее. Ты обратил внимание на эти слова?

— Нет, — сказал Тумов. — Пока он говорил, я старался вспомнить, куда положил контрольные таблицы для измерительных приборов.

— Вспомнил?

— Нет.

— А ты не мог оставить их в Москве?

— Не думаю, — протянул Тумов не очень уверенно.

— Это скандал, если таблиц не окажется, — покачал головой. Озеров. — Надо завтра же проверить... А вы, Батсур, знаете легенду, о которой говорил Баточирын? — продолжал он, помолчав.

— Не знаю, — тряхнул головой молодой монгол. — В Гоби много легенд. Здесь о каждой долине, о каждой скале существуют легенды. Завтра спрошу Баточирына.

* * *

На следующее утро Озерова разбудили свист и вой ветра. Юрта дрожала от сильных порывов. В воздухе снова было полно тонкой песчаной пыли. Выбравшись из спального мешка, Озеров увидел вокруг страшный беспорядок. Вьючные чемоданы были раскрыты, содержимое раскидано на полу. Среди вороха одежды, книг, инструментов и разного походного снаряжения мрачно копался Тумов.

— Таблицы? — спросил Озеров.

Тумов молча кивнул.

Войлочная завеса у двери приподнялась, пропустив Батсура.

— Ветер разыгрался,— объявил он, снимая пылезащитные очки.— Придется ждать. Пути не видно.

Постепенно в юрте собрались все участники экспедиции. Последним пришел мистер Пигастер со своим секретарем — бледным молчаливым молодым человеком.

Завтракали молча. Торопливо глотали плов, запивали кислым молоком. Первыми поднялись и вышли шоферы, за ними радисты. Когда стали расходиться коллекторы, Озеров попросил их упаковать чемоданы, распотрошенные Тумовым.

— А что вы искали, Аркадий Михайлович? — спросил Жора, коллектор Тумова, собирая раскиданное по войлочному полу имущество.

— Игорь Николаевич искал контрольные таблицы.

— Так они не здесь! — крикнул Жора.— Кто-то их засунул в ящик с лекарствами. Я еще думал — зачем они там?

Тумов открыл было рот, чтобы прочитать Жоре нотацию, но, поймав насмешливый взгляд Озерова, махнул рукой и промолчал.

После полудня ветер стал утихать. Решено было двигаться дальше. Нагруженные машины выстроились в походную колонну.

— Говорили с Баточирыном? — спросил Озеров у Батсура.

— Говорил. Смеется. Сказал: «Идите спокойно. Громовые духи вас не тронут: уснули надолго».

— А легенду рассказал?

— Не хотел. Говорил: «Непонятные вопросы задаете. Вчера чужеземец, который разговаривает на нашем языке, спрашивал про большие машины с военными людьми. Откуда в Гоби большие машины? Ты теперь спрашиваешь про старую легенду. Зачем вам это?» Рассердился и не хотел со мной говорить. Сказал: «Надо баранов посмотреть» — и ушел.

Озеров задумчиво посасывал трубку.

— Уснули надолго,— повторил он.— Интересно! Надо обязательно узнать про эту легенду, Батсур.

— Теперь не скажет,— засмеялся молодой монгол.— У нас старики упрямые.

Проводить экспедицию собралось все стойбище. Араты шумно желали удачи, жали руки. Девушки протягивали отъезжающим пиалы с айраном и кумысом.

Озеров оглядывался по сторонам, но старого Баточирына не видел.

— Уехал к стадам, — сказал Батсур, заметив вопросительный взгляд геолога. — Придется эту легенду самим разгадывать...

* * *

Уже две недели работала экспедиция на северных склонах Адж-Богдо. Когда пришли лошади и верблюды, начались маршруты в глубокие ущелья, рассекающие горный массив. Машины колесили по предгорьям. Пешие группы штурмовали черные скалы.

Пигастер был неутомим. С утра до ночи, в зной и в бураны, носился он на маленьком газике по предгорным плато, въезжал на крутые склоны, петлял среди скал. Дважды он заблудился и не вернулся на ночь в лагерь. Однако оба раза на другой день ухитрился одному ему известным способом найти правильную дорогу.

Когда газик заезжал в лабиринт скал, из которых, казалось, не было выхода, Пигастер отстранял шофера-монгола и сам брался за баранку. И каждый раз благополучно выводил машину на более или менее ровное место.

Шоферы прозвали его «летающим шайтаном», но слушались беспрекословно. Если бы Пигастер велел съехать с отвесного обрыва, они без колебаний выполнили бы его распоряжение.

Своего помощника Пигастер редко брал в эти поездки. Чаще он отправлял его в пешие маршруты в глубь гор вместе с Озеровым или Тумовым.

Озеров методически, шаг за шагом, составлял геологическую карту Адж-Богдо. Однако здесь, на северном склоне, его предположения не находили подтверждений. Горы были сложены древними песчаниками и сланцами. Не попадалось никаких следов молодого вулканизма, никаких значительных аномалий. Батсур во время одного из маршрутов нашел месторождение свинца, но многие сотни километров, отделяющие Адж-Богдо от поселков и дорог, лишали эту находку практического значения еще на долгие годы.

Экспедиция уже трижды меняла лагерь, постепенно перемещаясь с северо-запада на юго-восток. Вскоре предстоял переход на южные склоны массива.

Пигастер в начале работ обещал награду тому, кто найдет хоть какие-нибудь остатки контейнеров погибшего искусственного спутника. Рабочие, шоферы и радисты исходили сотни квадратных километров предгорных равнин. Однако ни на склонах Адж-Богдо, ни на пустынных плато, окаймляющих массив, ничего не удалось найти.

В середине июля наступила сильная жара. Безветренные дни были особенно тяжелыми. Раскаленный воздух обжигал кожу. Моторы отказывались работать. Легкие дышали с трудом. Пройдя всего несколько километров, обессиленные люди падали в тени скал. Нужна была немалая выдержка, чтобы заставить себя снова выйти под лучи палящего солнца.

Из всего состава экспедиции, казалось, только Озеров не страдал от жары. В самые жаркие часы дня он мог лазать по открытым склонам, отбивал образцы, делал зарисовки, подолгу записывал свои наблюдения. Официально с момента выезда из Тонхила экспедицию возглавлял Тумов, его заместителем считался Батсур. Фактически всем командовал Озеров. Тумов и Батсур ничего не делали без согласования с ним; его советы принимались без возражений. Младшие научные сотрудники во всех спорных случаях обращались к Озерову; его мнение считалось окончательным и никем не оспаривалось.

Работы шли полным ходом, несмотря на дневной зной, жажду и усталость. Однако поиски были безрезультатными. Ни наземных причин катастрофы, ни остатков искусственного спутника экспедиция не находила.

Однажды поздно вечером Тумов, Озеров и Пигастер, только что возвратившиеся из маршрутов, ужинали в палатке Батсура.

Ночь была тихая, но холодная. После дневного зноя температура быстро спадала, на рассвете она нередко опускалась до нуля.

— Пора переходить на южный склон массива,— сказал Тумов, протягивая миску за второй порцией жареного мяса.— Как твое мнение, Аркадий?

— Согласен,— помолчав, ответил Озеров.

— А вы что думаете, мистер Пигастер?

— Я готов.

— Значит, ничего, никаких следов, — заметил Тумов, поглядывая исподлобья на своих собеседников.

— Остается еще южный склон, — улыбнулся Пигастер.

— А ваши предположения не поколебались?

— Отчасти, — Пигастер забарабанил пальцами по пластмассовой плите походного столика. — Отчасти, мистер Тумов. Впрочем, неизвестно, что мы найдем на южном склоне.

— Край еще более дикий, чем здесь. Тут побывало несколько исследователей, там были только мы с Озеровым.

— Но там ближе до китайской границы, — возразил Пигастер. — Там могут быть дороги; можем встретить людей. Встретили же мы пастухов на южном склоне Монгольского Алтая.

— Напрасные ожидания!

— Девять лет назад там жил отшельник-охотник, — сказал Озеров. — Но это значительно южнее, километрах в пятидесяти от Адж-Богдо.

— О, надо обязательно навестить его, — оживился Пигастер.

— Если он еще жив, — процедил Тумов.

— С ним был мальчик, — продолжал Озеров. — Они жили в развалинах покинутого ламаистского монастыря. Монахи ушли в Китай, а этот охотник, вероятно, остался сторожем монастырских владений.

— Почему ушли монахи? — заинтересовался Пигастер, обращаясь к Батсуру. — Ваше правительство изгнало их?

— Наше правительство не преследует монахов. А о существовании монастыря к югу от Адж-Богдо едва ли знали в Улан-Баторе. Этот монастырь покинут давно.

— Да, — подтвердил Озеров, — он был покинут лет за пятнадцать до нашего первого приезда в эти места. Старик-охотник рассказывал, что монахи ушли после сильного землетрясения.

— Неужели этот человек провел в полном одиночестве пятнадцать лет? — с сомнением спросил Пигастер.

— Вероятно, он иногда уходил к людям, — сказал Озеров. — Иначе откуда у него взялся бы мальчик, которому на вид было не более восьми лет?

— А может, там вблизи все-таки есть стойбища? — снова улыбнулся Пигастер.

— Стойбищ там нет,— возразил Батсур.— К югу от Адж-Богдо сейчас простирается безводная пустыня. Несколько десятков лет назад вода там еще была. На старом караванном пути в Китай есть высохшие источники и колодцы. Но вся местность между Монгольским Алтаем и Китайским Тянь-Шанем испытывает сильные поднятия. Грунтовые воды уходят в глубину, источники исчезают. Монахи покинули монастырь не потому, что испугались землетрясения. Монастырь они могли отстроить. Пропала вода, был заброшен старый караванный путь, и люди перестали посещать монастырь. Доходов не стало. Монахи ушли...

— Возможно,— сказал Озеров.— Однако землетрясение, разрушившее монастырь, было очень сильным. Постройки старинные. Они насчитывали не одну сотню лет. Разрушено почти все. Даже помещения, высеченные в скалах, пострадали. Восстановить все это было бы нелегко. Здесь временами происходят сильнейшие землетрясения, сопровождающие рост горных хребтов. Плоские плато на вершинах высоких гор — свидетели той недавней эпохи, когда здесь были бескрайние равнины. Сейчас остатки древних равнин приподняты на три-четыре километра над уровнем моря. На глазах человека происходит перестройка земной коры. Древний континент — платформа — превращается в свою противоположность — горную область. Если этот процесс будет продолжаться, он может завершиться грандиозными обрушениями. В Центральную Азию возвратится море, и лишь вершины высочайших хребтов останутся над водой наподобие островов современных океанов.

— Мрачные прогнозы,— усмехнулся Пигастер.— К счастью, это, по-видимому, произойдет не слишком скоро.

— Нашему поколению можно не опасаться,— кивнул Тумов.

— Господин Батсур,— обратился Пигастер к молодому монголу.— Вы, конечно, коммунист. Вы мечтаете когда-нибудь построить среди этих пустынь и пустынных гор царство божие, в котором все будут одинаково богаты и одинаково счастливы, этакую благословенную страну, в которой у каждого пастуха будет пластмассовая юрта, газовая плита, электрическая бритва и еще там что-нибудь. А вот господин Озеров говорит, что пройдет некоторое время и сюда возвратится море. Значит, все, что вы собираетесь построить, рано или поздно

утонет. Стоит ли тратить силы и молодость для грядущих поколений, которые все равно обречены?

— Вы примитивно представляете себе будущее, мистер Пигастер,— сказал Батсур.— Коммунизм — это не газовая плитка и не электрическая бритва в юрте арата. Коммунизм будет великим содружеством умных, свободных и счастливых людей. Всех людей целой планеты, мистер Пигастер... Мой отец говорил: «Будешь ждать счастья с неба — днем попадешь в волчью яму». Араты не будут ждать счастья. Они его построят сами. И они уже начали строить. Вы нашли здесь еще не тронутую человеком пустыню и полагаете, что дальше электрической бритвы у народов Гоби мечта не идет?.. А мы хотим напоить влагой эти пески, создать тут сады и плантации, заполнить водой русла высохших рек, построить города, курорты и станции отправления космических кораблей... Мы хотим, чтобы монгольские юноши и девушки, потомки нынешних аратов, могли слушать лекции в международных университетах всех континентов Земли. Хотим подчинить себе могучую и пока еще непокорную природу. А когда придет время изменений, о которых говорил товарищ Озеров, что ж, если человек коммунистической эпохи не сможет их предотвратить, он переселится из угрожаемого района в другой: из Гоби — на запад Северной Америки, из Нью-Йорка — в отвоеванную у моря Атлантиду. Ведь он будет полноправным хозяином всей планеты.

Тумов многозначительно кашлянул.

— Вы прекрасно рассказали, мистер Батсур,— ослепительно улыбнулся Пигастер.— Это так величественно и заманчиво, что... даже мне хотелось бы поверить вам. Но мне невольно пришло на ум любимое изречение мистера Тумова. Позвольте, как это вы говорите, мистер Тумов? Ах, да,— зеленая фантазия... Именно — зеленая фантазия! Зеленая, как те плантации, которые вы хотите вырастить. Только вы не обижайтесь на меня, дорогой мистер Батсур. Что делать? У каждого своя слабость. Я верю в Господа Бога, вы — в сады и рощи, которые пастухи вырастят у подножия Адж-Богдо, а мистер Озеров — в природный источник мощного нейтронного излучения, уничтоживший спутник. Не будем бранить друг друга за свои слабости.

— Отец учил меня уважать слабости ближних,— поклонился Батсур.— Дорог тысяча, правда одна...

* * *

Переброску лагеря на южный склон Адж-Богдо было решено осуществить по двум маршрутам. Колонна машин вместе с караваном верблюдов и большинством лошадей обогнет массив с юго-востока. Пешая группа с несколькими вьючными лошадьми попытается перевалить Адж-Богдо по ущелью, которое назвали Черной расщелиной. Караван машин поведет Тумов. В пешей группе пойдут Озеров, Батсур, Жора и двое рабочих. В последний момент к пешей группе решил присоединиться и мистер Пигастер.

На рассвете, когда за черными зубцами Адж-Богдо чуть начал розоветь восток, а ущербная луна еще ярко светила в темном небе, маленький караван покинул лагерь.

В лагере уже никто не спал. Рабочие снимали палатки, грузили снаряжение на автомашины. С восходом солнца автоколонна также должна была выступить в длительный и трудный маршрут вокруг гор. Когда маленькая группа смельчаков проходила мимо машин, рабочие прерывали погрузку и молча провожали взглядами темные фигуры, упрямо шагающие навстречу ветру. Никто не промолвил ни слова, но все знали, что путь этой шестерки будет нелегким. Еще ни один человек не переваливал через черные скалы Адж-Богдо.

Тумов проводил караван до ворот ущелья, молча пожал всем руки.

— Вперед,— скомандовал Озеров.

Батсур, Жора, Пигастер и двое монголов-рабочих, ведущих в поводу навьюченных низкорослых лошадок, один за другим исчезли в темной пасти ущелья.

Тумов положил широкую ладонь на плечо друга, чуть наклонился и внимательно глянул с высоты своего огромного роста в спокойное лицо Озерова.

— Ну-ну, не тревожься, старина,— тихо сказал Аркадий.— Все будет в порядке. Завтра вечером встретимся.

— Значит, у восточного подножия вулканического плато,— охрипшим голосом пробормотал Тумов.— Осторожнее наверху... В случае чего лучше вернитесь. Радируй, и я пошлю назад одну из машин.

— Пройдем,— сказал Озеров.— Ну, счастливо!

— В добрый час, Аркадий.

Тумов подождал, пока маленькая фигурка Озерова исчезла за поворотом ущелья, и тихо побрел к лагерю. Восток разгорался все ярче. Над черными горами и бескрайними желтыми плато вставало солнце.

* * *

В первый день караван Озерова прошел около 20 километров по извилистому коридору Черной расщелины. Постепенно поднимались все выше. Путь в тени высоких скал оказался менее мучительным, чем маршруты по раскаленным плато предгорий. Временами навстречу каравану из верховьев ущелья начинал дуть довольно сильный ветер. Его порывы угоняли зной. Дышать становилось легче. Люди быстрее карабкались по осыпям и скалам, настойчивее тянули за собой лошадей.

Во время коротких привалов Батсур и Жора измеряли прибором радиоактивность пород. Озеров торопливо записывал наблюдения в полевой дневник.

Наконец ущелье начало расширяться, склоны стали положе, появились кустики чахлой зелени. Караван вышел в верховья долины. Впереди уступами громоздились черно-коричневые скалы главного гребня. Где-то среди них завтра предстояло проложить путь в долины южного склона. На западе из-за скал поднимался ослепительно белый пик.

— Мунх-Цаст-Ула, — сказал Озеров. — Высочайшая вершина Адж-Богдо. Более трех тысяч семисот метров над уровнем моря.

— Мрамор? — поинтересовался мистер Пигастер, доставая из кожаного футляра полевой бинокль.

— Нет, снег.

— О'кей; значит, там есть вода.

— Да, — ответил Озеров, — но там нет перевала.

— Еще вопрос, найдем ли его здесь, — улыбнулся Пигастер, поглядывая на черный гребень, запиравший верховья долины.

* * *

На ночлег стали у подножия водораздельного гребня. Воды не было. Лошадей стреножили и пустили щипать чахлую, пожелтевшую траву. На примусе вскипятили чай и разогрели консервы.

Озеров вдруг вспомнил завтрак в три часа утра на набережной Москвы-реки. Игорь сказал тогда, что в Гоби всегда найдется охапка саксаула, чтобы разогреть консервы. А вот здесь, в этой пустынной долине, не было и охапки саксаула. Ни деревца, ни кустика, лишь пучки сухой колючей травы на почерневших от солнца и ветров склонах.

«Как-то дела у Игоря? Куда они сумели добраться сегодня?» — думал Озеров, раскладывая спальный мешок на бурой каменистой почве.

Рядом Жора крутил рукоятки радиостанции. В наушниках были слышны шорохи и треск. Радист Тумова не отзывался.

— Еще едет; не стали на ночлег,— объявил Жора, откладывая наушники.

Быстро темнело.

Ужинали в полумраке. Обжигаясь, тянули обветренными губами горячий чай. Ледяной ветер задувал с близкого перевала, заставлял приподнимать воротники ватных курток, нахлобучивать поглубже шляпы и шапки. Здесь, на высоте трех тысяч метров над уровнем моря, переход от дневной жары к ночному холоду был необычайно резок.

Ужин подходил к концу, когда один из рабочих — Жамбал — крикнул что-то громко и испуганно.

Батсур вскочил:

— Где?

Жамбал, растерянно шевеля губами, указал под ноги на темную каменистую почву.

Батсур включил электрический фонарь, принялся внимательно разглядывать камни и сухую траву.

— Что там? — спросил Озеров.

— Жамбал говорит, что видел каракурта.

— На такой высоте,— усомнился Аркадий,— едва ли...

— Надо проверить. Угроза слишком серьезная.

— Конечно.

Обыскали лагерь, перетрясли спальные мешки, седла и рюкзаки, но ничего не нашли.

— Померещилось ему,— заметил Озеров, снова усаживаясь на брезент.

— Нет, нет,— крутил головой Жамбал,— моя честный слово говорит. Моя каракурт видел... Плохо будет. Надо идти другой место... Здесь ночевал нельзя...

— Куда пойдем? — возразил Батсур.— Ночь, темно. Будем спать на кошмах. На кошму каракурт не полезет.

— Моя боится,— твердил Жамбал.— Моя очень боится. Моя старый бабушка один каракурт кусал. Бабушка сразу помирал.

— Что случилось? — поинтересовался мистер Пигастер.

— Есть подозрение, что в лагерь забрался ядовитый паук — каракурт, или черная вдова. Его укус считается смертельным.

— О'кей,— усмехнулся Пигастер.— Настоящий яд. Сильно действует. Но не стойкий. В консервированном виде долго не сохраняется. Эти пауки есть там, далеко, в пустыне. Здесь их нет,— продолжал он, переходя на монгольский язык,— нет...

— Я видел,— упрямо повторил Жамбал,— здесь... Идти надо...

Пигастер нахмурился и посветил вокруг карманным фонариком. Батсур расстелил рядом с брезентом кошму из грубого войлока. Американец торопливо перебрался на нее и сел, поджав под себя ноги.

— Здесь теплее,— пояснил он и погасил фонарь. Батсур легонько подтолкнул Озерова локтем.

— Однажды паук сыграл скверную шутку с одним журналистом,— сказал Аркадий, попыхивая трубкой.— Журналисту пришлось ночевать в полевом стане. Дело было в Туркмении на окраине пустыни. Там водились каракурты... Журналист был не из робких, но каракуртов боялся смертельно. Он решил не спать всю ночь, однако перед рассветом задремал. Проснулся от ощущения, что по руке кто-то ползет. Он открыл глаза и увидел на своем мизинце небольшого черного паука. Парень чуть не сошел с ума от страха. Он лежал, боясь пошевелиться, ни жив ни мертв и с замирающим сердцем ждал, когда паук сползет с пальца. А паук все сидел и не думал никуда уползать. У журналиста затекла рука и онемело тело... Проснулся его сосед, увидел черного паука, тоже перетрусил и посоветовал быстрым движением стряхнуть каракурта. Журналист шевельнул рукой, но недостаточно резко. Паук свалился, но успел укусить его в палец. Подняли тревогу, и колхозный кузнец предложил журналисту единственный путь к спасению: немедленно отрубить укушенный палец. Бедняге пришлось согласиться. Операцию произвел кузнец. Журналист не успел даже сообразить, что происходит, как одним пальцем у него стало меньше. Увидев кровь, он потерял сознание. Когда его привели в чувство, кузнец стоял рядом и со смущенной

миной пробовал извиняться. Журналист начал было бормотать слова благодарности, но кузнец, сокрушенно покачивая головой, объяснил, что паука уже поймали ребятишки. Он оказался совсем не каракуртом, а безобидным крестовиком...

— О чем рассказывал Аркадий Михайлович? — тихо спросил Жора у Батсура.

Батсур, посмеиваясь, повторил по-русски историю о крестовике, принятом за каракурта.

— А вы знаете, что эти пауки чрезвычайно быстро размножаются? — послышался из темноты нервный голос Пигастера.— Каждая самка каракурта откладывает осенью тысячи яичек. Яички она помещает в сплетенные из паутины коконы. Весной молодые пауки вылезают из коконов, выпускают длинные паутиновые нити, и на этих нитях весенние ветры разносят их на большие, расстояния. А осенью каждая молоденькая самка снова оставляет тысячеголовое потомство. Каракурты могли бы быстро завоевать пустыни, если бы не птицы... Скверно, если тут действительно гнездятся эти пауки,— заключил американец.— По одному они обычно не встречаются.

— Клянусь усами главного ламы,— сказал Батсур,— мне начало казаться, будто что-то ползает по спине под ватником.

— Русские в таком случае говорят: мороз побежал по коже,— невесело усмехнулся Пигастер.

— Батсур, быстро расстегни и сбрось ватник,— приказал Озеров и осветил молодого монгола ярким снопом света карманного фонаря.

Побледневший Батсур пробежал пальцами по пуговицам ватной куртки и почти незаметным движением плеч сбросил ее на брезент.

Жора и Жамбал громко вскрикнули.

На белой рубашке Батсура между лопаток сидел большой бархатно-черный паук.

— Не шевелиться,— прошептал Озеров. Легким движением руки он смахнул паука на брезент и раздавил записной книжкой.

— Спасибо, дорогой,— просто сказал Батсур и погладил Аркадия по плечу.

— Гм, значит, рабочий не ошибся,— процедил сквозь зубы мистер Пигастер, разглядывая раздавленное насекомое.— Проклятая страна,— голос американца дрогнул.

Снова тщательно осмотрели площадку лагеря и обнаружили еще одного каракурта, который быстро пробежал между камнями и скрылся. Больше никого не нашли.

Посовещавшись, решили не менять места лагеря.

— Чтобы не ломать ног в темноте, — сказал Озеров. Жамбал, что-то бормоча по-монгольски, окружил место ночлега кольцом из вьючных веревок.

— Каракурт такой веревка не любит, — объяснил он Жоре. — Может, не придет...

— А если перепрыгнет?

— Если перепрыгнет, тогда, может, придет...

В эту ночь мистер Пигастер не сомкнул глаз.

* * *

На следующее утро начали подъем на перевал. Об инциденте с каракуртами никто уже не вспоминал. Только Жора во время одного из кратких привалов тихо сказал Батсуру:

— А наш мистер сегодня не улыбается. Наверно, ему везде чудятся каракурты. Даже не присел ни на одном привале.

— Ты, Жора, смелый парень, — похвалил Батсур. — Сегодня днем ничего не боишься, правда?...

Жора покраснел, но смолчал.

Этот Батсур видит людей насквозь. Как он догадался, что Жора вчера перетрусил? А, откровенно говоря, перетрусил Жора здорово. Кто знает, сколько таких каракуртов гнездилось в верховьях ущелья, где стоял лагерь! Проснешься, а черный паук сидит на тебе. У Жоры противно дрожали пальцы, когда он настраивал передатчик. В шорохе и треска ничего нельзя было разобрать. Жора так и не сумел установить радиосвязи с автоколонной. Вероятно, в этом были виноваты каракурты. Хуже, что не удалось наладить связь и сегодня утром. В наушниках трещало, как во время сильнейшей грозы. По-видимому, была какая-то неисправность в приемнике, но какая, Жора не знал.

— Скажут еще, что ничего не понимаю в радио, — испугался Жора. Он даже вспотел под спокойным взглядом Озерова, терпеливо ожидавшего установления связи, и соврал, что автоколонна не отзывается.

— Может, местные помехи, — мрачно размышлял он, шагая возле Батсура. — Но откуда?

Батсур с улыбкой приглядывался к хмурой физиономии Жоры. Потом хлопнул его по плечу.

— Не расстраивайся, богатырь. И не сердись. От гнева стареешь, от смеха молодеешь. Смейся — все хорошо будет.

В полдень маленький караван достиг перевала. Это произошло как-то неожиданно. Люди упрямо карабкались вверх с уступа на уступ. С трудом вытаскивали отяжелевшие ноги из горячих осыпей, с шуршанием ползущих вниз по крутым склонам. Тянули и подталкивали выбивающихся из сил лошадей. Смотрели только, куда поставить ногу при следующем шаге. Никто не глядел вверх.

И вдруг горячий ветер Джунгарской Гоби пахнул в потные лица, сорвал и унес вниз широкополую шляпу Озерова. Скалы расступились. Подъем кончился. Путешественники стояли на узкой седловине, зажатой среди высоких обрывов. Коричневые скалы гигантскими ступенями спускались далеко вниз к плоским котловинам и плато великой пограничной пустыни. Желтые пески терялись в знойной дымке, а над ними, замыкая южный горизонт, висела в воздухе волнистая белая нить — не то облака, не то снега далеких гор.

— Тянь-Шань, — сказал Озеров, — самые восточные цепи Китайского Тянь-Шаня. Между ними и нами около двухсот километров безводных песков и такыров* Джунгарии.

— А что это за черное плоскогорье у подножия Адж-Богдо, все иссеченное трещинами? — хмуро спросил Пигастер, двумя руками придерживая шляпу, которую ветер так и рвал с головы.

— Вот это и есть вулканическое плато, открытое девять лет назад, — объяснил Озеров. — Отсюда виден его восточный край. Плато очень велико. Оно тянется далеко на северо-запад. Это единственный известный в настоящее время центр молодого вулканизма в Юго-Западной Монголии. Где-то над этим плато произошла авария вашего спутника.

— Проехать туда на машине нельзя? — поинтересовался американец.

— Можно кое-где пройти пешком. Большинство расщелин недоступно. Там пригодился бы вертолет, если бы не чудовищные ветры, постоянно дующие из Джунгарии.

---

* Такыры — плоские блюдцеобразные впадины с глинистым дном; тип глинистой пустыни.

Караван двинулся вниз, к восточной окраине вулканического плато.

* * *

Во время перехода через Адж-Богдо не удалось сделать новых открытий. Приборы не зарегистрировали никаких признаков аномалий. Настороженный взгляд Озерова не заметил ничего, что давало бы хоть малейшую поддержку его гипотезе.

Оставалось вулканическое плато. Караван уже несколько часов пробирался вдоль его восточного края. Плоскогорье круто обрывалось в каменистой предгорной равнине. Причудливые карнизы нависали над головами путешественников. Зубцы и колонны, выточенные вихрями в многосотметровой толще лав и вулканических туфов, казались развалинами огромных замков, построенных и разрушенных великанами. Глубокие ущелья уходили в глубь плато. Ветер, врываясь в них, завывал и гудел, словно в трубах чудовищных орга́нов.

Батсур попробовал углубиться в одну из расщелин, но оказалось, что она недоступна. За первым же поворотом узкое щелевидное русло было перегорожено вертикальным обрывом высотой в несколько десятков метров.

— Как и в большинстве таких трещин, — сказал Озеров. — А радиоактивность?

— Нормальная, — пожал плечами Батсур.

— Все, как девять лет назад...

— Где вы проникали в глубь плато? — спросил Батсур.

— Южнее; там есть одна расщелина, по которой можно подняться наверх. Возле нее находится горячий источник. Впрочем, далеко по вершине плато тоже не пройти. Вся поверхность иссечена глубокими трещинами.

— Отчего мог возникнуть такой странный рельеф? — недоумевал Батсур.

— Может быть, лавовое плато при подземных толчках раскололось на громадное количество кусков, — предположил Озеров.

— Нигде не видел ничего подобного.

— Признаться, я тоже, — кивнул головой Озеров.

— Словно кто-то специально долбил по этому плато огромной кувалдой. Хотел расплющить, но только расколол на куски... Весной по этим расщелинам стекает вода,— продолжал Батсур.— Смотрите, в русле есть окатанные водой гальки.

— Интересно, что эти гальки состоят не из пород самого плато,— сказал Озеров.— Вероятно, среди лав встречаются слои конгломератов. Эти конгломераты разрушаются, и гальки из них выкрашиваются. Надо обязательно взять образцы.

Уже темнело, когда караван достиг юго-восточной оконечности плато. Здесь стена обрывов круто поворачивала на северо-запад и уходила к фиолетовым гребням далеких гор.

— Удивительно,— недоумевал Батсур,— мы прошли вдоль всего восточного края и не встретили ни наших машин, ни их следов. Я думал, они ждут нас тут.

— Да, странно,— согласился Озеров.— Странно также, что молчит их радио.

— Аркадий Михайлович,— отозвался Жора, виновато опустив глаза,— наверно, наше радио не в порядке. Послушайте, что делается в наушниках.

Озеров надел наушники, послушал, покрутил рукоятки настройки и молча передал наушники Батсуру.

Узкие глаза монгола округлились, как только он надел наушники.

— Когда это началось, Жора? — спросил Озеров, кивнув на приемник.

— Вчера вечером трещало немного,— пробормотал юноша.

— А сегодня утром?

— Сильнее, но не так, как сейчас.

— Магнитная буря? — спросил Батсур, освобождаясь от наушников.

Озеров с сомнением покачал головой.

— Жаль, что у нас нет магнитометра,— заметил Батсур.

— Проверим, как ведут себя компасы...

Все трое вытащили горные компасы и освободили стрелки. Стрелки, поколебавшись, замерли без движения.

— Никакой магнитной бури нет,— сказал Озеров, пряча компас в футляр.

Подошел Пигастер. Он уже успел слазать на ближайшую возвышенность и осмотреть в бинокль окрестности.

Услышав о неисправности радио, Пигастер взял наушники и скептически усмехнулся.

— Меня удивляет ваша наивность, господа, — сказал он. — Приемник в полном порядке. Просто где-то совсем близко, под самым нашим носом работает заглушающая станция. Станция, которая заглушает иностранные передачи.

Озеров и Батсур переглянулись и не могли удержать улыбок. Жора, которому перевели слова Пигастера, невежливо фыркнул.

— Во всяком случае, очень похоже на работу такой станции, — поправился Пигастер, подрагивая седыми бровями.

Несколько раз, пока готовили ужин, Жора брался за передатчик. Треск в наушниках не утихал, но и не усиливался. Казалось, где-то совсем рядом невидимые руки разрывали бесконечные, туго натянутые полотнища. В однообразном звенящем треске не было слышно ни одной станции.

Озеров задумчиво глядел на костер, в котором горели сухие ветви караганы. Таких помех в радиосвязи не было девять лет тому назад. С чем могут быть связаны эти странные нарушения в эфире? И какую площадь они захватили?

В эту ночь Озеров спал плохо. Ему снилось, что он блуждает в холодной непроницаемой мгле. Под ногами сыпучий песок, вокруг ветер и густая тьма. Ощупью он наткнулся на какую-то стену. Она холодна и шероховата, как базальтовые обрывы плато. В ней есть отдушины и щели. Сквозь них проникает далекий оранжевый свет и доносится треск разрываемых тканей, бесконечный треск, как в наушниках радиопередатчика.

«Это сон», — подумал он и заставил себя проснуться.

Была глубокая ночь. Чуть вспыхивал догорающий костер. В черном, пронзительно холодном небе ярко искрились звезды. Ветер утих, и глубокая тишина распростерлась над пустыней. Вот рядом застонал во сне Жора, и снова стало тихо.

Не вылезая из мешка, Озеров закурил трубку, лежал, прислушивался.

Жамбал, ссутулившись, неподвижно сидел у костра, обхватив руками карабин.

«Спит», — подумал Озеров.

Он выбрался из мешка, потянулся, глянул вверх и замер.

Багрово-лиловое пятно растекалось по черному небу. Оно появилось на северо-западе над плато, расширялось дрожащими волнами, бледнело, гасло. Вот уже на месте пятна снова ярко блестят потускневшие было звезды.

«Показалось, — думал Озеров, протирая глаза. — Что это? Галлюцинация, полярное сияние?..».

Он стоял не шевелясь, не отрывая взгляда от той части неба, где появилось и исчезло багрово-лиловое пятно. Не чувствовал пронизывающего холода. И вот снова начало багроветь небо в том же самом месте. Багровое пятно разливалось среди звезд, как отблеск далекого пожара. Но это не могло быть отблеском. Светилось само небо, и сквозь красноватую вуаль продолжали мерцать звезды.

«Может, мне кажется?» — промелькнуло в голове Озерова.

Не отрывая взгляда от уже бледнеющего пятна, он принялся трясти Жамбала. Монгол вскочил как ужаленный.

— Смотри туда, — шепнул Озеров, указывая в темное небо. Жамбал стремительно вскинул карабин.

— Нет, нет, не стреляй. Только смотри. Видишь что-нибудь?

Жамбал вытаращил широко открытые глаза и растерянно озирался.

— Видишь что-нибудь на небе? — повторил Озеров, боясь оторвать взгляд от почти исчезнувшего пятна.

— Звезда вижу... Много з-звезда, — заикаясь, проговорил Жамбал, с испугом поглядывая то на небо, то на Озерова.

— Смотри еще! — приказал Озеров. — Сейчас оно появится снова.

Жамбал снова вскинул карабин.

— Нет. Только смотри, — сказал Озеров, беря у него из рук оружие.

Они долго стояли, закинув головы, смотрели в черное небо. Красноватое пятно больше не появлялось.

— Ватник надень, — прошептал Жамбал, глянув на Озерова. — Мороз...

Аркадий вдруг почувствовал, что совсем окоченел. Торопливо засунул негнущиеся руки в рукава ватника, набросил полушубок. Взгляда он не мог отрывать от той части неба, где ярко блестел в темноте большой крест Лебедя. Временами ему казалось, что небо снова начинает краснеть, но

Жамбал уверял, что ничего не видит. Багровое пятно больше не появилось.

«И все же это не была галлюцинация,— думал Озеров.— Я убежден, что видел свечение неба над плато. А вдруг это свечение и помехи в радиосвязи вызваны одним источником?»

Мысленно ругнув себя, что не подумал об этом раньше, Озеров включил радио. Ровный, звенящий треск донесся из наушников. В эфире ничего не изменилось.

Восток уже розовел. Озеров чувствовал, что уснуть он теперь не в состоянии. Необходимо было собраться с мыслями.

Вскинув за плечо карабин, он быстро пошел по каменистому плато в сторону светлеющего горизонта. Первые порывы утреннего ветра прилетели откуда-то из бескрайних просторов Заалтайской Гоби, зашелестели пучками сухой травы. Склон, по которому поднимался Озеров, закончился небольшим уступом. Ниже тянулись темные волны спящих песков.

Озеров присел на карниз шероховатого песчаника, курил, думал.

Надо во что бы то ни стало проникнуть в глубь плато, осмотреть расщелины. Он испытывал странное чувство, словно стоял на пороге открытия. Остается сделать еще шаг, поднять завесу, и все станет ясно.

«Спокойно, спокойно,— сказал он себе.— Не дай понести воображению».

Яркий луч света скользнул среди темных песков, потом другой. Озеров вскочил. Сердце его стремительно забилось. Прошло несколько секунд, прежде чем он сообразил, что идут машины.

«Нервы сдают»,— мелькнуло в голове.

Он принялся сигнализировать светом карманного фонаря. Фары машин светили все ярче. Вскоре послышался натужный гуд моторов, с трудом прокладывающих колею по сыпучим пескам.

Наконец первая машина доползла до подножия уступа и остановилась.

Озеров торопливо спустился вниз.

— Почему один среди пустыни? — было первым вопросом Тумова, когда он выпрыгнул из кабины.

— Лагерь рядом. Я пошел вам навстречу.

— А почему молчали? — заорал Тумов, так обнимая Аркадия, что у того затрещали кости. — Я одну машину назад послал за вами к старому лагерю.

— Ваше радио работало? — быстро спросил Озеров, с трудом освобождаясь из рук приятеля.

— А что ему сделается.

— Включите передатчик. Немедленно.

Радист выскочил из закрытого брезентом кузова, поставил на песок зеленый ящичек, выдвинул антенну, начал крутить рукоятки настройки. Вскоре на его лице появилось растерянное выражение.

— Ух, черт! — пробормотал он, поглядывая то на Озерова, то на Тумова. — Прямо барабанные трели.

— Так, — сказал Озеров. — Значит, только возле плато. Кажется, мы напали на след, Игорь.

* * *

Лагерь поставили у горячего источника. Вскипающая пузырьками газа вода проточила в скалах коридор с глубокими котлами и ваннами. Стенки ванн были гладко отполированы быстрыми теплыми струями. Зеленоватый песок устилал дно. Можно было подолгу лежать в удобных ваннах, под тенью зубчатых карнизов, потягивая тепловатую воду, вкусом напоминающую нарзан.

— Пройдут годы, и здесь вырастет курорт; будут большие дома, электричество и киоски с мороженым, — мечтательно говорил Батсур. — Обязательно приеду сюда отдыхать.

— Пока это единственное место, ради которого стоило ехать в Гоби, — ворчал Тумов, раздеваясь возле одной из ванн.

Уже несколько дней экспедиция обследовала южную окраину вулканического плато. Тумов, Озеров и Батсур лазали по глубоким расщелинам, поднимались на плоские вершины, колесили в лабиринте зияющих трещин. Некоторые трещины были наполовину засыпаны крупными кусками черных пористых базальтов, другие уходили на большую глубину, тянулись на километры, перекрещивались, ветвились, превращались в глубокие каньоны и зияющими расщелинами открывались на краях плато. Одни легко можно было перешагнуть, ширина других измерялась многими десятками метров.

Удалось осмотреть несколько ближайших вулканических конусов. Они также были иссечены трещинами. Жерла были засыпаны обломками. Никаких признаков выделения вулканических газов, никаких следов вулканического тепла не удалось встретить на мертвом плоскогорье.

Казалось, что вулканическая деятельность угасла здесь давно, может быть, много тысячелетий назад. Приборы не отметили нигде повышенной радиоактивности пород.

Единственно, что настораживало исследователей, это бесконечный треск в наушниках радиоприемников. Он был слышен только в непосредственной близости плато, почти исчезал на расстоянии двадцати-двадцати пяти километров от него и достигал максимума возле края базальтовых обрывов. Дальше в глубине плато его интенсивность не возрастала. Словно сами базальты были источником каких-то радиоволн, которые вопреки законам физики распространялись не во все стороны, а направленным потоком уходили вверх. Впрочем, радисты твердили, что треск в наушниках с каждым днем слабеет. Действительно, сквозь него уже стали слышны радиопередачи Улан-Батора, Алма-Аты и Урумчи. Не появлялось больше и ночное свечение неба над плато.

Из-за этого свечения Тумов даже немного повздорил с Озеровым. Выслушав рассказ Аркадия, Тумов со свойственной ему уверенностью объявил, что пятна — фантазия, что они померещились Озерову, и добавил, что у всех глаза воспалены от солнца и постоянных ветров. Разгорелся спор: Аркадий, не выдержав, назвал Игоря близоруким слоном, который не хочет видеть дальше своего хобота. Тумов обиделся. Сутки не разговаривали друг с другом, а потом снова заговорили как ни в чем не бывало.

Озеров не спал еще две ночи, стараясь увидеть ночное свечение. Оно не появилось, и Аркадий перестал о нем вспоминать.

Лежа в теплой воде, Тумов мечтательно говорил Батсуру, голова которого торчала из соседней ванны:

— Еще пара деньков — и конец. Пора возвращаться. Скорей в Москву — и за работу. Надо кончать диссертацию.

— Выходит, возвращаемся ни с чем,— вздохнул Батсур.

— Как? — удивился Тумов.— Ты открыл месторождение; Аркадий составил прекрасную геологическую карту, я принимал нарзановые ванны; мистер Алоиз Пигастер убедился, что

ракетных и лучевых установок здесь нет и что его спутник отправился ко всем чертям без нашего участия. Все прекрасно, как Гоби издалека.

— А почему погиб спутник?

— От неисправности одного из десяти тысяч приборов.

— А энергетический разряд в районе Адж-Богдо?

— Простое землетрясение. Они здесь не редки. Их следы видны на каждом шагу.

— Но при нас не было.

— И хорошо,— заметил Тумов, поглядывая на нависающие карнизы.

— Однако многое остается загадочным; например, этот треск в наушниках.

— Над этим пусть ломают головы радиотехники.

— Нет, Игорь Николаевич; по-моему, это дело геологов и геофизиков.

— Уже заразился от Аркадия,— усмехнулся Тумов.— Он тоже хочет объяснить все, что попадается на глаза, забывая о границах своей науки.

— У науки нет границ,— возразил Батсур.

— Не лови на слове, дружище,— махнул рукой Тумов.— Перечитай лучше «Гамлета». Там Горацио говорит по этому поводу неглупые слова принцу.

— Вы, вероятно, имеете в виду слова принца, обращенные к Горацио: «Есть многое, мой друг Горацио, что еще не снилось нашим мудрецам»? Однако мы живем на семьсот лет позже...

Тумов засопел.

— Победил, но не убедил,— пробормотал он, вылезая из ванны и закутываясь в мохнатую простыню.— Чтобы ты не подумал, будто я окончательно поглупел в этой Гоби,— продолжал он, усаживаясь на камне,— скажу тебе по секрету, что все так называемые загадки Адж-Богдо объясняются очень просто. Черное базальтовое плато поглощает огромное количество лучистой солнечной энергии. Оно стало своеобразным конденсатором такой энергии. Это сложный и пока неизученный процесс. Породы плато, видимо, не только накапливают, они как-то преобразуют солнечную энергию, а под влиянием внешних воздействий — например, космического излучения — могут отдавать ее обратно в виде потоков частиц и волновых

импульсов. Возможно, что над плато существует сплошной поток отдачи энергии, струящейся в межпланетное пространство. В этом потоке определенную роль играют и радиоволны, улавливаемые нашими приемниками и создающие поле помех вблизи плато. Не исключено даже, что этот «поток отдачи», воздействовав на какие-то приборы спутника, вывел их из строя и, в конечном итоге, привел к гибели спутника. Это плато давно мертво, как часть вулканического аппарата Земли, но оно живет как постоянно заряжающийся и разряжающийся гигантский конденсатор энергии Солнца. Процессы, происходящие при этом, надо изучить в лаборатории, а потом уже прийти с готовыми рецептами и приборами и проверить здесь. Вы, геологи, смотрите под ноги и пытаетесь все объяснить внутренней активностью Земли. Вы забываете, что рядом находится Солнце — источник всего живого и активного в нашей солнечной системе. Земля — пылинка, несущая в себе частицу солнечного тепла. Даже умерев, эта пылинка сохранит жизнь на своей поверхности, пока солнце будет струить в пространство потоки энергии.

— Геолог мог бы многое возразить вам,— осторожно заметил Батсур.

— Поэтому я и перестал разговаривать на такие темы с Аркадием,— сказал Тумов.— К чему бесполезные споры! Мы стоим на диаметрально противоположных позициях. Время и опыты покажут, с кем истина...

* * *

Мистер Пигастер каждый вечер твердил, что надо посетить развалины ламаистского монастыря, о котором рассказывал Озеров. Решено было поехать сразу, как только геологи закончат осмотр южной части плато.

Сам Пигастер, поколесив на газике по пустыне вдоль окраины плато и заглянув с Озеровым в несколько расщелин, потерял всякий интерес к дальнейшим маршрутам. Он не покидал лагеря, по несколько раз в день принимал минеральные ванны, а когда спадала жара, диктовал длинные письма и отчеты своему молчаливому помощнику. Озеров и Батсур каждое утро уходили в глубь плато, забирая с собой всех коллекторов и радиометрические приборы. Возвращались они обычно

затемно. В ответ на вопросительный взгляд Тумова Озеров мрачно качал головой.

Наконец Тумов объявил, что пора кончать бесполезное топтанье в лабиринте трещин.

— Хотелось бы добраться до центра плато,— возразил Озеров.— Там видны остатки еще одного вулканического аппарата. Кажется, он крупнее других.

— Хватит,— решительно заявил Тумов.— Плато исследовано достаточно. Ничего не изменится, если вы с риском для жизни доберетесь еще до нескольких потухших вулканов. Скажи откровенно, Аркадий, много нового нашел ты здесь по сравнению с тем, что мы с тобой видели девять лет назад?

— Структуру плато я представляю теперь более отчетливо,— сказал Озеров.— А что касается принципиально нового... Пожалуй, об этом сейчас говорить не стоит.

— Так вот, давайте заканчивать работу. Кажется, все члены комиссии экспертов теперь согласны, что американский искусственный спутник погиб без участия человека, что при самых тщательных поисках обнаружить остатки спутника не удалось, что саму гибель, скорее всего, следует связывать с внеземными — космическими — причинами.

— Я скажу свое окончательное «да» по всем трем пунктам лишь после поездки к развалинам монастыря,— улыбнулся Пигастер.

— Вот и прекрасно; поезжайте туда завтра, а послезавтра подпишем протокол, и конец.

— А я не согласен с последним пунктом,— спокойно заметил Озеров.

— Можешь в приложении к протоколу написать свое особое мнение,— раздраженно бросил Тумов.— Принципиального значения это не имеет.

Озеров пожал плечами, но ничего не сказал.

На следующее утро Озеров, Батсур и Пигастер на маленьком газике выехали к развалинам монастыря.

Машину вел Батсур. Озеров по карте указывал путь. Ехали на юг вдоль сухого русла давно исчезнувшей реки. Справа и слева тянулась пустыня. Горячий воздух столбами поднимался от раскаленной земли.

Обрывы плато вскоре исчезли за желто-коричневыми увалами. Лишь гребень хребта со сверкающим белым пиком

Мунх-Цаст-Улы остался единственным ориентиром в бескрайнем просторе равнин, по которому неторопливо бежал маленький газик.

Древнее русло давно потерялось в песках, пропал в синеве неба гребень Адж-Богдо, а газик бежал и бежал вперед. Горячий воздух бил в лицо, обжигал кожу.

Повстречали стадо куланов — короткогривых диких ослов. Они подпустили машину совсем близко, а затем неторопливо исчезли среди барханов.

— Край непуганых зверей,— заметил Озеров.

— Судя по поведению стада, эти куланы не видели ни машины, ни человека,— отозвался Батсур.

Озеров мельком оглянулся на Пигастера, и ему показалось, что американец с интересом прислушивается к разговору.

В полдень газик въехал в широкое каменистое ущелье, прорезанное в невысоком плато. На дне ущелья в тени крутых красноватых обрывов появилась зелень, приятно ласкающая взгляд после сурового однообразия камня и песков. Среди остролистых колючих кустарников виднелись заросли древовидной караганы, известной на севере под названием желтой акации, темно-зеленые кроны приземистого ильма.

— Скоро монастырь,— сказал Озеров.

За поворотом ущелья каменный обвал перегородил дорогу. Огромные желтые и красноватые глыбы были в беспорядке нагромождены одна на другую.

Батсур остановил газик. Путешественники вылезли, поднялись на нагромождение глыб и увидели монастырь. Он лежал в расширении ущелья. Остатки массивных стен, сложенных из желтых тесаных камней, опоясывали развалины больших прямоугольных строений. Широкие каменные лестницы поднимались к рухнувшим порталам. Несколько старых платанов и орехов росли вокруг разрушенных зданий. В стенах ущелья над широкими кронами деревьев чернели входы в многочисленные кельи, высеченные в скалах.

Батсур громко крикнул. Многоголосое эхо повторило возглас, и снова воцарилась глубокая тишина.

— Никого,— сказал Озеров.

— Спустимся и осмотрим развалины,— торопил Пигастер.

— Осторожнее,— предупредил Батсур.— Когда люди уходят, на их место приходят змеи.

Путешественники долго бродили по развалинам. Пигастер фотографировал остатки лепных карнизов и упавшие колонны. Батсур прислушивался, настороженно поглядывал по сторонам.

— Никогда не знаешь, кого встретишь в таком месте,— тихо сказал он Озерову.

Осмотрели доступные кельи. Они были пусты, а в одной устроил себе гнездо огромный орел-стервятник. Гостей он встретил свирепым шипеньем, угрожающе раскрывал клюв, изгибал голую шею и, видимо, не собирался уступить свое место без боя.

— Людей здесь давно уже не было,— заметил Озеров, когда все трое спустились на широкий двор, замощенный каменными плитами.

— А где жил старик? — спросил Пигастер.

— Не знаю. Мы разговаривали с ним на этом дворе. В свое убежище он нас не пригласил.

— Посмотрим еще,— предложил американец.

Теперь решили разойтись и осматривать развалины порознь. Озеров полез на вершину плато. Пигастер углубился в руины самого большого здания. Батсур заглянул в разрушенную башню, прошелся вдоль стен, потом присел в саду возле источника.

«Богатый был монастырь,— думал он.— Граница близко. Проходили богомольцы из Китая... Источник, вероятно, считался целебным. Место укромное. Озеров прав: умирание караванного пути повредило монастырю, но едва ли оно могло остановить паломников. Что же заставило монахов уйти отсюда? Землетрясения? — Батсур обвел глазами развалины.— А может, и это не главное? Надо узнать в Улан-Баторе. Странно также, почему монахи не использовали источник у вулканического плато. Они не могли не знать о нем...»

Пронзительный крик заставил Батсура вскочить на ноги. Это был голос Пигастера. Батсур одним прыжком перемахнул невысокую ограду, выхватил из кармана пистолет и бросился в лабиринт развалин. Крик повторился. Теперь он был хриплый и полузадушенный.

Батсур, закусив губы, несся вперед. Он обогнул одну стену, перескочил через другую, взлетел по рассыпающимся ступеням, со всего маху ударился о выступ какого-то карниза, спрыгнул, а вернее, свалился с высокой каменной террасы, прорвался через густые заросли колючего кустарника и замер.

Посреди небольшого внутреннего дворика на каменных плитах катались свившиеся в один клубок Пигастер и большой буровато-коричневый зверь. Батсур успел рассмотреть, что американец обхватил обеими руками горло зверя и силится оттолкнуть его оскаленную пасть от своего залитого кровью лица. Раздумывать было некогда, стрелять — нельзя.

Батсур прыгнул вперед, поймал рукой коричневую холку зверя, одним рывком оторвал его от Пигастера и отшвырнул в угол двора. Ошеломленный барс припал на мгновение к каменным плитам и огромным прыжком ринулся на Батсура.

Пуля встретила его в воздухе. Барс перевернулся и тяжело ударился о каменный пол у самых ног молодого монгола.

— Стреляйте еще, — умолял Пигастер.

— Не надо, — сказал Батсур, пряча пистолет и наклоняясь к американцу. — Он совершенно мертв. А что с вами?

— Кажется, я весь разорван на куски, — со стоном прошептал мистер Пигастер, косясь на лежащего рядом барса.

Осмотр раненого показал, что разорваны, в основном, куртка и брюки. Сам мистер Пигастер отделался несколькими неглубокими царапинами на груди и голове. Батсур посадил американца возле стены, быстро перевязал царапины носовыми платками и кусками рубашки.

Стоять мистер Пигастер не мог. Ноги под ним подкашивались, а голова без сил падала на грудь. Все его тело дрожало, как в сильнейшей лихорадке.

Недолго думая, Батсур взвалил американца на плечи и понес к машине.

«Куда делся Озеров? — думал Батсур, пыхтя под тяжестью американца. — Неужели он не слышал криков и выстрела?»

Дотащив мистера Пигастера до машины, Батсур посадил его на заднее сиденье и загнал газик в тень обрыва. Затем, не обращая внимания на протесты американца, влил ему в рот для бодрости изрядную порцию коньяку и пошел в развалины искать Озерова.

Подбитые металлическими шипами ботинки Батсура громко стучали по каменным плитам; шаги гулко отдавались в узких полутемных коридорах. Батсур громко звал Озерова. Никто не откликался. «Неужели и с ним что-то случилось в

этом проклятом месте? — со страхом думал монгол. — Нельзя было нам разделяться...»

Какой-то странный шаркающий звук донесся из глубины развалин. Батсур насторожился. Это походило на медленные шаги босых ног. Кто-то шел навстречу по лабиринту развалин. Это не мог быть Озеров, у которого, так же как и у Батсура, ботинки были подкованы шипами. Тогда кто же?

Несмотря на жару, Батсур почувствовал легкий озноб. Нащупав в кармане рукоятку пистолета, монгол притаился за углом. Шаги медленно приближались.

* * *

Поднявшись на край плато, Озеров и там увидел развалины. Остатки каких-то строений, сложенных из тесаного камня, были разбросаны на большой площади. Здесь не было оборонительных стен; крутые склоны плато служили надежной защитой от непрошенных гостей.

Местами чернели полузасыпанные входы в подземные убежища.

«Целый покинутый город», — думал Аркадий, бродя среди развалин.

Он прошел к северному краю плато. Оно обрывалось крутым уступом высотой в несколько десятков метров. Внизу простиралась пустыня. Тонкой ниточкой тянулся через пески и такыры след, оставленный колесами газика. Единственный след на бескрайних песчаных равнинах. След уходил на север — туда, где в знойной дымке полудня чуть белел острый пик Мунх-Цаст-Улы.

Разглядывая обрывы плато, Озеров заметил в них несколько узких длинных щелей, явно высеченных рукой человека. Они напоминали бойницы и, по-видимому, сообщались с какими-то подземными помещениями внутри плато. Проникнуть в них со стороны обрыва было невозможно. Да и сами щели были слишком узки, чтобы сквозь них мог пробраться человек.

Озеров возвратился к развалинам и начал осматривать полузасыпанные входы в подземелья. Один из входов был засыпан меньше других, и Аркадию даже показалось, что кто-то расчищал его не очень давно. Крупные обломки лежали вдоль стен, песка было мало.

Озеров зажег электрический фонарь и без колебаний шагнул в подземелье. Едва ощутимый сквозняк пахнул в лицо. Видимо, подземелье имело второй вход, а может быть, сообщалось с бойницами в обрывах плато. Освещая дорогу сильным лучом света, Аркадий уверенно пробирался вперед. Высеченный в скале коридор был настолько высок, что можно было идти не сгибаясь. Озеров миновал несколько разветвлений; ориентировался на ветер, дуновение которого становилось все явственнее. Судя по стрелке компаса, подземный коридор вел на север.

Наконец впереди забрезжил слабый свет. Озеров вышел в широкую дугообразную галерею. В северной стене галереи находились бойницы, которые он заметил с плато. Яркие полосы дневного света проникали сквозь них в подземелье. Однако это не были оборонительные бойницы. Прорубленные в скале почти пятиметровой толщины, они имели в ширину не более двадцати сантиметров. Вертикальные стенки их были гладко отполированы. И, самое главное, в эти «бойницы» не было видно подножия обрывов и пустыни, а только небо.

Получался какой-то ребус... Ценой невероятных усилий люди прорубили щели, отполировали их края. А в эти щели не видно ничего, кроме раскинувшегося над пустыней синего неба. И все же странные отверстия служили для наблюдения. Напротив каждой в стене коридора была высечена каменная скамья.

«Древняя обсерватория? — мелькнуло в голове Аркадия. — Едва ли! Щели позволяли вести наблюдения не выше десяти-двенадцати градусов над горизонтом. Видимость светил на такой высоте при отсутствии приборов совершенно недостаточна».

Щелей было пять. Заглянув по очереди в каждую, Озеров обнаружил, что они не совсем параллельны друг другу. Сквозь восточную щель виднелся увенчанный снегами конус Мунх-Цаст-Улы, в остальные глядело только небо.

Присаживаясь по очереди на каменные скамьи, расположенные напротив щелей, Аркадий заметил ряды грубых зарубок, сделанных в стене на уровне головы наблюдателя. Больше всего зарубок было возле средней скамьи. Аркадий насчитал здесь свыше трехсот зарубок, размещенных в несколько рядов. Они, без сомнения, были сделаны в разное время. Верхние зарубки выглядели очень старыми и почти стерлись.

Нижние казались свежими. Каждую пятую зарубку украшал грубый кружок.

«Ребус, — мысленно повторил Озеров. — Интересно было бы его разгадать».

Набросав в записной книжке расположение подземелий и бойниц и характер зарубок, Аркадий углубился в темный коридор и без труда выбрался на вершину плато.

Перед тем как спуститься к развалинам, он решил глянуть на машину и подошел к южному краю плато. Машины у завала не было. Озеров удивленно огляделся по сторонам. Газик стоял теперь в тени обрывов южного борта ущелья, а возле него бродила длинная фигура, с ног до головы закутанная в белое покрывало. Несколько мгновений Аркадий настороженно приглядывался. Белая фигура продолжала кружить вокруг неподвижной машины.

— Очень странно, — пробормотал геолог. — Кто бы это мог быть?

Добравшись до высеченной в обрывах лестницы, он начал быстро спускаться.

Двор монастыря был пуст. Озеров остановился в нерешительности: «Бежать к машине или разыскать товарищей?»

Вдруг за стеной сада послышались голоса. Один голос принадлежал Батсуру, другой — гортанный и дрожащий — был незнакомым. Говорили, а вернее кричали, по-монгольски.

Озеров вскарабкался по обломкам камней на стену и заглянул в сад.

Батсур, свирепо сверкая глазами, наступал на какое-то странное, закутанное в лохмотья существо. Существо испуганно пятилось и что-то бормотало, не то оправдываясь, не то угрожая.

Озеров спрыгнул со стены и окликнул Батсура.

Молодой монгол оглянулся и радостно вскрикнул. Он хотел было броситься навстречу Озерову, но, заметив, что существо в лохмотьях собирается дать тягу, поймал его за одну из тряпок и потянул за собой.

Когда Батсур подвел к Озерову своего пленника, Аркадий увидел маленького, худого, как скелет, старика. Обрывки халата едва прикрывали его обтянутые кожей ребра. Ноги были босы и покрыты струпьями. Клочья седых волос торчали на голом черепе. Морщинистое лицо было искажено злобой и страхом.

— Понимаешь, искал тебя и наткнулся на этого гнома, — взволнованно заговорил Батсур. — Думал, он что-нибудь сделал с тобой.

— Он? — удивился Озеров, внимательно разглядывая старика. — Подожди, подожди. Отпусти его. Неужели это старый монастырский сторож? Старик, ты не узнаешь меня?

— Он говорит только по-монгольски, — перебил Батсур.

— Когда-то он говорил и по-русски. Посмотри на меня внимательно, старик. Я был здесь девять лет тому назад.

— Я не знаю вас, проклятые шайтаны, — хрипло пробормотал по-русски старик. — Громовые духи безжалостно покарали меня за мое неверие. Дайте мне умереть спокойно.

— Это старый сторож, — сказал Озеров. — Я узнал его. Но, боже мой, что с ним случилось!

— Он сошел с ума от одиночества и старости, — заметил Батсур.

— Нет, нет. Ты понял, что он сказал о громовых духах? Старик, девять лет тому назад с тобой жил мальчик. Где он?

В мутных глазах старика засверкали слезы.

— Все, все отняли громовые духи. Они убили его. Будьте прокляты, оставившие меня тут! Будьте прокляты и вы, не дающие мне умереть спокойно!

— По-видимому, он сошел с ума, — покачал головой Озеров. — Но его бред, без сомнения, связан с той трагедией, которая здесь разыгралась.

— А может, он слышал какую-то легенду и в больном мозгу она переплелась с действительными событиями, — предположил Батсур.

— Как бы там ни было, нельзя оставлять его здесь.

— Конечно. Заберем силой. Посторожи его, а я спущусь в подземелье, где он жил. Я видел, откуда он вылез. Может, надо захватить что-нибудь из его вещей.

— Будь осторожнее, — предупредил Озеров.

— Ты — также, — откликнулся Батсур. — В развалинах поселились барсы. Один хотел попробовать на вкус нашего американца.

— Что с ним?

— С барсом? Лежит в ста метрах отсюда. Ждет, чтобы сняли шкуру.

— А Пигастер?

— Немного поцарапан. Сидит в машине.

Батсур исчез среди развалин. Озеров приглядывался к сидящему на каменных плитах старику. Голова старика ритмично покачивалась. Сухие бескровные губы тихо шептали что-то. Озеров подошел ближе, начал прислушиваться. Невнятное бормотание старика могло быть и молитвой и проклятиями.

Батсур возвратился через несколько минут.

— Там только истлевшие тряпки и битые черепки... и кости. Кажется, он питался летучими мышами и змеями. Идем, — обратился он к старику.

Старик послушно поднялся и, продолжая бормотать, пошел следом за Батсуром.

* * *

Когда они подошли к обвалу, перегородившему ущелье, старик остановился.

— Не надо! — закричал он. — Вы ведете меня к громовым духам. Я хочу умереть здесь...

Батсур силой увлек его за собой.

Возле машины их встретил Пигастер, закутанный в простыню.

— Простите, коллега, за этот маскарад, — обратился он к Озерову. — Небольшое приключение. Рубашкой господин Батсур перевязал мне голову. Если бы не он... — губы американца дрогнули. — Я обязан вам жизнью, господин Батсур... Я...

— Пустяки, — поспешно перебил монгол. — Посмотрите лучше, кого мы привели.

— О, пленник, — поднял брови Пигастер. — Может быть, хозяин барса, который атаковал меня?

— Это старый сторож монастыря, — сказал Озеров, — но кажется...

— Надо скорее расспросить его, — оживился Пигастер. — Может быть, он знает... Ради такой встречи стоило ехать сюда и даже испытать приключение. Позвольте задать несколько вопросов вашему пленнику.

— Кажется, он безумен, — осторожно заметил Озеров.

— Тем лучше. С безумцем легче договориться, — Пигастер запахнул простыню и принялся потирать руки. — Надеюсь, вы не станете возражать против этого маленького интервью?

Озеров пожал плечами.

— Иди сюда,— Пигастер поманил пальцем старика.— Не хочешь? О'кей!.. Если Магомет не идет к горе, гора может подойти к Магомету.

Американец, прихрамывая, добрался до сидящего на земле старика и сел напротив него.

— Во-первых, скажи,— продолжал он,— ты человек или привидение? Молчишь... Почему молчишь? Не знаешь?

— Коньяк! — тихо объяснил молодой монгол.— Пришлось дать вместо лекарства.

— Прошу немного помолчать,— сказал вдруг на чистом русском языке Пигастер.— Вы мешаете установить с ним контакт. Не коньяк, а гипноз...

Озеров и Батсур ошеломленно уставились друг на друга. Не ослышались ли они?

— Отвечай, призрак,— повторил по-монгольски Пигастер.— Когда ты последний раз видел в пустыне людей... или призраков, ибо это не меняет дела? Ну, говори... Говори... Я жду.

Старик, сидя со скрещенными ногами напротив Пигастера, тихо покачивал головой. Глаза его были закрыты.

— Говори! — настаивал Пигастер.— Громче!

— Я видел громовых духов пять зим назад,— внятно произнес старик, не открывая глаз.— В день и час их пляски я осмелился приблизиться к их убежищу. Я должен был поступить так. Искал внука... Они покарали. Отняли силы и не вернули мальчика. Я не сразу узнал о каре... Она пришла позже... Старый лама Уэрэн был прав. Он знал правду... Он велел делать зарубки...

Голос старика звучал все тише и наконец умолк.

Озеров замер, напряженно прислушиваясь. Похоже было, что старик находился в полугипнотическом состоянии.

«Если бы американцу удалось заставить его еще говорить,— думал Аркадий.— Кажется, он вошел в контакт с сумасшедшим. Как долго контакт сохранится?»

— Вздор,— громко сказал Пигастер.— Ты говоришь не о том. Я не хочу знать, что было пять зим назад. Я хочу знать, что было после последней зимы: весной, этим летом.

— О,— застонал старик, закрывая лицо высохшими руками,— не спрашивай. Я не знаю. Не было сил... Я не видел громовых духов. Я ничего не видел... Ждал смерти... Дай умереть... спокойно...

Из-под его коричневых, похожих на костяные, пальцев по морщинистым серым щекам потекли слезы.

— Довольно! — резко сказал Батсур.— Не надо его мучить. Он стар и болен...

— Не мешайте,— обиженно поджал губы Пигастер,— я должен выяснить... Могу я допросить хоть безумца, хоть призрака, если в этой проклятой пустыне нет нормальных людей? Я хочу знать, не видел ли он весной какую-нибудь... экспедицию.

— Это же сумасшедший; разве вы не убедились?..

— Именно поэтому я и добиваюсь. Он обязательно скажет правду. Не так ли, коллега? — обратился Пигастер к Озерову.— Но, может быть, вы, господа, не заинтересованы в том, чтобы узнать правду?..

— Продолжайте,— сквозь зубы бросил Аркадий.

— О'кей. Слушай меня внимательно, старик,— Пигастер не отрывал пристального взгляда от полузакрытых глаз старого монгола.— Слушай меня внимательно и отвечай. Говори только правду. Помни, боги покарают тебя за ложь. Здесь, в Гоби, были большие машины с военными людьми. Много больших машин, много людей. Пасти больших машин были нацелены туда, смотри,— Пигастер указал костлявой рукой в зенит.— Где и когда ты видел их?.. Говори правду!

Тихий смех, похожий на бульканье, послышался в ответ. Лохмотья дрогнули на полуобнаженных плечах старика.

— Говори! — угрожающе повторил Пигастер. Старый монгол продолжал тихо смеяться.

— Говори же!

— Ты хочешь воскресить умершую легенду, чужестранец. Спроси ветер Гоби. Он мог бы рассказать тебе. Спроси эти пески. Они помнят. Они метались в пляске огненных вихрей. Спроси лучи красной звезды. Они знают о судьбе пришельцев. Следы больших машин надо искать там, где рождается солнце. Много дней пути... Старый лама Уэрэн сказал бы тебе. Он знал прошедшее и будущее... Но он давно мертв. И Цамбын мертв,— голос старика задрожал и прервался.— Скоро я пойду их путем... Ты хочешь воскресить умершее предание... Зачем?.. Сосчитай все знаки на стенах подземелий, и ты поймешь. Они не вернутся... Они давно забыли про этот мир. Мы все обмануты... Лама Уэрэн обманут... Бойся гнева громовых духов, чужестранец.

— Но большие машины, — настаивал Пигастер. — Где и когда ты видел их?

— Глупец! — яростно закричал вдруг старик. — Глупец и лжец! Ты не знаешь про умершую легенду и не узнаешь никогда. Я не прожил и девяноста зим. Сосчитай, сколько священных знаков вырублено моими дряхлыми руками. Потом сосчитай все знаки... Ты заблудишься в лабиринте тысячелетий. Все, кто знали, давно обратились в прах пустыни. Я — последний... Ты не узнаешь никогда... Ха-ха!..

— Но большие машины были здесь еще раз, совсем недавно. Не так ли? — вкрадчиво спросил Пигастер, сверля глазами старика.

Голова старого монгола бессильно упала на грудь. Казалось, он впал в забытье.

— Сеанс окончен, — разочарованно пробормотал Пигастер, вставая. — Теперь он уснет.

— Вы удовлетворены? — отрывисто спросил Батсур, не глядя на американца.

— А чем недоволен мой молодой друг? Разве на моем месте он поступил бы иначе?

— Никогда не искал бы подтверждения своих подозрений в бреду сумасшедшего...

— А я полагаю, что следует использовать все средства для достижения цели.

— Значит, если бы старик подтвердил то, что вы пытались ему подсказать, вы объявили бы его слова доказательством вашей гипотезы? Объявили бы, что спутник уничтожен при испытании нового оружия?

— Почему так нервно, господин Батсур? Я не говорил ничего подобного.

— Но сам метод поисков любых доказательств любыми средствами...

— Успокойся, Батсур, — тихо сказал Озеров. — Пожалуй, даже к лучшему, что беседа господина Пигастера со стариком-сторожем состоялась. Теперь сомнения господина Пигастера окончательно рассеяны. Последние месяцы и даже годы старик никого не видел. В его памяти сохранились лишь обрывки старинных легенд... Не так ли, господин Пигастер?

— Почти, — поклонился Пигастер, поправляя повязку на голове.

— Пойду сниму шкуру с барса,— объявил Батсур. Когда он исчез среди камней завала, Пигастер, прихрамывая, подошел к Аркадию.

— Мне не хотелось, чтобы у вас возникли ложные представления о моем методе, мистер Озеров,— американец склонился к самому лицу Аркадия и даже коснулся тонкими пальцами пуговиц его куртки.— Я не пытался подчинить старика своей воле, лишь хотел заставить его говорить. Он должен был рассказать о том, что знает. А он понес какую-то непонятную чертовщину... Может быть, он действительно никого не видел. Поймите меня правильно. Моя роль с самого начала не была легкой, а в сложившейся обстановке стала еще труднее. Официальную версию Госдепартамента приходится считать проигранной. Никто не любит проигрышей, особенно в политике. Кое-кому в Штатах мой доклад придется не по вкусу. Я вынужден буду оставить лазейку... для предположений. Намекнуть между строк... Вы понимаете? Всей Монголии я не мог осмотреть... Где-нибудь здесь что-то обязательно спрятано. Не так ли?.. А вообще надоело... Надоело наводить тень на плетень, как говорят русские. Все это, конечно, между нами, мистер Озеров. Если бы вы знали, как я завидую вам и господину Тумову! Какое счастье — заниматься тем, к чему стремится сердце, и верить, что твоя работа действительно необходима! Несколько лет назад я проводил исследования атмосферного электричества в Гренландии. Все было бы превосходно, но моего шефа интересовали также площадки для строительства аэродромов. Если подсчитать, сколько времени я уделил атмосферному электричеству...— Пигастер развел руками и вздохнул. Озеров молча курил.

— Я люблю русских,— после краткого молчания продолжал американец,— особенно русских ученых. Например, мистер Тумов. О,— Пигастер многозначительно поднял палец,— это настоящий большой ученый. Конденсация солнечной энергии базальтовым плато — блестящая мысль. Удивительно, что русские не боятся говорить о своих открытиях до того, как опубликуют их.

— Это всего лишь рабочая гипотеза,— заметил Аркадий.

— Разумеется. Но у нас это... не принято, коллега. Умную мысль нетрудно присвоить и выдать за свою. Ах, дорогой мистер Озеров, ваша идея, без сомнения, также хороша. «Мощное нейтронное излучение земных недр». Это ново и

смело. Впрочем, буду откровенен. Я не ваш единомышленник. Мне как геофизику ближе и понятнее взгляды мистера Тумова. Надеюсь, вы не будете в обиде на меня...

Возвратился Батсур, таща свежеснятую шкуру. Пигастер придирчиво оглядел ее и покачал головой:

— Великолепная бестия. Не барс — тигр. Хотел бы иметь такую в своем кабинете.

— Шкура ваша, — просто сказал молодой монгол.

— О, это царский подарок. Не в силах отказаться. Я вдвойне вам обязан, мистер Батсур.

— Пора ехать, — заметил Озеров.

— А он? — Пигастер указал на монастырского сторожа. Старик сидел в тени скал и ритмически покачивал голым, похожим на восковой, черепом.

— Разумеется, возьмем с собой.

— Только придется привязать его, чтобы он на ходу не выпрыгнул из машины, — добавил Батсур.

Старик оставался совершенно безучастным. Глаза его были полузакрыты, губы чуть слышно что-то шептали. Американец брезгливо отодвинулся, когда Батсур усадил старика в машину и закутал брезентовым плащом. Газик неторопливо побежал по проложенной утром колее.

* * *

В лагерь они возвратились ночью. Пигастер за всю дорогу не произнес ни слова. Отодвинувшись на край сиденья, он брезгливо поглядывал на своего неподвижного соседа.

Тумов ждал их. По лицу Игоря Озеров сразу понял, что в лагере что-то произошло. Пигастера и старика сдали под опеку экспедиционного врача, а Озеров и Батсур прошли в палатку Тумова.

За ужином Аркадий кратко рассказал о поездке. Тумов молча слушал. Даже упоминание о том, что Пигастер заговорил по-русски, казалось, не удивило Игоря.

Когда Озеров окончил свой рассказ, Тумов молча вынул из полевой сумки какой-то предмет и положил на стол. Это был довольно крупный плитчатый обломок прозрачного кристалла. В свете электрической лампы он заискрился радужными огоньками.

— Такой величины алмаз! — вскричал пораженный Батсур. — Откуда?

Озеров взял кристалл и принялся внимательно рассматривать.

— Если это действительно алмаз,— сказал он наконец,— то это, без сомнения, самый крупный алмаз, который когда-либо находили на Земле. Эта плитка весит около килограмма. Откуда она?

— Ее нашел сегодня Жора среди галек в одной из расщелин плато.

— Она совсем не окатана,— заметил Озеров.— Все ребра остры. Она была одна?

— Конечно. Такие алмазы горстями не попадаются. Озеров передал сверкающий кристалл Батсуру. Молодой геолог даже прищелкнул языком от восхищения.

— Ну? — спросил Тумов.

— Изумительный алмаз,— сказал Батсур дрогнувшим от волнения голосом.

— А ты что скажешь, Аркадий?

Озеров еще раз взял кристалл, долго разглядывал его грани и ребра в лупу, потом, тяжело вздохнув, положил на стол.

— Я не знаю, что это такое,— сказал он.— Но, по-моему, это не алмаз.

Тумов подскочил на стуле. Схватив одной рукой поблескивающую разноцветными огоньками плитку, а другой сероватую пластинку какого-то минерала, он сунул их под нос Аркадию и заорал:

— Вот это корунд — ближайший сосед алмаза по твердости, как тебе хорошо известно. Смотри! — Он провел краем блестящей плитки по пластинке корунда. На корунде осталась глубокая резкая царапина.— Видел! Не алмаз? А режет корунд, как масло...

Озеров снова взял сверкающую плитку, еще раз оглядел ее, царапнул по корундовой пластинке и вернул Тумову.

— Это не алмаз,— решительно повторил он.— Это вещество гораздо тверже алмаза. Еще одна загадка...

* * *

Трехдневные поиски удивительного минерала, который Тумов называл алмазом, не дали результатов. Ни среди галек по сухим руслам расщелин, ни в зеленовато-коричневом песке не попадалось ни одной его крупинки.

Озеров первым предложил прекратить поиски.

— Надо сначала выяснить, что это такое, — твердо заявил он, — а потом уже искать. Может быть, это вещество не имеет ничего общего с породами плато.

Мистер Пигастер после возвращения в лагерь не выходил из своей палатки. Тумову он передал через секретаря, что готов подписать протокол в любой момент.

Старый монастырский сторож угасал на глазах. Врач не надеялся довезти его живым даже до ближайшей больницы. Старик отказывался принимать пищу и лежал неподвижно, безучастный ко всему. На вопросы он не отвечал и не открывал глаз. Все попытки Озерова и Батсура заставить его говорить окончились неудачей. Первые дни старик еще шептал что-то, потом он уже не разжимал губ.

На четвертый день после возвращения из монастыря прекратился треск в наушниках радиопередатчиков. Радистам удалось установить связь с Тонхилом и сообщить, что в лагере экспедиции находится тяжело больной человек, которого необходимо срочно госпитализировать. Утром была получена ответная радиограмма от Зундуйна Очира с просьбой подготовить вблизи лагеря посадочную площадку для санитарного самолета. Тумов сразу же поехал на поиски посадочной площадки.

* * *

Озеров, сидя в палатке, задумчиво листал страницы полевых дневников. Заглянул Батсур.

— Ничего не придумал, — сказал Аркадий в ответ на вопросительный взгляд молодого геолога. — Куча разрозненных наблюдений и фактов. Многие сомнительны. Не хватает чего-то самого главного. Никогда еще я не казался самому себе столь беспомощным.

— Если бы старик заговорил, — со вздохом заметил Батсур.

— Скорее всего, он унесет в могилу то, что знает. И еще вопрос, знает ли он что-нибудь важное.

— А если остаться здесь на неделю-две, — предложил Батсур, испытующе поглядывая на Озерова.

— И что делать?

— Продолжать работы на плато.

Озеров с сомнением покачал головой, встал из-за стола.

— Через несколько часов прилетит самолет,— сказал Батсур.

Они вышли из палатки. Ветра не было. Сухой тяжелый зной висел над пустыней. Жаром дышало мутноватое голубовато-фиолетовое небо, жар бил от раскаленной каменистой почвы, жаром тянуло от близких черно-коричневых обрывов.

Доктор с одним из рабочих натягивали белый тент над санитарной палаткой.

— Такой жары еще не было,— сказал доктор, поднимая залитое потом лицо.— Пью и потею, потею и пью.

— Как сегодня ваш пациент? — спросил Озеров.

— Одной ногой он уже там...— на подвижном лице доктора появилась выразительная гримаса.— Второго шага не даю ему сделать уколами. Но это вопрос часов.

— Отчего, по-вашему, он умирает?

Доктор снял шляпу и вытер платком мокрую лысину.

— Я мог бы оглушить вас десятком диагнозов, среди которых на первом месте стоят старость и общее истощение, но...— он запнулся.

— Но...— повторил Озеров. Доктор смущенно засопел.

— Я не могу сделать необходимых анализов; это только предположение, может быть чересчур смелое. По-моему, он умирает от лучевой болезни.

Озеров и Батсур переглянулись.

Тихий стон донесся из палатки. Доктор поднял марлевую завесу и шагнул в темный прямоугольник дверей. Озеров и Батсур вошли следом за ним.

Старик лежал неподвижно. Он был настолько худ, что очертания костей проступали сквозь тонкую ткань простыни. Казалось, на койке лежит скелет. Глаза старика были закрыты, но губы тихо шевелились. Доктор взял безжизненную руку, нащупал пульс. Озеров и Батсур склонились к самому лицу больного, стараясь разобрать, что шепчут бескровные губы.

— Кажется, он зовет кого-то? — тихо спросил Озеров, взглянув на Батсура.

— Тс,— прошептал молодой монгол.— Вероятно, это имя мальчика. А что, если попробовать?..

— Цамбын! — снова прошептал старик.

Батсур мягко, но решительно отстранил доктора и Аркадия от постели больного, стал на колени и положил руки на грудь старика.

— Я — Цамбын, — тихо, но внятно сказал он по-монгольски. — Я вернулся к тебе. Ты слышишь меня?

Что-то похожее на улыбку скользнуло по лицу старика.

— Ты жив... Громовые духи не убили тебя, мальчик?.. Ты спустился в пасть Гремящей расщелины и вернулся невредимым... Теперь я умру спокойно... Нашел ты священные блестящие плиты громовых духов?..

— Да... — ответил Батсур.

— Никому не говори о них, мальчик. Сохрани старую тайну Гоби от назойливых людей. Если узнают о тайне Гремящей расщелины, большие несчастия обрушатся на Гоби... Укрой то, что ты нашел. Иди в пещеры Атас-Ула... В подземном храме положи свою добычу у ног статуи Великого Ламы. Возле той блестящей плиты... Помнишь? На стене храма сделай надпись... Ты повторил подвиг. Пусть сохранится память... среди избранных... Я ухожу... Ты займешь мое место... Пройдет пять зим, и ты в день пляски громовых духов... Ты должен...

Голос старика звучал все тише и наконец умолк. Некоторое время губы еще продолжали беззвучно шевелиться. Потом они дрогнули. Высохшее тело чуть шевельнулось и замерло.

Батсур прерывисто вздохнул и поднялся с колен.

Доктор подошел, склонился над постелью.

— Все, — произнес он, выпрямляясь. — Вы поняли, о чем он бредил?

— Я понял слова, но не уловил смысла, — ответил Батсур. — А ты, Аркадий?

— Я понял не все слова, но, кажется, уловил в них смысл. Что такое Атас-Ула?

— Это скалистый массив в южной части Заалтайской Гоби, километрах в двухстах к юго-востоку отсюда. Он почти не исследован.

— Придется заглянуть туда, — твердо сказал Озеров. — Если не все слышанное нами было бредом, может быть, в Атас-Ула мы найдем ключ к этой цепи тайн. Иначе придется ждать пять лет — целых пять лет, Батсур.

— Почему пять? — удивился молодой монгол.

— Скажу позже... Доктор, тело этого последнего жреца загадочных громовых духов необходимо отправить самолетом в Улан-Батор. Надо во что бы то ни стало узнать, отчего он умер. Идем, Батсур. Мы должны составить план дальнейших действий.

* * *

Самолет появился высоко в небе. Сделав несколько кругов над плато и лагерем, он пошел на посадку. Тумов, Озеров и Батсур, стоя на краю небольшого такыра, напряженно ждали. Тумов нервно покусывал кончик потухшей сигары. Батсур затаил дыхание, не отрывая взгляда от серебристой машины, которая быстро приближалась к поверхности такыра. Плоское дно имело в поперечнике не более трехсот метров. Дальше начинались песчаные барханы.

— Почему не садится? — крикнул Батсур, видя, что самолет летит над самой поверхностью такыра. — Не успеет затормозить перед барханами!

— Проверяет посадочную площадку, — спокойно сказал Озеров. — Сейчас сделает еще круг и сядет.

— Времени нет на эти церемонии, — процедил сквозь зубы Тумов. — Ветер поднимается. Смотрите, как дымят барханы...

Летчик поднял самолет вверх и исчез за песчаными грядами. Через несколько минут самолет появился с противоположной стороны такыра и пошел прямо на посадку. Колеса коснулись ровной глинистой поверхности; самолет, подпрыгивая, пробежал через весь такыр и остановился в нескольких метрах от песчаного шлейфа одного из барханов.

Тумов и Батсур облегченно вздохнули.

Дверь кабины открылась, и на землю, пошатываясь, спустился Зундуйн Очир. Следом за ним две фигуры в белых халатах уже вынимали брезентовые носилки.

— У вас тихо? — удивился Очир, пожимая руки встречающим. — Наверху ужас что делается. Думал, не долетим.

— Здесь скоро тоже начнется буран, — успокоил Тумов. — Надо торопиться.

— Где больной?

Тумов кратко рассказал о событиях последних дней. Очир молча кивал головой.

— Все сделаю, — сказал он, когда Тумов окончил свой рассказ. — Тело старика доставлю в клинику мединститута в Улан-Баторе. Кто из вас летит со мной? Насколько я понимаю, дела закончены.

— Спасибо, — сказал Тумов. — Я должен вернуться с караваном в Тонхил. А геологи, — Тумов кивнул на Озерова и Батсура, — хотели остаться недели на две здесь. У них появились

свои интересы — чисто геологические. Если вы не будете возражать, я дам им машину и несколько рабочих.

— Пожалуйста,— улыбнулся Очир.— Наша республика от этого только выиграет. Вы можете оставаться здесь столько, сколько захотите. Командировки и полномочия будут продлены.

— Значит, решено,— сердито заявил Тумов.— Если им еще не надоела Гоби, пускай остаются. От себя теперь могу добавить, что считаю эту затею бессмысленной и опасной. Они собираются ехать дальше на юг, в совершенно неисследованную часть Заалтайской Гоби. Вам, товарищ Очир, еще придется организовывать спасательную экспедицию.

— Когда у друзей сердца едины, им не страшна даже Гоби,— серьезно сказал Очир.— Поезжайте спокойно, товарищи. Если понадобится помощь, она будет оказана.

— А вы можете сделать еще одно доброе дело, товарищ Очир,— заметил Тумов.— Захватите с собой американца. Он сыт прелестями Гоби выше головы; протокол подписал, и чем скорее он отсюда исчезнет, тем лучше.

— Пожалуйста,— поклонился Очир.— Только надо попросить его быстрее собраться.

— Поедемте в лагерь,— предложил Тумов.

Озеров перекинулся несколькими словами с Батсуром и догнал Очира.

— Вы не разрешите, пока Пигастер будет собираться, воспользоваться самолетом? Мы с ним,— Озеров указал на Батсура,— хотим посмотреть с воздуха одно место. Это продлится не более получаса.

Очир нерешительно взглянул на пилота. Тот тяжело вздохнул:

— Откровенно говоря, я не уверен, сумею ли второй раз посадить машину на этом пятачке. Но если это важно, могу попробовать.

— Это очень важно,— сказал Озеров.

— Риск не такой уж большой,— усмехнулся пилот.— В крайнем случае, до смерти не убьемся. Только вам, товарищ заместитель министра, тогда придется выбираться с их караваном.

— Лети,— сказал Очир.

Озеров и Батсур бегом направились к самолету.

— Фанатики,— пробормотал Тумов.

Очир молча улыбнулся.

* * *

Через полчаса мистер Пигастер и его молчаливый секретарь уже были на посадочной площадке. Вслед за ними к такыру подъехало еще несколько машин. Проводить самолет собрались все участники экспедиции.

Очир принимал наспех написанные письма. Тумов тревожно поглядывал на небо. Самолета еще не было слышно. Ветер задувал резкими порывами; все сильнее курились барханы. Оранжевое солнце тускло светило в пыльной желтоватой мгле. Самолет появился неожиданно. Он прошел над самыми головами собравшихся и вскоре коснулся земли.

Озеров и Батсур вылезли из кабины. Аркадий, как всегда, был невозмутим и крепко сжимал в зубах потухшую трубку. Смуглое лицо Батсура побледнело от возбуждения.

Озеров молча пожал руку пилоту и подошел к Очиру.

— Видели все, что надо? — поинтересовался дипломат.

— Более или менее, и очень благодарен вам за это, — ответил Аркадий, раскуривая трубку.

— Грузите тело, — распорядился Тумов.

— Позвольте, господа, — послышался голос Пигастера. — В этом самолете повезут мертвеца? Тогда мы не летим. Или мы, или мертвец.

— Я в отчаянии, господин Пигастер, — начал Очир. — Второй раз самолет не сможет прилететь сюда. Я также лечу этим самолетом и позволю себе заметить...

— А я никогда не летал на катафалке, — вскипел Пигастер, — и не полечу.

— Господин Пигастер, — снова начал Очир, — обстоятельства складываются таким образом, что мы должны торопиться. Боюсь, что через полчаса самолет вообще не сможет подняться.

— Я сказал свое последнее слово, — отрезал американец. — А вы решайте...

Он сел на чемодан и скрестил длинные руки на груди.

Очир заколебался; вопросительно глянул на Озерова, потом на Тумова.

Молчаливый секретарь наклонился к мистеру Пигастеру и принялся шептать ему на ухо.

— Нет! — громко ответил Пигастер. — Или я, или мертвец.

Рабочие-монголы, поняв, в чем дело, начали возмущенно перешептываться. Пилот озабоченно поглядывал то на небо, то на Очира.

— Может быть, врачи смогли бы произвести вскрытие здесь на месте? — тихо спросил Озерова Очир. — Мне не хотелось бы обострять ситуацию в последний момент.

— Подождите, — так же тихо ответил Озеров. — Попробуем уговорить его... Господин Пигастер, — обратился он по-французски к американцу. — Могу я попросить вас на пару слов?

— Пожалуйста, — процедил удивленный американец, вставая с чемодана.

Они отошли в сторону.

— Господин Очир предпочтет отправить мертвеца, — тихо сказал Озеров. — Он просил передать вам это. Вы можете, если хотите, вернуться в лагерь...

Пигастер ошеломленно отпрянул. У него захватило дух от негодования.

— Я, я... — начал он по-английски.

— Но я думаю, вам не следует откладывать отъезда из-за такого пустяка, — спокойно продолжал Озеров, не отрывая взгляда от глаз американца. — Обратный путь на машине долог и труден. Мой друг Батсур и я будем в отчаянии от неудобств, какие могут выпасть на вашу долю. Поэтому мы просим вас лететь. Кроме того, в Вашингтоне, по-видимому, ждут вашего личного доклада. Стоит ли испытывать терпение...

Брови Пигастера нервно подскочили и замерли. В глазах появилось выражение беспокойства.

— Как вы сказали? — переспросил он.

— Я сказал, что тело старика будет отправлено этим самолетом. И мне кажется, что у вас тоже нет оснований откладывать свой отъезд... Господин Тумов предсказывает наступление осенних буранов. Вы хорошо знаете, что такое бураны на юге Гоби.

Пигастер молча покусывал тонкие губы. Казалось, он выжидал, не скажет ли Аркадий еще что-нибудь.

Озеров, не торопясь, раскурил трубку, затянулся. Ветер свистел все злее, унося в воздух струи песка с гребней барханов.

Американец молчал. Озеров чуть заметно пожал плечами и отвернулся.

— Договаривайте, господин Озеров, — тихо заметил Пигастер. — Я не совсем понимаю, к чему вы клоните. Откройте же ваши карты, или как говорят русские, выньте камень из-за пазухи.

— Камни для меня — только геологические образцы, господин профессор. Понимаете, ваше упорство меня немного удивляет. Вы же умный человек... Вспомните наш разговор у развалин монастыря.

Пигастер испуганно заморгал и кашлянул.

— Мне показалось, что там были не просто слова, продиктованные вежливостью... или жарой, — заключил Озеров.

Лицо американца покрылось мелкими капельками пота. Однако он нашел в себе силы усмехнуться:

— Или коньяком, хотите сказать... О, этот русский коньяк...

— И опять вы не поняли, — возразил Озеров. — Я совсем не имел в виду той части разговора, о которой, по-видимому, думаете вы. Просто мне тогда показалось, что под маской ученого-политика я разглядел ученого-человека. Для проверки одной нашей гипотезы тело старика надо доставить в Улан-Батор. Только там можно выяснить, отчего он умер. Вот я и подумал, что человек иногда может одержать верх над политиком. Но, может быть, я ошибся.

Пигастер задумался. Он достал из кармана большой клетчатый платок и принялся отирать лицо, глядя на дымящиеся барханы.

— Нет, вы не ошиблись, — сказал он наконец. — И выбрали правильный путь. Я восхищаюсь вами... Вы опасный противник или... просто очень порядочный человек. Впрочем, очень порядочные люди всегда наиболее опасны. Разумеется, я не в силах отказать в просьбе ни вам, коллега, ни вашему другу господину Батсуру.

— Благодарю. Следовательно...

— Следовательно, признаю себя побежденным. Второй раз... Однако работу с вами буду вспоминать с искренним удовольствием. Надеюсь, что смогу приветствовать вас в Америке. Но...

— Но?..

— Видите ли, коллега, как все американцы, я — человек дела. И... хотел бы поставить все точки над и... Поймите меня правильно, господин Озеров: я не противник истины.

Как сказал ваш монгольский приятель: дорог много, правда одна. Каждый из нас ехал сюда со своей точкой зрения. Правда оказалась за господином Тумовым. Честь ему и хвала. Можете быть уверены, что, возвратившись в Соединенные Штаты, я не погрешу против истины.

— А как же с намеками между строк?

— Неужели я болтал и об этом? — удивился Пигастер. — Ай-я-яй, как нехорошо!.. Однако у вас поразительная память, господин Озеров. Эти «намеки» не для огласки. Ведь каждый служит своему делу. Однако уверяю вас, я уезжаю... немного иным, чем приехал. Убедиться в своей ошибке — это уже много... для ученого-человека.

К ним быстро подошел Тумов. Брови его были насуплены, глаза зло сверкали. Он глубоко засунул кулаки в карманы плаща, словно опасаясь, что может пустить их в ход.

— Послушайте! — резко начал он. — Через пять минут...

— О'кей, господин Тумов, — прервал Пигастер. — Мы тут как раз говорили о вас. Ваша точка зрения победила. Я уезжаю вашим сторонником. Господа, — громко обратился он к присутствующим, — мой уважаемый коллега убедил меня. Я решил лететь. С сожалением покидаю ваше приятное общество. Желаю всем счастливого пути.

Перед посадкой в самолет Очир крепко пожал руку Аркадию.

— Вы губите свой талант, — шутливо заметил он, похлопывая Озерова по плечу. — Вам надо идти в дипломаты. Желаю интересных открытий на юге Гоби.

* * *

Трое суток бушевал песчаный буран у подножия плато. Ветер срывал палатки, опрокинул одну из машин. Густая ржавая мгла окутала пустыню. Исчезло солнце. Молнии сверкали в песчаных тучах; тяжелые раскаты грома перекатывались над плато, будили многоголосое эхо в глубоких расщелинах. Поднятый в воздухе песок бесконечным потоком несся над лагерем. Под горами песка оказались похороненными ящики с провиантом и бочки с горючим.

Люди забились в палатки, судорожно кашляли в непроглядной тонкой пыли. Пыль слепила глаза, раздражала и жгла горло. Нельзя было зажечь костра, примуса не горели. Буран

разыгрался вскоре после отлета самолета и, казалось, усиливался с часу на час. О судьбе самолета в лагере не знали. Буря прервала радиосвязь.

Тумов, лежа на кровати в спальном мешке, сердито уговаривал Озерова и Батсура, которые расположились прямо на кошмах на полу:

— Куда вы поедете, непутевые головы! Теперь такие бураны будут случаться все чаще. Дело идет к осени. Жить вам надоело?

— Еще один скорпион,— заметил вместо ответа Батсур и стукнул молотком по брезентовому полу палатки.— Даже им стало невмоготу. Так и лезут в палатку один за другим.

— Откажет мотор,— продолжал Тумов,— что будете делать одни в пустыне за сотни километров от жилья и колодцев? — он судорожно закашлялся.

— Не трать красноречия, Игорь,— тихо сказал Озеров.— Вопрос решен: прекратится буран, и мы едем. Может, нам в руки дается неповторимый случай. Когда еще экспедиция проникнет в эти места? Мы обязаны выяснить все, что в наших силах.

— Погоня за призраком! — крикнул Тумов.— Я готов понять вас, если бы вы продолжали работу в окрестностях Адж-Богдо. Но забираться в глубь неисследованной пустыни, удаляться на сотни километров от плато, которое вы сами считаете главным объектом исследований,— это хуже, чем безумие.

— Иногда бывает полезно отойти от объекта исследований на некоторое расстояние,— заметил Озеров.— Вблизи за частностями не всегда видно главное.

— Вы едете не за этим,— перебил Тумов.— Вас увлек бред умирающего безумца. Ни один уважающий себя исследователь не стал бы тратить времени и сил на такую чепуху.

— Может быть, мы плохие исследователи,— спокойно согласился Озеров.— Мы не смогли так легко и просто решить все вопросы, как решил их ты. Дай же нам самим разобраться в своих ошибках. Возвратившись, мы, может быть, поздравим тебя с подтверждением твоей гипотезы.

— Или привезем новую,— в тон Озерову добавил Батсур.

— Но почему вы хотите искать доказательства ваших так называемых «энергетических извержений» в сотнях километров от вулканов?

— А кто тебе сказал, что мы идем искать доказательства «энергетических извержений»?

Тумов подскочил на кровати:

— Как, новая гипотеза?

— Может быть.

— Еще не легче!.. В чем она заключается?

— Тебе не терпится припечатать наши новые представления словом «фантазия», — мягко сказал Озеров. — Не выйдет, дружище. И скажу по секрету, эти новые представления мне самому еще кажутся почти фантазией. Потерпи... до нашего возвращения.

— Конечно, фантазия! — упрямо крикнул Тумов. — Все фантазия! Сплошная фантазия!

— Зеленая! — добавил Батсур.

Все трое расхохотались и начали кашлять.

— Твои намерения нам ясны, — сказал Озеров. — Спасибо за заботу, но мы все-таки едем. Верно, Батсур?

— Конечно! Зачем ждать, пока рога козла дорастут до неба, а хвост верблюда до земли? Вот, кажется, и буран начинает утихать. Это хорошее предзнаменование.

* * *

Они уехали утром следующего дня. Тумов отдал им лучший вездеход. В просторный крытый кузов поместили бочки с бензином, продукты, спальные мешки, приборы. Озеров устроился в кабине рядом с шофером — суровым пожилым монголом. Батсур, Жора и Жамбал должны были ехать в кузове.

— Путь в тысячу километров всегда начинается с одного шага, — сказал Батсур и вскочил в тяжело нагруженный кузов вездехода.

Мерно заработал мощный мотор; вездеход плавно тронулся с места. Весь лагерь собрался проводить путешественников. Зеленая машина поднялась на один увал, перевалила его, потом появилась на другом, более далеком. На мгновение вездеход задержался на гребне. Последний раз мелькнули руки в окне кабины и в дверях кузова — и вездеход исчез из глаз, словно растворился в пустыне.

Тумов с тяжелым сердцем возвратился в лагерь. Мрачные предчувствия томили его.

На другое утро караван машин, лошадей и верблюдов покинул стоянку у горячего источника и длинной цепью потянулся на северо-запад, к обжитым местам.

* * *

Лагерь стоял возле красноватых скал Атас-Ула вторую неделю. Вопреки предсказаниям Тумова погода держалась сносная. Днем допекала жара, ночью — холод, но пыльные бури не повторялись.

Озеров и Батсур исколесили массив Атас-Ула по всем направлениям. Ничего примечательного тут не оказалось. Красноватые башни, зубцы и карнизы, изваянные ветрами в толще красноватых песчаников, были такие же, как на других массивах великой пустыни. И так же расстилались вокруг бескрайние каменистые плато, желтые волны барханов, сверкающие от солей плоские блюдца такыров.

Монастырь ютился в небольшом ущелье. Он был совершенно разрушен и, видимо, покинут очень давно. Только змеи бесшумно скользили по гладким плитам и, заслышав гулкие шаги, торопились укрыться в нагромождениях камней. Вода единственного источника была соленой и едва годилась для питья.

— Якши вода,— посмеивался Батсур.— Суп солить не надо.

— А скоро мы поедем отсюда? — поинтересовался Жора, с отвращением отодвигая эмалированную кружку с чаем.

— Хоть завтра, богатырь. Надо сначала найти подземелья.

— А их тут нет.

— Не торопись с выводами. Подземелья должны быть. Старик говорил даже о подземном храме.

— А если не тут?

Батсур нахмурился. Эта мысль и ему не раз приходила в голову. Что, если они с Озеровым не поняли названия, которое прошептал умирающий? Старик упомянул о пещерах. В одной из них должен находиться храм с большой статуей. А тут не было и признака пещер.

— Вернется Аркадий Михайлович, посоветуемся,— сказал Батсур.— Что-то долго его сегодня нет. Скоро ночь...

— Интересно, где теперь наши? — мечтательно протянул Жора.— Наверно, уже в Алма-Ате, а может, и до Москвы добрались.

— А мы все это знали бы,— в тон ему пропел Батсур,— если бы один мой знакомый проверил вовремя радиоаппаратуру.

Жора густо покраснел:

— Ей-богу, я не виноват, Батсур. Я же объяснял... Вы согласились взять меня в самый последний момент, когда все было упаковано. А радио проверял Игорь Николаевич... Наверно, это он вместо запасных батарей засунул в ящик с радиоаппаратурой свиную тушенку. Он всегда все путал и все забывал. Таблицы от приборов он мог сунуть в аптечку, мазь от ожогов — к продуктам. Когда мы стояли у базальтового плато, повар положил эту мазь в салат вместе с майонезом. И никто не догадался. Все только удивлялись, почему салат пахнет лекарством. А потом Игорь Николаевич попросил меня найти мазь от ожогов, и я нашел пустую баночку вместе с банками из-под майонеза. Игорь Николаевич не велел тогда никому говорить...

— Нельзя, богатырь, дурным словом вспоминать отсутствующих друзей,— сказал, посмеиваясь, Батсур.— Друзья плохо будут спать. И ты плохо спать будешь... Просто Игорь Николаевич немного рассеян, как все большие ученые. А я бы все-таки на твоем месте сразу же проверил передатчик. Тогда мы не потеряли бы связи с внешним миром. Этак нас еще разыскивать начнут, как пропавших без вести.

Заскрипел песок под неторопливыми шагами. К костру, возле которого сидели Батсур и Жора, подошел Озеров. Он был один.

— А где Жамбал? — спросил Батсур, с беспокойством поглядывая на приятеля.

— Он остался там.— Аркадий кивнул в ту сторону, откуда пришел.— Мы нашли вход в пещеры. Это километрах в пятнадцати отсюда. Свертываем лагерь и поехали...

* * *

Вездеход неторопливо катился по темной пустыне. Яркий свет фар вырывал из мрака мелкую рябь бугристых песков, чахлые ветви полузасохшей караганы, источенные ветром скалы. Они неожиданно появлялись, отбрасывали резкие острые тени и, словно призраки, растворялись во мраке. Пересекли плоскую поверхность такыра, потом русло высохшей реки.

Скользнула и исчезла в темноте большая серая змея. Красноватые точки вспыхивали, словно искры, в темных песках справа и слева от машины. «Шакалы», — подумал Батсур. Он сидел в кабине вездехода между Озеровым и шофером-монголом.

Машину вел Аркадий. По каким-то одному ему известным признакам он ориентировался в темном лабиринте барханов и скал.

«Огибаем массив с юга, — соображал Батсур. — Значит, Аркадий был прав: пещеры находятся в западной части массива, а не на востоке, где расположены развалины монастыря. Эти развалины ввели нас в заблуждение».

Озеров затормозил вездеход:

— Сейчас будет крутой спуск и потом котловина. Там находится вход в подземелья. Я хотел, чтобы вы посмотрели это место сразу, как взойдет солнце. Хочу проверить свое впечатление.

— Что-нибудь новое?

— И да и нет.

Впереди далеко внизу вспыхнула и погасла яркая точка. Потом снова зажглась и опять погасла.

— Жамбал сигналит, — сказал Озеров. — Мы почти у цели.

Вездеход, ускоряя движение, скользнул вниз в котловину.

* * *

Спать улеглись прямо в кузове вездехода. Жора предложил было поставить палатки, но Аркадий Михайлович как-то странно улыбнулся и сказал, что некуда вбивать колья. Жора постучал молотком в землю и убедился, что действительно, под тонким, в несколько сантиметров, слоем песка находится прочная звонкая скала.

Когда Жора проснулся, в вездеходе уже никого не было. Жора торопливо выбрался наружу. Утро было удивительно тихое. Вездеход стоял в центре обширной котловины с совершенно ровным дном. Ее дальний западный край был освещен первыми лучами солнца, но на широком плоском дне еще лежала холодная синеватая тень массива Атас-Ула. Чистое яркое небо распростерлось над покровом желтых песков.

Жамбал и шофер вездехода, сидя на корточках, разжигали примус.

— А где Батсур и Аркадий Михайлович? — спросил Жора, щуря глаза от ослепительной синевы неба.

— Туда пошел, — сказал Жамбал, махнув рукой. — Дырка скала смотреть пошел. Большой дырка. Ой-ой! Очень глубокий. Мы вчера нашел.

— А почему меня не разбудили?

— Зачем моя спрашиваешь? — удивился Жамбал. — Батсур спроси. Вон идет...

Озеров и Батсур неторопливо шагали по направлению к вездеходу.

— Удивительно, — произнес Батсур, подходя. — Удивительно, — повторил он и вдруг сильно хлопнул Жору по спине. — Ты понимаешь, что это значит, богатырь?

— Нет, — сказал Жора, потирая спину.

— И я не понимал, — признался Батсур. — А вот Аркадий Михайлович понял: открытие потрясающее и почти невероятное.

— Предложи другое объяснение, — сказал Озеров.

— Не могу. И, более того, думаю, что ты прав. Но все-таки не помещается в голове.

— Вы нашли подземный храм? — спросил заинтересованный Жора.

— Храм тоже должен быть, — ответил Батсур. — Пойдем его смотреть после завтрака. Не он главное.

— А что?

— То, на чем ты стоишь.

— Песок?

— Твоя догадливость, богатырь, не угонится за твоей любознательностью... Разгреби лапками песок и скажи, что находится под ним.

— О, — сказал Жора, разгребая песок.

— Вот именно! То же самое изрек и я полчаса назад. Что это за порода?

Жора постучал молотком по гладкой, словно отполированной поверхности темно-серого камня. Лег на живот, разгреб песок пошире, внимательно разглядывая странную породу; перебрался на другое место, копнул там — обнаружил ту же породу.

Он ползал на четвереньках вокруг вездехода и везде под тонким слоем рыхлого песка встречал твердую, как сталь, гладкую поверхность серого камня. В ней почти не было трещин, и

молоток отскакивал от нее, как от наковальни. Жора поднялся, отбежал на несколько десятков метров в сторону, копнул песок. То же самое...

— Везде так? — удивленно спросил он.

— По всей котловине,— ответил Озеров.— Местами песка немного больше. Впрочем, он, вероятно, не держится на этой гладкой поверхности.— Его систематически сдувает ветрами. Так что это, по-вашему, Жора?

— Если бы мы не находились в Гоби, я бы сказал, что это похоже на полированный бетон, а вся эта площадь напоминает... аэродром.

— Здорово! — сказал Озеров.— Вот не ожидал...

— Ай да Жора! — вскричал Батсур.— Быть тебе академиком. Поздравляю... Ну и удивил!

— Да вы меня не поняли,— запротестовал Жора, чуть не плача.— И не дали кончить. Я же сказал — если бы мы не находились в Гоби. А мы в Гоби! Каждому дурню ясно, что здесь не может быть бетона. За кого вы меня принимаете? Конечно, я понимаю, что это совсем другое... Но что? Поверхность лавового покрова. Лава растеклась по дну котловины, и получилось такое... Чего вы смеетесь? Разве не так?

— Мы не смеемся,— серьезно сказал Озеров.— Только никогда не надо сразу отказываться от суждений, которые самому тебе кажутся наиболее справедливыми. Это немного похоже на аэродром, не правда ли?

— Да, но...

— И я так думаю. Это, конечно, не лава. Это, скорее всего, искусственный материал, сходный с бетоном, но гораздо более прочный. И площадка эта, может быть, служила чем-то вроде... аэродрома. Чем-то вроде... Не будем торопиться с окончательными выводами. Посмотрим, что даст осмотр подземелий...

* * *

Исследование подземелья заняло целый день. Батсур, Озеров, Шамбал и Жора медленно пробирались в лабиринте коридоров и залов. Ток свежего воздуха увлекал вперед пламя самодельного факела. Шли по направлению движения воздуха. Иногда останавливались, чтобы осмотреть боковые коридоры. Все ходы и залы были высечены в массивном сером песчанике. На гладко отполированных стенах не было заметно

ни надписей, ни рисунков. Высокие полукруглые своды залов поражали правильностью геометрических форм.

— Странное сооружение,— говорил Батсур.— Какими инструментами высечен этот лабиринт? Пожалуй, это не монгольская и даже не китайская работа...

— Конечно, это гораздо более древнее сооружение,— согласился Озеров.— Вероятно, оно создавалось одновременно с площадкой, которую Жора назвал аэродромом. А монгольские монахи значительно позже превратили его в подземный храм.

— Кто же построил все это? — удивлялся Жора

— Не торопись, богатырь. Все узнаем! Когда три охотника едины в своих усилиях, они свяжут самого сильного льва.

— Разве в Монголии есть львы, Батсур?

— Сейчас нет, но в минувшие геологические эпохи были. Я имел в виду...

Батсур не кончил. Впереди послышался какой-то шум.

— Ветер? — предположил Озеров.

— Пожалуй, нет... Может, вода? Мы спустились довольно глубоко.

Они осторожно двинулись вперед. Шум становился все более явственным. Ток воздуха стал настолько сильным, что почти задувал факел. И вдруг впереди забрезжил слабый свет. Коридор кончился. Они очутились в огромном круглом зале. Свет проникал откуда-то сверху и падал на каменное лицо огромного изваяния, высеченного в стене зала.

— Вот она — статуя Великого Ламы,— тихо сказал Батсур.— Какой колосс!..

Статуя имела в высоту более тридцати метров. Лама был изображен сидящим, глаза его были закрыты, огромные руки с толстыми пальцами лежали на коленях. У ног статуи из трещины в стене зала бил источник. Сильная струя воды обрывалась водопадом и исчезала в глубоком тоннеле.

Жора поспешил попробовать воду на вкус.

— Роскошная вода,— объявил он.— С самого отъезда из Алма-Аты не пил такой.

— Наверно, священный вода,— предположил Жамбал.— Возьмем с собой побольше. Чай будет ай-ай какой...

Озеров и Батсур поднялись на огромный постамент статуи и, включив электрические фонари, осматривали ворох разноцветного хлама, некогда оставленного паломниками.

— Историкам здесь найдется работа, — заметил Батсур. — Это, вероятно, один из старейших храмов Монголии и, вдобавок, заброшенный очень давно. Едва ли кто помнит о нем... Судя по этому тряпью, последние паломники были здесь лет сто назад.

— Все правильно, — прервал вдруг Озеров. — Вот кусок священной плиты громовых духов, о которой говорил умирающий сторож.

В руке Аркадия заискрился большой осколок блестящего кристалла.

— Так я и думал, — продолжал Озеров. — Это то же вещество, которое Жора нашел в расщелине базальтового плато. Ты понимаешь, что это значит, Батсур?..

— Но ведь это не минерал... — вскричал молодой монгол, рассматривая переданный ему Аркадием осколок, — это...

— Конечно, это обломок какого-то прибора... Вот тебе и конденсация солнечной энергии черным базальтовым плато.

— Здесь высечена надпись, — сказал Батсур, указывая на постамент статуи.

Аркадий осветил причудливые письмена лучом электрического фонаря.

— Надо обязательно прочитать ее, Батсур. Здесь лежал осколок этого удивительного вещества. Надпись, вероятно, относится к нему.

— Это по-китайски, — пробормотал Батсур, водя пальцем по иероглифам. — Почти ничего не понимаю... Что-то о тайне Гремящей расщелины, о громовых духах Адж-Богдо. Придется перерисовать и сфотографировать. Потом переведем.

Пока Батсур копировал надпись, Озеров и Жора, помогая друг другу, взобрались на плечо Великого Ламы.

— Наверху в стене зала такие же «бойницы», как и в подземелье монастыря, где жил старик-монгол! — крикнул сверху Аркадий. — Вероятно, все эти подземелья некогда служили для одной цели. И, судя по ориентировке, «бойницы» направлены... в сторону базальтового плато. Неужели и отсюда можно было наблюдать пляску громовых духов над Адж-Богдо?

— Знаешь, Аркадий, — сказал Батсур, когда Озеров спустился к подножию статуи, — по-моему, спящий Лама высечен на месте какого-то более древнего сооружения. Статуя обработана гораздо грубее, чем стены подземных тоннелей и залов, а

вот кое-где на постаменте и на ногах статуи сохранились участки с более совершенной обработкой камня.

— Без сомнения, — согласился Озеров, — этот Лама сравнительно молодой, а подземелью много тысяч лет. Много тысяч, Батсур.

— Куда пойдем теперь? — спросил Жора.

Озеров и Батсур переглянулись.

— Теперь остается самое главное, — торжественно объявил Озеров. — Все исходные данные в наших руках. Старик-сторож оказался прав... Надпись Батсур расшифрует по дороге. Теперь остается возвратиться к базальтовому плато, хоть по воздуху добраться до его центрального вулкана и спуститься в жерло Гремящей расщелины. Если, конечно, туда еще можно спуститься. Мы слишком много времени потеряли на Атас-Ула. Теперь дорога каждая минута.

* * *

Через два дня зеленый вездеход подъехал к месту старого лагеря у обрывов базальтового плато. Здесь запаслись свежей водой. Жора хотел искупаться, но Озеров не разрешил.

— На обратном пути, а сейчас некогда. Если опоздаем, «злые духи» не пустят нас в Гремящую расщелину.

Жора мрачно полез в кузов вездехода. Последние дни он перестал понимать, когда Аркадий Михайлович и Батсур говорили серьезно, а когда подтрунивали над ним. Собственно, все началось в котловине возле Атас-Ула, когда Жора ляпнул об аэродроме и о лаве... Теперь Батсур называл «аэродромом» каждый встречный такыр, а Аркадий Михайлович, говоря о подземельях Атас-Ула, именовал их не иначе, как «Подземный лабиринт у аэродрома».

Батсур всю дорогу бился над расшифровкой китайской надписи. Что-то у него не получалось. Трясясь в кузове вездехода, он бормотал о плясках громовых духов, священных плитах и ламе. Из разговоров, которые вели на коротких привалах Батсур и Аркадий Михайлович, тоже ничего нельзя было понять. Казалось, что они оба всерьез поверили в старинную легенду, рассказанную стариком-монголом, и сейчас собираются заглянуть к злым духам, обитающим в центре базальтового плато, и очень боятся опоздать.

На все вопросы Жоры Батсур неизменно отвечал:

— Потерпи, богатырь. Еще не все ясно. Пока это гипотеза...

«Хороша гипотеза!» — сердито думал Жора. Однако после промаха с аэродромом остерегался высказывать свои мысли вслух. Он поделился сомнениями с Жамбалом и молчаливым шофером. Шофер многозначительно поднял брови, сплюнул сквозь зубы и по обыкновению промолчал, а Жамбал неожиданно сказал:

— Все правильно! Надо злой дух прогоняй из Гоби. Новый жизнь пришел. Зачем нам злой дух! Монахи уходил, пускай злой дух тоже уходил. Хорошо будет...

Лагерь устроили под обрывами базальтового плато, километрах в тридцати к западу от источника. На следующее утро Озеров, Батсур и Жора, захватив радиометры и веревки, направились к центральному вулканическому конусу, который находился невдалеке. Летом со стороны источника к нему так и не удалось проникнуть из-за трещин. Однако конус оказался недоступен и от нового лагеря. Глубокие трещины, рассекающие покровы базальтовых лав, вскоре преградили путь исследователям.

— Здесь без вертолета не обойтись,— со злостью сказал Батсур.

— Как радиоактивность, Жора? — поинтересовался Аркадий Михайлович.

— Нормально...

— До центрального конуса около километра. До его кратера километра полтора. Пожалуй, еще рано, Батсур.

— Если излучение направленное, то пожалуй. Но до Гремящей расщелины остается каких-нибудь триста-четыреста метров. Ее влияние должно сказаться.

— Не забывай, что разряд произошел всего несколько месяцев назад.

«О чем они?» — думал Жора, с отвращением поглядывая на глубокие трещины.

— Аркадий Михайлович,— спросил он после того как Озеров и Батсур замолчали,— что вы называете Гремящей расщелиной?

— Вон то глубокое ущелье, которое подходит к центральному конусу. Мы его хорошо рассмотрели с самолета. Из этой расщелины можно проникнуть в жерло центрального вулкана. Это единственное жерло, в котором нет лавовой пробки. И над ним мы наблюдали повышение радиоактивности.

— А не попробовать ли пробраться к вулкану по самой расщелине? — неуверенно предложил Жора. — Ведь она, наверно, доходит до края плато...

— Это мысль, — заметил Батсур, — если, конечно, дно расщелины доступно и если мы не заблудимся в лабиринте трещин. Со дна ничего не будет видно.

— Надо попробовать, — сказал Озеров. — Теперь мы окончательно убедились, что по поверхности плато пути к центральному вулкану нет. А тем не менее лама, который принес в подземный лабиринт осколок плиты, по-видимому, ухитрился побывать в центральном жерле. Попробуем поступить, как советует Жора.

Только к вечеру следующего дня удалось найти в обрывах плато вход в Гремящую расщелину. Он ничем не отличался от устьев иных расщелин, сотнями уходящих в глубь плато. Дно Гремящей расщелины было завалено огромными глыбами базальта. По ним и пришлось пробираться, рискуя на каждом шагу сломать ногу.

Еще несколько дней было затрачено на то, чтобы в запутанном лабиринте трещин отыскать ту главную расщелину, которая вела к каналу центрального вулкана. Местами ширина расщелины составляла немногим более метра. Черные стены уходили вертикально вверх, и лишь узкая полоса голубого неба, где-то на недосягаемой высоте, напоминала об огромном мире, оставшемся за пределами этого тесного каменного лабиринта.

Пробираясь по дну трещины, Жора старался не думать о том, что произойдет в случае землетрясения. Эти трещины могут так же легко закрыться, как когда-то открылись. Тогда в доли секунды исследователи будут раздавлены и затем превратятся в окаменелости, заключенные в многосотметровой толще базальтов.

Но вот, наконец, задрожали стрелки радиометров. Очевидно, центральный канал вулкана был близок. Жора крикнул об этом Озерову и Батсуру, которые ушли вперед. Эхо подхватило возглас и начало перекликаться, то удаляясь, то снова приближаясь. Казалось, сам воздух в лабиринте трещин угрожающе загудел и завыл.

— Истина — не в громком крике, — пошутил без улыбки Батсур. — Ты разбудишь всех духов Гремящей расщелины.

Показания приборов с каждым шагом возрастали. Жора

ждал, что вот сейчас откроется жерло вулкана, но вместо этого расщелина еще раз разветвилась.

— Куда пойдем? — спросил Батсур.

— Давайте разделимся, — предложил Озеров. — Вы с Жорой идете направо, а я налево. Кто попадет в тупик, вернется к разветвлению, а кто доберется до жерла, останется ждать возле него. Жерло должно быть близко.

Так и сделали. Жора и Батсур углубились в правую ветвь расщелины. Осторожно переступая с глыбы на глыбу, они прошли несколько сот метров. Стрелки приборов колебались все сильнее. Вдруг расщелина резко расширилась — и Жора ахнул. У их ног раскрылась темная бездна кратера. Она вертикально уходила куда-то вниз. Там, внизу, царила непроглядная тьма.

Жора лег на край расщелины и заглянул в кратер. Ничего не видно. Жора взял камень и хотел бросить вниз, но Батсур предостерегающе поднял руку.

— Мы не знаем, что там, под нами, — серьезно сказал он.

— Будем ждать Аркадия Михайловича?

Батсур кивнул.

— Смотрите, до чего гладки стены кратера, — заметил после небольшого молчания Жора. — Словно их специально полировали.

— Не кажется тебе, что они похожи на стены залов и коридоров того подземелья в Атас-Ула? — спросил Батсур.

— Чисто внешнее сходство, — пренебрежительно махнул рукой Жора.

— Это еще вопрос, — усмехнулся Батсур.

— Почему вы не хотите со мной говорить серьезно? — обиделся Жора. — Каждому дураку ясно, что там все сделано человеческими руками, а здесь...

— А вот мне, например, далеко не ясно, человеческие ли руки создали подземелье Атас-Ула, — задумчиво сказал Батсур. — И здесь, богатырь, тоже все не так просто, как кажется... Этот кратер больше похож на огромную шахту. Завтра принесем веревки, попробуем спуститься и тогда решим.

— Мы будем спускаться туда? — спросил Жора, искоса поглядывая в темную бездну.

— Когда шакала спросили, будет ли он есть курицу, его смех разобрал. Для этого же мы сюда и добирались. Впрочем, ты можешь не спускаться, если не захочешь.

— Я как все, — мрачно сказал Жора.

Они долго сидели на краю кратера и ждали. Озерова все не было.

— Странно, — сказал, наконец, Батсур. — Аркадию пора быть здесь. Едва ли та ветвь расщелины длиннее нашей.

— А может, он тоже добрался до кратера и ждет нас, — предположил Жора.

— Придержи меня за ноги, — попросил Батсур.

Он свесился в жерло и долго оглядывал темные стены.

— В верхней части кратера больше трещин не видно, — объявил он наконец, осторожно отползая от обрыва. — Странная труба. Она совершенно круглая и напоминает канал ствола исполинской пушки. Конечно, Аркадий прав... Однако придется узнать, где он. Пошли, богатырь.

Они вернулись к разветвлению расщелины. Озерова и здесь не было.

— Очень странно, — пробормотал Батсур, и Жора понял, что его товарищ встревожен не на шутку.

Батсур написал коротенькую записку, положил на камень и придавил камнем поменьше.

— Увидит, если разойдемся, — сказал он. — Поехали дальше...

Они направились в левую расщелину. Эта расщелина оказалась настолько узкой, что местами трудно было протиснуться. В ней было почти темно. Батсур включил фонарь и медленно пробирался вперед. Жора, тяжело дыша, лез за ним. Рюкзак пришлось снять и волочить сзади. С рюкзаком за плечами Жора уже давно застрял бы в этой каменной ловушке.

Но вот проход снова стал шире. Жора выпрямился, глянул вверх и... ничего не увидел. Вокруг была тьма. Только свет фонаря освещал узкий извилистый проход, полого уходящий вниз.

— Батсур, мы под землей!..

— Ты не ошибся. Теперь гляди в оба, чтобы не было разветвлений. Держись за левую стену, а я буду держаться за правую. Мы не имеем права заблудиться...

Они прошли еще несколько десятков шагов. Проход все круче уходил вниз.

— Это похоже на коридор, Батсур. Здесь ступени...

— Посмотрим потом. Надо скорее отыскать Аркадия.

Теперь они быстро спускались по широкому наклонному тоннелю. Черные стены были гладко отполированы. Пол понижался правильными ступенями. Тоннель постепенно поворачивал, очерчивая плавную дугу.

— Разветвление, Батсур.

Они остановились. От главного тоннеля влево отходил еще один, поменьше.

— Оставайся здесь, Жора. Я осмотрю боковой тоннель.

— Но...

— Ни слова. Оставайся и жди меня.

Батсур исчез. Жора сжал зубы и ждал. Время приостановилось. Жоре показалось, что прошел целый час, но Батсур уверял потом, что он отсутствовал не более десяти минут.

Батсур возвратился мрачным.

— Там множество разветвлений. Это целый лабиринт. Плохо, если Аркадий повернул туда...

— Куда теперь?

— Попробуем пройти дальше главным тоннелем.

Они снова двинулись вперед. Тоннель уводил их все глубже.

— Мы спустились уже очень глубоко, Батсур.

— Ничего. До центра Земли еще далеко...

— Опять разветвление, Батсур.

Молодой монгол выругался сквозь зубы.

— Теперь я осмотрю боковой проход. Разреши мне, а ты подожди здесь.

Батсур колебался.

— Я только до первого разветвления...

— Ну хорошо, иди... Будь внимателен.

Жора возвратился через несколько минут. Он прерывисто дышал. Глаза его округлились.

— Там, там...

— Что там?

— Там нет прохода. Он завален... Но там...

— Что?

— Скелет... человека.

Батсур оставил включенный фонарь у разветвления тоннелей и направился вслед за Жорой. Пройдя несколько десятков метров, они уперлись в завал. Из-под камней были видны кости и череп.

Батсур внимательно разглядывал кости.

— Это скелет юноши. Почти ребенка... Может быть, это Цамбын — внук умершего старика-сторожа...

— Его завалило?

— Кто знает? Обвал свежий. Может быть, он произошел позже.. Посмотри-ка, что показывает радиометр?

— О! Он зашкален. Стрелка отклонилась за максимальный отсчет.

— Плохо. Совсем плохо. В этих подземельях человеку нельзя долго оставаться. Вот они — злые духи базальтового плато,— Батсур указал на стрелку прибора.— Мы должны как можно скорее разыскать Аркадия. Он более неосторожен, чем я думал.

Они спускались главным тоннелем еще около часа, в боковые ответвления больше не заглядывали; только отмечали свой маршрут стрелками, которые Жора рисовал мелом на стенах тоннеля. Много раз Батсур принимался звать Озерова. Жора пронзительно свистел. Но им отвечало только далекое эхо.

— Ему надо задать хорошую взбучку,— взволнованно твердил Батсур.— Разве можно было одному уходить так далеко! Он должен был дождаться нас.

— Зря мы сидели возле кратера,— заметил Жора. Батсур не ответил. Тоннель, очерчивая дугу, по-прежнему вел вниз.

Батсур вдруг остановился и ударил себя по лбу.

— Так ведь это же спираль! — вскричал он.— Тоннель по спирали окружает центральный кратер. Спускаясь по нему, мы уже несколько раз обошли жерло. Это искусственный ход в недра вулкана... Молодец Аркадий...

— Ветер,— прошептал Жора.

— Разумеется... Здесь везде превосходная вентиляция. О, это были талантливые инженеры.

— Кто?

— Те, кто построил все это...

— Но кто они?..

Тоннель вдруг повернул под прямым углом, и стены его ушли в стороны. Жора и Батсур очутились в огромном зале. Лучи фонарей сразу же потерялись в безграничном мраке.

— Что это? — воскликнул Жора.

Батсур не отвечал. Он пристально вглядывался во тьму.

— Погаси фонарь,— вдруг сказал он Жоре.

Их окружила тьма. Нет, это была не тьма. Постепенно его глаза привыкли к темноте, и он увидел вереницы огромных пластин, мерцающих бледным, зеленовато-фиолетовым светом. Ряды пластин тянулись куда-то вдаль.

— Вот оно — сердце Гремящей расщелины, — прошептал Батсур. — Ты гений, Аркадий...

— Что же это такое? — повторил Жора.

— Это наследство людям Земли, — ответил Батсур. — Аркад-и-й! — закричал он, сложив руки рупором.

Подземелья ожили. Отраженный тысячами огромных пластин зов Батсура полетел по бесконечным залам:

— Аркадий! Аркадий! Аркадий!..

Жоре стало страшно. Подземелья словно обрадовались, услыхав человеческий голос, и теперь повторяли его на разные лады:

— Аркадий! Аркадий!.. дий!

Наконец эхо стихло. Батсур и Жора включили фонари и долго прислушивались. Ответа не было.

— Может, он не дошел сюда? — шепотом спросил Жора.

— Он не мог не дойти... Еще до поездки к Атас-Ула он предположил, что здесь должно существовать нечто подобное... Оставайся тут и не гаси фонаря. Я пойду искать его. Если через час не приду, возвращайся в лагерь, но фонарь оставь здесь. Иди назад со свечой. Пусть фонарь будет маяком. Отдохнув, возвращайся сюда с Жамбалом. Захватите носилки... В глубь зала не ходите, ни в коем случае. К пластинам опасно приближаться. Если меня и Аркадия не будет, поезжайте вездеходом в Улан-Батор. Там расскажете, что видели. А сейчас ни слова... В этих залах нельзя находиться более полутора-двух часов подряд. Ни слова, Жора... Обещай, что сделаешь так, как я сказал. Дай руку!..

Батсур крепко обнял Жору и шагнул во тьму. Луч его фонаря все удалялся и удалялся и наконец превратился в тонкую блестящую иглу. Уже издали до Жоры долетел зов:

— Аркадий! Аркадий!..

Эхо подхватило его и снова понесло по залам.

Жора присел на каменный пол и ждал. Стрелки часов двигались медленно. До назначенного срока было еще далеко.

Иногда даже хорошо немного побыть одному. По крайней мере, никто не увидит, что ты плачешь.

* * *

Тумов медленно шел по опустевшему бульвару в Сокольниках. Темнели ветви голых деревьев. Поблескивал мокрый асфальт. Ветер швырял в лицо мелкие брызги дождя. Вот и знакомый дом с большой стеклянной дверью. Отсюда полгода назад они начали путешествие.

Тумов тяжело вздохнул.

«Что сказать сестрам Аркадия? Что о нем думает Люда?»

У него в боковом кармане лежала телеграмма Очира, полученная две недели назад. Две недели Игорь носил ее с собой. Каждое утро он обещал себе, что вечером поедет в Сокольники, и каждый вечер малодушно искал повода, чтобы не ехать. Он уверял себя, что ждет второй телеграммы. Но в глубине души был убежден, что эта вторая телеграмма сообщит о непоправимом.

Уже две недели он боится брать телефонную трубку, забросил дела и работу и ждет... Чего?

Сегодня утром ему передали записку Людмилы. Она настоятельно просила приехать. Больше откладывать визит было нельзя.

Взявшись за ручку входной двери, он еще не был уверен, что позвонит в квартиру. Позвонив, не знал, скажет ли им о телеграмме из Улан-Батора или малодушно промолчит.

Дверь открыла Людмила. Она серьезно поздоровалась с ним и сказала:

— Проходите, пожалуйста. Раздевайтесь...

«Может, они уже знают что-нибудь?» — думал Игорь, медленно снимая одну галошу, затем другую, разматывая шарф, потихоньку принимаясь стягивать пальто.

— Да проходите, в конце концов! — послышался из комнаты резкий голос Ирины Михайловны — старшей сестры Аркадия. — Что вы там копаетесь!

— Идите скорее! — тихо сказала за его спиной Людмила. — Мы очень тревожимся.

«Не знают», — подумал Тумов и пощупал, на месте ли телеграмма.

Он прошел в комнату.

Ирина сидела на диване возле настольной лампы с зеленым абажуром. Ее узкое длинное лицо было очень бледно и в

свете лампы казалось зеленоватым. Резкие морщины темнели вокруг рта. Тонкие губы были плотно сжаты. Она молча протянула Тумову узкую холодную руку и указала ему место напротив себя.

Игорь поспешно сел в глубокое кресло, довольный, что его лицо остается в тени. Людмила, закутавшись в большой пуховый платок, устроилась с ногами в уголке дивана, взяла на руки кошку; тихо поглаживала ее.

Воцарилось напряженное молчание.

— Ну? — спросила Ирина и закашлялась.

— Что? — растерялся Тумов.

— Сестра последнее время болеет, — торопливо пояснила Людмила и вздохнула.

— Не об этом речь, — резко сказала Ирина. — Где Аркадий?

— Я н-не знаю, — неуверенно протянул Тумов, и ему показалось, что телеграмма жжет его грудь.

— То есть как это не знаете, Игорь Николаевич? — высоким звенящим голосом спросила Ирина. — Вы втравили его в эту поездку бог знает куда и черт знает зачем. Сами вернулись чуть не три месяца назад. От него никаких известий. Вы не показываете глаз, не считаете нужным хотя бы по телефону ясно сказать, где он и что с ним. Простите меня, но порядочные люди так не поступают. И он еще называл вас своим другом.

— Ирина, успокойся, — тихо сказала Люда. — Извините ее, Игорь Николаевич. Мы очень беспокоимся об Аркадии. Больше трех месяцев от него нет ни строчки. Вы давно возвратились и тоже молчите.

— Я все собирался, каждый день, — бормотал Тумов, не зная, куда девать глаза. — Куча дел, отчеты... Пришлось сразу ехать в командировку... Вы простите, пожалуйста, я, конечно, очень виноват, но...

— Когда вы видели его последний раз? — спросила Ирина, испытующе глядя на Тумова.

— Ровно три месяца назад, двадцать восьмого августа.

— Почему он не послал с вами письма?

— Мы разъехались в разных направлениях. Не известно было, кто первый доберется до обжитых мест.

— Почему вы разделились?

— Он хотел провести дополнительные исследования немного южнее.

— А вы?

— Я возвращался с караваном на север.

— Значит, вы бросили его!

— Не совсем так... — начал было Тумов, но осекся и умолк.

Ирина прищурилась:

— Или вы... Не хочу произносить этого гадкого слова... Или вы что-то скрываете от нас. Потрудитесь объяснить, Игорь Николаевич!

— Пожалуйста, — прибавила Люда. — Все лучше такой неизвестности.

— Да поймите, я сам ничего не знаю! — почти закричал Тумов. — Ничего!.. Ну, задержался где-то. Ведь это же Гоби... Думаю, что скоро приедет... — он чуть не подавился последними словами. — Тоже жду со дня на день...

— Нет, вы что-то скрываете от нас, — твердо заявила Ирина. — Что вы все время теребите карман? Что у вас в кармане? Покажите!

— Н-ничего! — холодея, протянул Тумов. — Только т-телеграмма из Улан-Б-батора... Вот, п-пожалуйста...

Ирина выхватила у него смятую телеграмму, быстро пробежала ее и закрыла лицо руками. Людмила подняла дрожащими пальцами упавший листок. Медленно, отчетливо прочитала вслух:

— На ваш запрос сообщаю зпт отряд Озерова не вернулся Гоби тчк поиски не дали никаких... — плечи затряслись. — Продолжаем... Сообщу... — она упала лицом в диванные подушки и громко зарыдала.

Тумов окончательно растерялся. Он тяжело встал с кресла, зацепил книги, лежащие на краю стола. Книги с грохотом посыпались на пол. Нагнулся, чтобы поднять книги, махнул рукой, не поднял и присел на диван между сестрами.

— Да поймите же, не все потеряно, — бормотал он. — Найдут... Приедет... возвратится...

— Уже возвратился! — послышался от дверей знакомый голос. — Что тут у вас происходит?

* * *

Тумов впоследствии никогда не мог восстановить в памяти последовательности событий, разыгравшихся в тот вечер. Ирина вскочила, опрокинув лампу. Жалобно звякнул зеленый

абажур. В комнате воцарился мрак. В темноте слышался прерывающийся голос Ирины, громкий плач Люды, взволнованные восклицания Аркадия, поцелуи. Под ногами трещали осколки абажура. Игорь хотел обнять Аркадия и обнял Люду. И она поцеловала его в губы. Конечно, это была ошибка... Поцелуй предназначался брату... Обиженно мяукнула кошка, которой кто-то наступил на хвост. Все что-то спрашивали, и никто не слушал ответов. Потом зажглась люстра. Вероятно, сама, потому что никто ее не включал.

Ирина обнимала похудевшего, бронзоволицего Аркадия, а Люда плакала и смеялась, прижимая залитое слезами лицо к широкому плечу Тумова.

Аркадия усадили на диван. Сестры сели по бокам, крепко держа его за руки, словно боялись, что он снова исчезнет. Впрочем, Ирина сразу же хотела вскочить и бежать в кухню, но Аркадий не пустил ее. Тумов, давя широкими подошвами остатки абажура, устроился в кресле напротив дивана.

— Ну, рассказывай, — сказала Люда.

— Только коротко, — прибавила Ирина, — а то мне надо готовить ужин.

— В самом коротком варианте это выглядит так, — усмехнулся Озеров. — Три месяца колесили по Гоби, вчера возвратились в Улан-Батор. Я сел в самолет и час назад приземлился во Внукове.

— Почему не телеграфировал?

— Я сам летел со скоростью телеграммы. Еще вчера утром мы были в Гоби, у подножия нашего плато.

— Вы вернулись к нему? — удивился Тумов.

— Конечно. И ты еще вернешься к нему, Игорь. Оказывается, нас искали по всей Заалтайской Гоби, а мы спокойно лазали по плато. У нас отказало радио...

— Ну вот, видите, — сказал Тумов. — Я же говорил...

— Этого вы не говорили, — прервала Люда, закрывая ему рот рукой. — Но теперь это совсем неважно.

— Еще бы ему не говорить! — заметил Озеров. — Кто подсунул нам вместо запасных батарей свиную тушенку?

— Не может быть, — изумился Тумов. — О-о! Теперь понимаю, откуда у меня оказались эти батареи... Ах, старая панама!.. Что мне с собой делать?.. Но в остальном обошлось без особых приключений?

— Более или менее...

— А скажи откровенно, Аркадий, — помолчав, спросил Тумов, — стоило там оставаться? Нашли вы что-нибудь... новое?

— Новое? — повторил Озеров. — Нет, ничего нового не нашли. Все очень старо.

— Надо сразу было меня слушать, — удовлетворенно сказал Тумов. — Раз признался, обрадую тебя... Ты оказался прав. Помнишь блестящий минерал, который я назвал алмазом? Это не алмаз. Это совершенно неизвестный минерал огромной твердости и прочности. Удивительное соединение бора, кремния и углерода. Он гораздо тверже алмаза и обладает поразительной способностью концентрировать различные виды энергии. Минералоги считают, что это осколок метеорита нового типа.

— Это не метеорит, — сказал Озеров.

— А что?

— Искусственное вещество.

— Фантазия, — протянул Тумов. — Зеленая фантазия! Ни в одной из лабораторий пока еще не создано условий, необходимых для синтеза такого соединения. Его синтез лежит далеко за пределами возможностей нашей науки.

— А я не сказал, что это вещество создано человеческими руками, — возразил Озеров. — Оно было синтезировано десятки тысяч лет назад разумными существами, наука которых уже тогда намного опередила нашу современную науку...

— Подожди, — перебил Тумов. — У вас там не было аварии вездехода? Ты не того?.. — он покрутил указательным пальцем около виска.

Аркадий молча достал из кармана небольшой сверток, развернул. Ярко заискрились в электрическом свете блестящие грани какого-то плоского предмета. Это была небольшая пластинка того же самого вещества, обломок которого нашел Жора возле лагеря. Но эта пластинка была тонко инкрустирована другим, еще более блестящим веществом. Узор представлял собой сложные пересекающиеся спирали. Достаточно было одного взгляда, чтобы сказать, что это обломок какого-то предмета, созданного разумными существами.

— Что же это, осколок межпланетного корабля? — шепотом спросил пораженный Тумов, осторожно касаясь пальцами блестящих граней.

— Нет, это осколок одной из пластин гигантского конденсатора, аккумулирующего энергию земных недр. Вулканиче-

ское плато Адж-Богдо — это действительно огромный конденсатор, но не солнечной энергии, как ты считал, а ядерной энергии земных недр. Оно полое внутри. Там в колоссальных подземных залах стоят бесконечные ряды таких пластин. Специальные стержни соединяют эти пластины друг с другом и с центральным вулканическим каналом. Источником энергии, по-видимому, является магматический очаг древнего вулкана, расположенный на глубине нескольких километров под плато. Как они добрались до очага, пока непонятно. Вообще во всей этой установке очень много непонятного. Потребуются десятки лет для ее изучения. Ясно одно — это самый крупный искусственный энергетический агрегат нашей планеты, оставленный нам в наследство неизвестными пришельцами из Космоса. Можно думать, что они появились в Гоби от двадцати до пятидесяти тысяч лет назад, когда в Европе и Северной Америке лежал многосотметровый ледниковый покров.

В небольшой котловине у подножия Атас-Ула мы нашли полузанесенные песком остатки космопорта пришельцев. На площадке космопорта сохранились огромные конические воронки, расположенные правильными шестиугольниками. Осадочные породы внутри воронок и вблизи них несут следы обжига и остеклования. Вероятно, эти воронки выжжены струями раскаленного газа, вырывавшимися из стартовых дюз космических лайнеров. Нашли мы и специальные подземные убежища, из которых можно было безопасно наблюдать за действием энергетического агрегата, когда он выстреливал запас накопленной энергии в космос. Между прочим, одно из таких убежищ находилось в плато, к которому примыкают развалины ламаистского монастыря. Разрядка агрегата происходит раз в пять лет, в один из дней июня. В этом году энергетическим разрядом был уничтожен американский спутник, а десять лет назад, спустя несколько часов после разряда, вблизи канала, еще источавшего последние порции энергии, пролетел самолет Исарова...

Ламы, жившие в монастыре, знали об этих разрядах. Они называли их пляской громовых духов. А расщелину, ведущую к центральному каналу, окрестили Гремящей расщелиной. Так родилась одна из легенд Гоби.

Люди несколько раз проникали в Гремящую расщелину. Лет триста назад один лама принес оттуда осколок пластины конденсатора. Мы нашли этот осколок на алтаре подземного

храма в Атас-Ула. Рядом была старая надпись, повествующая о подвиге ламы. Надпись удалось прочитать Батсуру. Близко к Гремящей расщелине подходил и последний сторож монастыря. Он искал пропавшего внука и попал в зону излучения. Вскрытие показало, что он умер от лучевой болезни.

— И вы, вы тоже спускались в эту страшную расщелину? — дрогнувшим голосом спросила Люда.

— Да. Мы заметили ее еще с самолета. Она достигает кратера самого крупного вулкана плато. С вершины конуса спуститься в кратер нельзя. Мы проникли туда по дну Гремящей расщелины, которая представляет собой трещину на южном склоне конуса. Мы своими глазами видели бесконечные ряды блестящих конденсаторов, протянувшиеся на километры. Часть пластин поломана во время землетрясений, но все они блестят так, словно вчера изготовлены, хотя им, должно быть, не менее двадцати тысяч лет.

— А излучение? — вскричал Тумов. — Вы побывали в поле действия конденсаторов?..

— Сейчас они почти разряжены. Выброс энергии произошел всего несколько месяцев назад. Излучение пока находится в пределах, допустимых для человеческого организма. Впрочем, если бы не Батсур, со мной могло быть плохо. Я шел без прибора и немного злоупотребил пребыванием в подземельях. Батсур вовремя вытащил меня оттуда... А теперь держись, Игорь! Наши приборы зафиксировали нейтронный поток, идущий из недр Земли вдоль канала. Интенсивность потока резко увеличивается с глубиной. Нейтронный поток, поступающий из очага вулкана! Может ли быть лучшее доказательство ядерных реакций в земных недрах? И это не домыслы. Это показания приборов... Через месяц или два пребывание вблизи канала и конденсаторов станет опасным, а через полгода невозможным. А через четыре с половиной года жерло Гремящей расщелины снова выстрелит в Космос свой чудовищный заряд энергии. К тому времени мы опоясем ее сетью обсерваторий и наблюдательных станций, определим силу и характер энергетического выброса. Когда излучение прекратится, мы снова спустимся в глубины Гремящей расщелины и попробуем переключить ее энергию для земных целей. Подумайте, друзья мои, какие неисчерпаемые запасы энергии таятся в недрах Земли. Какие безграничные возможности открываются для энергетиков будущего! Ведь магматический

очаг лавового плато Адж-Богдо — это ничтожная крупица того, что заключено в недрах нашей планеты...

Тумов вдруг расхохотался.

Все удивленно взглянули на него. Ирина с возмущением пожала плечами. А Тумов хохотал все громче. Его массивная фигура сотрясалась от смеха, и он тер глаза огромными кулаками.

— Что с вами, Игорь Николаевич? — тревожно спросила Люда.

— Простите меня... Я вспомнил... Что за осел!.. Подумай, Аркадий... Наш общий друг, мистер Пигастер, возвратившись домой, немедленно опубликовал под своим именем мои соображения о концентрации солнечной энергии базальтовым плато. Не догадался, у кого надо было красть... Ну, так ему, шельмецу, и надо.

— Как,— удивился Озеров,— опубликовал, и без всяких ссылок на тебя?

— Без всяких. Недаром он поражался, как это мы рассказываем о своих идеях, прежде чем зарегистрировали их в бюро авторских прав. Зная русский язык, он понимал все наши разговоры и в деталях познакомился с моей идеей.

— И так твердо стал на твою точку зрения, что решил популяризировать ее от своего имени.

— Так ему и надо! Он теперь вырвет остатки волос, когда узнает о ваших открытиях. Уступаю ему приоритет с «конденсатором солнечной энергии». А хорошо, что я ничего не успел напечатать. Оказывается, медлительность иногда полезна... Значит, энергетическая станция в вулкане!..— продолжал Тумов после короткого молчания.— Поразительно! Трудно переоценить такое открытие... Трудно... А как по-твоему, Аркадий, зачем понадобилось неизвестным пришельцам из Космоса создавать на Земле энергетическую станцию? Как они использовали эту энергию?

— Этого мы не знаем,— сказал Озеров.— Назначение установки пока остается загадочным. Мы должны его выяснить. Может быть, это своеобразный маяк в Космосе. Может быть, энергетический разряд создает канал направленного излучения, по которому с нашей планеты передается запись об условиях, царящих на поверхности Земли или в ее недрах. Спустя некоторое время эту запись принимают и расшифровывают разумные существа иной солнечной системы. Может

быть, это приспособление служит или прежде служило для каких-то целей, о которых мы просто не имеем понятия. Будущее покажет...

— Если я правильно поняла,— сказала Ирина,— вы с Батсуром совершили несколько крупных открытий. Я даже не знаю, что важнее: находка ли энергетической установки или доказательство ядерных реакций в глубинах Земли, или, наконец, наличие разумных существ за пределами нашей планеты.

— Пока сделан лишь первый шаг на бесконечно долгом и трудном пути,— ответил Озеров.— Самое сложное — впереди. А первый шаг был сделан всеми нами — всей экспедицией, когда мы колесили вокруг Адж-Богдо и лазали по базальтовым обрывам. Мы с Батсуром лишь подвели итоги первого этапа. Теперь начинается второй этап. Ты готов к нему, Игорь?

— Буду готов через несколько часов,— мрачно сказал Тумов.— Только съезжу домой и сожгу свою неоконченную диссертацию.

СОДЕРЖАНИЕ

ПИР ВАЛТАСАРА 5

ТАЙНА АТОЛЛА МУАИ 479

ОХОТНИКИ ЗА ДИНОЗАВРАМИ 539

ПЛЕННИК КРАТЕРА АРЗАХЕЛЬ 593

ТАЙНА ГРЕМЯЩЕЙ РАСЩЕЛИНЫ 639

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Шалимов Александр Иванович

Охотники за динозаврами

Сборник

Ответственный редактор Е.Г. Кривцова
Выпускающий редактор С.Н. Абовская
Художественный редактор О.Н. Адаскина
Компьютерный дизайн: А.С. Сергеев
Технический редактор Л.Л. Подъячева
Корректоры Е.В. Артемьева, М.Ю. Богданова, З.О. Черномордик

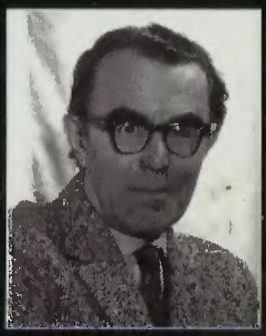
Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.11.953.П.002870.10.01 от 25.10.2001 г.

ООО «Издательство АСТ»
368560, Республика Дагестан, Каякентский район,
с. Новокаякент, ул. Новая, д. 20
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

Издательство «Terra Fantastica» издательского дома
«Корвус». Лицензия ЛР № 066477. 190121,
Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 1/44 «Б».
Электронные адреса:
WWW.TF.RU, E-mail: TERRAFAN@TF.RU

Отпечатано с готовых диапозитивов
во ФГУП ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14



«Тайна атолла Муаи», «Тайна Гремящей расщелины», «Тайна Тускарроры»... похоже, слово «тайна» вообще было любимым для Александра Шалимова (1917–1991) — геолога и географа, ученого — и, в первую очередь, известного российского писателя-фантаста. Писателя, подарившего нам «Пир Валтасара», «Охотников за динозаврами», «Тихоокеанский кратер» — и еще многие и многие произведения, ПРОНИКНУТЫЕ романтикой приключений. Книги, полные увлекательных загадок, решать которые предстоит читателю!